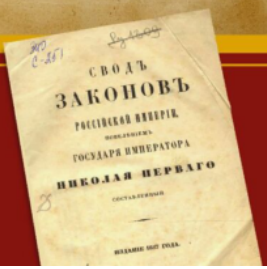
ПАВЕЛ КРАШЕНИННИКОВ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

КАК РАЗВИВАЛАСЬ НАША СТРАНА С IX ДО XX ВЕКА



КОМПЛЕКТ ИЗ ТРЕХ КНИГ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

10-вековая история российской юриспруденции и государственности – в одном комплекте.

Самое полное и детальное исследование развития российского общества: от первобытного уклада до формирования могущественной империи.

Комплект «Государство и право» приглашает вас отправиться в путешествие по многогранному миру российской истории и задуматься о том, какие уроки мы можем извлечь из прошлого для построения более светлого будущего.

Внутри вы найдете книги «От племени к империи», «Время великих реформ» и «Сумерки империи». Они стали уникальным вкладом в понимание исторической эволюции общества и права, формировавших Россию с глубокой древности до современности.

Всем книгам присуще не только историческое, но и философское осмысление – читатель узнает, как на каждую эпоху влияли моральные ценности и дух времени.

Читайте и открывайте новые горизонты понимания сложного и интересного процесса, в котором мы все, так или иначе, принимаем участие.

- Павел Крашенинников
  - Павел Крашенинников
    -
    -
    - Введение
    - Пролог
    - Глава 1
      - 1
      - 2
      - 3
      - 4
      - 5
    - Глава 2
      - 1
      - 2
      - 3
      - 4
      - 5
      - 6
    - Глава 3
      - 1

- 2
- 3
- 4
- Глава 4
  - 1
  - 2
  - 3
- Глава 5
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
- Глава 6
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
- Эпилог
- Иллюстрации
-
- Павел Крашенинников
  -
  -
  - Введение
  - Пролог
  - Глава 1
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
  - Глава 2
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6

- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16

- Глава 3
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
- Эпилог
- Иллюстрации
-

○ Павел Крашенинников
-
-
- Пролог
- 8 марта 1881 года
- Часть I. Эпоха Александра III (1881–1894). Ренессанс самодержавия
  - Глава 1. Великий князь, цесаревич Александр Александрович Романов
  - Глава 2. Восшествие на престол Александра III
  - Глава 3. Подавление крамолы
    - 1. Разгром «Народной воли»
    - 2. Усиление репрессий
    - 3. Усиление цензуры
  - Глава 4. Корректировка реформ
    - 1. Университетская реформа
    - 2. Подчинение земств дворянству
    - 3. Пересмотр судебной реформы

- Глава 5. Экономические успехи
  - 1. Общие замечания
  - 2. Сельское хозяйство. Адаптация крестьянской реформы
  - 3. Промышленность. Фабричное (трудовое) законодательство
- Глава 6. Внешняя политика и строительство армии
- Глава 7. Кончина Александра Александровича Романова
- Глава 8. Константин Петрович Победоносцев
  - 1. Общие замечания
  - 2. Детство, юность, зрелость
  - 3. Государева служба
  - 4. Обер-прокурор Святейшего синода
  - 5. Победоносцевский проект России
  - 6. Историческое значение Победоносцева
- Часть II. Эпоха Николая II (1894–1917). Гибель самодержавия
  - Глава 9. Николай Александрович Романов. Силы и обстоятельства, влиявшие на императора
    - 1. Великий князь, цесаревич Николай Александрович Романов
    - 2. Восшествие на престол
    - 3. Ходынская катастрофа
    - 4. Между аристократией и бюрократией
    - 5. Привходящие обстоятельства
  - Глава 10. Реформа государственного управления империей
    - 1. Истоки Николаевских реформ
    - 2. Манифест 17 октября 1905 года
    - 3. Изменения Основных государственных законов
    - 4. Иллюзии самодержца и реализм бюрократии
    - 5. Совет министров
    - 6. Государственная дума
    - 7. Государственный совет
    - 8. Сенат
  - Глава 11. Социально-политические

реформы Николая II
- 1. Провозглашение прав и свобод граждан
- 2. Реанимация судебной реформы и разработка кодифицированных актов
- 3. Фабричное (трудовое) законодательство
- 4. Аграрная политика. Реформы Николая II и Столыпина

- Глава 12. Влияние войны на внутриполитическую ситуацию в империи
  - 1. Накануне войны
  - 2. Царь и общество на фоне войны. От любви до ненависти
- Глава 13. Февральская революция 1917 года
  - 1. Действующие лица и исполнители
  - 2. Пять дней революции
  - 3. Отречение от престола Николая Александровича Романова
  - 4. Падение монархии
- Глава 14. Великие правоведы
  - 1. Несостоявшийся триумф
  - 2. Сергей Андреевич Муромцев
  - 3. Габриэль Феликсович Шершеневич
  - 4. Лев Иосифович Петражицкий
  - 5. Павел Иванович Новгородцев

- Эпилог
- Иллюстрации

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58

- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102

- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146

- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190

- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234

- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278

- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322

- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366

- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410

- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454

- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498

- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542

- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586

- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630

- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674

- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718

- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762

- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765
- ○ 766
- ○ 767
- ○ 768
- ○ 769
- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773
- ○ 774
- ○ 775
- ○ 776
- ○ 777
- ○ 778
- ○ 779
- ○ 780
- ○ 781
- ○ 782
- ○ 783
- ○ 784
- ○ 785
- ○ 786
- ○ 787
- ○ 788
- ○ 789
- ○ 790
- ○ 791
- ○ 792
- ○ 793
- ○ 794
- ○ 795
- ○ 796
- ○ 797
- ○ 798
- ○ 799
- ○ 800
- ○ 801
- ○ 802
- ○ 803
- ○ 804
- ○ 805
- ○ 806

- ○ 807
- ○ 808
- ○ 809
- ○ 810
- ○ 811
- ○ 812
- ○ 813
- ○ 814
- ○ 815
- ○ 816
- ○ 817
- ○ 818
- ○ 819
- ○ 820
- ○ 821
- ○ 822
- ○ 823
- ○ 824
- ○ 825
- ○ 826
- ○ 827
- ○ 828
- ○ 829
- ○ 830
- ○ 831
- ○ 832
- ○ 833
- ○ 834
- ○ 835
- ○ 836
- ○ 837
- ○ 838
- ○ 839
- ○ 840
- ○ 841
- ○ 842
- ○ 843
- ○ 844
- ○ 845
- ○ 846
- ○ 847
- ○ 848
- ○ 849
- ○ 850

- ○ 851
- ○ 852
- ○ 853
- ○ 854
- ○ 855
- ○ 856
- ○ 857
- ○ 858
- ○ 859
- ○ 860
- ○ 861
- ○ 862
- ○ 863
- ○ 864
- ○ 865
- ○ 866
- ○ 867
- ○ 868
- ○ 869
- ○ 870
- ○ 871
- ○ 872
- ○ 873
- ○ 874
- ○ 875
- ○ 876
- ○ 877
- ○ 878
- ○ 879
- ○ 880
- ○ 881
- ○ 882
- ○ 883
- ○ 884
- ○ 885
- ○ 886
- ○ 887
- ○ 888
- ○ 889
- ○ 890
- ○ 891
- ○ 892
- ○ 893
- ○ 894

- ○ 895
- ○ 896
- ○ 897
- ○ 898
- ○ 899
- ○ 900
- ○ 901
- ○ 902
- ○ 903
- ○ 904
- ○ 905
- ○ 906
- ○ 907
- ○ 908
- ○ 909
- ○ 910
- ○ 911
- ○ 912
- ○ 913
- ○ 914
- ○ 915
- ○ 916
- ○ 917
- ○ 918
- ○ 919
- ○ 920
- ○ 921
- ○ 922
- ○ 923
- ○ 924
- ○ 925
- ○ 926
- ○ 927
- ○ 928
- ○ 929
- ○ 930
- ○ 931
- ○ 932
- ○ 933
- ○ 934
- ○ 935
- ○ 936
- ○ 937
- ○ 938

- ○ 939
- ○ 940
- ○ 941
- ○ 942
- ○ 943
- ○ 944
- ○ 945
- ○ 946
- ○ 947
- ○ 948
- ○ 949
- ○ 950
- ○ 951
- ○ 952
- ○ 953
- ○ 954
- ○ 955
- ○ 956
- ○ 957
- ○ 958
- ○ 959
- ○ 960
- ○ 961
- ○ 962
- ○ 963
- ○ 964
- ○ 965
- ○ 966
- ○ 967
- ○ 968
- ○ 969
- ○ 970
- ○ 971
- ○ 972
- ○ 973
- ○ 974
- ○ 975
- ○ 976
- ○ 977
- ○ 978
- ○ 979
- ○ 980
- ○ 981
- ○ 982

- ○ 983
- ○ 984
- ○ 985
- ○ 986
- ○ 987
- ○ 988
- ○ 989
- ○ 990
- ○ 991
- ○ 992
- ○ 993
- ○ 994
- ○ 995
- ○ 996
- ○ 997
- ○ 998
- ○ 999
- ○ 1000
- ○ 1001
- ○ 1002
- ○ 1003
- ○ 1004
- ○ 1005
- ○ 1006
- ○ 1007
- ○ 1008
- ○ 1009
- ○ 1010
- ○ 1011
- ○ 1012
- ○ 1013
- ○ 1014
- ○ 1015
- ○ 1016
- ○ 1017
- ○ 1018
- ○ 1019
- ○ 1020
- ○ 1021
- ○ 1022
- ○ 1023
- ○ 1024
- ○ 1025
- ○ 1026

- ○ 1027
- ○ 1028
- ○ 1029
- ○ 1030
- ○ 1031
- ○ 1032
- ○ 1033
- ○ 1034
- ○ 1035
- ○ 1036
- ○ 1037
- ○ 1038
- ○ 1039
- ○ 1040
- ○ 1041
- ○ 1042
- ○ 1043
- ○ 1044
- ○ 1045
- ○ 1046
- ○ 1047
- ○ 1048
- ○ 1049
- ○ 1050
- ○ 1051
- ○ 1052
- ○ 1053
- ○ 1054
- ○ 1055
- ○ 1056
- ○ 1057
- ○ 1058
- ○ 1059
- ○ 1060
- ○ 1061
- ○ 1062
- ○ 1063
- ○ 1064
- ○ 1065
- ○ 1066
- ○ 1067
- ○ 1068
- ○ 1069
- ○ 1070

- ○ 1071
- ○ 1072
- ○ 1073
- ○ 1074
- ○ 1075
- ○ 1076
- ○ 1077
- ○ 1078
- ○ 1079
- ○ 1080
- ○ 1081
- ○ 1082
- ○ 1083
- ○ 1084
- ○ 1085
- ○ 1086
- ○ 1087
- ○ 1088
- ○ 1089
- ○ 1090
- ○ 1091
- ○ 1092
- ○ 1093
- ○ 1094
- ○ 1095
- ○ 1096
- ○ 1097
- ○ 1098
- ○ 1099
- ○ 1100
- ○ 1101
- ○ 1102
- ○ 1103
- ○ 1104
- ○ 1105
- ○ 1106
- ○ 1107
- ○ 1108
- ○ 1109
- ○ 1110

Павел Крашенинников
Государство и право. Как развивалась наша страна с IX до XX века

Павел Крашенинников
От племени к империи
Возникновение русского государства и права

© Текст. Крашенинников П. В., 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Редакция и автор выражают благодарность Степашину С. В., Сванидзе Н. К., Смирнову В. Г., Урманову А. Р. за неоценимую помощь в подготовке издания

Введение

В новизне вашей
нам старина наша слышится.

Государство выстраивает управление страной и людьми не только с помощью насилия и убеждения, но и правил поведения и взаимодействия граждан как с властью, так и между собой, а также правил и процедур функционирования системы управления.

Отечественное законодательство редко когда было упорядоченным и систематизированным. Гораздо чаще оно представляло собой нагромождение одних правовых актов на другие, порождая неразбериху в управлении государством. И дело тут не в юридической безграмотности или злой воле. Решая задачи, что называется, на злобу дня, управленцам некогда взглянуть на здание законодательства целиком. Эта задача под силу немногим титанам юриспруденции и бюрократии. Потому создание основополагающих законов, вокруг которых в дальнейшем и строится вся правовая система страны, – дело нечастое, а последовательность таких событий и представляет собой то, что мы называем историей права.

Исследователи отечественного права предлагают различные способы его периодизации. Нам представляется важной и точной периодизация, предложенная профессором К. А. Неволиным[1] в «Истории российских гражданских законов»[2], опубликованной в 1851 году. У Неволина деление истории выглядит следующим образом.

Первый период – до принятия христианства на Руси, т. е. до 988 года от Рождества Христова (в наших очерках это § 1 главы 1).

Второй период – от 988 года до раздробления Руси и порабощения ее монголами (в наших очерках – § § 2–4 главы 1).

Третий период связан с освобождением Руси от монгольского владычества и восшествием на престол Ивана III (в наших очерках – § § 1–2 главы 2).

Четвертый период Константин Алексеевич деликатно называет «до Уложения 1649 году царя Алексея Михайловича» – период, который вмещает в себя правление Ивана Грозного и Смуту (в наших очерках – § § 3–5 главы 2).

Пятый период связан с началом царствования династии Романовых (у нас это глава 3).

Следующий период – от царствования Петра I до восшествия

на престол Екатерины II. Неволин называет его первым периодом нового времени (этому шестому по нашему счету периоду посвящены глава 4 и § § 1–2 главы 5).

Седьмой период начинается с начала правления Екатерины II и продолжается до 1833 года, т. е. до принятия Свода законов Российской империи (у нас это § 3 главы 5 и глава 6).

Восьмой период у Неволина – от 1833 года до того момента, когда Константин Алексеевич написал свою замечательную книгу. В наших очерках этот период не рассматривается. Очень надеюсь, что этому важному этапу российского государства и права будут посвящены следующие очерки.

Профессор М. Ф. Владимирский-Буданов предлагает свою классификацию периодов истории русского права. В качестве основы периодизации он использует два признака: государственный и правовой. «История русского права, – пишет Михаил Флегонтович, – делится естественно на три периода: 1) период земский (или т. н. княжеский) IX–XIII вв.; 2) период московский (правильнее – двух государств:

Московского и Литовского) XIV–XVII вв.; 3) период империи XVIII–XIX вв. В первом находим отдельные земли – княжения; во втором – два больших государства; в третьем – одну империю. В первом господствует обычное право; во втором – обычай и закон в равной силе; в третьем господствует закон»[3].

Опираясь на классификацию, проведенную исследователями государства и права в разное время, мы предложили свою структуру очерков:

1. Древняя Русь.
2. Московское царство.
3. Заря новой династии.
4. Начало имперского государства и права. Петр I.
5. Время императриц.
6. Павел I.

В пролог мы поместили краткий очерк о развитии римского (византийского) государства и права в качестве системы координат, в которой только и можно описать траекторию развития российской государственности.

Правовое положение людей сильно различалось в зависимости от происхождения, пола и состояния, места в служебной иерархии.

За тысячу лет русское государство и право прошли огромный путь: государство – от союза племен и княжеств через вождество и вотчинную монархию к империи, право – от обычаев к законам,

собственность – от княжеской к государственной и частной, церковь – от Византии через собирание Руси и раскол – к огосударствлению.

Конечно же, мы рассмотрим основные этапы государственного строительства и системы управления, в том числе становление российской бюрократии.

Постараемся быть краткими, при этом дать основные черты развития русского государства и права за 1000 лет – с IX до начала XIX века.

Пролог

Право зародилось вместе с возникновением первых цивилизаций, когда управленческая деятельность уже не могла опираться исключительно на первобытный набор социальных регуляций, основанных на культуре того или иного племени: разного рода обычаях, запретах, дозволениях, мифологических установках и ритуалах и т. п. Объединение различных племен и народностей в рамках городов, возникших шесть тысячелетий назад в Южном Двуречье, привело к необходимости выработки универсальных социальных регуляторов.

Первоначально наибольшего прогресса в этом направлении удалось достичь восточным деспотиям Шумер примерно пять тысяч лет назад. Это были жестко централизованные системы управления, объединявшие в одних руках политическую, экономическую и религиозную власть. При этом существовала четко выраженная цель Шумерского государства – завоевание окружающих земель с целью создания единой ирригационной системы. Социальные системы такого типа принято называть мегамашиной. Именно в них примерно четыре с половиной тысячи лет назад появляются первые описанные социальные регуляции или правила общежития, которые принято называть законами. Однако эти законы не были продуктом системы правовой деятельности, которой тогда еще не существовало, а представляли собой случайный набор пожеланий деспота, пришедшего к власти[4].

Куда более сложным был античный социум, возникший в городах-полисах. Если в основе древнейших восточных деспотий лежали принципы единства государственной власти и собственности, подавления общества государством, служебно-раздаточного хозяйства по схеме «кормить и править», то в античном гражданском коллективе само общество выступало в роли аппарата управления, совпадая тем самым с государством, а единство членов гражданской общины было основано на незыблемости их гражданских прав. Источником гражданских прав членов античных полисов была собственность, прежде всего на землю.

Такая структура античного социума не возникла случайным образом. В архаичный период (VIII–VI вв. до н. э.) в Древней Греции также шли процессы монополизации собственности на землю, сопровождавшиеся разорением мелких собственников вплоть до потери ими своих владений и превращения из граждан в рабов. В некоторых греческих городах возникла деспотическая

форма правления – тирания.

Траектория движения древнегреческого социума от протодемократии к деспотии была прервана двумя разными путями: а) отменой частной собственности на землю и перевода ее в общественную в Спарте (законы Ликурга); б) аннулированием прежних долгов с земельных наделов, укрепивших частную собственность, и введением максимально возможного размера земельного участка в Афинах (законы Солона). Столь кардинальное различие социального устройства послужило одной из причин постоянного соперничества: союзы греческих полисов, возглавляемые Спартой и Афинами, постоянно вели междоусобные войны.

Это обстоятельство вкупе с нежеланием жителей отдельного полиса поступиться хотя бы толикой своей свободы делало невозможным создание единого греческого государства. Разрозненные полисы-государства не могли создать единого законодательства.

Вместе с тем афинские мыслители впервые разработали философские основы права, провозгласив принципы справедливости, законности и государственного порядка, ввели понятия естественного и позитивного права, они заговорили о государстве как о результате договора людей между собой.

Зато знатные граждане Древнего Рима излишней рефлексией не страдали, а достойными сферами деятельности считали только военную и политическую. В основе древнеримского социума лежали исключительно частнособственнические принципы без всякой примеси спартанского квазисоциализма.

Захват новых земель стал для римлян императивом, обеспечивающим повышение их благосостояния.

Римляне по сравнению с греками больше ценили и культивировали патриотизм, честь и достоинство, верность гражданскому долгу, почитание богов, предков и отцов, приоритет общественных интересов перед интересами индивида.

Важным фактором, стабилизирующим римское общество, был так называемый римский миф. Формирование общественно-политической мифологии у римлян началось во время трансформации архаичного общества в античную общину, т. е. в V–III вв. до н. э. Впечатляющий экономический рост, грандиозные военные успехи Рима рождали у квиритов уверенность в превосходстве своего общества и государства, в избранности римского народа. Будучи плодом коллективного

творчества сначала жрецов, а затем историков и поэтов, римский миф утверждал представление о Риме как об избранном богами городе, самом справедливом и богобоязненном, уготованном для великой миссии.

В последующей истории многие государства использовали этот социальный стабилизатор. Не избежала этой участи и Россия. Русский миф возникает при переходе от союза племен к вождеству – Киевской Руси. В момент возникновения первого русского государства – Московского царства – наблюдаются попытки увязать русский и римский мифы. Цари пытаются найти своего рода связь с императорами Византии и даже Древнего Рима.

В результате своей экспансионистской политики римляне создали грандиозную империю. Еще один мощный социальный стабилизатор, римское право, стало наивысшей точкой развития права как системы деятельности в античный период. Разработанные и принятые римлянами законы были нацелены как на регулирование отношений внутри социума Древнего Рима, так и на установление имперских порядков на завоеванных территориях. Их источником были архаические Законы XII таблиц (451–450 гг. до н. э.)[5].

Римская мифология гласит, что Рим был основан в 753 году до Рождества Христова (до нашей эры) потомками троянских царей.

Первым царем Рима легенда объявляет Ромула. Из списка семи легендарных и полулегендарных древнеримских царей первым исторически достоверным принято считать Нуму Помпилия; после четвертого полулегендарного царя Анка Марция престол перешел к этрусской династии. При них римляне покорили ряд соседних латинских городов и объявили их население гражданами Рима.

Главными творцами этого мифа были, как известно, император Август и поэт Вергилий. В римской мифологии особое место занимает римская идея – владение и власть над всем миром: «Рим – центр мира», «Рим – вечный город»[6]. При этом Рим заимствовал у «подведомственных» территорий, особенно у греков, не только имущественные ценности, но и культуру.

Идея об особой миссии римского народа, о Риме как высшей ценности у греков аналогов не имела. Именно эта ценностная установка и привела к столь различным итогам в судьбе этих двух народов – исчезновению Древней Греции и превращению Рима в имперскую мегамашину, имеющую целью покорение всего мира. Рим покорил Грецию в I в. до н. э., однако судьба сыграла очередную шутку: примерно через 400 лет столица Римской

империи из Рима была перенесена в Византий – бывший греческий полис. Впоследствии Римская империя распалась на две: Западную и Восточную. Последнюю историки назвали Византией, причем уже после ее распада.

Рим не знал, что представляет собой мир, власть над которым он стремился установить, дабы организовать его в рамках единого цивилизованного пространства. Эпоха великих географических открытий была далеко впереди. Границы Рима пришлось искать эмпирическим путем. Потеряв три легиона в дремучих германских лесах, император Октавиан Август решил, что римский мир заканчивается на западном берегу Рейна. Восточную границу на Дунае определило яростное сопротивление дакийских племен, а движение восточнее Палестины сдерживалось сильным Парфянским царством. Южной границей стала непреодолимая пустыня (Сахара).

Уже при Августе на рубеже тысячелетий на передний план выходит идея Вечного Рима, ориентированная лишь на сохранение достигнутого величия и могущества. Однако, как учит вся история, империя, прекратившая экспансию, неизбежно начинает разрушаться, поскольку в стабильном, равновесном состоянии она существовать не может. Экспансионизм – источник существования империи. Попытки законсервировать империю в стабильном состоянии, как правило, сопровождаются конструированием механизмов ее стабильного функционирования, прежде всего законодательства и набора институтов, обеспечивающих его неукоснительное соблюдение.

Начинается классический период римского права (I–III вв.), результатом которого становится система правовой деятельности, ее мы и называем правом. Базовые принципы и теоретические основы этой системы выражены в древнеримской юриспруденции, отличающейся глубиной аналитической мысли, детальной проработанностью понятийного аппарата и филигранной юридической техникой. Появились профессиональные юристы, возникли такие сферы правовой деятельности, как законотворческая и законодательная, научно-правовая, образовательная, правоприменительная, правозащитная и правоохранительная.

Результатами функционирования системы правовой деятельности Древнего Рима стали жесткий правовой порядок в империи, соответствующее правосознание населения, а также превращение права в один из источников власти (наряду с насилием и суггестией).

Во время правления Октавиана Августа в Вифлееме родился Иисус Христос, основоположник учения, кардинальным образом изменившего Римскую империю и весь мир, преобразовавшего представления не только о морали, но и о государстве и праве. Распространение учения о единобожии, царстве любви и благочестия было грозным провозвестником гибели языческого Древнего Рима, в чем большинство императоров вполне отдавали себе отчет – и всячески противились этому процессу. Но противопоставить гуманистическому христианству они могли только идеологию общества потребления. Знаменитый лозунг «Хлеба и зрелищ!» отражал образ жизни не только безземельного плебса, но и всех слоев общества. Даже у элиты исповедуемый гедонизм все больше превращался в культ грубых наслаждений и развлечений. Императоры Калигула и Нерон стали символами жестокости и ужасающего морального разложения.

Именно духовная пустота, идеологический кризис стали главной причиной распада римского общества. А духовный кризис общества приводит к разрушению государства.

В момент восшествия на престол империи Константина I[7] казалось, что катастрофа близка. По римскому миру быстро распространялось христианство, приграничные провинции все чаще поднимали мятежи.

Во время своего правления Константин провел масштабные преобразования, изменившие Римскую империю, и без пафоса можно сказать, что и весь мир. Наряду с введением христианства в качестве государственной религии Константин провел военную, экономическую и административную реформы. В правовой сфере он издал несколько сотен указов, уже после его смерти систематизированных в Кодексе Феодосия (438 г.).

В 330 году император Константин, впоследствии Константин Великий, перенес столицу Римской империи на границу Европы и Азии – в город Византий, который переименовал в Новый Рим. Позже, еще при жизни императора, в честь него город был назван Константинополем.

Как отношение к христианству, так и подбор столицы были досконально продуманы, просчитаны и подготовлены. Более того, Константин понимал, какое огромное значение приобретет в будущем христианство и какая роль отведена в этом новой столице. Константин стал христианином только перед смертью, однако по его инициативе и при личном участии в 325 году был проведен Никейский собор – первый Вселенский собор в истории христианства. Собор решил огромное количество вопросов канонического и государственного характера. После Никейского собора христианство окончательно стало государственной

религией.

Император тщательно продумывал форму и содержание главного города империи и мира, Запада и Востока. Городской облик, стены, семь холмов, как в Риме, церковь Апостолов, собор Святой Софии – все приводилось к облику, соответствующему столице империи. Константин, преследуя скорее внутриполитические задачи, решал и внешние проблемы.

Однако в 395 году произошло деление Римской империи на западную и восточную части. Если вдуматься, состоялось официальное деление античной цивилизации, а по сути, и всего мира, на Запад и Восток. Первоначально – на карте, затем последовало уже упомянутое юридическое деление, далее – экономическое, позже – конфессиональное, и в конце концов – мировоззренческое. Западная часть Римской империи развалилась через 80 лет в значительной степени под натиском варваров, однако внутренних причин было гораздо больше.

В 493 году был свергнут последний западноримский император – Ромул Август. На территории Западной Римской империи возникли многочисленные вождества, представляющие собой племенные союзы, управлявшиеся королевскими семьями. Античная культура, включая право, была полностью истреблена. Только через 500 лет возникло объединение государств под названием «Священная Римская империя», которое, по выражению Вольтера, не было «ни Священной, ни Римской, ни империей».

> **В отличие от Западной, Восточная Римская империя сохранилась как мощное централизованное государство, которое просуществовало более 1000 лет. В ней продолжала сохраняться частная собственность на землю, регулируемая римским правом.**

Как писал И. С. Перетерский, «и если на Западе римское право с V века уже перестало иметь общее применение и лишь прозябало в виде „варварских“ сборников, то иную картину мы видим на Востоке»[8]. Политический строй Восточной Римской империи в IV–V вв. представлял собой дальнейшее развитие режима домината, при котором вся полнота власти сосредоточивалась в руках императора, считавшегося единоличным выразителем суверенитета, воли и прав всего римского народа. Император (василевс), крупнейший и богатейший собственник империи, наследник власти римских императоров, стал неограниченным правителем, абсолютным господином своих подданных. Облеченный неограниченной

законодательной и исполнительной властью, он был верховным законодателем и судьей, носителем высшей военной власти, «избранником Божиим». При этом император свою должность не наследовал, а выбирался сенатом, армией и народом. Фактически решающее слово принадлежало сенату и верхушке армии, выдвигавшим кандидатуру нового императора[9].

Была развернута миссионерская деятельность небывалых масштабов. Присоединение новых территорий обосновывалось и обеспечивалось исключительно обращением местного населения в христианство.

Мегамашина обрела новую цель – распространение христианства по всему миру и борьбу со всевозможными ересями. Эта цель послужила основанием для возрождения экспансионизма как источника жизненной силы Восточной империи.

Римское право стало одним из инструментов распространения и укрепления империи путем подчинения всех подданных единым правилам. Всякое сопротивление подавлялось с помощью террора[10].

Сокровенная мечта василевсов – возрождение под их эгидой универсальной Римской империи – нашла свое воплощение в деятельности наиболее выдающегося правителя раннего Средневековья – императора Юстиниана[11]. Его правление осуществлялось на фоне жестких катаклизмов. В Константинополе в 543–544 годах от чумы погибло, по разным оценкам, от 40 до 100 тысяч человек, а во всей Европе – до 25 млн человек[12]. Империя во главе с Юстинианом справилась с чумой и перешла в наступление: военное, религиозное, культурное, экономическое и правовое.

В золотой век Восточной Римской империи, при правлении Юстиниана, в VI веке, Римская империя вернула себе значительную часть территорий Средиземноморья и уже простиралась от Пиренейского полуострова на западе до Сирии на востоке, от Крыма на севере до Египта на юге, с населением 35 млн человек. Состав подданных был весьма разнообразен: большинство (но не абсолютное) составляли греки, далее следовали италийцы, армяне, евреи, славяне и др. Константинополь был самым крупным городом в Европе. В нем находился один из главных центров христианства. За существенное расширение границ христианства и его теоретическое осмысление Юстиниан был причислен к лику святых.

Достигнув предела своих возможностей, Византия, как ранее Рим, стала больше ориентироваться на стазис, и взгляды

правителя вновь устремились на право как непревзойденный стабилизатор социума. Один из величайших триумфов правовой мысли человечества – Свод Юстиниана, в котором были сохранены и развиты достижения римского права. Corpus iuris civilis Romani[13] – один из главных культурных прорывов императора Юстиниана. Одновременно Свод проложил дорогу развитию права на сотни лет вперед.

Материал предыдущего сводного акта – Кодекса Феодосия – был переработан самым основательным образом. Были приняты во внимание все последующие указы и очень большое количество новых, принадлежавших уже Юстиниану. Кодекс был разделен на 12 книг, так же как и Законы XII таблиц.

После издания Кодекса Юстиниан решил издать сборник цитат великих римских юристов. 16 декабря 533 года были обнародованы Дигесты (лат.

«Собранное» или «Приведенное в систему»), или Пандекты (греч. «Содержащее все в себе»), а с 30 декабря 533 года Дигесты вступили в силу в качестве закона.

В 533 году Юстиниан велел составить элементарный учебник права – Институции. С 30 декабря 533 года одновременно с Дигестами новые Институции получили обязательную силу в судах, которые теперь должны были руководствоваться ими как действующим законом.

Институции, Дигесты и Кодекс представляли римское право во всем его величии – полноте, глубине и силе. Это был, по словам виновника их появления на свет, «храм римской юстиции», создателем которого по праву считал себя Юстиниан[14]. В юстиниановом Своде заключались живая мысль римских юристов и методы их мыследеятельности, основы законотворческой техники и понятийный аппарат юриспруденции, дидактические принципы освоения права как науки и практики. Право Юстиниана, словно сеть или паутина, опутывало весь византийский социум, сохраняя тем самым его целостность. Западной Европе потребовалось более 1000 лет, чтобы создать подобную систему.

Создание Свода Юстиниана завершило формирование или, скорее, фиксирование системы римского права, ставшего своеобразным итогом длительного, более чем тысячелетнего, периода развития права античного.

Юстиниан назвал Кодекс, учебник, Дигесты и сам Свод своим именем. Кстати, следующим, кто подобную масштабную правовую работу, повлиявшую на жизнь государства и общества во Франции (и не только там), назвал своим именем, был Наполеон. Николай I то ли не решился назвать Свод законов Российской

империи своим именем, то ли полностью не осознавал значение творения М. М. Сперанского.

Результатом системы правовой деятельности стал жесткий правовой порядок в Восточной Римской империи, служивший «скелетом», на котором держалось все «тело» Византии.

Впервые в законодательстве появилось указание на наличие государственной идеологии – христианства. В юридических текстах находят свое отражение регламентация прав господствующей церкви, а также регулирование личных, имущественных и прочих прав в соответствии с нормами церковного права[15].

Некоторые правовые институты начинают трактоваться в чисто религиозном духе. Так, укрепляется брак, который рассматривается как «божественная связь». Под воздействием христианства в рационалистическую схему римского права вносятся и некоторые этические конструкции.

Церковное право складывалось в основном из постановлений вселенских соборов и патриархов. Важное место здесь принадлежит решениям Трулльского Вселенского собора конца VII века, который утвердил официальный корпус канонов и запретил использовать «ложные каноны», или каноны, не санкционированные каким-либо другим Вселенским собором. На основе признанных норм церковного права, а также частично и императорских установлений составлялись особые сборники – номоканоны, содержание которых периодически обновлялось. Автором первого номоканона стал Иоанн Схоластик Антиохийский (умер в 577 году) – юрист, который в конце жизни Юстиниана стал патриархом[16].

Вскоре после смерти Юстиниана экспансионистский импульс империи начал медленно угасать, империя стала схлопываться. Столь разветвленное законодательство, как Кодекс Юстиниана, стало неактуальным. По тому, как сжималось византийское законодательство, легко проследить процесс деградации империи.

В 726 году по указанию императора уже заметно съежившейся Византии Льва III Исаврийского была издана Эклога («Избранные законы») – сокращенное извлечение законов, учиненное Львом и Константином, мудрыми и благочестивыми василевсами, из Институций, Дигест, Кодекса, Новелл – конституций Великого Юстиниана с внесенными в них исправлениями в духе большего человеколюбия[17]. Составители Эклоги сохранили от Свода Юстиниана лишь небольшую часть. Эклога состояла из 18 небольших титулов, некоторые из них включали только по одной статье.

В 879 году при императоре Василии I Македонянине (ок. 811–886, годы правления 867–886) появился Прохирон (подручный закон), который в последующие годы стал одним из наиболее авторитетных источников права Восточной Римской империи и оставил заметный след в истории права соседних славянских государств, в том числе на Руси.

При Василии I и его сыновьях-соправителях было издано новое руководство по законодательству, которое также имело целью «очищение старых законов» и облегчение пользования ими. Это руководство получило название «Эпанагога» (т. е. «Переработанное повторение», речь идет о переработке Прохирона). По своей структуре она следовала за Дигестами Юстиниана и воспроизводила многие положения Прохирона, а также Эклоги.

При императоре Льве VI Мудром (886–912), правление которого ознаменовалось подъемом юридической науки, были завершены крупные кодификационные работы, начатые еще при Василии I, по новой переработке законодательства Юстиниана. Василики (Базилики) (т. е. «Царские законы») призваны были заменить собой становившиеся все более труднодоступными для понимания, в том числе из-за языкового барьера, различные сборники права.

Интересно, что в начале X века в разных источниках мы видим контакты Восточной Римской империи с Русью. Очевидно, что император Лев VI и князь Олег знали о существовании друг друга, общались, видимо, через посредников, имели общие интересы, что в итоге было оформлено первым или предварительным русско-византийским договором, изложение которого мы видим в переводе с греческого на русский язык в «Повести временных лет».

«Номоканон в 50 титулах» Иоанна Схоластика, другие библейские и богослужебные книги, а также отдельные творения святых отцов были переведены на славянский язык создателями славянской азбуки Кириллом и Мефодием и их учениками. О переводе Номоканона есть упоминание в Паннонском житии св. Мефодия: «Тогда же и Номоканон, рекши закону правило, и отеческие книги преложи». Сохранилась рукопись переводного Номоканона, называемая Устюжской. Эта рукопись – русского происхождения, относится к XVIII веку, но представляет собой список с более древнего манускрипта, выполненного еще в X веке в Болгарии. Сам же перевод сделан во второй половине IX

столетия, вероятно, св. Мефодием[18].

В X веке Владимир крестил Русь. Сподвижничество Кирилла и Мефодия позволило новообращенным русским православным постигать глубины веры на более понятном им церковнославянском языке, в отличие от западноевропейцев, которые далеко не все свободно владели латынью. Отсюда и более глубокая укорененность христианства именно у православных.

Будучи христианской страной, Восточная Римская империя никогда не забывала эллинистических традиций. Разветвленный бюрократический аппарат требовал массы грамотных людей, что обусловило невиданный размах светского образования. В Константинополе с 425 года существовал университет, в котором в том числе обучали юристов, работали первоклассные по тому времени больницы. Архитектура и математика, естественные науки и философия – все это сохранялось благодаря высокому уровню материального производства, традициям и уважительному отношению к учености. Купцы империи торговали с Киевской Русью, плавали в Индию, достигали Малаккского полуострова и Китая. Врачи не только комментировали Гиппократа и Галена, но и успешно привносили новое в античное наследие.

Ситуация стала меняться в XII веке в результате ряда событий, в том числе и крестовых походов. С того времени уровень Запада начал превосходить византийский, прежде всего в материальном плане. А в плане духовном постепенно исчезла альтернатива «цивилизация Византии – варварство Запада»: латинский мир обрел свою развитую культуру. При этом Византия продолжала оказывать свое духовное влияние на мир, причем не только православный: европейский Ренессанс не в последнюю очередь обязан своим появлением идеям, шедшим с греческого Востока.

Раскол христианства в 1054 году сделал отношения единоверцев – православных и католиков – отнюдь не дружественными. Разгром Константинополя крестоносцами 13 апреля 1204 года сыграл заметную роль в падении Византии 29 мая 1453 года, когда ее столица была захвачена турками-османами. Как и всякая империя, стремящаяся лишь к самосохранению, Византия медленно разрушалась, пока не оказалась покоренной нарождающейся Османской империей.

В феврале 1469 года кардинал Виссарион в стремлении найти бедствующей племяннице последнего императора Византии Зое Палеолог подходящую пару отправил своего эмиссара далеко на северо-восток, в Москву. Иван III, великий

князь Московский, правитель набиравшего силу русского государства, отлично понимал, какие выгоды можно извлечь из такого союза. В середине лета 1472 года Зоя отправилась в Россию через Данциг, Таллин и, наконец, Псков и Великий Новгород, куда она прибыла в октябре с огромным багажом, обрадовав и удивив множеством книг, которые привезла с собой.

Зою сопровождал папский легат Антоний. Рим лелеял надежду утвердить в Московии униатство, т. е. практически полное подчинение православной церкви католической. Однако хитрая Зоя венчалась по православному обряду, приняв имя Софья, чем открыто порвала с унией и Престолом Св. Петра. В 1472 году Софья Фоминична Палеолог стала женой Ивана III. Вместе с Софьей Москва получила в каком-то смысле право считаться духовной преемницей Византии (Восточной Римской империи)[19]. Двор великого князя Московского многое перенял из этикета двора ромейских василевсов, династический знак Палеологов – двуглавый орел – стал гербом Московского государства. Иван III стал называть себя великим князем всея Руси. У Софьи и Ивана III родилось двенадцать детей. Их внук Иван IV Грозный в 1547 году официально принял титул царя – искаженное римское caesar. Нарождалась новая империя – Российская.

Однако один из драгоценнейших бриллиантов культуры Восточной Римской империи – право – в корону российских царей и императоров тогда не попал. И это неудивительно. Московское царство находилось в самом начале эпохи экспансионизма, и о стремлении к консервации государства, границы которого еще не были даже умозрительно определены, никто не думал. Поэтому право как инструмент перехода в состояние стазиса никого не интересовало.

> **Вместе с тем постепенно римское право пришло в Россию через церковное право, основанное на так называемом византийском (греческом) праве, которое было нацелено на неприкосновенность православных догм и канонов, церковных ритуалов и процедур. Только начиная с XIX века в Россию из Европы, преимущественно из Германии, начинает проникать западноевропейское право в виде исторических источников, науки и образовательных дисциплин, в том числе посвященных римскому праву.**

Возвращаясь к государственно-правовым проблемам на территории бывшей Российской империи, обращаем внимание на

то, что параллельно деградации государства и права Византии в Западной Европе шел обратный процесс – реинкарнация права как системы деятельности, завершившаяся в эпоху Возрождения (XIV–XVI вв.) в большинстве европейских стран. Что касается ядра права – законодательства, то на основе рецепции римского права наряду с архаичными «правдами» возникают каноническое право, право ученых, право городов. Синтез этих разновидностей законодательства к концу XVIII – началу XIX века приводит к возникновению того, что сегодня мы называем континентальным правом, – системы законодательства различных стран, содержащей Конституцию и кодексы[20].

В России создание права как системы деятельности происходило иначе, чем в Византии и Западной Европе. Окончательно оно было сформировано лишь в XIX веке. Что касается системы законодательства, то она была оформлена в 20-е годы XX века уже при советской власти.

Понятно, что правовое развитие России было связано с особенностями становления русского государства. Историческое развитие – процесс прерывистый, содержащий множество развилок, заметно меняющих судьбы страны и людей. История государства российского насчитывает по крайней мере четыре таких развилки или, по-научному, точки бифуркации.

В настоящих очерках мы намереваемся обсудить, что это были за развилки и какое влияние они оказали на российское общество, государство и право в IX–XVIII веках.

Глава 1
Древняя Русь

1
Киевская Русь

Древняя Русь, как и многие протогосударственные образования Европы раннего Средневековья, была типичным вождеством. Легитимность власти вождя играла ведущую роль в обеспечении устойчивости этой социальной конструкции. Как правило, легитимность вождя основывалась на его харизме. Одним из важнейших признаков харизматичности служила древность рода, из которого происходил вождь или великий князь, как в Древней Руси. Поэтому история или легенда (миф) происхождения великокняжеского рода имела непреходящее значение.

В конце X века с появлением славянской письменности в Киеве возник специфический литературный жанр – летописание, представлявший собой изложение реальных событий, сдобренное легендами, бытовавшими тогда в обществе. По-видимому, первым, кто решил использовать летописание для идеологического обоснования существующих порядков, был Ярослав Мудрый (978–1054). По его повелению монахи при храме Св. Софии стали вести летописный свод, на основе которого по заказу великого князя Святополка II Изяславича (1050–1113) около 1113 года Нестором, монахом Киево-Печерского монастыря, была составлена легендарная «Повесть временных лет».

Впоследствии в этот текст неоднократно вносились изменения. Наиболее древняя дошедшая до нас редакция «Повести временных лет» датируется XIV веком (1377)[21]. Ее авторство принадлежит суздальскому монаху Лаврентию.

> **Именно по этому документу и некоторым другим источникам историки составляют картину событий и времен Киевской Руси и начала Московского княжества, т. е. с IX века до начала XV века от Рождества Христова.**

Более-менее объективное описание русской истории началось с исследований Василия Никитича Татищева и затем было продолжено другими русскими историками. Окончательно

систематизировал этот материал уже в начале XIX века Николай Михайлович Карамзин[22]. Обращаем внимание на то, что чем меньше было официальных или даже литературных источников, тем больше была возможность для экспромта и вариаций на соответствующую тему. И наоборот: множество разнообразных источников уменьшало возможности интерпретаций, хотя, конечно же, и не исключало их совсем.

Согласно преданию, в 862 году племена ильменских словен, мери, чуди и веси, измученные опустошительными набегами скандинавских варваров, а также уставшие от междоусобных войн, решили пригласить к себе общего князя-варяга из-за моря, надеясь, что он сможет защитить их от жестоких иноземных викингов (норманнов, варягов) и что в равной степени всем им чужая власть сумеет примирить их между собой. Это был Рюрик, происхождение которого вызывает многочисленные споры[23]. Он осел в Новгороде, стал защищать новых подданных, собирать с них дань, а также пошлину с проплывавших мимо торговых судов и проходящих торговых караванов.

Рюрик властвовал до 879 года и положил начало династии русских князей, под эгидой которых в XV веке и возникло русское государство.

Родственника, которому Рюрик после своей смерти оставил на попечение Новгород и малолетнего сына Игоря, звали Олег. Он занялся привычным для восточных варваров делом: завоеванием сопредельных территорий и набегами на богатую Восточную Римскую империю (Византию) с целью получения выкупа.

Сначала Олег захватил Смоленск и Любеч, а в 882 году – Киев, и стал киевским князем. В 883 году он покорил древлян, в 884 году – северян, в 885-м – радимичей. Так возник своеобразный союз княжеств, во главе которого стоял князь Киевский, сначала носивший восточный титул кагана, а с XI века – великого князя.

В 907 году Олег во главе войска из всех подвластных ему племен совершил поход на Византию. Олег взял с империи огромную дань и заключил с ней выгодный для Руси первый мирный договор. В 911 году он заключил еще один договор с Византией. Договоры содержали не только правила о торговых и других взаимоотношениях сторон, но и нормы гражданского, уголовного, налогового права и ряд других установлений.

В период правления Игоря, в 944 году, был заключен еще один, судя по всему, третий, договор с Византией. По-видимому, **эти договоры были первыми международными правовыми актами Древней Руси, и, конечно, все они оказали огромное**

влияние на право Киевской Руси. Василий Осипович Ключевский, анализируя торговые отношения Руси с Византией, основанные на договорах, писал: «Разностороннее культурное значение их для Руси понятно само собою: достаточно припомнить, что они были главным средством, приготовившим принятие христианства Русью. И именно из Византии»[24].

Другие русские княжества также оформляли свои отношения с соседями. Известны соглашения XIIXIII веков, которые исследователи называли и называют договорами русских с немцами[25].

Древнерусское государство – Киевская Русь – управлялось наследственным великим князем. Сыновья князя размещались в качестве наместников в главных городах и платили отцу дань. Освободившийся престол передавался не старшему сыну, а старшему в роде, т. е. следующему брату отца, а если его не имелось – старшему племяннику. Таким образом, сын мог рассчитывать на наследство только после смерти старших родственников. После смерти властителя новый великий князь переселялся в Киев из прежнего своего княжества вместе с дружиной и боярами, а другие князья перемещались по старшинству в княжества, ближайшие к Киеву. Такой вот был княжеский оборот: стоило одному умереть, потомки по старшинству перемещались в Киев и далее, в другие значимые города. Стабильности это не придавало, более того, со временем это правило приводило к путанице и конфликтам.

Внешне это напоминает феодальные отношения по принципу «вассалы – сюзерен». Однако отметим, что вместо договорных отношений были родственные, плюс «неожиданные переезды». Эти факторы стали основной причиной разобщенности, вызывали тяжелые распри между родственниками и в конце концов привели к политической неустойчивости Древней Руси.

В пределах небольших княжеств князья могли эффективнее защищать свои политические и экономические интересы, с которыми мало считались в центре. В Киеве рассматривали подчиненные ему города и области как источник поступления дани и как столы – кормления.

«Главное значение князя, – пишет С. М. Соловьев, – было значение судьи, разбирателя дел. Исправителя кривд, одною из главных забот его был устав земский, о котором он думал с дружиной, старцами городскими, а после принятия христианства – с епископами»[26]. В городах и сельских поселениях управленческие решения принимались наместниками князя либо сходами – взрослой частью свободного мужского населения. Сбором налогов (дани) всегда занимались наместники. Другие

вопросы и судебные тяжбы рассматривались в зависимости от значимости наместниками или сходом, а в некоторых случаях, связанных с семейными и религиозными вопросами, – старейшинами и волхвами.

Предание гласит, что Ольга, вдова Игоря, отказалась выйти замуж за византийского императора Константина VII (Багрянородного). Сын Ольги и Игоря Святослав известен своими военными походами, в том числе и неудачным нападением на Византию (в летописи указана Болгария). Проиграв ряд сражений, Святослав был вынужден заключить договор с Византией, где одним из условий было освобождение болгарской территории.

Согласно легенде, Владимир, будущий Креститель, родился от Святослава и Малуши[27]. **Князь Владимир I Святославич Красное Солнышко (956–1015)** в целях укрепления государственности и исходя из принципа «один властитель – один бог» решил крестить Русь. Это был поворотный момент в развитии нашего государства. Николай Иванович Костомаров указывал: «Достоверно только то, что Владимир крестился и в то же время вступил в брак с греческой царевною Анною, сестрою императоров Василия и Константина. Крещение его, по всем вероятиям, происходило в Корсуни, или Херсоне, греческом городе на юго-западном берегу Крыма; и оттуда Владимир привез в Киев первых духовных и необходимые принадлежности для христианского богослужения. В Киеве он крестил своих сыновей и народ. Жители без явного противодействия крестились в Днепре отчасти потому, что в самом Киеве уже значительно распространено было христианство…»[28]

Согласно преданию, Владимира, изначально ярого язычника, соблазняли представители всех авраамических религий, направив к нему послов-миссионеров от волжско-камских булгар (мусульман), хазар (иудеев), «немцев» (посланцев папы римского) и греков (восточных христиан).

Приняв восточную версию христианства[29] **в 987 или 988 году, Владимир навсегда выбрал социокультурный вектор развития страны.**

Несмотря на определенную политическую и экономическую аффилированность с Византией, сцементированную общей верой, Киевская Русь не могла воспринять византийскую систему управления и обеспечивающее ее римское право. Имперская система была абсолютно несообразна федеративному, если не сказать – конфедеративному, устройству древнерусского вождества.

Русь объединяли родственные отношения князей, племенные и экономические связи территорий, общая культура, нравы и

обычаи, а вовсе не государственные интересы и принципы.

На местах управление находилось в руках местных князей, в городах – посадника (представителя княжеской администрации), биричей (представителей низшего звена княжеской администрации, объявлявших княжеские указы, собиравших подати, вызывавших ответчиков в суд и пр.), а в сельской местности – волостеля. Их содержало, можно сказать, кормило местное население. В результате складывалась система кормления в соответствии с занимаемой должностью. О системе управления в Новгороде и Пскове см. § 3 настоящей главы.

Однако все усилия Владимира по укреплению единства Киевской Руси пошли прахом: особенно тяжелые междоусобицы среди Рюриковичей случились именно после его смерти.

По преданию, племянник Владимира Святополк (979–1019) был усыновлен Владимиром, получил от него на княжение город Туров и женился на дочери польского короля Болеслава I Храброго. В 1015 году после смерти Владимира Святополк завладел Киевом и убил трех своих сводных братьев – князя Ростовского Бориса, князя Муромского Глеба и князя Древлянского Святослава. Однако другой его сводный брат, Новгородский князь Ярослав Мудрый, в 1016 году занял Киев. Получив помощь от Болеслава, Святополк в 1018 году вновь овладел Киевом, чем попытался воспользоваться его тесть, чтобы подчинить себе Русь. Ярослав Мудрый во главе войска из варягов и новгородцев изгнал Святополка из Киева. Святополк нашел помощь у печенегов и в 1019 году во главе огромного войска появился на Руси, но потерпел сокрушительное поражение.

2
Русская Правда (1016)

Князь Ярослав Мудрый (978–1054), дабы избежать нового насилия и братоубийства, решил воспользоваться другим известным к тому времени инструментом укрепления государственности – правом, и если в Риме первый Свод был в виде XII таблиц (451–450 гг. до н. э.), то на Руси это была Правда. Подготовленный и утвержденный Ярославом **в 1016 году свод правил – Русская Правда** – представлял собой типичную для того времени варварскую правду. Источниками Русской Правды были правовые обычаи, судебная практика и церковные уставы (христианские нормы). Текст был утерян, а найден и частично восстановлен только в XVIII веке[30] Василием Никитовичем Татищевым.

В Западной Европе с конца V века появляются своды обычаев,

называемые варварскими правдами. К ним относятся: «Вестготская правда» (вторая половина V века), «Бургундская правда» (конец V – начало VI века), «Салическая правда» (начало VI века), «Баварская правда» (середина VIII века) и другие. Главным содержанием этих актов были охрана имущества и личной неприкосновенности свободных людей и установление наказаний за их нарушение.

Большая часть сохранившихся сборников варварских правд представляет собой своего рода соглашение между народом и королем. Как правило, эти сборники написаны на латинском языке. Первые своды обычаев появились у народностей, ранее других вошедших в тесные отношения с римским миром: у салических и рипуарских франков, алеманнов, баварцев. Позже всего появились сборники у тех германцев, которые далеко отстали от римской образованности. Так, у саксов, англов, фризов и веринов (туринговв) писаные законы появляются лишь в VIII–IX веках.

Возникновение письменности славянских народов в IX веке усилиями братьев Кирилла и Мефодия из греческого города Солуни (Салоники) сделало возможным возникновение письменных нормативных документов.

Кирилл и Мефодий перевели не только Библию на славянский язык. Мефодий также перевел важнейший правовой и церковный документ – Номоканон Константинопольского патриарха Фотия (IX в.)[31]. **Этот Номоканон стал, с одной стороны, основой Кормчей книги, с другой – важнейшим источником русского права, особенно семейственного (семейного)**[32].

Самыми первыми отечественными юридическими документами стали упоминавшиеся выше договоры Руси с Византией, исполненные на греческом языке и переведенные на старославянский. Договор 911 года сохранился в позднейших списках древнерусских летописей, в частности в «Повести временных лет». Этот древнейший письменный источник содержит нормы так называемого Закона Русского, якобы существовавшего до X века. Выдающийся историк Н. М. Карамзин считал существование такого писаного закона в Древней Руси вполне возможным[33]. Если такие тексты существовали, то их нормы, наверное, использовались при составлении Русской Правды. Возможно, под законами русскими понимались в первую очередь обычаи, бытовавшие на территориях, заселенных русскими людьми.

Слово «правда» на Руси в XI–XII веках и далее означало не истину, как сейчас, оно имело смысл конкретного явления.

Правда в субъективном смысле – это дом, который мне принадлежит, мои дети, мое право выступления и голоса. Если эта правда оспаривается, то при рассмотрении спора правда устанавливается, т. е. правда – это не только право, но и правильность, справедливость. В ряде случаев правда понимается как доказательство, клятва, крестоцелование, присяга, подтверждает наличие или отсутствие права[34].

Авторы первого сводного законодательного акта настаивают, что нужно жить по правде, по Русской Правде. В документ помещены не только регулятивные нормы, но и положения нравственно-религиозного характера.

В состав Русской Правды входят нормы уголовного, наследственного, торгового права, права собственности, а также принципы процессуального законодательства. Большое внимание уделяется нормам, посвященным ответственности за убийство, а также за личную и имущественную обиду. Смертная казнь не предусматривалась.

Правда определяла ряд привилегий для князя, его дружинников и бояр: повышенные штрафы за убийство или причинение перечисленным категориям имущественного вреда, более широкие права при защите права собственности по передаче имущества по наследству, в том числе дочерям.

Имущественные, личные споры и уголовные дела рассматривались церковными и княжескими судами. Грань между гражданским и уголовным правом была еще нечеткая, поэтому, например, причинение вреда почти всегда трактовалось как преступление. Процесс рассмотрения уголовных и гражданских дел не различался.

«Основную массу населения в то время составляли свободные „люди“, или смерды, жившие общинами, союзами, носившими название вервей. По Русской Правде вервь есть прежде всего округ, имеющий определенную территорию; жители этого округа связаны круговой порукой в уплате виры – штрафа за убитого, павшего от руки члена верви или же тело которого найдено в границах верви»[35], – указывал в свое время историк профессор Ю. В. Готье. Он же предположил, что изначально собственником земли была «сама вервь, как преемница чисто родовой общины, когда-то осевшей здесь»[36]. С образованием Киевской Руси видными представителями индивидуального землевладения становятся князья Рюрикова рода. Раздача князьями земель своим сподвижникам сделалась источником земельной собственности княжих мужей-дружинников, а с принятием христианства быстро приобретает значение землевладение церквей и монастырей.

Русская Правда знает уже особый класс людей, свободных по

рождению, но примкнувших вследствие тяжелых экономических условий к более сильным людям и оттого в значительной степени утерявших свою свободу, – это ролейные закупы или наймиты. Чтобы поправить свое хозяйство и получить кусок хлеба после набега врагов, смерды искали помощи в княжеском или боярском селе, там брали они ссуду и, пока не выплачивали ее, оставались в личной зависимости от кредитора. Таким образом, самозаклад служил обеспечением долга.

Крестьянские участки не были в одной меже, но бывали разбросаны пополосно вперемежку с долями соседних участков. На территории верви могло находиться одно или несколько сел, а внутри них владения отдельных дворов носили уже ясные следы отграничения. Русская Правда знает межу ролейную и межу дворную. «В общем, неразмежеванном владении оставались выгоны и леса, за исключением бортных ухожьев и ловищ, имевших первостепенное значение при тогдашнем состоянии звероловства и промысловой охоты. Русская Правда карает за нарушение бортной межи, за порчу „знаменного“ дуба, отмеченного пчеловодом, за повреждение охотничьих орудий или кражу собаки с ловища»[37].

Семейные отношения в большинстве своем регулировались актами церковного права. «Старая Русь практиковала многоженство (как одновременное, так и последовательное) и наложничество»[38]. Принятие христианства положительно сказалось на брачных отношениях, церковь стала запрещать многоженство, боролась с внебрачными связями. Вместе с тем возник юридический разрыв между законнорожденными и внебрачными детьми. В брак можно было вступить с 12 лет невесте и с 14 – жениху. На базе семейного права стало формироваться наследственное право. Земля и другое недвижимое имущество не были в гражданском обороте и по наследству также не передавались. «Из ближайшего рассмотрения существа нашего древнего семейства, устройства домашнего быта и, наконец, постановлений Русской Правды», как указывал В. Никольский, следует, что:

«1. Умершему наследуют прежде всего его нисходящие дети, внуки и т. д., при этом женский пол вовсе устраняется мужским от наследства. Сестра при брате не вотчинница, она получает только приданое.

2. Если не было сыновей, то в семейном имуществе, т. е. принадлежащем отцу семейства, следовательно, движимом, наследовали дочери. Ограничение женского пола в наследстве недвижимых имуществ есть дело позднейшего времени, ибо в настоящее время земля не входила в состав частной

собственности, а потому и не переходила по наследству.

3. Если не было нисходящих детей и внуков, то наследство поступало к боковым родственникам, по степени близости к умершему. Причем также женский пол исключался мужским.

Ни восходящие родственники нисходящим, то есть родители детям, ни супруги друг другу не наследовали»[39].

Русская Правда – главный письменный источник сведений о правовых, социальных и экономических отношениях на территории Руси XI–XII веков.

Мы знаем, что Русская Правда была живым документом: она постоянно дополнялась и изменялась; дневнерусский законодатель пытался не отставать **от жизни. При этом все же основным регулятором отношений был обычай.**

Русская Правда дошла до сегодняшнего дня в списках XV века и одиннадцати списках XVII–XIX веков.

Согласно традиционной русской историографии, эти тексты и списки разделяют на три редакции Русской Правды: краткую, пространную и сокращенную. Наиболее древней считается Краткая Правда – именно она была принята Ярославом Мудрым, а затем дополнена его сыновьями: Киевским князем Изяславом Ярославичем, Черниговским князем Святославом Ярославичем и Переяславским князем Всеволодом Ярославичем. Впоследствии нормы Русской Правды Ярослава и его сыновей были постепенно систематизированы киевскими князьями на основе устного родового права с включением моментов скандинавского и византийского права, а также церковного влияния. Это была так называемая Пространная Правда.

Краткая Правда (10–70-е гг. XI в.) состояла из 43 статей. Первая ее часть (ст. 1–18) – наиболее древняя, принятая еще Ярославом – говорила о сохранении обычая кровной мести, об отсутствии достаточно четкой дифференциации размеров судебных штрафов в зависимости от социального статуса потерпевшего. Вторая часть (ст. 19–43), принятая его сыновьями, отражала дальнейший процесс развития землевладельческих отношений: кровная месть отменялась, жизнь и имущество землевладельцев ограждались повышенными мерами наказания. По меткому выражению профессора П. Мрочека-Дроздовского, «вообще краткая Правда относительно пространной представляет собою как бы остов, около которого выросла новая плоть, или, лучше, старинное здание, расширенное новыми пристройками»[40]. Существенно доработана Правда была в XII веке при Владимире Мономахе.

Безусловно, Русская Правда стоит первой в ряду таких

системных актов, как Соборное уложение царя Алексея Михайловича и Свод законов Российской империи.

Правовой инструментарий может упорядочить или, наоборот, расстроить отношения.

> **Вместе с тем судьбоносные решения всегда необходимо принимать высшему лицу. В целях сохранения единства страны и управления внутри одной княжеской семьи Ярослав Мудрый был вынужден в 1054 году разделить Русь на пять княжеств по числу своих сыновей.**

В ходе Любечского съезда князей (1097) было решено, что «каждый да держит отчину свою». В каждой земле утверждалась отдельная династия, а великий князь Киевский становился первым среди равных, теряя роль сюзерена.

Позднее сын Всеволода I и внук Ярослава Мудрого **Владимир Мономах (1053–1125) и его старший сын и наследник Мстислав Великий (1076–1132) путем захватов и династических браков смогли вернуть все княжества в подчинение Киеву**.

Владимир Мономах уделял большое внимание идеологическим основам Древней Руси. По его поручению в 1116 году в Киевском Выдубицком монастыре была создана вторая редакция «Повести временных лет», выдвигающая на первый план деятельность самого Владимира. Третья редакция была составлена в 1118 году, а в 1119-м пресвитер Василий, близкий к Владимиру Мономаху, в четвертый раз отредактировал текст «Повести». Именно эта редакция летописи дошла до нас в составе Лаврентьевской летописи 1377 года[41].

Тогда же было создано «Сказание о святых Борисе и Глебе»[42], получило широкое распространение их церковное почитание. Владимир самолично написал «Летопись», содержащую описание своих военных и охотничьих подвигов. На сохранившихся печатях Владимир Мономах использовал также титул «архонт всея земли Русской» на манер византийского титула[43]. Возникло предание, что Владимир Всеволодович был венчан на царство Константинопольским митрополитом Неофитом[44].

Великий князь Владимир Мономах наряду с государственной и военной деятельностью известен как мудрец, оставивший потомкам политико-правовой трактат «Поучение» (ориентировочно в 1117 году) – работу, в которой обосновывается необходимость и божественность верховной власти.

Обращаясь к своим детям и другим лицам («иной кто, слушая

эту грамотку»), Мономах говорит о военной службе, отношении к вере, к людям и правосудию. От выдающегося воина и великого князя мы слышим следующие слова: «Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души»[45].

После смерти Мстислава от Киевского княжества обособились Чернигово-Северское, Смоленское, Ростово-Суздальское, Муромо-Рязанское, Перемышльское и Теребовльское княжества и Новгородская земля.

К концу XII века на территории Киевской Руси окончательно оформились 11 вотчин (княжеств): Киевская, Новгородская, Псковская, Суздальская, Рязанская, Переяславская, Черниговская, Смоленская, Полоцкая, Волынская, Галицкая. Князья-вотчинники стали владельцами земли и хозяевами по отношению к населению принадлежащей им территории, обладавшими всеми полномочиями государя. При этом сохранялись единство княжеского рода и церковное единство, а также представление о Киеве как формально самом главном русском столе и Киевской земле как общей собственности всех князей.

Политический строй и система управления русских княжеств имели местные особенности. В одних землях князья смогли стать собственниками практически всей земли и прибрать к рукам все рычаги управления, овладеть всей полнотой власти над населением. Небольшие размеры княжеств позволяли им лично вникать во все дела по управлению, вершить суд на своем дворе или во время объездов собственных владений. В других землях сохранялась общинная собственность на землю, что порождало коллективную систему управления.

К началу монгольского нашествия (1237) количество русских княжеств достигало пятидесяти. Русь продолжала дробиться со всеми вытекающими негативными последствиями. Вместе с тем оставалось то, что все-таки сильно объединяло княжества и население Древней Руси: язык, обычаи, православие и Русская Правда.

3 Северо-западныерусские республики. Псковская и Новгородская судные грамоты

В Новгородской и Псковской землях, в отличие от остальной Руси, утвердились своеобразные республики, в которых княжеская

власть утратила роль всевластного хозяина и стала играть подчиненную, преимущественно военно-служебную роль. В. О. Ключевский утверждал, что подобное образование сложилось и в Вятке[46].

Главным органом управления в Великом Новгороде и Пскове было вече – общегородское собрание, на котором решались вопросы экономики, политики, городского устройства, военного дела и др.

> **Именно вече решало, кого и почему призвать в князья, или, наоборот, вече могло его изгнать. При приглашении на княжение собрание рассматривало выдвигаемые условия для кандидата** и принимало или нет условия претендента на князя. Считается, что при согласии веча **и претендента на княжение оформлялся договор, в котором указывались соответствующие условия (ряды).**

В Новгородском и Псковском вече (собрании) могло принимать участие свободное мужское взрослое население. Подготовка, созыв и проведение веча, а также реализация его решений осуществлялись Советом господ в Новгороде и Советом бояр в Пскове.

Князь управлял городом, осуществлял внешние связи, обеспечивал внутреннюю и внешнюю безопасность, взимал дань, за счет которой содержал управленческий аппарат и войско. Самым известным князем Великого Новгорода, призванным вечем на княжение, был **Александр Невский (1221–1263),** сын Ярослава Всеволодовича и правнук Владимира Мономаха.

Александр Ярославич призывался на княжение четыре раза. Начало третьего княжения (1241) происходило в трагических условиях: Русь уже была под пятой монголов, Псков пал под натиском Ливонского ордена, крестоносцы подходили к Великому Новгороду.

Первоначально Александр освободил новгородские земли. «Только в следующем 1242 году, съездив в Орду, Александр выступил к Пскову и взял его, причем погибло семьдесят рыцарей со множеством простых ратников, шесть рыцарей взяты в плен и замучены, как говорит немецкий летописец. После этого Александр вошел в Чудскую землю, во владения Ордена. Войско последнего встретило один из русских отрядов и разбило его наголову. Когда беглецы принесли Александру весть об этом поражении, то он отступил к Псковскому озеру и стал дожидаться неприятеля на его льду, который 5 апреля был еще крепок. На солнечном восходе началась знаменитая битва, слывущая в

наших летописях под именем Ледового побоища»[47], как известно, завершившегося победой русского войска. В дальнейшем Александр Невский умудрялся заниматься государственной деятельностью практически на всей территории Древней Руси, лавируя между русскими князьями и монголами. Дипломатические способности и высокий авторитет Александра спасали многие земли от окончательного разорения.

Князь Александр Невский умер в 42 года, возвращаясь из Орды, уже на русской земле, в Городце (сегодня это город в Нижегородской области). В 1547 году канонизирован Русской православной церковью.

В Великом Новгороде республика существовала с середины XII века, когда раздробленность Древней Руси достигла невероятных масштабов. С 1245 года Новгородская республика частично подчинялась Великому княжеству Владимирскому, затем Московскому царству, а в 1478 году царь Иван III присоединил Новгород к Московскому княжеству. Новгород стал вотчиной московского царя.

Псков с XII века находился в составе Новгородской республики. После успешной борьбы вместе с новгородцами против Ливонского ордена Псков добился первоначально автономии, а затем и независимости, что было подтверждено соглашением 1348 года под названием «Болотовская жалоба (челобитная)». В 1510 году великим князем Василием III Ивановичем Псков был присоединен к Московскому царству.

На этих северо-западных русских территориях до присоединения к Московскому царству действовали подробные локальные правовые документы, основанные на Русской Правде, – **Псковская и Новгородская судные грамоты (XV в.).** В силу соседства временного и пространственного, а также постоянного общения властей и жителей Пскова и Новгорода можно говорить о схожести этих документов.

Оба свода тщательно готовились и принимались на вече, а потому доступность (общеизвестность) этих документов была достаточно большой, соответственно, сила и исполняемость тоже были на высоком уровне. Кроме того, благодаря уже действующим нормам Русской Правды тексты были понятны разным слоям населения.

> **Судные грамоты питались в основном одними и теми же источниками. Наряду с упомянутой Русской Правдой при подготовке грамот учитывались международные договоры городов, развитое в то время магдебургское право, а также торговые и иные**

обычаи.

Огромное влияние оказали документы Русской православной церкви.

В судных грамотах, несмотря на название, были правила не только судоустройства и судопроизводства, но и нормы уголовного, административного, церковного, договорного, наследственного и налогового права.

Обе грамоты устанавливали особые формы договоров купли-продажи: для земли необходимо было заключать соглашения при свидетелях, с участием священнослужителя, запись сдавалась в церковь; с участием иностранных купцов договор считался заключенным только в присутствии свидетелей, с рукопожатием и письменным оформлением. Закрепляются договоры найма (аренды), хранения, личного найма.

Впервые на Руси предусматривалось рассмотрение торговых споров членами купеческих обществ (братчин).

Семейное право в это время продолжало развиваться на основе актов Русской православной церкви.

Более четко стали регламентироваться вопросы заключения и расторжения брака, фиксации рождения и смерти.

Наследственное право стало регламентироваться более детально, появилась необходимость фиксации завещания в церкви в присутствии свидетелей. Обязательства (долги) умершего стали переходить к наследникам. Согласно Псковской судной грамоте, «наследовали: отец, мать, сын, брат, сестра, другие ближние родственники (кто ближнего племени), стало быть, и боковые допускались к наследованию. Сын лишался наследства, если отца и матери не скормит до смерти, а пойдет из дому. Супруги друг после друга наследовали только пожизненно, в кормление, пока не вступали в следующий брак (т. е. пока не будет основано новое хозяйство)»[48].

Уголовное право продолжало основываться на Русской Правде и других актах того времени, вместе с тем в грамотах есть такие уголовные наказания, как за преступления против суда и измену. Обе грамоты признавали в качестве доказательств жребий и поле – судебный поединок.

Новгородская судная грамота была принята либо в 1440 году, либо в 1456-м.

Псковская грамота, в отличие от Новгородской, сохранилась и дошла до наших дней. Новгородская есть во фрагментах и комментариях исследователей разного времени. Новгород разорялся несколько раз при Иване III и особенно наиболее изощренно при Иване IV (Грозном): сознательно уничтожались

люди, строения, бумаги, похищались ценные предметы (сокровища).

Псковская судная грамота принималась по частям в разное время, начиная с самого конца XIV века (1397)[49], **и окончательно принята была в конце XV века.**

«Доказательства такого постепенного происхождения грамоты находятся в ее составе, в котором явны следы хронологического наслоения содержания: более ранние статьи, отмененные или измененные последующими, удержаны, однако, в грамоте (ср. ст. 50 и 82). Всю грамоту можно разделить на три части: первая – от 1 до 76 ст., вторая – от 77 до 108, третья – от 109 до конца. Каждая из них начинается учредительными законами (о составе суда)»[50], – писал М. Ф. Владимирский-Буданов.

Необходимо отметить, что обе грамоты принимались в период расцвета двух республик, при снижении давления Золотой Орды на Русь, после Куликовской битвы (1380) и до захвата Пскова и Новгорода Московским царством.

Обе грамоты послужили источником при подготовке Иваном III Судебника 1497 года.

4
Под монгольской юрисдикцией (1237–1480). Соотношение монгольского и русского права

Русские земли и княжества по отдельности не смогли противостоять нашествию монголов, начавшемуся, согласно летописи, в 1237 году, а договориться о совместном отпоре агрессору им не удалось.

В начале нашествия пали Владимир, Рязань, Москва, а в 1240 году – Киев и Чернигов. Обосновавшись в низовьях Волги, завоеватель Руси хан Батый призвал к себе всех уцелевших русских князей и потребовал от них признания своей верховной власти. Надо сказать, что русские земли оказались далеко не самой большой частью огромной монгольской империи, скорее ее периферией, но для Руси это была катастрофа вселенского масштаба.

> **По сути, это была вторая после принятия православия развилка, исторически отделившая развитие России от западноевропейского мейнстрима – эпохи Возрождения, рецепции римского права, становления права ученых.**

В советской историографии считалось, что татаро-монгольское иго надолго затормозило развитие Руси. Однако точнее было бы сказать, что оно направило развитие страны в другое русло – по направлению к империям восточного типа, основанным на подавлении и господстве.

Несколько слов следует сказать о завоеваниях легендарного Чингисхана (1162–1227). В 1206 году вождь Темучин объединил монгольские племена и с этого времени стал великим ханом нации – Чингисханом. «В 1215 году начался захват Китая полчищами Чингисхана. В течение 1219–1221 годов они разгромили владения хорезмшаха в Семиречье и Средней Азии, прошли почти весь Казахстан, захватили Афганистан. В 1220–1223 годах монголы предприняли поход через Персию на Кавказ. В это же время они разгромили половцев и впервые встретились с русским войском в битве при Калке. Завоевание Руси и ее княжеств монголы осуществили при преемниках Чингисхана – Батые (Бату) и Берке»[51].

Захватчики ввели на Руси жестко централизованную систему управления. Русские князья подчинялись великому князю, стоявшему во главе русского улуса (русской страны), а великий князь был напрямую подчинен хану Улуса Джучи[52], который впоследствии в русских летописях стал называться Золотой Ордой. Монгольские ханы как верховные правители русских земель присвоили себе право назначать великого князя – выдавали ярлык на великое княжение. Русские князья из полновластных хозяев своих вотчин превратились в служащих. Органы управления на местах, особенно в первое время вторжения, находились под контролем монголов.

Орда проявляла веротерпимость и до определенных пределов позволяла подведомственным территориям жить по их законам и обычаям. Но когда затрагивались ее интересы или возникало неповиновение, она была безжалостна. Как писал В. О. Ключевский, «ордынские ханы не навязывали Руси каких-либо своих порядков, довольствуясь данью, даже плохо вникали в порядок, там действовавший. Да и трудно было вникнуть в него, потому что в отношениях между тамошними князьями нельзя было усмотреть никакого порядка»[53].

На территории Руси была создана баскакская военно-политическая структура, которая следила за порядком в стране, проверяла уплату дани и выполнение других повинностей в пользу Золотой Орды. Баскаки жили в княжествах и осуществляли контроль над ними. Они подчинялись великому, или главному, баскаку, находившемуся во Владимире.

Принципы восточной бюрократии были легко восприняты

русской знатью. Ее представители быстро находили соответствие своих титулов в золотоордынской системе и привлекались к управлению княжествами.

Вместе с тем во многом из-за ордынского гнета и унижения в XIV–XV веках начал набирать силу процесс «собирания земель русских», результатом которого стало объединение русских земель вокруг двух великих княжеств: Московского[54] и Литовского[55]. На этих бывших территориях Древней Руси фактически сформировалась система двоевластия. Монголы вмешивались в дела княжеств только тогда, когда у них был экономический или военный интерес.

Литовское великое княжество занимало значительную часть некогда единой Киевской Руси, включая сам Киев, а этнически русские земли составляли 9/10 его территории.

Основой законодательства и Московского, и Литовского княжеств была Русская Правда.

Московские князья были по знатности ниже, чем русские князья Литовского княжества, но оказались более организованными и креативными. Они использовали всевозможные способы для увеличения территории своего княжества: от брачных союзов и вооруженных захватов с применением сил монголов до приобретения так называемых выморочных уделов, если у князя не оставалось наследника. Немаловажную роль сыграла и гибкая политика московских князей в отношениях с Золотой Ордой, которая на протяжении второй половины XIIXIV века основывалась то на союзе с захватчиками, то на борьбе с ними.

> **Именно в Сарае – столице Золотой Орды – московские князья имели возможность вплотную лицезреть власть, с которой нельзя входить в соглашение, но которой надо безусловно подчиняться. Здесь они научились переписывать население, облагать налогами дворы и торговые сделки, вести дипломатические отношения, управлять курьерской службой и расправляться с непокорными подданными.**

В отличие от централизованного Московского княжества, литовское государство представляло собой федеративный тип устройства, что фактически гарантировало автономию этнически русских земель. Кульминацией борьбы двух соперничающих за доминирование в регионе государств стали события второй четверти XIV века, когда правитель Литвы Ольгерд дважды безуспешно пытался взять Москву в 1368 и 1372 годах. После

этого существенное влияние на территориях раздробленной Руси окончательно перешло на сторону Московского княжества. Впоследствии Великое княжество Литовское стало автономной территорией в составе Речи Посполитой, злейшего врага Московского царства последующих XVI–XVII веков.

В то же время в Орде шли противоположные процессы. С 1359-го по 1380 год на ордынском престоле сменилось более 25 ханов, а многие улусы попытались стать независимыми. Это время в русских источниках получило название «Великая замятня»[56]. Начался постепенный распад государства. Правители отдаленных частей улуса приобретали фактическую самостоятельность.

Процесс распада ускорился с 1420-х годов. Сначала образовалось Сибирское ханство, в 1428-м – Узбекское ханство, затем возникли Казанское (1438), Крымское (1441) ханства, Ногайская Орда (1440-е годы) и Казахское ханство (1465). Русь управлялась ханом Большой Орды – того, что осталось от Золотой Орды после отделения вышеперечисленных ханств.

Великое княжество Московское также стало выходить из-под влияния Орды, особенно после знаменитого Куликовского сражения 8 сентября 1380 года, когда объединенное русское войско во главе с великим князем Владимирским и князем Московским Дмитрием Ивановичем (Дмитрием Донским) разгромили войска ордынского темника Мамая, решившего покарать русских князей, отказавшихся платить дань и получать ярлык на княжение от хана Орды. Литовский князь Ягайло должен был участвовать в Куликовской битве на стороне Мамая, однако в самый ответственный момент не стал вступать в сражение.

И хотя в 1382 году хан Тохтамыш сжег Москву и убил около 20 тысяч человек, отношения Великого Московского княжества и Орды заметно изменились. Тем не менее русские княжества еще почти сто лет платили дань, а также периодически велись локальные боевые действия.

> **Есть выражение о том, что враги делают нас сильнее. В нашем случае русские княжества смогли сплотиться вокруг Москвы и воспользоваться тем, что в Орде пошли обратные процессы; собирание земель проходило одновременно с распадом Орды. Власть вместе со сложившимся представлением о ней перешла к Московскому княжеству.**

Несколько слов следует сказать **о соотношении монгольского и русского права**.

Монгольское право, а точнее – Великая Яса Чингисхана и монгольские обычаи, с одной стороны, и Русская Правда и русские обычаи – с другой, – редко вступали в противоречие. Во-первых, во время боевых действий праву нет места, поскольку война в лице военачальников – и сыск, и суд, и палач одновременно. Во-вторых, русское право действовало только на русских территориях и продолжало регулировать договоры, наследование, уголовное право, судопроизводство и прочее в отношении русских или любых других людей, за исключением монголов. Если же участниками соответствующих отношений были монголы, вступала в действие Яса.

> **Великая Яса Чингисхана (1206) была сводом норм, посвященных военному делу, уголовному праву, брачным отношениям, праву собственности, в том числе рабовладению, и, конечно же, налогам**

(при этом независимо от веры служители культа, а также врачи освобождались от налогов). Этот свод периодически менялся, постепенно вытесняя обычаи из регулирования жизни монгольского государства и общества. Со временем Яса стала наполняться нормами шариата.

Яса предусматривала достаточно традиционную для того времени систему наказаний: смертная казнь, телесные наказания, тюрьма, штраф.

Судебную власть у монголов осуществляли военачальники, а на территориях, где в этот момент не велись военные действия, – общины и представители хана.

В монгольской семье отец был и ее главой, и собственником всего семейного имущества. Количество жен и наложниц не ограничивалось и скорее зависело от имущественного положения отца, который мог отдать или даже продать своих детей.

При вступлении в брак было необходимо фактическое либо обрядовое похищение, а также выкуп. С обратной стороны, т. е. со стороны невесты, должно было быть представлено приданое. Размер стоимости свадебных торжеств, выкупа и приданого определялся соглашением представителей жениха и невесты и зависел от положения глав семейств. После смерти главы семейства по наследству имущество передавалось взрослым сыновьям. Если таковых не было, то старшей жене.

Влияние монгольских правовых норм и обычаев на русское право было незначительным. В этом вопросе надо учитывать целый ряд факторов.

Первый. Как уже было сказано, монголы не навязывали свои порядки, им было достаточно уплаты дани в срок и

в определенном ими размере.

Второе. Их право было в недостаточно развитом и устойчивом состоянии.

Третье. У большинства русских были православная вера, свои обычаи и взгляды на жизнь, сильно отличающиеся от обычаев и взглядов монголов.

Мы уже говорили о некоторой преемственности управленческой деятельности русских князей у монголов. Долгие годы власти Орды сделали вотчинный уклад, в основе которого лежит отождествление государя и государства и тотальное холопство, столбовой дорогой развития российского общества. На русском гражданском и семейном законодательстве право монголов никак не отразилось. Зато в уголовном праве стали появляться такие виды наказания, как увечье и коллективная ответственность.

5
Заключение к первой главе

Древняя Русь возникла на торговых путях «из варяг в греки» – в укрепленных городах, выросших вдоль речного пути, шедшего из Черного моря в Балтийское. По нему в IX–X веках двигались караваны судов из Византии в Западную Европу. Развитие происходило в рамках общего тренда Восточной Европы, включавшего в себя христианизацию[57] и возникновение множества вождеств, конкурировавших между собой за территории, периодически сливавшихся и распадавшихся.

Принятие христианства в значительной мере способствовало развитию общественных отношений на Руси и сплочению населения, которое признавало одни ценности и одну власть. К тому же оно принесло народам письменность.

Еще в IX веке греческие братья-миссионеры Кирилл и Мефодий создали славянскую письменность и перевели на славянский язык Библию и многие другие церковные книги. Конечно, подавляющая часть населения, за исключением некоторых духовных лиц и представителей знати, была неграмотна. Однако Слово Божие звучало в русских церквах не на непонятном для верующих греческом языке, а на близком славянском наречии[58]. С другой стороны, русские, вследствие незнания ими классических языков, вплоть до XVIII века оказались отрезанными от сокровищ латинской и греческой культуры, философии и литературы, и в конечном счете – от интеллектуального развития. Но зато духовная отрезанность России была возмещена проникновением христианского

мировоззрения в толщу русского населения, которое стало мощным средством суггестивного управления.

«Приняв христианство от греков, русский народ унаследовал от них убеждение, что истинная преданность Церкви состоит в неизменном хранении раз и навсегда установленного обряда. В течение всей своей истории русские члены Церкви никогда не ставили перед собою вопроса, насколько это соответствует подлинной миссии христианства, и они никогда не выходили из круга тех установлений, которые они восприняли из Византии»[59].

В раннее Средневековье на большинстве территорий Европы вместо вождеств возникли феодальные образования, конституированные в так называемых варварских правдах. В XI веке на Руси вместо вождеств возникли вотчины, что нашло свое отражение в первом систематизированном нормативном документе – Русской Правде.

Одновременно со светским развивалось и церковное законодательство, регулировавшее в том числе такие частноправовые отношения, как семейные и наследственные.

Русское право подвергалось влиянию с трех разных сторон: с востока (монгольское), с юга (римское), с запада (германское). Более успешное проникновение, как мы видели, происходило со стороны Византии (Восточной Римской империи); вместе с тем и следы монгольского и германского, а точнее – магдебургского права можно найти в русском праве того времени. Однако на территории господствовал его величество обычай, применение писаного права, встречалось нередко, но скорее в каких-то особенных ситуациях – тяжких преступлениях или больших имущественных спорах.

Поначалу право собственности на землю принадлежит князьям или вервям. Затем русские территории переходят под юрисдикцию Орды, а потом – к князьям-вотчинникам. Всем остальным владеть и пользоваться землей можно только за соответствующую плату или за службу князю.

Включение русских земель в состав Монгольской империи надолго остановило процесс возникновения централизованного русского государства, но зато приобщило русских князей к тоталитарным методам управления и привило им ценности империи, главная из которых – стремление к бесконечному расширению своих владений.

По мере распада Монгольской империи и ее обособившихся территорий, в частности Золотой Орды, процессы становления государства и развития права возобновились в рамках двух протогосударств – Московского и Литовского великих княжеств,

жестко конкурировавших друг с другом за земли и население бывшей Киевской Руси. Собирание русских земель в Великое Московское княжество происходило по модели вотчинного государства с использованием жестоких методов управления, позаимствованных у Орды. Превращение Московии в вотчину своего правителя заняло два столетия. Процесс этот начался в середине XV века и завершился в середине XVII века.

Глава 2
Московское царство

1
Государь всея Руси Иван III

Не вдаваясь в дискуссии о происхождении Москвы, будем придерживаться официальной истории нынешней столицы России. **Годом основания Москвы считается 1147 год.** С 1263 года Москва становится удельным княжеством во главе с Даниилом, младшим сыном Александра Невского. В силу географического положения Москва стала разрастаться. Важнейшую роль в увеличении влияния Москвы сыграл перенос из Владимира в Москву митрополичьей кафедры в 1326 году, тогда же началось строительство Успенского собора.

Считается, что превращение Московского княжества в вотчинную монархию началось при Иване I Даниловиче Калите (1288–1340), который и запустил процесс «собирания земель русских». Этот князь был «в полном смысле князь-вотчинник и смотрел на свои владения как на собственность»[60]. При этом политические права князя определялись правом собственности на землю.

Собирая в свою собственность русские земли, Иван в то же время выступал как создатель государства, т. е. некоего территориально-популяционного единства, находящегося в противоречии с интересами великокняжеской семьи, стремившейся к разделу княжества-вотчины между сыновьями-наследниками[61].

Потребуются еще столетия, чтобы великие князья, а потом цари смогли «пожертвовать семьей государству»[62].

Чтобы стать великим князем Владимирским и Московским, требовалось удачное стечение обстоятельств и согласование со стороны Орды. Князья менялись с калейдоскопической быстротой, и далеко не все из них были близкими родственниками. Первый, кто заговорил о наследовании этого титула, был Дмитрий Иванович Донской (1350–1389): «Говоря о переходе своего удела к следующему по старшинству сыну, он как бы осторожно внушал мысль, что и великое княжение должно перейти к нему»[63]. То есть речь шла о соединении власти и собственности в неделимой Московской Руси.

Сын Дмитрия Донского Василий I Дмитриевич (1371–1425) по завещанию отца стал великим князем, не спрашивая

разрешения Орды.

Четвертый сын великого князя Московского Василия I **Василий II Васильевич Темный (1415–1462)** четыре раза становился великим князем Московским (первый раз в возрасте двух лет), то терпя поражения, то побеждая сначала своего дядю, князя Звенигородского и Галицкого Юрия Дмитриевича, а затем его сыновей, Василия Косого и Дмитрия Шемяку, сумев обратить на свою сторону как монголов, так и церковь. В ходе продолжительных конфликтов в феврале 1446 года Дмитрий Шемяка сумел его ослепить, за что Василий и был прозван Темным.

Василий II Темный добился единства Великого княжества Московского. Он уничтожил почти все удельные княжества, входившие в состав Московии: Дмитровское, Галицкое, Можайское, Серпухово-Боровское и другие. В 1456 году он предпринял поход на Новгород и заставил вернуть захваченные московские земли. При Василии II в 1448 году Русская православная церковь стала автокефальной. Василий Темный сумел подготовить страну к единовластию, а своего старшего сына Ивана – к роли самодержца. Летописец отмечал: «Бысть бо сей князь великий Василей единовластец в Руси»[64]. Так возникла Московская вотчинная монархия.

«Приверженцы Василия не давали покоя его соперникам, донимали их жалобами, протестами и происками, брали на свою душу его клятвы, пустили в дело на его защиту все материальные и нравственные средства, какими располагали. Внук Донского попал в такое счастливое положение, не им созданное, а им только унаследованное, в котором цели и способы действия были достаточно выяснены, силы направлены, средства заготовлены, орудия приспособлены и установлены, и машина могла уже работать автоматически, независимо от главного механика»[65], – писал Василий Осипович Ключевский. Иными словами, государственный механизм к тому времени в целом был уже создан.

Сын Василия Темного Иван III Васильевич (1440–1505) – великий князь Московский – завершил собирание русских земель, находившихся прежде в сфере влияния Орды. В 1463 году в состав Московского государства вошел Ярославль, в 1474 году – часть ростовских земель, в 1478 году – владения Великого Новгорода, в 1485 году – Тверское княжество, в 1489 году – Вятская земля. Псковская республика и Рязанское княжество, формально сохранявшие самостоятельность, попали под полный политический контроль Москвы.

Важно отметить, что **потеря положения удельного князя**

как мелкого государя после присоединения его владений к Московии вела к потере тех вотчинных земель, которые традиционно были в руках этого княжеского рода. После этого присоединения их положение становилось совершенно иным – **они были уже не самостоятельными вотчинниками, а московскими боярами и воеводами, т. е. людьми служилыми.**

Служба в вотчинном государстве означала приобретение статуса «слуги», который означал «почетный титул», а «начало холопства» лежало в ее основании[66].

После смерти первой жены Марьи Борисовны в 1472 году Иван III женился второй раз – на Софье (Зое) Палеолог, племяннице последнего императора Византии (Восточной Римской империи). Софья была убежденной православной христианкой, с детства ее готовили к браку со знатным христианином, которому нужно не только рожать и воспитывать детей, но и помогать в управлении и дипломатии. Образование, в том числе знание истории и искусства управления, она с удовольствием доносила до супруга и детей. Вот что пишет С. М. Соловьев о браке: «Дело уладилось: в июне 1472 года Софья выехала из Рима в сопровождении кардинала Антония и многих греков, а 1 октября пригнал во Псков гонцом Николай Лях от моря, из Ревеля, и объявил на вече: „Царевна переехала море, едет в Москву, дочь Фомы, князя морейского, племянница Константина, царя цареградского, внука Иоанна Палеолога, зятя великого князя Василия Дмитриевича, зовут ее Софья, она будет вам государыня, а великому князю Ивану Васильевичу жена, а вы бы ее встретили да приняли честно“»[67].

Иван III и Софья Палеолог обвенчались 12 ноября 1472 года. Соловьев продолжает: «Современники заметили, что Иоанн после брака на племяннице императора византийского явился грозным государем на московском великокняжеском столе; он первым получил название Грозного, потому что явился для князей и дружины монархом, требующим беспрекословного повиновения и строго карающим за ослушание, возвысился до царственной недосягаемой высоты, перед которою боярин, князь, потомок Рюрика и Гедимина должны были благоговейно преклониться наравне с последним из подданных; по первому мановению грозного Иоанна головы крамольных князей и бояр лежали на плахе.

В 1480 году, после „стояния“ войск Ивана III и хана Большой Орды Ахмата на берегах реки Угры, Русь окончательно освободилась от ордынского ига. Это было последнее крупное вторжение Большой

Орды на земли Московского княжества, и оно окончилось для них неудачей.

Современники и ближайшие потомки приписали эту перемену внушениям Софьи, и мы не имеем никакого права отвергать их свидетельство»[68]. Мы уже говорили о том, что в 1478 году Великий Новгород стал частью Московского княжества, в 1487–1494 и 1500–1503 годах, в ходе двух войн с Великим княжеством Литовским десятки русских городов, включая Вязьму и Чернигов, также были присоединены к Великому княжеству Московскому. Все они стали вотчинами московского царя. После устранения проблем с Ордой и объединения русских земель московский государь стал властителем основной части Русской земли. Так возникло первое централизованное Русское государство. **Иван III в 1485 году принял титул «государь всея Руси».** В некоторых документах он назывался царем[69], а в ряде иноземных источников – кайзером и императором. Иван III принял и государственный герб. Им стал герб Византийской империи – двуглавый орел. Тем не менее «в московском князе XIVXV вв., даже великом князе, было… много частного владельца, закрывавшего собой государя»[70].

Была внедрена новая система управления государством.

Вся масса служилых людей разделилась на три главных разряда, которые, в свою очередь, имели иерархические подразделения, называвшиеся чинами. К первому разряду принадлежали служилые люди, которые имели право заседать в Боярской думе. Во втором разряде были служилые люди, которые составляли как бы гвардию московского царя и служили в столице; наконец, третий и самый многочисленный разряд составляли городовые служилые люди. Каждый из этих разрядов распадался на отдельные чины. Думные чины составились из: 1) бывших удельных князей; 2) старых московских бояр и 3) «слуг вольных» прежних московских князей. Эти три социальных слоя составили три думных чина: бояр, окольничих и думных дворян. К трем думным чинам присоединился еще и четвертый – думные дьяки, высшая ступень приказной, или канцелярской, службы.

Чины московские образовались из старых дворцовых слуг и представителей провинциальных служилых людей, которых правительство в несколько приемов перевело на службу в Москву. В их состав входили четыре отдельных чина: стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы; провинциальные или, как их называли, городовые служилые люди носили название дворян и детей боярских.

Старинные московские чины, как и вся московская служба, в

значительной степени определялись родовым происхождением. Сын боярина никогда не начинал службу ни с чина городового дворянина, ни с чина дворянина московского; он начинал ее прямо с чина стольника. Представители самой большой московской знати из чина стольника прямо жаловались чином боярина[71].

Это была типично патримониальная бюрократия[72], характеризующаяся откровенным произволом чиновников, который был непосредственным отражением произвола, допускаемого правителем в отношении их самих. Вся система управления была пронизана соответствующими подношениями и личными связями.

Власть великого князя не была чем-либо формально ограничена, однако на практике правитель вынужден был считаться с нормами и обычаями, которые существовали с незапамятных времен. При принятии решений великий князь советовался со своими советниками – Боярской думой.

Дума не ограничивала власть государя, но в реальности предложения бояр, как правило, выслушивались и принимались во внимание. «С X и до XVIII века Боярская дума стояла во главе древнерусской администрации, была маховым колесом, приводившим в движение весь правительственный механизм; она же большею частью и создавала этот механизм, законодательствовала, регулировала все отношения, давала ответы на вопросы, обращенные к правительству»[73], – писал В. О. Ключевский.

Князю принадлежало право назначения на высшие государственные и военные должности. Он же жаловал в члены Боярской думы, однако при назначении на должности государь должен был считаться с происхождением служилого человека. Существовал обычай местничества, которое ограничивало круг лиц, которых можно было назначить на виднейшие посты.

При Иване III существовали два общегосударственных ведомства: дворец и казна. Возглавляли их, соответственно, дворецкий и казначей. Дворецкий ведал землями, принадлежавшими лично великому князю, и производил суд по земельным делам. Казначей должен был наблюдать за государственными казной, архивом и печатью. Большую роль в формировавшемся аппарате управления играли дьяки, которые непосредственно занимались ведением дел.

Удельных князей, управлявших разными частями страны, сменили государевы наместники – по сути, бюрократы. **Территория Русского государства делилась на уезды, а те, в**

свою очередь, – на станы и волости. В уезде управлял наместник, а в стане или волости – волостель. Наместников и волостелей на должности назначал великий князь. Они не получали жалованья, а обеспечивались всем необходимым за счет подвластного населения, т. е. получали территорию на кормление.

> **Для обеспечения служилых людей использовали землю, населенную крестьянами. Великий князь жаловал своим холопам землю или как безусловное владение (вотчина), или впоследствии как условное (поместье).**

Держатели поместий стали называться помещиками. Поместьем служилый человек пользовался только до тех пор, пока являлся на службу по первому приказу. В противном случае он его лишался. Поместье нельзя было продавать, дарить, передавать по наследству. Юридически оно считалось собственностью великого князя. Это препятствовало дроблению поместий, в отличие от вотчин, которые мельчали при разделе среди наследников, и в конце концов наступал такой момент, когда владелец измельчавшей вотчины уже не мог выходить на службу, так как не имел средств на покупку коня, вооружения и обеспечения своей дружины.

На место разрозненных княжеских дружин пришло поместное войско. Основу вооруженных сил составляло ополчение удельных князей – дворянская конница. В случае необходимости на службу отправлялось и пешее крестьянское ополчение (посоха).

Основным населением страны были крестьяне. По тому, на каких землях они жили, различались черные, дворцовые, монастырские, поместные крестьяне. Жители городов назывались посадскими людьми. Население несло повинности в пользу государства, и если оно проживало на владельческих землях, то в пользу владельцев. От налогов были освобождены только служилые люди.

Русское государство установило дипломатические отношения со многими государствами Европы и Азии. Началось грандиозное строительство, которое осуществляли русские и итальянские мастера. В основном строили и восстанавливали церкви, начали строить каменный Кремль.

Московское царство времен Ивана III с большой натяжкой можно назвать централизованным государством. Еще не вся Московия была вотчиной царя. Удельная раздробленность Древней Руси, законсервированная столетиями монгольского господства, все еще сохранялась, и говорить, что страна

представляет собой единое политическое и экономическое целое, не приходилось. Вместе с тем шел сложный и противоречивый процесс централизации, изживание удельной системы проистекало на протяжении всего XVI и половины XVII веков.

Вполне очевидно, что эта особенность обусловлена исключительно тем фактом, что развитие Русского государства проходило в русле, отличном от цивилизационного развития Европы вследствие принятия православной версии христианства и покорения Древней Руси монгольской империей.

В результате сложившихся к концу XVII века социальных отношений по принципу «царь – холопы» у всего населения Московии укоренилось представление о стране как о личной вотчине монарха, которое резко отличалось от западноевропейского менталитета. Даже в отсталой Испании XV века правовед мог заявить: «Королю вверено лишь управление делами королевства, а не господство над вещами, ибо имущества и права имеют публичный характер и не могут быть ничьей вотчиной»[74].

С момента возникновения Московского царства его территория непрерывно расширялась.

Сын Ивана III и византийской принцессы Софьи Палеолог **Василий III Иванович (1479–1533)** присоединил к Москве Псков, Смоленск, Волоцкий уезд, Рязанское и Новгород-Северское княжества.

Василий III как раз и был царем, в котором вотчинник «закрывал государя». Великий князь пренебрежительно относился к людям любого сословия, не держал слова и не терпел даже малейших противоречий: «Жизнь и имущество всех подданных находились в безотчетном распоряжении государя. Василий не стеснялся присваивать себе все, что ему нравилось, и вообще в бесцеремонности способов приобретения не только не уступал своему родителю, но даже в ином и превосходил его»[75].

В вотчинной монархии нет ни официальных ограничений политической власти, ни законоправия, ни личных свобод, то есть, фигурально говоря, это более деспотическое государство, чем сама деспотия, однако в условиях Московского царства государство такого типа оказалось наиболее устойчивым[76].

В различных документах Василия III Ивановича начали именовать царем, официальным стал титул «самодержец». Он считался равным императору Священной Римской империи, равно как и султану Османской империи. Все большее распространение получала идея божественного происхождения власти государя.

Великий князь Василий III умер в конце 1533 года, будущему

Ивану Грозному в это время было три года. «За малолетством нового государя правление перешло в руки вдовствующей великой княгини, дела решались под ее властию Боярскою думою. В Московском государстве еще в первый раз верховная власть сосредоточилась в руках женщины»[77]. Но это продолжалось недолго, через пять лет Елену отравили. Власть переходила от одной группы влияния к другой до 1547 года.

2
Судебник великого князя Ивана Васильевича (1497)

С объединением русских земель потребовалось новое, единое, подробное законодательное регулирование разных отношений. Понятно, что Русская Правда уже никак не соответствовала новому устройству.

В сентябре 1497 года под руководством великого князя Ивана III Боярской думой был принят «Великокняжеский судебник». Основными источниками Судебника были Русская Правда, Псковская судная грамота, скорее всего, Новгородская судная грамота, местные и религиозные обычаи и местные уставные грамоты.

Текст Судебника готовил дьяк Владимир Гусев. Профессор Императорского университета А. Н. Филиппов называл Гусева «первым московским кодификатором»[78].

Задача при подготовке Судебника стояла невероятно сложная: размер государства сильно увеличился, при этом на прежних территориях действовали разные акты и даже не всегда одни и те же обычаи. Как бы то ни было, свод был принят, но действовал чуть больше пятидесяти лет. Документ состоял из трех частей.

Первая часть (1–36-я статьи) – о суде центральном (княжеском и боярском), о преступлениях и наказаниях, а также об исполнении решений суда.

Вторая часть (37–45-я статьи) – о суде провинциальном (наместничьем и волостном), ряд норм касался уголовного права и процесса.

Третья часть (46–66-я статьи) – торговое и поземельное право, ряд других норм.

Четвертая часть – это две дополнительные 67–68-я статьи, касающиеся судопроизводства. Считается, что они внесены были позже.

В Судебнике также присутствовали пронумерованные или непронумерованные нормы-вставки – аналоги современных примечаний в законах.

Судебный процесс был состязательным с элементами инквизиционного. В качестве средств доказывания использовались пытки и письменное ведение протокола судебного заседания. Судопроизводство и ряд процессуальных действий были платные, за счет истца или ответчика, в зависимости от того, кто выиграет процесс. Суд осуществлялся с участием «лучших людей», которые входили в состав суда вместе с великокняжеским (царским) наместником. Появилась вышестоящая (вторая) судебная инстанция – Боярская дума и великий князь.

Землевладение было поместным (т. е. земли, предоставленные князем служилым людям), и вотчинным (наследуемые по отцовской линии, в отчину).

Судебник практически полностью воспроизвел договорное право Псковской судной грамоты (см. § 3 главы 1).

Регулирование в сфере семейного права к этому времени уже традиционно находилось в юрисдикции Русской православной церкви.

Наследование осуществлялось по духовному завещанию (духовной грамоте), а если такового не было, то по закону, т. е. переходило родственникам умершего. Завещание удостоверялось представителями церкви. Предусматривалась тайна завещания.

Устанавливался порядок перехода крестьян в Юрьев день (26 ноября) и в течение недели до и после этого дня. Переход был возможен после оплаты «пожилого» (пошлины).

Система преступлений в Судебнике дополняется государственными преступлениями. Выделяются крамола (предательство) и подым (преступление против государства, выражавшееся в организации мятежа или восстания против существующих порядков), поднятие (подстрекательство против великого князя или его представителей). За такие преступления предусматривалась смертная казнь. Эти нормы устанавливали приоритет интересов вотчинной монархии над всеми остальными. Статус владельца земли и холопов повышается до статуса государя – политического лидера страны.

В преступлениях против имущества выделялись разбой, татьба (воровство или грабеж) и уничтожение или повреждение чужой собственности.

Отдельные нормы были посвящены душегубству, увечью и оскорблению.

Система наказаний была достаточно многообразной: от

смертной казни разных видов, торговой казни (битье на площади) до членовредительства и лишения свободы.

Разработчики Судебника не пытались создать универсальный эталон правосудия. Они всего лишь хотели более четко очертить происхождение, права и обязанности власти и подданных, а также судьи. Причем человек, отправлявший правосудие, не был профессиональным судьей. Это был администратор, полководец и судья в одном лице. К тому же он и в качестве судьи оставался подданным своего государя со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Со времен Ивана III начинается тщательный учет продвижения служилых людей, их успехов и неудач.

Они были внесены в своего рода «номенклатурный список», исключение из которого за просчеты на одном из этих поприщ означало крах всех личных и семейных надежд. Таким просчетом могло быть и неправильное, с точки зрения интересов «государя всея Руси», отправление обязанностей судьи.

Перемены в отношениях власти и собственности предрасполагали к возникновению множества больших и малых конфликтов. Дух произвола боролся с духом закона, причем оба они происходили от власти. Множество людей было сбито со своих привычных орбит социально-политическими катаклизмами последней трети XV столетия. Присоединение новых территорий к Московскому княжеству обычно сопровождалось «перебором людишек» и массовыми высылками потенциальных противников новой власти. Формирование дворянства шло как за счет неудачников, соскользнувших вниз из более высокого общественного слоя – крупной аристократии, так и за счет карабкавшихся вверх энергичных простолюдинов. Усложнение и драматизация социальных отношений шли рука об руку с обострением имущественных, и прежде всего поземельных, споров. В итоге судьи оказались нужны обществу как никогда ранее. Они были выше головы завалены делами[79].

Судебник вступил в силу в сентябре 1497 года и с изменениями и дополнениями действовал до принятия Царского Судебника 1550 года. Несмотря на безусловный шаг вперед, в упорядочивании отношений все так же основным регулятором оставались обычаи.

По словам А. Н. Филиппова, «Судебник 1497 года был найден в русском списке начала XVI века лишь в 1817 году, а затем был издан в Москве в 1819 году вместе с Судебником 1550 года и дополнительными к ним указами К. Калайдовичем и

П. Строевым»[80].

3
Иван Грозный

Сын Василия III, внук Ивана III и Софьи Палеолог сделал реальный шаг к укреплению централизованного государства с претензией на империю. Это был Иван IV Васильевич Грозный (1530–1584), и шаг этот был сделан, когда он присоединил Казанское (1552) и Астраханское (1556) ханства. Кроме того, Москва заключила союзно-вассальные договоры с Ногайской Ордой (1557), башкирами (1557) и Сибирским ханством (январь 1555 г., сентябрь 1557 г.). К середине 1550-х годов стало заметным влияние Русского государства на Северном Кавказе (в частности, в 1557 году был заключен договор с Кабардой).

Если до этого расширение государства шло за счет территорий, населенных в основном русским или родственными славянскими этносами, то в Казани, Астрахани и других присоединенных территориях жили совсем другие народы – с другой культурой и другим вероисповеданием.

Захват территорий, ранее принадлежавших Золотой Орде, отнюдь не был актом мести, а тем более религиозной войной. Происходило перетекание империи из одной оболочки в другую. Монгольский вирус экспансионизма все глубже проникал в организм Московского царства. Территория страны к концу правления Ивана IV увеличилась более чем в десять раз по сравнению с тем, что унаследовал его дед Иван III в середине XV столетия. В ее состав вошли богатые и плодородные земли Поволжья, Приуралья, Западной Сибири, в результате чего еще более усиливался многонациональный состав населения страны.

Мусульманские династии, формировавшиеся в ходе распада Золотой Орды, признавали московских правителей законными преемниками. Входящий тогда же в обращение титул «белый царь» служил признанием преемственности власти московского государя от ранее правивших в Сарае ханов Белой Орды Улуса Джучи (старшего сына Чингисхана). Считается, что некоторые ханства даже сами просились в состав Московского царства[81].

Московские цари не отказывались от ряда важных внешних символов своей власти, имевших восточное происхождение. Например, вплоть до конца XVII века московские великие князья и цари вели переписку с мусульманскими государями с соблюдением ордынских протокольных традиций, т. е. с использованием официального стиля и формул, присущих

парадно-канцелярскому делопроизводству Золотой Орды. Направлявшиеся владыкам исламских стран грамоты вплоть до начала XVIII века украшались не изображением двуглавого орла, а особым каллиграфическим знаком – тугрой, заимствованной у ханов[82].

Однако присоединенные народы и их лидеры не разделяли представление о России как о личной вотчине ее монарха. Для их интеграции требовалась более универсальная сущность, нежели личность монарха-вотчинника. Такой сущностью могло стать только государство.

Поэтому Иван Грозный много сил положил на укрепление государственности и обоснование ее божественного происхождения.

Первым делом он изменил тип легитимности высшей власти с традиционного на харизматический. 16 января 1547 года Иван IV венчался на царство **в Успенском соборе**[83]. **Это означало, что царь получает свои полномочия непосредственно от Бога, а не в результате сомнительных династических традиций Рюриковичей**[84]. «Сказание о Владимире Мономахе» появилось перед венчанием на престол Ивана IV.

Московский правитель мог претендовать на титул царя по двум причинам. Во-первых, он возглавлял суверенное государство. Во-вторых, Византийская империя исчезла, и, таким образом, православный мир жил без царя. Согласно византийской теории гармонии церкви и государства, христианское общество нуждалось в двух главах: царе и патриархе. Великий князь Московский как единственный независимый православный правитель просто был обязан принять титул царя, если не хотел оставить православное общество без защитника. Четырнадцатью годами позже Константинопольский патриарх признал титул Ивана и послал ему свое благословение[85].

Затем Иван IV взялся за проведение реформы системы управления государством, которое, в отличие от вотчины, в принципе предполагает хотя бы минимальную обратную связь с подданными.

Проведенный в 1549 году первый Земский собор с представителями от всех сословий, кроме крестьянства, обсудил намеченную программу преобразований. Земские соборы XVI века (1549–1550, 1566 и 1598 годов), в отличие от парламентов стран Западной Европы, не были ни народными, ни сословно-представительными учреждениями, ни даже совещательными органами при царе.

Соборы не были выборными органами. В их составе

преобладали назначаемые или призываемые самим правительством представители высшего столичного дворянства и купечества. Они не вмешивались в государственное управление, не требовали для себя каких-либо политических прав. Тем более Земский собор никогда не вступал в конфликт с царем, не был противовесом царской власти, не был в оппозиции к ней.

В его компетенции были ответы на вопросы, а сами участники Собора должны были вернуться домой ответственными исполнителями соборных обязательств, а на самом деле – правительственных решений[86].

В начале 1550-х годов были проведены земская и губная реформы, перераспределившие часть полномочий наместников и волостелей, в том числе судебных, в пользу выборных представителей черносошного крестьянства[87] и дворянства. Было образовано пешее полурегулярное стрелецкое войско, вооруженное огнестрельным оружием. На Стоглавом соборе были утверждены акты, посвященные судебной и церковной реформам (см. следующий параграф этой главы).

В 1553 году по указанию царя была организована первая крупная царская типография, началось печатание книг.

Наконец, Иван Грозный вместо двух прежних учреждений – Государевых дворца и казны – создал целую систему специализированных приказов – органов системного управления, заведовавших особым родом государственных дел или отдельными областями государства. Учреждались: Посольский приказ, ведавший иностранными делами; Разрядный приказ, занимавшийся организацией военной службы; приказ Большого прихода, ведавший сбором доходов, и другие. Были изменены налоговая система, порядок сбора торговых пошлин. Продолжалось становление патримониальной русской бюрократии, обеспечивающей деятельность верховного правителя.

Английские и голландские купцы и предприниматели во множестве прибывали в это время в Россию; появились и отечественные предприниматели, такие как Строгановы, активно участвовавшие в развитии горнодобывающих и металлургических производств Урала.

Надо сказать, что некоторые преобразования были осуществлены еще во времена малолетства Ивана Васильевича его матерью Еленой Глинской. В частности, была проведена денежная реформа, установившая монетную систему в стране, введены единые для всей страны меры длины и объема, ограничены вотчинные иммунитеты – право вотчинников собирать подати и использовать их на свои нужды.

Основу вооруженных сил составляло теперь конное ополчение землевладельцев. Помещик или вотчинник должен был выходить на службу «конно, людно и оружно». Кроме них существовали служилые люди по набору: городская стража, артиллеристы, стрельцы. Сохранялось и ополчение крестьян и горожан, несшее вспомогательную службу.

В усилении государства были заинтересованы практически все слои общества. Так что реформы проводились не в угоду только царю или одному сословию.

Решающую роль в проведении реформ сыграла Избранная рада – правительство, учрежденное в 1547 году и оттеснившее Боярскую думу от власти. В нее входили наиболее близкие к царю советники, занимавшиеся важнейшими делами государственного управления, а также представители различных слоев господствующего класса (князья, дворяне, священник, митрополит, дьяк). **Рада не была официальным государственным учреждением, но фактически в течение 13 лет управляла государством от имени царя.** Время правления Рады было самым демократичным периодом царствования Ивана IV, когда происходило активное превращение вотчинной монархии в самодержавие.

> **Однако именно Иван Грозный поставил нарождающуюся империю на грань катастрофы. Историки выделяют две связанные причины: первая – споры внутри окружения, вторая и главная – болезнь и подозрительность царя, проявляемая ко всем, даже самым близким, и чем старше он становился, тем более чудовищные формы эти черты приобретали.**

Все началось с разногласий по поводу направления дальнейшей территориальной экспансии. Рада и Боярская дума настаивали на южном направлении в сторону еще неосвоенных земель – так называемого Дикого поля, а главное – в сторону Крымского ханства, которое сильно докучало постоянными набегами, сопровождавшимися разорением русских городов и сел, угоном населения в рабство. Иначе говоря, предлагалось защитить свое население и продолжить освоение территорий Золотой Орды. Н. М. Карамзин говорит о том, что «например, Адашев и Сильвестр не одобряли войны Ливонской, утверждая, что надобно прежде всего искоренить неверных, злых врагов России и Христа; что ливонцы хотя и не греческого исповедания, однако ж христиане и для нас не опасны; что Бог благословляет только войны справедливые, нужные для целости и свободы государств»[88].

Однако Иван Грозный в 1550 году решил идти на северо-запад к Балтийскому морю, воевать за прибалтийские земли, захваченные Ливонским орденом. Многие прибалтийские земли издавна принадлежали Новгородской Руси. Берега реки Невы и Финского залива входили раньше в состав земель Великого Новгорода.

Причины были следующие. Во-первых, требовался выход в Балтийское море для укрепления возникших в то время тесных экономических отношений с Англией и некоторыми скандинавскими странами.

Во-вторых, Иван Васильевич считал себя преемником Константина Великого и потому мечтал вернуть утраченные Рюриковичами земли и установить на них православную веру.

Первые локальные успехи в ходе Ливонской войны (1558–1583) затем обернулись крупными поражениями. Совершив стратегическую ошибку в выборе направления дальнейшей экспансии, Иван начал мстить тем, кто пытался его от этой ошибки предостеречь. А способы этой мести определялись исключительно личностью царя, его мнительностью и склонностью к садизму, проявившимся еще в детстве.

В военных неудачах были обвинены и подвергнуты опале лидеры Избранной рады дворянин Адашев и священник Сильвестр[89]. Избранная рада прекратила существование. Позже гонениям и казням были подвергнуты многие другие бояре и дворяне, а также священнослужители, не одобрявшие политику царя или подозреваемые в этом.

Зимой 1564–1565 годов Иван IV разделил страну на две части – земщину и опричнину. Опричнина стала особым уделом, которым управлял сам царь. В него вошли многие уезды в разных районах страны, в том числе часть территории Москвы.

В опричнине были свои войско, дума, приказы и царский опричный двор. Подавляющее большинство уездов с основным населением страны, существовавшие институты власти, приказы и другие органы управления остались в другой части страны – земщине. Иначе говоря, Иван организовал персональную вотчину, в которой властвовал без всяких ограничений, и поставил ее над остальным государством.

С помощью опричного войска, стоявшего над законом, Иван IV начал гонения на своих подданных, за которые и получил прозвание Грозный. Массовые репрессии, стоит их развязать, в дальнейшем развиваются по своей логике, и остановить их даже инициатору обычно бывает не под силу. За время опричнины

было без суда казнено только в Москве более 4000 человек, уничтожены знатные фамилии и целые роды, были ликвидированы большие группы московской приказной бюрократии. Так сказать, генетический фонд русской элиты был подорван.

Заметно ослабли экономические и социальные позиции горожан. Особый размах казни приобрели в 1568–1570 годах, когда были разгромлены Новгород[90] и Псков.

Спасаясь от царского террора, многие горожане бежали в Великое княжество Литовское. Крестьяне, измученные непомерными налогами, требовавшимися для продолжения Ливонской войны, бежали в Дикое поле.

В различных регионах Русского царства, за исключением южных и части северных уездов, запустевшие земли составляли от 52–55 до 85–90%. По сравнению с началом XVI века податное население в городе и деревне сократилось в 5–10 раз, а государственные подати в 1570-е годы выросли в реальном выражении по сравнению с 1550-ми годами более чем в 2,3 раза[91]. Безнадежная Ливонская война требовала все больше и больше ресурсов.

В то же время в ходе набегов 1567, 1568, 1570, 1571 годов крымскими татарами были разорены окрестности тридцати городов. Если бы царь в 1572 году не смог собрать все силы в кулак и нанести крымским татарам и туркам сокрушительное поражение, повторились бы ужасы нашествия Батыя, а Московское государство стало бы турецко-татарским владением на сотни лет.

В 1581 году, чтобы предотвратить запустение имений, царь ввел заповедные лета – временный, как считалось, запрет крестьянам уходить от своих хозяев в Юрьев день, что положило начало утверждению в России крепостнических отношений.

В том же 1581 году, как писал В. О. Ключевский, «в одну из дурных минут, какие тогда часто на него находили, прибил свою сноху за то, что она, будучи беременной, при входе свекра в ее комнату оказалась слишком запросто одетой, simplici veste induta, как объясняет дело иезуит Антоний Поссевин, приехавший в Москву три месяца спустя после события и знавший его по горячим следам. Муж побитой, наследник отцова престола царевич Иван, вступился за обиженную жену, а вспыливший отец печально удачным ударом железного костыля в голову положил сына на месте»[92]. Картина Ильи Репина «Иван Грозный убивает своего сына», а точнее «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года», написанная в 1883–1885 годах, весьма красноречива.

Соответственно, **после смерти Ивана IV в 1584 году трон**

достался второму законнорожденному сыну – Федору.

4
Царский Судебник 1550 года

Обращаем внимание на время подготовки и принятия нового Судебника. Преобразования Ивана IV в середине XVI века еще не приобрели кровавого оттенка. Вместе с тем этот нормативный акт принимался в условиях острого социального кризиса. На Москву обрушились несчастья: пожар в июне 1547 года, в результате которого сгорело более 20 тысяч дворов, 200 храмов и несколько тысяч человек погибли; неудачный поход на Казань (1547–1548), оставивший многие семьи без кормильцев пожар (1548), полностью уничтоживший летнюю резиденцию Ивана Грозного в селе Воробьево. Всеобщее недовольство – люди считали, что все несчастья посланы Богом за грехи царя и бояр, притеснявших народ, – грозило вылиться в стихийный бунт. Иван решается на серьезное изменение законодательства и привлекает к этому делу Земский собор.

> **Изменения государства и права этого времени должны были найти свое отражение в Царском Судебнике 1550 года. Предыдущий Судебник 1497 года Ивана III был в свое время основательно переработан его сыном Василием Ивановичем. Иван IV решил подготовить новый, свой Судебник.**

Текст готовился по решению Земского собора 1549 года, созванного для нормализации обстановки, с учетом новых царских указов, изданных за прошедшее с конца XV века время, нормативно-правовых актов Земских соборов и Боярской думы, сведений о судебной практике. Необходимо отметить, что структурно новый Судебник (иногда его называют второй Судебник) во многом повторяет предыдущий.

Судебник Ивана IV содержал 100 статей и был первым в русской истории нормативно-правовым актом, провозглашенным главным источником права: «Впредь всякие дела судите по сему Судебнику». Судебник стал общерусским сводом законов.

В 1551 году Судебник был утвержден Стоглавым собором, созванным по инициативе царя Ивана IV. «Прочтите и рассудите!» – обратился царь к участникам собора[93].

В целом документ стал плодом реформаторских усилий команды молодого царя, стремившейся ликвидировать пороки общества и системы государственного управления, характерные

для вотчинной монархии. Он был направлен на централизацию государства, повышение эффективности системы государственного управления и судопроизводства.

Например, на основе ряда включенных в него статей в течение 1550-х годов в стране появились новые для того времени административные органы – приказы. Со временем был образован и целый ряд других подобных учреждений.

Ряд статей (ст. 64, 81 и др.) были направлены на укрепление той социальной базы, на которую опиралась централизованная власть, – служилых людей. К этой категории населения страны относились не только военные, но и лица, занимавшие различные административные должности. Их права были заметно укреплены. В частности, запрещался переход служилых людей в кабальное холопство, поскольку он наносил вред интересам государства. В состав служилого класса был введен низший слой дворцовых слуг – «слуги под дворским». Вольные военные слуги, служившие боярам, их закладчики, и послужильцы, т. е. вольные люди, становившиеся боярскими холопами, энергично причислялись московским правительством к числу прямых слуг государства[94].

В Судебнике уже есть понимание сословного права: прописаны специфические права бояр, дворян, духовенства. Структура общества представлялась реформаторам куда более разнообразной, нежели просто деление на хозяев и холопов. Судебник провозглашал защиту чести любого человека, однако штрафы за «бесчестие» (оскорбление словом или делом) различались. За бесчестье боярина обидчик платил высокий штраф, за дьяка – в три раза меньше, за первостепенного купца – в четыре раза меньше, чем за дьяка, и далее по нисходящей – в зависимости от состояния и родословной.

Появились и статьи, касающиеся холопов. Детально определялись нормы холопьего права (ст. 76–82), в том числе нового вида – кабального холопства. Регулировались взаимоотношения между удельными князьями и зависимыми крестьянами. Выборные представители крестьянских общин должны были участвовать в следствии и судопроизводстве. Наместники ни по суду, ни до суда не могли взять под стражу крестьянина без согласия общинных выборных начальников, старост и целовальников.

Судебник ликвидировал многие судебные привилегии удельных князей и усиливал роль центральных государственных судебных органов.

Прежде все уголовные дела подлежали рассмотрению

исключительно местными правителями, назначенными царем, в число которых входили наместники и волостели (представители царской власти в волостях), юрисдикция каждого из которых распространялась на определенную административную единицу. Их решения были, по сути, бесконтрольны, что создавало предпосылки для разного рода злоупотреблений. Немногим отличался и суд, чинимый общинными старостами – мелкими должностными лицами, появившимися в первой половине XVI века и ведавшими узким кругом юридических вопросов, в основном «разбойными делами». Теперь Судебник ограничивал власть наместников и волостелей: дела «о ведомых разбойниках» были переданы под юрисдикцию губных старост (ст. 60, 64). Прежде чем приступить к рассмотрению дел, следовало выбрать из числа местных жителей нескольких «лучших людей» и привести их к присяге.

Впервые были установлены наказания для взяточников – судей, подьячих, бояр; появились такие составы, как подлог, мошенничество.

Судебником подтверждалось право свободного перехода крестьян в Юрьев день (ст. 88). Правда, требовалась уплата еще одной пошлины – за «повоз» (ст. 78).

Царский Судебник 1550 года также регулировал вопросы и гражданского, и административного права. К таким нормам можно отнести ст. 85 Судебника, представляющую собой свод норм, регулирующих право собственности на вотчины; ст. 78, рассматривающую порядок распространения отношений кабальной зависимости на отдельные категории свободного населения Русского государства; ст. 94–96 регулировали правила купли-продажи лошадей и оформление этих сделок и др.

Переход имущества по наследству регулировался аналогично Судебнику 1497 года, т. е. по духовному завещанию, а если такового не было, то по закону – родным умершего. Появились нормы, ограничивающие передачу земель по наследству монастырям.

Судебник отменял податные льготы монастырей, что укрепляло центральную власть и значительно ослабляло материальную основу церквей.

Особо следует отметить так называемые переходные нормы: во-первых, необходимость включения каждого нового законодательного акта в Судебник; во-вторых, действие Судебника на всей территории государства без каких-либо исключений.

В это же время Иван IV на упомянутом Стоглавом соборе произвел церковные реформы, которые касались не только

православного управления на Руси, но и семейного права, некоторых уголовных преступлений (против веры или церкви), а также взаимодействия церкви и государства. **Этот акт получил название Стоглава.**

Связь Судебника и Стоглава не только временная, но и структурная: Грозный разделил их в первом случае на сто статей, во втором – глав. И конечно же, легитимность этих актов, подтвержденная Собором, намного прочнее законов, утвержденных царем. Участвующие в нем священники, бояре, воины и родственники князя были не только участниками-свидетелями, но и проводниками этих двух исторических документов.

Разработчики Судебника 1550 года осуществили систематизацию русского законодательства, успешно использовав предыдущий Судебник, изменения в законодательстве, принятые в начале XVI века. Царь укрепил и усилил его действие за счет утверждения на Стоглавом соборе.

Впрочем, и Судебник, и Стоглав не смогли остановить или ослабить террор, развязанный Грозным против своего населения; насилие подавило и право, и суггестию. Новая система государственного управления также не выдержала ударов опричнины.

Царский Судебник 1550 года действовал (конечно же, с наслоениями более поздних актов) до 1649 года, когда было принято Соборное уложение Алексея Михайловича. Стоглав действовал до 1667 года и утратил свою формальную силу после раскола в церкви.

5
Без государства, без права. Смута (1598–1613)

Преемнику Ивана Грозного, его сыну Федору Ивановичу (1557–1598) достались деградированные государственные институты, попранные права подданных, разрушенная экономика. Сопротивление удельных князей было окончательно подавлено, при этом правление Ивана IV послужило причиной последовавшей Смуты, поставившей государство на грань исчезновения.

Федор к занятию государственными делами был не склонен, о чем хорошо знал его отец, и потому перед смертью учредил ему в помощь регентский совет из числа наиболее влиятельных бояр и двух думных дьяков. Началась ожесточенная борьба дворцовых группировок. **С 1587 года власть в стране фактически сосредоточилась в руках боярина Бориса Годунова (1552–**

1605), на сестре которого, Ирине, был женат Федор Иванович.

Правительство Годунова приняло ряд мер по дальнейшему закрепощению крестьян[95] и усилению налогового бремени тяглового населения – главного источника пополнения казны. В результате войны со Швецией 1590–1593 годов Россия возвратила ряд городов Новгородской земли, отторгнутых в ходе Ливонской войны; развивались торговые связи с Англией и Францией. **Важным событием стало учреждение в 1589 году Московского патриаршества.**

Федор Иванович умер в начале 1598 года, не оставив наследников. Так прервалась династия Рюриковичей, которая за более чем семисотлетнюю историю превратила разрозненные северо-восточные славянские племена в централизованное государство.

На Земском соборе, созванном после смерти царя Федора Ивановича, **17 февраля 1598 года на царство был избран могущественный боярин Борис Федорович Годунов.**

Единственным соперником Годунова был боярин Ф. Н. Романов. Победу Борису обеспечила его сестра – царица-вдова Ирина Федоровна, которая ради брата ушла в монастырь. Бориса поддержали большинство Думы, двора, приказной бюрократии, все стрелецкие полки в Москве. Решающую роль сыграл патриарх Московский и всея Руси Иов.

Годунов был первым правителем страны, решившим приобщить ее к благам западной цивилизации. Он покровительствовал иноземцам, сформировал из немецких наемников отряд телохранителей, намеревался открыть в Москве университет, приглашал иностранных мастеров, послал русских юношей на учебу за границу (в Англию, Германию и во Францию). Так появились первые «русские европейцы».

Однако после летних заморозков 1601 и 1602 годов в стране начался трехлетний голод, во время которого погибло до трети всего населения. Ужасное состояние крестьян, недовольство горожан, ропот военных и интриги двора – все это складывалось и множилось против Бориса Федоровича. Воспользовавшись этими обстоятельствами, в 1604 году в Россию с территории Польши начала вторжение армия самозванца Лжедмитрия I, объявившего себя законным наследником престола – чудесно спасшимся царевичем Дмитрием Ивановичем[96].

Может, некоторые и поверили в чудесное спасение царевича, но, думается, большинство знати само захотело поверить в это, предвкушая грядущие разборки и переделы. Ведь самозванец пообещал быть таким же хорошим царем, как и Иван Грозный. Опричники, неплохо нажившиеся на разграблении боярских

дворов, были еще на слуху.

В разгар борьбы с этим авантюристом царь Борис скоропостижно скончался. Возможно, он был отравлен.

Его сын **Федор Годунов (1589–1605) управлял страной меньше двух месяцев. После смерти Бориса Годунова основные части русского войска перешли на сторону самозванца Лжедмитрия I. В столице вспыхнуло восстание против Годуновых. Федор и его мать были заключены под стражу и впоследствии задушены приспешниками Лжедмитрия I.**

Кем на самом деле был этот самозванец, доподлинно не известно – то ли монахом Григорием Отрепьевым, в 1602 году бежавшим в Литву, то ли незаконнорожденным сыном польского короля Стефана Батория.

20 июня 1605 года самозванец торжественно вступил в русскую столицу и месяц спустя при всеобщем ликовании венчался на царство под именем Дмитрия. Но царствовал он недолго, хоть и настоял на восстановлении права крестьян переходить от одного владельца к другому.

> **Его открытое пренебрежение к русским обычаям вызывало резкое неприятие церкви, боярства и большинства посадских людей. Кроме того, Дмитрий женился на католичке Марине Мнишек, что до крайности накалило обстановку. Народ роптал, а в боярской среде зрел заговор во главе с князем Василием Ивановичем Шуйским.**

На рассвете 17 мая 1606 года по всей Москве ударили в колокола. Начались погромы дворов поляков. Шуйский с командой единомышленников под шумок ворвались во дворец, убили самозванца, а его труп после трехдневного глумления закопали в поле за Серпуховскими воротами. Но ненависть части общества была такова, что некоторое время спустя труп Лжедмитрия I вырыли, сожгли на костре, пепел смешали с порохом и выстрелили из пушки в ту сторону, откуда он пришел в Москву. Как говорится, от любви до ненависти – один шаг.

19 мая 1606 года Земским собором неполного состава Василий Иванович (Василий IV) был избран на царство. Вскоре из Углича в Москву перевезли останки царевича Дмитрия. Церковный собор 1606 года причислил царевича к лику святых.

Но тут **объявился Лжедмитрий II. В появлении нового самозванца были заинтересованы многие общественные силы** – как связанные со старым, так и просто недовольные властью Василия Шуйского. Теперь утверждалось, что вместо «царя

Дмитрия» был убит другой человек.

Что это была за личность, совсем непонятно. Тем не менее в течение 1607–1608 годов войско Лжедмитрия II, состоявшее в основном из польских наемников[97], нанесло несколько поражений войскам Шуйского.

Под властью «тушинского вора», как его называли при дворе Шуйского, поскольку его лагерь находился в Тушино, оказалась обширная территория. Из крупных центров только Смоленск, Великий Новгород, Переяславль-Рязанский, Нижний Новгород и Казань остались верны Василию Шуйскому[98]. В государстве стало два царя, две Боярские думы, а также два патриарха и две администрации; кроме того, правительство Лжедмитрия II чеканило собственную монету.

> **Затянувшееся двоевластие всегда приводит к кровавым столкновениям. Началась первая в отечественной истории гражданская война.**

Катастрофа была не только политической, но и моральной: появились те, кто легко и без угрызения совести переходил из одного лагеря в другой и обратно; те, кто помогал друг другу в мирное время, зачастую становились врагами. Как на дрожжах росло огромное количество мелких самозванцев – новых казацких «царевичей», выдававших себя за внуков Ивана Грозного и грабивших юг России. **Государства практически не существовало. На его территории занимались грабежом поляки, литовцы, шведы, казаки, крымские татары, а также многочисленные банды, возникшие еще во времена голода.**

28 февраля 1609 года в надежде переломить ситуацию в свою пользу Василий Шуйский заключил со Швецией Выборгский договор, согласно которому в обмен на территории современной Ленинградской области он получил помощь 15-тысячного экспедиционного корпуса. Русско-шведское войско одержало несколько побед над самозванцем.

Но тут не стерпели поляки, которые летом 1609 года открыто объявили войну Василию Шуйскому. В сентябре 1609 года польский король Сигизмунд III приступил к осаде Смоленска и начал призывать тушинцев идти служить к нему. В тушинском лагере случился раздрай между русскими и поляками. Жизнь Лжедмитрия II оказалась под угрозой, и он бежал в Калугу, ставшую новой резиденцией самозванца.

Избавившись от польских наемников, самозванец обратился к русским людям, пугая их стремлением иностранных захватчиков покорить Россию и установить католичество. Он клялся, что не отдаст полякам ни пяди русской земли и вместе со всем народом

умрет за православную веру. Этот призыв нашел отклик среди многих дворян и посадских людей.

Лжедмитрий II вновь привлек к себе множество сторонников и повел войну уже с двумя государями: царем Василием IV и королем Сигизмундом III. Ему вновь присягнули многие города. Движение Лжедмитрия II начало принимать национальный характер, направленный против иностранных захватчиков – поляков и шведов.

17 июля 1610 года в битве под селом Клушино войска Шуйского были разбиты сильным польским отрядом. Власть Василия IV стала призрачной. Поляки подступали к Москве с запада, самозванец – с юга.

19 июля 1610 года в Москве вспыхнуло восстание против царя-неудачника, в результате которого Василий Иванович был сведен с престола и насильственно пострижен в монахи. Он умер в заточении в Гостынском замке близ Варшавы.

Оставшись без царя на троне, да и в голове, московское боярство в июле 1610 года учредило временное правительство (в литературе впоследствии этот орган назвали Семибоярщиной), в которое входили семь знатнейших бояр[99]. Выбирая между безродным самозванцем, на сторону которого становилась чернь, и польским королем, они пошли на национальное предательство, заключив договор с поляками о призвании на русский трон польского королевича Владислава. Опасаясь народного возмущения, «седмочисленные бояре» в ночь с 20 на 21 сентября тайно впустили польские войска в Москву и Кремль. Вскоре Лжедмитрий II был убит своим татарским охранником.

Между тем польский король Сигизмунд III стал затягивать исполнение договора, намереваясь захватить Московское государство и присоединить его к своим владениям. В итоге Владислав так и не был коронован. Зато польский гарнизон, стоявший в Москве, фактически не считался с волей бояр.

В 1611 году в Нижнем Новгороде зародилась идея собрать армию, чтобы прекратить Смуту, освободить Москву и созвать Земский собор для выборов нового царя. Под руководством Кузьмы Минина, земского старосты, нижегородцы собрали средства для содержания военных отрядов, а по всей стране разослали письма с призывом присоединиться к их делу.

Делегация нижегородцев пришла к популярному в народе князю Дмитрию Пожарскому, служившему до этого на разных командных должностях в армии Годунова и Шуйского, с просьбой принять командование ополчением и повести его.

В феврале 1612 года ополчение, в котором было немало

бывших сподвижников Лжедмитрия II, двинулось к Ярославлю, где простояло четыре месяца, собираясь с силами и пытаясь созвать «общий земский совет» для обсуждения планов борьбы с польско-литовской интервенцией. Однако сделать это не получилось, и около 20 августа 1612 года ополчение из Ярославля двинулось под Москву. **22 октября 1612 года ополчение под предводительством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского штурмом взял Китай-город. Польский гарнизон отступил в Кремль. 26 октября командование польского гарнизона подписало капитуляцию, и на следующий день гарнизон сдался.**

Победа народного ополчения над Смутой заметно подорвала идеологические основы вотчинной монархии: «Как прежде из-за государя не замечали государства и народа и скорее могли представить себе государя без народа, чем государство без государя, так теперь опытом убедились, что государство, по крайней мере некоторое время, может быть без государя, но ни государь, ни государство не могут обойтись без народа»[100]. Пусть на короткое время, но народ стал субъектом политики.

> **В январе 1613 года съехались выборные от всех сословий, включая крестьян. Собор был один из самых многолюдных и наиболее полных: на нем были представители даже черных (казенных) волостей, чего не бывало прежде.**

Предполагалось несколько кандидатов. Наиболее обсуждаемыми были В. В. Голицын, Ф. И. Мстиславский, Д. М. Пожарский, И. М. Воротынский, А. В. Трубецкой и 16-летний Михаил Романов[101]. Три первых кандидата практически сразу выпали из списков: Голицын был в плену у поляков, Мстиславский отказался, а Пожарский не нашел поддержки у знати и в финальной стадии выборов не участвовал.

Значительную роль в проведении Собора и выборов сыграл ростовский митрополит Филарет (в миру боярин Ф. Н. Романов, тот самый, который конкурировал с Борисом Годуновым). **Он требовал введения жестких ограничений для будущего царя[102] и, конечно же, активно агитировал за своего сына Михаила Романова, который и был избран 21 февраля 1613 года.**

Однако Смута на этом не закончилась. Еще были попытки взять Москву со стороны атаманов Ивана Заруцкого (1614) и Баловня (1615), а также поляков (1615, 1618).

Смутное время привело страну к глубокому хозяйственному упадку. Во многих уездах исторического

центра государства размер пашни сократился в 20 раз, а численность крестьян – в четыре раза. В западных уездах (Ржевском, Можайском и т. д.) обработанная земля составляла от 0,05 до 4,8%. В ряде районов к 20–40-м годам XVII века населенность была все еще ниже уровня XVI века. Даже в середине XVII века «живущая пашня» в Замосковном крае составляла не более половины всех земель, учтенных писцовыми книгами[103].

6 Заключение ко второй главе

Еще в самые темные годы монгольского ига начало формироваться Московское вотчинное государство[104]. Окончательно оно состоялось в начале XV века, во времена Ивана III. Характерной особенностью вотчинной монархии было единство политических прав государя и его права собственности на землю, а также отсутствие у подданных свободы распоряжения как собственной личностью, так и своим достоянием.

Московские князья никогда не бывали в Константинополе, но зато регулярно посещали Сарай для инструктажа по вопросам управления подведомственными территориями. Полученные навыки легли в основу устройства государственного механизма.

Недавние удельные князья становились служивыми людьми, обслуживающими монарха. Если раньше владения удельных князей считались их собственностью (вотчинами) и могли передаваться по их личному усмотрению, то отныне по смерти князя, не имеющего наследника, его выморочный удел переходил великому князю. Василий III даже запретил своим братьям вступать в брак, таким образом превращая их уделы в выморочные.

Возникла дворцово-вотчинная система государственного управления, построенная на чисто территориальном принципе. Во главе ее стоял великий князь, а затем царь, обладающий политической, экономической и судебной властью. **В общественном сознании государство понималось как личная собственность царя и его семьи, а все подданные считались его холопами. «По отношению к царю все его подданные считались холопами, дворовыми его людьми, либо сиротами, безродными и бесприютными людьми, живущими на его земле»**[105].

Возникшая бюрократическая иерархия получила определенные компетенции, которые рассматривались как привилегии. Эти привилегии могли даваться или отбираться у

бюрократии по личному усмотрению монарха. Вся деятельность управленческого аппарата была нацелена на удовлетворение амбиций, потребностей и нужд царя и его семьи, а не на укрепление и развитие государства.

Правовое оформление вотчиной монархии нашло свое выражение в Судебнике 1497 года, в составлении которого значительную роль сыграл сам Иван III, идеолог и создатель Московского вотчинного государства.

Значительное увеличение территории Московского царства и его населения, в том числе за счет присоединения культурно чуждых славянам народов, поставило новые задачи перед системой управления государством. На первый план выдвинулась необходимость обеспечения устойчивого функционирования весьма разнородного государства, а не только потакание капризам царя и его семьи. Для этого modus operandi (образ жизни) самого царя должен был измениться. Управление царством уже не могло сводиться просто к хозяйственной деятельности, заключавшейся в стремлении вникнуть во все подробности подчиненного управления. Верховный правитель должен вырабатывать и реализовывать стратегический курс внутренней и внешней политики, отвечать за состояние дел в государстве и обществе, сохраняя при этом всю полноту власти. Царь-вотчинник должен был стать самодержцем.

Первая попытка перехода от вотчинного государства к самодержавию была осуществлена при Иване IV во времена его малолетства и юности усилиями прогрессивных бюрократов из Избранной рады. Реформа была частично оформлена в Судебнике 1550 года, который, впрочем, сохранял много атавизмов вотчинной монархии.

Оказавшись в состоянии административного и морального разрыва, когда осуществлять все управленческие функции он уже не мог в силу резкого усложнения объекта управления, а перехват полномочий бюрократией понимал как покушение на свои царские прерогативы[106], Иван IV поддался рефлексам монарха-вотчинника. Он резко снизил размер объекта своего управления до размеров опричного удела (вотчины), которым руководил исключительно самолично, а саму опричнину поставил над остальным государством.

Впрочем, учреждение опричнины имело и другой смысл. Неслучайно в состав опричных земель вошли все местности, где исстари находились родовые гнезда князей Рюриковичей Владимиро-Суздальской и Чернигово-Северской линии.

Переход княжеских вотчин в опричнину не был

собственно конфискацией: взамен отобранных земель давались другие, но в других частях государства, преимущественно на его окраинах. Это не всегда были вотчины, порой – поместья. При этом, конечно, навсегда нарушалась старинная связь между местным населением и потомками прежних удельных князей-государей.

Подневольная перемена земельных владений со своей стороны немало способствовала разорению переселяемых хозяев. Политика Ивана Грозного настолько ослабила старинное княжеское вотчинное землевладение, что от него оставались лишь жалкие остатки[107]. Вотчинное государство, таким образом, увеличивало свои земельные владения и становилось более централизованным.

Иван Грозный попытался – скорее всего, неосознанно – протестировать пределы, или, как сейчас говорят, красные линии, перейдя которые самодержавная власть рискует быть свергнутой элитами или подведомственным населением.

Нельзя сказать, что он был полностью уверен в своей безопасности. Например, в письме к английской королеве от 24 октября 1570 года упоминаются некие «тайные дела великого значения», под которыми в том числе имелись в виду переговоры о возможности взаимного предоставления политического убежища в случае чего[108], которые в 1569–1570 годах вел в Лондоне русский посол.

Сначала Иван Васильевич ликвидировал всякие намеки на ограничение своей власти, разогнав Избранную раду, и встал на путь массовых репрессий.

Убив своего двоюродного брата князя Владимира Андреевича Старицкого вместе со всей его семьей, Иван IV окончательно подавил сопротивление удельных князей, и никаких протестов со стороны Боярской думы и отдельных представителей элиты не последовало.

Учредив опричнину, царь развязал террор по отношению к неугодным боярам. С помощью опричников, которые были освобождены от судебной ответственности, Иван IV насильственно конфисковывал боярские и княжеские вотчины, передавая их дворянам-опричникам. Некоторые, вроде князя Андрея Михайловича Курбского, идеолога вотчинного дворянства, конечно, возмущались, находясь за границей, но не более того.

Чтобы совсем уж унизить элиту, Иван IV посадил на трон явную марионетку – крещеного чингизида Симеона

Бекбулатовича[109] – и заставил бояр ему кланяться. И ничего, кланялись, чувствуя спиной пристальный взгляд с Петровки, где находился центр опричнины и резиденция Ивана Грозного.

Отдельные священнослужители пеняли царю на пренебрежение старинными правилами приличий, но быстро лишались своих санов и оказывались в монастырях, иногда со смертельным исходом. После этого церковь затихла.

Наконец, Иван IV перешел к истреблению тяглового населения, разгромив ненавистный ему из-за вольнолюбия Новгород по вздорному обвинению в намерении города перейти под власть Литовского княжества. Псков избежал такой же участи по счастливой случайности[110]. И ничего.

Власть страха оказалась безбрежной. Страх в русском народе укоренили еще беспредельно жестокие монголы. Впрочем, и русские князья не очень отставали от них в этом деле. Привычка к сильной руке в значительной степени способствовала **начальному успеху самозванцев, выдававших себя за сына Ивана Грозного и обещавших такие же порядки, «как при папе».**

Результат эксперимента, осуществленного Иваном Васильевичем, состоявший в отсутствии каких-либо пределов и красных линий для самодержавия, на многие века внушил русским царям и императорам уверенность в собственной правоте, что бы они ни делали.

Глава 3
Заря новой династии

1
Начало новой династии Романовых

Большая часть XVII века, на которую пришлось царствование двух первых Романовых, прошла под знаком преодоления последствий Смуты прежде всего в головах людей. Этот процесс носил крайне противоречивый характер.

С одной стороны, в массовом сознании произошло разделение государя и государства, заметно поколебавшее идеологические основы вотчинного государства. На первый план вышла ценность государства как территориально-популяционного единства, как сплава «всей земли» и «всех людей Московского государства». Возникло и получило распространение представление о взаимных обязательствах сторон – власти и сословий, всех чинов Московского государства[111]. Иначе говоря, появилась тенденция превращения вотчинной монархии в самодержавие.

С другой стороны, травмированное Смутой общество жаждало успокоения, или, как тогда говорили, «утишения». Все громче звучали лозунги обретения порядка и возврата в «золотой век», который для архаичного, античного и средневекового сознания всегда находился в прошлом – «в старине». Новый царь должен был вернуться к олицетворению собой старинного вотчинного Московского государства. И это была противоположная тенденция – к восстановлению status quo.

Движущей силой народного ополчения были служилые и посадские люди, выступившие в качестве главного субъекта политики. Однако по окончании Смуты они охотно устранились от политики, ограничившись – в полном соответствии со своими многовековыми представлениями – подачей на высочайшее имя челобитных, наполненных плачами и стенаниями. Люди хотели только одного – восстановить прежний порядок. После пережитого лихолетья народ связывал порядок исключительно с неограниченной властью. Они хотели одной власти – власти царя, и одного права – равенства всех перед монархом, предпочитая терпеть и надеяться, а не чего-то там требовать. Холопий статус ненавистной аристократии был гарантией для остальных слоев общества от произвола вотчинников-«земледержавцев».

Некоторые историки считают, что середина XVI – начало

XVII века была той исторической развилкой, когда Россия упустила шанс встать на европейский путь развития.

Вот при таких обстоятельствах и предстояло «всенародным множеством» выбрать нового царя.

Среди многочисленных претендентов на престол было немало сильных и умудренных опытом людей. У каждого из них были преданные сторонники и яростные противники. Как сказали бы сегодня, у всех претендентов были высокий рейтинг и антирейтинг. А это чревато новым расколом общества и потому опасно.

И только у юного Михаила Романова, сына «тушинского» патриарха Филарета, в миру боярина Федора Никитича Романова, который в это время был в польском плену, этих рейтингов вообще не было. Он был тем, кто примирял и устраивал если не всех, то многих. Его безликость позволяла многим надеяться на то будущее, которого они желали. Он был как бы чистым листом бумаги, на котором можно было писать новую историю страны. Многие историки приводят циничные слова, якобы принадлежащие боярину Ф. И. Шереметеву: «Миша Романов молод, разумом еще не дошел и нам будет поваден». К тому же его весьма отдаленное родство с угасшей династией Рюриковичей внушало надежды, что при нем «все будет как при дедушке»[112].

Михаил Федорович Романов (1596–1645), первый русский царь династии Романовых, венчался на царство 11 июня 1613 года. Началось трехсотлетнее правление Романовых.

Попытка Боярской думы ограничить власть царя если и была (ограничительная запись так и не найдена), то незаметно сошла на нет, поскольку не была подкреплена какими-либо усилиями по ее реализации. Бояре и помещики, если и знали о Великой хартии вольностей и английском парламенте, смотрели на них как на вещи чуждые и вредные. Аристократия искала удачу не в защите своих корпоративных интересов, а в зыбких личных связях и преимуществах, в близости к государю.

Хотя Михаил Федорович и был избранным царем, его, как и предшественников, быстро начали рассматривать как «богоизбранного» государя, получившего власть от «прародителей своих» – представителей династии Рюриковичей. Избрание первого Романова стали выдавать за проявление божественной воли.

Тем не менее царю Михаилу приходилось соответствовать новым представлениям о государе и его роли в государстве. Правительство Михаила Романова принялось «за устроение

земли». Оно должно было усмирять «сильных людей», аристократов, наделенных властными полномочиями, и идти навстречу многочисленным челобитным, «слезному гласу» представителей посадского населения и служилых людей.

Главной заботой первых лет царствования Михаила Федоровича было воссоздание пришедшего в полный упадок хозяйства и укрепление расшатанного государственного аппарата.

На восстановление хозяйства, сильно пострадавшего в годы разорения начала века, ушло несколько десятилетий. Помимо восстановленных в полном объеме прежних управленческих учреждений, окончательное оформление получили четвертные приказы[113] и создан целый ряд новых – Казачий, Панский, Новая четверть и приказ Большой казны.

Новая власть начала массовую раздачу дворянам и богатым казакам земель, ранее принадлежавших крестьянам, черносошным и дворцовым, проживавшим к северу от Москвы, превращая их тем самым в крепостных крестьян. Более того, был организован сыск и возврат беглых крестьян, карали их за непослушание. Восстанавливались старые крепостнические порядки, нарушенные или ослабленные в предшествующие годы.

В ответ разгорелись крестьянские восстания. В Новгородском, Каргопольском и Белозерском уездах отряды восставших насчитывали до 30–40 тысяч человек, однако восстания удалось подавить с помощью царских войск.

Московское государство вышло из гражданской войны с двумя унизительными международными договорами. В 1617 году был заключен Столбовский мир со Швецией, по которому в состав России вернулась Новгородская земля, но был утрачен выход к Балтике. Вскоре после его заключения под контроль Швеции попала Рига, а с ней и контроль над всей прибалтийской торговлей России.

Еще позорнее было заключенное в декабре 1618 года Деулинское перемирие. К Польше отходили Черниговские и Новгород-северские земли, всего 29 городов и городков, среди которых был и Смоленск. Избранный в годы Смуты на русский престол королевич Владислав не отказывался от своих претензий на наследие Рюриковичей, что приводило к еще большему напряжению между двумя странами. В этот момент чаша весов решительно склонилась в сторону польской короны.

Унизительный мир почти всегда заканчивается войной. Деулинское перемирие переросло в Русско-польскую войну 1632–1634 годов, которая завершилась Поляновским «вечным миром»

без сколько-нибудь заметного изменения границ. Правда, избранный на польский престол королевич Владислав – Владислав IV – отказался от своих претензий на царский венец, но не из-за силы русского оружия, а скорее благодаря своему политическому здравомыслию.

На юге, воспользовавшись ослаблением обороны, крымские татары и ногайцы жгли и грабили уезды, уводили с собой толпы пленных. Одно только Крымское ханство захватило за это время в плен до 200 тысяч русских людей.

Михаилу Федоровичу пришлось наращивать оборонительные усилия на юге. На сотни верст непрерывной чертой вытягивались укрепления – города, городки, острожки, валы и рвы, поваленные по-особому заповедные леса, перегороженные броды, которые должны были защитить южные и центральные районы страны от степных набегов. На юге от Москвы были основаны до трех десятков городов: Тамбов, Пенза, Симбирск, Ефремов, Козлов, Чугуев и другие.

Вместе с тем нельзя не отметить эпопею с захватом крепости Азов в 1637 году. Знаменитое «Азовское сидение» донских и запорожских казаков продолжалось четыре года, после чего крепость была сдана. Происходило дальнейшее освоение Сибири.

Михаил Федорович находился под сильным влиянием родственников, прежде всего своего отца Филарета и матери, бывшей жены Филарета, а теперь инокини и великой старицы Марфы Ивановны. Будучи родителем государя, Филарет до конца жизни официально был его соправителем. На Руси сложилось очередное двоевластие.

Патриарх использовал титул «великий государь» и совершенно необычное сочетание монашеского имени «Филарет» с отчеством «Никитич», фактически руководил московской политикой. Государственные грамоты того времени писались от имени царя и патриарха. Управление патриаршим двором Филарет стремился устроить по образцу государева двора. Патриаршая область окончательно сложилась как государство в государстве. Патриарх был слишком властен и норовист, отчего его опека с годами становилась обременительной для великовозрастного сына. «Время правления Михаила Федоровича с 1619 года по 1634-й, в течение целых 15 лет, представляет явление чистейшего двоецарствия»[114], – писал исследователь истории русского права профессор В. И. Сергеевич.

Старица Марфа расстроила свадьбу сына с Марией Хлоповой,

которой он хранил верность семь лет. Первая жена Михаила, Мария Владимировна Долгорукова, скончалась через полгода после свадьбы. Вторая жена Евдокия Лукьяновна Стрешнева, сначала родила ему двух девочек. Вопрос о наследнике, которому, кстати сказать, присягали русские люди в 1613 году, вставал все острее.

Наконец **10 марта 1629 года родился царевич Алексей.** Детская смертность в те времена была очень высокой, и многие братья и сестры Алексея, родившиеся после него, умерли очень рано. Но Алексей Михайлович выжил.

В середине 1645 года Михаил Романов, первый царь из рода Романовых, неожиданно скончался.

Венчание на царство Алексея Михайловича состоялось 28 сентября 1645 года. Юный Алексей понимал свою неподготовленность, боялся собственной слабости. Он вполне усвоил мысль, что царское служение дарует не привилегии и радость власти, а «многи скорби праведных». Об этом же говорили напутственные слова патриарха: «Имей страх Божий в сердце и храни веру христианскую греческого закона чисту и непоколебиму, соблюди царство свое чисто и непорочно… Бояр же своих и вельмож жалуй и береги по их отечеству… К всему христолюбивому воинству буди приступен и милостив… Всех же православных крестьян блюди и жалуй и попечение имей о них ото всего сердца…»[115]

Это же самое напутствие слышал при венчании Иван Грозный, но, как известно, он им в значительной степени пренебрег. Алексей Михайлович, будучи человеком богобоязненным, всю жизнь старался ему следовать.

Во время венчания на царство Алексея Михайловича впервые прозвучала особая молитва патриарха о воцарении русского царя над всей Вселенной. Экспансионизм русского царства получал идеологическое обоснование.

> **Завязалась борьба различных боярских группировок за влияние на юного царя. Наиболее успешным оказался Б. И. Морозов – свояк Михаила Федоровича и дядька Алексея, воспитывавший его с пятилетнего возраста.**

«Однако ж хитрый наставник Морозов, державший по своему произволу скипетр, чрезвычайно еще тяжелый для руки юноши, по обыкновенной предосторожности любимцев отправил всех бояр, особенно сильных во дворце расположением покойного царя, в почетную ссылку на выгодные воеводства»[116]. Он заботится о том, чтобы во всех приказах сидели люди, обязанные

ему. Он привечал тех, кто по каким-то причинам оказался оттесненным в тень при прежнем государе.

Морозов, которому Алексей доверял безгранично, стал фактически главным правителем Московии. Он был не хуже многих других правителей и немало сделал для укрепления обороноспособности страны и наполнения казны. Правда, делал он это в основном за счет притеснения и ограбления населения. Политика экономии, выбивания недоимок, выворачивания карманов налогоплательщиков осуществлялась силовыми методами – так называемым правежом. Должников просто избивали до полусмерти. Однако к этим старым, давно испытанным методам добавилась организация налогообложения на новых основаниях.

В феврале 1646 года последовал указ, который налагал на соль новую пошлину в размере 20 копеек за пуд. Тяжесть налога должна была компенсироваться отменой главных видов прямых налогов – стрелецких и ямских денег, «потому что та соляная пошлина всем будет ровна, и в ызбылых нихто не будет, и лишнего платить не станет, а платить всякой станет без правежа собою. А стрелецкие и ямские денги збираются неровно: иным тяжело, а иным лехко…»[117].

Это был один из первых примеров введения косвенного налогообложения. В Европе центр тяжести в сборе налогов с прямых на косвенные будет перенесен лишь во второй половине столетия в результате распространения абсолютистской идеологии и практики. Однако население скоро забыло, что отныне не надо платить обязательных стрелецких и ямских денег. Зато оно крепко помнило, что раньше соль обходилась дешевле.

Взгляд на власть как на лучший способ приращения богатства издавна был освоен правящим сословием, но именно эпоха Морозова в сознании современников стала временем такого вымогательства и произвола, что перед ним блекли все предыдущие образчики приказного и воеводского самоуправства. Сам Морозов мелким мздоимством не грешил, однако свое положение использовал на полную катушку, отжимая у других помещиков их земли и крестьянские дворы. Если в 1638 году он владел 330 дворами, то в 1647-м в его владениях насчитывалось уже 6034 двора[118].

Социальное напряжение угрожающе нарастало. Ненависть населения к Морозову становилась запредельной. И не к нему одному. Не меньшей ненавистью пользовались глава Земского приказа Леонтий Плещеев и глава Пушкарского приказа, шурин Морозова Петр Траханиотов.

Это были совершенно разные люди. Если Плещеев был

чистейшим образцом коррупционера-взяточника, видевшим во власти исключительно средство обогащения, то Траханиотов – это пример государственника-бессребреника, осознававшего потребности в защите интересов государства, обновленной и энергичной политике. Однако в своем служении государю и государеву делу был бескомпромиссен и никому спуску не давал.

Когда **в мае 1648 года вспыхнуло давно зревшее восстание,** подавить которое не было никакой возможности, поскольку на его сторону встали даже стрельцы, ворвавшаяся в Кремль толпа потребовала наказания Морозова, Плещеева и Траханиотова.

Поначалу Кремль пытался отделаться только головой Плещеева. Его даже не смогли довести до плахи – толпа забила его камнями и палками по дороге.

Траханиотова отправили воеводой в Устюжну Железнопольскую, но московская чернь, посадские люди и стрельцы бушевали в Кремле, угрожая ворваться во дворец и расправиться с Борисом Ивановичем. Пришлось пожертвовать и Траханиотовым. Его вывели к плахе и отсекли голову якобы за многие вины, измену и поджог. Правда, через несколько месяцев полностью реабилитировали, но все его владения были уже полностью разграблены «сильными людьми».

Чтобы спасти Морозова, 18-летний царь принужден был сам, без посредников, говорить с возбужденной толпой. Собственно, это был не разговор, а «умоление». Выйдя на крыльцо, Алексей Михайлович просил пощадить Бориса Ивановича, обещая навсегда удалить его из Москвы и более никогда не поручать ему никаких дел. По одному из свидетельств, царь будто бы даже плакал. Обещание было закреплено крестоцелованием[119]. Морозова отправили даже не в ссылку, а на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь, откуда он вскоре вернулся благодаря усилиям Алексея Михайловича.

16 июля 1648 года в Москве, дабы снизить накал страстей, был собран Земский собор. В нем участвовали в общем-то случайные люди: находившиеся в Москве представители «городов», т. е. уездные дворяне и дети боярские, а также посадские люди («посады») из числа москвичей. Собор выдвинул главное требование – провести серьезные изменения в стране, навести порядок в управлении, налогах, наказаниях и т. п., говоря современным языком, осуществить государственно-правовую реформу. В новом законодательстве, Уложении, представители средних слоев видели главное средство для лечения язв, которыми была поражена власть. Но для разработки и принятия столь важного свода законов следовало собрать более

представительный Земский собор. Он был созван осенью 1648 года и принял это самое Уложение. Но об этом мы расскажем в следующем параграфе.

> **Однако не только в укреплении государства видели русские люди способы преодоления последствий Смуты. Они считали, что Смута – это наказание за совершенные грехи и шатания в вере.**

Подвижники и радетели за веру считали, что на Руси мало истинной веры и благочестия, а это могло закончиться новой смутой, еще более страшной. И тогда рухнет Москва, Третий Рим, и наступит конец мира, поскольку не останется царства, где было бы место истинной православной вере. Подвижники видели в небрежении, невежестве и пьянстве духовенства главную причину упадка благочестия в народе. При этом пессимистический взгляд ревнителей на современное им состояние церкви и общества сочетался с твердой убежденностью, что русскому православию предначертана высокая миссия сохранения и возвеличивания «истинного христианства».

В середине 1640-х годов в столице возник так называемый кружок ревнителей благочестия, или кружок боголюбов. Они стали общаться с молодым Алексеем Михайловичем, который увлекся их идеями. Лидером боголюбов был протопоп Стефан Вонифатьев. Около 1645 года он стал царским духовником[120]. Стефан был душой кружка ревнителей, идейного и организационного центра, готовившего перемены в церковной и общественной жизни.

В кружок к боголюбам были вхожи и люди светские. Первое место среди них по праву принадлежит Федору Михайловичу Ртищеву. Вонифатьев и Ртищев сделали Алексея Михайловича своим горячим сторонником. Даже события 1648 года государь считал несомненным свидетельством остужения православного чувства в народе. Сподвижники стали исподволь готовить церковную реформу, заронив в общество мысль о грядущих изменениях.

Церковная реформа для боголюбов стала не просто насущной задачей, но целью жизни. Однако имея эту общую, объединяющую в начале пути цель, боголюбы решительно разошлись в методах и принципах ее достижения. Сходясь в диагнозе, они не сходились в способах лечения. В этом кроется объяснение одной из самых драматичных страниц отечественной истории, получившей название «раскол» и превратившей в непримиримых врагов людей, некогда начинавших вместе и считавших себя единомышленниками[121].

Поскольку у истоков церковных реформ стоял Вонифатьев, он и был в значительной степени ответствен за раскол. Именно он содействовал выдвижению на первые роли Никона. Стефан вполне разделял грекофильство Никона, но не разглядел его амбиции, усугубившие глубину раскола. В результате сотряслось все здание церкви, о процветании и благополучии которой так пекся Вонифатьев.

Авторитет византийской (греческой) церкви долгое время на Руси был непререкаем. Греческая апостольская церковь дала Древней Руси христианскую веру. Константинопольская патриархия была высшим судьей в вопросах веры. Однако вынужденное заигрывание константинопольских патриархов с католиками на излете существования Византии сильно подмочило их репутацию у русских православных. Русь, а не Византия сумела устоять в своем благочестии и не утратить православного царства. Православие греков казалось настолько сомнительным, что некоторых из них перестали по приезде в Москву пускать в православные храмы до сдачи ими, так сказать, экзамена на истинно православную веру.

Многие реформаторы церкви разделяли систему воззрений, согласно которым исправление всех неустройств и непорядков необходимо осуществлять по святорусским, а не греческим образцам и уставам.

Однако среди боголюбов имелось немало грекофилов. При этом они, как и их единомышленники-оппоненты, опирались на традицию. Но на иную – глубокого почитания восточного христианства, взгляда на греков как на учителей. Конечно, им были известны случаи сомнительного поведения греков, их шатания в вере, однако для них это были всего лишь досадные отступления. По убеждению грекофилов, восточная греческая церковь ни в чем не отступается от правил и уставов и по-прежнему «светится правою верою».

К ревнителям-грекофилам относились Стефан Вонифатьев, Федор Ртищев и сам Алексей Михайлович. Столичные ревнители видели себя во главе православного мира, которому предстояло сойтись в едином Московском православном царстве.

Совсем иную перспективу предлагали провинциальные ревнители, ратовавшие за сохранение чистоты путем изоляции от всего восточного православия. Признавая необходимость перемен и тем самым невозможность прежнего бытия, они искали идеал в прошлом и были решительными противниками сближения с Западом.

«Теократическая идеология „единого вселенского

православного царя всех христиан“ толкала московских царей на пути сближения с греками и всеми другими православными. А доморощенная Москва, загородившая свое православие китайскими стенами, не пускала своих царей на вселенское поприще. Это значит, что столичные ревнители как раз помогали московским государям выбраться на вселенское поприще, провинциальные же огораживали их „китайскими стенами“»[122].

Понятно, что имперское начало, все больше овладевавшее Московией, требовало сделать выбор в пользу, так сказать, греческого варианта.

Весь вопрос был в том, кто осмелится воплотить этот выбор в жизнь. Осмелился Никон, который стал патриархом в 1652 году. Поначалу он отказывался от сана, то ли набивая себе цену, то ли понимая, что непопулярен среди знати. Однако все-таки уступил после того, как сам царь и бояре упали на колени, умоляя его принять это предложение, и только после того, как возложил на всех торжественную клятву повиновения ему во всем, что касается догматов, канонов и обрядов православной церкви.

В 1654 году Никон созвал Собор для пересмотра богослужебных книг, и большинство постановило, что «лучше следовать грекам, чем нашим древним». Второй Собор, состоявшийся в Москве в 1656 году, санкционировал пересмотр богослужебных книг по предложению первого собора и предал анафеме несогласное меньшинство. Строительство шатровых церквей (пример – собор Василия Блаженного) было строго запрещено, и многие старые неканонические церкви были снесены, чтобы освободить место для новых, выполненных в старовизантийском стиле. Эта нахрапистость во многом объясняет ту непримиримую ненависть, с которой старообрядцы всегда впоследствии относились к Никону и всем его произведениям. Старообрядцы, или староверы, были обвинены в ереси и жестоко преследовались.

Некоторые послабления раскольникам были даны при правлении Екатерины II, Павла I, затем реакция то усиливалась, то ослабевала. После октября 1917 года, как известно, преследовались все конфессии.

Как мы уже отмечали, византийская традиция, которой всецело придерживался Никон, предполагала наличие гармонии власти – двух равноценных правителей: василевса и патриарха. Явная слабость предыдущего патриарха Иосифа, откровенно пасовавшего перед Уложением и Монастырским приказом, оборачивалась тоской по сильному патриарху. И Никон старался этим надеждам епископата полностью соответствовать, неистово упорствуя встать вровень с царем, а то и выше его, позволяя себе

порой переходить на язык ультиматумов.

Однако византийская концепция власти явно не соответствовала современной тенденции всемерного укрепления самодержавия. Алексей Тишайший конфликтов не любил и поначалу не замечал или не хотел замечать опасности для своей власти, исходившей от Никона. Царь, первоначально находившийся под огромным влиянием Никона, взрослея, стал отдаляться от патриарха. Тот, в свою очередь, предпринял ряд мер по привлечению внимания, в том числе демонстративно оставил патриарший престол. Особо примечательно расхождение между Алексеем Михайловичем и Никоном в отношении к фигуре Ивана Грозного.

Никон считал Ивана Грозного царем «неправедным», т. е. несправедливым, нехристианским. Особенно ставил ему в вину преследование и убийство митрополита Филиппа Колычева, осмелившегося публично выступить против бессудных опал Ивана.

Алексей Михайлович считал своего прадеда всего лишь совершившим «невольные грехи» под влиянием «злых советчиков», а то и грозным мстителем, воздающим за неправду. Он молился о прощении грехов «прадеда своего», подчеркивая крайне важную для Романовых мысль о естественной связи, династической преемственности. В 1666 году, когда во время суда над Никоном прочли строки из его письма к патриарху Константинопольскому о том, что Грозный «неправедно» мучил митрополита Филиппа, царь возмутился: «Для чего он, Никон, такое безчестие и укоризну блаженные памяти великому государю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии написал?»[123].

Ненависть к Никону у старообрядцев, составлявших значительную часть населения, которую преследовали и уничтожали, была беспредельна. Однако судили Никона не за зверства и раскол Руси, а за оскорбление царя и церкви. Суд был церковный, а не мирской. При этом церковную реформу никто не думал отменять. Раскол продолжался.

Одним из организаторов судебного процесса над патриархом был Н. И. Одоевский, который немногим ранее готовил Соборное уложение царя Алексея Михайловича (см. § 2 настоящей главы).

Конкретизируя обвинения Никону, Собор в своем постановлении 28 ноября 1666 года «помимо его прегрешений против церковного права (оставление патриаршего престола, ругая архиереев, объявление Номоканона еретической книгой и др.) назвал и ряд его, по сути дела, политических и даже уголовных проступков (обвинение царя и царского синклита в

„латинстве“, представление государя как мучителя, применение в отношении многих людей мирских казней – кнута, пыток огнем – и т. д.)»[124].

Алексей Михайлович продолжил территориальную экспансию. К России была присоединена Левобережная Украина. В результате Русско-польской войны 1654–1667 годов возвращены Смоленск и Северская земля с Черниговом и Стародубом. Происходило дальнейшее освоение Сибири. Василий Поярков и Ерофей Хабаров совершили походы на Амур и привели в русское подданство население этого края. В 1655 году подданными русского царя признали себя калмыки.

Присоединение Украины и Белоруссии сыграло значительную роль в интеллектуальном развитии Московии. В стране давно ощущалась потребность в создании школы не только с религиозной, но и с просветительной программой. Попытка привлечь в качестве учителей греков не увенчалась успехом из-за наличия языкового барьера. Стараниями боголюба Ф. М. Ртищева в Андреевском монастыре близ Москвы была открыта школа, учительствовать в которой стали украинские и белорусские монахи, искусные в славянской и греческой грамматике, риторике и других науках[125].

В 1670–1671 годах царское войско подавило Восстание Степана Разина, охватившее южные и часть центральных районов России, ставшее ответом на очередной рецидив пренебрежения властями заповеди: «…Всех же православных крестьян блюди и жалуй и попечение имей о них ото всего сердца…».

На закате правления Алексея Михайловича значительно усилилась личная власть государя, расширилась компетенция центральных органов власти, возросло влияние приказной бюрократии.

В 1654 году по указу Алексея Михайловича создан Приказ его великого государя тайных дел, куда сходились все нити управления государством; он надзирал за всеми гражданскими и военными делами, находившимися в ведении других государственных учреждений. В этом же году был учрежден и Приказ счетных дел, который занимался контролем над приходом и расходом государственных средств.

Территория страны расширялась, власть все больше сосредотачивалась в руках самодержца. Империя проступала все более отчетливо со всеми своими родовыми достоинствами и недостатками.

К последним относится то печальное обстоятельство, что смерть авторитарного правителя, как правило, чревата неприятностями для подданных. Алексей Михайлович Романов

скончался в начале **1676 года** в возрасте 46 лет.

Взошедший на престол третий сын Алексея Михайловича **Федор Алексеевич (1661–1682)** был воспитанником Симеона Полоцкого (православный монах, при этом активный сторонник сближения России со странами католического мира, знал польский и латинский языки, сочинял стихи).

Федор Алексеевич в 15 лет венчался на царство. Он был образованный, но весьма болезненный государь. Ему удалось провести несколько преобразований. Так, в его правление в 1678 году была проведена общая перепись податного населения. В 1682 году специально созванный Земский собор ликвидировал местничество – систему распределения должностей в зависимости от знатности рода. В конце 1681 году Федор повелел поощрять в Москве каменное строительство административных и жилых домов. Была спроектирована система канализационного отведения. Кроме того, Федор запретил такое уголовное наказание, как отрубание рук.

Но прожил **Федор Алексеевич Романов** совсем недолго, немногим больше двадцати лет, **умер в 1682 году.**

Началась борьба придворных группировок, одна из которых ставила на 16-летнего сына Алексея Михайловича Ивана, другая – на другого сына – десятилетнего Петра. Схватка за контроль над будущим царем закончилась вничью – **на царство были венчаны и Иван, провозглашенный Земским собором «первым» царем, и его сводный брат Петр, ставший «вторым» царем.**

29 мая 1682 года правительницей при обоих несовершеннолетних царях стала Софья Алексеевна (1657–1704). Ее имя вошло в официальный царский титул «великие государи и великая государыня царевна и великая княжна София Алексеевна…». С 1686 года она именовала себя самодержицей, а в январе 1687 года оформила этот титул специальным указом.

В 1689 году резко обострились отношения Софьи с боярско-дворянской группировкой, поддерживавшей Петра I. Женитьба Петра на Е. Ф. Лопухиной (27 января 1689 года), ставшая формальным подтверждением его совершеннолетия, лишала Софью права на опекунство. 7 сентября Петр издал указ об исключении царского титула из имени Софьи, которую заточили в Новодевичий монастырь.

Отличавшийся слабым здоровьем Иван V Алексеевич (1666–1696) не принимал никакого участия в государственных делах ни при Софье, ни при Петре, пребывая, по свидетельству современников, «в непрестанной молитве и твердом посте». В 1696 году после его смерти полновластным царем стал Петр I.

Он жестоко подавил Стрелецкий бунт 1698 года, когда

сторонники Софьи, воспользовавшись отсутствием Петра, который находился с Великим посольством в Европе, намеревались «выкликнуть» ее на царство.

2
Соборное уложение царя Алексея Михайловича (1649)

Для успокоения волнений и наведения порядка в управлении 16 июля 1648 года царь Алексей Михайлович Романов созвал Земский собор в расширенном составе делегатов, который предложил составить новый правовой сводный документ – Уложение.

Всю подготовительную работу, связанную с созданием проекта нового закона, должен был выполнить Уложенный приказ (комиссия). Возглавил Уложенный приказ боярин князь Никита Иванович Одоевский (ок. 1605–1689)[126]. Товарищами (заместителями) Одоевского стали князь Ф. Ф. Волконский и окольничий С. В. Прозоровский. Дьяками Уложенного приказа стали Ф. Грибоедов и Г. Леонтьев. Всем этим лицам, вместе со съезжавшимися в столицу земскими выборными, предстояло работать над Уложением, призванным унять нежданно-негаданно обрушившиеся на страну и власть «бунташные времена».

> **Алексей Михайлович хорошо усвоил урок восстания, которое еще давало о себе знать, но уже не в столице, а на периферии. Нельзя пренебрегать напутствием патриарха и оставлять без внимания жалобы и пожелания подданных, излагаемых ими в челобитных. Поэтому царь с неожиданным рвением принялся за дела, связанные с проведением Собора, обещая сделать то, о чем просит простой народ.**

Царь «ежедневно работает сам… над тем, чтобы устроить хорошие порядки, дабы народ, насколько возможно, был удовлетворен»[127].

В столицу со всех уголков Московского государства съезжались выборные люди разных сословий. Они везли с собой многочисленные челобитные, носившие в основном частный характер. Однако, например, посадские «миры» и служилые «города» через земских представителей оказались способными формулировать свои сословные требования и отстаивать их. Они требовали учредить «праведный суд всем людям ровен, каков большому, таков бы и меншему»[128], чтоб прекратить произвол и насилие со стороны «сильных людей», безнаказанно

преступавших все законы, обуздать их чрезмерное корыстолюбие.

Дворяне и дети боярские жаловались на свое бедственное материальное положение, крестьянские побеги и режим урочных лет, ущемлявший их владельческие права, и предлагали свой рецепт оздоровления: немедленно отменить урочные лета (т. е. право перехода крестьян от одного помещика к другому), которые вели к разорению уездного дворянства. Иными словами, они требовали окончательного установления крепостничества.

Разработка и принятие Уложения проходили в острой борьбе двух группировок царедворцев: команды Б. И. Морозова, с одной стороны, и действовавшего на тот момент правительства во главе с Я. К. Черкасским и Н. И. Романовым – дядей царя – с другой. Один из центральных вопросов придворной борьбы – какая из группировок окажется проворнее и сговорчивее в своем общении с посадом и дворянством.

Важнейшее требование посада – ликвидация белых слобод и возвращение закладчиков в государево тягло[129], чтобы «везде было все его государево». В интерпретации челобитчиков торгово-промышленная деятельность в городах превращалась в сословную привилегию посадских людей. Бегство в белые слободы и «закладничество» за «сильными людьми» стало настоящим бичом для государства. Но Романов и Черкасский, как и их сторонники, были из среды старой аристократии, которая как раз и владела закладчиками. Они тормозили принятие этого решения и теряли поддержку своих недавних союзников. А вот у окружения Морозова богатство складывалось главным образом из поместных и вотчинных пожалований. Ликвидация белых слобод, закладничества, если кого из них и задевала, то не особенно больно. Зато выигрыш был ощутимый – власть.

Иначе обстояло дело с требованием дворянства о монастырских вотчинах: отписать на государя церковные вотчины, оказавшиеся во владениях монастырей и кафедр после 1580 года. Дворяне надеялись получить конфискованные земли. Это требование нельзя было просто проигнорировать, однако церковные власти во главе с патриархом Иосифом были лояльны к Морозову. Он оказался в трудном положении: ссориться с высшим духовенством не было никакого резона. Поэтому ставленник Морозова И. Д. Милославский, в руках которого номинально оказалась власть после отставки Черкасского, просто замотал это дело.

Дворяне, вдохновленные тем, что их требование об отмене урочных лет и восстановлении крепостнической силы документов писцового описания конца 1620-х – начала 1630-х годов было полностью удовлетворено, о церковных землях как бы забыли.

Лишившиеся белых слобод церковники утешились тем, что хотя бы монастырские земли остались за ними. Правда, в Уложении появилась целая глава (XIII), посвященная государственному органу – Монастырскому приказу. Фактически приказ стал контролировать хозяйственную деятельность Русской православной церкви, а также к нему перешла часть судебных функций церкви.

> **Работа Собора над Уложением велась в двух палатах. Одна включала царя, Боярскую думу и Освященный собор, то есть высших церковных иерархов. Другая называлась Ответной палатой – в ней преобладали дворяне и представители посадов. В предварительный текст вносились поправки как на заседаниях Собора, так и в ходе продолжавшейся работы комиссии Одоевского.**

Кроме того, поправки вносились на основе текстов коллективных челобитных, что привезли с собой на Собор выборные в качестве наказов избирателей[130].

Для составления Уложения были использованы различные источники: Судебник Ивана Грозного 1550 года, Литовский статут 1588 года, приговоры Боярской думы, коллективные челобитные дворян и посадских людей, указные книги Поместного, Земского, Разбойного и других приказов, в которых записывались поступавшие в эти учреждения законы и распоряжения. Использовались также отдельные нормы и положения из памятников византийского и церковного права. За полтора месяца, к 1 сентября 1648 года, комиссия выполнила поставленную задачу.

29 января 1649 года составление и редактирование Уложения закончилось, оно было принято и подписано всеми членами Собора (315 человек). Соборное Уложение (1649) сопоставимо по значению с Русской Правдой, однако Уложение несколько подзабыто в советское время и в наши дни, поскольку после Алексея Михайловича был Петр Алексеевич Романов – Петр I – реформатор, «прорубивший окно в Европу», считающийся проводником Возрождения в нашей стране.

На фоне Петра Великого его отец вроде бы несколько блекнет. Вместе с тем именно царь Алексей Михайлович в значительной степени навел правовой порядок, издав и внедрив в практическую жизнь государства важнейший документ, получивший название **Соборного уложения царя Алексея Михайловича 1649 года**[131].

В «Курсе гражданского права» профессор Г. Ф. Шершеневич,

объясняя важность и своевременность Уложения, писал: «Население, которое пристало к Москве в надежде на большую защиту, страдало от крайнего произвола администрации и почти полного отсутствия правосудия. Московское правительство отлично понимало, что по отражении внешних врагов оно могло вернуть себе авторитет только установлением твердого юридического порядка. Второю причиною, побуждавшею к составлению Уложения, было печальное состояние законодательства»[132].

Уложение регулировало вопросы государственного, налогового, уголовного, гражданского права, судебного производства, государевой службы и др. Уложение состояло из введения (названия у которого не было) и 25 глав[133]**. Главы состояли из статей, которые, в свою очередь, содержали одно или несколько предложений. Всего статей было 967:**

Глава I. О богохульниках и о церковных мятежниках. А в ней 9 статей.

Глава II. О государской чести, и как его государское здоровье оберегать. А в ней 22 статьи.

Глава III. О государеве дворе, чтоб на государеве дворе ни от кого никакого бесчиньства и брани не было. А в ней 9 статей.

Глава IV. О подпищиках, и которые печати подделывают. А в ней 4 статьи.

Глава V. О денежных мастерах, которые учнут делати воровские деньги. А в ней 2 статьи.

Глава VI. О проезжих грамотах в иные государства. А в ней 6 статей.

Глава VII. О службе всяких ратных людей Московского государства. А в ней 32 статьи.

Глава VIII. О искуплении пленных. А в ней 7 статей.

Глава IX. О мытах и о перевозах, и о мостах. А в ней 20 статей.

Глава X. О суде. А в ней 287 статей.

Глава XI. Суд о крестьянах. А в ней 34 статьи.

Глава XII. О суде патриарших приказных, и дворовых всяких людей, и крестьян. А в ней 3 статьи.

Глава XIII. О Монастырском приказе. А в ней 7 статей.

Глава XIV. О крестном целовании. А в ней 10 статей.

Глава XV. О вершенных делах. А в ней 5 статей.

Глава XVI. О поместных землях. А в ней 69 статей.

Глава XVII. О вотчинах. А в ней 55 статей.

Глава XVIII. О печатных пошлинах. А в ней 71 статья.

Глава XIX. О посадских людях. А в ней 40 статей.

Глава XX. Суд о холопах. А в ней 119 статей.

Глава XXI. Суд о разбойных и татиных делах. А в ней 104 статьи.

Глава XXII. Указ за какие вины кому чинити смертную казнь, и за какие вины смертию не казнити, а чинити наказание. А в нем 26 статей.

Глава XXIII. О стрельцах. А в ней 3 статьи.

Глава XXIV. Указ о атаманах и о казаках. А в нем 3 статьи.

Глава XXV. Указ о корчмах. А в нем 21 статья.

Конечно, условно, но полагаем возможным назвать Уложение кратким сводом законов, который достаточно быстро устарел и с изменением государственного устройства, экономических и политических отношений стал дополняться различными актами.

Тем не менее этот краткий свод законов не только сыграл значительную роль в укреплении правопорядка, но и стал впоследствии одним из главных источников при составлении (большого) Свода законов Российской империи в начале XIX века.

Соборное уложение 1649 года, почти на два столетия ставшее основным законодательным актом российского государства, стало еще и первым печатным памятником русского права. Открытость и доступность законодательства были одним из главных требований участников народных выступлений и Земского собора. До этого о законах можно было узнать только при устном оглашении их на площадях и в храмах, по рукописным текстам, в подлиннике или малом количестве списков, хранящихся в государственных учреждениях.

Первое издание тиражом 1200 экземпляров начали печатать 7 апреля, закончили – 20 мая 1649 года. Публикация Уложения печатным способом и массовым тиражом пресекала возможность сокрытия и фальсификации основных правовых норм, совершения самых вопиющих злоупотреблений, что до этого было нормой.

Уложение приводило в порядок и в определенную систему существующее законодательство. Новые и существенно отредактированные нормы внесли значительный вклад в упорядочение социальных, хозяйственных и правовых отношений.

Уложением определялся статус царя как самодержавного и наследного монарха. В документе вводилось понятие государственного преступления – действия, направленного прежде всего, против личности монарха и представителей царской власти: выступление «скопом и заговором» каралось смертной казнью. Жестоко карались не только преступные

деяния, но и любые умыслы против царя. Это была типичная норма вотчинного законодательства.

Не менее жестко Уложение защищало церковь от действий «мятежников». За хулу на церковь и веру полагалась смертная казнь.

Одновременно подчеркивалась подконтрольность патриаршего суда светскому, все духовное сословие объявлялось подсудным Монастырскому приказу, духовенству запрещалось приобретать вотчины. По этим нормам был спор представителей церкви и руководителей Уложенной комиссии во главе с Одоевским. Очевидно, что спор был гораздо глубже, чем текст Уложения: кто главный на Руси – патриарх или царь? Мы знаем, что и в борьбе за текст Уложения, и в противоборстве за власть победу одержал государь, но, как верно заметил В. И. Сергеевич, «вековой спор духовной власти со светской был разрешен у нас только Петром Великим»[134].

Важным было определение системы и порядка организации вооруженных сил страны.

С конца XV века землевладения было монастырскими, боярскими и княжескими. Княжеские делились на поместья – земли, предоставленные служилым людям, черные земли, на которых работали крестьяне и платили оброк, и непосредственно государственные земли, которые управлялись и предоставлялись крестьянам.

Уложение подробно регулировало вопросы землевладения, наметилось сближение двух правовых режимов землепользования: поместного и вотчинного. В частности, допускалось наследование при определенных условиях поместий женами и детьми помещиков. В некоторых случаях появилась возможность обмена поместий на вотчины. Можно говорить об условном обороте земельных участков, однако о частной собственности говорить еще рано – слишком много ограничений.

> **Документ окончательно оформил крепостное право: был введен бессрочный сыск беглых, бессрочное и лично-потомственное прикрепление всех частновладельческих крестьян и бобылей к земле.**

Были ликвидированы белые слободы в интересах посадских людей и введены их монополии на занятие торговой и ремесленной деятельностью[135]. Вместе с тем запрещались переходы посадских людей из одного посада в другой.

В Уложении было введено понятие преднамеренного преступления, подробно регламентировался порядок следствия,

судопроизводства и наказания за уголовные преступления, решения споров об имуществе и пр.

Нормы уголовного права в Уложении отличались жестокостью. Смертная казнь получила более широкое распространение. Казнили не только за государственные преступления и убийства, но и за поджог, фальшивомонетничество и ряд других. Смертная казнь была простой (отрубание головы и повешение) и квалифицированной (сожжение, зарытие живым в землю и др.)[136]. В то же время в уголовном процессе провозглашались принципы беспристрастности и объективности при рассмотрении дел, предусматривался отвод судей и привлечение их к ответственности в случае оправдания виноватого или обвинения невиновного за «посулы» – взятки.

Новый свод приблизил дворянство к тому идеалу, который был высказан в преамбуле к Уложению: сделать так, чтобы «от большаго и до меншаго чину суд и росправа была во всяких делех всем ровна». Так складывалось юридическое равенство – важнейшее условие для консолидации всех слоев и групп дворянства в единое сословие.

«В отличие от прежних Судебников, Уложение в своем стремлении регламентировать все важнейшие стороны жизни стало настоящим сводом законов. Оно было современно, как может быть современен юридический документ, ответивший на самые жгучие общественные запросы и нужды. Оно же было фундаментально, поскольку нормативно закрепило то, что определяло существо отечественного исторического процесса: крепостничество и самодержавие. Оно было декларативно и публично, в том смысле, что формально делало доступным право для всех»[137].

Тем не менее в Уложении сохранялись атавизмы вотчинного государства. Например, согласно статье 25 из главы 10 «О суде», предписывалось «не судити и никаких дел в приказех не делати опричь великих царьственных дел», не только в дни главных церковных праздников и «в день рождения государя», но и в дни рождения «его благоверные царицы и великие княгини Марьи Ильиничны и их благоверных чад». Персональное упоминание в законодательстве родственников царя, так сказать, персональное регулирование, служит показателем того, что представление о государстве как собственности государя и всей его династии не было изжито[138].

Впоследствии Уложение дополнялось и изменялось Новоуказными статьями 1669, 1676, 1677 годов, Артикулом воинским 1715 года и другими.

Под руководством А. Л. Ордина-Нащокина[139] были систематизированы акты таможенного законодательства и законодательства о торговле, и **в 1667 году принят Новоторговый устав,** поощрявший развитие внутренней и внешней торговли.

Устав содержал 95 статей и регулировал поставку, хранение и учет товаров, для иностранных купцов предусматривалась пошлина. «По Новоторговому уставу 1667 года, – отмечал В. А. Краснокутский, – был учрежден в Москве особый приказ для суда и расправы купецким людям, а при таможнях как во внутренних, так и в пограничных городах были учреждены таможенные суды, которые также состояли из судей, выбранных из торгового сословия»[140]. Документ был направлен на упорядочение торговых отношений на Руси и защиту русского купечества, и, соответственно, говоря современным языком, отечественного товаропроизводителя.

3
Юрий Крижанич

Весьма ценные и красноречивые свидетельства нравов и быта времени, описываемого в настоящей главе, оставил нам хорватский богослов и правовед **Юрий Крижанич (1618–1683).**

Он «свалился» на Москву и москвичей как снег на голову. В середине XVII века московские школы заполонили киевские монахи, известные исключительно церковной ученостью и узкими схоластическими взглядами, отживавшими свое время предрассудками. Но вот появился человек, превосходивший современников широтой взглядов, основательностью и разносторонностью образования.

Юрий (Гурий) Крижанич родился в 1618 году в г. Карловац[141] (сейчас это центральная часть Хорватии), недалеко от Загреба. К моменту рождения Гурия городу-крепости Карловацу было чуть более 30 лет; ребенком Гурий слушал рассказы о крепости, о ее осаде турками, о жестокости захватчиков, стойкости осажденных и многочисленных жертвах невинных людей.

В начале 30-х годов XVII века Крижанич учился в Загребской католической семинарии, затем был переведен в Венскую семинарию, чуть позже поступил в Болонский университет, где продолжал познавать богословие, а также занимался изучением права.

К окончанию обучения Юрий наряду с богословием прекрасно знал историю античности, основы государства и права,

несколько языков, включая греческий и русский, специально изучал историю, письменность и культуру славянских народов.

В начале 1640-х годов Крижанич перебирается в Рим, где продолжает обучение. И в 1641 году получает священный сан, защищает диссертацию и становится доктором богословия.

Крижанич участвует во многих дипломатических и религиозных миссиях Римско-католической церкви, посещает ряд европейских стран. Отдельно следует выделить поездки в Константинополь и Москву, где он наряду с дипломатическими обязанностями изучал византийскую и русскую православную литературу, общался со священнослужителями, посещал храмы.

Путешествуя по Европе, Крижанич пришел к мысли, что вековой спор между православной и католической церквями проистекает не из самой веры, а из сугубо политических причин, из соперничества двух древних народов – греков и римлян – за земную власть и титулы. Так что вопрос о разделении церквей есть исключительно вопрос греков и римлян, а славяне тут ни при чем. Весь славянский мир должен сделаться единым обществом, единым народом с единой верой. Естественно, что он сосредоточил свое внимание на России как на самой обширной стране, населенной славянским народом.

Россию Крижанич считал прародиной всех славян. Он полагал, что для сохранения славянской культуры необходимо создать единый славянский язык на основе русского. В свою очередь, для процветания славянских и других европейских народов и в целях противодействия нашествиям с востока необходимо объединить католическую и православную церкви.

Еще в 1641 году Юрий представил префекту Конгрегации пропаганды святой веры записку с подробным обоснованием своей миссионерской деятельности в Московии, которая предусматривала распространение грамотности, борьбу с клеветой против католической веры, перевод и исправление церковных книг. Однако попасть в Москву он смог только в 1659 году, когда его приняли там на «вечную» службу. Работая в трех приказах – Большого двора[142], Посольском и Лифляндских дел, – Крижанич познакомился с боярами А. С. Матвеевым и Б. И. Морозовым, Ф. М. Ртищевым, Симеоном Полоцким и другими известными деятелями при царском дворе[143].

Крижанич стал невольным свидетелем раскола и отнесся к нему весьма скептически: «Но разве на Руси поднялся раскол не от глупых безграмотных мужиков и не от глупых причин? Ради того, что срачица переменена в саван, или при аллилуйе приписано: слава тебе, Господи! и т. п.; не говорю уже о суеверии,

которое немногим лучше ереси»; «Все это с вашей стороны фарисейская святость, излишнее и ненужное благочестие или, лучше сказать, нечестие…»[144]; «Ошибки языка не могут вести к осуждению, а исправление книг никого не спасает: спасение дает нам благочестивое сердце, неутомимое в добродетелях. Поэтому если бы церковные книги и в десять раз были хуже переведены по отношению к речи (не говоря о смысле), то все-таки неисправление их никому не препятствовало бы спасаться. Не стоит из-за малых причин поднимать церковный раздор, не следует соблазняться грамматическими ошибками и разорять духовную любовь»[145].

В 1661 году Юрий то ли был обвинен в поддержке униатов, то ли умудрился высказаться по поводу процесса над Никоном, а может быть, просто приближенные к царю решили избавиться от активного конкурента. Сам Крижанич считал, что все дело – в его отказе креститься второй раз, что по процедуре требовалось от всех иноверцев, переходивших в православную веру. Позднее в работе «Рассуждение о св. крещении и обличение Соловецкой челобитной» он написал: «Лучше мне умереть без иерейского прощения, чем осквернить вторым крещением и отступить от Христа»[146]. Как бы то ни было, в итоге наш мыслитель был отправлен в ссылку в Тобольск, где провел 16 лет.

В Тобольске Юрий Крижанич написал свои главные труды: «Политика» (1666–1667), «О божественном усмотрении» (1667), «Толкование исторических пророчеств» (1674), «Грамматическое изыскание о русском языке (идея всеславянского языка)» (1666). Кроме того, он составил «Всеобщую библиотеку схизматиков» (1656) и написал трактат «О святом крещении». После смерти своего гонителя, царя Алексея Михайловича, Крижанич вернулся в Москву, где его предлагали назначить в Посольский приказ, однако из-за проволочек он передумал и отпросился в Европу. Это был великий политический мыслитель, увы, не оцененный в полной мере ни современниками, ни потомками.

С грустной иронией В. О. Ключевский писал: «Ссылка, впрочем, только помогла его учено-литературной производительности: вместе с достаточным содержанием ему предоставлен был в Тобольске полный досуг, которым он даже сам тяготился, жалуясь, что ему никакой работы не дают, а кормят хорошо, словно скотину на убой. В Сибири он много писал, там написал и свою славянскую грамматику, о которой так много хлопотал, над которой он, по его словам, думал и работал 22 года»[147].

В своем труде «Политика» («Политичны думы», «Размышления о народе», «Разговоры об владетельству»)

Крижанич осуществил детальный анализ политических, экономических и культурных особенностей российского общества.

Крижанич, искренний славянский и даже русский патриот, жестко критиковал российскую действительность и русский народ за леность, косность, неграмотность, неопрятность, пьянство, расточительность. В современной ему литературе нет других примеров самокритики такой мощи и глубины, какую он оставил нам в наследство. Целью такой критики было стремление пробудить в правящем слое России желание изжить эти недостатки.

«Чужие народы ходят в черных и серых одеждах без золота и каменьев, без снурков и бисерных нашивок; цветные ткани идут только на церковные да на женские одежды, а у нас на Руси один боярин тратит на свою одежду столько, сколько бы у других стало на трех князей. Даже простолюдины обшивают себе рубахи золотом, чего в других местах не делают и короли. Немцы в жестокие морозы ходят без шуб, а мы не можем жить без того, чтоб не закутаться в шубу от темени до пят. Иноземцы укоряют нас за грубость и нечистоту. Деньги мы прячем в рот. Мужик держит полную братину вина и запустит туда оба пальца, и так гостю пить подает»[148].

«Подданные всех чинов и сословий должны все называть себя холопами великого государя. Они также должны проявлять холопство и подписывать свои челобитные уменьшительными именами: Федька, Ивашка, Пашка, Васька… И если какой-нибудь боярин провинится, ему назначают варварские и холопские наказания»[149].

«Все делается втайне, со страхом, с трепетом, с обманом, везде приходится укрываться от множества „оправников“ (чиновников), обдирателей, доносчиков или, лучше сказать, палачей. Привыкши всякое дело делать скрытно, потакать ворам, всегда находиться под страхом и обманом, русские забывают всякую честь, делаются трусами на войне и отличаются всяческой невежливостью, нескромностью и неопрятностью…»[150].

Крижанич резко протестует против практики широко распространенных доносов – так называемых «слова и дела»: «Злобно толкуют (подслушанные) чужие слова и обвиняют человека в хуле на государя, когда на самом деле не было никакой хулы; за невинные слова людей тащат к допросам, к пыткам, замучивают их беспощадным образом. Судьи же стараются угодить царю, а при этом и в свою пользу выжимают деньги с обиженных»[151].

Базовый вывод этой работы – необходимо осознать, что при

существующей системе управления страна сильно отстала в своем развитии от передовых стран и находится в тупике. Чтобы выйти из него следует осуществить критическое освоение достижений Западной Европы. «Теперь пришло время для нашего народа учиться; Бог возвысил на Руси такое славянское государство, какому подобного не было в нашем народе в прежних веках; а мы видим и у других народов: когда государство возрастет до высокой степени величия, тогда и науки начинают процветать в народе»[152].

Конечно, в сторону Западной Европы и раньше заглядывались такие правители Московского царства, как Борис Годунов, Дмитрий (Лжедмитрий I), дети Алексея Михайловича (Федор, Софья и Петр), воспитанные Симеоном Полоцким, яростным обличителем православного фундаментализма. Только правление этих царей, за исключением Петра I, было очень коротким.

Крижанич мыслил стратегически. Он не подвергал сомнению основу Русского государства – самодержавие: «В России полное самодержавие, повелением царским можно все исправить и завести все полезное»; «Государь созовет всех нас, и все мы „ядрено“ будем помогать ему, всякий по своей силе, как устроить и обособить то, что полезно и добро для общества и всего народа». Другими двумя столпами государства он считал православие и сословность.

Впрочем, романтические представления, что все указания самодержца исполняются по одному щелчку, у Крижанича быстро рассеялись в Тобольске. Тем не менее, как ни странно, оптимизма он не потерял, скорее стал смотреть на вещи более объективно.

В то же время он подверг сомнению постоянное желание Московского царства бесконечно осуществлять территориальную экспансию: «Во многих случаях государству совсем не полезно, даже вредно расширять свои пределы»; «Царь Иван намного расширил русскую державу. Но до сих пор не могу понять, какие же он ввел благие законы. Вижу лишь, что после его смерти королевство погрузилось в великие смуты и напасти, из которых оно до сих пор еще не вырвалось. И не вырвется, пока не будет упрочено благими законами»[153]; «Где законы хорошие – там и подданные довольны, и чужеземцы хотят туда прийти. А где законы жестокие – там свои собственные подданные жаждут перемены правления и часто изменяют, если могут, а чужеземцы боятся приходить. О государь, управляй людьми так, чтоб они не хотели перемен»[154].

Порицал тиранство: «Некоторые люди думают, что тиранство в том состоит, чтобы мучить невинных людей лютыми муками, а не в дурных, отяготительных для народа уставах, но дурные

законы на самом деле еще хуже лютых мук. Если какой-нибудь государь установит дурные тяжелые для народа законы, наложит неправедные дани, поборы, монополии, кабаки, тот и сам будет тираном и преемников своих сделает тиранами. Если кто из преемников его будет щедр, милосерд, любитель правды, но не отменит прежних отяготительных законов, тот все-таки тиран. Мы видим этому пример и на Руси. Царь Иван Васильевич был нещадный „людодерец и безбожный мясник, кровопийца и мучитель“»[155]; «Крутое правление – причина того, что Русь редко населена и малолюдна. Могло бы на Руси жить вдвое больше людей, если бы правление было помягче»[156].

Он подробно поясняет, чем плохи действующие законы: «В прелютых, тиранских законах царя Ивана все приказные, начальствующие и должностные лица должны присягать государю, всеми способами приносить государевой казне прибыль и не опускать никакого способа к умножению ее. Вот беззаконный закон! Вот проклятая присяга! Из этого необходимо вытекает, что приказные от царского имени, как для царя, так и для самих себя, всяким возможным способом томят, мучат, обдирают несчастных подданных. А вот другой тиранский закон: высокие советники, связанные вышесказанной клятвой, приказным людям в уездах не дают никакого жалованья или дают малое, а между тем велят носить им цветное и дорогое платье и крепко запрещают им брать посулы. Какой же промысел остается бедным людям на прожитье? Одно воровство. <..> Бедный подьячий сидит в приказе по целым дням, а иногда и ночам, а ему дают алтын в день или двенадцать рублей в год, а в праздники велят ему показываться в цветном платье, которое одно стоит более двенадцати рублей. Чем же ему кормить и себя, и жену, и челядь? Чем же они живут? Легко понять: продажей правды»[157].

Именно «благие законы» – те, которые на вопрос «страна для власти или власть для страны» утвердительно отвечают на второй вариант, – он считал основным направлением прорыва из средневековой отсталости.

«Честь, слава, долг и обязанность короля – сделать свой народ счастливым. Ведь не королевства для королей, а короли для королевства созданы»[158]. А это уже прямая инвектива в адрес устройства вотчинного государства и провозглашение лозунга самодержавия.

Царь должен укротить своих алчных чиновников: «Пусть царь даст людям всех сословий пристойную, умеренную, сообразную со всякою правдою свободу, чтобы на царских чиновников всегда

была надета узда, чтоб они не могли исполнять своих худых намерений и раздражать людей до отчаяния. Свобода есть единственный щит, которым подданные могут прикрывать себя против злобы чиновников, единственный способ, посредством которого может в государстве держаться правда»; «Важно, чтобы имущество подданных охранялось судом, а сами они чувствовали себя в безопасности»[159].

Крижанич высказывает крамольную мысль о необходимости обратной связи правителя и народа, контроля общества над царской властью. «Все деяния каждого короля, то есть законослужения, пожалования и изъятия вотчин или поместий, после его смерти должны быть рассмотрены и оценены народным сеймом, и сейм должен просить нового короля исправить те законы, которые оказались бы противоречащими народному благу. И это надо сделать прежде, чем король принесет присягу. А после королевской присяги должен будет присягнуть народ»[160].

К законотворцам Юрий Крижанич предъявляет немало требований: необходимо знать законы своей страны, ее обычаи, законы тех государств, которые существуют или существовали продолжительный срок, уметь учиться на их ошибках или перенимать опыт. Кроме того, необходимо строго соблюдать свои законы и те, которые приняты ранее.

Следующее направление – забота о «черных людях», создающих богатство страны, повышение их профессионального и культурного уровня. «Ибо самыми многолюдными и богатыми бывают те державы, где лучше всего развиваются эти промыслы черных людей. Ведь там, где черные люди многочисленны и богаты, там и король, и властели да бояре богаты и сильны»[161].

Крижанич старался внушить русским людям осознание своих недостатков, указывал, как западные европейцы далеко опередили их, требовал, чтобы русские люди учились у них не только наукам, но и нравственности, переводили их книги. Он предлагал приглашать лучших мастеров из Европы, гарантируя им парадоксальное для Запада, но очень существенное для Московии право свободного возвращения на родину. Но приглашать их с условием, чтобы каждый оставил после себя несколько обученных русских мастеров. Крижанич рекомендовал придать Европе своего рода педагогический статус, стать ее учениками.

Но сначала надо покончить с укоренившимися в стране предрассудками против науки. Между всеми мирскими науками

самой важной Крижанич считает политику, науку общественного и государственного строения.

Юрий предлагает из дворянства – князей, бояр и «племян» (так он называет детей боярских) – образовать служилый класс и создать для него специальные условия. Только дети высших классов, и то не все, а самые богатые, могут учиться греческому и латинскому языкам, истории, философии и политике, то есть овладевать теорией и навыками управления. «Философия если станет общим достоянием народа, то повлечет за собой многие вопросы и волнения, будет отвращать людей от труда к праздности, что мы и видим у немцев. Не должно все кушанья подправлять медом, потому что мед производит тошноту; точно также и философию не следует передавать всему народу, а только сословию благородному и некоторым из черни, для того призванным, насколько это нужно для службы государю, иначе достойнейший предмет пошлеет, и жемчуг мечется перед свиньями»[162].

Можно подумать, он на века вперед видел расплодившихся умствующих обывателей, размышляющих о революции и подталкивающих экзальтированных юнцов к террору против населения, или тьму так называемых политологов и политконсультантов, морочащих начальству голову за немалые деньги.

Крижанич заклинал как можно тщательнее относиться к допуску в России иностранцев на руководящие посты, в производство и торговлю, не допускать, как стали говорить позднее, низкопоклонства перед Западом. По правде сказать, он был редким ксенофобом. Особенно ненавидел «немцев» (так он называл все народы Западной Европы, за исключением «фрязей» – итальянцев) и греков. При этом он надеялся, что каким-то чудом по царскому приказу московиты сами сумеют овладеть западной наукой, западноевропейскими хозяйственными навыками и военным делом, европейским искусством и бытовым комфортом.

«Ксеномания – по-гречески, [а] по-нашему – чужебесие – это бешеная любовь к чужим вещам и народам, чрезмерное, бешеное доверие к чужеземцам. Эта смертоносная чума (или поветрие) заразила весь наш народ; …Ни один народ под солнцем не был искони так обижен и осрамлен от иноплеменников, как мы, славяне, от немцев, а между тем нигде иноплеменники не пользуются тем почетом и выгодами, как у нас на Руси, да у ляхов»[163]; «А самое худшее дело и разорение для страны – это чужеземная торговля, то есть когда какой-нибудь король позволяет чужеземным торговцам пребывать или жить в своей державе, склады и лавки держать и торговать по всей стране. Ибо

они везде задешево скупают наши товары и открывают своим землякам-чужеземцам все наши тайны, не только в торговых, но и в государственных тайных делах. Они разрушают наши собственные порядки и насаждают в нашем народе свои растленные, гибельные обычаи и вводят нас в соблазн, и губят наши души»[164].

По сути, он обвиняет «немцев» в покорении славянских стран не с помощью оружия, а с использованием так называемой мягкой силы: «Они приносят к нам добрые науки, но не думают о нашем благе; иноземные духовные разоряют наше церковное устроение, обращают святыню в товар… под видом знатоков приходят к нам со врачеством, заводят рудокопни, делают стекла, оружие, порох и пр., а никогда не научат нас делать то же, чтобы им навеки от нас корыствоваться. Те обещают выучить нас военному искусству, но так, чтобы всегда остаться нашими учителями. Иные говорят нам, будто у них есть какая-то тайная наука, невиданная на Руси, но не надобно верить им; у них ничего нет»[165].

Греки же, по мнению Крижанича, льстят русским и сочиняют нелепые басни, будто бы для возвеличения России, а между этим злословят вообще на всех славян, называют их рабами, варварами, говорят, что русских надобно вразумлять ударами кнута.

«Последующая история это и доказала; русский человек не сделался менее груб, менее невежественен, беден и угнетен оттого, что Россия наводнилась иноземцами, занимавшими государственные и служебные должности, академические кресла и профессорские кафедры, державшими в России ремесленные мастерские, фабрики, заводы и магазины с товарами. Курная изба крестьянина нимало не улучшилась, как равно и узкий горизонт крестьянских понятий и сведений не расширился оттого, что владелец сделался полурусским человеком, убирал свой дом на европейский образец, изъяснялся чисто по-немецки и по-французски и давал возможность иноземцам наживаться в русских столицах за счет крестьянского труда»[166].

> **Крижанич предупреждал: «Все народы проклинают чужевладство, признают его одним из наихудших зол и несчастий, считают его самым большим позором. Одни лишь мы, славяне, этого не понимаем… Тот народ, который добровольно отдается под власть чужеземного господина, по заслугам сравнивают со скотом…»**

«Русские тоже не без вины: во-первых, потому что сами о себе пишут малопохвальные басни, будто бы некогда призывали на

престол варягов… Стыд, унижение, поношение и тысячу тягот связаны с чужевладством»[167]. Но не помогло: засилье немцев в руководстве империи случилось уже в XVIII веке.

Мыслитель призывал трезво оценивать состояние и возможности Русского государства: «Мы занимаем скромное и среднее место, так как по уму и сердечной силе мы не первые и не последние среди народов». Чтобы усилить влияние страны среди европейских государств, он считал необходимым отказаться как от фундаменталистской спеси, так и от национального нигилизма. Кстати, Крижанич считал полной выдумкой легенду о призвании варягов на Русь. «Когда великий богатырь Владимир сделался славен поборением своих сопротивников, а еще славнее принятием христианской веры, то люди, желая его восхвалить, выдумали эту сказку, чтобы придать древность его племени». Более того, считал ее проявлением того самого «низкопоклонства перед Западом» и называл баснями легенду о родстве Рюрика с римским императором Октавианом Августом через мифического Прусса. Не видел он ничего ценного и в предании о передаче неких царских регалий Владимиру Мономаху от его деда, византийского императора Константина, даже, как подчеркивал Юрий, если бы это был исторический факт.

Высказался Крижанич и по поводу геополитики. В основе его подхода лежала идея национального возрождения славянства с использованием военной мощи Московии.

Сначала он описывает жалкое состояние славянских народов. «Болгары, сербы, хорваты давно уже потеряли не только свое государство, но всю свою силу, язык, разум. Не разумеют они, что такое честь и достоинство, не могут сами себе помочь, нужна им внешняя сила, чтоб стать на ноги и занять место в числе народов».

А затем обращается к русскому царю: «Ты единый царь, ты нам дан от Бога, чтобы пособить и задунайцам, и ляхам, и чехам, дабы они познали свое угнетение и унижение, помыслили о своем просветлении и сбросили с шеи немецкое ярмо»[168]. В итоге славянские народы должны обрести государственный суверенитет и образовать нечто вроде содружества славянских государств.

А еще надо покорить Крым. «Крымские татары много веков уже обижают окрестные народы. Пора уничтожить их наглость и разбои… Покуда же мы будем откупаться от них дарами и терпеть беспрестанные разбои и опустошения, отдавать безбожному врагу чуть ли не доходы всей земли нашей, а свой народ осуждать на голод и отчаяние? Крымская держава более всех земель подручна России»[169]. Уже в 1663–1666 годах он

разработал первый в истории России план завоевания Крыма[170].

Сочинения Крижанича долгое время ходили, можно сказать, в самиздате и впервые были опубликованы лишь в 1891 году. Однако и в рукописях трактат «Политика» пользовался большой популярностью и способствовал своего рода перелому в русских умах.

Доподлинно неизвестно, читал ли юный Петр сочинения Крижанича, но программа преобразований, осуществленная Петром I, по большому счету, соответствует рекомендациям хорватского энциклопедиста и по совместительству русского диссидента. Правда, кроме одной – введения раскрепощающих общество «благих законов», обеспечивающих людям свободы, или, в современной терминологии, правового государства. Странным образом Петр хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно.

По мнению С. М. Соловьева, «всякому легко может показаться, что Петр Великий в своей преобразовательной деятельности находился под влиянием этой программы. Мы далеки от мысли предполагать здесь непосредственное влияние; но сравнение программы Крижанича с деятельностью Петра очень важно: оно ясно показывает, что пути преобразования, избранные Петром, не были следствием его личного произвола, его личных взглядов, а были следствием общих взглядов тогдашних лучшей людей, тогдашних авторитетов»[171]. Как бы то ни было, Крижанич первый провозгласил лозунг перехода от вотчинной монархии с ее концентрацией на личности государя к самодержавию, для которого главная ценность – государство.

Крижанич с его ненавистью к «мягкой силе» Запада мог бы стать знаменем славянофилов. Но, видимо, они о нем не знали. Лишь поздние идейные преемники классических славянофилов в либеральном и консервативном лагерях российского общества конца XIX – начала XX века второй раз открыли для России Юрия Крижанича и подняли его на щит как родоначальника российского панславизма. Однако и русские европейцы вполне могли найти обоснование своих взглядов в его трудах, особенно в осуждении отсталости России и анализе успехов «немцев».

Наконец, вряд ли кто рискнет утверждать, что рассуждения Крижанича о «благих законах» полностью потеряли актуальность в наше время.

Юрий (Гурий) Крижанич, всю свою жизнь находясь в идеологических сражениях, погиб в сентябре 1663 года в реальном бою, защищая Вену от турок-османов[172]. Похоронен в Вене.

4
Заключение к третьей главе

Заря династии Романовых была как в стихотворении С. Я. Маршака: «За окнами сумрак ранний на свет и на тьму похож»[173]. Романовы пытались наводить порядок в семье, стране и отношениях с соседями. Соляной бунт встряхнул трон Алексея Михайловича, но, поскольку еще была свежа память о гражданском подвиге народного ополчения, самодержцу пришлось включить обратную связь с населением, слушать и делать выводы, в том числе решать кадровые вопросы среди близких людей. Некоторые сословия (дворянство и посад) временно обрели голос, однако статус субъекта политики был еще от них далек.

Земский собор 1648 года стал для России уникальным примером подлинно представительского органа, сумевшего подготовить и принять базовый правовой документ – Соборное уложение.

И это при том, что тогда право как система деятельности напрочь отсутствовало. Роль законодателей играли неграмотные в правовом отношении люди. Судили бояре, чиновники и прочие «уважаемые люди», знавшие законы в лучшем случае понаслышке[174]. Что уж говорить о так называемых правоохранительных органах. О правовом образовании тогда никто и не слышал.

При первых Романовых страна по-прежнему находилась в культурной самоизоляции, как это повелось еще со времен Золотой Орды. Большую роль в этом играл православный фундаментализм.

Священники, которые по большей части сами были необразованными, уверяли свою неграмотную паству, что «богомерзкие» геометрия с философией есть злостная ересь, поскольку не готовят православную душу к вечной жизни, а потому все европейские достижения русским людям не нужны.

Конечно, элита прекрасно знала и пользовалась всякими западными чудесными вещами: огнестрельным оружием, достижениями архитектуры, разными техническими изобретениями и т. п. Ее значительная часть вообще понимала Западную Европу как веселую ярмарку, где можно приобрести предметы престижного потребления.

Аристократия, двор, сам Алексей Михайлович охотно перенимали все то, что украшало и делало приятным быт.

Явилась мода – подражание Западу, которую осуждала церковь, но которую так и не удалось изгнать. Если Романовы и заводили у себя производства некоторых европейских новинок, то, как правило, с целью внутреннего потребления: строительства роскошных дворцов, шитья шикарных нарядов, изготовления предметов роскоши и т. д., а не для развития страны. Правда, некоторое количество заводов по производству огнестрельного оружия все-таки было построено. За все платило, конечно же, податное население. Вотчинное государство, при котором государь и его семья важнее государства, все еще продолжало здравствовать.

Отдельно следует сказать о роли духовной власти в этот период времени. Безусловно, церковь была одним из основных начал, способствующих объединению Руси. С восхождением на трон Романовых духовная власть попыталась возвыситься над государем сначала в лице патриарха Филарета – отца царя Михаила Федоровича Романова, а впоследствии патриарха Никона – соратника царя Алексея Михайловича. И если Филарет в силу естественных причин (возраста и отца, и сына) постепенно отходил от власти, а после его смерти в 1633 году Михаил освободился от опеки, то против Никона с его претензией на непогрешимость духовной власти и ее доминирование над светской пришлось выдвигать обвинение, а затем судить с последующим низвержением с патриаршего престола.

Никон, используя на тот момент высочайший авторитет в глазах царя и двора, решил провести чистку православных текстов, а заодно и православных рядов, избавившись от непокорных священнослужителей и верующих и развязав репрессии против них.

Эти события сегодня выглядят как интересный исторический факт, и тем не менее они несли и, не побоюсь этого слова, несут в себе тектонические последствия для государства, экономики, культуры и права нашего Отечества. Следует добавить, что крах Никона не повлиял на увеличивающийся раскол. Гонения старообрядцев продолжались. Может быть, ярость не была такой сильной, но она оставалась.

Сын Алексея Михайловича Петр Алексеевич, имея в виду опыт отца и деда, решил дискуссию между светской и духовной властью весьма радикально: став императором, Петр I сам возглавил Русскую православную церковь, образовав при этом Святейший Синод во главе с обер-прокурором. Такое положение вещей (с некоторыми вариациями) продолжалось до 1917 года.

Патриарх был избран только в конце 1917 года, но в тот момент начиналась уже другая трагедия, в которой Русской православной церкви, как, впрочем, и другим конфессиям, была уготована участь гонимой части российского населения. Вряд ли все гонители начала XX века были в курсе раскола, начавшегося в XVII веке, но методы были весьма схожи: требования отречься, насилие и убийства.

Резюмируя сказанное в настоящей главе, можно утверждать, что на протяжении большей части XVII века в России протекали два важнейших процесса, на долгие годы определившие ее историю.

Первый. Происходило превращение вотчинной монархии в самодержавие, начатое еще при Иване Грозном и завершившееся при Петре Великом. Попытка встать на европейский путь развития вследствие ограничения царской власти со стороны хотя бы некоторых сословий (аристократии, дворянства или посада) не нашла поддержки в обществе. Византийское разделение власти на светскую и духовную, которую лоббировал патриарх Никон, была пресечена.

Второй. Страна выходила из многовековой культурной и технологической изоляции, выразившейся в принятии греческой (византийской) версии православия и нарастающем интересе аристократии к достижениям Европы. О тупиковом характере изоляции России от всего мира сигнализировал южнославянский энциклопедист-богослов, юрист, дипломат, историк и писатель, ярый русофил Юрий Крижанич, труды которого нашли широкий отклик среди образованной части населения.

Движущей силой этих двух процессов был имперский экспансионизм, воспринятый еще от Орды и все больше захватывавший умы российской элиты.

Империя не может быть вотчинной монархией, да и все персоналистские империи от Александра Македонского до Наполеона живут не дольше, чем их основатель. Империя – это прежде всего довлеющий над всем приоритет государства как высшей сущности. Заявка на господство над всем православным миром – это идеологическое обоснование империи, ее миссия. Экспансионизм – необходимое условие устойчивого существования империи – не может осуществляться без освоения современных достижений техники и военного искусства.

До Российской империи и утверждения главного императива для царя – служения Отечеству – оставался один шаг, и он был сделан Петром Алексеевичем Романовым.

Глава 4
Начало имперского государства и права. Петр Первый

1
Последний русский царь

Последний царь и первый император России Петр Алексеевич Романов (Петр I) родился 30 мая 1672 года.

У Алексея Михайловича было 13 детей от первой жены, Марии Ильиничны Милославской, и трое от второй (в том числе Петр) – Натальи Кирилловны Нарышкиной. Удивительным образом дочери от первой жены, среди них и Софья, были вполне жизнеспособными, а сыновья, в том числе Федор и Иван, как один – хилыми и болезненными.

После смерти Федора, конечно же, возникло соперничество между Милославскими и Нарышкиными. Сначала по предложению патриарха царем провозгласили десятилетнего Петра – вполне здорового и крепкого мальчика. Это неожиданное решение было вызвано активными интригами семейства Нарышкиных. Однако 30 апреля 1682 года Милославские с помощью стрельцов устроили кровавый переворот, в ходе которого убили нескольких представителей клана Нарышкиных. Стрельцы потребовали, чтобы царствовали оба брата, а правление государством было отдано Софье.

В июне 1682 года два сына Алексея Михайловича Романова – Иван Алексеевич и Петр Алексеевич – были венчаны на царство. Их старшая сестра Софья Алексеевна официально стала управлять страной.

Однако реально страной правили стрельцы во главе с князем Хованским. Понятно, что те, кто привел к власти, могут от нее и отлучить. Софья смогла собрать дворянское ополчение, казнить Хованского и привести в чувство стрельцов.

Вдовствующая царица Наталья Кирилловна со всеми домочадцами выехала из Кремлевского дворца и поселилась в Преображенском – одной из пригородных резиденций, кольцом окружавших тогдашнюю Москву. Понятно, что все эти драматические события произвели большое впечатление на маленького Петра и определили многое из того необычайного, что впоследствии составило его яркую индивидуальность.

Петр оказался выброшенным из кремлевской

среды обитания – мира церемоний и условностей, складывавшихся столетиями стереотипов поведения.

Да и сам он участвовать в кремлевских мероприятиях, где царили Милославские, сильно не любил. Образование, полученное Петром в Преображенском, было весьма посредственным – он не прошел даже стандартного курса обучения, типичного для детей высшей аристократии того времени. Гораздо больше времени он уделял играм на свежем воздухе, но не с куклами, а с реальными людьми. Тем не менее в зрелом возрасте Петр был если не самым, то одним из самых образованных людей того времени. Сказались пытливый ум, природная любопытность и колоссальная работоспособность.

Три увлечения занимали почти все его время: привязанность к ремеслам, военное дело и ни с чем не сравнимая страсть к мореплаванию. Однажды Петр нашел на хозяйственном дворе в селе Измайлове гниющий ботик, который в свое время был приобретен Никитой Ивановичем Романовым. Но если для боярина он, скорее всего, был не более чем способом экзотического – ходить «галсами» против ветра – времяпрепровождения, то Петр превратил прогулочный ботик в «дедушку» русского военно-морского флота. Первые опыты мореплавания производились на реке Яузе, но ботик все время упирался в берега. И только на Переяславском озере Петр смог обрести желаемый простор.

Совсем рядом от Преображенского располагалась так называемая Немецкая слобода – Кокуй, поселение иностранцев, приехавших в Россию из разных европейских стран. Кокуй был своеобразной моделью Европы, где рядом – так же тесно, как в Европе, – жили католики и протестанты, немцы и французы, англичане и шотландцы.

Знакомство с иноземцами – интересными образованными людьми – Францем Лефортом, Патриком Гордоном, непривычные вещи, обычаи, многоязычие позволили Петру по-другому посмотреть на многие вещи. В доме виноторговца Монса, где жила его дочь, красавица Анна, он получил и первые интимные впечатления. Все это облегчило Петру, предки которого мыли руки из серебряного кувшина после церемонии «допуска к руке» иностранного посла, преодоление невидимого, но прочного психологического барьера, разделявшего два чуждых друг другу мира – православную Русь и «богопротивную» Европу[175].

По-видимому, там (а больше, собственно, и негде было) Петр напитался наивной верой европейцев XVII–XVIII веков в неограниченные силы разумного человека, возводящего по

чертежам, на началах опытного знания свой дом, корабль, город, государство. Тогда в оценке общественных явлений и институтов преобладал механицизм, точнее – механистический детерминизм. Именно этот способ мышления и был воспринят юным Петром, сформировал его мировоззрение.

К концу XVII века Россия была одной из самых больших по территории и самых малонаселенных стран в мире. В то же время она была весьма архаичной и сильно уступала западноевропейским странам в экономическом и технологическом развитии.

Законодательство и система административного управления также носили весьма противоречивый характер.

Тем не менее страна постепенно выходила из международной изоляции. Присоединив к себе в 1654 году Левобережную Украину, она вышла на границу с Османской империей, покорившей Византию, и на тот момент бывшей одним из сильнейших государств мира. Для России противостояние с турками имело экзистенциальное измерение, связанное с ролью Москвы как духовной преемницы Византийской (Римской) империи и защитницы прав славянских народов.

Опасаясь столь чреватого неприятностями соседства, в 1686 году Россия впервые вступила в международный союз – антитурецкую коалицию европейских держав, куда входили Священная Римская империя, Венецианская республика и Речь Посполитая, – так называемую Священную лигу[176].

> **Петр без особого пиетета относился к священнослужителям и их рассказам насчет Третьего Рима, но повоевать всегда был не прочь. В ранние годы он, как и многие дети, любил играть в солдатиков, только у него была возможность играть не в оловянных, а в натуральных, формируя из них так называемые потешные полки, постепенно обучая себя и сверстников военному делу. Петр построил военный городок, стал приобретать оружие, включая пушки, одел полки в военную форму.**

В 1695 и 1696 годах Петр предпринял два похода с целью завоевать турецкую крепость Азов. Первый поход был неудачным – прежде всего из-за отсутствия у России флота. Ко второму походу он построил гребную флотилию и взял крепость, чем обеспечил выход к Азовскому морю. Однако понял, что в одиночку с турками ему не справиться, и решил актуализировать существовавший в основном на бумаге антитурецкий союз. «Среди этой небывалой деятельности, поднятой вторым царем,

умер первый, Иван Алексеевич, умер незаметно, как жил. 29 января 1696 года»[177], – замечает С. М. Соловьев. Петр становится единовластным царем.

Впервые русский царь решил выехать за границу, дабы найти союзников против Османской империи. В марте 1697 года в Западную Европу выехало Великое посольство в составе около 250 человек, среди которых под именем урядника Преображенского полка Петра Михайлова находился сам Петр I. Однако Европе было не до турок – там ждали начала династического передела в Испании, намереваясь включиться в драку в удобный момент. Аналогичный передел назревал и в Австрии. Так что союзников против турок найти не удалось.

Зато было осуществлено глубокое знакомство с устройством, достижениями, бытом и нравами европейских стран. Посольство посетило Лифляндию, Курляндию, Бранденбург, Голландию, Англию, Австрию и там завербовало в Россию несколько сотен специалистов по корабельному делу, закупило военное и прочее оборудование. Был намечен визит в Венецию и к папе римскому, но он сорвался из-за вспыхнувшего Стрелецкого бунта 1698 года.

Петр впервые увидел западноевропейскую цивилизацию во всем ее военном и культурном могуществе, почувствовал ее дух, смысл и силу. Он вывез из Европы не только знания, впечатления, трудовые мозоли, но и идею, которую для себя формулировал предельно просто: чтобы сделать Россию столь же сильной, как и великие державы Европы, необходимо как можно быстрее перенять у Запада все необходимое[178].

Успокоив нервы личным участием в рубке голов мятежных стрельцов, к которым он испытывал личную неприязнь с самого детства, Петр пришел к выводу, что страну надо изменить.

2 Реформы Петра

Достаточно молодой и по опыту, и по возрасту царь делает два кардинальных внешнеполитических вывода.

Первый. **Голос России будет услышан в европейском хоре, только если это будет голос сильной армии.** Ее создание означает кадровое наполнение, обучение современным методам ведения войны, оснащение современным вооружением и продовольствием, строительство мощного флота и т. д. и т. п. Осуществить весь этот комплекс мероприятий может только, как тогда говорили, регулярное государство.

Второй. **Основным направлением территориальной**

экспансии должен быть не юг, а запад. Именно там находятся все сокровища современной цивилизации, а не у «диких турок» и еще более «диких татар». Тем более что наблюдавшаяся русским царем неразбериха среди европейских государств в связи с «гишпанским наследством», способствовала этому плану.

Государственным строительством Петр I занимался практически до конца своей жизни. Первой под раздачу попала плохо управляемая Боярская дума.

В 1699 году ее преобразовали в Консилию министров Ближней канцелярии. Это был высший орган центральной администрации. Ей были подчинены все прочие учреждения – приказы и канцелярии. Состав Консилии не был строго установлен и определялся от случая к случаю. К тому же у нее не было председателя.

Петр был знаком с Лейбницем, возможно, с Локком; наконец, он испытывал пристальный интерес к работам юристов и теоретиков государства Г. Гроция, С. Пуфендорфа. Книга Самуэля фон Пуфендорфа «О должности человека и гражданина» была при Петре переведена на русский язык и очень высоко им ценилась. Петр I понимал необходимость закрепления реформ в экономике и государстве и потому предпринял несколько попыток создать свод или уложение законов: первоначально создал Комиссию по подготовке нового уложения в 1700 году, затем в 1714 году. Дело двигалось плохо. Петр был недоволен. В итоге уже в 1720 году Петр I решил перевести и применить к русской жизни шведское законодательство, «сличить шведские и русские законы и выбрать, что лучше. Для поместных дел предложены права эстляндские и лифляндские, „ибо оныя сходнее и почитай одним манером владение имеют, как у нас“… Надеясь не без основания на способность русского общества усвоить западную культуру и приспособиться к западному праву, Петр, однако, ничего не сделал, чтобы облегчить переход от московских порядков к европейским. Сделанные в грубой форме, неумелой рукой, обнаруживающие нередко неудачный выбор, изложенные на непонятном для русских языке, заимствования не могли пустить глубоко корни в русском быту. Отсюда нередкое разочарование в них самого Петра, возвращение к старому московскому праву»[179], – писал в конце XIX века профессор Шершеневич.

В 1708 году была проведена территориально-управленческая реформа, в ходе которой страна была поделена на восемь губерний: Московскую, Ингерманландскую, Киевскую, Смоленскую, Архангелогородскую, Казанскую, Сибирскую и

Азовскую. Позднее, в 1713–1714 годах, к ним добавились Астраханская, Нижегородская и Рижская губернии. Во главе губерний встали генерал-губернаторы, которые обладали всеми полномочиями в управлении военными и гражданскими сферами деятельности.

Губернии изначально делились на уезды. В 1719 году были учреждены провинции как промежуточные звенья между губерниями и уездами. На уровне города были созданы магистраты, ставшие вовсе не органом на службе города, а институтом, его контролирующим. **В мае 1703 года царь основал Санкт-Петербург и уже в 1714 году перенес туда столицу.**

Губернии не были подчинены приказам, так что Консилия ввиду отсутствия достаточной определенности в регламентации ее деятельности фактически была изолирована от управления регионами.

В начале 1711 года Петр утвердил новый высший орган управления – Правительствующий Сенат[180], который просуществовал с разными полномочиями до 1917 года. Петр повелевал всем слушаться Сената как его самого[181]. Первоначально он состоял из девяти человек, назначаемых царем по принципу личной лояльности независимо от их происхождения. Считалось, что Сенат будет работать по поручениям Петра во время его отсутствия, однако его оперативная и вполне успешная работа превратила временный орган в постоянно действующий. С переводом работы Сената с временной на постоянную Боярская дума – аристократический орган, основанный на принципе местничества, – окончательно исчезла. Сенат стал высшим судебным и управленческим органом России.

Принципы формирования и деятельности Сената: выслуга лет, назначение на должность, специализация, следование инструкциям и регламентам. Сенат был наделен широкими полномочиями: занимался вопросами комплектования армии, развитием торговли и промышленности, контролировал финансы. Высшим органом было присутствие, т. е. общее собрание сенаторов. На нем обсуждались и решались голосованием основные вопросы, подведомственные Сенату.

Пунктом первым указа от декабря 1718 года «О должности Сената» состав Сената был существенно изменен. Теперь он стал состоять из президентов коллегий, пришедших на место приказов.

Всего было учреждено 12 коллегий: Военная, Адмиралтейская, Иностранная, Берг-коллегия, Мануфактур-коллегия, Главный Магистрат, Камер-коллегия, Коммерц-коллегия, Штатс-контор-коллегия, Вотчинная коллегия, Ревизион-коллегия, Юстиц-коллегия[182]. Структура и функции коллегий вплоть до организации делопроизводства, процедуры заседаний были подробно разработаны в Генеральном регламенте[183] и регламентах отдельных коллегий. Так была осуществлена реформа отраслевого управления.

Чуть позже, 27 апреля 1722 года, был принят новый указ «О должности Сената»[184], в котором президенты коллегий выводились из его состава, поскольку «не могли сами себя судить». Сенат должен был получать из местного и центрального аппаратов спорные дела, требующие согласования между ведомствами, и дела, не имевшие для своего решения законодательного обеспечения. И только если Сенат не мог решить дело, оно поступало государю – высшему законодателю, главному судье, верховному правителю.

Четвертый пункт указа «Об учреждении Правительствующего Сената» гласил: «**Надлежит быть при Сенате генерал-прокурору** и обер-прокурору, также во всякой коллегии по прокурору, которые должны будут рапортовать генерал-прокурору. Также надлежит быть при Сенате рекетмейстеру, экзекутору и герольдмейстеру или иной какой чин, кто б дворян ведал и всегда представлял к делам, когда спросят». Генерал-прокурор был вершиной пирамиды прокуратуры. Ему подчинялись прокуроры во всех коллегиях и судебных органах. Первым генерал-прокурором был Павел Иванович Ягужинский, который занимал этот пост с 1722 по 1736 год.

Генерал-прокурор мог опротестовать и приостановить решение любого правительственного органа, включая и Сенат. Он же имел право непосредственного доклада Петру. Представляя сенаторам генерал-прокурора, Петр сказал: «Вот око мое, коим я буду все видеть»[185].

Существовал также штат тайных доносчиков – фискалов, сидевших на всех уровнях управления: провинциал-фискалы, фискалы центральных учреждений и судов, обер-фискал и генерал-фискал со своей Фискальной конторой и прямым подчинением генерал-прокурору[186]. В результате генерал-прокурор был в курсе тайных махинаций чиновников. Все компрометирующие их материалы через систему прокуратуры должны были поступать в высшие инстанции.

Генерал-рекетмейстер собирал как жалобы подданных на волокиту в разборе их дел, так и жалобы «в неправом решении»,

то есть о нарушении законов в Юстиц-коллегии.

Герольдмейстер ведал учетом дворян, прохождением ими службы, назначением на государственные должности.

Росправная палата[187] выступала как высшая судебная инстанция при Сенате для расследования служебных преступлений и злоупотреблений чиновников, в том числе и сенаторов, и последующих докладов по ним присутствию Сената.

Конечно, не обошлось без полицейской структуры, нацеленной на борьбу с инакомыслием. Политических противников, стремившихся свергнуть режим самодержавия, не существовало, но было немало тех, кто противодействовал петровским реформам. В том числе сын Петра Алексей. Соответствующие функции исполняли Преображенский приказ[188] и Тайная канцелярия[189].

Петр провел реформу церковного управления, направленную на ликвидацию автономной от государства церковной юрисдикции и подчинение российской церковной иерархии императору.

Петр Алексеевич, прекрасно понимая вред конкуренции духовной и светской власти, проанализировав опыт взаимодействия с патриархами своего деда и отца, упразднил патриаршество, лишил Церковь значительной части власти, а ее средства перевел в государственную казну. Вместо должности патриарха царь ввел коллегиальный высший управленческий церковный орган – Святейший Синод. Все члены Синода назначались императором и приносили ему верноподданническую присягу при вступлении в должность. Можно сказать, что священники тоже стали бюрократами.

В общем, чистейший образец регулярного государства. Как говорится, вишенкой на торте этой стройной системы управления стало принятие 24 января 1722 года указа «Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше протчих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был»[190]. Была воздвигнута служебная лестница, по которой на самую вершину мог, в принципе, забраться любой образованный человек, кроме крепостных крестьян, разумеется.

«Табель о рангах» вкупе с Указом о единонаследии, о котором мы скажем дальше, значительно упорядочила и упростила социальную структуру российского общества.

Боярство фактически перестало существовать. Из разных категорий людей, несших военную или административную службу, было сформировано новое сословие – дворянство. Все дворяне были обязаны служить государству в армии, при дворе или в государственных учреждениях. При этом «все замужные жены поступают в рангах, по чинам мужей их».

Дело в том, что все военные чины, начиная с самого низшего, четырнадцатого (прапорщик), ранга, давали право на наследуемое поместье, так что дослужившиеся до этого уровня (на это требовалось минимум 15 лет) становились дворянами. У гражданских служащих право на наследуемое поместье получали чиновники восьмого ранга (коллежский асессор) и выше. Нижние чины получали поместье, но не могли передавать его по наследству. Понятно, что многие чиновники выслужить дворянство не успевали и постепенно формировали новое сословие – разночинцев.

Петр не жалея раздавал земли с населявшими их крестьянами в частные руки. Так заставляли его поступать безденежье и необходимость оплачивать службу своих сподвижников. Раздача в особенности коснулась дворцовых сел и волостей.

Остальные социальные группы, кроме духовенства, должны были платить новый налог – подушную подать – и назывались податными сословиями. Из разных категорий крестьян, не находившихся в крепостной зависимости от помещиков или церкви (черносошные крестьяне Севера, нерусские народности и т. п.), была сформирована новая единая категория государственных крестьян – лично свободных, но плативших оброк государству. Они могли владеть собственностью, выступать в суде в качестве одной из сторон, выбирать представителей в сословные органы и т. п., но были ограничены в передвижении и могли быть переведены царем в разряд крепостных.

Таким образом, был включен социальный лифт, позволявший с самых низов выбиться во дворянство. Иначе говоря, русские мещане могли становиться дворянами совершенно официально и при этом не выглядеть неотесанной деревенщиной[191]. В итоге весь военный и гражданский (высшая часть) управленческий аппарат принадлежал к одному сословию – дворянству, так что российская бюрократия была не только патримониальной, но и сословной. Каждый чиновник должен был сам для себя решать, что для него главнее – интересы службы, т. е. государства, или сословия (в марксистской терминологии – класса).

С помощью этой огромной бюрократической машины Петру удалось соорудить вполне боеспособную армию.

Указом от 20 февраля 1705 года «О наборе рекрут, с 20 дворов по человеку, от 15 до 20 лет возраста, с приложением статей, каковы даны стольникам о сем наборе»[192] было обеспечено практически неограниченное пополнение личного состава армии. В итоге к 1708 году вместо примерно 40 тысяч солдат армия России составляла 113 тысяч. До 1725 года произвели 53 рекрутских набора и привлекли на службу более 284 тысяч человек[193].

Наряду с традиционной рентной экономикой, главным ресурсом которой была земля, удалось создать и промышленность. Не без участия иностранных специалистов, конечно, равно как и не без обучения русских за рубежом. Прежде всего строились мануфактуры для шитья военной формы и, как тогда говорили, железоделательные заводы для производства оружия. Число фабрик и заводов в конце царствования Петра 1 составляло 233[194]. К концу правления Петра Россия вышла на третье место в Европе по производству черных металлов, а к середине века – на первое.

> **Была проведена денежная реформа, в которой, кроме прочего, было уменьшение серебра и меди в монетах.**

Казна пополнялась за счет нововведенных косвенных налогов и государственных монополий на соль, алкоголь, табак и т. п. Была даже проведена перепись населения в 1718 году, по итогам которой в 1724 году и ввели подушную подать.

Что касается **указа Петра I «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» от 23 марта 1714 года,** то для начала следует оговориться, что в исторической, да и в правовой литературе этот документ чаще называют Указ о единонаследии, хотя этот важнейший правовой акт не касается наследования трона.

В чем же значимость указа?

Первое. Указ гласит: «Понеже разделением имений после отцов детям недвижимых великой есть вред в государстве нашем, как интересам государственным, так и подданным и самим фамилиям падение», а потому «недвижимых вещей, т. е. родовых, выслуженных и купленных вотчин и поместий также и дворов не продавать, и не закладывать, но обращаться оным в род»[195]. Иначе говоря, **по наследству имения должны переходить одному-единственному наследнику, поскольку деление** (дробление) имений, по мнению Петра, **было вредно для семьи и государства,** ибо мелкие дворяне, «имея свой даровой хлеб, хотя и малый, ни в какую пользу государства без принуждения

служить не будут, но ищет всякий уклоняться и жить в праздности».

Второе. **Завершилось юридическое и экономическое слияние режимов поместий и вотчин. Петром было осуществлено единое регулирование этих объектов,** которые в указе впервые называются одним термином – недвижимым имуществом (наряду с поместьями и вотчинами упоминаются дворы и лавки).

Анализируя указ от 23 марта 1714 года, Г. Ф. Шершеневич писал: «Раздел наследства представлялся в глазах императора чрезвычайно вредным: раздробление имений уменьшает их экономическую ценность и отягощает крестьян, а вследствие того страдает правильное поступление податей, знатные фамилии беднеют и теряют свое значение, а наследники уклоняются от государственной службы. Слив вотчины и поместья в одно понятие недвижимых имуществ, Петр I установил необходимое единонаследие. Если наследодатель не назначал сам наследника из своих сыновей, то имущество переходило к старшему из них. Таким образом, завещательное право, успевшее значительно развиться, возвратилось к исходному пункту – свобода завещателя состояла только в выборе члена семьи: завещания в пользу посторонних лиц не допускались»[196].

Царствование Петра ознаменовалось появлением также нового вида земельного владения. В 1721 году последовал указ, разрешавший «для размножения… заводов как шляхетству, так и купецким людям к тем заводам деревни покупать невозбранно, с позволения Берг – и Мануфактур-коллегии, токмо под такою кондициею, дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно. И для того как шляхетству, так и купечеству тех деревень особо без заводов отнюдь никому не продавать и не закладывать, и никакими вымыслы ни за кем не крепить, и на выкуп таких деревень никому не отдавать, разве кто похочет для необходимых своих нужд те деревни и с теми заводы продать, то таким продавать с позволения Берг – и Мануфактур-коллегии»[197].

Исходя из сугубо рационалистических представлений о государственной пользе, Петр пошел против нараставшей весь XVI век тенденции к исключительному праву дворян владеть землей и поголовному закрепощению за ними крестьян. Появились так называемые приписные крестьяне, быт которых сочетал в себе признаки быта заводских рабочих и крестьян, трудившихся на своих участках. По своему менталитету эти люди заметно отличались от крепостных крестьян, работающих на земле.

Наибольшее распространение это явление получило в Московской губернии, занимавшей тогда весь центр страны, и на Урале. В Северном Приуралье закон 1721 года привел даже к полному исчезновению черных крестьян в этой исконно свободной крестьянской местности[198].

Теперь о наследовании престола. Император понимал значимость и необходимость определенности престолонаследия для государства. Это, как говорится, объективная сторона вопроса. Субъективная составляющая была более сложная и мучительная для Петра. С сыном Алексеем у него были разные взгляды на жизнь; более того, Алексей сбегает от отца за границу, откуда его обманом возвращают и обвиняют в государственной измене. Естественно, отец был в курсе допросов, пыток и страшного приговора – смертной казни, до которой Алексей не дожил (умер в 1718 году).

3 февраля 1718 года, еще до смерти Алексея, Петр I издает манифест «Об отрешении от наследия Его Царского Величества перворожденного сына Царевича Алексея Петровича», в котором наследником назначает своего малолетнего сына Петра и объявляет изменниками всех, кто этому манифесту не подчинится: «Всех же тех, кто сему нашему изволению в которое-нибудь время противны будут и сына нашего Алексея от ныне за наследника почитать и ему в том вспомогать станут и дерзнут, изменниками нам и отечеству объявляем…»[199]. **Устав от 5 февраля** 1722 года «О наследии престола» (в дальнейшем **именовался Указ о престолонаследии**), который, как следует из названия, посвящен передаче престола, со ссылкой на Указ о единонаследии от 23 марта 1714 года, **говорит о возможности выбора наследника императором**.

Петр I основал Балтийский флот. В 1703 году построили форт Кронштадт и первый парусный фрегат «Штандарт». Сначала офицеры ездили учиться в Англию, Голландию и Венецию, а в 1715 году учредили петербургскую Морскую академию.

> **Модернизированная армия и геополитическая обстановка в Европе позволили Петру перенаправить территориальную экспансию на запад.**

В конечном счете ему удалось выиграть Северную войну со Швецией (1700–1721) и получить Эстляндию, Лифляндию, Ингерманландию, часть Карелии, острова Эзель и Даго, а вместе с ними и выход к Балтийскому морю. Ништадтский мирный договор между Шведским королевством и пока еще Русским царством закрепил успехи Петра.

Впрочем, продолжалась и экспансия на восток. В 1716 году на

месте слияния Иртыша и Оби русские основали Омск, а выше по течению Иртыша – Усть-Каменогорск, Семипалатинск и другие крепости. К России была присоединена Камчатка.

Более 300 лет назад, 2 ноября 1721 года, Сенат и Священный Синод поднесли государю прошение с просьбой принять «титул (Отца Отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого), как обыкновенно от Римского Сената за знатные дела императоров их такие титулы публично им в дар приношены и на статуах для памяти в вечные годы подписываны»[200]. **Так была провозглашена Российская империя.**

В 1723–1724 годах Петр все больше страдал от целого ряда урологических заболеваний, приступы то наступали, то ему становилось легче. Осенью 1724 года Петр участвовал в спасении солдат, находящихся в боте, севшем на мель. Он провел в холодной воде несколько часов, что, конечно же, ухудшило его самочувствие.

В мае 1724 года император короновал свою жену Екатерину в качестве императрицы. Процедура происходила в Успенском соборе, коронование проводили епископ Феофан Прокопович и непосредственно Петр. Многие историки полагают, что именно этот акт стал главным поводом для призвания на престол Екатерины после смерти Петра I.

Это событие, как, впрочем, и другие, менее достойные, было широко отмечено. Однако в 1720-е годы Петр Алексеевич все тяжелее отходил от празднований, мог несколько дней не вставать с постели. Кроме болезни и последствий многодневных гулянок император стал еще более подозрительным и периодически впадал в ярость. Наиболее яркий пример связан с руководителем канцелярии императрицы Виллимом Монсом. Монса обвинили в измене, пытали, а затем, несмотря на увещевания императрицы, в присутствии Петра казнили.

27 января 1725 года Петр I подписал широкомасштабную амнистию. **В ночь с 27 на 28 января (8 февраля) Петр Алексеевич Романов скончался.** Существует версия, что он начал писать завещание, но, кроме слов «отдайте все», не смог ничего написать. Впрочем, ряд историков опровергают эту версию.

> **Как бы то ни было, отсутствие назначенного Петром I наследника запустило в России новую эпоху – эпоху дворцовых переворотов.**

Петр Алексеевич Романов похоронен в Петропавловском соборе Петропавловской крепости.

Считается, что главная заслуга Петра I в том, что он своей неуемной деятельностью «прорубил окно в Европу». Думается, точнее было бы сказать, что он прокопал канал между двумя цивилизационными руслами – европейским и российским. И по этому каналу в Россию пошла культурная экспансия Европы. Более красиво и даже поэтично выразился В. О. Ключевский, сравнивая жизнедеятельность Петра I «с бурной весенней грозой, которая, ломая вековые деревья, освежает воздух и своим ливнем помогает восходам нового посева»[201].

3
Заключение к четвертой главе

Личность Петра I, сумевшего поднять на дыбы архаичную сонную Русь, всегда вызывала острый интерес.

Первое, на что обычно обращают внимание, – это сумасбродный характер царя. Официальные, религиозные и иные празднества нередко сопровождались многодневными попойками, в которых принимали участие все крупнейшие деятели государства. Ничего подобного не было при его преемниках, не говоря уже о предшественниках, исключая, пожалуй, опричный двор Ивана Грозного, где пьянство нередко предшествовало кровавым выходкам.

С одной стороны, непотребство во время церковных празднеств было нацелено на снижение авторитета и святости церкви, которую Петр подозревал в стремлении во всем подменить государство. С другой стороны, это была дань известным традициям русской дохристианской культуры. Наконец, это признак не особенно высокого уровня бытовой культуры того времени. Однако многодневные массовые попойки имели и специфический контекст.

Сам царь редко напивался, что называется, в стельку, но от остальных требовал не манкировать горячительными напитками, при этом ставя охрану на выходе с приказом никого не выпускать: «…Гостей он заставляет напиваться до того, что они ничего не видят и не слышат, и тут царь принимается с ними болтать, стараясь выведать, что у каждого на уме. Ссоры и брань между пьяными тоже по сердцу царю, так как из их взаимных укоров ему открываются их воровство, мошенничество, хитрости»[202]. Скорее всего, это был своеобразный способ контроля над своими подданными. Неслучайно царем был построен институт фискальства, и повальное доносительство при нем процветало. Петр I был убежден, что во имя государственных целей можно пренебречь многими моральными нормами. Это простым

смертным необходимо следовать религиозным заповедям и подставлять обидчику вторую щеку, «а властителем весьма инако, ибо должны всегда мстить и возвращать обиженное от неприятеля своему отечеству»[203].

При всем при том Петр отнюдь не был атеистом. Его антицерковная политика никогда не становилась антирелигиозной. При всей склонности Петра к шутовству на религиозной почве он отнюдь не пренебрегал обязанностями православного христианина.

> **Однако вера его была не мистической, а вполне себе рациональной. Его конструкция мира выглядела примерно так: Бог создал мир, а в нем – Россию, он передал ее царю под полную ответственность и в безраздельное владение и вмешиваться в ход событий больше не намерен. Так что служение Отечеству было для Петра служением Богу.**

Отечество в определенном смысле и было для него Богом. Таким образом, «Российское самодержавие является фактически политическим строем, в основе которого лежит вотчинный принцип управления»[204]. Так сказать, матрешка вотчинной монархии, вставленная в матрешку государственности. Государство из собственности монарха стало для него высшей сущностью.

Государство же со времен Смуты понималось как территориально-популяционное единство, и взаимоотношения царя с подданными заметно отличались от отношений вотчинника со своими холопами. Обязанности монарха перед подданными были наиболее четко изложены Петром в манифесте «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания» от 16 апреля 1702 года: «Довольно известно во всех землях, которые Всевышний Нашему управлению подчинил, что со вступления Нашего на сей престол, все старания и намерения Наши клонились к тому, как бы сим Государством управлять таким образом, чтобы все Наши подданные, попечением Нашим о всеобщем благе, более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние; на сей конец Мы весьма старались сохранить внутреннее спокойствие, защитить Государство от внешнего нападения и всячески улучшить и распространить торговлю. Для сей же цели Мы побуждены были в самом правлении учинить некоторые нужные и к благу земли Нашей служащие перемены, дабы Наши подданные могли тем более и удобнее научаться, поныне им неизвестным познаниям, и тем искуснее становиться во всех торговых делах»[205].

Будучи до мозга костей технократом, Петр вызывал в основном иностранцев, владевших каким-либо ремеслом или обладавших познаниями прежде всего в естественных и инженерных науках.

Начиналось все с забавных казусов вроде лишения бороды всех, кроме священнослужителей, обязывания дворян и горожан носить европейское платье, которое в России не шили и не продавали, внедрения кофе, картофеля, а затем благородных европейских манер и т. п. Вместе с тем на более глубоком уровне осваивались достижения естественных и инженерных наук, а также некоторые передовые технологии. В 1724 году Петр I утвердил устав Академии наук, которая открылась уже после его смерти, в 1725 году. При нем также был открыт первый в России музей – Кунсткамера.

> **Стали появляться светские учебные заведения, была основана первая русская газета, возникли переводы многих книг на русский язык. Произошли изменения в русском языке, в который вошли несколько тысяч новых слов, в основном военного и технического характера, заимствованных из европейских языков.**

Как уже отмечалось, Петр был знаком с некоторыми достижениями европейской гуманитарной мысли, однако приглашать в Россию ученых-гуманитариев не считал нужным, не видя в этом утилитарного смысла. Поэтому русская философия, история и юриспруденция при нем в стране не зародились. В то же время если в наборе сфер правовой деятельности отсутствуют правовая наука и правовое образование, такой набор правом назвать очень сложно хотя бы потому, что без них система деятельности неспособна к воспроизводству.

Для онтологического правопонимания отсутствие права при наличии законодательства и судебной системы может показаться нонсенсом, однако Петр этим вопросом не интересовался. Да и необходимости в развитии юридической науки тогда не было: частная собственность по-прежнему отсутствовала, а высшим законом для подданных была воля самодержца.

Самодержец, будучи единственным законодателем[206], мог сообщить принимаемым им указам только ту легитимность, которой обладал он сам, т. е. традицию (наследование титула) и харизму. Защищенность принимаемых им нормативных актов по отношению к последующим за ним императорам и даже к нему самому практически отсутствовала – ничто не могло помешать

отменить или изменить их.

Очевидно, что законы, принятые хотя бы формально представителями населения, защищены гораздо лучше, и изменить их намного сложнее. Неслучайно время жизни Судебников и Уложения, принятых Соборами, было достаточно велико. Неграмотность подавляющей части населения, зависимость от хозяев, ближайших начальников, а также недостаточная легитимность законов Российской империи в глазах населения были одними из причин необязательности их исполнения.

Например, указы Петра об обязательности обучения городского населения наряду с дворянством и духовенством были преданы забвению его последователями – просвещение народа к числу своих приоритетов они относили отнюдь не всегда. Большинство цифирных школ, где, например, купеческие дети могли наконец-то выучить арифметику, без которой их отцы загадочным образом обходились, после его смерти закрылись[207].

Наиболее известный пример отмены указа Петра I его последователями – история с Указом о престолонаследовании, согласно которому император вправе сам назначить себе любого наследника, даже не члена императорской семьи. Единственное, что там оговаривается, – наследник должен быть официально объявлен при жизни государя. Именно этот нормативный акт стал триггером череды дворцовых переворотов в Российской империи XVIII века. Он был отменен императором Павлом I, ставшим последней жертвой этой нездоровой практики.

Еще одной особенностью личности Петра I, на которую обычно обращают внимание, была абсолютно нетипичная для государя манера общения с подданными, которую иногда ошибочно принимают за демократизм. Имеется в виду его неприхотливость в быту, нелюбовь ко многим традиционным формам почитания самодержца, работа плотником или кузнецом под руководством обычного мастерового, за которую он получал плату и тратил ее на приобретение нужных вещей – например, башмаков и т. д. и т. п.

Как отмечали современники, «царь, находясь при своей армии, до сих пор не является ее начальником, он состоит только капитаном бомбардирской роты и несет все обязанности этого звания. Это, вероятно, делается с целью подать пример высшему дворянству, чтобы и оно трудом домогалось знакомства с военным делом, не воображая, как, по-видимому, воображало себе прежде, что можно родиться полководцем, как родишься дворянином или князем»[208].

По сути, такое поведение царя было способом воспитания

служилых людей в убеждении, что достичь высоких чинов и наград можно только успехами на своем поприще, а не за счет знатного происхождения или раболепия перед начальством. Иначе говоря, своим каждодневным трудом Петр показывал подданным пример, как нужно служить ему, российскому самодержцу. Неслучайно однажды он произнес тост, так хорошо запомнившийся очевидцу: «Здравствуй тот, кто любит Бога, меня и Отечество!»[209].

А вот вмешательство в свою «службу» самодержца он не терпел не только со стороны церкви, но даже со стороны наследника. Что уж говорить о прочих подданных: царь сам решал, что для них полезно, а что нет, что хорошо, а что плохо.

Наметившаяся было в XVI веке обратная связь между государем и подданными, сулившая возможность превращения вотчинной монархии в монархию европейского типа, окончательно сошла на нет.

Круг обязанностей императора по «служению» народу определялся самим монархом и варьировался по его усмотрению, не будучи закрепленным в законодательстве. Все еще сказывалось типичное для вотчинной монархии отождествление личности царя с государством. В воинской присяге, утвержденной при Петре, нет понятия России, Отечества, земли, а есть только понятие «царя-государя», а само государство упоминается как «Его царского величества государство и земли». Этих слов нет даже в присяге служащих, включенной в Генеральный регламент. Присяга давалась «своему природному и истинному царю и государю, всепресветлейшему и державнейшему Петру Первому, царю и Всероссийскому самодержцу и прочая, и прочая, и прочая»[210].

Так что никаких иных субъектов политики, кроме царя, не существовало, и никакой демократии.

Бурная реформаторская деятельность Петра I неоднозначно воспринималась его современниками и служила предметом ожесточенных споров среди историков XIX века. Не ввязываясь в противостояние тех, кто считал Петра великим основателем европейской России, и тех, кто называл его антихристом, отметим лишь важные для последующего изложения последствия его правления.

Конечно, никакого полицейского государства, понимаемого в доктрине Джона Локка, Томаса Гоббса и др. как государство общего благоденствия, построено не было. Никаких «благих законов» никто и не собирался принимать, равно как учреждать

независимые суды и интересоваться мнением подведомственного населения о государственной политике[211]. Наоборот, имело место злостное «людодерство», на которое население порой отвечало восстаниями[212].

На деле была сконструирована мегамашина Российской империи. Указы, принятые Петром I в сфере государственного строительства, больше походили на инструкции, нежели на законы. В них подробно указывалось не только что надо делать, но и как, и даже как при этом выглядеть[213]. Зато понятийный аппарат отсутствовал, а о юридической технике никто и не слышал.

Целью или миссией мегамашины, кроме традиционной территориальной экспансии, было обретение Россией достойного места в европейской цивилизации[214]. За годы правления Петра страна, безусловно, стала важным фактором европейской геополитики. Однако далеко не все соотечественники вдохновились этой миссией, а институционализировать этот импульс развития Петр не сумел. Инструмент такого превращения новых отношений в институции – право как полноценная система деятельности – на тот момент в России отсутствовал.

В результате Россия оказалась поделенной надвое. Две разные страны, две разные культуры – европейская и традиционная – непримиримо противостояли друг другу. В одной России открывались академии, а в другой народ считал «чтение грамоты между смертными грехами»[215]. **Причем к последним относились не только крестьяне, но и темная масса помещиков, безвылазно сидевших в своих поместьях и составлявших большинство российского дворянства.**

Еще одним социокультурным результатом деятельности Петра стало появление нового типа служилых людей, или бюрократов, для которых служение Отечеству, России стало важнейшим элементом их мировоззрения. «Табель о рангах» запустила социальный лифт, позволявший незнатным людям оказаться на вершине бюрократической лестницы. Однако полностью сменить управляющее сословие Петр не успел. «Птенцы гнезда Петрова», ставшие дворянами за счет достижения высоких чинов, составляли лишь незначительную часть потомственного дворянства. После его смерти принцип «чины – по заслугам и способностям» стал подвергаться эрозии. Пропасть между теми, кто готов был «положить живот свой за Отечество», и теми, кто по-прежнему видел в службе способ достижения личных или дворянско-корпоративных интересов, постоянно

расширялась.

Глава 5
Время императриц

1
Екатерина и Анна

Петр I умер в 1725 году, так и не указав на своего наследника. Из возможных претендентов на престол были только его внук, девятилетний сын царевича Алексея Петр, и две дочери – Анна Петровна, которая вышла за голштинского герцога и уехала из страны, и Елизавета Петровна. Поскольку внятного волеизъявления по поводу престолонаследия не было, в результате жесткой борьбы приближенных к императору самодержавной **императрицей становится вдова Петра I Екатерина (1684–1727), до принятия православия – Марта Самуиловна Скавронская (после первого замужества носила фамилию Крузе).**

Правила Екатерина I недолго – около двух лет – и в 1727 году в возрасте 43 лет умерла от пневмонии, похоронена в Петропавловском соборе Петропавловской крепости Санкт-Петербурга.

Престол по завещанию Екатерины достался Петру II (1715–1730) – внуку Петра Великого и сыну Алексея Петровича.

От имени Петра II первоначально страной управлял А. Д. Меншиков, а затем, в результате интриг – И. Долгорукий и А. Остерман. Последние и поддерживающая их значительная часть дворян были приверженцами старины, они оттеснили «птенцов гнезда Петрова» и стали сворачивать реформы. Символичным был факт возвращения столицы в Москву.

В январе 1730 года Петр Алексеевич Романов умер в возрасте 14 лет от простуды и оспы. Петр II похоронен в Архангельском соборе Московского кремля.

Династия Романовых по мужской линии прервалась, результатом чего стал династический кризис.

Петровская система государственного управления стала подвергаться деформации практически сразу после его смерти.

Еще в феврале 1726 года указом Екатерины I для решения вопросов внутренней и внешней политики государства был создан Верховный тайный совет из шести, а впоследствии из восьми членов. На Совете председательствовала императрица. Новому государственному органу подчинялись Сенат и коллегии.

Верховный тайный совет получил даже законодательные полномочия[216].

Именно **Верховный тайный совет пригласил в начале 1730 года Анну Ивановну** (Иоанновну) **(1693–1740)** занять российский трон. Конечно же, Совет не обладал и не мог обладать полномочием определять наследников престола, однако произошло очередное глумление над правилами и традициями Русского государства.

Анна – дочь царя Ивана V Алексеевича, старшего брата Петра I. В конце 1710 года Анна обвенчалась с племянником прусского короля, герцогом Курляндским Фридрихом-Вильгельмом. В январе 1711 года при возвращении после свадебных торжеств муж Анны, не выдержав петровского гостеприимства, скончался.

> **Анна при вхождении на престол подписала Кондиции – условия, по которым имперская власть ограничивалась Верховным тайным советом. В Кондициях Анна брала на обязательство не выходить замуж и не определять наследника. Основная же часть условий касалась принятия главных государственных решений.**

Императрица без утверждения Верховным тайным советом обязывалась не принимать решения: «1) ни с кем войны не всчинять; 2) миру не заключать; 3) верных наших подданных никакими податьми не отягощать; 4) в знатные чины, как в статские, так и в военные сухопутные и морские, выше полковничья ранга не жаловать, ниже к знатным делам никого не определять, а гвардии и прочим войскам быть под ведением Верховного тайного совета; 5) у шляхетства живота, имения и чести без суда не отнимать; 6) вотчины и деревни не жаловать; 7) в придворные чины как русских, так и иноземцев не производить; 8) государственные доходы в расход не употреблять и всех верных своих подданных в неотменной своей милости содержать»[217].

В качестве ответственности за нарушение кондиций предусматривалось лишение короны.

В начале 1730 года **Анна, поддержанная дворянством, отказалась выполнять волю Верховного тайного совета, публично разорвала Кондиции и стала самодержавной российской императрицей**. Анна объявила о возвращении столицы в Санкт-Петербург. Верховный тайный совет, конечно же, был ликвидирован, и был учрежден Кабинет министров.

Российская «хартия вольностей» для дворян просуществовала недолго и не прижилась на русской неустойчивой для стабильных

решений почве, особенно в эпоху дворцовых переворотов, да еще и «через черный ход», когда не только население, но и основная часть дворян не знала, о чем идет речь. Анна поступила как настоящая хозяйка своего слова: захотела – дала, захотела – забрала.

В отличие от российской ситуации, в Англии в начале XIII века требования феодалов поддерживали все слои общества[218]. В России Кондиции не были опубликованы и воспринимались как узурпация власти Верховным тайным советом.

Тем не менее дворянство, которое привело Анну к власти и потому вполне могло ее контролировать, не собиралось отказываться от продвижения своих корпоративных интересов. Еще в допетровскую эпоху замечалось стремление ограничить права не-дворян владеть землей, выразившееся в некоторых положениях Уложения 1649 года. При Петре этот процесс был заторможен. Теперь же дворянство могло взять реванш.

Указом 25 октября 1730 года[219] был подтвержден запрет Уложения боярским людям, монастырским слугам и владельческим крестьянам покупать и принимать в заклад вотчины и недвижимые имущества[220]. Тем, кто из указанных лиц владеет недвижимыми имениями, предписывалось распродать их «с объявления сего указа конечно в полгода», иначе имения подлежали конфискации.

Другая тенденция – все более глубокое закрепощение крестьян – нашла свое выражение в запрете крестьянам работать по подряду: «Крестьян ни в от-купы, ни в подряды не допускать, кроме найму подвод и судов и каких-либо работ», – говорилось в Регламенте Камер-коллегии от 23 июня 1831 года[221]. Указом от 12 марта 1734 года[222] крестьянам запретили открывать фабрики.

Наконец, **в 1731 году Анна отменила ненавистный дворянам Указ Петра I о единонаследии** (см. § 2 главы 4), **увидев в нем политическую угрозу и пойдя навстречу помещикам**[223]. Указ 1731 года «О именовании поместий и вотчин недвижимым имением и о разделе оных между детьми по Уложению»[224] повелевал дела о наследстве вершить по Уложению и по новоуказным статьям, изданным в дополнение к нему, давая возможность разделения между наследниками имений и других недвижимых имуществ. Однако обращаем внимание на то, что произведенное петровским Указом о единонаследии **слияние вотчин и поместий оставалось в силе**: «„Повелеваем впредь с сего нашего указа как поместья, так и вотчины именовать равно одно – недвижимое имущество –

вотчина“; таким образом, закон ясно истолковал, что новое понятие „недвижимое имущество“ равняется прежнему понятию – „вотчина“»[225].

К тому же Анна разрешила дворянам получать образование дома и дала право выходить в отставку через 25 лет службы.

Императрица сделала несколько шагов по пути систематизации российского законодательства. В 1730 году была создана Уложенная комиссия для подготовки двух важнейших глав: о суде и вотчинах. Однако дело не двигалось. Сперанский писал, что Анна распорядилась опубликовать текст Сводного уложения, но потом выяснилось, что работа не была окончена. «Приказы и коллегии все обременены были текущими делами. Канцелярии везде были слабы и чрезмерно заняты; таким образом, время протекало в тщетных переписках, подтверждениях и объяснениях и в пересмотре или, лучше сказать, в приготовлениях к пересмотру сочиненных в Комиссии двух глав нового Уложения: Вотчинной и Судной. В 1741 году существование ее прекратилось, не оставив никаких почти следов десятилетнего ее продолжения»[226].

В период правления Анны Россия возвратила себе Азов, присоединила Молдавию и Западный Казахстан.

Однако в ее царствование случилось то, против чего предостерегал не раз упоминаемый нами Крижанич: «Нельзя разрешить иностранцам занимать должности в стране, нельзя давать им русское подданство, иностранные войска можно вводить в страну, только если бунт угрожает власти законного государя, и уж ни в коем случае нельзя делать иностранца наследником русского престола. Въезжать в страну надо позволять лишь тем, без кого невозможно обойтись: лекарей, толмачей, ликописцев, музыкантов и всяких ремесленников. Но как только „нашинцы“ овладеют этим ремеслом, нужно немедленно избавляться от учителей, высылая их обратно»[227].

Анна передала рычаги управления страной иностранцам. Недовольные жестоко преследовались. Время правления Анны получило название бироновщины по имени ее фаворита Э. И. Бирона.

Бирон был убежден в том, что Россией следует управлять при помощи топора и веревки. Наступило десятилетнее господство неметчины и унижения всего русского.

Иноземная вакханалия закончилась осенью 1740 года, после смерти Анны. Императрица была похоронена в Петропавловской крепости Петропавловского собора в Санкт-Петербурге.

За месяц до кончины императрицы у ее племянницы Анны Леопольдовны и принца Антона Ульриха Брауншвейгского родился сын **Иван (1740–1764). На основании завещания Анны Ивана провозгласили российским императором – Иваном VI, когда ему было всего два месяца.** Регентство Бирона при малолетнем принце Иване Антоновиче не продлилось и месяца, а правление его матери Анны Леопольдовны – чуть более года[228].

Елизавета Петровна, пришедшая к власти в результате переворота, приказала арестовать годовалого ребенка – Ивана VI. Впоследствии специально назначенному капитану Миллеру было велено четырехлетнего бывшего императора Ивана отправить на Соловки и именовать впредь Григорием: «… Посадить младенца ночью, чтобы никто не видал, и отправиться в Соловецкий монастырь, где его ночью же, закрыв, пронести в четыре покоя и тут с ним жить так, чтобы кроме его, Миллера, солдата его и служителя, никто оного Григория не видел… а младенца из камеры, где он посажен будет, отнюдь не выпускать и быть при нем днем и ночью слуге и солдату, чтоб в двери не ушел или от резвости в окошко не выскочил»[229]. Но довести семью до Соловков не удалось из-за распутицы, и они застряли на долгие 34 года в Холмогорах Архангельской губернии.

В январе 1756 года 15-летнего юношу тайно вывезли из Холмогор и доставили в крепость Шлиссельбург, где он прожил еще восемь лет. Странно, что на него не надели железную маску. На него, больного и неразвитого молодого человека, но опасного соперника в споре за российский трон, приходили посмотреть Елизавета, Петр III и Екатерина II.

В. О. Ключевский писал о том, что «Екатерина виделась с ним вскоре по воцарению и приказала уговаривать его к пострижению в монашество»[230].

Однако Иван был убит при попытке освобождения, предпринятой подпоручиком В. Я. Мировичем. Считается, что Иван похоронен в Шлиссельбурге, но где его могила, точно не известно. Жизнь и смерть Ивана Антоновича Романова окутана многочисленными тайнами и легендами, имя несостоявшегося императора было долгое время под запретом. Русский ремейк «Железной маски»[231] закончился летом 1764 года.

2
Елизавета Петровна

Захватившая трон в результате дворцового переворота 25 ноября 1741 года дочь Петра I Елизавета Петровна (1709–1761) лишила престола Ивана VI Антоновича, арестовала правительницу Анну Леопольдовну и объявила себя продолжательницей дела своего отца. В ее правление перестала свирепствовать Тайная канцелярия, отошло в прошлое «слово и дело государево»[232].

Важно отметить, что, несмотря на увещевания императрицы ее окружением и ожидания подданных, Елизавета не стала проводить репрессии против «Брауншвейгских людей»; значительную часть этого некогда управляющего Россией круга лиц она просто выпроводила из страны, других предала суду, а саму семью Брауншвейгов, как упоминалось выше, отправила в пожизненную ссылку.

С. М. Соловьев достаточно подробно описывает выдвинутые обвинения Остерману, оракулу трех царствований: «По окончании следствия, 13 января, Сенат получил указ „судить их по государственным правам и указам“. После заслушивания выдержек из дела долго рассуждали, потом начали собирать голоса с младших: Остермана приговорили к смертной казни просто; Миних приговорен был к четвертованию, Головкин, Менгден, Левенвольд и Темирязев – к отсечению головы»[233]. 18 января 1742 года казнь назначили на площади перед зданием Коллегий на Васильевском острове. Елизавета их простила.

Милость императрицы оказалась выше злобы, чего не скажешь о подданных. «Когда народ увидел, что во вчерашнем объявлении его обманули, никому не отрубили головы, то началось волнение, которое пришлось усмирять солдатам. Некоторые могли быть недовольны тем, что не видели, как рубят головы людям; другие могли быть недовольны тем, что недавно рубили же головы Долгоруким, Волынскому, за что же помилованы Остерман, Миних и Левенвольд?»[234].

> **За время своего правления Елизавета Петровна не только не подписала ни одного смертного приговора, но и фактически отменила в России смертную казнь. Мораторий на казнь был введен указами Сената от 30 сентября 1754 года и 14 октября 1760 года.**

В моратории на смертную казнь в Российской империи воплотились отнюдь не просветительские идеалы, а глубокая религиозность Елизаветы. Приостановка экзекуций за тяжкие преступления не имела теоретических обоснований и вообще никак не была связана с развитием правовых знаний того

времени. Логика христианских заповедей напрямую привела императрицу к хорошо известному вопросу: «И кто меня тут судьей поставил, кому жить, кому не жить?» За несколько месяцев до собственной кончины императрица вообще поставила вопрос о принципиальном изменении уголовного законодательства и, видимо, приведении его в соответствие с ее верой[235].

Елизавета упразднила Кабинет министров и восстановила Сенат в том значении, какое он имел при Петре I. В апреле 1742 года были также восстановлены Главный магистрат, Мануфактур – и Берг-коллегии. В 1756 году была учреждена Конференция при Высочайшем дворе – постоянное собрание из десяти высших сановников и генералов, обсуждавших важнейшие иностранные дела.

Для ликвидации почвы для смут и беспорядков после смерти императрицы, в ноябре 1742 года Елизаветой был издан манифест о назначении наследником Петра Федоровича, внука Петра I. Однако, как мы увидим дальше, манифест не достиг своей цели: Екатерина свергла с трона Петра Федоровича, а затем его убили, но это было позже. Императрица сделала то, что должна была сделать.

> **Елизавета продолжила политику по дальнейшему развитию могущества дворянства. Прежде всего укрепилась монополия дворянства на владение землей.**

16 декабря 1743 года была начата ревизия, в инструкции проведения которой устанавливалось правило, что, за некоторыми исключениями, «владение землей тесно связано с владением людьми». В ходе ревизии обнаружилось, что, несмотря на многократные запретительные указы, в империи оказалось довольно много людей тяглового происхождения, которые беспрепятственно владели людьми и землями. Это привело к изданию нового указа – от 19 марта 1746 года, гласившего, что «впредь купечеству (кроме тех, которым к заводам и фабрикам по силе указов к покупке дозволение дается), архиерейским и монастырским слугам и боярским людям и крестьянам и написанным в цех, також казакам и ямщикам и прочим разночинцам, состоящим в подушном окладе, кроме тех, кому по Уложению и по указам поместья и вотчины и крепостных людей иметь велено, людей и крестьян с землями и без земель покупать во всем государстве запретить и крепостей оным нигде не писать».

Елизаветинская инструкция межевщикам 1754 года, соединяя с межеванием ревизию прав владения землею, предписывает

ликвидацию недворянского землевладения, кроме уже упомянутых выше разрядов населения; она отказывает в праве владеть землей приказным людям и даже детям чиновников и обер-офицеров, отцы которых не успели дослужиться до дворянства. Как общее правило, всем, не имеющим права владеть землей, предписывается продать имения в полугодичный срок под страхом конфискации[236].

Служебные права дворян Елизавета также существенно расширила. Если при Петре I молодые дворяне должны были начинать службу солдатами, то при Елизавете детей богатых родителей записывали в полк уже с рождения, и они появлялись там уже в офицерском чине. Дворяне уходили со службы в долгосрочные отпуска, продолжавшиеся порой годами. За дворянами было закреплено право владеть землей и крестьянами.

В 1760 году помещики получили право ссылать крестьян в Сибирь на поселение с зачетом их вместо рекрутов.

В 1743 году к России отошла часть Финляндии. В 1756 году Россия вступила в Семилетнюю войну, чтобы расширить свои границы на западе. Русские войска в 1760 году даже на время заняли Берлин.

Елизавета Петровна пыталась систематизировать законодательство, для чего в 1754 году была создана соответствующая комиссия. «Комиссия, – писал Г. Ф. Шершеневич, – задалась целью выработать четыре проекта о судоустройстве, о правах состояния, о вотчинных правах и о правах криминальных. Через год после своего учреждения Комиссия сочинения Уложения представила проекты судный и криминальный, но ни тот, ни другой утверждения не удостоились»[237].

Проект Уголовного уложения показался императрице чрезмерно жестким[238], поскольку в нем присутствовала смертная казнь. Судебное уложение, посвященное судопроизводству, надо было рассматривать вместе с Уголовным.

Вотчинный проект был самым сложным, поскольку необходимо было решать множество вопросов о собственности, договорах, упорядочивать режим недвижимых имуществ, решать вопрос о связи дворянской служебной обязанности и владения земельными участками.

После петровской «Табели о рангах» подготовить проект закона о правах гражданского состояния тоже было невероятно сложно, поскольку нужно было разделить население на состояния, определить их права и обязанности. Упорядочивать эти отношения не стали; насколько известно, и сам этот проект

не был готов. Действовала «Табель о рангах», существовали другие фрагментарные нормы, например, о сообщении прав дворянского состояния мужа своей жене.

Что касается правового положения основной части населения – крестьян, этот вопрос постоянно отодвигался на потом. Крепостное право вообще было неудобной темой, да и желания притрагиваться к ней не было не только у Елизаветы, но и у многих последующих властителей: живут же как-то, пусть помещики ими занимаются.

Наибольших успехов Елизавета достигла в деле развития науки и искусства. В 1755 году открылся Московский университет, в 1758-м – Академия художеств. Появился профессиональный театр.

В 1758 году в Московском университете открылся юридический факультет, на котором первоначально обучалось шесть человек[239]. Так впервые в России началось обучение юристов.

В Петербурге был почти достроен Зимний дворец – резиденция русских императоров, Большой дворец – в Петергофе, Царскосельский дворец.

26 декабря 176й года императрица Елизавета Петровна Романова умерла; похоронена в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга. Согласно упомянутому выше манифесту 1742 года, на престол взошел племянник Елизаветы Петровны и внук Петра I Карл-Петер Ульрих Гольштинский, который, приняв православие, а затем и корону, стал именоваться Петром III Федоровичем.

3
Екатерина Великая

На основании манифеста о престолонаследии Елизаветы в конце 1761 года императором стал Петр III Федорович (1728–1762). Изначальное имя нового императора звучало так: Карл Петр. Волею судьбы он стал наследником сразу трех монархов: шведского короля Карла XII, Петра Великого и герцога Голштинского. Отсюда и два имени, данных младенцу при крещении. Его отец, герцог Голштинский Карл Фридрих, претендент на шведскую корону, был приглашен в Россию еще до Ништадтского мира. Выдавая за герцога свою старшую дочь Анну Петровну, царь хотел использовать этот брак в качестве средства давления на Швецию. Свадьба состоялась в 1725 году, уже после смерти Петра. 10 февраля 1728 года Анна Петровна родила Карла Петра, а через три месяца, в возрасте 19 лет, скончалась.

Определенность в судьбе Карла Петра наступила после

воцарения Елизаветы. Став императрицей, она сразу же послала в Киль за Петром барона Николая Фридриха Корфа. Елизавета действовала энергично и оперативно не только потому, что Голштинский герцог был единственным продолжателем рода Петра Великого. Карл Петр вполне мог стать шведским королем, и еще не укрепившаяся на троне Елизавета рисковала подвергнуться шантажу со стороны Стокгольма. Еще одной причиной тому был холмогорский узник Иван Антонович. Чтобы преградить ему путь к престолу, надлежало закрепить династические права на корону.

Елизавета питала нежные чувства к своему племяннику и даже ухаживала за ним, когда он тяжело заболел.

В то время как Петр Федорович предавался детским забавам и с грехом пополам постигал начала наук, в мелком немецком Ангальт-Цербстском княжестве подрастала его будущая супруга – София Августа Фредерика, появившаяся на свет 21 апреля 1729 года. Елизавета Петровна, выбравшая супругу для своего наследника, надеялась, что безвестная принцесса, не избалованная роскошью и облагодетельствованная в Петербурге, окажется послушной женой, лишенной интереса к интригам и вмешательству в большую политику[240].

Свадьба состоялась 21 августа 1745 года, и празднества длились десять дней.

При Петре III Федоровиче был учрежден Императорский совет. Он состоял из восьми человек.

За свой короткий срок правления (186 дней) Петр III успел упразднить в феврале 1762 года Тайную канцелярию, выпустил Манифест о вольности дворянства[241], **где указывалось, что в мирное время дворяне могут служить «по своей воле, сколько и где пожелают», прекратил гонения на раскольников, в мае создал Государственный банк и в марте установил свободу внешней торговли.** Вместе с тем Петр III возвышал и приближал к себе немцев, прежде всего своих родственников, отказался от побед России в Семилетней войне[242] и начал терять прежних союзников России.

28 июня 1762 года произошел очередной дворцовый переворот, организатором которого стала Екатерина Алексеевна (1729–1796), жена Петра III.

Императора отстранили от власти. 6 июля Петр III был убит в поместье Ропша. Как и любой другой император, Петр был весьма противоречивой фигурой. Другое дело, что после свержения и убийства на Петра повесили все, что было можно и нельзя, оправдывая тем самым переворот, в результате которого к власти пришла Екатерина II.

Казалось бы, дворяне должны были боготворить Петра Федоровича за Манифест о вольности дворянства, освобождавший их от обязательной службы. К тому же он отменил указ 1721 года Петра I, разрешавший владельцам крупных промышленных предприятий покупать к ним крепостных крестьян.

Это сулило дворянам немалые экономические выгоды – восстанавливалась их монополия на владение крепостными крестьянами. Еще большую выгоду должны были извлечь дворяне-промышленники, так как предприниматели из купцов отныне принуждены были использовать исключительно труд наемных работников. Но в массе своей и столичные, и провинциальные дворяне проявили по отношению к императору равнодушие. Главная причина этого коренилась в отсутствии политических институтов дворянства, способных выступить выразителем интересов этого сословия. Предпочтение отдавалось лоббированию личных интересов при дворе. В итоге Петру III опереться было вообще не на кого, а для успешного совершения переворота оказалось достаточно лишь твердой поддержки Екатерины гвардией.

Жизнь после смерти Петра III и его сына Павла I – в биографиях, исторических очерках, романах и впоследствии в театральных и кинопостановках – очень похожа. Судьбы Петра и Павла дают много оснований для творческого анализа, и, за редким исключением, уже, видимо, не важно, что там было на самом деле.

Сын Петра III Павел Петрович, по словам биографа Павла I Е. С. Шумигорского, «перевезен был Паниным из Летнего в Зимний дворец и вскоре затем, через несколько дней, услышал о кончине отца: лишь долго спустя мог он узнать, что до самого дня восшествия своего на престол Екатерина не была вполне уверена в том, что она будет провозглашена самодержицей, а не регентшей только на время несовершеннолетия своего сына, на чем особенно настаивал воспитатель Павла, Никита Иванович Панин, надеявшийся играть в этом случае первенствующую роль в управлении государством. Манифестом Екатерины Павел был объявлен лишь ее наследником»[243].

Так **началась эпоха Екатерины Великой.**

Свое имя Екатерина Алексеевна получила после обращения в православие и свадьбы с Петром Федоровичем. Если смотреть с формальной точки зрения, никаких прав на российский престол она не имела и в определенном смысле была самозванкой.

Опираясь на Измайловский и Семеновский

гвардейские полки, Екатерина отстранила от власти своего супруга с формулировкой «по воле всех сословий, а особливо гвардейских», а себя провозгласила императрицей.

Восшествие на престол Екатерины II обошлось государству в 18 тысяч крестьянских душ[244], пожалованных непосредственным участникам переворота. В условиях молчаливого попустительства дворянским сословием явно незаконного переворота Екатерина не могла не способствовать дальнейшему укреплению его могущества. Путем осуществления Генерального межевания она окончательно утвердила исключительное право дворянства владеть землею. Еще это право было у государства и духовных учреждений.

Исключения составляли: 1) прежних служб служилые люди, т. е. однодворцы[245], ландмилицкие[246] полки, отставные солдаты и т. п. потомки низших слоев допетровского служилого сословия; 2) черносошные крестьяне Русского Севера (правительство даже оберегало этот вид землевладения: так, в 1761 году было запрещено совершать купчие на продажу земель черносошных крестьян) – эти две категории считались только постоянными владельцами государственных земель; 3) прежние патриаршие и архиерейские дети боярские; 4) жители некоторых посадов, например Смоленска (право, данное Сигизмундом III и подтвержденное Алексеем Михайловичем) и северно-русских посадов (Великий Устюг, города Вятского края)[247].

Апофеозом стала **Жалованная грамота дворянству от 21 апреля 1785 года**[248], которая **подтверждала положения Манифеста о вольности дворянства Петра III,** снявшего с дворян их вековую обязанность служить государству, и определяла, что земля на веки вечные принадлежит дворянству. Кроме того, грамотой регулировалась система сословного самоуправления: вводились дворянские собрания – 251 представительства на местном уровне, определялись полномочия дворянских судов и так далее. Дворяне были избавлены от телесных наказаний, что сыграло важную роль в становлении самосознания русского правящего класса и русской истории в целом.

Жалованная грамота городам от 21 апреля 1785 года[249] **вводила организацию городского самоуправления, фиксировала права горожан. Началось формирование социальной группы горожан, или мещанства.**

А вот крестьянам никаких жалованных грамот не полагалось. Екатерина понятия не имела, как взаимодействовать с

крестьянским населением, но прекрасно осознавала мощь крестьянской темной энергии. Поэтому она стремилась удерживать эту неведомую для нее сущность в силовом поле с помощью помещиков, полиции и армии.

17 января 1765 года сенатским указом[250] помещикам было предоставлено право ссылать крестьян на каторгу на любой срок – правда, с возможностью возврата. Указом от 22 августа 1767 года[251] было запрещено крестьянам подавать челобитные с жалобами на помещика, а помещикам разрешено торговать крестьянами без земли оптом и в розницу[252]. Было ликвидировано самоуправление и осуществлена перестройка казацких округов. На них распространилось крепостное право, что в немалой степени послужило толчком к Пугачевскому восстанию.

При этом императрица считала, что «неоспоримо, что лутчее судьбы наших крестьян у хорошова помещика нет во всей вселенной»[253]. И потому старалась передать как можно больше государственных крестьян в руки «хороших» помещиков, а точнее сказать, своих фаворитов. Например, князь Г. А. Потемкин, смолоду бедный смоленский дворянин, владел в конце жизни 200 тысячами душ. Всего Екатерина передала около 400 тысяч государственных крестьян крепостникам[254] – больше любого другого самодержца.

> **Екатерина считала себя наследницей Петра I, а к остальным своим предшественникам относилась снисходительно. У нее были планы переустройства страны в духе эпохи Просвещения, дабы сделать русское общество более образованным, близким к западноевропейскому.**

Провозглашалось, что задача этой политики заключалась в образовании подданных, наделении крестьян минимальными правами, способствовании открытию новых предприятий, присоединении церковных земель к государственным. По сути, она хотела учредить в России абсолютистскую монархию с опорой на дворянство. Не зря многие считают ее видным деятелем эпохи Просвещения – Екатерина переписывалась с известными в Европе философами и публицистами – Вольтером, Гриммом и Циммерманом.

Центром реформ должен был стать созыв Уложенной комиссии – огромного по составу и масштабу поставленных задач, но не структурированного, можно сказать, бесформенного органа.

14 декабря 1766 года Екатерина II создала Комиссию о

сочинении проекта нового Уложения. Используя сочинения властителей дум, в частности произведения «О духе законов» Ш. Монтескье и «О преступлениях и наказаниях» Ч. Беккариа, Екатерина издала «Наказ» для подготовки Уложения. «Наказ», или «Большой наказ» (поскольку были и другие), касался практически всех отраслей законодательства – от государственного управления до наследования – и содержал 22 главы и 655 статей.

В Уложенной комиссии заседали депутаты от административных органов, от территорий и представители разных сословий[255], кроме крепостных крестьян.

Многочисленные заседания проводились в Москве и Санкт-Петербурге, однако частота собраний со временем сокращалась, а впоследствии и вовсе сошла на нет. Как отмечал С. В. Пахман, «в течение пяти лет частные комиссии составили: 1) так наз. Планы, т. е. заглавия проектов, и 2) небольшие части проектов в виде опыта, именно по гражданскому праву, лишь несколько глав о делах семейственных; они остались, однако ж, без дальнейшего рассмотрения. Наконец, указом 4 декабря 1774 года закрыты были и частные комиссии; осталась одна канцелярия для справок»[256]. Ни нового Уложения, ни свода Комиссия не приняла. Тем не менее частью наработок Комиссии все-таки воспользовались при осуществлении Губернской реформы 1775 года.

Во время работы Уложенной комиссии Екатерина поручила Вольному экономическому обществу провести конкурс и выяснить, что лучше – когда крестьяне нанимаются на обработку земли или когда они крепостные. Сторонники свободного крестьянства выиграли конкурс. «Лучшим единогласно было признано сочинение Беарде де л'Абея, члена Дижонской академии. Беарде в своем сочинении решает вопрос так, что крестьянин должен быть свободен и должен владеть землей; освобождать крестьян нужно постепенно»[257].

Несмотря на противоречивость действий в законодательной сфере, императрица стремилась оживить экономическую деятельность в стране, поощряя рыночные отношения. Например, было запрещено покупать крестьян для промышленных предприятий, объявлена свобода организации промышленного дела, отменены все монополии и внутренние таможенные сборы. Это, безусловно, способствовало развитию внутренней и внешней торговли, включению в экономический оборот населения новых земель, присоединенных к российскому государству в годы царствования Екатерины II.

Тем временем крестьянский вопрос разрастался все больше и

больше. **В стране шла ползучая гражданская война: каждый год крестьяне убивали десятки помещиков. В конечном счете в 1773 году она вылилась в Пугачевское восстание, которое было не столько крестьянским, сколько казацким.** Восстание переросло в полномасштабную войну казаков, крестьян и народов Урала и Поволжья с правительством императрицы Екатерины II.

> **Восставшие просто не воспринимали дворян как людей. Вырезались целые семьи с маленькими детьми, была идея извести дворянство под корень. Однако это отнюдь не было восстание против самодержавия. Пугачев объявил себя спасшимся Петром Федоровичем, так что речь могла идти о замене императора и дворян представителями восставших. Беспорядки были подавлены самым кровавым образом только спустя три года.**

Перед Екатериной предстала печальная картина: существовавшая система управления не была способна ни обеспечить порядок, ни контролировать текущую ситуацию, ни даже вовремя собрать требуемую информацию. В реальности система государственного управления не работала и не могла противостоять беспорядкам.

Благие мечты о создании новой счастливой страны пришлось забыть. Нужны были более реалистические и системные реформы, направленные на самосохранение власти.

Прежде всего, **в 1775 году была проведена Губернская реформа**[258], заключавшаяся в создании наместничеств, губерний, уездов, определения обязанностей генерал-губернаторов, городовых и так далее. Главным критерием образования губерний была избрана численность населения. Этнические, исторические и экономические особенности территорий во внимание не принимались. В качестве причины проводимой реформы указывались: «медленность, упущения и волокита единой воеводской канцелярии, из чего возрастают ябеда и волокита».

Была создана стройная система административного устройства страны. До этого где-то были губернии, а где-то – провинции, границы не были четкими, зона ответственности губернаторов не была прописана. Эта система просуществовала до 1917 года, а в некотором виде сохраняется и в наши дни.

Генерал-губернаторы и губернаторы получили большие полномочия, включая право непосредственного доклада императрице. Компетенция Сената как органа контроля над

местным управлением сузилась. Многие важные вопросы Екатерина II решала без участия Сената. За ним в основном сохранились функции высшего судебного учреждения страны. Его департаменты превратились в высшие апелляционные инстанции для судов губерний. Деятельность Сената ограничивается судебными функциями.

Большинство коллегий прекратило свое существование[259], а их дела перешли к новым губернским учреждениям. Были оставлены лишь те коллегии, дела которых нельзя было передать местным органам: Иностранная, Военная, Морская и Коммерц-коллегия.

При Екатерине в России впервые появились выборные суды. Они избирались отдельно для дворян, городских жителей и государственных крестьян. Крепостных судил сам помещик.

Что касается экспансионистской политики Екатерины, то она была направлена на юг. В 1768 году Османская империя развязала первую Русско-турецкую войну. Начальные успехи в этой войне вызвали к жизни так называемый Греческий проект, который впоследствии стали называть Восточным. Суть этого проекта: установить контроль над значительной частью христианских территорий Османской империи, создать сеть вассальных государств между ней и Россией и даже возродить Византийскую империю со столицей в Константинополе.

Некоторые связывают Греческий проект с идеей Третьего Рима, которая в подлиннике – письме псковского монаха Филофея 1523–1524 гг. – звучит так: «Так знай, христолюбец и боголюбец, что все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, это и есть римское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать». Идея Филофея приобрела заметную популярность в церковных кругах, но отнюдь не стала краеугольным камнем московской политики. В XVII веке идею Третьего Рима подняли на щит староверы, выступившие против реформ Никона и отстаивавшие чистоту своей православной веры в противовес греческой версии. Для них тезис «четвертому не бывать» означал, что с падением русского православия произойдет конец света.

Лишь в XIX веке идея Третьего Рима привлекла внимание историков, видевших в экспансионистской политике Петра I и Екатерины II влияние доктрины Филофея, хотя на самом деле она была совершенно забыта имперской элитой[260]. Греческий проект носил панславянскую, а не религиозную направленность.

Осуществить Греческий проект с ходу не удалось, но Екатерина планировала его реализацию в будущем. Даже назвала одного из своих внуков Константином, надеясь, что он станет правителем будущей возрожденной Византийской империи. Как известно, этот проект не удался. Зато в итоге произошло присоединение Крыма и всей территории Северного Причерноморья в 1783 году. Россия получила выход к Черному морю, и ей больше не угрожали набеги крымских татар.

В 1783 году был заключен Георгиевский трактат о переходе Грузии под протекторат Российской империи.

Впоследствии в рамках панславянского проекта произошло присоединение части польских земель. 13 октября 1795 года был произведен Третий раздел Польши[261], и она исчезла с карты Европы.

Екатерина стала самым эффективным экспансионистом в русской имперской истории: захват Польши, присоединение Крыма и огромных земель на юге. Хотя в начале царствования она считала, что у России и так много территорий и ничего больше не нужно. При Екатерине Россия получила ведущую роль среди европейских держав, и ее содействия искали одинаково и друзья, и недруги.

Усилия Екатерины не пропали даром. Дворянство, достигшее в ее царствование максимального могущества, ставшее гегемоном российского общества, все больше европеизировалось, и не только в смысле освоения европейских бытовых привычек, но и в плане восприятия передовых идей того времени. Впервые появляются люди, открыто критикующие порядки самодержавия.

Например, отставной поручик Николай Иванович Новиков, уйдя из армии, стал крупным издателем, известным журналистом и общественным деятелем. Издавал сатирические журналы «Трутень», «Пустомеля», «Кошелек» и «Живописец», в которых вступал в полемику с издаваемым Екатериной II журналом «Всякая всячина». Стареющая императрица воспринимала уколы Новикова очень болезненно. Не сумев одолеть отставного поручика в честной дискуссии, перешла к репрессиям по принципу «ну не нравишься ты мне». Особым указом без каких-либо оснований Новиков был посажен в Шлиссельбургскую крепость, где должен был провести целых 15 лет. Произвол Екатерины напугал «всю прогрессивную общественность».

Дворянин А. Н. Радищев дослужился до коллежского советника, получил орден Святого Владимира IV степени и в 1790 году возглавил Петербургскую таможню. А потом написал и

издал, кстати сказать, абсолютно легально, книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», в которой так охарактеризовал самодержавие: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй». А про российские законы он написал: «Главный пафос исполнения законов в России – мучить человека, а не осуществлять правосудие».

При этом Радищев был лишь вершиной айсберга, о чем свидетельствует тот факт, что книгу читали и перечитывали, передавали из рук в руки и неустанно обсуждали.

Рецензию на книгу Радищева дала сама Екатерина II: «Бунтовщик – хуже Пугачева! Тот хоть царем прикинулся, монархический строй исповедовал, а этот революцией надумал на Руси учинить республику!»

В Российской империи замаячил призрак Французской революции 1789 года, сильно напугавший и императрицу, и всю аристократию. Екатерина II сочла, что события во Франции угрожают и другим европейским монархиям, и была готова этому противодействовать, в том числе и силой оружия. В 1795 году в России началась подготовка экспедиционного корпуса для действий против Франции. Произошло это после заключения нового союза между Российской империей, Австрией и Англией.

Поэтому неудивительно, что Александра Николаевича сначала приговорили к казни, а затем отправили в Сибирь. Это было признанием того факта, что в России появились люди, претендующие на политическую субъектность и ставящие своей целью изменение общественно-политического строя.

Вместе с тем основная часть населения империи находилась в положении рабов, постоянно пребывающих в состоянии социального анабиоза. Крепостное право при Екатерине II достигло невиданных масштабов как по количеству народонаселения, так и по качеству. Крестьяне стали абсолютно бесправными людьми, которыми можно было торговать и оптом, и в розницу, с землей и без земли, которых можно наказывать, ссылать в Сибирь и т. д. Величие Екатерины было в первую очередь в великом притеснении большинства населения – крестьян. Особенно удивительно, что, как говорится, без зазрения совести императрица умудрялась рассуждать о просвещении, духе законов и в то же самое время с помощью невероятного насилия общаться с собственными подданными.

Екатерина II скончалась в ночь с 5 на 6 ноября 1796 года, похоронили ее вместе с прахом мужа Петра III в Петропавловском соборе Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге.

Гавриил Романович Державин

Гавриил Романович Державин (1743–1816) – фигура масштабная и многообразная, ярчайший представитель золотого века культуры. С ним связано невероятное количество знаменательных событий в истории Российской империи конца XVIII – начала XIX века. Державин был и остается великим поэтом. Он активно участвовал в формировании русского языка. Однако хотелось бы обратить внимание на наименее известные страницы его биографии, связанные с государством и правом империи. Именно Гавриил Романович первым из крупных государственных деятелей заговорил о законе и законности в России. Тем самым он привнес в российское общество идею верховенства закона, став, таким образом, предтечей многих выдающихся юристов, служивших продвижению норм правового государства в нашей стране на протяжении более 200 лет.

Гавриил родился 3 июля 1743 года в Казани в семье Державиных. Род его отца происходил от мурзы Багрима, принявшего православную веру. Один из его потомков – Нарбеков – получил прозвище Держава[262], так и пошло – Державины. Отец Гаврилы – Роман Николаевич – служил в армии, женился на Фекле Андреевне Гориной (урожденной Козловой). Оба хоть и дворянского рода, но бедные, поэтому у Гаврилы не было возможности обучаться в Москве или Санкт-Петербурге; читать и писать научила его матушка, на пятом году жизни он начал уже делать это достаточно бегло[263].

После переезда в Оренбург Державин проходил обучение в училище для дворянских детей. Несмотря на грубость учителей и их, по большому счету, неграмотность, Гаврила смог выжать и из такого обучения все, что можно, и даже выучил немецкий язык. Его учителем был ссыльный немец. Вскоре семья вернулась в Казань, где Державин поступил в только что созданную гимназию.

В 1761 году Державин был призван рядовым солдатом в лейб-гвардии Преображенский полк. Молодой человек, имевший буквально с рождения гуманитарные склонности, обучался шагистике, стрельбе и т. д., по ночам читая книги.

Как известно, Преображенский полк поддержал свержение Петра III и восхождение на престол Екатерины. Был там и Державин, который со всеми присягнул молодой императрице. Гавриле было 19 лет.

Период со смерти Петра I до воцарения Екатерины II получил благодаря В. О. Ключевскому название эпохи дворцовых переворотов. За это время шесть монархов занимали русский

трон, получив его в результате сложных дворцовых интриг или переворотов при непосредственном участии гвардии. Фактически восхождение на престол в обход закона, путем военного переворота, впоследствии оформлявшееся и юридически, в те времена было скорее правилом, чем исключением.

Опираясь на Измайловский и Семеновский гвардейские полки, Екатерина провозгласила себя в июне 1762 года императрицей. Остальные гвардейские полки также поддержали переворот. Сенат и Синод присягнули ей. Попытка Петра III вступить в переговоры ни к чему не привела, и он был вынужден собственноручно подписать присланный Екатериной акт «самопроизвольного» клятвенного отречения от престола. Так завершилась эпоха дворцовых переворотов.

> **Через год после петергофского переворота Державина произвели в капралы. Вечером и ночью после службы он читал Ломоносова, Сумарокова, произведения немецких авторов. Писал короткие стихи, играл в карты, и не только на интерес, особенно находясь в отпуске.**

В 1769 году на Державина и его знакомого Максимова завели уголовное дело, современным языком, за мошенничество. Последствия могли быть суровыми, но обошлось. Как пишет Владислав Фелицианович Ходасевич, это «как-то внезапно и сразу его отрезвило»[264]. Служба продолжалась, и к началу Пугачевского бунта (1773) Державин становится прапорщиком.

Екатерина II любила рассуждать о равных правах, особенно в переписке с французскими философами-просветителями, но на деле при ее правлении крестьянский вопрос в России не решался, наоборот, крепостничество достигло своего пика. В царствование Екатерины II до 1773 года, т. е. до начала Пугачевского восстания, специалисты по истории русских крестьян насчитали (по архивным и другим источникам) около 40 волнений; но, вероятно, их «было более»[265].

Восстание (бунт) яицких казаков, переросшее в полномасштабную войну под предводительством Емельяна Пугачева против императрицы Екатерины Великой, началось 17 сентября 1773 года и продолжалось вплоть до середины 1775-го, несмотря на военное поражение башкирско-казацкого войска и пленение Пугачева в сентябре 1774 года.

Восстание охватило земли Яицкого войска, Оренбургский край, Урал, Прикамье, Башкирию, часть Западной Сибири, Среднее и Нижнее Поволжье. В ходе бунта к повстанцам присоединились представители коренных народов Поволжья и

Урала, уральские заводские рабочие и часть крепостных крестьян тех губерний, где разворачивались военные действия.

В ноябре 1773 года Екатерина назначила главнокомандующим по подавлению Пугачевского восстания генерала Александра Ильича Бибикова. Ему поручено было также ведение следственных дел о сообщниках Пугачева[266].

Державин убедил генерала включить его в следственную комиссию. Для Гавриила Романовича, не имеющего юридического образования, это было и правовое обучение, и юридическая практика одновременно. Конечно, своеобразная, но тем не менее.

> **Державин расследовал предательство, грабежи, убийства, готовил речи для призыва в ополчение против самозванца, носился по городам с тайными приказами и сам по необходимости принимал участие в подавлении бунта, составлял списки участвующих в мятеже, вел учет наиболее пострадавших от бунта, иногда его отряды исполняли наказания (от розог до смертной казни). Несколько раз чуть не погиб.**

После разгрома пугачевских войск Державин возглавлял одну из групп по его поимке, однако самозванца во время окружения сдали его ближайшие соратники. В Симбирске Гавриилу Романовичу, приехавшему на доклад к главнокомандующему Петру Ивановичу Панину, показали пленного Пугачева. Вот каким его описывает Державин: «Лицом он был кругловат, волосы и борода окомелком, черные, склоченные; росту среднего, глаза большие, черные на соловом глазуре, как на бельмах. От роду 35 или 40 лет»[267].

После подавления бунта Панин по молчаливому согласию свыше (а может быть, просто по согласию) приказал «пересечь жестоко всех крестьян», прикосновенных к бунту: «У пахарей, не годных в военную службу, на всегдашнюю память их преступления урезать у одного уха». Но и этого мало: от каждых 300 крестьян бунтовавших губерний (не бунтовавших крестьян, а бунтовавших губерний. – П. К.) один был по приказанию Панина повешен, а тела казненных было велено положить «по всем проезжим дорогам»"[268]. Конечно же, все это было без суда и следствия. Гавриил Романович в этом участие не принимал: одно дело – война, другое дело – террор.

После проведения казней и наказаний основных участников восстания Екатерина II с целью искоренения памяти о событиях, связанных с пугачевским движением и выставлявших ее правление не в лучшем свете в Европе, в первую очередь издала

указы о переименовании всех мест, связанных с восстанием. Так, станица Зимовейская на Дону, где родился Пугачев, была переименована в Потемкинскую, а сам дом, где родился Пугачев, было велено сжечь. Река Яик была переименована в Урал, Яицкое войско – в Уральское казачье войско, Яицкий городок – в Уральск, Верхне-Яицкая пристань – в Верхнеуральск. Имя Пугачева предавалось в церквях анафеме наряду со Стенькой Разиным. Для описания событий возможно было использование лишь таких слов, как «известное народное замешательство» и т. п. В советские годы память о Е. Пугачеве и его сподвижниках, наоборот, была увековечена. В России и на Украине есть улицы Пугачева, в столице Республики Мордовия, Саранске, Е. Пугачеву установлен памятник и т. д.

После военных действий, разрушения, крови, интриг для Державина наконец-то открылась возможность творчества, и с 1775 года Гавриил Романович написал большое количество поэтических произведений.

Согласно господствовавшим тогда правилам стихосложения, Державин по преимуществу писал в стиле М. В. Ломоносова. Писать стихи он начал еще в годы солдатской службы, но широкой читательской публике стал известен гораздо позже, после публикации в 1783 году оды «Фелица». Автору тогда было 40 лет.

Его оды, будучи общепризнанными вершинами русского классицизма, отмечены яркой индивидуальностью. Державин, в частности, осуществил как бы «опрощение» высокого слога, приспособляя его к нормам разговорного языка, в то время как в поэзии классицистов просторечная лексика употреблялась только в «низких» жанрах – в басне, эпиграмме, сатире. Как писал Николай Васильевич Гоголь, «слог у него так крупен, как ни у кого из наших поэтов, разъяв анатомическим ножом, увидишь, что это происходит от необыкновенного соединения самых высоких слов с самыми низкими и простыми»[269].

1 января 1777 года Державин получает звание гвардии капитан-поручика. Между тем на службе было все непросто: это и долги, и, что больше всего задевало Гавриила Романовича, интриги, и то, что вместо награды за пугачевскую кампанию его после 15 лет военной службы «указом от 15 февраля 1777 года выпустили не в армию, а в статскую службу. Он получил чин коллежского советника и три сотни душ в Белорусской губернии»[270].

В августе 1777 года Державин был направлен в Департамент государственных доходов сената, под начало Александра Алексеевича Вяземского.

18 апреля 1778 года Гавриил Романович женился на Екатерине Яковлевне Бастидон, дочери бывшего камердинера Петра III и Матрены Дмитриевны (девичья фамилия неизвестна) – кормилицы великого князя Павла Петровича, впоследствии императора Павла I.

К началу 1780-х годов служба и поэзия сделали Державина влиятельным царедворцем. Он благоговел перед императрицей, и «после того, как существующее законодательство с высоты трона было объявлено несовершенным и не ограждающим народа от произвола и кривотолка; после того, как отсутствие законности было признано первым злом русской жизни; после того, как законопослушание было названо основной добродетелью не только подданного, но и монарха, у Державина, можно сказать, открылись глаза. Простое слово „закон“ в русском тогдашнем воздухе прозвучало как откровение. Для Державина оно сделалось источником самых высоких и чистых чувств, предметом сердечного умиления. Закон стал как бы новой религией, в его поэзии слово „закон“, как Бог, стало окружено любовью и страхом»[271].

Державин не может сидеть в столице, и в 1784 году императрица назначает его губернатором в Олонецкую губернию (сегодня это части Ленинградской и Вологодской областей и Республики Карелия) со столицей в Петрозаводске, где он проработал менее года, пытаясь навести элементарный порядок с закупками, подрядами, но в основном занимаясь укрощением склок между людьми, наделенными властью.

В марте 1786 года Екатерина II назначает Державина тамбовским губернатором. В этой должности он прослужил до 1788 года. Гавриил Романович, уже опытный губернатор, привез с собой, как сейчас говорят, свою команду. Вместе они принялись вникать в губернские проблемы, решать местные и государственные дела.

В Тамбове стали проводиться дворянские собрания, появилось народное училище и даже театр. Державин выписал в Тамбов механиков для заведения разных сельских машин, мельниц и пр.[272] Гавриил Романович добился порядка в делах, связанных с казной, но, постоянно требуя соблюдения законности, тем самым нажил себе врагов, у которых, как, впрочем, и у него самого, были большие покровители. В итоге он при разных разбирательствах, в том числе судебных, ушел в отставку, хотя суд был на его стороне.

В бытность губернатором Державин практически ничего

поэтического не писал. Теперь ему представилась такая возможность. Часто (в итоге) самые важные дела и выдающиеся достижения осуществляются в перерывах между суетой, в данном случае – государевой службы.

В это время Гавриил Романович расширяет свой круг знакомых: Н. М. Карамзин, А. В. Суворов, И. И. Дмитриев и др.

В декабре 1791 года императрица (правившая к тому времени уже 30 лет) назначила Державина своим кабинет-секретарем. Гавриил Романович периодически докладывал ей судебные дела, мог часами излагать детали, что, конечно же, раздражало немолодую императрицу и вызывало ее недовольство. Но секретарь был упрям, приводил факты мздоимства, при этом перечислял известные фамилии. «Это странное секретарство длилось почти два года. Они ссорились и мирились. Если ей нужно было его смягчить и чего-нибудь от него добиться, она нарочно при всех отличала его, зная, что ему это льстит: „в публичных собраниях, в саду, иногда сажая его подле себя на канапе, шептала на ухо ничего не значащие слова, показывая, будто говорит о каких-то важных делах. Часто рассердится и выгонит от себя Державина, а он надуется, даст себе слово быть осторожным и ничего с ней не говорить“[273]»[274].

В сентябре 1793 года Екатерина II сняла Державина с должности кабинет-секретаря и назначила его сенатором.

В июле 1794 года в возрасте 33 лет умерла жена Державина Екатерина, которая много лет была его музой и которую он и в жизни, и в стихах ласково называл Пленирой. В начале 1795 года Гавриил Романович женился во второй раз, на Дарье Алексеевне Дьяковой. В. Ф. Ходасевич пишет: «Это решение принял он не потому, что забыл Плениру, но именно потому, что не мог забыть»[275].

В ноябре 1796 года Екатерина II умерла. На трон взошел Павел I. Свое царствование он начал с ломки всех порядков материнского правления. Существенно сузил права дворянского сословия по сравнению с теми, что были пожалованы Екатериной II, попытался улучшить положение крепостных крестьян.

Гавриил Романович фактически сразу был назначен руководителем канцелярии Верховного Совета. Короткий промежуток времени он был очень близок к Павлу I.

Н. Савельев пишет: «Каждую неделю, в четверг, когда собирался Верховный Совет, Державина, вместе с прочими членами Совета, приглашали на обед и ужин к императору»[276].

Удивительно, но Гавриил Романович все-таки умудрился резко поговорить с Павлом, за что был сразу отстранен от новой работы и возвращен в Сенат.

С середины 1790-х годов Державин подружился с Александром Васильевичем Суворовым, крайне нелюдимым человеком, но, конечно же, известным и, наверное, до сих пор самым популярным военачальником, за плечами которого были исключительно победы во всех баталиях, участие в ликвидации остатков пугачевского мятежа, взятие Варшавы и др. Уже при Павле I первоначально гонимый, затем вернувшийся полководец одерживает несколько побед, на которые Державин пишет оды: «На победы в Италии» и «На переход Альпийских гор». Вернувшись из походов, Суворов много времени проводил с Гавриилом Романовичем и умер, можно сказать, у него на руках.

В конце царствования Павла I Державин был вторым министром (высокая чиновничья должность, не путать с руководителем министерства) при государственном казначействе, затем государственным казначеем, затем стал членом Верховного Совета. Карьера, как комета, летела быстро, но кометы, как известно, и быстро сгорают. Причин всегда много.

Павел I был задушен 11 марта 1801 года в собственной спальне в Михайловском замке. На этот раз обошлось без использования военных формирований. Вопрос решился, так сказать, «по-семейному». На трон взошел его сын Александр Павлович – Александр I. 26 марта Верховный Совет был упразднен.

Некоторое время Гавриил Романович был в растерянности, сидел дома, по привычке писал стихи.

Взяв власть, молодой и энергичный император организует Негласный комитет, который фактически и готовил преобразования управления страной. Сенат стал более самостоятельным, но оставался верховным судом и одновременно следил за исполнением законов.

Александр I в манифесте от 8 сентября 1802 года одновременно с учреждением министерств в общих чертах определил «отношения министерств к верховной власти, к Сенату, Совету и между собой»[277]. В тот же день Гавриил Романович Державин был назначен министром юстиции и генерал-прокурором Российской империи.

Министр юстиции немедленно подготовил инструкции о своем и других министерствах.

Как отмечалось в официальном историческом очерке начала XX века, подготовленном к 100-летию учреждения Министерства юстиции, «ежедневно с 7 часов утра до 10 часов вечера он

посвящал все свое время исключительно на исполнение разнообразных своих обязанностей, как то: на поездки во дворец со всеподданнейшими докладами, на участие в заседаниях Сената и Комитета министров, на объявления с обер-прокурорами и чинами канцелярии, на прием посетителей и другие служебные занятия»[278]. Там же мы читаем: «Хотя Державин, как и все вообще министры юстиции первой половины прошлого века, сосредоточивал все свое внимание по преимуществу на сенатских делах, тем не менее он задавался также стремлением внести некоторые улучшения и в область нашего судопроизводства вообще. Отзывы современников рисуют в крайне мрачных красках судебные порядки того времени и продажность тогдашних судов»[279].

Проработав очень короткий срок, буквально через неделю после назначения, Державин стал изобличать высоких чиновников, включая только что назначенных министров, созывая старых и создавая себе новых врагов и недоброжелателей.

Плюс к этому «Державин в заседании Комитета 16 сентября 1802 года указал на необходимость представления ежегодных министерских отчетов не в Первый департамент, а в Общее собрание Сената. Вместе с тем он настаивал на необходимости представления министрами отчетов уже за первый год их министерского управления. Государь одобрил эти предложения, и отчеты министров были своевременно представлены. Тем не менее, по удостоверению самого же Державина, цель установления надзора Сената за деятельностью министерств осталась не достигнутой»[280].

Недовольство такой кипучей деятельностью накопилось очень быстро. Ходасевич приводит разговор императора и первого министра юстиции: «Вскоре произошло личное объяснение, „пространное и довольно горячее со стороны Державина“. Александр ничего не мог сказать к его обвинению, как только:

– Ты очень ревностно служишь.

– А когда так, государь, – отвечал Державин, – то я иначе служить не могу. Простите.

– Оставайся в Совете и Сенате.

– Мне нечего там делать»[281].

Указ об отставке был подписан 8 октября 1803 года.

Гавриил Романович Державин прослужил министром год и один месяц. Безусловно, можно даже за месяц сделать столько, сколько другим и за пять лет не сделать. Державин организовал работу Министерства юстиции, которое существовало после

1802 года (за исключением времени правления Н. С. Хрущева) всегда.

Дискуссии о русском языке, о возможных и невозможных иностранных заимствованиях, и если таковые возможны, то об их пределах (знакомо, не правда ли?), проходили с начала XIX века.

После отставки с поста министра юстиции Державин подключился к подобным дискуссиям с особым энтузиазмом. Но об этом чуть дальше.

Державин периодически ездил в Царскосельский лицей на публичные экзамены. Он понимал и принимал роль свадебного генерала, дремал, периодически отлучался, но каждый приезд был, безусловно, праздником и событием, к которому специально готовился весь лицей, а тем более сами экзаменуемые. В этот день «экзамен очень утомил Державина. В красном мундире, украшенном орденами, сияя бриллиантовою короной Мальтийского креста, сидел он, подперши рукою голову и расставив ноги в мягких плисовых сапогах. Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы». Он дремал все время, пока лицеистов спрашивали из латинского языка, из французского, из математики и физики. Последним начался экзамен русской словесности. «Тут он оживился: глаза заблистали, он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи. Он слушал с живостью необыкновенной». Наконец вызвали Пушкина.

Лицеист небольшого роста, в синем мундире с красным воротником, стоя в двух шагах от Державина, начал свои стихи. Никто никогда не мог бы описать состояние его души.

> Бессмертны вы вовек, о росски исполины,
> В боях воспитаны средь бранных непогод;
> О вас, сподвижники, друзья Екатерины,
> Пройдет молва из рода в род[282].

Наверное, следует обратиться к самому Пушкину:

«Державина я видел только однажды в жизни, но никогда того не забуду. Это было в 1815 году, на публичном экзамене в Лицее. Как узнали мы, что Державин будет к нам, все взволновались. Дельвиг вышел на лестницу, чтоб дождаться его и поцеловать ему руку, написавшую „Водопад“. Державин приехал. Он вошел в сени, и Дельвиг услышал, как он спросил у швейцара: „Где, братец, здесь нужник?“ Этот прозаический вопрос разочаровал Дельвига, который отменил свое намерение и возвратился в залу. Дельвиг это рассказывал мне с удивительным простодушием и веселостию. Наконец вызвали меня. Я прочел

мои „Воспоминания в Царском Селе“, стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояние души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом.

Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять. Меня искали, но не нашли»[283].

Вечером Гавриил Романович сделал в своих записях отметку: «Пушкин на лицейском экзамене». Вплоть до смерти Державин постоянно вспоминал юном поэте. В своем творчестве Пушкин, как и Державин, продолжил модернизацию русского языка.

После петровских реформ, при оживленных контактах с западноевропейскими странами, необходимости обозначения новых понятий, потребных для дальнейшего развития науки, техники, морского дела, образования и пр., русский язык претерпевал постоянные, причем весьма хаотичные изменения, а потому нуждался в определенной организации.

Просторечные формы соседствовали с книжными, заимствования из немецкого, французского, голландского, английского языков, латыни, подчас принимавшие характер неуправляемых нагромождений, затруднявших понимание смысла сказанного, употреблялись наряду со словами, изобретенными для их замены. Увлечение высших слоев общества всем иностранным повело к тому, что язык простонародный, крестьянский стал сильно отличаться от их языка. Вместе с тем нельзя было остановить естественно начавшуюся эволюцию языка; нельзя было насильно вернуть в употребление уже устаревшие выражения.

В начале XIX века возникла острая полемика относительно реформации или консервации русского языка. Реформаторское направление возглавлял Н. М. Карамзин, а консервативное – известный в то время государственный деятель А. С. Шишков. В 1811 году А. С. Шишков основал общество «Беседа любителей русского слова», членами которого были, с одной стороны, не чуждые реформаторству Державин, Крылов и др., с другой – консерваторы Хвостов, Шаховской и др. Четырьмя годами позже, в 1815 году, возник знаменитый «Арзамас», куда входили такие известные люди, как Василий Андреевич Жуковский, Петр Андреевич Вяземский, Константин Николаевич Батюшков, Василий Львович Пушкин и его племянник Александр Сергеевич, отстаивающие необходимость избавления русского литературного языка и русской литературы от архаических традиций. Державина огорчали эти распри, он хотел бы примирить «беседовцев» и «арзамасцев», но молодые, да и солидные писатели слишком

увлеклись взаимными нападками и насмешками.

Апофеозом консерваторов было возвышение в 1812 году Шишкова, когда его назначили государственным секретарем вместо М. М. Сперанского. В официальных документах опять появились подзабытые уже слова и выражения.

Однако через некоторое время «Арзамас» взял верх не авторитетом власти, а властью авторитета. С тех пор борьба реформаторов русского языка с «охранителями» вспыхивала не раз в истории России, и ее отзвуки можно слышать и в наши дни.

Последние годы своей жизни Гавриил Романович проводил в селе Званка Новгородской губернии, изредка выезжая в Москву или Санкт-Петербург, писал стихи, вспоминал прожитое, принимал гостей.

Скончался Гавриил Романович Державин «73 лет и пяти дней от роду с 8-го по 9-е июля 1816 года в своем новгородском поместье Званке. По завещанию Гавриила Романовича, тело его погребено в церкви новгородского Хутыня – монастыря (на 9 верст от Новгорода, по Московской дороге)»[284]. 16 июня 1842 года умерла Дарья Алексеевна, и ее гроб положили рядом с гробом Гавриила Романовича Державина.

В 1944 году, во время Великой Отечественной войны, Варлаамо-Хутынский монастырь попал под артиллерийский обстрел и превратился в руины. Был практически уничтожен и знаменитый памятник «Тысячелетию России» (1862[285]**) в Новгородском кремле, на котором среди прочих великих граждан России изображен сидящим в кресле Г. Р. Державин.** Интересно, что Державин отсутствовал в первоначальном списке героев, который составил автор памятника Михаил Микешин. Александр II, прежде чем утвердить проект, предложил пополнить это благородное собрание изображениями двух недругов – графа Кочубея и Державина. Но так называемое прогрессивное общественное мнение сопротивлялось, и Микешин поначалу добавил к своему списку не Державина, а Тараса Шевченко. Тогда шум подняли консерваторы, и из нового списка исключили Шевченко, актера Дмитриевского и святого Митрофана Воронежского, а добавили Державина и императора Николая I.

Сразу же после войны этот памятник был срочно восстановлен. Великая Россия не должна лежать в развалинах. А вот монастырю, как «культовому объекту», в этом смысле не повезло. Поэтому в 1959 году состоялось перезахоронение останков Г. Р. Державина и его жены в Новгородский кремль[286]. Их могилы находились в сквере рядом с Грановитой палатой и Софийским собором. В 1993 году прахи Державина и его супруги были возвращены в Варлаамо-Хутынский монастырь.

Гавриил Романович Державин – не только ярчайший представитель золотого века культуры, начавшегося в самом конце XVIII века, но и один из представителей золотого века права, своими воззрениями и работой показавший необходимость развития России по праву и закону.

5
Заключение к пятой главе

Почти весь XVIII век в России правили императрицы, пришедшие к власти с помощью дворцовых переворотов и благодаря поддержке высшей аристократии, а потому неуклонно осуществлявшие политику в пользу дворянского сословия.

Стремясь стать господствующим сословием в империи, дворянство не пошло по пути создания политических и государственных институтов, ограничивающих царскую власть. Гораздо удобнее оказалось решать свои корпоративные и частные задачи путем влияния на государыню, обязанную властью дворянству и опирающуюся на это сословие в повседневной практике управления.

Указное законодательство Петра I, превращавшее дворянство в служилое сословие на благо государства, постепенно размывалось в течение всего описываемого в настоящей главе периода. При Анне был отменен Указ о единонаследии, при Елизавете был дезавуирован основной смысл «Табели о рангах» – «чины по заслугам и способностям», когда родовитых и богатых дворян стали зачислять на службу еще младенцами, и дворянство частично освободилось от обязанности служить. Наконец, при Екатерине II дворянство стало владельцем основной массы земли – главного ресурса рентной экономики России, а также получило полный контроль над личностью и результатами труда крепостных крестьян.

> **Дворянство окончательно освободилось от постылой обязанности нести государственную службу и стало приобретать черты сословия-паразита. Собственно, за это дворянство и наградило Екатерину II титулом «Великая».**

Ответом другой – основной – части населения империи стал кровавый Пугачевский бунт. Восставшие произнесли «великое и страшное требование»: заменить императрицу на якобы воскресшего императора, а дворян – на холопов, отдав им всю землю. Восстание было подавлено еще большей кровью, но, тем

не менее, произвело на дворян неизгладимое впечатление.

Кроме того, последовательницы Петра Великого, не обладая его целеустремленностью и энергией, да и вообще миропониманием, допустили существенное искажение петровской программы превращения России в современную европейскую державу.

Фактически остановился социальный лифт, учрежденный Петром I. Была свернута программа просвещения нижних сословий – один из краеугольных камней петровских преобразований. В результате увеличился разрыв не только между первой и второй Россией, возникший по итогам правления Петра, но и между образованным столичным обществом и провинциальными дворянами, проводившими основное время в своих поместьях и почти такими же темными, как и их крестьяне.

При Екатерине II невиданных масштабов достигла коррупция: взятки брали почти в открытую, а продвижение по службе зависело не от успехов и достижений, а от благосклонности сильных мира сего[287]. **Потемкинские деревни – пример феерического очковтирательства; говоря современным языком, они стали мировым мемом. Зато великосветские мероприятия проходили с невероятным размахом, затмевая скучные тусовки прижимистых европейцев.**

Образно говоря, указное законодательство Петра проиграло спор с Соборным уложением его отца Алексея Михайловича, в котором и был изначально заложен проект обретения дворянством гегемонии в российском социуме и окончательного закрепощения крестьян. Причиной этому послужила, как мы уже отмечали, более низкая легитимность императорских указов, которые могут быть легко отменены последующими правителями, по сравнению с легитимностью закона, принятого с согласия всего общества, каким бы формальным оно ни было. Неслучайно Анна, Елизавета и Екатерина II задумывались над принятием нового Уложения, но сталкивались с тихим саботажем со стороны аристократии, которая считала, что от добра добра не ищут, а старое Уложение их и так хорошо кормит, «зачем что-то менять».

Впрочем, было и такое направление преобразований Петра, которое императрицы смогли существенно развить, а именно – дальнейшее освоение Россией европейской культуры. В XVIII веке Российская империя совершила огромный прорыв во всех направлениях культуры. Живопись, музыка, литература обрели светские черты. На базе освоения европейской культуры в стране появились свои деятели, создавшие мировые шедевры[288]. Получила развитие и отечественная наука, было положено начало

юридическому образованию и развитию юриспруденции. На горизонте стал восходить золотой век культуры.

Однако не только деятели искусства смогли прославить Россию. Через 20 лет после уникального эксперимента Елизаветы по фактической отмене смертной казни на него обратил внимание доктор канонического и римского права Чезаре Беккариа (1738–1794)[289]. В 1764 году он издал трактат «О преступлениях и наказаниях». Эта книга была встречена современниками – учеными-юристами и служителями правосудия – с бешеной злобой. Беккариа обвиняли в поношении верховной власти, церкви, христианской религии, священного трибунала инквизиции. И все из-за параграфа XXVIII «О смертной казни», которую он предлагал отменить, правда, не из религиозных, а из сугубо рациональных соображений. Среди прочих аргументов в поддержку этой идеи он упоминал пример «императрицы Московии Елизаветы, преподавшей отцам народов своим двадцатилетним правлением блистательный урок, по крайней мере не уступающий по силе своего воздействия множеству завоеваний, купленных ценой крови сынов отечества»[290].

Идеи Просвещения, в том числе и с легкой руки Екатерины II, широко распространились среди образованной части подданных. Среди прочих идей много сторонников получил легализм – стремление к неукоснительному соблюдению закона. Например, влиятельный государственный деятель и поэт Г. Р. Державин, дослужившийся до высоких чинов, что называется, с самых низов, поскольку происходил из небогатого рода, вдруг, когда это стало можно, неистово возлюбил закон, который как бы стал его новой религией. Закона, т. е. внятных правил, в том числе и функционирования управленческого аппарата, хотели многие чиновники, особенно низших рангов, желавшие понимать, какие заслуги точно ведут к повышению в чинах.

Однако кроме «утишающих» идей Просвещения в Российскую империю стали проникать и будоражащие идеи Французской революции, адепты которых не желали мириться с порядками самодержавия, уже трудно отличимого от самовластья и деспотии. В среде дворянства и разночинцев зарождалось движение, претендующее на политическую субъектность и ставящее целью смену общественно-политического устройства страны.

Глава 6
Павел I

1
Цесаревич Павел

Великий князь Павел Петрович Романов родился 20 сентября 1754 года, отец его – будущий император Петр III, мать – впоследствии императрица Екатерина II. Мама Павла Екатерина Алексеевна для имперской элиты времен Елизаветы была чужеродным, точнее, инородным элементом. Ее рассматривали как машину по производству наследников престола. Когда родился Павел, императрица одарила роженицу 100 тысячами рублей. Около полугода двор отмечал появление наследника разного рода увеселениями. Однако императрица сразу же отобрала новорожденного у матери, и та увидела его лишь 40 дней спустя. Екатерине полагалось видеть сына раз в неделю, а потом его отдали в руки учителей и гувернеров.

Организацией воспитания Павла с младенчества занималась сама императрица Елизавета. С четырех лет Павла стали обучать грамоте, рассказывать истории, готовить к появлению в обществе; первоначально по поручению Елизаветы занимался этим дипломат Ф. Д. Бехтеев. Федор Дмитриевич подарил Павлу большую карту Российской империи. Разглядывая ее, они обсуждали историю государства и его народов. Затем воспитателем был назначен генерал Никита Иванович Панин, который организовал воспитание на французский манер; скорее исключением образовательной программы было обучение закону и православию иеромонахом Платоном, впоследствии митрополитом Московским и Коломенским.

Вскоре Елизавета Петровна охладела к великокняжеской семье. Особое недовольство двора вызвала их позиция в отношении участия России в Семилетней войне как противницы Пруссии. На подозрении у Елизаветы оказался не только ярый поклонник Фридриха II Петр Федорович, но и Екатерина. Досталось и Павлу: Елизавета писала кабинет-секретарю Черкасову: «Сожалею, что не токмо разума не достает, но и памяти лишен племянник мой»[291]. Елизавета умерла, когда Павлу было семь лет. Цесаревич стал знаменем Екатерины при подготовке переворота.

Однако воспитателем Павла по-прежнему оставался Н. И. Панин. Екатерина предполагала, каким образом он может

повлиять на общеполитические представления сына, но была уверена, что Никита Иванович проследит, чтобы учителя и гувернеры сына ни в коем случае не вздумали вести с ним недозволенные разговоры.

Панин не очень-то старался привить сыну любовь к матери, а скорее наоборот – пытался с помощью их разделения решать свои задачи, предполагая при восхождении Павла на престол быть самым близким ему человеком и самым влиятельным в империи. Однако до этого времени он не дожил, скончавшись 30 марта 1783 года. Накануне, 28 марта, состоялась последняя встреча Павла и Никиты Ивановича. Наставник завещал питомцу непременные законы с разделением властей. Павел записал их разговор в «Рассуждениях 28 марта 1783 года».

По большому счету, Екатерина не знала своего сына. Однако он находился рядом с ней во время всех важных событий: при перевороте, при коронации, при учреждении комиссии для подготовки проекта Уложения. Все официальные мероприятия неизменно проходили при участии Павла.

Когда Екатерина в назидание подданным сделала себе прививку от оспы, вместе с ней привили и сына. Она всегда демонстрировала, что Павел неотделим от нее и является необходимым лицом при ее правлении. Но именно ее правлении.

Права Екатерины на престол были весьма сомнительны. По логике вещей, она должна была быть регентом при малолетнем императоре, а не императрицей.

Когда Павлу исполнилось 18 лет, Екатерина сама подыскала для него невесту: среднюю из трех принцесс Гессен-Дармштадтских. Звали ее Вильгельмина. После принятия православия ее стали звать Наталья Алексеевна.

По логике истории, женитьба цесаревича может быть чревата потрясениями трона, как это случилось с Петром Великим. Однако двор и иностранные послы весьма скептически относились к возможности такого развития ситуации. «У великого князя нет ни смелости, ни ума, чтобы идти против матери: слабость его характера равняется слабости его телосложения», «У великого князя не просто слабый характер – у него вообще нет характера», «Здоровье и нравственность великого князя испорчены вконец»[292], – считали они.

Однако при этом «он кроток, чрезвычайно учтив, предупредителен и веселого нрава. Под этою прекрасной наружностью скрывается душа превосходнейшая, самая честная и

возвышенная, и вместе с тем самая чистая и невинная, которая знает зло только с отталкивающей его стороны и вообще сведуща о дурном только лишь насколько это нужно, чтобы вооружиться решимостью самому избегать его и не одобрять его в других»[293].

Спрашивается, так каким же образом этот чуть ли не ангел впоследствии превратился в общественном мнении в ужасного монстра, принесшего неисчислимые бедствия своим подданным?

Власть, с одной стороны, сильно меняет человека, с другой – колоссально меняется представление об этом человеке. Екатерина жила в жесткой парадигме, которая и подвигла ее на совершение переворота: власть или смерть. Накануне 18-летия цесаревича гвардия вновь стала задумываться о судьбах России.

К тому же то тут, то там появлялись самозванцы, выдававшие себя за спасшегося Петра III. Екатерина чувствовала, что народ приветствует ее более прохладно, когда она встречается с ним одна, а когда с сыном, то куда более царелюбиво.

Конечно, она не могла по доброй воле ввести в управление страной Павла. Он был знаменем всех недовольных, но настоящих вожаков среди них не было, и Екатерина могла вполне чувствовать себя в безопасности. Нельзя сказать, чтобы Екатерина была врагом своего сына. Просто она была императрицей, а он – ее наследником, но когда-то в отдаленном будущем. Если доверить сыну хоть часть государственного управления, вокруг него тут же соберутся разного рода карьеристы-оппозиционеры и доведут страну до двоевластия, – считала она.

Павел был очевидцем событий 1762 года. Его привезли из Гатчины сразу после переворота, он видел, как на царство возводили его мать. Отца он практически не знал. По малолетству соотнести эти события со смертью родителя он не мог. Но повзрослев – стал соотносить.

Павел стал задумываться над своим жизненным предназначением. Понимая, что может так и не стать императором, он стремился совершить что-нибудь великое. В 1774 году он написал сочинение «Рассуждение о государстве вообще относительно числа войск, потребного для защиты оного, и касательно обороны всех пределов». В нем он предлагал отказаться от завоевания новых земель, прекратить войны и не начинать новых, обустроить войско для обороны, а не для наступления, создать воинские поселения, «предписать всем, начиная от фельдмаршала, кончая рядовым, все то, что должно им делать; тогда можно будет с них взыскивать, если что-нибудь будет упущено»[294].

Прочитав сочинение, Екатерина только усмехнулась этим прекраснодушным мечтаниям. Греческий проект был еще в самом

начале, Крым еще не был завоеван. В ответ на отказ императрицы рассматривать его предложения он, конечно, обиделся, поскольку понял, что ему отведено место даже не статиста, а декорации. Тем не менее он оставался верным подданным своей матери и безукоризненно подчинялся ее повелениям.

Наталья Алексеевна отличалась редким мотовством и свободой нравов. Чуть ли не сразу завела себе фаворита – графа Андрея Разумовского. Павел полюбил жену еще до того, как ее увидел, полностью ей доверял и стремился угождать во всем. Наталья же «была управляема графом Разумовским, который, в свою очередь, получал наставления от посланников бурбонских домов… И если бы смерть не прекратила ее деятельности, между ею и Екатериною, вероятно, возникла бы борьба»[295]. Так что потрясение трона теоретически могло случиться, но благодаря не Павлу, а его жене.

Наталья Алексеевна скончалась родами 15 апреля 1776 года. Траур не объявлялся, ее тихо похоронили в Александро-Невской лавре. Павел, ознакомленный Екатериной с неопровержимыми доказательствами ее измены, на погребении жены не присутствовал.

В это время в Петербурге находился брат прусского короля Фридриха, и Екатерина попросила его срочно подыскать Павлу новую жену. Процесс производства наследников престола не мог затормозиться.

Тут же всплыла кандидатура Софии Доротеи Августы Луизы – внучатой племянницы Фридриха. Это был уже второй заход: в 1772 году ее кандидатура была отвергнута по малолетству. Однако принцесса уже была помолвлена с принцем Людвигом – родным братом Натальи Алексеевны. Помолвку пришлось срочно расстроить.

Павел Петрович и София Доротея встретились первый раз в Берлине 10 июля. «Как и следовало ожидать, та, которую назначали ему в супруги, полюбилась великому князю, очарованному ее красотою и грациею, и который, сверх того, был восхищен почестями, окружавшими его во владениях Фридриха, и к которым он не был приучен на родине»[296].

26 сентября 1776 года их высочества Павел Петрович и его невеста, принявшая православие и ставшая Марией Федоровной, были обвенчаны.

Время шло. Ничего с точки зрения участия Павла в делах государства не менялось. В 1787 году он собрался на новую турецкую войну. Екатерина была против, понимая, что он будет только путаться в ногах у Потемкина[297], донимая его советами, и чувствовать себя оскорбленным, что его не слушают.

К тому же Мария Федоровна ждала очередного ребенка. Однако Павел настроился на ратные свершения всерьез. Ему надо было напомнить о своем существовании Европе.

Он оставил жене семь писем – три на случай, если он погибнет, три – на случай, если в его отсутствие умрет Екатерина. Седьмое письмо называлось «Государственная реформа. На всякий случай». Кратко ознакомимся с его содержанием.

«1. Введение. „Предмет каждого общества – блаженство каждого и всех. Общество не может существовать, если воля каждого не будет направлена к общей цели“».

2. Об исполнительной власти: «…Нет лутчего образа, как самодержавный, ибо соединяет в себе силу законов и скорость власти одного».

3. О престолонаследии. «…Положить закон, кому именно быть государем».

4. О законодательстве. «Законы у нас есть… Новых не делать, но сообразить старые с государственным внутренним положением…».

5. О правительстве. «Государь, будучи человек, за всем усмотреть не может… надобны правительства».

6–7. Об императорском совете. «…Совет, составленный из особ, которым поручено смотреть за разными частьми и родами дел государства»: канцлер и вице-канцлер иностранных дел, военный и морской министры, министры финансов и коммерции, государственный казначей.

8–11. О законах, утверждающих блаженство сословий. Дворянства: «Не допуская в него лишних чинов, должно его на службу государству обращать».

Духовенства: «Дабы понятию о Боге учили в прямой силе, а не суеверию». Среднего состояния, чьи занятия «промыслы торговля и рукоделие»: «чтоб промыслы свободно текли для государства… и тем самым распространяли в нем изобилие». Крестьянства: «Особого уважения достойно… чтоб тем лутче трудились, и государство имело тем вернее снабжение».

12–13. О народном воспитании – чтобы каждый знал свои обязанности, исполнял бы их и приводил бы общество к блаженству. «<..> Для сего школы и училища…»

<..>

19–24. О государственном бюджете и финансах. «…Доходы государственные – государства, а не государя». <..> «Расходы размерять по приходам и согласовать с надобностями государственно и для того верно однажды расписать».

25. О государственной внутренней безопасности. «…Учредить земскую и городовую полицию».

26–32. О государственной международной безопасности. «Нам большой нужды нет в чьей-либо помощи. Мы довольно сильны сами собою… <..>».

33. О будущем. «Когда все части государства будут приведены порядком до равновесия, в котором должны быть, чтоб оное могло неразрушимо и невредимо стоять, тогда можно будет сказать, что прямо направлено общество на прямой путь блаженства каждого и всех, что согласно с законом Божиим и, следственно, не может не иметь благословения во всем Его Вышней Десницы»[298].

На турецкую войну Екатерина так его и не пустила «и паки изволила советовать великому князю остаться здесь до тех пор, пока великая княгиня разрешиться от бремени». В ответ Павел сообщил, что намерен пренебречь этим советом. На это государыня «расположена была дать строгим образом чувствовать и словесно и письменно, что советы ея не иначе, как за повеления, требующие непременного исполнения, должны быть приемлемы»[299]. В общем, типичная разборка великовозрастного сына с мамашей: «Мама лучше знает, что для тебя лучше». Так и Павел в дальнейшем твердо знал, что для его подданных лучше. Авторитарный стиль управления – то немногое, что Екатерина передала сыну.

Мария Федоровна родила дочь 10 мая 1788 года. Екатерина отпустила Павла, правда, уже не на турецкую войну, а на шведскую. Под руководством Мусина-Пушкина шведы были разгромлены, но Павел Петрович долго дулся на то, что шведы были разгромлены не так, как он предлагал.

В мае 1792 года в Петербурге получили свежие французские газеты, в одной из которых было напечатано «Письмо англичанина, жившего долгое время в Петербурге, к другому англичанину, живущему сейчас в Париже». В нем говорилось: «Русский великий князь шествует по стезе своего несчастного отца, и, если сердце великой княгини не будет преисполнено добродетелями, Павлу суждена участь Петра Третьего… Я давно замечал многие признаки революции: они в сердце самого великого князя. Он не скрывает своей раздражительности, оскорблен своей униженностью; он в ссоре со своей матерью; он даже дерзает ей угрожать»[300].

К тому времени Павел воспринимал Екатерину скорее как мачеху, которая погубила его отца, да и императрица относилась к Павлу, мягко говоря, прохладно, понимая, что его политические взгляды заметно отличаются от ее собственных. После того как Екатерина забрала себе на воспитание детей Павла – Александра и Константина, – пошли разговоры, что она хочет лишить сына

наследства и завещать престол внуку Александру.

Широкомасштабная черная пиар-кампания, развязанная Екатериной и придворными против наследника престола с намеками на его безумие и невозможность управлять даже собой, только усиливала подозрения цесаревича.

31 октября 1792 года в Петербург прибыла принцесса Баден-Дурлахская Луиза Мария Августа 13 лет для сочетания с великим князем Александром Павловичем 15 лет. «Мой Александр женится, а потом будет коронован – церемониально, торжественно, празднично», – писала Екатерина[301].

Все эти события и слухи давали Павлу все основания опасаться за свою жизнь и усиливали в нем желание стать сиротой.

Павел был уверен, что его пытались отравить, но смогли вылечить. Однако полностью он так и не оправился. Якобы его неукротимые порывы гнева, которые могли быть возбуждаемы самыми ничтожными обстоятельствами, были последствием отравления. «Когда он приходил в себя и вспоминал, что творил в эти минуты… не было примера, чтобы он не отменял своего приказания и не старался всячески загладить последствия своего гнева»[302]. Было это отравление на самом деле или нет, история умалчивает. Однако если даже это выдумка Павла, он в нее искренне верил, и она служила постоянным источником его острых защитных реакций.

29 июля 1796 года императрица Екатерина предлагает Марии Федоровне подписать акт об отстранении Павла от престола и назначении наследником Александра. Мария Федоровна в ужасе отказывается. Ничего не говорит Павлу, но умоляет сына: «Дитя мое, держись ради Бога… Будь мужествен и тверд. Бог не оставляет невинных и добродетельных»[303].

По городу распространились соответствующие слухи. «Носившаяся до того молва, якобы не намерена была она оставить престол своему сыну, а в наследники по себе назначала своего внука, подавала повод многим опасаться, чтоб чего-нибудь тому подобного при кончине государыни не воспоследовало»[304].

В ночь с 5 на 6 ноября 1796 года Екатерину II хватил удар. Павел приехал в Зимний посреди ночи в сопровождении сотни солдат Гатчинского полка, чтобы убедиться, что императрица действительно при смерти. Его вступление во дворец походило на штурм.

«Я вошел в залу и столько же поражен был удивлением, сколько удручен печалью… Знаменитейшие особы,

первостепенные чиновники, управлявшие государственными делами, стояли как бы уже лишенные должностей своих и званий с поникнутою головою… Люди малых чинов, о которых день тому назад никто не помышлял, никто почти не знал их, – бегали, повелевали, учреждали»[305].

Как водится, Екатерина завещать престол никому не успела. Может, ее завещание не нашли или не захотели найти – версий, особенно литературных, предостаточно. Императором стал Павел I.

«Павел спешил перенести в Петербург свою гатчинскую обстановку, окружить себя людьми, на преданность которых он считал возможным положиться. Комендантом в городе назначен был Аракчеев…

10 ноября в Петербург вступили гатчинские войска; они размещены были по гвардейским частям, причем офицеры поступали в гвардию чином в чин.

Вызваны были в Петербург давние сторонники опального цесаревича: князь Репнин, пожалованный в фельдмаршалы, кн. Александр Куракин, назначенный вице-канцлером, и брат его, кн. Алексей, на которого 6 декабря возложены были обязанности генерал-прокурора»[306].

2
Император Павел и его реформы

Павел I вступил на престол 6 ноября 1796 года в возрасте 42 лет.

«Погоди, мой друг, погоди. Я прожил 42 года. Бог уберег меня и, авось, даст мне ума и сил обустроить государство, для которого Он меня предназначил.

Положимся на Его Благость»[307], – сказал Павел по дороге из Гатчины в Петербург к умирающей императрице.

В двенадцатом часу ночи в придворной церкви высшим духовенством, всеми сановниками и придворными чинами была совершена присяга на верность императору Павлу Петровичу. Одновременно была принесена присяга и наследнику престола – великому князю Александру Павловичу, старшему сыну воцарившегося государя.

Вместе с погребением Екатерины II прах убиенного императора Петра III был перенесен в императорскую усыпальницу – Петропавловский собор. Для оказания почестей праху Петра III выбрали именно тех людей, которые подготовили его смерть.

Тот, кому назначено было нести корону императорскую (граф

А. Г. Орлов), зашел в темный угол и навзрыд плакал[308]. Павел собственноручно произвел обряд коронования родительских останков. «Император вошел в царские врата, взял с престола приготовленную корону, возложил на себя и потом, подойдя к останкам родителя своего, снял с главы своей корону и при возглашении вечной памяти положил ее на гроб в Бозе почившего императора»[309], чем немало напугал всю знать, заговорившую о его «затмении».

Указом от 27 января 1797 года[310] из всех указных книг было велено вырезать листы, на которых напечатан манифест о восшествии Екатерины II. После того как все вырезанные листы были доставлены из всех губернских присутственных мест, а на это ушло два с половиной года, их сожгли в Тайной экспедиции[311]. Два экземпляра оставили для справок.

Коронация нового императора состоялась 5 апреля 1797 года. Перед этим Павел объявил себя главой православной церкви. Короновали не одного Павла. Впервые в истории Российской империи произошло совместное коронование императора и императрицы Марии Федоровны.

В этот же день император лично зачитал выстраданный не только им самим, но и всей Российской империей документ – Акт о престолонаследии[312], согласно которому императорская власть передавалась только по закону от отца к сыну, а в случае его отсутствия – к следующему по старшинству брату императора. Женщины фактически были отстранены от наследования российского престола. Впервые были установлены правила регентства: для монархов и их наследников сроком совершеннолетия определялись 16, а для прочих членов императорской фамилии – 20 лет от роду. Акт запрещал занятие российского престола лицом, не принадлежащим к православной церкви. Этот документ действовал до принятия Свода законов Российской империи и был одним из главных источников главы второй «О порядке наследия престола» раздела первого «Основные государственные законы»[313].

Затем Павел зачитал «Учреждение об императорской фамилии» и «Установление о российских орденах», наконец, был объявлен Манифест о трехдневной барщине.

Не откладывая дела в долгий ящик, император начал задуманные преобразования в стране. Среди историков бытуют три версии мотивации реформ Павла I:

1. Все делал назло и против матери, за что получил прозвище «русский Гамлет».

2. Боялся дворцового переворота и потому стремился укоротить дворянство.

3. Имел продуманную за долгие годы ожидания восшествия на престол программу действий, которую начал воплощать в жизнь, но не успел.

Конечно же, все версии имеют определенные основания и не исключают, а скорее дополняют друг друга.

Что касается предполагаемой программы[314], ее отправной точкой было желание Павла Петровича стать императором всех россиян, а не только дворянской России. Поэтому все его действия не были лишены налета популизма.

Хотя по приказу Павла было запрещено употреблять в печатных изданиях слово «гражданин», он больше, чем кто-либо другой в XVIII веке, старался сделать крестьян и мещан гражданами, выводя их за рамки сословного строя и подчиняя непосредственно государству. Потому заставил присягнуть себе не только дворян, но и мещан с крестьянами, в том числе и крепостными.

Первым делом 2 января 1797 года он ограничил вольности дворянства: отменил статью Жалованной грамоты, запрещавшую применять телесные наказания к дворянскому сословию. Были введены телесные наказания за убийство, разбои, пьянство, разврат, служебные нарушения, которые буйным цветом расцвели при Екатерине II.

Указом от 4 мая 1797 года император запретил дворянам подавать коллективные прошения. Он также ограничил дворянские депутации и возможность подавать жалобы[315]. Это было возможно только с разрешения губернатора. Указом от 15 ноября 1797 года запретил допускать к участию в выборах дворян, уволенных со службы за проступки. Число избирателей было сокращено, и губернаторы получили право вмешиваться в выборы. Указом от 18 декабря 1797 года дворян обязали платить налог для содержания органов местного управления в губерниях. В 1799 году сумма налога была увеличена до 20 рублей. В 1799 году упразднены губернские дворянские собрания, а 23 августа 1800 года отменено право дворянских обществ выбирать заседателей в судебные органы.

Дворянство, наполнявшее гвардию, числилось на службе большею частью лишь формально. Многие за взятки в полковых канцеляриях записывались в нее еще во младенчестве. Между тем полки и отдельные части в армии давались по преимуществу гвардейским офицерам. Все это приводило к тому, что на льготное прохождение военной службы дворяне привыкли смотреть как на особую привилегию своего сословия, хоть и в ущерб общегосударственным интересам[316]. Дворян, уклоняющихся от гражданской и военной службы, Павел I

приказал предавать суду. Император резко ограничил переход с военной службы на гражданскую.

Павел был типичным жаворонком: работать начинал в 5 утра, а спать ложился в 10 вечера. К такому порядку пришлось привыкать всем жителям Петербурга, включая сов. Дабы избежать придирок полиции, им приходилось завешивать окна двойными занавесками и запирать ставнями[317].

К тому же появились железные желтые ящики, куда каждый мог бросать прошения и жалобы самому императору. «Носилась молва, что в то время, когда государь, вскоре после вступления на престол, установлял то неслыханное и необыкновенное у нас дело, чтоб каждый имел свободу и мог подавать самому ему свои прошения… на вопрос, сделанный ему при сем случае… – кто может сию милостью пользоваться? – ответствовал он: „Все и все: все суть мои подданные, все они мне равны, и всем я равно государь“»[318].

Император рассматривал жалобы лично. Резолюции или ответы на эти прошения иногда публиковались в газетах, а виновные в несправедливости наказывались, несмотря на сословную принадлежность или личные заслуги. «В первый год царствования[319] Павла народ блаженствовал, находил себе суд и расправу без лихоимства: никто не осмеливался грабить и угнетать его; все власти предержащие страшились ящика»[320].

В итоге Павлу удалось привести в чувство бюрократию, прославившуюся своей медлительностью и волокитой.

Вопиющим примером было дело дворян А. Тарасова и Г. Конева, которых арестовали в 1757 году по подозрению в грабеже. Дело тянулось до 1782 года, когда его наконец представили в Сенате, а затем императрице, которая так и не удосужилась его рассмотреть. В 1797 году Павел их освободил, зачтя 30 лет разбирательств, в течение которых подозреваемые оставались под стражей, в качестве наказания[321]. Об ускорении деятельности Сената красноречиво говорят следующие цифры: за 1797 год в Сенат поступило 21 951 дело, решено 20 838. За 1798 год соответственно, 27 795 и 25 517. За 1799-й: 30 910 и 33 060, с учетом дел, нерешенных в прошлые годы. За 1800 год: 42 223 и 44 480. «Толико подействовала государева строгость и гнев его»[322].

Понятно, что большинству дворян эти изменения пришлись не по вкусу. «Везде и везде слышны были одни только сетования, озлобления и горевания; везде воздыхание и утирание слез, текущих из глаз матерей и сродников; никогда такое множество

слез проливаемо не было, как в сие время»[323].

С другой стороны, Павел не меньше матери не любил радикалов, особенно в свете Французской революции 1789 года. Тем не менее он освободил всех политзаключенных (всего 87 человек), в том числе Радищева, Новикова и польского националиста Костюшко. Однако в подтверждение указа покойной императрицы Екатерины II и «в прекращение разного рода неудобств, которые встречаются от свободного и неограниченного печатания книг», он повелел закрыть все частные типографии и учредить в Петербурге и Москве духовную и светскую цензуры, а в Риге, Радзивиллове и Одессе – цензуру для иностранных книг, ввозимых из-за границы[324]. Император лично составил бюджет страны на 1797 год, причем сумел первоначальный объем расходов в 31,5 млн руб. увеличить до 80 млн руб. при дефиците 8 млн при этом на оборону выделено было 34 млн руб.[325]

Павел считал, что одной из причин Французской революции было безбожие и разделение христиан, он считал необходимым объединение христианских конфессий[326]. Внутри своей империи он разрешил старообрядцам строить храмы (указ от 12 марта 1798 года) и проводить службы. Достаточно свободная организация и деятельность старообрядцев продолжалась до 1825 года, т. е. до начала правления Николая I, а в 1840-е и 1850-е годы были разорены и переданы в Русскую православную церковь монастыри староверов. Только Александр II разрешил браки и обряды служения староверов. Впоследствии, уже в конце XIX века, всемогущий обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев вернулся к особому отношению к староверам, как, впрочем, и другим неправославным религиям.

Со времен восстания Пугачева имя Павла в сознании крестьян было тесно связано с надеждами на освобождение от крепостной зависимости. Дело в том, что самозванец, объявивший себя Петром III и обещавший крестьянам волю, не раз громогласно призывал к себе своего наследника Павла.

Сам факт того, что император повелел привести к присяге и крепостных крестьян, уравняв их тем самым со свободными людьми, вкупе со строгими мерами против господ укрепил в крепостных уверенность в близком освобождении. В первые же дни царствования Павла Петровича около дворца собралась толпа крепостных. На разводе караула ему подали челобитную с просьбой освободить крестьян от тиранства помещиков – они говорили, что не хотят быть в услужении у своих хозяев, а желают лучше служить самому государю. Так что все послабления, данные Павлом крестьянам, рассматривались ими под этим углом

зрения[327]. Крестьяне вообразили, что они больше не принадлежат помещикам и в различных губерниях возмутились против своих господ[328]. В итоге Павлу пришлось 29 января 1797 года выпустить манифест, в котором он повелел, чтобы «все помещикам принадлежащие крестьяне, спокойно пребывая в прежнем звании, были послушны помещикам своим»[329].

> **Манифестом о трехдневной барщине от 5 апреля 1797 года впервые со времени появления в России крепостного права было ограничено использование крестьянского труда в пользу двора, государства и помещиков тремя днями в течение каждой недели и запрещено принуждать крестьян к работе в воскресные и праздничные дни. Этим документом было положено начало ограничению крепостного права, развитию самостоятельных крестьянских хозяйств.**

Манифест специально устанавливал, что оставшиеся три рабочих дня предназначались для работы крестьян в собственных интересах. Тот факт, что манифест был зачитан в день коронования, указывает на исключительное значение, которое Павел ему придавал.

Было запрещено продавать дворовых людей и крестьян без земли, разделять семьи при продаже. В губерниях губернаторам было предписано наблюдать за отношением помещиков к крестьянам. В случае жестокого обращения с крепостными было предписано докладывать об этом императору. В. О. Ключевский отмечал, что «по указу 5 апреля 1797 года определена была нормальная мера крестьянского труда в пользу землевладельца; этой мерой назначены были три дня в неделю, больше чего помещик не мог требовать работы от крестьянина. Этим воспрещалось обезземеление крестьян. Но эта деятельность в уравнительном и устроительном направлении лишена была достаточной твердости и последовательности»[330].

10 ноября 1797 года был отменен чрезвычайный рекрутский набор по десять человек с тысячи, объявленный незадолго до кончины Екатерины. 10 декабря отменена разорительная для крестьян хлебная подать. 16 декабря с крестьян и мещан снята недоимка в подушном сборе.

27 ноября крестьянам было предоставлено право апелляции на решения судов по их делам, а затем и право подавать жалобы на помещиков, в том числе и на имя самого государя, что было строжайше запрещено во времена Екатерины II. «Людям, ищущим вольности», предоставлено было право подавать апелляции в

суды. Павел, воспитанный в духе эпохи Просвещения, никогда не сочувствовал крепостническим порядкам, понимая всю их пагубность для России. Он считал, что крестьяне могут быть прикреплены к земле, но не могут быть личной собственностью помещиков.

В 1797–1798 годы император ввел волостное и упорядочил сельское (общинное) крестьянское самоуправление в государственной и удельной деревне.

Вместе с тем противоречивость мыслей и дел Павла проявилась практически сразу после восхождения на престол.

Удивительно, но Павел, презирая дворянство, в то же время думал, что помещики – лучшие блюстители тишины и спокойствия в государстве[331]. «За короткое время четырехлетнего царствования Павла было роздано до 300 тысяч душ муж. п. (или до 600 т. д. обоего пола), в среднем по 65 тысяч слишком в год»[332], т. е. передал помещикам около 600 тысяч государственных крестьян в частные руки в качестве награды за военную и гражданскую службу.

В государственном устройстве реформы были направлены на централизацию управления.

С этой целью император заменил коллегиальный принцип организации центрального управления единоличным путем усиления роли генерал-прокурора Правительствующего Сената как главы правительства. Изменил он и административно-территориальное деление, несколько сократив количество губерний. Всевластных генерал-губернаторов заменил просто губернаторами, которых напрямую подчинил Сенату и его генерал-прокурору. Были восстановлены некоторые коллегии, упраздненные Екатериной II, и при этом усилена личная ответственность их президентов. Ввел первые должности министров – для руководства Департаментом уделов и Коммерц-коллегией.

Павел стремился создать новую, отчужденную от дворянского сословия бюрократию по армейскому образцу. Для этого ввел для чиновников форму, строго взыскивал за неисполнение своих указов. В назидание другим уволил 25 президентов и вице-президентов коллегий и лиц, к ним приравненных, 52 сенатора, 73 начальствующих лица в губерниях[333].

Император понимал, что нормальное функционирование государства невозможно без четко заданного алгоритма – законов («фундаментальных законов» – его выражение). Указом от 16 декабря 1796 года он повелел «собрать существующие узаконения и извлечь из них три книги законов: 1) уголовных; 2) гражданских; 3) дел казенных. Сообразно этому и комиссия

получила другое название: ей велено именоваться комиссией для составления законов. Она состояла из четырех членов под руководством генерал-прокурора. Отделы законов, по мере их составления, комиссия должна была вносить на рассмотрение и утверждение Сената; для предварительной же оценки этих работ назначены были три сенатора (указом 31 мая 1797 года). Результатом ее работы было:

1) семнадцать глав о судопроизводстве, 2) девять глав о делах вотчинных и 3) тринадцать глав из законов уголовных. Но так как все эти работы были одни лишь начатки и не представляли ничего целого, то остались без рассмотрения»[334].

Император Павел I впервые ввел в практику систематические публикации указов в газетах «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости». Не прервись так трагично царствование Павла I, Собрание законов или даже Свод законов Российской империи могли появиться гораздо раньше.

Павел Петрович был первым российским императором, не страдавшим синдромом экспансионизма. При восшествии на престол он декларировал принцип мирного сосуществования, миролюбие и невмешательство в европейские дела. Павел прервал подготовку к войне против революционной Франции, начатую Екатериной. Также он прекратил Персидский поход 1796 года, в ходе которого российские войска заняли побережье Каспийского моря и угрожали Тегерану. Впрочем, при его правлении в 1800 году завершился процесс вхождения Грузии в состав империи. Также началось освоение Аляски.

Вместе с тем с усилением позиций Франции в Европе Павел I в 1798 году, дабы восстановить «потрясенные троны», принял участие в создании Второй антифранцузской коалиции. Он, как и его мать, очень боялся идей Французской революции. Император ввел цензуру, запретил молодым людям выезжать учиться за границу, конфисковывал ввозимую из-за границы литературу, заметно активизировал деятельность политического сыска.

Союзники нанесли несколько серьезных поражений французским генералам, особенно во время беспримерного перехода русских войск через Альпы под командованием Суворова. Однако их успехи были сведены на нет двуличной политикой австрийского императора, опасавшегося усиления России в Европе. Павел, взбешенный предательством австрийцев и англичан, разорвал с ними союзнические отношения и пошел на сближение с Наполеоном Бонапартом. Был даже разработан план совместного похода русской и французской армий в Индию, однако осуществить его император не успел.

Тем не менее одной новой губернией Россия при Павле I чуть

было не приросла, а именно островом Мальтой. Мальтийский орден[335] в целях самосохранения сам отдал себя под покровительство России и императора Павла. 12 октября 1799 года в Гатчину торжественно были принесены святыни ордена. Павел уже считал Мальту своей и даже повелел изготовить новые географические карты, на которых она обозначалась как губерния Российской империи. На гербе России планировалось отобразить фрагмент Мальтийского рыцарского креста.

Однако англичане после изгнания французов с Мальты восстановили в ордене власть прежнего Великого магистра. Этот факт, а также намечавшийся поход в Индию явно предвещали войну России с Англией, что последней было совершенно ни к чему.

К сожалению, современники не оценили идею Павла создать форпост (военно-морскую базу) России в Средиземном море и посчитали ее очередным сумасбродством императора. Двор был против войны с Англией якобы за интересы Мальты.

Широко распространена конспирологическая теория на неизбывную тему «англичанка гадит». В соответствии с этой версией именно английское правительство активизировало графа П. А. фон дер Палена, петербургского военного губернатора, на подготовку дворцового переворота и стравливание Павла с наследниками – Александром и Константином[336]. Павлу он рассказывал о заговоре против него старших сыновей, а им – о намерении отца отправить их под арест в Петропавловскую крепость, а то и на эшафот.

Пален показывал Александру приказ императора, скорее всего, поддельный, об аресте императрицы Марии Федоровны и самого цесаревича.

> **Павел вообще-то никому не верил, но Палену почему-то доверился. Тем не менее, явно предчувствуя недоброе, вызвал в столицу преданного ему А. А. Аракчеева, однако Пален сумел задержать его прибытие. Заговор висел на волоске, и это заставило заговорщиков поторопиться.**

Вечером 11 марта, за несколько часов до убийства, Павел Петрович призвал к себе сыновей – цесаревича Александра и великого князя Константина – и приказал привести их к присяге, хотя они уже делали это при его восхождении на престол. После того как те исполнили его волю, пришел в хорошее расположение духа и решил отужинать вместе с ними[337].

В ночь на 12 марта 1801 года Павел I был убит офицерами

в Михайловском замке в собственной спальне.

Несмотря на то что участие Александра Павловича в заговоре против своего отца не имеет достаточных подтверждений, он сам всегда считал себя в нем виновным. Узнав о гибели отца, Александр был сильно расстроен и упал в обморок. Придя в себя, вышел на балкон, под которым собралась встревоженная толпа, и произнес сакраментальную фразу: «Батюшка скончался апоплексическим ударом. При мне все будет как при бабушке». Вернувшись в помещение, вновь упал в обморок. А Константин Павлович, глядя на торжествующих царедворцев, сказал, как бы про себя: «Я всех их повесил бы!»[338]

Павел I похоронен в Петропавловском соборе Петропавловской крепости.

3
Императрица Мария Федоровна Романова

Отдельных слов в наших очерках заслуживает супруга Павла I, впоследствии вдовствующая императрица **Мария Федоровна Романова (1759–1828).** Такой титул носили вдовы императоров, т. е. бывшие императрицы, потерявшие мужа-императора. Мария Федоровна стала императрицей в 1776 году, вдовствующей императрицей – после убийства Павла I в 1801 году.

Принцесса София Доротея Августа Луиза Виртембергская[339] **родилась в Пруссии в 1759 году.** В то время немецкие земли напоминали раздробленные московские княжества, описанные в главе 1, с той разницей, что германская раздробленность была закреплена Вестфальскими договорами. Виртемберг был одним из таких небольших немецких государств.

Для родителей Софии Доротеи было весьма удачным мероприятием выдать дочь замуж за сына самой Екатерины II. Принцессу готовили к замужеству по-немецки педантично. Она учила историю, литературу, языки, логику, психологию. Е. С. Шумигорский писал: «Наконец, образование принцессы было завершено изучением геральдики – предмета, знание которого для лиц из высшего класса общества считалось тогда обязательным»[340].

Однако главным обучением для нее стали российские «университеты», начиная со встречи с цесаревичем Павлом Петровичем в 1776 году, овдовевшим в этом же году. Принцесса София влюбилась в своего будущего мужа уже после первого сообщения о предстоящем браке. Она писала своей подруге после первых трех месяцев замужества: «Ах Ланель! Как я рада, что ты

не знаешь моего прелестнейшего из мужей. Ты влюбилась бы в него, а я бы ревновала моего бесценного супруга, моего ангела. Я без ума от него»[341].

Педантичный Павел написал для невесты длиннющую инструкцию на все случаи жизни. Главными пунктами были: **«Никогда не вмешиваться ни в какое дело, непосредственно ее не касающееся, тем более в какие-либо интриги и пересуды. Не принимать ни от кого, кроме лиц, специально для того представленных, а тем более от прислуги, никаких хотя бы самых пустяшных советов или указаний, не сказав об этом хоть чего-нибудь мне»**[342].

Для Марии Федоровны эти указания были абсолютно излишни. Первая и вторая жены Павла были антиподами. Мария была, что называется, домашней женой, образцом преданности, кротости, невмешательства и чадородия. Наследники и наследницы появлялись на свет бесперебойно[343]. Таким образом российскому престолу была придана замечательная устойчивость: случись что с одним из них, на очереди был другой, что и произошло в 1825 году после смерти сына Александра.

Прибыв в Российскую империю, София Доротея (Мария Федоровна после принятия православия) оказалась в водовороте политических процессов, в том числе трагических: брак с Павлом Петровичем, коронация, убийство мужа, война 1812 года, смерть старшего сына императора Александра I, декабрьский мятеж 1825 года.

До коронации Павла I она успела почувствовать блеск и грязь императорского двора. Эти двадцать лет для нее характеризовались, с одной стороны, тревогой за рождение, жизнь, здоровье и воспитание своих детей, точнее, невозможность участия в их воспитании, с другой – взаимной ненавистью свекрови, императрицы Екатерины, и цесаревича Павла, мужа Марии Федоровны.

Все это окрашивалось скверным отношением, подозрительностью и мелочностью Павла к близким, и в первую очередь к самой Марии Федоровне.

«Павел Петрович не только избегал общества матери, присутствуя вместе с нею лишь на обычных приемах и выходах, но, мучимый, вероятно, какими-либо подозрениями, всячески препятствовал и Марии Федоровне часто видеться с ее детьми. Без сомнения, холодные отношения Павла Петровича к старшему сыну играли тут первую роль»[344].

Мария Федоровна отказалась обсуждать с императрицей передачу трона своему сыну Александру, минуя мужа, и оказалась в тисках между Екатериной и Павлом по поводу ее

мужа и ее же старшего сына. Биограф Павла I и Марии Федоровны Шуми-горский писал о том, что, получив отказ от Марии Федоровны, «Екатерина оказалась более счастлива, по-видимому, при переговорах с Александром Павловичем. Нет сомнения, что она выяснила ему всю государственную необходимость этой меры, и великий князь кончил тем, что 24 сентября письменно выразил бабушке полное свое согласие»[345].

Это и многое другое Мария Федоровна выдержала, и 6 ноября 1796 года произошла совместная коронация Павла I и Марии Федоровны. Она становится императрицей. Казалось, все налаживается: муж – император, дети – великие князья и княгини… Однако, как мы видели, этот период оказался весьма непродолжительным. Вместе с тем, кроме семейных дел и дел двора, Мария Федоровна занялась благотворительной деятельностью.

В ноябре 1796 года создается специальное императорское Ведомство учреждений императрицы Марии, в которое вошло и воспитательное общество (Смольный институт) благородных девиц[346], **в мае 1797 года – Петербургские и Московские воспитательные (детские) дома. Впоследствии это была целая система социальных учреждений.**

После гибели мужа и до вторжения Наполеона в Россию Мария Федоровна попыталась использовать свои родственные связи для отстаивания интересов Российской империи, с одной стороны, и с другой – для защиты родственников, проживающих в Европе. После вторжения Наполеона она активно выступала за подписание мирного договора с французами, против такого договора выступал ее сын – император Александр I.

> **По окончании Отечественной войны вдовствующая императрица продолжила заниматься своим любимым делом, ее всячески поддерживали сыновья-императоры: Александр I и Николай I. Вдовствующую императрицу стали называть министром благотворительности.**

Сразу после окончания военных действий на территории России Мария Федоровна не только сама вникала в жизнь и обучение воспитанников, преподавателей и самих организаций, но и просила лиц, имеющих влияние на власть, всячески содействовать восстановлению и развитию благотворительных организаций. Так, 2 декабря 1812 года вдовствующая императрица обращается к князю Голицыну: «Московские жители мало-помалу возвращаются в сию столицу и чрез то

представляется возможность узнать о жребии воспитанниц, которые при перемещении институток из Москвы взяты родителями и родственниками, я прошу вас обратить на сей предмет ваше внимание и постараться собрать сведения о их участи»[347].

До конца своих дней вдовствующая императрица содействовала образовательной и хозяйственной деятельности благотворительных организаций, училищ и институтов[348] по всей империи.

Удивительное самообладание Мария Федоровна продемонстрировала во время трагедии конца 1825 года. Речь идет и о смерти императора Александра I, старшего сына Марии Федоровны, и о последующих драматических событиях. После кончины Александра I отсутствие ясности с престолонаследием, и в первую очередь неуверенность в самой императорской семье, породили неразбериху в столице и умах дворян и военных. Все это плюс наличие тайных обществ, готовых действовать с оружием в руках, привело к заговору и вооруженному восстанию в декабре 1825 года. «Не рядись, мое дитя, в городе беспорядок, бунт…»[349] – эти слова вдовствующая императрица Мария Федоровна Романова адресовала императрице Александре Федоровне 14 декабря 1825 года. Только что взошедший на престол император Николай I в это время был на Сенатской площади, где происходила кульминация декабрьского мятежа, впоследствии названного восстанием. Судя по всему, Мария Федоровна знала о решении детей Александра и Константина о передаче престола Николаю[350], но всеобщее возбуждение, безусловно, воздействовало и на нее. Тем не менее она повела себя сообразно обстановке и тем самым придала уверенности как новому императору Николаю, так и впоследствии всем членам семьи. Менее чем через год после мятежа, выражая свою последнюю волю, Мария Федоровна не обошла стороной благотворительность. Приведем выдержки из ее завещания: «Завещаю сыну моему императору Николаю и государству Мариинский и повивальный институты, а равно и суммы, ассигнованные на содержание их…

Завещаю также сыну моему императору Николаю и государству капитал, помещенный мной на вечное обращение в кассу воспитательного дома и ассигнованный на пенсии неимущим офицерским вдовам, поименованным в прилагаемых к сему списках; шестой процент с этого капитала идет по правилу в пользу воспитательного дома…

Императору Николаю Павловичу я вменяю в обязанность следить за тем, чтобы дворец, сады и парк, оранжереи, больница,

богадельня, дом призрения слепых, приют для их детей и все те заведения, какие будут еще основаны мной там, одним словом, чтобы все угодья этого прекрасного имения содержались так же хорошо, как в настоящее время»[351].

Оставшийся после нее дворцово-парковый ансамбль, названный в честь мужа Павловском, – своеобразный памятник ее уютному виртембергскому вкусу.

И после смерти Марии Федоровны благотворительное ведомство продолжило работать, было организовано четвертое отделение в Канцелярии императора.

Умерла Мария Федоровна Романова 24 октября 1828 года. Похоронена в Петропавловском соборе Петропавловской крепости, рядом с мужем [327] и детьми.

Мария Федоровна была не просто свидетелем, но и часто жертвой многих исторических событий того времени. Она стойко переживала личное горе и пыталась облегчить жизнь не только близких, но и подданных той империи, в которой она оказалась на самом верху. Мария Федоровна вольно или невольно влияла на принятие государственных решений и права подданных огромного государства, будучи невесткой императрицы Екатерины II, женой императора Павла I, матерью двух императоров, Александра I и Николая I, и бабкой будущего императора-освободителя Александра II.

4
Заключение к шестой главе

Внутренняя политика Павла I объективно была направлена на умаление могущества дворянства: он лишил это сословие некоторых вольностей и привилегий, настаивал на несении военной или государственной службы каждым дворянином, противодействовал господству помещиков над личностью и результатами труда крестьян. Павел считал, что сословные привилегии должны существовать лишь тогда, когда требуются для пользы служения этого сословия государству. Именно сословным характером суда и администрации он объяснял распущенность нравов, бездеятельность и злоупотребления в конце царствования Екатерины II. По большому счету, его политика была прямо противоположна политике царствовавших до него императриц.

«Павел хотел сильнее укрепить самодержавие, но поступками своими он подкапывал под оное. Отправляя в первом гневе в одной кибитке генерала, купца, унтер-офицера и фельдъегеря, он научил нас и народ, что различие сословий ничтожно. Он нам

дан был или слишком рано, или слишком поздно. Если бы он наследовал престол после Ивана Васильевича Грозного, мы бы благословляли его и его царствование»[352].

Однако не это стало причиной его свержения.

Как мы не раз отмечали, дворянское сословие в целом не обладало политической субъектностью, реализуемой через политические и государственные институты, и потому не могло сформулировать и осуществить требование изменения политики императора. «Кого, собственно говоря, можно называть в России вельможей? В чем состоит их власть, пока они не составляют между собой заговора?»[353]

Причиной падения Павла послужило полное отсутствие уверенности в завтрашнем дне у царедворцев и аристократической верхушки. Ни у кого из них не было гарантии, что они в одночастье не окажутся лишенными всех регалий и не отправятся в ссылку, а то и похуже. «Многие из его приближенных сознавали, что их положение при дворе чрезвычайно опасно и что в любую минуту, раскаиваясь в только что совершенном поступке, государь может перенести свое расположение на новое лицо и уничтожить их всех»[354].

«Аресты, исключения из службы, прежде что-то страшное, обратились в вещь обыкновенную. Дух благородства… которым все так дорожили, ниспровергнут совершенно»[355]. «Солдат, генерал и полковник теперь все сравнялись… и в настоящее время не стоит гордиться своим чином»[356]. «Редки были те семейства, где не оплакивали бы сосланного или заключенного члена семьи»[357].

Вспышки ярости государя, если оставить в стороне конспирологическую теорию его отравления, были обусловлены прежде всего его мнительным характером. Ему все время казалось, что подданные не выказывают ему достаточного уважения, и он бесился от в основном мнимых признаков этого. Он мстил за многолетние унижения, которые претерпел от фаворитов императрицы Екатерины Великой и ее придворных. Страх, поселившийся в судах и администрациях, заставлял их назначать самые суровые наказания даже за незначительные поступки. Ведь если император сочтет, что наказание недостаточно строгое, достанется и судьям. В общем, очень похоже на террор в отношении дворянства.

Вся царская челядь была в страшном напряжении от таких порядков, и заговор не мог не материализоваться. «Мысль извести Павла каким бы то ни было способом сделалась почти общею»[358]. Все нити заговора были в руках интригана графа П. А. Палена, пользовавшегося доверием императора[359]. Павел

не умел подобрать себе соратников, сформировать собственную команду. Он всю жизнь нуждался в поводырях, будь то Никита Панин или Екатерина Нелидова. К этому времени Павел Петрович почти не общался с Марией Федоровной, он остался в полном одиночестве и как-либо противостоять заговору не мог ни морально, ни физически, хотя не то что подозревал, был уверен, что заговор зреет.

После смерти Павла Пален был сначала утвержден во всех его должностях и получил громадное влияние на ум императора Александра. Мария Федоровна терпеть его не могла, как и всех участников убийства ее мужа. Она добилась того, что Пален впал в немилость. Его сразу лишили всех должностей, и он удалился в свое курляндское имение. Платон Зубов, ударивший Павла табакеркой, также был вынужден переселиться в Курляндию. Все офицеры гвардии, участвовавшие в заговоре, были предметом яростной ненависти со стороны императрицы-матери и постепенно, один за другим, подверглись опале и были сосланы[360].

> **Что касается проектов Павла Петровича по переустройству государства, армии и общества, они частично были реализованы его сыном Александром: создание полноценных министерств, организация военных поселений и перевооружение армии, частичное освобождение крестьян и улучшение их быта и пр.**

Единственно, что никогда не было востребовано последующими правителями империи, так это идея приведения России в равновесие, при котором будет достигнуто блаженство всех сословий, иначе говоря, прекращение экспансионистской политики империи. Собственно, и сам Павел не очень-то этой идее следовал, пытаясь присоединить к империи Мальту и затевая совместный с Наполеоном поход в Индию. Кстати сказать, этот проект не был более безумным, нежели Греческий проект Екатерины II. Реализуйся проект русского Константинополя или союза двух мощнейших империй того времени – Российской и Наполеоновской, – трудно сказать, какой была бы траектория развития Европы да и всего мира.

Российская империя достигла своего максимального политического могущества в Европе при Александре I, а максимального размера территории – при Александре II. История краткосрочного правления Павла I таких выдающихся достижений не содержит. Да и существовала эта история долгое время в виде мифов и анекдотов сатирической направленности,

что, конечно же, было удобно властям как в XIX, так и в XX веке.

Особенно издевались над указами, касающимися покроя одежды, причесок, типа конных экипажей и т. п. «Как только известие о кончине императора распространилось в городе, немедленно появились прически a la Titus, исчезли косы, обрезались букли и панталоны; круглые шляпы и отвороты наполнили улицы»[361]. Видать, не так уж смешны были эти указы, которые принципиально ничем не отличались от указов Петра Великого сбривать боярам бороды и носить европейское платье. Эстетические разногласия порой значат гораздо больше, чем кажется. Немецкий орднунг (строгий образ жизни), фанатом которого был Павел, никак не ложился на душу русскому дворянству.

Самым долгоиграющим – до падения самодержавия – наследием Павла Петровича стал принятый им Акт о престолонаследии. Хотя других заметных достижений в сфере права у императора не получилось, тем не менее при его правлении система правовой деятельности продолжала достигать необходимой полноты в силу дальнейшего развития отечественной юриспруденции и правового образования. Идеи легитимированного народом правопорядка, поддерживаемого внесословным аппаратом госуправления, широко разлившиеся в воздухе в конце XVIII веке, никуда не делись и послужили наиболее чувствительным нервом, определившим развитие многих событий в веке XIX.

Павел трепетно относился к незыблемости закона, и представить, что он мог бы принять новый Акт о престолонаследии с целью лишить Александра престола, невозможно, поскольку это было бы нарушением закона, принятого во веки веков. Так что все инсинуации такого рода лишены всяческих оснований.

Более-менее объективный нарратив относительно личности и эпохи Павла I стал формироваться в конце XIX – начале XX века, но был надолго забыт при советской власти. И сегодня Павел Петрович остается одним из самых забытых императоров.

Эпилог

Не подлежит сомнению, что в VII–VIII веках славяне уже составляли значительную часть населения Восточной Европы, хотя являлись они коренными жителями или пришельцами, сказать трудно. Причем это были не отдельные племена, а уже племенные союзы. Тот факт, что названия славянских племенных союзов большей частью были связаны не с единством происхождения, а с районом расселения[362], свидетельствует, что в это время у славян территориальные связи уже преобладали над родовыми.

Основу экономической жизни восточных славян составляли земледелие, скотоводство, охота, пчеловодство и рыболовство. Прочность древнеславянской общины – верви – была велика, что сдерживало социальное и имущественное расслоение внутри нее.

Однако не меньшую роль в экономике восточных славян играла военная добыча. Племенные вожди, князья совершали набеги на соседей, в том числе и на Византию, добывая там рабов и предметы роскоши. Вокруг князей складываются дружины – группы постоянных боевых соратников, друзей лидера, своего рода профессиональных воинов и советников князя. Это были зародыши системы управления восточнославянского социума.

В IX веке произошел существенный скачок в развитии системы управления восточноевропейских славян: было образовано вождество – промежуточный этап между племенем и государством. Воспитали славяне агрессивного князя в своем коллективе или добровольно подверглись внешней оккупации, существовал ли Рюрик на самом деле, и если да, то к какому этносу он относился, не так уж и важно. Главное – возникло протогосударство, которое принято называть Киевской Русью или Древнерусским государством.

Основные признаки вождества – трехуровневая социальная организация, исполнение вождем преимущественно функций судопроизводства и военного лидерства, его опора на родственников при отправлении власти в административно-территориальных округах, отсутствие регулярной налоговой системы и способных систематически вести дела профессиональных функционеров.

Первый уровень Киевской Руси составляли самоуправляющиеся общины, объединявшие домохозяйства как в сельской местности, так и в городах. Общины входили в более крупные объединения, которые возглавлялись князьями, имевшими свои дружины. Такие объединения стали называть

удельными княжествами. Наконец, удельные княжества подчинялись великому князю, венчавшему собой третью, высшую, ступень социальной иерархии древнерусского общества.

При осуществлении властных функций великий князь опирался исключительно на родственников и свой авторитет, а не на принуждение. Вместе с тем князь имел право вторгаться в деятельность домохозяйств и осуществлять перераспределение общественных ресурсов. Количество уровней принятия политических, административных и хозяйственных решений было невелико – обычно один-два. Реальным субъектом управления была великокняжеская семья, а сам великий князь был ее лидером и мог быть в случае чего заменен другим членом семьи.

В начальные годы существования Древней Руси уплата дани князю больше походила на откуп от налетчика, а ее размер определялся преимущественно силой дружины последнего. Такое положение совсем не похоже на формируемые государством налоговые системы с их регулярностью, правовой определенностью, фиксацией тарифных ставок[363].

Подобные социальные системы стали возникать в Западной Европе еще в раннем Средневековье. Их принято называть варварскими королевствами. Несмотря на разнообразие культурных и географических особенностей этих вождеств, для них были характерны общие этапы развития, а именно: принятие христианства и создание первых нормативных документов – варварских правд, которым были присущи казуистический характер и отсутствие общих, абстрактных понятий. Описанные в них правовые действия и акты отличались формализмом и воспроизводили различные этапы архаической судебной процедуры. Основное содержание варварских правд – перечень правонарушений и соответствующих им наказаний.

Первыми христианство в V веке приняли франки. У них же в начале VI века появилась Салическая правда. Оба этих события стали важнейшими шагами на пути эволюции вождества Меровингов в могущественнейшее государство Западной Европы.

Аналогичные процессы происходили и в Восточной Европе, правда, заметно позже. Принятие христианства в его православной версии стало первой развилкой русской истории, когда произошло отклонение русла развития Руси от западноевропейского мейнстрима. Однако Русская Правда была типичным для Европы сборником обычаев и традиций.

Сравнительный анализ западноевропейских и русских вождеств стал ключевым моментом в продолжающемся уже почти 200 лет споре об общности или различии социокультурных процессов в этих двух социальных системах.

Значительная часть дискуссии строится вокруг вопроса, существовали ли феодальные отношения, присущие западноевропейским странам, в России, и если да, то когда и в каком объеме. Не пытаясь вмешиваться в этот затянувшийся спор, имевший, на наш взгляд, во многом конъюнктурный характер в зависимости от актуальных политических веяний, отметим лишь одно, как нам кажется, качественно важное различие этих двух типов социумов.

Западноевропейская культура возникла путем синтеза античной и варварской (родоплеменной) культур. В Древнем Риме существовало развитое в первую очередь частное право. И хотя право как система деятельности в варварских вождествах отсутствовало, частная собственность, в том числе на землю, имела место. Поэтому взаимодействие сюзерена и вассалов, феодалов и крестьян основывалось на договорных, говоря современным языком – клиент-агентских, отношениях.

Русское вождество возникло непосредственно из родоплеменного строя, для которого характерна общинная собственность на землю и орудия труда. Веками в русском общественном сознании земля принадлежала Богу, царю, государству, но не отдельному человеку. Поэтому частноправовые отношения в течение всей истории России пробивали себе дорогу с огромным трудом. Собственно, эти отношения так и не получили законченного юридического оформления в Российской империи до XIX века. Взаимодействие государя и подданных основывалось на подавлении и господстве.

Именно эта особенность привела к разительному различию в политическом и социальном развитии России и Европы в Средние века.

Русская Правда в основном регламентировала отношения, возникающие при столкновении древнерусской общины и княжеского (боярского) хозяйства. Сама же вервь продолжала жить по нормам обычного права и не испытывала потребности в законодательстве. Кроме общинников (людей) существовали еще рабы (холопы), которые были полностью бесправны, а также смерды – несвободные или полусвободные княжеские данники, сидевшие на земле и несшие повинности в пользу князя.

Структура общества со временем усложнялась. В Пространной Правде (XII в.) уже известны два вида холопства: обельное (полное) и временное (неполное).

По модификациям Правды можно судить об эволюции системы управления Древней Русью. Например, система наказаний в Русской Правде Ярослава показывает, что в Древнерусском государстве существовали еще пережитки

родоплеменного строя, поскольку в ней допускалась кровная месть – институт, типичный для системы управления, которая не может полностью взять на себя функцию наказания за преступления. А вот в Правде Ярославичей кровная месть уже запрещена, а взамен нее введен денежный штраф за убийство (вира), который в зависимости от социального положения убитого дифференцировался в широких пределах.

Наиболее уважаемые, старшие дружинники, составлявшие постоянный совет – думу князя, – стали именоваться боярами. У некоторых из них могла быть и своя дружина. Младшие дружинники постепенно становились слоем управленцев. Княжеская дружина, оторвавшаяся от общины, делившая между собою дань, представляла собой нарождавшееся сословие управленцев.

В общем, по мере усложнения структуры общества система управления эволюционировала в сторону государственного аппарата, а вождество – в сторону государства.

Существенный толчок этому процессу дал экономический кризис XII века. В результате крестовых походов возникли новые мировые торговые пути, а торговый путь «из варяг в греки» потерял свое былое значение. Господствующая элита, лишившись значительной части своих доходов вследствие падения торгового оборота, вынуждена была искать новые источники обогащения. Место дани, взимав-шейся с людей, стала занимать продукция земледелия, а земля сама по себе стала представлять главную ценность. Князья начали конвертировать свою власть в крупное землевладение, используя для этого как экономическое закабаление, так и силовые методы.

В результате христианизации Руси в конце X – начале XI века появился такой крупный землевладелец, как церковь.

Система централизованного сбора дани великим князем с последующим распределением среди своей дружины приказала долго жить. Теперь князь расплачивался со своим управленческим аппаратом, «помещая» его представителей на землю. Так появились помещики, условно владевшие землей и кормившиеся с нее. Вождество стало распадаться на вотчины, которыми владели в основном члены великокняжеской семьи. Вотчины, в принципе, можно было продавать, менять, но только родственникам или другим владельцам вотчин, так что земля в целом оставалась в распоряжении княжеской семьи.

Дань, собиравшаяся князем со свободных общинников, по мере захвата их земель превращается в оброк, уплачиваемый князю уже зависимыми от него людьми. Князья начинают обзаводиться хозяйством и управленческим аппаратом.

Пространная Русская Правда берет под свою защиту и княжескую, и боярскую вотчины, устанавливая размер виры за убийство «княжих мужей». Наряду с княжескими слугами существовали подобные же категории слуг и у бояр, что, в свою очередь, указывает на широкое распространение боярского землевладения. Вся эта бюрократия кормилась за счет населения.

Так формировались вотчинные государства, нацеленные на втягивание в себя главного источника ренты – земли. Этому процессу противостояли институты городского самоуправления, а Древняя Русь была весьма обильна городами.

Монголы, разгромив города и подорвав налаживавшиеся ими торговые связи с Западной Европой, уничтожили экономическое и политическое значение городского самоуправления, лишив податное население какой-либо политической субъектности.

Тем самым была создана благоприятная обстановка для дальнейшего развития вотчин, хотя в условиях отсутствия суверенитета говорить о государстве не приходится.

Так была пройдена вторая развилка российской истории, еще больше отклонившая вектор развития страны от общеевропейского. Страна была обречена на интеллектуальное и технологическое отставание от Западной и Центральной Европы.

Князья вместе со своими управленцами, по сути дела, стали служащими монгольской оккупационной администрации, перенимая у монголов методы подавления и господства, при этом они отнюдь не забывали о собственных интересах, всеми правдами и неправдами стремясь к расширению своих землевладений.

Главным собирателем земель русских стало Московское княжество, которое к окончательному ослаблению Орды в XV веке вобрало в себя практически все окрестные удельные княжества. Так возникло Московское вотчинное государство, первоначально предназначенное исключительно для удовлетворения амбиций и потребностей княжеской, а затем и царской семьи, считавшей государство своей собственностью. По сути, это было деспотическое государство, все без исключения населенцы которого были холопами царя и не имели каких-либо имущественных и политических прав.

Структура общества заметно упростилась, и к концу XV века все люди, смерды, изгои и т. д. стали называться одним словом – крестьяне. Выделились две категории крестьян: черные и владельческие. Первые жили в общинах, не принадлежавших вотчинникам, а вторые – на надельных землях вотчины. Владельческие крестьяне были лично зависимы от владельца земли. Но степень этой зависимости была различной в разных

районах. За крестьянами еще сохранилось право свободного перехода от одного хозяина к другому, но на практике это право было чаще всего формальным.

В то же время северные города, особенно Новгород и Псков, сумели сохранить принципы самоуправления, а князь в них играл сугубо подчиненную роль главного управленца. На этой территории преобладали так называемые черные земли, для которых было характерно общинное землевладение с индивидуальным владением приусадебным участком и пахотной землей, а также наличие выборного крестьянского волостного самоуправления под контролем княжеской администрации.

Понятно, что законодательные установления русского вождества не годились для полноценного большого государства. Ответом на этот вызов стало составление Судебника 1497 года, основную роль в котором сыграл великий князь Иван III, сформулировавший базовые принципы вотчинной монархии.

Через 50 лет эти принципы были уточнены при подготовке Судебника 1550 года, принятого в самом начале царствования Ивана Грозного. Этот документ был принят на фоне крупных волнений, можно сказать, под политическим давлением различных сословий, и был направлен на централизацию государства, повышение эффективности системы государственного управления и судопроизводства. Это был первый закон, утвержденный органом народного представительства – Стоглавым собором, а не единоличным решением государя. Тем не менее в государстве существовало лишь две сферы правовой деятельности – судопроизводство и спорадическое законодательство вне всякой связи с правовой наукой, которой не было. Так что ни о каком праве как полноценной системе деятельности речи не шло.

Тем временем поглощение соседних с Московией земель шло своим чередом. Захват территорий осуществлялся либо реактивно – в ответ на угрозу нападения, либо по принципу «чтоб другим не досталось». Вирус экспансионизма, с одной стороны – имманентно присущий вотчинному сознанию, а с другой – подхваченный у Монгольской империи, давал о себе знать. Поначалу захватывались земли, населенные славянскими или родственными народами, однако покорение Казанского и Астраханского ханств, населенных тюрками, прозвучало как заявка на создание империи.

Невменяемое правление позднего Ивана Грозного привело к почти полному разрушению только что возникшего мощного государства.

Вскоре после смерти Ивана IV прервалась почти 700-летняя

династия Рюриковичей, при которой союз племен превратился в вождество, а вождество – в вотчины, которые были объединены в вотчинное государство, уже имевшее тенденцию перерастания в империю.

Последовавшая затем Смута довела политический кризис Московии до предела. Для преодоления этого кризиса потребовался выход на политическую авансцену средних сословий – мелких дворян и мещан (горожан). Покончив с интервенцией Речи Посполитой, они наравне с другими сословиями приняли участие в разработке нового закона – Уложения 1649 года.

В результате Смуты в общественном сознании был поколеблен базовый принцип вотчинного государства – отождествление государя и государства. Стало ясно, что ни государь, ни государство без народа существовать не могут. Тем не менее идея ограничения власти царя в пользу интересов различных сословий, бродившая в умах еще со времен Смуты, не нашла поддержки ни среди аристократии, ни среди средних слоев населения. Все сословия оказались не готовы к обретению статуса субъекта политики. Делегаты Земского собора, созванного для разработки и принятия Уложения, предпочли неограниченную власть царя и бесправие всех сословий перед монархом.

Россия проскочила третью развилку своей истории, когда могла пойти по пути экономического и политического равенства представителей всех сословий перед законом.

Законодательство, принятое во времена Алексея Михайловича, разительно отличалось от предыдущих судебников широтой охвата регулируемых аспектов государственной политики и общественных отношений и в целом описывало принципы самодержавия и крепостничества, хоть и содержало немало атавизмов вотчинной монархии. В Уложении были заложены механизмы укрепления могущества дворянства за счет усиления контроля над личностью и результатами труда крестьян, которые были окончательно закрепощены.

Это было первое общедоступное, широко опубликованное законодательство. Тем не менее с точки зрения понятийного аппарата и юридической техники оно было далеко от совершенства. Правоведов в стране по-прежнему не было.

Московское царство все еще оставалось автаркичным и весьма архаичным государством, страдавшим православным фундаментализмом и абсолютно необоснованной манией величия. Малейшие ростки интеллектуальной деятельности на корню уничтожались ортодоксальным духовенством. В стране не было ни одного ученого, писателя или композитора. Наиболее

мракобесная часть провинциальных священников настаивала на полной изоляции русского православия от восточнославянского (греческого) и ради этого пошла на раскол Церкви.

В стране было немало людей, хорошо понимавших ее ущербность и мечтавших вывести ее из средневековой отсталости. Рупором этих русских европейцев стал мыслитель хорватского происхождения Юрий Крижанич. Он резко критиковал существовавшие в стране порядки, в том числе и законодательство.

Две его максимы – «Честь, слава, долг и обязанность короля – сделать свой народ счастливым. Ведь не королевства для королей, а короли для королевств созданы» и «В королевстве бедном и малолюдном король не может иметь надежного богатства. В королевстве богатом и многолюдном король не может быть бедным» так и просятся на знамена просвещенного самодержавия. Вот только никаких проектов «благих законов» Крижанич не оставил – его выслали в Тобольск.

Зато проект Крижанича, посвященный модернизации России, был в значительной степени реализован основателем Российской империи Петром Великим.

В качестве драйверов модернизации России Петр использовал служилое сословие, куда поголовно рекрутировал все дворянство, а также мастеровых людей, прошедших обучение у иностранных специалистов. Определенные привилегии были даны промышленникам и купцам. Даже крепостным крестьянам вышло некоторое послабление: император запретил продавать их без семьи и без земли. Результатом петровских реформ стало вполне экономически развитое государство, обладавшее мощной армией. Достигнуто это было за счет освоения передовых технологий управления и производства, осуществления образовательной программы для населения и восприятия некоторых культурных образов Европы как в интеллектуальном, так и в бытовом смысле.

Петру удалось импортировать в Россию зачатки науки и искусства. Для этого он осуществил решительную секуляризацию общества, а церковь превратил, по сути, в подразделение государственного аппарата.

Это была четвертая развилка российской истории, когда страна отошла от средневековой архаики и в своем развитии стала приближаться к передовым государствам того времени.

Нововведения Петра заметно изменили структуру российского общества. «Табель о рангах» стала генератором европейски ориентированного дворянства, а также нового социального слоя – разночинцев. Однако по-прежнему в стране был единственный политик – самодержец. Возможность

простолюдинам выслужить дворянство вела к увеличению числа владельцев земельных участков. Вместе с тем наложенные на землю обременения в виде прикрепленных к ней крестьян препятствовали возникновению рынка земли.

К сожалению, оформить свои преобразования в виде легитимного законодательства Петр не сумел или не успел, и его указы легко могли быть изменены или отменены последующими правителями.

Императрицы, царствовавшие после Петра, так или иначе приходили к власти при поддержке высшей аристократии, особенно военной, поскольку не имели достаточно убедительных оснований для наследования престола. Дворцовые перевороты Елизаветы Петровны и Екатерины II стали возможны благодаря петровскому Указу о престолонаследии, вносившему критическую неопределенность в установление легитимности процедуры перехода власти.

Поэтому императрицы не могли не следовать курсу всемерного укрепления могущества дворянства, бывшего единственной опорой их власти. В итоге многие начинания Петра I, стремившегося опираться и на средние сословия, были постепенно свернуты – например, образовательная программа для мелкого дворянства, городского населения и некоторой части крестьян (цифирные школы), призванная вывести основную массу населения из невежества. Был практически остановлен социальный лифт, позволявший незнатным людям выбиться в элиту общества.

Раскол страны на две части – европеизированную и архаичную – только усиливался. Вторая, основная часть России, увеличивалась по количеству населения и качеству бесправия. При Екатерине II крепостничество достигло своего пика.

В просвещенной России расцветали науки и искусства. В Московском университете, открытом при Елизавете Петровне, начал работать юридический факультет, который не только готовил правоведов, но и служил центром развития отечественной юриспруденции. Право как система деятельности приобретала необходимую полноту. Не было только правозащитной сферы деятельности, поскольку суды по-прежнему проходили без участия подсудимых, так что нужды в адвокатах не было.

Все императрицы так или иначе замышляли изменить законодательство, как-то осовременить уже достаточно устаревшее Уложение или заменить его новым, для чего создавали соответствующие комиссии. Однако благородные порывы юности быстро сменялись рефлексом охранительства, да

и дворяне – члены комиссий ползучим образом саботировали их работу, не видя особой нужды что-то менять в существующем порядке вещей.

Могущество дворянства достигло максимума при Екатерине II. Дворяне фактически стали собственниками земли и получили полный контроль над второй, основной, частью страны, личностью и результатами труда крепостных крестьян, превратили их в живой товар, продаваемый оптом и в розницу, с землей и без. Кроме того, дворянство освободилось от обязанности постоянно находиться на государевой службе и тем самым обрело некоторую свободу. Дворяне перестали осознавать себя холопами царя, обрели имущественные права и политическую субъектность. Вотчинная монархия окончательно ушла в прошлое.

Политическая субъектность дворянства выражалась не только в появлении влиятельных дворцовых группировок, способных определять политику государства, но и в возникновении свободомыслящих представителей этого сословия, которые стали подвергать сомнению незыблемость самодержавия. Екатерина II была вынуждена вступать в полемику с противниками самодержавия и крепостничества, тем самым признавая, что существуют политики кроме нее.

Своим чередом продолжалась территориальная экспансия Российской империи, которая значительно расширилась, особенно в западном и южном направлениях, и заметно укрепила ее ведущую роль среди европейских держав.

Павел I надеялся расширить социальную базу самодержавия, хотел стать императором всех россиян, а не только дворянства, чтобы «привести все части государства в равновесие» и добиться «блаженства каждого и всех». В конечном счете за это он и поплатился жизнью. Безусловно, сыграли роль и привходящие обстоятельства, связанные с особенностями его личности, долгое время подавляемой властолюбивой матерью, с многочисленными обидами, которые он претерпел, долгие годы находясь в ожидании своего звездного часа, и, наконец, с неуравновешенностью его психики.

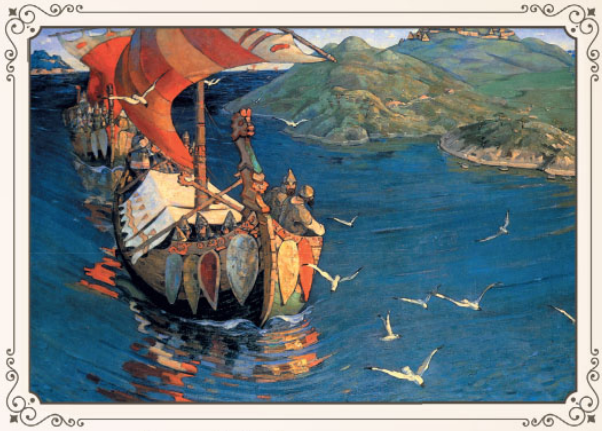
Единственным правовым актом, пережившим четырехлетнее правление Павла, стал Указ о престолонаследии, согласно которому императорская власть передавалась только по закону от отца к сыну, а в случае его отсутствия – к следующему по старшинству брату императора.

Однако многие так и нереализованные Павлом идеи относительно реформы государственного устройства и армии, разработки нового законодательства, облегчения участи

крепостных крестьян были восприняты его наследником императором Александром I, который хоть и обещал, что «все будет как при бабушке», на самом деле действовал в духе батюшки.

Начинался XIX век, в котором Российская империя достигла небывалого влияния в международных делах и максимальных размеров своей территории, заметно продвинулась в цивилизационном развитии, наконец достроила систему правовой деятельности, мучилась приступами реформ и контрреформ, которые и заложили причины ее распада в начале XX века. Но об этом, если получится, мы расскажем уже в следующей книге.

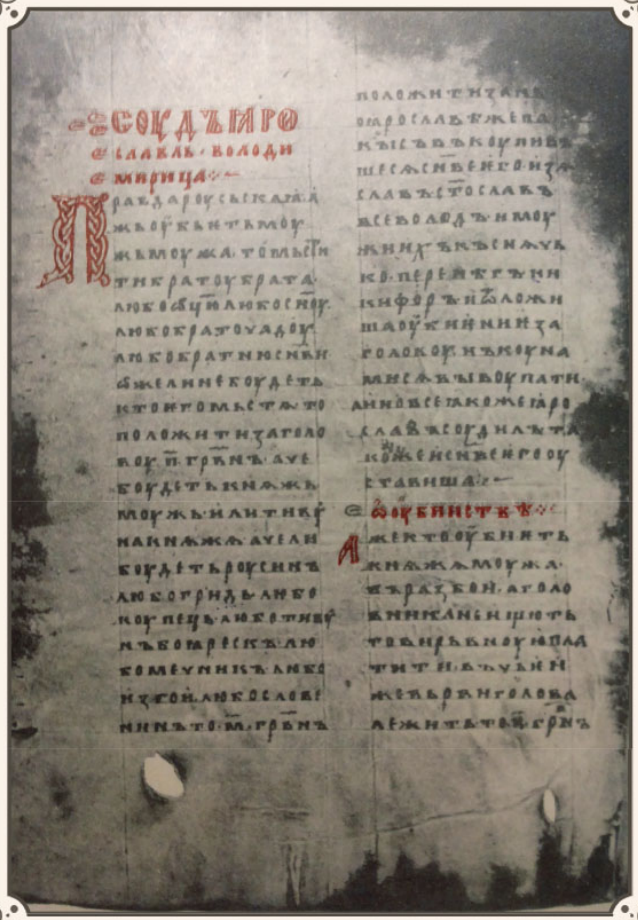
Иллюстрации



Рерих Н. К. Заморские гости.
1901 г.

Династия Рюрика.
Роспись Грановитой палаты
Московского Кремля

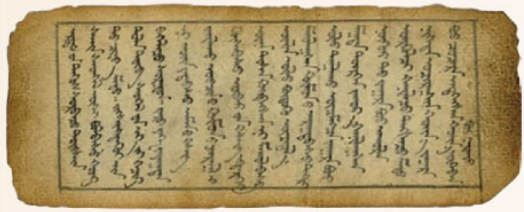
Чориков Б. А. Ярослав издает письменные законы под названием Русской Правды. Литография. 1836 г.



Русская правда из сборника церковных и светских законов 1281 г.

Список Повести Временных лет

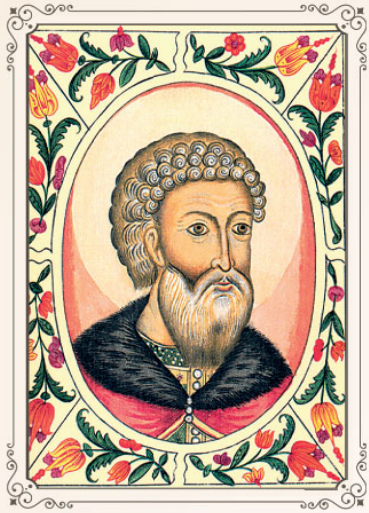
Список Повести Временных лет



Великая Ясса Чингисхана

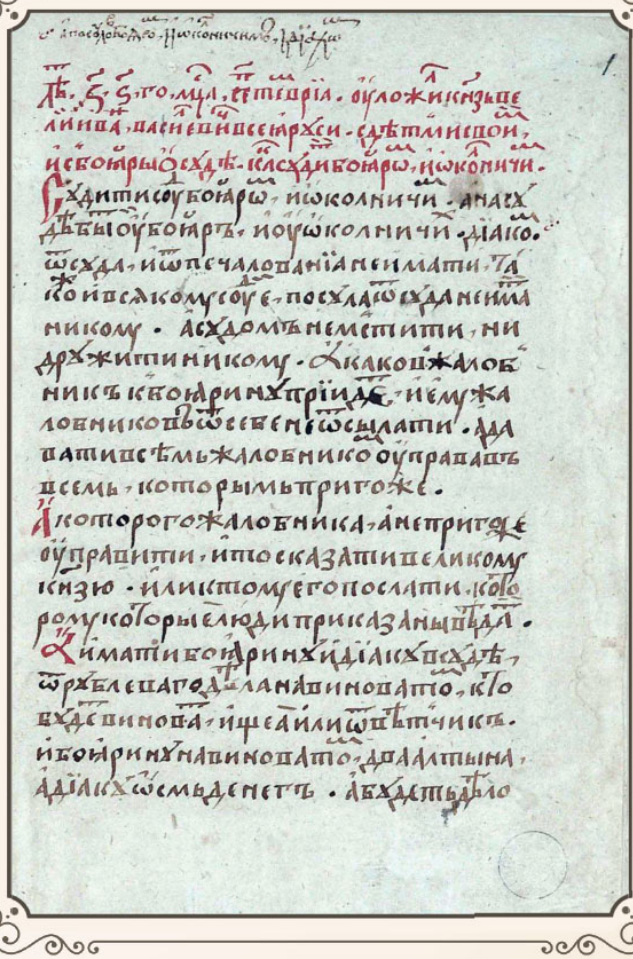
Иванов С. В. Баскаки.
Начало XX в.

Худяков В. Г.
Новгородское вече



Иван III Великий (1440-1505), великий князь Московский (с 1462), первый великий князь всея Руси. Из «Царского Титулярника» царя Алексея Михайловича. 1672 г.

Кившенко А. Д. Иван III разрывает ханскую грамоту и басму перед татарскими послами. Конец XIX в.



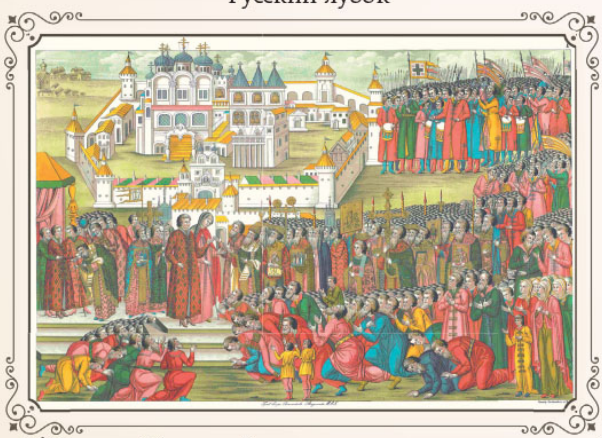
Судебник великого князя Ивана III. 1497 г.

Царь и великий князь всея Руси Иоанн Васильевич Грозный. Из «Царского Титулярника» царя Алексея Михайловича. 1672 г.

Судебник великого князя Ивана IV. 1550 г.

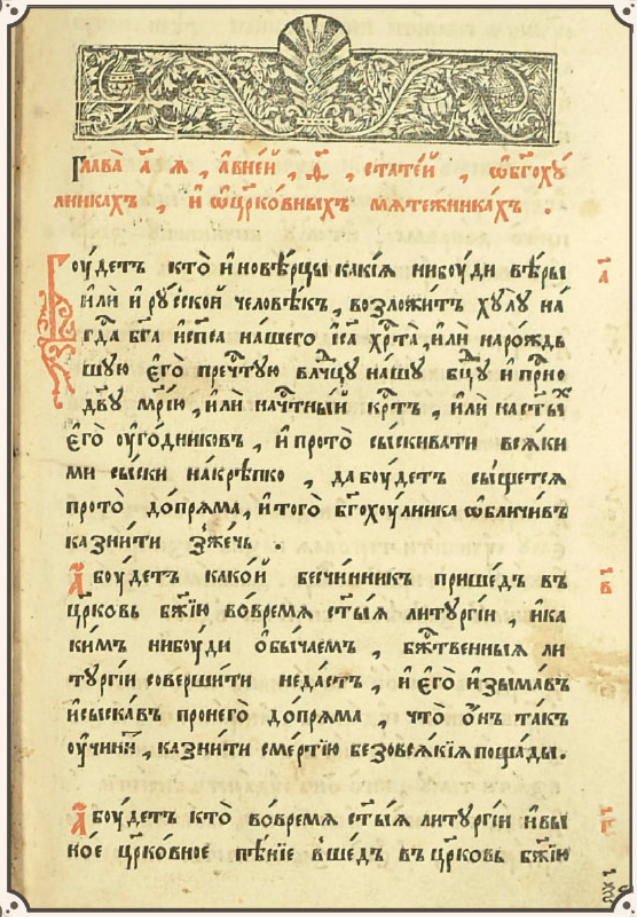
Образцы письма из рукописной Псалтири
царя Бориса Федоровича Годунова

Посланцы Бориса Годунова убивают царевича Дмитрия. Русский лубок



4 марта 1613 года. Михаил Федорович и его мать инокиня Марфа Ивановна принимают от московского посольства челобитные грамоты земского собора

Михаил Романов на Памятнике «1000-летие России». Кузьма Минин вручает Михаилу шапку Мономаха, а Дмитрий Пожарский защищает его

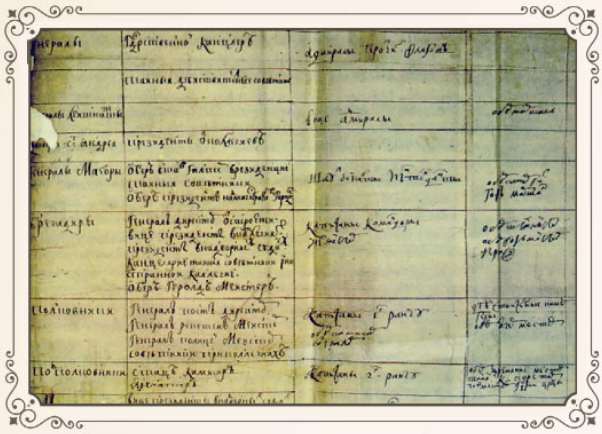


Глава 1 Соборного Уложения от 1649 года («О богохульниках и церковных мятежниках»)

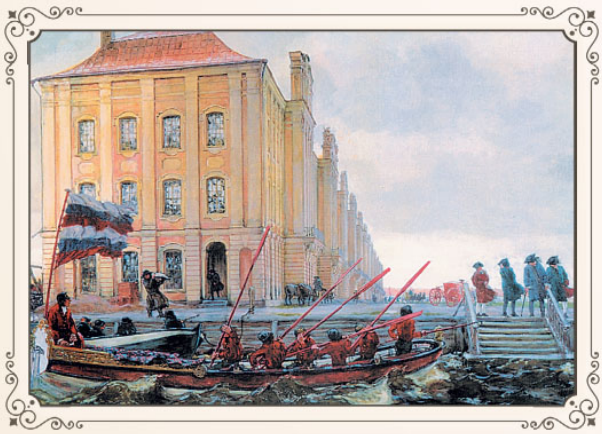
Портрет царя Алексея Михайловича. Неизвестный русский художник второй половины XVII века. Школа Оружейной палаты. Конец 1670-х — начало 1680-х годов.

Портреты Ивана V и Петра I из
“Чина венчания...”.
1682-1686 гг.

Натье Ж. М.
Портрет Петра Великого.
1717 г.



Табель о рангах, одна из редакций XVIII века



Лансере Е. Е.
Петербург в XVIII веке.
Здание Двенадцати коллегий.
1903 г. Фрагмент

Знамя лейб-гвардии преображенского полка
1700 г.

Кившенко А. Д.
Военные игры войск Петра I под селом Кожуховым.
1880 г.

Неизвестный художник
«Портрет императрицы Анны Иоанновны»

Эрнст Иоганн Бирон, регент Российской империи, герцог Курляндии и Семигалии.
XVIII в.

Шарль ван Лоо
Идеализированный парадный портрет Елизаветы Петровны. 1760 г.

Граф А.Г. Разумовский

Жалованная грамота императрицы Елизаветы Петровны Алексею Григорьевичу Разумовскому на графское Российской империи достоинство и герб.
1 марта 1751 года.

Золотая монета 2 червонца

Пфандцельта Л. К.
Коронационный портрет императора
Петра III Фёдоровича.
1761 г.

Великая княгиня Екатерина Алексеевна с супругом Петром III Фёдоровичем. Работа Анны Розины де Гаск. 1756 г.

Екатерина II на балконе Зимнего дворца, приветствуемая гвардией и народом в день переворота 28 июня (9 июля) 1762 года. По оригиналу Иоахима Кестнера

Иоганн Баптист Лампи-ст.
Портрет Екатерины II.
1780-е

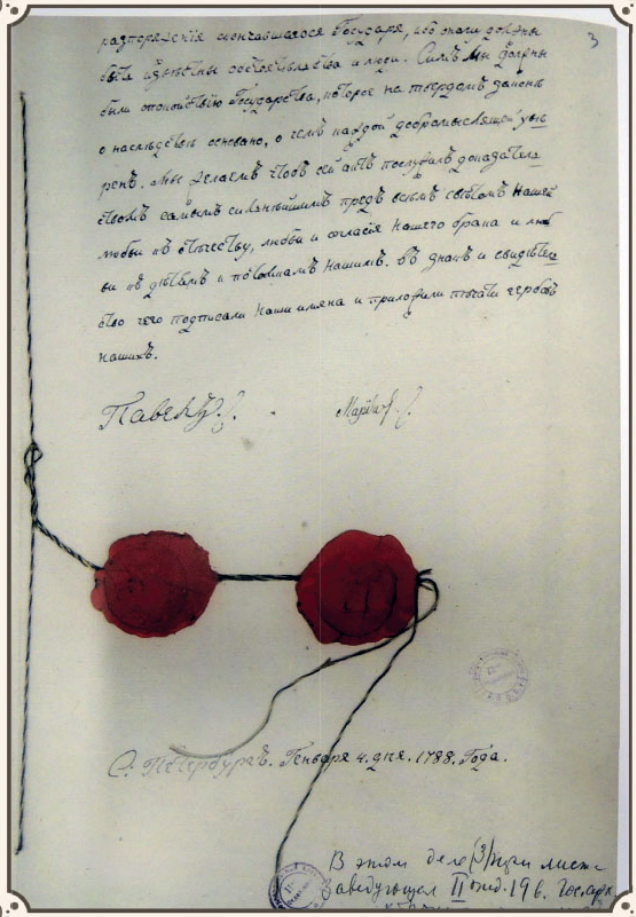
Боровиковский В. Л.
Портрет Г. Р. Державина.
1811 г.

Матвей Зайцев. Екатерининская комиссия.
1767 г.

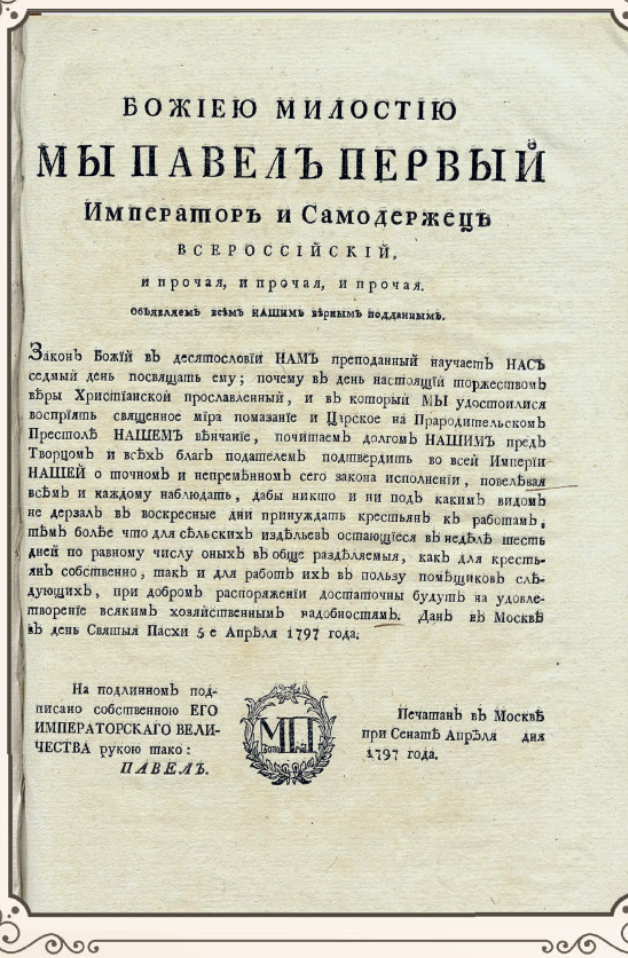
Император Павел I.
Из книги «Царственный дом Романовых»
1893-1898 гг.

Бенуа А. Н. Парад при Павле I.
1907 г.

1 Рубль. 1797



Акт о престолонаследии



БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ ПАВЕЛЪ ПЕРВЫЙ

Императоръ и Самодержецъ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ НАШИМЪ вѣрнымъ подданнымъ.

Законъ Божій въ десятословіи НАМЪ преподанный научаетъ НАСЪ седмый день посвящать ему; почему въ день настоящій торжествомъ вѣры Христіанской прославленный, и въ который МЫ удостоились воспріять священное міра помазаніе и Царское на Прародительскомъ Престолѣ НАШЕМЪ вѣнчаніе, почитаемъ долгомъ НАШИМЪ предъ Творцомъ и всѣхъ благъ подателемъ подтвердить во всей Имперіи НАШЕЙ о точномъ и непремѣнномъ сего закона исполненіи, повелѣвая всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ, тѣмъ болѣе что для сельскихъ издѣлевъ остающіеся въ недѣлѣ шесть дней по равному числу оныхъ въ обще раздѣляемыя, какъ для крестьянъ собственно, такъ и для работъ ихъ въ пользу помѣщиковъ слѣдующихъ, при добромъ распоряженіи достаточны будутъ на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ. Данъ въ Москвѣ въ день Святыя Пасхи 5 е Апрѣля 1797 года.

На подлинномъ подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

ПАВЕЛЪ.

Печатанъ въ Москвѣ при Сенатѣ Апрѣля дня 1797 года.

Манифест о трёхдневной барщине от 5 апреля 1797 года

Виже-Лебрен Э. Большой парадный портрет
имп. Марии Фёдоровны.
1799 г.

Галактионов С. Ф.
Смольный институт. Литография, 1883 г.

Фёдоров П. А. Кончина государыни Марии Фёдоровны.
1829 г.

ЛУЧШИЕ КНИГИ О БИЗНЕСЕ С ЛОГОТИПОМ ВАШЕЙ КОМПАНИИ? ЛЕГКО!

Удивить своих клиентов, бизнес-партнеров, сделать памятный подарок сотрудникам и рассказать о своей компании читателям бизнес-литературы? Приглашаем стать партнерами выпуска актуальных и популярных книг. О вашей компании узнает наиболее активная аудитория.

ПАРТНЕРСКИЕ ОПЦИИ:

- Специальный тираж уже существующих книг с логотипом вашей компании.
- Размещение логотипа на супер-обложке для малых тиражей (от 30 штук).
- Поддержка выхода новинки, которая ранее не была доступна читателям (50 книг в подарок).

ПАРТНЕРСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ:

- Рекламная полоса о вашей компании внутри книги.
- Вступительное слово в книге от первых лиц компании-партнера.
- Обращение первых лиц на суперобложке.
- Отзыв на обороте обложки вложение информационных материалов о вашей компании (закладки, листовки, мини-буклеты).

У вас есть возможность обсудить свои пожелания с менеджерами корпоративных продаж. Как?

Звоните:
+7 495 411 68 59, доб. 2261

Заходите на сайт:
eksmo.ru/b2b

Павел Крашенинников
Время великих реформ. Золотой век российского государства и права

© Текст. Крашенинников П.В., 2023
© ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Редакция и автор выражают благодарность Степашину С. В., Сванидзе Н. К., Исаеву И. А., Гонгало Б. М., Тараборину Р. С., Урманову А. Р. за неоценимую помощь в подготовке издания.

Золотой век – мечта самая невероятная из всех, какие были, но за которую люди отдавали всю жизнь свою и все свои силы, для которой умирали и убивались пророки, без которой народы не хотят жить и не могут даже и умереть!

Ф. М. Достоевский

Введение

Пройдя путь от племени к империи, Россия вошла в XIX в. с гордо поднятой головой, оставив позади дворцовые перевороты, вспоминая добрым словом великих Петра и Екатерину. Режим самодержавия находился в самом расцвете, а дворянство достигло пика своего могущества. В этих условиях не было никакой потребности в конструировании права как системы деятельности: страна обходилась архаичными несистематизированными правовыми актами, в основном в виде императорских указов.

Споткнувшись в самом начале нового века, Россия потеряла императора Павла, однако, поднявшись, занялась внутрироссийскими реформами, а затем, выиграв Отечественную войну, и устройством Европы. Путь этот весьма насыщен разными событиями, иногда драматического свойства. В предлагаемой книге мы рассмотрим это время и явления в основном с позиций государственных и правовых: как работал государственный механизм, как принимались и действовали законодательные акты, как осуществлялись Великие реформы, в первую очередь крестьянская и судебная. Полагаем, что это время можно назвать золотым веком государства и права России.

Античные философы помещали золотой век в доисторическое прошлое, а деятели Просвещения – в неопределенное будущее, изобретая разнообразные утопии. Так или иначе, обе концепции золотого века носили ярко выраженный антиправовой характер, изображая людей того времени то в виде полуживотных (в прошлом), то полуангелов (в будущем), которым правовое регулирование вовсе ни к чему.

В XIX в. на волне разочарования в идее всемогущества человеческого разума вследствие Французской революции и наполеоновских войн, на фоне усиливавшихся социальных противоречий между нарождавшейся т. н. буржуазией и аристократией эти две концепции желаемого вступили в непримиримую борьбу. В результате возникла концепция, так сказать, золотой середины – правовая доктрина, в которой право выступало в качестве балансира интересов разнообразных социальных групп. Наблюдалось бурное развитие права как системы деятельности и правовой науки в особенности. Именно в силу этого обстоятельства мы и называем XIX в. золотым веком государства и права, может быть, и не без иронии по отношению к двум первым концепциям золотого века.

Точкой отсчета золотого века культуры и его составной части

– права – в Российской империи можно считать начало XIX в.: восхождение на престол Александра I, затем Отечественная война, которая мобилизовала дух самых разных людей, разных сословий и состояний.

К началу XIX в. в Российской империи основным законом было Соборное уложение Алексея Михайловича 1649 г., которому к этому времени было более 150 лет, и действовало оно не потому, что это был замечательный и универсальный на века документ, а потому, что все принятые позже указы были на злобу дня, в связи с конкретной ситуацией, наплевательским отношением к «вчера» и «завтра». Этим грешили и великие Пётр и Екатерина, что уж говорить о других, невеликих государях и государынях. Право как система деятельности в России отсутствовало и потому, что правовой науки не было, а юридическое образование находилось в самом зачатке. А это и есть те зерна, из которых вырастает древо системы правовой деятельности.

Акты принимались и отменялись, нагромождение возрастало, периодически производились попытки почистить и систематизировать законодательство, создавались комиссии по подготовке законов и даже уложения. В итоге законодательный мусор и даже пыль завалили все государство российское. В этой неразберихе успешно действовал только произвол, восполняя пробелы в регулировании экономики, государственном управлении, не говоря уже о правах подданных, основная часть которых могла покупаться и продаваться.

Необходимо было, убирая старое, отжившее нормативное барахло, строить новые конструкции, способные вдохнуть свежий воздух в жизнь Российской империи.

Пролог

Раннее средневековое общество в Европе было по своей природе почти неподвижным: нововведения представлялись чудовищным грехом, поскольку подвергали опасности экономическое, социальное и духовное равновесие. Труд обеспечивал собственное выживание и иногда поддержку тех бедняков, которые неспособны сами позаботиться о себе[364]. Рост производства и конкуренция вольно и невольно сдерживались цеховыми организациями.

Однако все это благолепие было разрушено самой церковью, затеявшей крестовые походы, которые стали стимулом ускорения товарообмена и обмена интеллектуальными достижениями благодаря открытию новых торговых путей и богатств Востока.

Новые рынки и идеи, рост городов, свободная циркуляция денег и кредитных инструментов подготовили почву для эпохи Ренессанса (XV–XVI вв.) и Реформации (XVI – середина XVII в.). Экономический рост привел к возникновению значительного слоя людей, лишенных необходимости тяжелым каждодневным трудом обеспечивать всего лишь собственное пропитание. Имея некоторый избыток жизненно важных ресурсов, они стали обустраивать свой комфортный, в их понимании, мир, стараясь отрешиться от страстей, бушевавших в политической и идеологической (религиозной) сферах.

Так появилось мещанство. Мещане, как правило, занимались мелкой торговлей, ремеслом, служили приказчиками, поступали в услужение.

Это слово имеет множество коннотаций, в основном негативного оттенка. Например, в Российской империи мещанством также называлось городское податное сословие, ставшее к концу XIX в. вторым по численности после крестьянства. В Европе в целом мещане – это сословие с очень неопределенными границами, которое возникло в процессе урбанизации. В культурном выражении этот социальный массовый слой воплощает стадии адаптации крестьянского традиционализма к городской культуре.

С 1840-х гг. в России понятие «мещане» стало употребляться в переносном смысле – люди с мелкими интересами, ограниченным кругозором, «сплоченная посредственность» (А. И. Герцен)[365].

В советское время, когда сословия были отменены, под этим словом понимался определенный психотип людей, страдающих,

как тогда говорили, вещизмом[366], а буржуа и бюргеры изображались капиталистами, эксплуатирующими рабочий класс.

Однако мещанство – это и вполне определенное мировоззрение, набор особых ценностей. Лучше всего об этом сказал Герман Гессе: «[Мещанин] пытается осесть посередине между крайностями, в умеренной и здоровой зоне, без яростных бурь и гроз… он добивается сохранности, получает вместо одержимости Богом спокойную совесть, вместо наслаждения – удовольствие, вместо свободы – удобство, вместо смертельного зноя – приятную температуру… Потому-то он и поставил на место власти большинство, на место силы – закон, а на место ответственности – процедуру голосования»[367].

Именно из мещанской культуры выросло то, что сегодня называется средним классом и обществом потребления.

Новые культурные ценности акцентировали внимание на человеке, его работе, получении прибыли и выгоды. Инициатор Реформации Мартин Лютер развил идею призвания в жизни, которая установлена Богом. Эта идея развенчала католические концепции жизни по средствам и монашеского аскетизма, мотивируя человека выполнить обязательства, наложенные на него в этом мире высшими силами. Активная часть горожан руководствовалась идеями Лютера, отстаивала свои права, в том числе с помощью городских восстаний.

Вместе с тем в массе своей мещане отнюдь не были просвещенными людьми, не проявляли никакой политической активности и совершенно не интересовались культурой.

Над ними не преминул надсмеяться Мольер («Сорок с лишком лет говорю прозой – и невдомек!») в своей пьесе «Мещанин во дворянстве» (Le Bourgeois gentilhomme)[368]. Но в подавляющем большинстве других пьес он издевался над аристократами и клерикалами, над их ханжеством и фанатизмом.

Эпоха Просвещения (конец XVII – начало XIX в.) поколебала авторитет аристократии и влияние церкви на социальную, научную и культурную жизнь. Важнейшим аспектом интеллектуального движения Просвещения была популяризация знания, обращение к разуму как к единственному критерию познания человека и общества. Новое дыхание обрели идеи равенства, справедливости, прав человека, законности, понятия о республиканском правлении с согласия управляемых. Просвещение оказало большое влияние на последовавшие изменения в этике и социальной жизни Европы и Америки, борьбу за национальную независимость американских колоний

европейских стран, отмену рабства, провозглашение прав человека.

Идеи Просвещения подорвали в глазах общества легитимность власти[369], основанную на традициях и харизме лидера. Вместо них все большую значимость приобретает легалистский тип легитимности, основанный на вере в формальные правила и процедуры, на основании которых отдаются приказания.

Иначе говоря, институты государства обладают властью потому, что граждане верят, что они были учреждены и функционируют на основании справедливых правил и процедур, установленных законом. А закон был принят по правильной процедуре парламентом, избранным народом в соответствии с общепризнанной процедурой выборов.

Такая концепция власти была выдвинута еще Дж. Локком: «… кто будет судьей, если принц или законодательный орган противоречат истине? На этот вопрос я отвечаю: народ должен быть судьей»[370].

Если отрешиться от пресловутого классового подхода, то так называемые буржуазные революции, случившиеся в XIX в. в Западной Европе, можно было бы назвать мещанскими, а еще лучше – городскими, поскольку их движущей силой и бенефициарами стали не только крупная буржуазия, но и остальные горожане (мелкие городские ремесленники, торговцы, домовладельцы, клерки, люди свободных профессий, образованная часть населения, высокооплачиваемые работники, в том числе и пролетарии, и даже обедневшая аристократия), которых всех вместе ну никак не подвести под определение класса – «относительно больших групп людей, различающихся по их месту в исторически определенной системе общественного производства».

Легалистский тип легитимации власти и государства естественным образом обратил взоры многих мыслителей XIX–XX вв. к проблеме права как такового.

> **Что такое право? Является ли оно продуктом государства, общества, человеческой психики или промысла божьего? В итоге наблюдалось интенсивное развитие юридической науки, особенно философии и теории права.**

Другим явлением, приковавшим внимание общественности к праву, стало победное шествие бюрократии.

Вертикальная, иерархически выстроенная система управления, отделенная от общества и только этим управлением

и занимающаяся, которая и называется бюрократией, существовала во всех жестко централизованных государствах, начиная с Шумера, древних Египта, Китая и Рима.

При феодализме централизованных государств не было, а феодал обладал всеми управленческими компетенциями (сам судил, карал и миловал, определял налоги, давал разрешение на брак своих подданных и т. д.). Феодал полностью контролировал подведомственное население в политической, экономической и даже частной сферах. Конечно, были помощники, исполнявшие его поручения, но систему управления они собой не представляли, а были лишь орудием феодального произвола.

Короли централизованных западноевропейских стран – абсолютных монархий, возникших в XVII–XVIII вв., – стремились сохранить полный контроль над подведомственным населением. Карательные органы осуществляли жесткие репрессии против непокорных и инакомыслящих в тандеме со святой инквизицией. Государства такого типа впоследствии получили название полицейских[371].

Однако по мере дальнейшего усложнения общественных отношений, особенно в экономической сфере, количество компетенций, необходимых для государственного управления, резко возрастало. Монархи уже не могли лично контролировать все управленческие процессы и были вынуждены передавать многочисленные обязанности по обеспечению устойчивого функционирования государства чиновникам.

Права чиновников рассматривались как привилегии, которые могли даваться или отбираться у них по личному усмотрению монарха. Четко определенная компетенция чиновников отсутствовала и определялась правителем, который действовал исходя из текущих потребностей и меняющихся настроений.

В условиях отсутствия постоянного разделения труда определение объема полномочий чиновников зачастую было результатом их личного соперничества и борьбы за сферы влияния. Осуществляемое ими управление носило субъективный характер. На первый план в нем выдвигалась конкретная воля управленца, его личное отношение к этому просителю и делу, которое было тесно связано с соответствующими подношениями и иными личными связями. Во многих случаях личное усмотрение дополнялось откровенным произволом, который зачастую выступал непосредственным отражением произвола, допускаемого правителем в отношении их самих.

По мере разрастания управленческого аппарата монарх физически мог назначить лишь ключевых чиновников, которые подбирали нижестоящих. Управленцами становились сыновья

дворянских родов, городские обыватели (мещане) и крестьяне. Все они отчуждались от своих социальных подгрупп, не разделяли жизненных задач какого-либо сословия, да и общества в целом.

Так возникла профессиональная бюрократия. Чтобы стать успешным чиновником, одной грамотности и удачного стечения обстоятельств уже было недостаточно. Необходимо было овладеть навыками управления и делопроизводства, что обусловило появление системы подготовки кадров. Большинство чиновников были обречены всю жизнь зарабатывать с должности.

Как представители реальной власти чиновники считали свое положение исключительным в сравнении с остальным обществом. С их помощью полицейское государство приобрело возможность контролировать все стороны жизни общества и поставило себя над ним.

Первым забил тревогу Венсан де Гурнэ[372] (Жак Клод Мари Венсан, маркиз де Гурнэ) – удачливый торговец, экономист, один из высших чиновников Франции времен короля Людовика XVI. Именно он в 1745 г. ввел в оборот термин «бюрократия» и обвинил ее в том, что она отнимает реальную власть у монарха, использует полученные полномочия в личных целях и, будучи нацеленной исключительно на самосохранение, тормозит развитие экономики и государства.

Мыслители эпохи Просвещения призывали поставить государство под контроль общества, заставить бюрократию работать в его интересах, сделать ее безопасной и даже полезной для граждан. Поскольку функционирование бюрократии определяется множеством правил, предписаний и установлений, а также своего рода бюрократической ритуалистикой, для ее обуздания необходимо придать всем этим нормам форму закона, принимаемого органами представительной власти.

> **После победы т. н. буржуазных революций в ряде стран Европы, а также в США развернулась грандиозная работа по созданию нового законодательства, прежде всего кодифицированных актов, адекватно описывающих новые экономические (рыночные) отношения, взаимодействие государства и общества, защищающих основные права и законные интересы граждан.**

Появились первые конституции (США – 1787 г.), Гражданский и Гражданский процессуальный кодексы (Франция – 1804, 1806 гг.). Существенные изменения в уголовном и процессуальном законодательстве (французский Уголовно-

процессуальный и Уголовный кодекс – 1808–1810 гг.) привели к кардинальному изменению системы правоохранительной и судебной деятельности. Возникла адвокатура, что означало развитие правозащитной деятельности.

По большому счету, XIX в. стал своеобразным крещендо симфонии возрождения права в Западной Европе. Активно развивались все без исключения сферы права как системы деятельности, и к концу этого золотого века право приобрело практически современный вид.

В итоге произошло расщепление государственного управления на политическую и административную (бюрократическую) составляющие. Задача бюрократов – организовывать работу государства, не вмешиваясь в установление его целей. В свою очередь, политики должны определять цели, но не вмешиваться в процесс их достижения. В их задачу входит формирование стратегии развития страны, учет мнения граждан, однако сам процесс управления оказался вне политики.

Иначе говоря, управленцы получили некий диапазон возможности принимать самостоятельные решения по определению стратегии и тактики достижения поставленных целей и тем самым обрели некие властные полномочия. Однако свою власть они получали не явочным порядком, на что жаловался Гурнэ, а строго в соответствии с действующим законодательством. Именно Закон в это время стал, говоря современным языком, программным обеспечением управленческого механизма, а не приказы и указания суверена.

В теории управления бюрократию, встроенную в систему политического управления, составляющую ее неотделимую часть и сводящую роль управленца лишь к исполнению конкретных поручений монарха или вышестоящих чиновников, принято называть патримониальной, или восточной, поскольку она характерна прежде всего для деспотических режимов. Описанная выше европейская бюрократия, представляющая собой административную, отдельную от политической власть, которая хоть и составляет неотъемлемую часть государства, но не является его сутью, понятное дело, называется европейской.

Однако в русской литературе начиная со времен Сперанского для обозначения этого типа бюрократии используется прилагательное «ответственная». Еще в совсем недавние советские времена было широко распространено словосочетание «ответственный работник» (министерства, партийного органа и т. п.), обозначавшее лицо, облеченное некоторыми административными властными полномочиями вкупе со всеми

причитающимися привилегиями: персональной машиной, служебной квартирой и спецраспределителем.

Появление профессиональных управленцев в России связывают с именем Петра Великого, который широко внедрил обучение всех необходимых для страны специалистов. До этого дворянские недоросли полагали себя уже готовыми военачальниками и чиновниками просто в силу своего происхождения. «Табель о рангах» вкупе с «Указом о единонаследии» стимулировали молодых неперворо́дных дворян улучшать свои управленческие навыки в надежде выслужить не только дворянский титул, но и поместье с крестьянами. В результате российская бюрократия обрела ярко выраженный сословный характер. Вместе с тем она была сугубо патримониальной, что неизбежно вытекало из деспотического характера режима самодержавия.

Некоторое смягчение нравов во времена правления императриц Елизаветы и Екатерины II, а также определенное отчуждение дворянства от государственной службы никак не поколебали устои самодержавия. Оно не имело политических противников – групп населения, стремившихся изменить социально-политический строй. Даже крестьянские бунты и восстания происходили в рамках самодержавной парадигмы. Просвещенческие веяния, широко распространившиеся в обществе, а также явная архаичность и бессистемность актуального в то время законодательства постоянно побуждали императоров и императриц XVIII в. учреждать многочисленные комиссии по совершенствованию законодательства. Однако эти потуги каждый раз оказывались несостоятельными, поскольку правовые основы самодержавия были исчерпывающе изложены в Соборном уложении Алексея Михайловича, а о смене политического режима никто не смел и заикнуться. К тому же в России XVIII в. отсутствовали специалисты по составлению нормативных актов, и говорить о системе законодательства было невозможно. Законоведению (правоведению) никто не обучал, что приводило к подготовке нормативных актов, что называется, на злобу дня, без учета законодательной традиции и тем более без просчета ближайших последствий принимаемых законов.

В то же время структура российского общества постепенно менялась. Медленно, но верно росло городское население, мещане становились вторым по численности сословием после крестьянства. К тому же не всем, кто посвятил себя чиновничьей стезе, удавалось дослужиться до высоких чинов и стать дворянами, что порождало социальную группу т. н. разночинцев, из которых формировался образованный слой мещан в

упоминавшемся выше идеологическом смысле этого слова. Среди них было много талантливых людей, хорошо понимавших, что в условиях патримониальной бюрократии их способности не будут востребованы, а карьера целиком зависит от благорасположения начальства, которое можно заслужить, только пресмыкаясь перед ним.

На излете правления Екатерины Великой появляются отдельные вольнодумцы, которые под влиянием идей Французской революции подняли флаг политической оппозиции самодержавию и заявили о недопустимости сохранения крепостного права.

Император Павел I предлагал целый ряд здравых идей по совершенствованию системы управления самодержавной империей, но был подвержен чувствам враждебности и неприязни по отношению к унижавшим его в бытность цесаревичем дворянам и потому периодически страдал приступами самодурства. Впрочем, его правление было слишком коротким для того, чтобы достичь каких-либо результатов.

При таких вот обстоятельствах Российская империя входила в XIX в., который стал для нее поистине золотым в смысле достигнутого государственного могущества, прежде всего военного, расширения территории, развития экономики, науки и культуры, дальнейшего освоения благ европейской цивилизации. Понятно, что из этого ряда никак не могло выпасть такое социокультурное явление, как право, развитие которого также происходило огромными темпами.

Как и в Европе, деятелями, посвятившими себя праву, двигали, с одной стороны, передовые гуманитарные идеи того времени, а с другой – стремление оптимизировать систему управления государством, дабы обеспечить его дальнейшее развитие и процветание. Именно в XIX в. в Российской империи зарождается бюрократия европейского типа, стремившаяся взять на себя хотя бы часть ответственности за управление страной, право определять государственную волю в тех или иных конкретных обстоятельствах. Борьба ответственной бюрократии за свое существование проявлялась прежде всего в законодательных инициативах, имевших целью разделить политическое и административное управление страной.

Сначала появились отдельные мечтатели, строившие прожекты переустройства государства путем модернизации законодательства в виде императорских указов, потом т. н. тайные общества, обсуждавшие проекты конституционного

устройства государства и даже пытавшиеся внедрить их силой, наконец, возник обширный слой ответственной бюрократии, сумевший осуществить Великие реформы в стране.

Этой весьма увлекательной истории и посвящены настоящие очерки.

Глава 1
Эпоха Александра I (1801–1825)

1
Цесаревич Александр Павлович

Александр Павлович Романов родился в 1777 г. Отец Павел Петрович Романов, мать Мария Фёдоровна Романова, в девичестве принцесса София Доротея Августа Луиза Виртембергская. Александр был первым ребенком и старшим сыном в этой весьма многодетной семье.

Александр родился во время царствования его бабушки Екатерины Великой. Она назвала его в честь Александра Македонского и Александра Невского. Следующего внука, родившегося через год и четыре месяца, в 1779 г., императрица назвала в честь Константина Великого. Как известно, Екатерина II мечтала захватить Константинополь и имела на этот счет грандиозные планы (Греческий проект). У четы Романовых были еще дети, но они родились значительно позже. О некоторых из них мы поговорим потом.

Александра и Константина воспитывали и обучали вместе, однако основное внимание уделяли, конечно же, старшему как наиболее возможному (впоследствии неизбежному) наследнику престола.

Вот как описывает воспитание и образование Александра и Константина В. О. Ключевский: «Когда великий князь и следовавший за ним брат Константин стали подрастать, бабушка составила философский план их воспитания и подобрала штат воспитателей. Главным наставником, воспитателем политической мысли великих князей был избран полковник Лагарп… Учить великого князя русскому языку и истории, также нравственной философии был приглашен Михаил Никитич Муравьёв… Наконец, общий надзор за поведением и здоровьем великих князей был поручен генерал-аншефу графу Н. И. Салтыкову»[373].

Александр изучал античную и европейскую литературу и философию, знал французский язык, штудировал географию и государственное устройство прежних и современных ему государств. Впрочем, как и большинство аристократических отпрысков, учился он «понемногу чему-нибудь и как-нибудь» и предпочитал учебе игры на свежем воздухе.

Однако вольтерьянские взгляды его бабки и учителя Лагарпа, впоследствии активного участника революционных событий в

Европе, не прошли для Александра даром. Когда в 1795 г. его друг детства Павел Александрович Строганов, вернувшийся из Парижа, где он во времена Французской революции проживал под псевдонимом гражданин Очёр и был одним из крупнейших финансовых спонсоров якобинцев, возобновил отношения с наследником престола, тот радостно сообщил ему, что стал «восторженным поклонником Французской революции и тоже считает себя якобинцем»[374].

Время шло. В 1793 г., еще до наступления 16-летия, бабка женила Александра[375]. Супругой цесаревича стала Луиза Мария Августа Баденская[376], принявшая в православии имя Елизавета Алексеевна.

После свадьбы Екатерина твердо решила передать престол именно Александру, в обход цесаревича Павла Петровича. Императрица не допускала сына к управлению государством, поскольку их взгляды на дальнейшее обустройство страны заметно различались, что могло привести к возникновению фронды и внутридворцовым потрясениям. Екатерина любила старшего внука, верила в его таланты и очень надеялась, что Александр продолжит ее политику. Сам того не желая, он оказался предметом острого соперничества между Екатериной и Павлом.

Летом 1796 г. императрица Екатерина предложила Марии Фёдоровне подписать акт об отстранении Павла от престола и назначении наследником Александра. Она пришла в ужас и, конечно же, отказалась. Ничего не сказала Павлу, но умоляла сына: «Дитя мое, держись ради Бога… Будь мужествен и тверд. Бог не оставляет невинных и добродетельных»[377]. Биограф Павла Петровича и Марии Фёдоровны Шумигорский писал о том, что, получив отказ от Марии Фёдоровны, «Екатерина оказалась более счастлива, по-видимому, при переговорах с Александром Павловичем. Нет сомнения, что она выяснила ему всю государственную необходимость этой меры, и великий князь кончил тем, что 24 сентября письменно выразил бабушке полное свое согласие»[378].

Александра, далеко еще не сложившегося ни в нравственном, ни в физическом смысле молодого человека, тянули то в одну, то в другую сторону: окружающие и искренне любящие люди настаивали каждый на своем, и он никому из них не мог отказать, со всеми соглашался и тоже всех по-своему любил.

Конечно же, все это отразилось на психике молодого Александра. Он не очень понимал, что происходит, и потому никому не доверял, был

скрытным, старался угождать и отцу, и бабке, больше полагался на разного рода «знамения», часто обманывал себя, да и других заодно. Он играл и в бабушкиной буффонаде, и в кошки-мышки с отцом в надежде всех переиграть, при этом старался быть добрым, отзывчивым и хотел сделать страну и близких счастливыми.

В ноябре 1796 г. на престол взошел Павел I. Одновременно с присягой императору высшее духовенство, сановники и царедворцы присягнули наследнику престола великому князю Александру Павловичу, которому было 18 лет. Сразу после коронации Павел утвердил Акт о престолонаследии, которым не только укрепил право Александра на престол, но и узаконил порядок престолонаследия, стремясь избежать попыток государственных переворотов. Ему лично это не помогло, но нормы Акта действовали до падения империи.

Во время царствования Павла Александр и Константин участвовали в заседаниях различных государственных органов, наблюдали, как принимаются государственные решения, были на приемах и других светских мероприятиях. Практически на их глазах созревал заговор против их отца. Граф П. А. Пален, будучи военным губернатором Санкт-Петербурга, активно стравливал наследников с императором. Павлу он рассказывал о заговоре против него старших сыновей, а им – о намерении отца отправить их под арест в Петропавловскую крепость, а то и на эшафот. Пален показывал Александру приказ императора, скорее всего, поддельный, об аресте императрицы Марии Фёдоровны и самого цесаревича.

Павел никому не верил: ни Палену, ни детям. Явно предчувствуя недоброе, старших сыновей фактически посадил под домашний арест и вызвал в столицу преданного ему А. А. Аракчеева, однако Пален сумел задержать его прибытие. Заговор висел на волоске, и это заставило заговорщиков поторопиться. Вечером 11 марта Павел Петрович призвал к себе сыновей цесаревича Александра и Великого князя Константина и приказал привести их к присяге, хотя они уже делали это при его восхождении на престол. После того как те исполнили его волю, пришел в хорошее расположение духа и решил отужинать вместе с ними[379].

В ночь на 12 марта 1801 г. Павел I был убит офицерами в Михайловском замке в собственной спальне.

Несмотря на то что участие Александра Павловича в заговоре против своего отца не имеет достаточных подтверждений, он сам

всегда считал себя виновным в его смерти.

Узнав о гибели отца, Александр был сильно расстроен и упал в обморок. Придя в себя, вышел на балкон, под которым собралась встревоженная толпа, и произнес сакраментальную фразу: «Батюшка скончался апоплексическим ударом. При мне все будет как при бабушке». Вернувшись в помещение, вновь упал в обморок. А Константин Павлович, глядя на торжествующих царедворцев, сказал как бы про себя: «Я всех их повесил бы!» Императрица Мария Фёдоровна первоначально подозревала своих сыновей Александра и Константина в соучастии в преступлении. Вот что пишет по этому поводу Е. С. Шумигорский: «Она имела мучительное для матери подозрение, что ее сын знал обо всем, и потому ее первое свидание с императором подало повод в самой трогательной сцене. „Alexandre, êtes-vous coupable?“ Он бросился пред ней на колени и с жаром сказал: „Матушка! Так же верно, как и то, что я надеюсь предстать перед судом Божиим, я ни в чем не виноват!“ – „Можешь ли поклясться?“ – спросила она. Он тотчас поднял руку и поклялся. То же сделал и великий князь Константин»[380].

2
Милости молодого царя. В поисках цели правления

12 марта 1801 г. Александр взошел на престол. Двор искренне ликовал. Семья Романовых приходила в себя от потрясений и настраивалась на более размеренную, понятную жизнь. Вдовствующая императрица Мария Фёдоровна Романова активно продолжала заниматься благотворительным ведомством[381].

Хотя Александр Павлович и продекларировал, что при нем будет все «как при бабушке», в первый период своего правления он действовал, скорее, как при батюшке.

Мегамашина Российской империи становилась все менее управляемой. Созданная Петром I административная система управления на базе дворянского сословия все меньше соответствовала потребностям империи, разраставшейся за счет включения новых территорий и различных народов. Значительная часть дворянства все меньше была склонна утомляться служебными обязанностями. Продвижение вверх по социальной лестнице зависело не от талантов и достижений, а от умения понравиться властям предержащим.

Павел I намеревался, сохраняя всю полноту власти самодержавия, создать гибкий и эффективный внесословный управленческий аппарат, и потому намного терпимее, чем

Екатерина II, относился к тем, кто критиковал сложившиеся в стране порядки.

Он считал опорой государства служилых людей, сословие которых к концу XVIII в. все меньше совпадало с дворянством, несмотря на перманентное одворянивание успешных чиновников на основе «Табели о рангах». Впрочем, это установление Петра Великого в неменьшей степени генерировало особый слой разночинцев – бюрократов, не успевших выслужить дворянство[382].

В свое время Павел всячески содействовал консолидации бюрократии и притеснял, как он выражался, дворян-тунеядцев. Также он стремился дать все новые послабления горожанам и крестьянству, полагая, что эти сословия также должны быть опорой самодержавию.

Осознавал Александр I наметившийся дисбаланс социальной системы или им двигало чувство вины перед убиенным отцом, так или иначе, он начал реформы, частично продолжавшие намерения Павла I, особенно в части укрепления системы государственного управления.

Конечно, ссориться с дворянством, верхушка которого и привела его к власти, император не хотел, поэтому первым делом Александр амнистировал всех, кто пострадал при Павле, – 12 тысяч человек.

> **26 марта 1801 г. Верховный Совет, действовавший как совещательный орган, был упразднен, и 30 марта был создан Совет при императоре Александре Павловиче. Канцелярию Совета возглавил Д. П. Трощинский; М. М. Сперанский, активно вникающий в государственные дела, – экспедицию по гражданским и духовным делам Совета, ему присваивается звание статс-секретаря.**

31 марта отменен запрет на ввоз в Россию книг и нот, были дозволены частные типографии.

2 апреля 1801 г. Александр восстановил Жалованные грамоты дворянству[383] и горожанам, ликвидировал Тайную экспедицию – специальный надзорный орган, который занимался политическим и гражданским сыском[384].

8 апреля издан Указ «Об уничтожении публичных виселиц». 9 апреля отменено обязательное ношение пукли; обязательное ношение косы, однако же, сохранено. 15 апреля – Указ «О свободном пропуске едущих в Россию и отъезжающих из нее». 28 мая запрещена публикация объявлений о продаже крестьян без

земли. 5 июня Указом Сенату высочайше поручено самому определить, чем он должен стать в новых обстоятельствах русской истории, а также предусмотрено создание Комиссии о составлении законов.

26 сентября запрещены пытки.

Указом от 12 декабря 1801 г. недворянам – мещанам и казенным крестьянам – разрешалось покупать землю. Было объявлено о прекращении практики передачи казенных крестьян в частные руки.

Указом от 9 июля 1804 г. был утвержден первый либеральный цензурный устав, в котором цензорам рекомендовалось руководствоваться «благоразумным снисхождением для сочинителя и не быть придирчивыми».

Однако все эти милости, сыпавшиеся на подданных с вершины власти, лишь исправляли несуразицы прошлых лет, а не прокладывали путь к светлому будущему. Для оправдания столь кровавого прихода к власти требовалась некая грандиозная цель, признаваемая обществом.

Со времен Петра Великого российское общество было разорвано на три практически не взаимодействующие между собой части: европеизированное дворянство, архаичное крестьянство и маргинальное мещанство. Более-менее известно было общее мнение прогрессивного дворянства, которое считало главными проблемами Российской империи начала XIX в. крепостное бесправие и полный беспорядок в законах. Решение этих проблем, несомненно, вписало бы имя Александра в историю, а неприятные обстоятельства его воцарения остались бы в глубокой тени. К тому же бурная реформаторская суета отвлекала от мрачных мыслей.

> **В глобальном же плане Александр видел целью своего правления осчастливливание России и всех своих подданных:**

«…счастие вверенного нам народа должно быть единым предметом всех мыслей наших и желаний; мы к нему единому обратили все движение нашей воли, и в основание его, в самых первых днях царствования нашего, положили утвердить все состояния в правах их и в непреложности их преимуществ», – говорилось в Коронационном манифесте[385].

3
Негласный комитет

Александр был нетерпелив и системной работе предпочитал осуществление резких прорывов к намеченным целям. Следуя этой привычке, в самом начале своего правления он созвал **Негласный комитет,** в который вошли ближайшие соратники молодого императора, можно сказать, друзья детства: Н. Н. Новосильцев, А. А. Чарторыйский, П. А. Строганов, В. П. Кочубей. **В течение четырех лет (1801–1805)** он связывал свои надежды на быстрое достижение поставленных целей с помощью этого полуформального института, надеясь произвести переворот в умах, убедить дворян отпустить крестьян, а затем принять правильные законы.

Члены комитета были единомышленниками императора и вполне разделяли поставленные им цели. Александр умел «блеснуть лучезарной идеей, быть вдохновителем этой идеи», но сам к систематической работе по ее реализации был неспособен и потому предпочитал «всю тяжесть этой работы переносить на других, внимательно прислушиваясь к общественному мнению, но ни на минуту не подавая даже вида, что в глубине души его симпатии ослабевают к предпринятому делу»[386].

Одним из первых шагов Негласного комитета стало реформирование государственной власти империи.

> **Указом от 8 сентября 1802 г.[387] были созданы следующие министерства: военное, юстиции, морское, внутренних дел, иностранных дел, народного просвещения, финансов и коммерции. Для координации деятельности министерства был создан Комитет министров, который фактически занимался вопросами управления внутри страны. Все члены Негласного комитета стали работать на разных должностях в новом правительстве,**

при этом имея возможность лично докладывать императору и оставаясь членами Негласного комитета: Николай Николаевич Новосильцев стал товарищем министра юстиции, Адам Ежи Чарторыйский занял пост министра иностранных дел Российской империи, Павел Александрович Строганов одновременно был заместителем министра внутренних дел и заместителем министра иностранных дел, Виктор Павлович Кочубей возглавил министерство внутренних дел.

Самым тяжелым вопросом, которым занимался Негласный комитет в первые годы своего существования, была разработка программы отмены крепостного права в России. Однако как убедить русское дворянство пойти на столь радикальный шаг, было совершенно неясно, а как могут поступить дворяне с

притесняющим их императором, было хорошо известно. Тень убиенного отца была всегда рядом с Александром.

Поэтому важным, но единственным результатом этих усилий стал подготовленный В. П. Кочубеем и М. М. Сперанским **Указ о свободных хлебопашцах от 20 февраля 1803 г.**[388], **согласно которому помещики получили право освобождать крепостных крестьян поодиночке и селениями с обязательным наделом землей. За свою волю крестьяне выплачивали выкуп или исполняли повинности, которые были четко определены**. Если обязательства не выполнялись, крестьяне возвращались к помещику. Крестьян, получивших таким образом волю, называли вольными, или свободными, хлебопашцами.

На следующий день после выхода Указа, 21 февраля 1803 г., были изданы особые правила по его реализации, существенно корректирующие Указ[389]. В этом документе, помимо освобождения крестьян с наделением их землей на праве собственности, появились и условия предоставления им земли во владение за определенные обязательства «по жизнь помещика или навсегда», т. е. положение о наследственной семейной аренде земли. Однако у помещиков не было никакого стимула расставаться с бесплатной рабочей силой, предоставляя личную свободу крестьянам и еще при этом отдавая им в бессрочную аренду землю.

Гораздо дальше удалось продвинуться в рамках региональной реформы в Прибалтике. Первая волна т. н. Остзейской аграрной реформы началась 20 февраля 1804 г., когда было издано Положение для поселян Лифляндской губернии[390], поскольку еще в годы вхождения Лифляндии в Швецию (до 1721 г.) там были проведены редукция (таксация ренты в имениях в зависимости от качества земли) и межевание, что облегчило подготовку реформы. Затем аналогичное положение было издано для Эстляндии. 23 мая 1816 г. там началась реализация модели освобождения крестьян без земли. С 1816 по 1819 г. личное безземельное освобождение крестьян было осуществлено во всех прибалтийских губерниях.

В 1803 г. произошло реформирование системы народного просвещения Российской империи. Александр заявил о бесплатном начальном образовании для всех. Учебные заведения были разделены на четыре основные категории: церковные (приходские) школы, уездные школы, гимназии и университеты. Были открыты крупные императорские университеты в Дерпте (1802), Вильно (1803), Казани и Харькове (1804).

Сенат получил особые полномочия, стал высшим судебным органом в стране. Кроме того, этот орган еще контролировал деятельность всех органов местной государственной власти. В 1805 г. Сенат разделился на девять равноправных департаментов, а генерал-прокурором Сената был назначен министр юстиции, совмещавший свой пост с этой должностью.

Общая направленность либеральных реформ Негласного комитета на ограничение самодержавия путем передачи части управленческих функций бюрократии предполагала введение правовых норм, регулирующих функционирование министерств и подчиненных им учреждений. Как говорилось в Манифесте об учреждении министерств, «…следуя великому духу Преобразителя России Петра Перваго, оставившаго Нам следы Своих мудрых намерений <..> Мы заблагоразсудили разделить Государственные дела на разные части, сообразно естественной их связи между собою, и для благоуспешнейшаго течения поручить оные ведению избранных Нами Министров, постановив им главныя правила, коими они имеют руководствоваться в исполнении всего того, чего будет требовать от них должность…»

Предполагалось, что министр должен согласовывать императорские указы: на любом указе кроме императорской должна была стоять еще и подпись министра.

«Горячка и непоследовательность Александра и его сотрудников по делам внутреннего благоустройства России сказывались во всех мероприятиях. Не было заметно ни тени какой-либо определенной системы. Молодые товарищи Государя, увлеченные им же на почву преобразований, сами не замечали, что такое отношение к серьезному делу не могло рано или поздно не отрезвить рвение монарха»[391]. Одним словом, никакого поворота в умах дворян, который заставил бы их освободить крестьян, не наблюдалось, зато требовались нудные расчеты размеров участков, выкупаемых с крестьянами, и возможностей финансирования, а в это императору вникать не хотелось.

Император охладел к Негласному комитету, его заседания случались все реже. К тому же поражение союзных войск от Наполеона под Аустерлицем начисто отвлекло внимание Александра от внутренней политики. Негласный комитет перестал существовать.

4
Комиссия для составления законов

Вторым направлением реформ была модернизация законодательства. Тема была не новая. О создании нового уложения говорили практически весь XVIII в., и не только говорили, но и создавали многочисленные комиссии по этому поводу, однако их деятельность не привела к заметным результатам.

Во времена Екатерины Великой Закон стал новой святыней наряду с Богом, Отечеством и Монархом. Именно святыней, которая должна каким-то чудесным образом утишить русское общество, привести его в равновесие, а не средством гармонизации общественных отношений, сочленения прав и свобод граждан.

Главный проповедник легализма «бульдог Фемиды»[392] Г. Р. Державин был в 1802 г. назначен первым министром юстиции Российской империи, но спустя 13 месяцев был отставлен. Поэт Державин набил руку на восхвалении Екатерины, Павла и Александра, а чиновник Державин составлял проект российской «конституции»[393], призванной ограничить их полновластие, данное от Бога.

Его истовое поклонение второй после Бога святыне – абстрактному Закону, стоящему выше монарха, – уже выглядело слишком архаично для молодых реформаторов.

Сначала Александр пошел по проторенному пути и актуализировал работу Комиссии для составления законов Российской империи, созданную еще Екатериной II и реанимированную Павлом I, во главе с графом П. В. Завадовским. Некоторое время в этой комиссии работал и А. Н. Радищев, возвращенный Павлом из сибирской ссылки и помилованный Александром, – его труды хорошо знал двор. Александр по собственной инициативе пригласил его в комиссию, однако в 1802 г. Радищев умер.

Сначала комиссия состояла при самом императоре, и работа в ней шла ни шатко ни валко. В октябре 1803 г. она была передана в министерство юстиции, которое возглавлял П. В. Лопухин. Комиссией руководил товарищ (заместитель) министра юстиции Н. Н. Новосильцев, секретарем Комиссии назначили немецкого ученого, работавшего в Лейпцигском университете, – Г. А. Розенкампфа.

«Пока Розенкампф учил русский язык и русские законы, по служебной лестнице быстро поднимался Сперанский, давно уже заинтересованный делами комиссии, на поприще которых ему можно было отличиться. Вступив в 1808 году в комиссию,

Сперанский после поездки в Эрфурт, которая укрепила его прежние симпатии и взгляды, а также дала ему твердую поддержку в государе, принялся со всею своею энергией за новую работу»[394].

Михаил Михайлович поднялся на высшие бюрократические посты с самых низов: у его семьи, по-видимому, не было даже фамилии. О жизни и судьбе этого выдающегося государственного деятеля нами написано уже немало[395], однако и в этой работе при характеристике деятельности императоров Александра I и Николая I без него не обойтись.

Отойдя от внешнеполитических забот – многочисленных неудачных сражений с французской армией в составе разнообразных коалиций – и заключив с Наполеоном Тильзитский мир 25 июня 1807 г., Александр Павлович вернулся к реформе страны. Разочаровавшись в тактике «бури и натиска», провалившейся вместе с Негласным комитетом и проигранными военными кампаниями, он решил отдать дань постепенности и учредить саморазвивающийся механизм, создающий различные государственные институты, которые постепенно переменят к лучшему всю российскую жизнь. Проще говоря, создать европейскую бюрократию и оснастить ее необходимым законодательством.

Для решения этой задачи нужен был человек, который может не просто высказать мудрую мысль и надавать множество добрых советов сообразно имеющимся обстоятельствам, а упорно решать поставленные задачи, невзирая на эти обстоятельства, не подстраиваться, что называется, под ход вещей, а сам задавать и обеспечивать этот ход. Единственным таким человеком в империи, которого знал Александр, был Сперанский. Так началось стремительное возвышение Михаила Михайловича.

В декабре 1808 г. М. М. Сперанский назначается товарищем (заместителем) министра юстиции с обязанностью докладывать императору о продвижении дел в Комиссии для составления законов.

Работа кипела. Михаил Михайлович приглашал иностранных юристов, в первую очередь французов, уже имеющих современное законодательство и Кодекс Наполеона. «Для работ собственно по частному или гражданскому праву Наполеон еще в Эрфурте сам рекомендовал [Сперанскому – П. К.] славившихся в то время французских правоведов Локре (Locre) и Легра (Legras), которые и были вследствие того назначены корреспондентами нашей комиссии»[396].

Задачи стояли просто невероятные: «Комиссия должна заняться следующими предметами: составлением уголовного, гражданского и коммерческого уложения, также уложения гражданского и уголовного процесса и уголовного уложения, составить определения, относящиеся к публичному праву и государственной экономии (и устав полиции учредительной как часть публичного права), составить свод законов провинциальных для губерний остзейских и для губерний малороссийских и польских»[397].

Осознавая, что в государстве царит нормативный хаос, Сперанский первоначально предложил подготовить Гражданское уложение, т. е. кодифицировать все (!) акты, содержащие нормы гражданского права, а значит, упорядочить отношения собственности, наследования, договоров, определить правовое положение лиц, установить единые правила экономического оборота, а также равную защиту права собственности.

В начале XIX в. большинство населения империи само было товаром, экономические отношения регулировались фрагментарно. Принятие Гражданского уложения (кодекса) могло открыть возможности, которых у большинства стран в то время не было. Обращаем внимание на то, что кодификация гражданско-правовых норм завершилась во Франции в 1804 г., в Австрии – в 1811 г., в Германии – в 1896 г.

Шанс был упущен. Проект первой и второй частей Гражданского уложения был подготовлен и напечатан. Эти две части обсуждались в Государственном совете в 1810 г. на 43 заседаниях[398], третья – в начале 1813 г.[399] Однако Гражданское уложение империи принято не было: основной причиной послужил провал реформы системы управления империей.

В России первый Гражданский кодекс появился только через сто с лишним лет (1922), но уже совсем на других началах.

5
Провал реформы системы управления. Падение Сперанского

По итогам Русско-шведской войны 1808–1809 гг., которую Российская империя выиграла в коалиции с Францией, к России присоединилась Финляндия. В феврале 1809 г. в городе Борго (сейчас город Порвоо в Финляндии) состоялся Сейм – сословное собрание, на котором Александр I торжественно пообещал населению Финляндии сохранить в их стране конституционные порядки, установленные еще при господстве шведов, и «коренные» законы. Члены Сейма принесли присягу Александру I,

которому с тех пор, кроме прочего, стал принадлежать и титул Великого князя Финляндского.

В сентябре 1809 г. между Россией и Швецией в городке Фридрихсгам был подписан мирный договор. Он подводил черту под двухлетней войной и юридически закреплял присоединение Финляндии к России. В тексте сказано, что «по единственным побуждениям великодушного своего соизволения» император всероссийский оставляет в неприкосновенности веру, собственность и преимущества финляндцев. Таким образом Россия включила в себя административную единицу, где уже давно были установлены конституционные порядки[400].

Некоторые либерально настроенные подданные надеялись, что Финляндия станет точкой кристаллизации для конституциализации всей империи. До войны 1812 г. для этого были не только предпосылки, но и предприняты конкретные действия.

В 1809 г. была решена, казалось бы, небольшая проблема, но существенно тормозящая развитие империи. Речь идет о государственном аппарате и профессиональной подготовке лиц, в нем работающих. 3 апреля и 6 августа были быстро, без длительных обсуждений, подписаны указы императора, кардинально изменившие систему назначения и прохождения государственной службы. Указы императора о придворных званиях и об экзаменах на чин вызвали шок у дворян и части чиновничества. Теперь, например, коллежским асессором нельзя было стать без свидетельства одного из российских университетов об окончании соответствующего курса или сдачи экзамена.

Дворянство было еще больше возмущено подготовленным «планом финансов», в котором государственные расходы сокращались, а подати и налоги увеличивались, их взимание упорядочивалось. И план этот был претворен в жизнь.

Вместе с началом подготовки проекта Гражданского уложения в качестве итога бесед и исполнения поручений императора к концу 1809 г. Сперанский подготовил своего рода план действий, а точнее план, предваряющий подготовку законодательных актов, посвященных многим сторонам жизни Российской империи. Документ назывался «Введение к Уложению государственных законов (План всеобщего государственного образования)»[401].

План был, по сути, систематическим изложением Сперанским «лучезарной идеи» Александра, которую можно было бы обозначить как самодержавную республику. Это словосочетание не только выглядит как оксюморон, но и является им. Тем не

менее Александр Павлович истово верил в возможность соединить республиканский принцип разделения властей с неограниченной властью монарха.

Сперанский предлагал оформить александровскую идею на законодательном уровне следующим образом: «Три силы движут и управляют государством: сила законодательная, исполнительная и судная».

В Плане производится разделение законов на государственные, которые определяют отношения частных лиц к государству, и гражданские, учреждающие отношения лиц между собой. При этом законы государственные могут быть двух видов: одни – преходящие, т. е. изменяемые в зависимости от экономики, внешней обстановки, необходимости полицейских мер и т. п.; другие, коренные (основные), напротив, «состоят в началах неподвижных и неизменяемых».

В Плане предлагается: «1) открытие всем свободным состояниям права собственности на землю; 2) учреждение состояния свободных земледельцев; 3) устройство министерств с ответственностию[402]; 4) Лифляндское положение яко пример и опыт ограничения повинностей крестьянских».

В качестве принципов законодательства указывается на то, что никакой закон не может иметь силы, если составлен не в законодательном органе; учреждения же и уставы должны состоять во власти правительства, при этом оно должно нести ответственность за то, что они не нарушают закона, или, иными словами, имеют полномочия пресекать противоправные действия.

Дается структура населения государства российского. При этом Михаил Михайлович утверждает:

«Два только могут быть источника всех разделений: права гражданские и политические».

Гражданские права, то есть безопасность лица и имущества, должны быть неотъемлемым достоянием всякого человека, входящего в общество. Политическими правами он называет участие «в силах государственных: законодательной, исполнительной», при этом такие права, по его мнению, должны быть у тех, кто обладает собственностью.

Сперанский в Плане предлагает критерии и порядок расположения государственных сил в империи:

«I. Российская империя разделяется на области и губернии.

II. Именование областей присвояется тем частям империи,

кои по пространству и населению своему не могут войти в общий распорядок управления. Сии области суть: 1) Сибирь, по хребет Уральских гор; 2) край Кавказский и Астраханский с Грузиею; 3) край Оренбургский; 4) Земля донских казаков; 5) край Новороссийский.

III. Области имеют особенное устройство с применением к ним общих государственных законов по местному их положению.

IV. Губерния составляет население от 100 до 300 тысяч душ.

V. Губерния разделяется на округи. В каждой губернии полагается самое меньшее два и самое большее пять округов.

VI. Округ имеет несколько волостей и волостных городов, к коим они приписаны».

Властные органы он предлагает поделить на четыре степени снизу вверх. Первая степень порядка – в волостных городах, составляющих округ; вторая – в окружном городе; третья – в губернском; четвертая – в столице. «В сих четырех степенях силы государственные, образуясь, восходят, наконец, к державной власти и в ней соединяются». В этих степенях находится и законодательный, судебный (судный) и исполнительный порядок.

Сперанский подробно описывает организацию и деятельность нового законодательного органа России – Государственного совета.

Госсовет замышлялся как законосовещательный орган, однако в конечном счете все законы исходят от самодержца, которого Сперанский называл державной властью. «Все законы, уставы и учреждения в первых их начертаниях предлагаются и рассматриваются в Государственном совете и потом действием державной власти поступают к предназначенному им совершению в порядке законодательном, судном и исполнительном. Никакой закон, устав и учреждение не исходит из Совета и не может иметь своего совершения без утверждения державной власти». Да и сам Госсовет должен формироваться императором. Министры входят в него по должности, председательствует император или он назначает председательствующим одного из членов Совета.

Император наделен всеми возможными полномочиями главы государства и выступает как арбитр между всеми частями державной власти.

Всеобщий План поражал масштабами и смелостью: он предусматривал хоть и незначительное, но ограничение монархии, упорядочение финансовой системы и разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную, разложив все это на общегосударственный, областной, губернский, окружной и волостной уровни (степени). Конечно же, Сперанский, прежде чем представить План, предварительно

заручился поддержкой императора как в целом, так и по отдельным частям.

Документ был закрытым для общества, и его реализация, как, впрочем, и ответственность, и в общем виде, и по частям зависели от императора. Для того чтобы подготовить законы, регулирующие жизнь в империи, необходимо было реорганизовать законодательную деятельность государства, выстроить порядок подготовки законов с их обсуждением и последующим повсеместным исполнением. Предлагаемый Государственный совет мог стать и впоследствии стал важным органом власти в Российской империи. С разными полномочиями Госсовет действовал до Февральской революции 1917 г.

С 1 января 1810 г. Сперанский становится государственным секретарем и пользуется огромным влиянием на императора и, соответственно, на жизнь империи. Он продолжает работу над усовершенствованием государственной власти. Теперь он на основании Плана подготовил реформу министерств.

Госсекретарь убедил императора в продолжении начатых в 1802 г. преобразований в части организации управления с помощью министерств, которые предлагалось организовать по единому образцу. Он предложил новое видение их организации, деятельности, контроля и ответственности. Было последовательно утверждено два манифеста. Вот что на эту тему писал В. О. Ключевский: «Они были преобразованы двумя актами – манифестом 12 июля 1810 года о разделении государственных дел на особые управления и „Общим учреждением министерств“ 25 июня 1811 года. По новому распорядку упразднялось одно из восьми прежних министерств, именно коммерции, дела которого распределялись между министерствами финансов и внутренних дел; зато из ведения последнего выделены были дела о внутренней безопасности, для которых образовалось особое министерство полиции»[403].

Манифест от 25 июня 1811 г. «Об Общем учреждении министерств»[404] представлял собой уникальный документ – детальную структуру и четкий алгоритм функционирования ответственной бюрократии, того самого механизма, призванного осуществлять эволюционное развитие страны. Этот, безусловно, новаторский документ не имеет западноевропейских аналогов. Думается, его значимость до сих пор не оценена в полной мере.

Два года империи перед войной (1810 и 1811) были самыми продуктивными. Менялась ситуация в финансах и государственной службе. Управление империей становилось все более системным. Для Сперанского это было время удовлетворения своих амбиций и поиска новых решений. Однако

были и те, кто ненавидел «поповича» и видел в нем врага устоям государства и их личным состояниям. И с каждой победой Михаила Михайловича эти ряды множились.

На тот момент существовали две дворцовые партии реформаторского толка. Партия конституционалистов, представленных в основном матерыми царедворцами, напуганными эксцессами правления Павла и потому мечтавшими хоть как-то ограничить власть царя и расширить власть родовитого дворянства. Молодежная партия ответственных бюрократов, стремившихся стать негласными наставниками императора и незримыми соправителями. Обе партии выступали за реформы, но понимали их весьма по-разному. Однако существовала третья, самая многочисленная, партия консерваторов, которые не хотели никаких изменений. Это была первая в истории России политическая оппозиция, но не самодержавию и императору, который оставался их знаменем, а его политике[405].

Консервативная партия зорко следила за реформаторскими потугами молодого императора и в проектах Сперанского почувствовала подрыв самодержавия и их собственных интересов. Консерваторы считали, что бюрократия отнимает часть власти у монарха, ограничивает произвол самодержца. Того и гляди придумают законы, которым должен подчиняться сам император. А это значит, что приходит конец произволу дворян-чиновников и неограниченной власти над крестьянами дворян-помещиков. В их понимании такое было сравнимо с «великим и страшным требованием» извести дворянство под корень.

В ответ консервативное дворянство из своих сплоченных рядов выдвинуло собственного идеолога – потомка древнейшего дворянского рода, ведущего свое происхождение от татарского мурзы по имени Кара-Мурза, Н. М. Карамзина.

Не какого-нибудь фельдфебеля в Вольтеры, не дремучего Собакевича, а человека великого, одного из создателей современного русского языка, основоположника сентиментального направления в русской литературе, да и самой этой литературы, первого и единственного придворного историографа, друга императорской семьи, собеседника И. Канта, свидетеля Великой французской революции, едва не репрессированного за свободомыслие во времена Екатерины II.

«Карамзин как великий писатель был вполне русский человек, человек своей почвы, своей страны. Сначала он приступил к жизни, его окружавшей, с требованиями высшего идеала, идеала, выработанного жизнью остального человечества. Идеал этот, конечно, оказался несостоятелен перед

действительностью, которая окружала великого писателя… В этой действительности можно было или только погибнуть… либо… не то что ей подчиниться, но обмануть ее… И Карамзин это сделал. Он обманул современную ему действительность»[406]. Николай Михайлович создал систематизированное, хорошо изложенное сочинение об истории России.

На основе этого сочинения, впоследствии получившего название «История государства Российского»[407], в феврале 1811 г. он написал знаменитую записку Александру I[408] о вреде ответственной бюрократии, которую не без основания подозревал в коррупции[409], и европейских законов, особенно Кодекса Наполеона[410].

В записке Карамзин подверг детальной, иногда справедливой, но явно очень пристрастной критике все начинания правительства, все малейшие его упущения.

«Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Пётр». «Требуем более мудрости хранительной, нежели творческой». «Государь! Ты преступаешь границы своей власти: наученная долговременными бедствиями, Россия пред святым алтарем вручила самодержавие твоему предку и требовала, да управляет ею верховно, нераздельно. Сей завет есть основание твоей власти, иной не имеешь; можешь все, но не можешь законно ограничить ее!..»[411] – вот базовый пафос записки.

Впрочем, как свидетельствуют историки[412], Александр отнесся к записке холодно, и не она послужила причиной его резкого отказа от курса на модернизацию.

Существует много версий причин, приведших к низвержению Сперанского с вершины власти – статуса фаворита императора, – и краху намечавшихся реформ.

Многие кивают на слабость, непоследовательность и лицемерие Александра[413], его неспособность надолго сосредоточиваться на одном деле и обыкновение быстро разочаровываться в нем, особенно если оно требует заметных усилий по преодолению сопротивления его противников. Александр Павлович «…замечательно умел вдохновить своих избранников, смело наметить… известную программу и цель, но как только машина приходила в полную силу своего напряжения, давался непредвиденно задний ход»[414].

Были многочисленные тайные доносы на Сперанского. Вот выдержка из письма графа Ростопчина от 4 марта 1812 г.: «Под

видом патриотизма он хотел действительно против особы Вашей все сословия озлобить и вынудить народ произвести великое и страшное требование, которое уже случилось в Италии и Швейцарии. Не он ли был орудием в прошедшее время, когда Ваше Величество было при Тильзите обманутыми заключить мир, и мир для России самый невыгодный, бремя коего и тяжесть Вы уже испытали; от которого финансы Ваши опустели и способы к поправлению исчезли. Чиновники, кои бы в сем важном деле могли бы пользою для государства быть употреблены, чрез посредство его под видом опасных оклеветаны пред Вашим Императорским Величеством и отдалены.

Не удивляйся сему, Монарх! Злато и бриллианты, через французского посланника к нему доставленные, ослепили ему глаза и удалили от вторжения к отечеству и особе Твоей»[415]. Стало ли письмо Ростопчина последней каплей при принятии решения об аресте и высылке Сперанского? Вряд ли.

Ряд исследователей указывает важной причиной падения Михаила Михайловича приближение войны с Наполеоном. Поскольку весь командный состав русской армии состоял из дворян, Александр в этих обстоятельствах вынужден был пойти навстречу требованиям консервативной дворянской верхушки и произвести в их сторону примиряющий идеологический жест, пожертвовав Сперанским[416].

> **Можно предположить, что прожженные политики из Негласного комитета, понимая, к чему идет дело, просто подставили молодого, рьяного и к тому же безродного карьериста Сперанского в качестве громоотвода и сакральной жертвы**[417].

Неслучайно крестным отцом Михаила Михайловича на бюрократическом поприще был член этого комитета Кочубей, а руководителем комиссии, в которой Сперанский раскрутил свою фантастическую карьеру, – Новосильцев. Сами-то они не только вышли сухими из этой передряги, но и, как мы увидим в дальнейшем, сохранили свое положение и продолжали свои реформаторские усилия.

Конечно же, Сперанский в то время не был опытным политиком, он занимался конкретными делами: законодательством, образованием, финансами, управлением, но погорел именно на политике. И это неудивительно в условиях склеенности этих двух сфер деятельности в патримониальной бюрократии[418]. Если смотреть на вещи с этой точки зрения, судьба раннего Сперанского становится менее загадочной, но более драматичной. Судьба же позднего Сперанского выглядит

вполне логичной.

Конечно же, все вышеназванные обстоятельства сыграли свою роль. Сперанский после аудиенции с императором 17 марта 1812 г. был отправлен в ссылку.

6
Александр и Наполеон

Вряд ли, говоря об эпическом противостоянии с Наполеоном, Александр мог произнести сакраментальную фразу: «Ничего личного»[419].

Названный Александром, т. е. победителем, в честь Александра Македонского и Александра Невского, он с раннего детства приготовлялся к роли наиболее выдающегося правителя если не мира, то Европы. А тут какой-то корсиканский выскочка, самоназначенный император Франции, побеждающий во всех баталиях, активно осуществляющий социально-политические преобразования, добившийся незаурядных достижений в науке[420] и т. д. и т. п. И по всем этим направлениям Бонапарт был гораздо более успешным, чем Александр, потому как был склонен к составлению системных планов и их последовательному неукоснительному воплощению.

Бонапарт сумел оседлать в победоносных войнах энергию Французской революции, погасить революционный пыл мещанства, заключив его в строгие нормы нетленного Кодекса Наполеона, навеки закрепив идею равенства сословий и освятив права собственности. Он втягивал в орбиту своей империи все новые территории, восстанавливая Древний Рим на свой манер.

Поборнику идей Французской революции было обидно, что Наполеон и его приспешники «сумели распространить» общее мнение, что «их дело – дело свободы и благоденствия народов. Было бы постыдно для человечества, чтобы такое прекрасное дело пришлось рассматривать как задачу правительства, ни в каком отношении не заслуживающего быть его поборником». Необходимо, чтобы силы антинаполеоновской коалиции «вырвали у французов это столь опасное оружие и, усвоив его себе, воспользовались им против них же самих»[421].

Особенно задевало Александра, что на рубеже XVIII–XIX вв. Наполеон был кумиром русского высшего общества – у многих царедворцев в кабинетах или покоях висел портрет Бонапарта. Это, конечно же, не радовало Александра, и соперничество с Наполеоном все больше и больше

переходило в сферу личных отношений.

Профранцузская внешняя политика Павла I сменилась противоположной, однако потерпев ряд сокрушительных поражений в составе антинаполеоновских коалиций, после которых император сильно переживал, Александр был вынужден пойти на сближение с Бонапартом, заключив с ним Тильзитский (Тильзит – ныне город Советск в Калининградской области) мир в 1807 г., к неудовольствию консерваторов.

Во время встречи в Тильзите оба императора изображали полнейшее дружелюбие, обменивались комплиментами, подарками и поцелуями. Вот только Наполеон нетактично напомнил Александру об обстоятельствах его прихода к власти. Александр Павлович таких намеков сильно не любил и запомнил это на всю жизнь.

Будучи прирожденным лицедеем, Александр легко заморочил Наполеону голову и очаровал его: «Это молодой, чрезвычайно добрый и красивый император. Он гораздо умнее, чем думают». Александр же держал фигу в кармане и уверял прусского короля: «Потерпите, мы свое воротим. Он сломит себе шею. Несмотря на все мои демонстрации и наружные действия, в душе я – ваш друг и надеюсь доказать вам это на деле… По крайней мере, я выиграю время»[422].

В 1808 г. переговоры Александра и Наполеона, проходившие с 27 сентября по 14 октября, получили в истории и литературе почти романтическое название – Эрфуртское свидание. На Эрфуртском конгрессе за две недели императоры и лица, их сопровождающие, обсудили и международные, и военные вопросы. Главы государств ходили в театр, вместе охотились, ужинали.

Александр хотел поддержки в борьбе против Османской империи, Наполеон – против Англии.

12 октября 1808 г. был подписан союзный договор, исполнять который Александр был не намерен и не исполнял.

Союз с Россией был голубой мечтой Наполеона: две сильнейшие в мире армии вполне могли «наделать делов», перестроить мир и установить там свои порядки. Он даже планировал укрепить этот союз путем династического брака[423].

Не нужно забывать, что русско-шведская война была выиграна в том числе с учетом договоренностей Александра и Наполеона. По итогам договора Российской империи и Швеции 1809 г. Финляндия вошла в состав Российской империи.

В 1809 г. французский император окончательно разгромил Австрию и начал готовиться к решающей войне с Англией, но

перед этим требовал от России выполнения Тильзитского договора, предусматривающего блокаду Англии. Однако Александр в силу разных причин, в том числе и личных, не привыкший к давлению, сопротивлялся и направлял вынужденному союзнику ультиматумы с требованием освободить захваченные австрийские территории. Война становилась неизбежной.

Антинаполеоновски настроенные дворяне собирались дома у Державина, где в 1811 г. адмирал Шишков выступил с известной речью о любви к Отечеству[424].

> **В России соперничеству с Бонапартом был придан религиозный характер: Наполеона объявили Антихристом, в том числе и за то, что он наделил евреев теми же правами, что и французов**[425]**. По праздничным и воскресным дням в церквях зачитывался Манифест Священного синода Русской православной церкви о Наполеоне, замыслившем созвать «синедрион еврейский», дабы объединить иудеев и направить их на низвержение церкви Христовой и утверждение Наполеона как нового Мессии, Лжехриста**[426].

Отданный на съедение консерваторам в качестве аватара императора, Сперанский сразу превратился, если можно так выразиться, в антихристёнка. «Близ него мне всегда казалось, что я слышу серный запах и в голубых очах его вижу синеватое пламя подземного мира», – говорил записной патриот Ф. Вигель[427]. А. С. Шишков, назначенный государственным секретарем вместо Михаила Михайловича, всем рассказывал, что Сперанский «был подкуплен Наполеоном предать ему Россию под обещанием учредить ему корону польскую»[428]. А поэт и министр Гавриил Романович Державин был убежден, что Сперанский «совсем был предан жидам через известного откупщика Переца», за что Михаила Михайловича «гласно подозревали в корыстолюбии <..> по связи его с Перцем»[429].

После победы в Отечественной войне 1812 г. Александр I настоял на заграничном походе в Европу в 1813–1814 гг., чтобы окончательно уничтожить своего исторического соперника Наполеона Бонапарта.

Перед вступлением в столицу Франции 31 марта 1814 г. император сказал представителям Парижа: «Ваш император, некогда мой союзник, вторгся в самое сердце моей страны и принес ей страдания, которые не скоро изгладятся из памяти моих подданных; я пришел к вам, движимый законным желанием

постоять за свою державу. Я далек от мысли о мести. Я справедлив и знаю, что в случившемся виноваты не французы. Французы мои друзья, и я хочу доказать им, что намереваюсь ответить на зло добром. Мой единственный враг – Наполеон»[430].

Впрочем, за время многочисленных военных кампаний Александр впал в глубокую религиозность и мистицизм и не мог не проявить милосердия по отношению к поверженному врагу. Взятие Парижа было превращено Александром I в настоящее духовное торжество. Воззвание императора содержало призыв не уподобляться врагам и принести им «не месть и злобу, но дружелюбие и простертую для примирения руку». 29 марта 1814 г. по старому стилю, в первый день Пасхи, было устроено торжественное молебствие на парижской площади Согласия, на месте казни Людовика XVI. Через год, «проникнувшись сознанием благодати, осенившей Россию», Александр решил «организовать международные и политические отношения на учении Евангелия». 14 сентября 1815 г., в день праздника Воздвижения Креста Господня, по инициативе Александра I монархи России, Австрии и Пруссии подписали акт о Священном союзе[431].

Наполеон был сослан на Эльбу, с которой благополучно сбежал через год, после чего еще 100 дней шествовал по Европе, пока не проиграл битву при Ватерлоо и не оказался в плену у англичан на острове Святой Елены. Он до конца дней вспоминал своего заклятого друга Александра. По воспоминаниям приставленного от русского императора комиссара А. А. де Бальмена, окружение Наполеона с грустью рассуждало о возможности отбывания ссылки в России: «Если бы мы были в России, нам было бы так же хорошо, как в Париже. У императора были бы замок, прекрасные сады, экипажи, приятное избранное общество. Император Александр по великодушию не чета этим скверным англичанам»[432].

Александр I сыграл основную роль на Венском конгрессе 1814–1815 гг., закрепившем новую расстановку сил в Европе.

По инициативе российского императора был создан Священный союз европейских монархов[433]. Историческая задача союза – поддерживать мир в Европе, руководствуясь идеей божественного происхождения и безусловной легитимности существующей власти. Священный союз перечеркнул все достижения и «наполеоновские планы» Бонапарта.

Наиболее откровенно о соперничестве Александра Благословенного и Наполеона высказался Великий князь Николай Михайлович: «Что же касается Александра, то гениальность

Наполеона отразилась как в воде на нем и придала ему то значение, которого он не имел бы, не будь этого отражения»[434].

7
Империя Александра после Отечественной войны и заграничных походов

Получив по решению Венского конгресса 3 мая 1815 г. целиком все Царство Польское, Александр 27 ноября 1815 г. даровал ему конституционную хартию Царства (Королевства) Польского[435] – первый в истории России конституционный акт. Так было положено начало безнадежного эксперимента по включению в тело империи национального, если не сказать националистического, государства.

Проект этого документа был подготовлен представителями польской аристократии с участием упоминаемого нами А. А. Чарторыйского[436], который был назначен вице-президентом Польского правительства. Документ подчеркивал определяющую роль конституции как акта, связующего Польшу с Россией.

Эта конституция превращала Польшу в автономную абсолютную монархию, «навсегда соединенную с Российской империей». Император назначал наместника, каковым мог быть лишь поляк. Исключение делалось для наместника из членов Императорского Дома. Королем царства Польского стал Александр I.

Конституция сохраняла традиции Речи Посполитой, которые нашли свое выражение в названиях государственных учреждений, организации Сейма, коллегиальной системе государственных органов, выборности администрации и судей. Польша сохраняла свое правительство, армию (она была преобразована по русскому образцу при сохранении польских формы одежды и языка командования), национальную денежную единицу злотый. Польский язык по-прежнему носил статус государственного.

Царь Польский возглавлял исполнительную власть с правом назначения чиновников и высшего духовенства, офицеров вооруженных сил, правом возведения в дворянское достоинство, объявления войны и мира, заключения договоров, правом созыва Сейма, назначения состава его верхней палаты – Сената, а также исключительным правом законодательной инициативы. Нижняя палата Сейма – Палата депутатов, или послов, избиралась дворянскими собраниями. Избирательных прав была лишена значительная часть населения, прежде всего крестьяне.

В конституции провозглашались свобода вероисповеданий, свобода личности, свобода печати и перемещения, равенство

перед судом, представительство в Сейме (парламенте). Все королевские распоряжения и постановления должны были скрепляться подписью министра, который и будет нести ответственность за все, что могло бы в этих распоряжениях и постановлениях заключаться противного конституции и законам. Министерств (комиссий) учреждалось пять: министерство культов и народного просвещения, министерство юстиции, министерство внутренних дел и полиции, министерство военное, министерство государственных доходов и имуществ.

> **На территории Польши действовал Кодекс Наполеона. Так что Александр I удивительным образом был одновременно и абсолютным монархом для королевства Польского, и самодержцем для остальной империи. 29 апреля 1818 г. был принят еще один конституционный акт – «Устав образования Бессарабской области»**[437] **вместе с предоставлением ей автономии**[438].

Пришла очередь подготовки Основного закона Российской империи. **15 марта 1818 г. по заданию императора Александра I началась работа по подготовке проекта «Государственной уставной грамоты Российской империи»** под руководством князя Н. Н. Новосильцева. Французский оригинал текста Грамоты был написан юристом П. И. Пешар-Дешаном на французском языке. Князь П. А. Вяземский осуществил перевод Грамоты на русский язык и взял ответственность за его общую доработку. **Текст проекта «Государственной уставной грамоты»**[439] **был закончен в 1820 г.**

В проекте предлагалось разделение властей: создание двухпалатного парламента – Государственного сейма, состоящего из Сената и Посольской избы; Верховный государственный суд выделялся из Сената, становившегося верхней палатой законодательного Государственного сейма, а исполнительная власть оставалась в руках императора.

Страну следовало разделить на десять наместничеств (аналог современных федеральных округов), которые, в свою очередь, делились на губернии, а те – на уезды, уезды – на округа. В каждом наместничестве образовывались бы двухпалатные представительные органы (сеймы). Верхняя палата – это департамент реорганизованного Сената, нижняя – из числа депутатов (по три от каждого уезда).

Впервые в истории России предполагалось закрепить некоторые права человека и провозгласить свободу печати. При этом «никто не мог быть арестован без предъявления обвинения;

никто не мог быть наказан иначе, как по суду». Крепостное право и крепостные крестьяне в тексте не упоминались, так что конституционные нормы на них не распространялись.

Однако, хотя управленческая система, описанная в Грамоте, включает в себя разные сферы государственного устройства – судебные, законосовещательные и исполнительные органы во всем их многообразии, ни один из этих органов не наделен даже подобием власти, а исключительно функциями. Единственное их предназначение – предоставить в распоряжение самодержца механизм реализации его и только его неограниченной власти[440]. Как видно, идея самодержавной республики продолжала существовать.

Одновременно с Уставной грамотой разрабатывался и первый в истории России секретный проект отмены крепостного права путем выкупа помещичьих крестьян с их наделами казной. Его предложили могущественный А. А. Аракчеев[441] и министр финансов Д. А. Гурьев.

Это был довольно радикальный проект, осуществление которого могло бы привести к созданию в стране аграрного строя фермерского типа.

> **По мнению Гурьева, отношения между крестьянами и помещиками следовало строить на договорной основе, а различные формы собственности на землю вводить постепенно. Для помещиков такой вариант был бы вполне приемлемым: пострадавшие от продолжительной войны с Наполеоном и влезшие в серьезные долги, они могли быстро поправить свое финансовое положение.**

В то же время окончательно они не расставались и с крестьянами: те должны были получить столь небольшие наделы земли (чуть больше двух гектаров на душу), что им все равно пришлось бы арендовать еще часть у помещика[442]. Главное – в проекте не предусматривалось никакого насилия над дворянами. Все должно было произойти с их согласия и к их пользе.

Позднее, в 1821 г., князь Н. Н. Новосильцев вместе с М. С. Воронцовым и А. С. Меншиковым разработал и представил Александру I доработанную версию проекта по отмене крепостного права.

Однако Александр замотал эти проекты реформ, как и все предыдущие. Многие связывают нерешительность Александра Павловича с его глубоким мистицизмом. Он все ждал, когда

Господь откроет ему истину и осенит своим знамением. Вот тогда он и проведет все реформы, а пока лучше повременить и дождаться нужного момента…

«Александр Павлович оставил брату тяжелое наследство, страну, изнеможенную от прошлых войн, а еще больше от аракчеевщины, и весь организм больным и утомленным, а внутри – полнейшую дезорганизацию власти и всякого порядка при полном отсутствии какой-либо определенной системы управления»[443].

8
От секретных комитетов к тайным обществам

После победы над Наполеоном консерваторы чувствовали себя победителями, сумевшими отвести угрозу катастрофических, по их мнению, реформ. Александр все больше впадал в мистицизм и депрессию. **Вместе с тем реформаторские идеи развивались не только в официальных кругах и постепенно перетекли из секретных комитетов в тайные общества.** Это была вторая политическая оппозиция, но опять же не императору и не самодержавию, а консервативной партии.

> **Поначалу членов таких обществ было немного, по большей части это были гвардейцы и дворянская элита, верхушка аристократии. Были там такие фамилии, как Трубецкой и Волконский, но были и представители дворянских низов: Пестель – сын сибирского генерал-губернатора, годами не появлявшегося в Сибири и слывшего страшным казнокрадом; Рылеев, наоборот, был из бедных дворян.**

Членов тайных обществ объединяла возросшая самооценка – они победили Наполеона! Во время военных походов они привыкли к большой степени самостоятельности принятия решений, уровень их личной ответственности всегда был огромен. Эти люди привыкли жить своим умом и не желали выполнять тупые приказы самодуров-сановников. Их лозунгом было: «Служить бы рад, прислуживаться тошно»[444]. Все они претендовали на государственные должности при действующей власти. Нарождалась новая элита военной и гражданской бюрократии, стремившаяся получить часть властных полномочий хотя бы в рамках своих служебных обязанностей.

Например, дружеское закрытое общество безвестных людей «Арзамас», существовавшее в 1815–1818 гг., основали крупные чиновники, такие как С. С. Уваров[445] и Д. Н. Блудов[446], известные поэты – Жуковский, Батюшков, дядя и племянник Пушкины, а потом туда вступили будущие декабристы М. Орлов и Н. Тургенев. И в литературе, и в политике арзамасцы противостояли архаическому, консервативному движению, которое олицетворяли адмирал А. Шишков и его общество «Беседа любителей русского слова».

Подобные кружки и тайные общества возникали и исчезали в ту пору то тут, то там. Эти тайные общества, по словам В. О. Ключевского, «составлялись так же легко, как теперь акционерные общества, и даже революционного в них было не больше, как в последних»[447]. Многие из тех, кто участвовал в заседаниях таких обществ, впоследствии с возрастом и обстоятельствами полностью потеряли к ним интерес и стали ревностными чиновниками-охранителями.

Оставшиеся же члены тайных обществ все более радикализировались и в итоге стали представлять собой оппозицию не консерваторам, а самодержавию и императору. Александр знал об их существовании, но смотрел на них сквозь пальцы: «…я разделял и поощрял эти заблуждения. Я им не судья», – якобы сказал он.

> **Основным контингентом образованных в 1821 г. Южного общества (на Украине, в местечке Тульчине, в районе расквартирования второй армии) и Северного общества с центром в Петербурге были дворяне – бедные или зажиточные, родовитые или не очень. Все они искренне полагали главной своей целью службу на благо отечества**

и почли бы за честь служить государю в качестве государственных сановников и помогать ему в осуществлении реформ – введении конституции и отмены крепостного права, установлении справедливых судов, равенства людей всех сословий перед законом. Им было душно в рамках существовавшей сословно-патримониальной системы управления, которая, как они считали, ведет страну к краху.

Поскольку мыслили они масштабно, программными документами обоих обществ стали проекты конституций.

Проект, подготовленный членом Северного общества Н. М. Муравьёвым[448], **предполагал учреждение конституционной монархии**: «Лицо императора священно и неприкосновенно – Он не подлежит суждению. Он облечен всею

верховною исполнительною властью. Он верховной начальник всей сухопутной и морской силы, назначает и отменяет по своему произволу министров, главнокомандующих армиями и флотами и всех чиновников исполнительной власти – представляет Россию во всех ее сношениях с иностранными державами, назначает посланников и ведет переговоры».

Вместе с тем император – только «верховный чиновник российского правительства», законодательной власти он не имел. За счет своего жалованья (8 млн рублей в год) император мог содержать придворный штат. Эти люди считались личной прислугой и лишались избирательного права. Император не имел права ни начинать войны, ни заключать мир; он не мог покидать территории империи, иначе лишался императорского звания.

«Все русские подчинены одним и тем же Законам без различия состояний, обязаны участвовать в выборах, если ответствуют условиям, требуемым Законом, и не отклоняться от должностей, на которые они изберутся».

Сословия предлагалось отменить: «Разделение между благородными и простолюдинами не принимается, поскольку противно Вере, по которой все люди братья, все рождены благо по воле Божьей, все рождены для блага и все просто люди: ибо все слабы и несовершенны». Все названия сословных групп (дворяне, мещане, однодворцы и др.) отменялись и заменялись названием «гражданин» или «русский». Отменялась и «Табель о рангах».

Предлагался имущественный ценз для избирателей, достигших возраста 21 года, – 500 рублей. Через 20 лет после принятия Конституции предполагалось ввести требование грамотности: неграмотный лишался избирательных прав. Кочевники также не имели такого права. Избирательных прав для женщин не предполагалось.

Крепостное право отменялось. «Крепостное состояние и рабство отменяются. Раб, прикоснувшийся земли русской, становится свободным». Крестьяне получали усадебные участки и еще по две десятины на двор в порядке общинного владения. Человек не может быть собственностью другого, а «право собственности, заключающее в себе одни вещи, – священно и неприкосновенно».

Россия провозглашалась федеральным государством и делилась на федеративные единицы, которые Муравьёв называл державами по аналогии со штатами США.

Законодательная, исполнительная и судебная власти были разделены.

Верховным органом законодательной власти должно было стать Народное вече. Оно состояло из двух палат: верхняя

называлась Верховной думой, нижняя – Палатой народных представителей. Народное вече должно было собираться раз в год. Дума, по проекту Муравьёва, должна состоять из 42 членов: в нее выбирались по три гражданина от каждой державы. Совместно с императором Дума участвовала в заключении мира, в назначении судей верховных судебных мест, высших военачальников и верховного блюстителя (генерал-прокурора). Каждые два года переизбиралась одна треть членов Верховной думы. Принятие закона могло быть отсрочено императором, но не могло быть им самовольно отвергнуто. В державах также существовала двухпалатная система. Все должности в управлении государством были выборными.

Согласно проекту, сословный суд отменялся и вводился общий суд присяжных заседателей для всех граждан. Судьи также были выборными.

Провозглашались свободы передвижений и занятий, слова, печати и вероисповеданий.

> **«Русская Правда»**[449] **П. И. Пестеля, члена Южного общества, представляет особый интерес. Автор работал над документом четыре года. Считается, что из запланированных десяти глав написаны только пять. В отличие от проекта либерально-демократической федерации Муравьёва, это была конституция национального республиканского государства с тоталитарными оттенками.**

Уничтожалось не только само самодержавие, но даже память о нем. Чтобы эта зараза больше никогда не возродилась в России, вся императорская фамилия должна быть физически уничтожена.

Проведя на редкость точный социологический анализ структуры российского общества в политическом, социальном, экономическом и географическом разрезах, Пестель приходит к весьма странному выводу: нужно не пытаться согласовать интересы различных социальных групп, а уничтожить их, отменить сословия, ликвидировать нерусские национальности. Задолго до Карла Маркса Павел Иванович придумал бесклассовое общество. А за 100 лет до Гитлера – моноэтническое расистское государство.

Все население России предлагалось разделить на три разряда. Первый – «Племя славянское, коренной народ русской». В этот разряд входят все славянские народы без различия. Второй – «Племена, к России присоединенные». Здесь предлагается набор стратегий для разных народов. Жители Средней Азии должны

быть преобразованы в Аральское казачество. Цыгане либо должны принять православие, либо будут выселены за пределы России. Не лучше с кавказскими народами: «Разделить все сии кавказские народы на два разряда – мирные и буйные. Первых оставить в их жилищах и дать им российское правление и устройство, а вторых силою переселить во внутренность России, раздробив их малыми количествами по всем русским волостям». Иностранцы были третьим разрядом и делились на подданных и неподданных России. Неподданным запрещалось иметь недвижимое имущество и состоять на государственной службе.

Не обошлось и без извечного еврейского вопроса. «Паче же всего надлежит иметь целью устранение вреднаго для християн влияния тесной связи евреями, между собою содержимой ими, противу християн направляемой и от всех прочих граждан их совершенно отделяющей». Либо должна быть достигнута некая договоренность с представителями еврейской общины. Тогда «Россия не выгоняет евреев, то тем более не должны они ставить себя в неприязненное отношение к христианам»[450]. Либо сконцентрировать всех евреев на сборном пункте с последующим переселением в Азию. В конце концов, все граждане нового государства должны стать русскими в этническом смысле.

Понятно, что ни о какой федерации речи не шло.

> **Россия должна была стать единым и неделимым государством. Всю страну планировалось разделить на десять областей, состоящих из пяти округов (губерний). Округа, в свою очередь, делились на уезды (поветы), а те – на волости. Столицу надлежало перенести в Нижний Новгород, переименовав его во Владимир, а «Владимир может быть назван Клязминым, стоя на реке Клязме».**

Высшая законодательная власть должна принадлежать однопалатному Народному вечу в количестве 500 человек. Исполнительная власть осуществлялась Державной думой в составе пяти человек, избиравшихся Народным вечем на пять лет (каждый год по одному человеку). Председателем был тот человек, который заседал в Думе последний год. Думе подчинялись все министерства.

Пестель изобрел новую ветвь власти – блюстительную, или контрольную. Это был Верховный собор из 120 человек, куда пожизненно избирались самые уважаемые люди со всей страны.

Распорядительную власть на местах получали областные, окружные, уездные и волостные наместные собрания. Исполнительная власть на местах осуществлялась

соответствующими правлениями.

Крепостное право предлагалось отменить. Половина пахотной земли должна была выполнять социальную функцию предотвращения бедности и находиться в общинной собственности, а вторую половину земельного фонда планировалось оставить в собственности помещиков. Помещичья земля предназначалась для сдачи в аренду фермерам – «капиталистам земледельческого класса». «Еще хуже – отдать землю крестьянам. Здесь речь идет… о капитале и просвещении, а крестьяне не имеют ни того, ни другого»[451].

Довольно много внимания в проекте уделяется частному праву: «Пятая Глава рассуждает о народе в отношении к приуготовляемому для него гражданскому или частному состоянию». В ней можно выделить положения вещного, семейного, наследственного и договорного права. «Право собственности или обладания есть право священное и неприкосновенное, долженствующее на самых твердых, положительных и неприкосновенных основах быть утверждено и укреплено, дабы каждый гражданин в полной мере уверен был в том, что никакое самовластие не может лишить его ниже малейшей части его имущества».

В общем, из текста видны незаурядные коммерческие способности Павла Ивановича, скорее всего, унаследованные от его не в меру предприимчивого отца.

В качестве опоры намечаемых преобразований Пестель видит не народ, а бюрократию: «Истинную постепенность образует в государстве чиноначальство, состоящее из тех чиновников, которые в службе находятся, разныя должности исполняют и разными званьями друг от друга отличаются. Сие чиноначальство, будучи распределяемо по разным степеням общаго и частнаго государственнаго правления, дает всем деяниям законное их течение и доводит оныя от их начала до совершения, а ежели нужно, то и до самой верховной власти. Кратко сказать: постепенность в государстве необходима и находится не в сословиях народа, но в государственном чиноначальстве, которое всегда может быть от сословий совершенно независимо, ибо в чиновнике нужны способности, знания и добродетели, могущая быть найдены во всех сословиях». Павел Иванович понимал: бюрократия – это всего лишь инструмент в руках политиков и может служить как демократии, так и тоталитаризму.

Сразу после свержения самодержавия должно было быть учреждено Временное правительство с диктаторскими полномочиями на 20 лет.

Алгоритмом функционирования бюрократической машины должны быть законы: «В отношении к чиноначальству постановляются следующия Коренныя правила:

1) Каждый гражданин имеет право на занятие всех мест и должностей по государственной службе. Одни дарованья, способности, познания и услуги служат поводом и причиною к прохождению службы.

2) Законы определяют по каждой отрасли государственнаго правления, каким образом чиновники службу свою продолжать обязаны и что от них требуется как при вступлении в службу, так и во время прохождения оной. Сему порядку подлежат все граждане одинаковым образом.

3) Законы определяют награждения за услуги чиновников и взыскания за их упущения по службе. Все служащие граждане имеют ровныя права на все награждения по мере их услуг и подлежат ровным взысканиям по мере их упущений или преступлений.

4) Законы определяют круг действия каждаго чиноначальства или правительственнаго места, а граждане обязаны все без всякаго изъятия каждому чиноначальству в круге его действия одинаковым образом в полной мере повиноваться и оное с должным почтением уважать».

Все должны быть равны перед законом. Избирательным правом могли пользоваться только мужчины, достигшие возраста 20 лет. Провозглашались свободы: слова, печати, а также занятий, собраний, передвижения. Личность и жилище объявлялись неприкосновенными. Суд должен быть равным для всех.

Нельзя не отметить, что большинство членов декабристских обществ не были революционерами. Они не противопоставляли себя государству, а служили ему и к тому же были важной частью российской элиты.

Если бы реформы исходили от трона, декабристы бы их приветствовали. Так что советский нарратив, что декабристы были предтечей революционеров – Герцена, петрашевцев, народников, народовольцев и, наконец, большевиков, – явная натяжка.

Предложенные варианты конституции отнюдь не встретили всеобщего одобрения. Будущие декабристы активно спорили между собой. Многие вопросы ставились впервые, а ответов на них не было.

Как и все дворяне, декабристы панически боялись темной энергии крестьян и совсем не собирались вовлекать их в

планируемый мятеж, понимая, что это крайне опасно.

Трудно сказать, прочти Александр I эти проекты конституции, воспринял бы он их как долгожданное знамение или нет.

9
Смерть Александра Павловича

Александр Павлович Романов неожиданно **умер** достаточно молодым человеком **19 ноября (1 декабря) 1825 г. в Таганроге,** ему было всего 47 лет. Погребение состоялось только в 1826 г.

Пока везли тело из Таганрога в Санкт-Петербург, прошел мятеж и даже начались расследование и суд над декабристами. Похоронен Александр Павлович Романов в Петропавловском соборе Петропавловской крепости.

Через полгода, в мае 1826 г., также в возрасте 47 лет, умерла супруга Александра Павловича Елизавета Алексеевна. Похоронена рядом с мужем.

Слухи о том, что Александр не умер, возникли сразу, поскольку император ничем серьезным не болел, оставаясь всегда на публике. При этом гроб не открывали; даже считается, что были попытки сделать это насильно, но охрана получила соответствующие инструкции.

Что касается истории хождения императора по Руси, эти слухи появились гораздо позже его смерти. Они сложились вокруг Фёдора Кузьмича – странного старца, который жил в Томске, имел военную выправку, говорил по-французски и писал непонятными шифрами. Однако многие, кто верил в эту конспирологию, например Лев Толстой, собиравшийся даже написать об этом книгу, вникая в проблему, понимали, что это очередная легенда из разряда тех, которые возникают из необразованности, а главное – неинформированности населения: подобные истории были с Дмитрием, сыном Ивана Грозного, и Петром III, мужем Екатерины II.

Александр I до сих пор в значительной степени остается, по выражению П. А. Вяземского, «сфинксом, неразгаданным до гроба». С одной стороны, он соглашался с передовыми людьми своего времени, что самодержавие стало тормозом на пути цивилизационного и экономического развития России. При его правлении были разработаны пусть и косметические, но все-таки вполне прогрессивные проекты политических реформ. С другой стороны, комплексы, о которых мы говорили выше, а также стереотипы самодержавного имперского сознания российского общества не позволили эти реформы осуществить, что вызвало

брожение в правящем классе страны.

Как бы то ни было, российское общество до и после Александра I – это, как говорится, две большие разницы.

10
Заключение к главе 1

Как утверждает дотошный исследователь личности Александра Павловича, его внучатый племянник Великий князь Николай Михайлович, один из немногих, кто был допущен к семейному архиву Романовых, «Император Александр I никогда не был реформатором, а в первые годы своего царствования он был консерватор более всех окружавших его советников»[452]. Если судить по делам, да: Александр не только не осуществил ни одной реформы, но даже и не приступал к ним.

Но ведь хотел. Неслучайно он побуждал своих соратников и царедворцев сочинять многочисленные прожекты этих реформ. Еще будучи цесаревичем, он в 1797 г. писал своему наставнику Лагарпу, находившемуся тогда в революционной Франции: «Благосостояние государства не играет никакой роли в управлении делами: существует только неограниченная власть, которая все творит шиворот-навыворот… Если когда-либо придет и мой черед царствовать, то вместо добровольного изгнания себя я сделаю несравненно лучше, посвятив себя задаче даровать стране свободу и тем не допустить ее сделаться в будущем игрушкою в руках каких-либо безумцев… Это было бы лучшим образцом революции, так как она была бы произведена законною властию… необходимо будет образовать народное представительство, которое, должным образом руководимое, составило бы свободную конституцию, после чего моя власть совершенно прекратилась бы, и я, если Провидение благословит нашу работу, удалился бы в какой-нибудь уголок и жил бы там счастливый и довольный, видя процветание своего отечества и наслаждаясь им»[453].

Однако, взойдя на престол, Александр задался типичным для автократа-реформатора вопросом: если я отдам хотя бы часть власти, как буду проводить реформы?

Если принять конституцию и учредить представительский законодательный орган, кто в нем будет заседать? Все те же душевладельцы, которые не допустят ни отмены крепостного права, ни новых экономических отношений. И как я смогу

преодолеть их сопротивление?

Ели передать осуществление реформ в руки ответственной бюрократии, это приведет к обезличиванию власти, ее механизации что ли. Бюрократической машине нужен опытный механик, а не император и знатные вельможи, конкретно говоря, Сперанский, а не Александр. Пусть верховный правитель и формулирует цели, но куда в конечном счете вывезет бюрократическая машина, пусть и обложенная со всех сторон красными флажками законов? Предсказать трудно. Законы законами, но кто судить будет? Опять же дворяне. Неслучайно вместе со Сперанским, призванным создать ответственную бюрократию, был возвышен Аракчеев, главной задачей которого было укрепление личной власти царя.

Александр I был не только нетерпелив, но и опаслив, и, как следствие, многие проекты реформ носили имитационный характер, на деле сохраняя полновластье императора.

Наконец, есть третий путь, подсказанный молодому императору многоопытным политиком, президентом США Джефферсоном, с которым Александр вел переписку: «Разумные принципы, вводимые устойчиво, осуществляющие добро постепенно, в той мере, в какой народ Ваш подготовлен для его восприятия и удержания, неминуемо поведут и его, и Вас самих далеко по пути исправления его положения в течение Вашей жизни…»[454]

Джефферсон наверняка имел в виду постоянный контроль над развитием социума с целью выделения прогрессивных тенденций и культурных норм для обеспечения их устойчивого удержания. А в русском понимании постепенность – это стихийная эволюция по принципу «куда кривая вывезет». Но это то, что предлагал Карамзин и ведомые им консерваторы, а именно: закрыть глаза на все безобразия и расслабиться, в то время как «в наших делах господствует неимоверный беспорядок, грабят со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя… стремится лишь к расширению своих пределов»[455]. И как оправдать тогда кровавый переворот 1801 г.?

Получается, что в рамках самодержавия страну реформировать невозможно. Что же, уповать на революцию? Да, цесаревич Александр Павлович был увлечен Французской революцией, но только пока он был молод и она носила мирный характер. Когда из-под дверей Конвента потекли реки крови, а прекрасный лик Марианны[456] превратился в жуткую морду Антихриста – диктатора Наполеона, он ее убоялся и возненавидел[457]. Все его усилия по созданию Священного союза

были направлены на то, чтобы задавить на корню любые революционные проявления в Европе. Противовесом революции, всегда ведущей к деградации, должна стать самодержавная республика. Вот только с какого конца приступить к ее созданию?

Почти 25 лет своего правления Александр мучился синдромом сороконожки, задумавшейся, с какой ноги начать движение, да так и оставшейся на месте. Он ждал удачного стечения обстоятельств, каких-то признаков или знамений, указывающих ему на правильный выбор, но так и не дождался. В результате – никаких реформ и полный разлад системы государственного управления.

Тем не менее его правление принесло весьма значимые результаты.

Во-первых, при нем в России появилось общественное мнение, во всяком случае в крупных городах – Санкт-Петербурге, Москве, Киеве и др. Уже не общее мнение плотной кучки интересантов, а широко распространенное в городском обществе представление о тех или иных проблемах: в частности, о крепостном праве и плачевном состоянии законодательства.

Во-вторых, в этом самом общественном мнении зародилась уверенность, что реформы в Российской империи возможны. Часть общества считала приоритетным тот или иной вид реформ, другая всячески им противилась. То есть возникли своего рода протопартии, по-разному относящиеся к актуальным проблемам и полемизирующие между собой на этот счет.

В-третьих, в общественном сознании возник образ ответственной бюрократии, особенно привлекательный для молодых служащих недворянского происхождения, открывающий им широкие перспективы самореализации на чиновничьем поприще. Маяком для них служила фантастическая карьера безродного Сперанского.

В-четвертых, образовалась небольшая, но сплоченная группа заговорщиков, пришедших к выводу о бесперспективности сохранения режима самодержавия ввиду его явной неспособности к саморазвитию и готовивших его насильственное свержение.

Александр знал о назревающем заговоре. Он регулярно получал донесения на этот счет и знал фамилии некоторых заговорщиков. Наверное, он понимал, что рано или поздно дело закончится эксцессами, и их придется жестко подавлять. Но не ему же, заядлому республиканцу, заниматься этим делом. На всех донесениях он ставил неизменную резолюцию: «Продолжать наблюдение».

Младший брат Александра Николай по малолетству никак не был причастен к убийству отца и не был заражен Лагарпом республиканскими идеями, ему и карты в руки. Вопреки положениям указа Павла о престолонаследии Александр подписал манифест в пользу Николая. Константин, хоть и не санкционировал заговор против Павла, но в силу возраста и местонахождения так или иначе к перевороту был причастен. Послужило ли это причиной (одной из причин), мы не знаем, но быть императором он категорический отказывался.

В общем, Александр считал, что пора было уходить. Похоже, он начал приводить дела в порядок. Перед невозвратной поездкой в Таганрог Александр поручил своему другу князю Голицыну разобрать и привести в порядок документы в своем кабинете. Тот знал о манифесте, меняющем порядок престолонаследия, и предложил его опубликовать, поскольку империи грозит опасность в случае «внезапного несчастья». «Положимся в этом на Бога; Он устроит все лучше нас, слабых смертных», – ответил ему Александр[458].

Говорят, люди, почувствовавшие, что их жизненное задание выполнено, покидают этот мир очень быстро. Может быть, так было и на этот раз.

Глава 2
Эпоха Николая I (1825–1855)

1
Великий князь Николай Павлович

Николай Павлович Романов родился в 1796 г., когда умерла его бабка Екатерина Великая и взошел на престол его отец Павел I. В отличие от Александра и Константина, его к императорству никто не готовил, поскольку третий сын императора по общему правилу не должен был царствовать.

Николай получил типичное дворянское образование того времени: в первую очередь военные науки, слово Божье и «геометрия с географией». Сам он увлекался естественными науками и инженерией, неплохо чертил, а вот гуманитарные науки его не очень интересовали.

Кроме того, цесаревичи, которые рано или поздно должны были стать императорами, неизбежно пользовались огромным вниманием императорского двора и придворного общества, обзаводились своим малым двором, который после прихода к власти становился актуальным и влиятельным. Соответственно, многие стремились попасть в свиту цесаревича. Наследники престола приходили во власть, как правило, со своей командой проверенных лиц. Ничего этого у Николая не было.

> **Александр и Константин были гораздо старше его, общались с Николаем мало и к государственным делам почти не подпускали.**

Да и подданные знали его плохо. Знала его разве что гвардия, но с плохой стороны, поскольку после возвращения из заграничных походов Николай пытался ее дисциплинировать, считая разболтанной, отвыкшей от строевой подготовки и наслушавшейся вольнолюбивых разговоров. В результате произошло несколько скандалов с участием гвардейского генералитета.

В 1817 г. Николай женился на принцессе Фридерике Луизе Шарлотте Вильгельмине Прусской[459], принявшей православие с именем Александра Фёдоровна. У них было семеро детей. Так случилось, что ни у кого из сыновей Павла Петровича Романова, кроме Николая, не было сыновей. У Александра и Михаила, самого младшего из братьев, рождались только девочки, да и те

рано умерли, а у Константина вообще не было детей. К тому же Константин был женат на католичке и вообще не рвался в императоры, хотел жить в Польше, подальше от Санкт-Петербурга.

А вот у Николая в 1818 г. родился сын Александр, не просто великий князь, а цесаревич – настоящий наследник престола со всеми вытекающими обстоятельствами, что значительно повлияло на дальнейшие события в империи.

2 Замешательство при восшествии на престол

После Венского конгресса, который подвел итоги войн с Наполеоном, Александр I в кругу близких стал все чаще говорить о своем уходе от дел. Больше всего эту тему он обсуждал с братом, цесаревичем Константином.

> **Летом 1819 г. Александр I сообщил младшему брату Николаю и его супруге, что его преемником будет он, а не Константин.**
>
> **Первоначально эта тема обсуждалась в семье скорее как прихоть или навязчивая идея Александра. Большого значения, кроме тревоги, этой истории придано не было.**
>
> **В начале 1820 г. и далее тема о престолонаследии и наследнике обсуждалась императором с цесаревичем Константином, а также с Московским архиепископом Филаретом и князем Голицыным.**

Великий князь Николай Михайлович Романов обращал внимание на то, что «вопрос назревал постепенно», но после женитьбы Константина на польской графине Грудзинской в 1820 г. «стал на очереди и подвергся семейному всестороннему обсуждению, хотя и тайному». 14 января 1822 г. Константин письменно отказался от престолонаследия, «передав сие право тому, кому оно принадлежит после меня, и тем самым утвердить навсегда непоколебимое положение нашего государства»[460]. **16 августа 1823 г. Александром был тайно утвержден и подписан в Царском Селе Манифест[461] о наследовании престола Николаем в обход Константина.**

В положении самого Николая после этого ничего не изменилось: он как был бригадным генералом и главным инженером российской армии, так и остался. Ни к каким более

важным государственным делам Александр его допускать так и не стал.

После смерти Александра I Николай присягнул Константину.

«Что сделали вы, Николай? Разве вы не знаете, что есть акт, который объявляет вас наследником?»[462] – упрекала его мать, вдовствующая императрица Мария Фёдоровна.

Константин находился в это время в Варшаве и наотрез отказался занять престол, и даже лично прибыть в Петербург, чтобы полностью разрешить дворцовый кризис. В результате в течение двух недель в Российской империи, с одной стороны, было два императора, а с другой – ни одного. В Санкт-Петербурге и Москве распространялись слухи о насильственном отречении и даже заточении Константина.

Этот казус, закончившийся невиданным до этого переприсяганием, послужил поводом для мятежа 14 декабря 1825 г. Николай знал о готовящемся перевороте[463] и успел опередить заговорщиков, проведя эту самую переприсягу рано утром до того, как декабристы вывели свои войска из казарм. Произошедший казус Николай Павлович попытался прояснить с помощью Манифеста о вступлении на престол.

Для этого призывается Н. М. Карамзин, но текст Николаю не понравился, и он поручает эту работу М. М. Сперанскому, который составляет Манифест о вступлении на престол Государя Императора Николая I, где подробно излагает суть путаницы, возникшей из-за отказа Константина от престола, произошедшего задолго до описываемых событий и хранившегося в тайне даже от членов царской семьи до самой смерти Александра I. «Жить единственно для любезного Отечества, следовать примеру оплакиваемого Нами Государя; да будет Царствование Наше токмо продолжением Царствования Его, да исполнится все, чего для блага России желал Тот, Коего священная память будет питать в Нас и ревность, и надежду стяжать благословение Божие и любовь народов Наших», – провозглашалось в манифесте. К сожалению, этому пожеланию не суждено было полностью сбыться. В результате мятежа погибли люди.

Мотором попытки переворота стали члены Южного (Украина) и Северного (Санкт-Петербург) тайных обществ.

Практически все декабристы были дворянами, причем многие из них относились к самым родовитым фамилиям, но выступали они отнюдь не от лица своего сословия, а, скорее, против него. Это был мятеж людей служивых, военных и штатских, которые не видели возможности приложения своих сил и способностей в рамках патримониальной бюрократической системы, характерной для доправовой патерналистской монархии.

Декабристы хотели присягнуть конституции, т. е. государству, а не персоне – императору, но сами нарушили закон. Это был первый звонок, указывавший на необходимость коренного изменения системы управления империей. Бунтовали не простолюдины, задавленные беспросветной жизнью, а дворяне, у которых в принципе все было хорошо и которым было что терять.

Двор и царская семья оказались в растерянности, надо было разбираться в причинах и следствиях, или, проще говоря, ответить на вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?»

Николай понимал, что почти 600 представителей золотой дворянской молодежи, выявленных следствием, пустились во все тяжкие не из-за скверного характера или природной склонности к заговорам. Он чувствовал некоторую правду на их стороне и приказал секретарю следственной комиссии А. Д. Боровкову составить из показаний декабристов, касающихся переустройства империи, записку с рекомендациями. В итоге появился документ, в котором все проблемы государства были расписаны по пунктам: «Крестьяне», «Земля», «Законы», «Торговля», «Система управления», «Флот» и т. д. и т. п. Николай I использовал этот документ, во всяком случае в первые годы своего правления.

3
Суд над декабристами

После подавления военного мятежа начались следственные действия, а затем и судебный процесс. Подготовить организацию и проведение суда над мятежниками император поручил Сперанскому. **В мае 1826 г. Манифест об учреждении Верховного уголовного суда был подготовлен и утвержден.**

Состав суда формировался в соответствии с традицией, сложившейся в России еще в XVIII в., когда крупнейшие политические процессы подлежали ведению особых судов в составе виднейших сановников империи, назначаемых монархом. Суд возглавил граф П. А. Толстой. Собственно, юридической квалификации от судей не требовалось. Сознание этих людей вряд ли можно назвать правовым, скорее, оно было основано на жизненном опыте, и от них требовалось раскрыть преступление на основе указаний императора в отношении назначенных им лиц.

К этому времени продолжало действовать Соборное уложение 1649 г., согласно которому едва ли не все подсудимые подлежали смертной казни, и вопрос стоял только о способе экзекуции. Кроме того, действовали петровские законы (Воинский регламент, Морской устав и др.). Они отличались такой же жестокостью.

Во второй половине XVIII в. была введена такая ответственность, как лишение прав состояния, которая также предусматривала прекращение имущественных и семейных отношений, а также каторжные работы и ссылку на вечное поселение в Сибирь.

Император решил провести обстоятельное следствие и публичный суд, насколько это было возможно для того времени. Ему хотелось выглядеть цивилизованным перед Европой. От этого зависело международное признание легитимности Николая I в свете убийства его отца, странной смерти Александра I и не вполне юридически чистого способа прихода к власти самого Николая Павловича. Для Николая I, понимавшего себя главой Священного союза, это было важно.

Из этих же соображений из ссылки был возвращен поэт А. С. Пушкин, главным учителем наследника был назначен В. А. Жуковский, либеральные взгляды которого не могли не быть известны императору.

Однако квалифицированных юридических кадров, способных убедительно оформить решения суда, в стране почти не было, поэтому обойтись без Сперанского было практически невозможно.

Конечно, учитывая биографию и известность Сперанского, определенный риск назначения Михаила Михайловича в состав суда существовал. Ели бы такой человек что-то сделал не так во время процесса, мало бы никому не показалось. Михаил Михайлович был необходим императору не просто как исполнитель разового, пусть и очень важного поручения, а скорее как преданный придворный для реализации его широких планов по систематизации законодательства и подготовке необходимых преобразований в государстве, системе финансов, местном управлении, образовании вообще и подготовки сына, в конце концов.

Ради пополнения своей команды таким человеком Николай готов был простить то, что было, и тем более чего не было.

И Сперанский не подкачал. Михаилу Михайловичу Николай был нужен не меньше, чем Сперанский Николаю. Он не просто исполнял возложенные на него императором поручения, но и

проявил свойственную ему педантичность и инициативу, хорошо понимая, что проходит проверку на верность императору, с которым связывал надежды на новые вызовы. Михаил Михайлович знал, что Николай Павлович, в отличие от своего лицемерного брата Александра, обладал прямым характером и постоянством в симпатиях. Как говорится, своих не бросал. Его доверие было приобрести трудно, но так же трудно было и его утратить.

Сперанский занимался квалификацией состава преступления каждого из 121 обвиняемого. Более того, он готовил приговор, в том числе тем, кого лично знал много лет.

В то время в России судопроизводство было письменным, обвиняемые не вызывались, не было полноценной защиты (адвокатов просто не существовало) и т. д. Процесс был инквизиционный, как, впрочем, и другие процессы до судебной реформы 1864 г.; судьи работали не с людьми, а с бумагами.

Сперанский разработал судебную процедуру, проводил по ней процесс, расписывал роль судей, составил шкалу наказаний, определял приговор, отмерял наказание.

По мнению В. О. Ключевского, декабрьский мятеж не только был последним дворцовым переворотом, но и «им кончается политическая роль русского дворянства». Далее Василий Осипович делает вполне определенный вывод: «Не только по закону, но и по нравственным средствам дворянство должно было потерять после того прежнее значение. После 14 декабря пошли за Урал лучшие люди сословия, после которых осталось много мест, не занятых в продолжение следующего царствования. Это была потеря, которую трудно было вознаградить и при более обильном запасе нравственных сил сословия»[464].

Однако в результате политически активная часть общества отнюдь не сократилась, а, наоборот, выросла за счет притока значительного количества мещан, особенно образованной их части. Лидерами политических настроений, направленных против самодержавия, стали и дворяне, и выходцы из среднего сословия, такие как Герцен, Белинский, Чернышевский, Добролюбов и др. Были среди них и правоведы, может, и не отличавшиеся особой политической активностью, но в силу сугубо профессиональных воззрений противостоявшие правовому нигилизму и наиболее вопиющим язвам самодержавия, таким как крепостное право. Об одном из них мы расскажем в § 14 настоящей главы.

4
Крестьянский вопрос

После расследования мятежа и вынесения приговоров Верховным уголовным судом в декабре 1826 г. Николай образовал комитет, которому было поручено составить программу деятельности взошедшего на престол императора. В состав комитета вошли В. П. Кочубей, М. М. Сперанский, П. А. Толстой, И. В. Васильчиков, А. Н. Голицын, И. И. Дибич. В некоторой степени проект опирался на План, который был подготовлен Сперанским для Александра I. В распоряжении комитета была и упомянутая записка А. Д. Боровкова с предложениями декабристов.

Понятно, что две базовые проблемы империи – улучшение положения крепостных крестьян и неразбериха в законодательстве – никуда не делись. Николай Павлович также приложил немалые усилия для их разрешения.

С 1826 по 1849 гг. по крестьянскому вопросу работало девять секретных комитетов. «Тайна была нужна и страшна потому, что боялись преждевременного открытия ее миллионам крепостных людей. К тому же в понятиях наибольшей части пожилых людей, не исключая многих членов высшего правительства, освобождение крестьян должно было неминуемо породить беспорядки, кровопролитие и требования политической свободы и конституции»[465].

Секретными комитетами было разработано более 550 самых разных указов, касающихся отношений помещиков и дворян. Назовем лишь самые важные изменения в этой сфере: реформа государственных крестьян (1837–1841), запрещение продажи крестьян поодиночке и без земли (1841), запрещение покупки крестьян безземельными дворянами (1843), получение крестьянами права выкупа с землей при продаже имения помещика за долги, а также права приобретать недвижимую собственность (1848).

В частности, секретный Комитет, функционировавший с 1839 до 1842 гг., занялся пересмотром положений указа 1803 г. об обязательном выделении свободным хлебопашцам помещичьей земли в собственность. Однако согласованная с Николаем I попытка П. Д. Киселёва поставить процесс превращения крепостных в лично свободных наследственных арендаторов под контроль государства была подвергнута резкой критике в Комитете и успеха не имела.

В итоге появился Указ 2 апреля 1842 г. об обязанных крестьянах[466], носивший рекомендательный характер и

совершенно не походивший на первоначально планировавшийся закон. В указе «тем из помещиков, которые сами того пожелают», предлагалось «заключать с крестьянами своими, по взаимному соглашению, договоры на таком основании, чтобы… помещики сохраняли принадлежащее им полное право вотчинной собственности на землю… а крестьяне получали от них участки земли в пользование за условленные повинности». Последние могли быть в форме «денежного оброка, произведений, обрабатывания помещичьей земли или другой работы».

> **Николай I рассматривал Указ об обязанных крестьянах как первый этап общего аграрного преобразования и многого ждал от его реализации. 30 марта 1842 г., собираясь в Государственный совет на заседание, посвященное указу, он сказал императрице: «Благослови меня, жена, я стою перед самым значительным актом своего царствования. Сейчас я предложу в Государственном совете план, представляющий собой первый шаг к освобождению крестьян»**[467].

В то же время Николая преследовал страх, что попытки покончить с крепостным правом потрясут основы государства. «Нет сомнения, крепостное право в нынешнем его положении у нас есть зло для всех ощутительнейшее и очевидное, но прикасаться к нему теперь было бы делом еще более гибельным»[468], – сказал он на заседании этого самого Государственного совета. Тем не менее наработки многочисленных комиссий были востребованы при подготовке отмены крепостного права его сыном Александром II в 1861 г.

Более подробный рассказ о попытках решить крестьянскую проблему при Николае I будет дан в § 15, посвященном жизни и деятельности П. Д. Киселёва.

5
Свод законов Российской империи

Второй застарелой проблемой Российской империи была разруха в законодательстве. Николай Павлович взялся за ее разрешение с не меньшей энергией, чем за крестьянский вопрос в самом начале своего пятилетнего реформаторского периода.

Как ни парадоксально, базовым законом до первой трети XIX в. оставалось Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. Этот сводный акт был добротно подготовлен и принят на

Земском соборе. Охват регулирования отношений для середины XVII в. был достаточно широк. Последующее бесчисленное множество актов, в том числе Петра I и Екатерины II, решали проблемы на злобу дня и, за редким исключением, не имели универсального характера. Их доступность и даже хранение представляли собой отдельную проблему.

Такая запущенность подвигла императора поручить Сперанскому кардинальным образом изменить законодательство Российской империи.

> **Прошло всего чуть больше месяца после попытки дворцового переворота, еще не был завершен суд над декабристами, а император 31 января 1826 г. учреждает в своей канцелярии Второе отделение (законов), которому поручаются работы по подготовке полного собрания законов и созданию Свода законов Российской империи. Отделение возглавил М. А. Балугьянский**[469].

Сперанскому как члену Госсовета по департаменту законов было поручено курировать Второе отделение. Причем он не просто присматривал, а реально подбирал кадры, ставил задачи сотрудникам, требовал их выполнения, подавая пример в работе.

В исторической и правовой литературе до сих пор можно встретить суждения о том, что Сперанский шел по законотворческому пути Наполеона и брал «все, что ни попадя» у французов. Однако это не так. Задание было составлено в 1826 г., скорее, по заветам Карамзина: «Последовать не Кодексу Наполеонову, не Фридрихову, а Юстинианову и царя Алексея Михайловича».

Отказавшись от идеи подготовки отдельных кодифицированных законодательных актов, Николай «остановился на Своде существующих законов с исключением всего недействующего, но без всяких изменений в их существе»[470]. Исходя из указания императора Второе отделение начало работу над систематизацией законодательства, которую предполагали осуществить все императоры начиная с Петра I, – казалось, ее можно начать, но закончить невозможно.

Работы по составлению Полного собрания и Свода законов Российской империи и выдающуюся роль М. М. Сперанского в этом трудоемком процессе мы описали в отдельной книге[471]. О роли некоторых учеников и сотрудников Михаила Михайловича в этом великом деле мы расскажем в этой главе (§§ 12–14).

Методика Сперанского касалась всех и каждого участника процесса. Михаил Михайлович хорошо помнил предыдущий

неудачный опыт кодификации (1809–1812), поэтому подробно расписал, что, как, когда и кому делать.

Участник подготовки Свода законов и Полного собрания законов М. А. Корф работал во Втором отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии с 1826 по 1831 гг. Он писал: «Новый Сперанский, Сперанский 1826 года, поставил себе задачею уже не ломку всего прежнего и действующего, а живое, разумное его воспроизведение, и от теории, от чисто книжного он перешел в здравую и более практическую область исторической школы. Отсюда родились два великих отечественных памятника: 1) „Полное собрание законов“, начатое с Уложения царя Алексея Михайловича как древнейшего из числа наших постановлений, еще сохраняющих свою силу, и доведенное первоначально до вступления на престол Императора Николая, и 2) систематический „Свод“, извлеченный в форме уложений, уставов и пр. из тех же постановлений»[472].

Сперанский показывал личный пример в законотворческой работе, а также во всевозможных поощрениях для своего небольшого творческого коллектива, состоявшего в основном из молодых людей, окончивших курс наук в Царскосельском лицее и университетах. Участник этой работы Калачёв указывал на то, что Сперанский для каждого сотрудника составлял предварительные обозрения, которые «впоследствии, по мере дальнейшей разработки источников в разных частях законов, менялись»[473].

Корф пишет о том, что «при Втором отделении была учреждена огромная типография, и пока одни из чиновников сносили отовсюду и потом проверяли, и отдавали в печать материалы, долженствовавшие войти в Полное собрание законов, другие готовили нужные из них извлечения для Свода, располагая предметы в порядке, указанном программами. Совокупность всех этих отдельных деятельностей можно было сравнить с благоустроенною фабрикою, где каждая часть в постоянном движении, а движение каждой согласовано с общим… По мере того как поспевала какая-нибудь часть, имевшая значение некоторого целого, Сперанский представлял ее Государю, и, когда оба были в Петербурге, не проходило пяти-шести дней, чтобы они не работали вместе, часто по целым часам… Первое Полное собрание законов, 45 огромных томов, в 48 частях, в 4 д. л., в два столбца, начатое печатанием 1 мая 1828 года, было окончено к 17 апреля 1830-го, а Свод в 15 томах, содержавших в себе более 42 000 статей, по обревизовании его учрежденными в министерствах особыми комитетами и одним главным, под председательством управлявшего в то время Министерством юстиции князя Алексея Алексеевича

Долгорукова, поступил в типографию в начале 1832 года и был отпечатан к его исходу»[474].

19 января 1833 г. на заседании Государственного совета Николай I представил Свод законов и Полное собрание законов Российской империи.

В заключение своей речи император, как вспоминал очевидец М. А. Корф, «в присутствии всех обняв своего Трибониана[475], надел на него снятую тут же с себя Андреевскую звезду»[476].

В императорском Манифесте от 31 января 1833 г. Николай I подробно описывает необходимость и предмет Свода законов, а также вступление его в силу.

Интересно, что Полное собрание законов, действующих в Российской империи, давалось в хронологическом порядке. Структура Свода институциональна, т. е. по предмету регулируемых отношений. Отраслей законодательства тогда еще не придумали, но некий аналог вполне возможен. Как уже было указано, Свод состоял из 15 томов, которые объединялись в восемь книг (разрядов): от Основных государственных законов и Уставов о службе гражданской до уголовных законов и законов о преступлениях и наказаниях и судопроизводстве.

Отдельно следует сказать о томе X Свода, точнее о его первой части, которая называется «Свод законов гражданских Российской империи». В этом документе Михаил Михайлович частично реализовал свою мечту о систематизации норм гражданского права. Часть 1 тома X состоит из введения (о применении Свода законов гражданских) и четырех книг (книги – условный аналог современных частей ГК РФ): книга 1 «О правах и обязанностях семейственных»; книга 2 «О порядке приобретения и укрепления прав на имущества вообще»; книга 3 «О порядке приобретения и укрепления прав на имущества в особенности», «О порядке обоюдного приобретения прав на имущество меною и куплею»; книга 4 «Об обязательствах по договорам».

Интересно, что в конце XIX – начале XX в. в юридической периодике появились обвинения в адрес Сперанского в обильном заимствовании из французского законодательства. В публикациях утверждалось, что Свод законов гражданских есть не систематизация национального гражданского права, а набор заимствований из зарубежных источников, слегка завуалированных ссылками на имевшиеся в распоряжении чиновников Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии правовые источники. Причем прямо или косвенно в этой «контрабанде» с Запада чужого гражданского права обвинялся именно Сперанский, якобы с 1800-х гг. навсегда

отравленный «буквой и духом» наполеоновского Гражданского кодекса. Наиболее безапелляционно об этом высказался в 1908 г. известный в то время адвокат, цивилист и политик М. М. Винавер[477]. Современный юрист и историк Р. С. Тараборин, детально исследуя по периодам правлений российских монархов, от царя Алексея Михайловича до императора Николая I, процесс формирования из разнообразных отечественных узаконений нормативной базы, ставшей основанием Свода законов гражданских 1832 г., убедительно показывает ошибочность критиков, отрицающих национальный характер Свода законов гражданских[478].

Известно, что Сперанский считал работу по Собранию и Своду основой для подготовки новых кодифицированных законов – уложений и уставов. В документе, направленном Сперанским на имя министра юстиции Долгорукого 23 апреля 1828 г. и касающемся Свода законов гражданских (ч. 1 т. X Свода), было прямо указано на то, что он будет «служить основанием к уложению, чем будет полнее и точнее Свод, тем уложение может быть совершеннее»[479]. Ряд источников указывает на то, что Сперанский попытался в 1828 г. начать работу над Гражданским уложением. Однако после того как император, несмотря на старания Михаила Михайловича, не стал в речи в Государственном совете указывать на необходимость уложений, работа была приостановлена до 1882 г.

Принятие основополагающего законодательного акта, в большинстве своем действовавшего до падения Российской империи, имело еще одним своим результатом осознание властями необходимости развивать собственные юриспруденцию и юридическое образование.

«Обнародование Свода законов, без сомнения, должно считать эпохой, с которой начинается полное догматическое изучение российского законодательства и новейшей его истории. Принятые во внимание высокие образцы древних и новейших кодексов, полнота материалов, всегда послушная систематическим приемам редакторов, ручаются за прочность кодификации и будущее совершенство догматического правоведения. Раскрытие и указание источников при каждой статье Свода есть одно из важнейших пожертвований, сделанных редакторами на пользу отечественного образования»[480].

Вокруг молодой профессуры, которая по инициативе Сперанского направлялась в университеты Европы[481] с целью формирования доктринального мировоззрения у юристов-

россиян, постепенно формировались юридические кафедры в таких университетах, как Московский, Санкт-Петербургский, Казанский, Харьковский[482]. Кроме того, основы юридического образования преподавались в военных академиях, офицерских школах, военных училищах, кадетских (морских) корпусах, военных гимназиях.

Таким образом, продолжалось формирование российского права как системы деятельности. Наконец, эта система обрела необходимую полноту за счет важнейших сфер – юриспруденции и правового образования.

Правда, еще одна сфера правовой деятельности – правозащита – оставалась невостребованной российскими властями. Как говорил Николай Павлович: «Кто погубил Францию, как не адвокаты… Кто были Мирабо, Марат, Робеспьер и другие?! Нет… пока я буду царствовать – России не нужны адвокаты, без них проживем»[483].

Неприязнь Николая I к адвокатам, по-видимому, была также связана с правозащитной деятельностью некоторых декабристов, с их борьбой с «мучительными крючкотворствами неугомонного и ненасытного рода приказных». Один из лидеров-декабристов Кондратий Рылеев 24 января 1821 г. был избран заседателем от дворянства Палаты Уголовного Суда. Как судья Рылеев стоял на высоте своего призвания, защищал ложно обвиненных и угнетенных. Так, во время процесса, который затеял граф Разумовский, Рылеев сумел защитить крепостных крестьян, и в конце концов граф проиграл дело[484]. Будущий декабрист Иван Пущин последовал примеру Рылеева, став судьей низшей судебной инстанции без жалованья.

Тем не менее существенный шаг по направлению к окончательному формированию российского права как системы деятельности, несомненно, представляет собой огромное достижение краткого преобразовательного периода Николая I. **Без создания системы российского законодательства и разветвленной системы юридического образования судебная реформа 1864 г. была бы невозможна.**

6
Ручное управление государством

В 1830 г. произошли революции во Франции и Бельгии, а также **восстание в Польше,** которое переросло в полномасштабную войну. **Как острили в то время, польский король Николай I воюет с российским императором Николаем I. Польское восстание было подавлено в 1831 г.**

Это был второй звонок после мятежа 1825 г., означавший еще больший выход российского социума из состояния равновесия. Реакция на него была такой же, как и на первый, – резкое ужесточение полицейского режима, усиление преследования инакомыслия, разрушение и так небольших, локальных завоеваний правового сознания.

14 (26) февраля 1832 г. Николай I отменил конституцию Царства Польского 1815 г. Был издан «Органический статут»[485], существенно сокративший автономию царства, упразднивший особое польское войско и Сейм.

Польское Царство объявлялось частью империи. Старое административное деление на воеводства было заменено делением на губернии. Фактически это означало превращение Царства Польского в русскую провинцию. На территорию Королевства распространялись действовавшие во всей России монетная система, система мер и весов.

Разочарованный император отбросил преобразовательные планы своего первого пятилетия, когда он «оживил» Россию «войной, надеждами, трудами»[486], и решил взять все рычаги управления страной на себя.

С этой целью Николай I укрепил Собственную Его Императорского Величества канцелярию[487]. Все шесть отделений канцелярии фактически представляли собой самостоятельные высшие государственные учреждения. Канцелярия, по сути, была высшим органом с самыми широкими полномочиями и важнейшими функциями. Так сказать, администрация императора.

Несколько слов следует сказать о структуре и деятельности канцелярии: Первое отделение и контролировало, и взаимодействовало с министерствами, принимало участие в назначении и увольнении высших чиновников; о Втором – законодательном – отделении мы уже говорили и скажем еще не раз; Третье ведало вопросами политической и государственной безопасности; Четвертое занималось благотворительными учреждениями; Пятое было образовано специально под проводимую аграрную реформу и готовило проекты реформ по управлению государственными крестьянами (только государственными); Шестое занималось управлением территорией Кавказа.

Отдельно следует отметить Третье отделение канцелярии, которое фактическо было спецслужбой, состоявшей из восьми отделов, и представляло собой своего рода тайную полицию, основной задачей которой была борьба с «подрывной деятельностью», понимавшейся достаточно широко. Кроме того,

сотрудники Третьего отделения контролировали работу государственных учреждений, мест ссылки и заключения, вели дела, связанные с должностными и наиболее опасными преступлениями, наблюдали за настроениями во всех слоях общества; цензурировали литературу и журналистику и следили за всеми, кого можно было заподозрить в неблагонадежности, в том числе за старообрядцами и иностранцами.

Достаточно быстро овладев рычагами управления мегамашины Российской империи, Николай I нашел ее механизм весьма расхлябанным.

Первым делом он укрепил дисциплину в армии[488]. Правда, как писал будущий военный министр в царствование Александра II Д. А. Милютин, зачастую речь шла о форме, а не о содержании: «…гонялись не за существенным благоустройством войска, не за приспособлением его к боевому назначению, а за внешней только стройностью, за блестящим видом на парадах, педантичным соблюдением бесчисленных мелочных формальностей, притупляющих человеческий рассудок и убивающих истинный воинский дух»[489]. Тем не менее армия и флот продолжали занимать достойное место в ряду лучших европейских вооруженных сил.

7
Первый опыт государственной идеологии

Отказавшись от реформаторских планов своего первого пятилетия у власти, Николай I решил довериться постепенному и органическому развитию (стихийной эволюции), происходящему само собой, но под контролем правительства. Ответственность за развитие страны перекладывалась с власти на естественное движение истории. Правительству оставалось поддерживать устойчивость государства и сохранять фундаментальные основы политического режима.

Нередко люди, получившие власть в результате случайного стечения обстоятельств, начинают верить, что на самом деле это был промысел божий, возлагающий на них некоторую миссию. Николай I решил, что призван Господом для борьбы с революционной заразой как у себя в стране, так и вообще в Европе. Таким образом, мегамашина Российской империи обрела еще одну цель наряду с традиционной территориальной экспансией.

Первостепенной задачей для Николая стало противостояние

отмечавшемуся нами росту диссидентских настроений в политически активной части общества. Сам ли он догадался или кто подсказал, но было ясно, что репрессии репрессиями, а без интеллектуальной борьбы не обойтись.

Требовалась стройная идеология, противостоящая росту революционных настроений. Она была предложена в 1833–1849 гг. министром образования Сергеем Семёновичем Уваровым, одним из основателей общества «Арзамас», историком, президентом Академии наук в 1818–1855 гг. В окончательном виде он изложил проект национальной идеи в докладе императору от 9 ноября 1833 г. «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения»[490]. Первая в истории России государственная идеология сводилась к триаде «Православие, Самодержавие, Народность» и выдержала испытание многими десятилетиями истории российской империи.

> **Это был амбициозный проект постепенного изменения умонастроений большинства подданных империи через институты народного просвещения, программа формирования будущего России, причем сугубо бюрократическими методами.**

Великая французская революция, наполеоновские войны и другие потрясения рубежа XVIII и XIX вв. привели к отторжению мыслящих людей от идей Просвещения[491], которыми руководствовалась Екатерина II и воспитанные ею вольнолюбивые дворяне. На смену этим идеям пришли идеи немецкой классической философии[492], сформулированные И. Кантом, Ф. Шеллингом, Г. Гегелем и др.

Идеи Просвещения послужили идеологической основой абсолютных монархий, а немецкая философия – национальных государств. Поскольку просвещенческие идеи привели к неудавшимся преобразованиям Александра I и восстанию декабристов, для николаевской России они стали неприемлемыми.

Следует подчеркнуть, что империя и национальное государство, основанное на общности обычаев, языка, религии и происхождения (истории нации), – вещи несовместные. Империя – это, как правило, набор завоеванных территорий с обитающими на них народами с их культурными особенностями, управляемый из единого центра. Однако для Российской империи проблема была даже не в разнообразии культур присоединенных ею народов. Сам господствующий этнос был разделен. Социальные и культурные различия дворянства, мещанства и крестьян были

непреодолимыми.

Какие общие обычаи у дворян и крестьян? Какой общий язык, когда большинство представителей высшего сословия думали и говорили на французском или немецком? Что до происхождения, подавляющая часть древнего русского дворянства возводила свою генеалогию к германским, литовским или татарским родам.

Проблема была еще и в том, что категория «нации» или «народности» была выработана западноевропейскими мыслителями и использовалась для разрушения традиционных конфессионально-династических принципов государственного устройства, т. е. господствующей церкви и абсолютизма, а в случае России – самодержавия.

Вот и пришлось Уварову прибегнуть к логической эквилибристике, чтобы перекрасить империю в национальное государство.

> **В трактовке Уварова первый элемент триады – православие – это религия русского народа. Второй элемент – самодержавие – это единственная форма политического режима, присущая русскому народу. А к нему относятся только те, кто исповедует православную веру и предан самодержцу.**

То есть нация (народность) определялась не через культурные, этнические и исторические особенности, как у классиков, а через эмоционально-психологические характеристики – веру и покорность. По сути, тот же клич солдат, идущих в бой: «За веру, царя и Отечество», только вид сбоку.

В построениях Сергея Семёновича налицо так называемый порочный круг, известный из формальной логики. Однако это для научного описания порочный круг – явная ущербность, а для идеологемы – в самый раз. Благодаря такому «невинному» трюку делалось как бы очевидным, что у российского народа нет почвы для социальных и политических конфликтов, поскольку из народного тела исключаются не только иноверцы, но и конституционалисты и тем более республиканцы. Все эти элементы извергались из русского народа и назывались извергами[493]. С ними можно было вообще не считаться.

Другим неприятным выводом немецкой классической философии было утверждение, что поскольку все европейские народы происходят из одного корня греко-римской античности, им всем соответствует один и тот же «дух народа». Поэтому это «исторические народы». Вот только Россия к ним не относится, поскольку никаких греко-римских корней у нее нет. Это значило, что, несмотря на свое тысячелетнее существование, ей все равно

суждено прозябать на обочине истории.

Сергей Семёнович и тут сумел изящно вывернуться. В ответ на инсинуации немецких философов он заявил, что до XVIII в. Россия действительно была страной неисторической, но Пётр I присоединил ее к европейской семье народов, и она вышла на общеисторическую дорогу. Просто Россия – это, так сказать, молодая страна, которая ускоренными темпами догоняет ушедшие вперед европейские государства.

Вместе с тем, если Россия будет так быстро следовать по европейскому пути, ей неминуемо придется столкнуться и с текущими европейскими проблемами, в том числе и с революциями. А это совсем нежелательно. Поэтому необходимо «подморозить Россию», но так, чтобы не полностью остановить ее развитие, а на время его задержать, дабы благополучно избежать «кровавых тревог». С одной стороны, Уваров страшился европеизации России, а с другой считал ее неизбежной. Долгие годы российская власть мучилась над вопросом, каким образом заимствовать цивилизационные достижения Запада в отрыве от породившей их системы ценностей.

Для повсеместного внедрения этой замечательной идеологемы в жизнь была введена жесткая цензура на литературу, театральные постановки и печать. Сначала цензура находилась в ведении Министерства народного просвещения плюс цензурного комитета, в который входили министры народного просвещения, внутренних и иностранных дел. Впоследствии цензурные права получили все министерства, Святейший синод, Вольное экономическое общество, а также Второе и Третье отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Количество разнородных табу стало настолько велико, что уже никто не понимал, о чем, собственно, можно писать. Неслучайно А. С. Пушкин добился, чтобы его персональным цензором стал сам император, дабы избежать общения с многочисленными инстанциями.

Затем настала очередь уставов низшей и средней школ, которым в дополнение к образованию была приписана функция патриотического воспитания. Еще в декабре 1828 г. был утвержден новый устав уездных училищ и гимназий. Продолжали существовать приходские и уездные училища, в которых могли учиться дети непривилегированных сословий (их число было даже резко увеличено), а также гимназии, которые готовили учеников к поступлению в университеты. Однако в гимназии было запрещено принимать детей крепостных, окончивших уездные училища. Для недворянских детей поступление в университеты было затруднено, а для крепостных в принципе

закрыто. Детям дворян предписывалось до 18 лет обучаться в России, иначе им запрещалось поступать на государственную службу.

В период правления Николая I возобновились гонения на старообрядчество. В 1839 г. были воссоединены с православием униаты Белоруссии и Волыни.

Французская революция 1848 г. напугала императора и его челядь. «…Они озлобились, начали мстить за свой страх… в событиях Запада нашли предлог явно преследовать ненавистное им просвещение, ненавистное духовное развитие, духовное превосходство, которое кололо им глаза. Николай не стал скрывать своей ненависти к профессорам, этим товарищам-соумышленникам членов французского собрания»[494]. Все это, конечно же, отразилось на университетах. Еще 26 июля 1835 г. приняли новый университетский Устав, ограничивший автономию университетов и вводивший гораздо более строгие порядки. Управление университетами фактически было передано в руки назначаемых попечителей учебных округов. Число студентов, которые могли единовременно учиться в каждом университете, было ограничено тремя сотнями[495]. К концу царствования Николая I во всех российских вузах училось 2900 студентов. Примерно столько же в то время числилось в одном Лейпцигском университете[496].

Уже за два года до принятия Устава было прекращено преподавание естественного права. Согласно Уставу, обязательными предметами для всех факультетов стали богословие, церковная история и действующее русское право, точнее законоведение, – простой пересказ действующего российского законодательства. Студентам сообщали лишь отрывочные сведения из области государственного, гражданского и уголовного законодательства. Преподавание государственного права европейских стран было поставлено под надзор попечителей, а в 1850 г. прекращено. Теория вопроса, историческое и философское осмысление излагаемого законодательства фактически отсутствовали[497].

Пошли слухи о закрытии всех университетов. Министр просвещения С. С. Уваров инициировал статью против сокращения числа студентов в университетах, поскольку это подорвет престиж Российской империи в Европе. Император пришел в ярость: «Должно повиноваться, а рассуждения свои держать при себе»[498]. Это был приговор. В октябре 1849 г. Уваров подал в отставку, вместо него был назначен князь П. А. Ширинский-Шахматов, автор знаменитой фразы: «Польза философии не доказана, а вред от нее возможен». По сравнению с

Ширинским-Шахматовым Уваров был либералом.

Однако не только министерство просвещения занималось внедрением официальной идеологии и сохранением фундаментальных основ самодержавия в процессе органического движения страны по течению реки Истории. Эти задачи были возложены на всю мегамашину Российской империи и на ее бюрократию в частности.

8
Николаевская бюрократия

Тем временем эта самая бюрократия, из которой были вырваны малейшие ростки ответственности, все больше утрачивала свою сословную (дворянскую) сущность[499]. На низших чиновничьих должностях трудились в основном безродные, небогатые, если не сказать нищие люди. Их обобщенный образ дал Николай Васильевич Гоголь: Акакий Акакиевич Башмачников – «чиновник, нельзя сказать чтобы очень замечательный, низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат, с небольшой лысиной на лбу и цветом лица, что называется, геморроидальным»[500]. Этакий маленький незаметный человечек, всеми презираемый и притесняемый.

Ну и каких успехов, не говоря уже о прорывах, на управленческой ниве от таких бюрократов можно ожидать?

> **Основой управления империей стало движение бумаг: сверху вниз шли распоряжения, снизу вверх – отчеты. С самого низа бюрократической иерархии наверх шли замечательные отчеты в духе «все хорошо, прекрасная маркиза». По мере движения наверх эти отчеты становились только лучезарнее, и на самый верх приходили бумаги, не имевшие никакого отношения к реальности.**

Бюрократия выделялась в отдельную социальную группу, отчужденную от всех сословий, считающую свое положение исключительным в сравнении с остальным обществом. В среде автономизировашейся системы управления буйным цветом расцвели казнокрадство и взяточничество.

Современники утверждали, что «правительство намеренно смотрело на взятки сквозь пальцы, чтобы иметь в руках… систему контроля за работой бюрократического аппарата: давая чиновникам содержание, недостаточное для существования, оно вынуждало ко взяточничеству, что делало их заложниками в руках начальства». Более того, «мало-помалу усовершенствовались взятки в царствование Николая Павловича. Жандармы хватились за ум и рассудили, что чем губить людей, не лучше ли с ними делиться. Судьи и прочие, иже во власти суть, сделались откровеннее и уделяли некоторый барыш тем, которые были приставлены следить за ними; те посылали дань выше, и

таким образом все обходилось благополучно»[501].

Император с помощью ручного управления, характерного для патримониальной бюрократии, старался прекратить разнузданную коррупцию, но тщетно. Еще в мае 1826 г. он утвердил комитет «Для соображения законов о лихоимстве и положение предварительного заключения о мерах к истреблению сего преступления», но все принятые законы и указы чиновники легко обходили.

Особенно громкий скандал случился, когда 1 февраля 1853 г. открылось, что директор канцелярии инвалидного фонда Политковский похитил огромную по тем временам сумму – около 1 200 000 рублей серебром. Николай был потрясен даже не величиной кражи, а тем, что она совершалась много лет подряд при попустительстве чиновников, ответственных за борьбу с коррупцией, включая начальника Третьего отделения Леонтия Дубельта. На роскошных приемах Политковского, устроенных на краденые деньги, гулял весь цвет Петербурга. Николай Павлович занемог от огорчения и воскликнул: «Конечно, Рылеев и его сообщники со мной не сделали бы этого!»[502] В общем, не пойми кто хуже: декабристы или «жадною толпой стоящие у трона».

В конце николаевской эпохи опытный администратор, дослужившийся до вице-губернатора, гений сатирической прозы М. Е. Салтыков (писательский псевдоним Н. Щедрин) в своих произведениях, в отличие от Н. В. Гоголя, представлял провинциального чиновника уже не как бедного человека, вызывающего жалость и сочувствие, а как грубого и хитрого стяжателя, хищника, паразитирующего на народном невежестве, бедности и несчастье. Интересно, что через 50 лет после принятия судебных уставов 1864 г. Н. В. Гоголь и М. Е. Салтыков назывались в числе активных деятелей, приближавших Великие реформы. «„Глася во все концы“, литература в лице лучших представителей своих колеблет своими властными звуками устои, на которых держится зло, и, делая его для всех очевидным и ненавистным, приближает момент его окончательного падения»[503].

9
Брожение умов в николаевской империи

В 1836 г. П. Я. Чаадаев опубликовал первое из своих «Философических писем»[504]. В нем, в частности, говорилось: «Одна из наиболее печальных черт нашей своеобразной цивилизации заключается в том, что мы еще только открываем истины, давно уже ставшие избитыми в других местах и даже

среди народов, во многом далеко отставших от нас. Это происходит оттого, что мы никогда не шли об руку с прочими народами; мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человеческого рода; мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого. Стоя как бы вне времени, мы не были затронуты всемирным воспитанием человеческого рода». Разразился скандал. Уваров приказал закрыть журнал «Телескоп» за публикацию этой «дерзостной бессмыслицы», а указом императора Чаадаев был объявлен сумасшедшим и посажен под домашний арест. Возможно, это был первый случай применения карательной психиатрии.

Однако волны поднялись нешуточные.

> **Произошел раскол образованной части общества: она поделилась на западников и славянофилов**[505]**. В середине XIX в. этот раскол разделил всех мыслящих людей. Практически на каждой университетской кафедре имелись две партии – славянофилов и западников, – которые вели между собой непримиримую борьбу, и не только за вакантные должности.**

Западники в целом разделяли тезисы Чаадаева и предлагали ускоренными темпами двигаться по пути, пройденному западными странами, чтобы слиться с западной цивилизацией.

Славянофилам стало обидно за столь нигилистическую оценку своей тысячелетней народности, и они, основываясь на «Истории» Карамзина, заявили об уникальности исторического пути России под лозунгом «Россия – не Европа». По их мнению, главное преимущество России состояло именно в ее отсталости. Они предсказывали своей стране трансформационный прорыв, который однажды поможет ей возглавить всемирное содружество держав.

Для убедительности славянофилы объявили Европу умирающей и загнивающей и принялись ее хоронить. Причем делали это многократно, но безуспешно[506].

Базовым различием этих двух течений стал ответ на основной вопрос политологии: государство для человека или человек для государства? Западники отвечали положительно на первый вариант вопроса, придерживаясь либеральных идей свободы и прав личности, а славянофилы – на второй, ссылаясь на якобы присущий русским соборный коллективизм и особый «русский дух»[507].

Камнем преткновения была фигура Петра

Великого. Западники считали его великим преобразователем и реформатором, основателем современной Российской империи. Славянофилы полагали, что он насильно заставил страну двигаться по чуждому ей пути и разрушил ее православные основы.

Другим камнем преткновения стало право. Западники провозглашали нечто в духе идей правового государства. Славянофилы считали закон чем-то навязанным извне, некоей внешней силой, часто противоречащей народному пониманию правильности-истинности[508]. Отсюда и правовой нигилизм, прежде всего крестьянской массы, в которой и сохраняется «народный дух». Славянофилы видели порочность западноевропейского порядка в том, что западное общество встало на путь «внешней правды, пути государства». Поэтому они были против всяких конституций, кодексов и не дружили со «здравым смыслом юридическим – сим исчадьем сатаны»[509].

Несмотря на то что взгляды славянофилов хорошо рифмуются с официальной идеологией Уварова – апологетика православия и самодержавия, плавное, органическое развитие, оправдание цензуры, – они отнюдь не совпадали с ней полностью. И не только потому, что славянофилы не признавали теорию догоняющего развития России.

Они совершенно иначе понимали категорию народности или нации. Для них это был прежде всего результат культурно-духовных и исторических факторов, а не политических. Однако идеи национализма, хотели этого славянофилы или нет, всегда направлены на подрыв сословных перегородок, нарушающих целостность народного организма. Они неминуемо должны привести к трансформации традиционных имперских структур в институты национального государства. Именно в этом ключе понимали народность декабристы, что видно из их проектов конституции.

У западников и славянофилов были и совпадения: те и другие выступали за отмену крепостного права, за ускоренное экономическое развитие государства. Те и другие были патриотами своей страны, все они страстно желали величия и счастья своего народа, сурово осуждали российское настоящее и предрекали России славное будущее. Гонениям со стороны власти подвергались и те и другие.

Это был уже не звонок, а колокол, извещавший о возникновении широкого слоя диссидентов – явного признака, что социальная система империи

окончательно вышла из равновесия. По-видимому, этот факт вообще прошел мимо сознания Николая I. Для него они были «оба хуже».

Раскол по линии определения стратегии развития России сыграл огромную роль в ходе последующей истории страны и не исчерпан до сих пор. Религиозный раскол XVII в. отошел на задний план по мере секуляризации общества. Постпетровский культурный раскол XVIII в. нивелирован в основном усилиями советской власти, правда на уровне заметно ниже, чем уровень дворянской культуры. Зато идеологический раскол XIX в. сохранили левые и правые советские диссиденты[510], да и нынешние так называемые либералы и патриоты не жалеют усилий для его углубления.

Впрочем, кроме бурления идеологических страстей в образованной среде появились и полноценные диссиденты. Как водится, не без помощи политической охранки, виртуозно превращавшей в общем-то лояльных граждан в патентованных революционеров. Таковыми были, например, т. н. петрашевцы.

Во второй половине 1840-х гг. в Санкт-Петербурге возникло несколько кружков, члены которых увлекались идеями утопического социализма. В основном это были молодые люди – офицеры, чиновники, студенты, люди без определенных занятий, литераторы. Среди них были такие известные лица, как Н. Я. Данилевский, Ф. М. Достоевский, В. Н. Майков, А. Н. Плещеев, М. Е. Салтыков-Щедрин и др. Они обсуждали крестьянский вопрос, необходимость отмены цензуры, изменение судоустройства. В кружках читали французскую и другую европейскую литературу.

Напуганные событиями 1848 г., николаевские правоохранители 23 апреля (5 мая) 1849 г. арестовали 36 участников собраний. Всего к следствию, которое велось специально созданной Секретной следственной комиссией, привлекли 122 человека. Комиссия пришла к выводу, что собрания петрашевцев отличались «духом, противным правительству», но «не обнаруживали… ни единства действий, ни взаимного согласия», и к разряду тайных обществ не принадлежали. Решением специальной Военно-судной комиссии 15 человек были приговорены к расстрелу, пять человек – к каторге, один человек – к ссылке, однако приговор был смягчен императором Николаем I. Об этом петрашевцам было объявлено лишь после полномасштабной инсценировки подготовки к казни 22 декабря 1849 г. (3 января 1850 г.)[511].

10

Жандарм Европы. Крымская трагедия

Во внешней политике Николай I строго следовал завету своего старшего брата Александра I: всеми силами обеспечивать безопасность Европы, в том числе и России как ее составляющей. Это как нельзя лучше вписывалось в провозглашенную им новую миссию мегамашины Российской империи – противодействие революционной заразе, однако, в отличие от Александра, Николай действовал просто, делая упор на военный авторитет России в Европе.

Тем временем Европу все больше захватывали либеральные веяния, и Россия с ее приверженностью Венской системе международных отношений становилась символом старого порядка.

Прямота внешнеполитических заявлений Николая не вызывала восторга у многих лидеров европейских стран. Пришлось ограничить рамки Священного союза Россией, Австрией и Пруссией, для которых революция, ломавшая старые уклады и традиции, представляла не меньшую, чем для России, угрозу.

Политика Союза была сугубо оборонительной[512] и имела целью не допустить на территорию союзников пламя революции, полыхавшей во всей Европе. Однако Австрии и Пруссии этой участи избежать не удалось.

В Австрии революция охватила не только национальные окраины империи Габсбургов, но и столицу. Главная угроза исходила из Трансильвании и Галиции. Затем восстали законопослушные пруссаки, а король Пруссии Фридрих Вильгельм IV был вынужден утвердить конституцию.

В 1849 г. по просьбе Австрийской империи Россия приняла участие в подавлении венгерской революции, направив 140-тысячный корпус в Венгрию, пытавшуюся освободиться от гнета со стороны Австрии. В результате был спасен трон Франца Иосифа I, впоследствии поджигателя Первой мировой войны. Тогда же с помощью русской военной силы были подавлены революционные волнения в Молдавии и Валахии.

При этом Николай I действовал прежде всего в своих интересах, а не союзников. Все-таки революционный пожар границ Российской империи так и не пересек. Зато Россия приобрела устойчивый имидж жандарма Европы.

Представление о России как о восточной деспотии, угрожающей свободе европейцев, начало формироваться сразу

после подавления Польского восстания усилиями тысяч польских эмигрантов. Князь Адам Чарторыйский, бывший член Негласного комитета Александра I, российский министр иностранных дел, а потом председатель правительства восставшей Польши, создал в Париже «посольство несуществующего государства», ставшее источником распространения неприязни к России.

Во времена Николая I возникли новые негативные стереотипы и суждения европейцев относительно России, которые сохранились и до наших дней под названием «русофобия».

Ярким выражением этих настроений стала книга романиста и публициста маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году»[513]. Кюстин был сторонником просвещенного абсолютизма и представлял Россию последним оплотом этого порядка, но был сильно разочарован[514]. Книгу, понятное дело, запретили, опубликована она была более чем через полтора столетия, но все ее читали в списках и горячо обсуждали.

Николай вообще не считал нужным обращать внимание на мнения частных лиц. Проигнорировал он и опус Кюстина. Однако последний был отнюдь не одинок. Западная пресса пестрела карикатурами на императора Николая. Правительство решило «взирать на все, что публикуется о России, с совершенным равнодушием… нимало не заботясь ни о каких толках и слухах», поскольку «русофобия пройдет, как прошли другие безумства нашего века»[515].

Однако славянофильски настроенная часть российского общества не была столь толерантна – в ответ стали распространяться ксенофобские настроения. На излете Российской империи часть славянофильства преобразовалась в черносотенное движение.

Вторым не менее важным направлением внешней политики был так называемый Восточный вопрос. Вкратце он сводился к колониальному разделу территории явно ослабевавшей Османской империи европейскими державами. Также Николай I надеялся помочь своим восточноевропейским единоверцам сбросить османское иго и обрести государственный суверенитет в семье европейских народов.

При этом главной мечтой российских монархов со времен Екатерины II было овладение Константинополем и проливами Босфор и Дарданеллы, что давало возможность их закрытия для судов недружественных государств. Овладение Константинополем было призвано подтвердить первородство православной России и противопоставление себя западной

религиозной традиции и потому мифологизировалось в концепции XVI в. «Москва – третий Рим» и Греческом проекте Екатерины. Миф о Третьем Риме, поднятый на щит особенно славянофилами, отчасти послужил мотивацией участия Российской империи в Первой мировой войне[516].

Однако любые попытки России решить свои геополитические проблемы за счет османских территорий без согласия европейских стран порождали риск столкновения с объединенной Европой. Даже победив в войне с Османской империей в сентябре 1829 г., Россия была вынуждена вести дипломатическую борьбу за международное признание ее территориальных приобретений. В результате Турция потеряла очень много – Грецию, Сербию и Дунайские княжества, а Россия приобрела очень мало. Все досталось Англии, Франции и Австрии[517].

Было очевидно, что российско-турецкие войны представляли собой ловушку, в которую загоняла Россию Великобритания, оставляя за собой роль стороннего наблюдателя, что позволяло ей в удобный момент обернуть итоги войны, какими бы они ни были, в свою пользу. В случае победы Россия не могла самостоятельно решить свои геополитические задачи, а в случае поражения оказывалась на коленях перед западноевропейскими странами.

К концу своего 30-летнего правления Николай решил, что настало удобное время, чтобы окончательно разделаться с Османской империей, которую он назвал «больным человеком Европы». Это был катастрофический просчет.

Усиление России в результате захвата Босфора и Дарданелл было для Великобритании и Франции слишком опасным, а учитывая, как бы сейчас сказали, плохой пиар Российской империи в Европе, совершенно неприемлемым.

В июне 1853 г. Россия ввела войска в Дунайские княжества. В октябре Османская империя официально объявила войну. В начале 1854 г. на стороне Турции выступили Франция и Великобритания при недружественном нейтралитете Австрии. Союзники ставили целью разгромить Россию и лишить ее решающего влияния на европейскую политику, которое она приобрела после венгерского похода 1849 г.

Союзный экспедиционный корпус высадился в Крыму. Его целью было взять Севастополь, главную базу российского Черноморского флота. Осада Севастополя началась осенью 1854 г. и продолжалась почти год.

В ходе Крымской войны проблемы, которые казались властям

несущественными, проявили себя: невероятных размеров коррупция делала невозможным ритмичное снабжение армии, производство боеприпасов было недостаточным, транспортная инфраструктура не справлялась со своими задачами, несмотря на строительство железных дорог. Солдаты гибли не столько от пуль, сколько от инфекционных заболеваний и голодного истощения. В Севастополе российская армия на десять выстрелов союзников отвечала одним артиллерийским из-за дефицита боеприпасов.

Искусственное торможение общественно-политического развития страны, удушение с помощью цензуры любого инакомыслия и отрицательный отбор управленцев по принципу личной преданности императору, преподносивших ему не правдивую информацию о положении дел в стране и за рубежом, а ту, которую сам император хотел слышать, сделали свое дело. Именно правление Николая I убедило многих образованных людей, работавших в том числе рядом с ним, в необходимости реформ в империи.

Поражение в Крымской войне стало самым крупным за весь XIX в. поражением России и оказало существенное влияние на последующую либерализацию внутренней политики в стране.

11
Смерть Николая Павловича

В январе 1855 г. Николай I простудился и 18 февраля (2 марта) 1855 г. скончался в возрасте 58 лет от воспаления легких. Распространившаяся было версия о самоубийстве подтверждения не нашла.

По легенде, разговаривая перед смертью с сыном Александром, Николай I сказал: «Сдаю тебе мою команду, к сожалению, не в том порядке, как желал, оставляя много хлопот и забот»[518]. Николай I правил страной почти 30 лет. «С 18 февраля 1855 года начинается новый период, в который выступают иные начала жизни»[519], – писал В. О. Ключевский.

Похоронен Николай Павлович Романов в Петропавловском соборе Петропавловской крепости.

12
Модест Андреевич Корф [520]

Жизненный путь барона **Модеста Андреевича Корфа (1800–1876),** служившего всем трем императорам, о которых мы рассказываем в настоящей книге, настолько тесно вплетен в

историческую ткань своего времени, что сам по себе может рассматриваться как краткий курс соответствующего исторического периода. Именно такую жизнь очевидца и государственного деятеля своего времени прожил барон, а с 1872 г. – граф Корф.

Однокашник А. С. Пушкина по Императорскому Царскосельскому лицею, один из любимых учеников М. М. Сперанского, он, в отличие от многих других лицеистов первого выпуска 1817 г., сделал блестящую бюрократическую карьеру в годы царствования императора Николая I. Корф, лично знавший многих декабристов, стал автором редкой, но широко обсуждавшейся и приобретшей таинственный оттенок книги «Восшествие на престол императора Николая I», донельзя оскорбившей «разбуженного декабристами» А. И. Герцена. Будучи автором идеи создания жесткой политической цензуры, Корф в то же время является признанным библиографом вольной русской печати. Практически все значимые исторические события середины XIX в., сыгравшие определяющую роль в дальнейшей истории нашей страны, так или иначе связаны с именем Модеста Андреевича Корфа.

О Корфе во времена советской власти если и вспоминали, то не иначе как о злостном реакционере, царском сатрапе и гонителе прогрессивных деятелей того времени. Тогда в официальной историографии преобладал исключительно однобокий, классовый подход, основанный на точке зрения политических оппонентов Модеста Андреевича. Сегодня все в большей степени ощущается потребность восстановить разорванную ткань российской истории, с тем чтобы лучше понять, откуда и куда мы идем. Ведь многие принципы административного устройства и законодательной системы нашей страны восходят именно к тому времени.

Понять все многообразие общественно-политической жизни, развития управленческой и юридической мысли того XIX в. невозможно, не опираясь на свидетельства очевидцев и с «другой стороны баррикад». Именно к их числу относится и Модест Андреевич.

Корф происходил из старинного дворянского рода Вестфалии, история которого известна начиная с 1240 г. Отец Модеста, Андрей (Генрих) Корф, после присоединения Курляндии к России в 1795 г. сделал успешную карьеру при дворе российских императоров. Начал ее на посту вице-президента юстиц-коллегии, а умер в чине тайного советника и члена Сената.

Девичья фамилии матери – Смирнова. Именно благодаря ее влиянию Модест всегда считал себя русским «по воспитанию, по вере, по службе»[521].

В десятилетнем возрасте вместе с 29 другими юношами Модест поступил в только что открытый Александром I Императорский Царскосельский лицей.

Лицей был основан по указу императора Александра I. Он предназначался для обучения дворянских мальчиков. Программа, разработанная Сперанским, ориентировала процесс обучения в первую очередь на подготовку государственных чиновников высшего ранга. Образование в лицее приравнивалось к университетскому, но на деле считалось намного престижней. Кроме А. С. Пушкина и декабристов среди знаменитых выпускников лицея были, например, Дмитрий Николаевич Замятнин, министр юстиции России в 1862–1867 гг., а также замечательный писатель Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Лицей просуществовал до 29 мая 1918 г., когда постановлением Совета народных комиссаров он был закрыт, его место занял Пролетарский политехникум. В 1925 г. многие бывшие воспитанники лицея были репрессированы. Великолепная библиотека Царскосельского лицея в советское время была частично передана в созданный в 1920 г. Уральский государственный университет и в дальнейшем разделена между выделенными из него институтами[522].

Как отмечал директор лицея Василий Малиновский, «барон Корф… с хорошими дарованиями, прилежен с успехом, любит порядок и опрятность; весьма благонравен, скромен и вежлив. В обращении столь нежен и благороден, что во все время нахождения его в лицее ни разу не провинился; но осторожность и боязливость препятствуют ему быть совершенно открытым и свободным. Иногда немножко упрям с чувствительностью»[523]. Хотя Модест не был в лицейские годы особо близок к пушкинской компании в силу своего характера и прирожденной дисциплины, однако впоследствии, когда его лицейских товарищей коснулась опала, а он находился на важном государственном посту, не отвернулся и всячески им содействовал. Правда, высказывался о них не всегда одобрительно, как, например, об А. С. Пушкине в своей знаменитой «Записке»[524].

В отличие от многих выпускников этого уникального образовательного учреждения, Модест Андреевич несколько скептически относился к уровню полученного в нем образования. Он считал, что полученные в лицее знания были весьма поверхностными, несистемными, порождая при этом «блестящее всезнание». Тот факт, что и кроме Пушкина среди выпускников

первого курса были весьма достойные люди, он не считал результатом деятельности наставников и надзирателей, а скорее итогом случайного стечения обстоятельств. «Многому мы, разумеется, должны были доучиваться уже после лицея, особенно у кого была собственная охота к науке»[525], – писал впоследствии Корф.

После окончания лицея Корф поступил на службу в канцелярию министра юстиции Д. И. Лобанова-Ростовского. Работа была не слишком утомительной, и все свободное время Модест Андреевич смог посвящать литературным занятиям. Его книга о стенографии[526] стала первой работой на эту тему в нашей стране. С 1819 г. Корф состоял членом Вольного общества любителей российской словесности. Однако после того как он перешел в Министерство финансов, служба стала занимать все время, и от литературных занятий пришлось отказаться.

> **С 1826 г. Корф стал работать под руководством Сперанского во Втором (законодательном) отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Корф нередко называл Михаила Михайловича своим учителем. Учитель весьма дорожил своим учеником и называл его «лучшим нашим работником»**[527].

Под его руководством Модест Андреевич дослужился до чина действительного статского советника, получил звание камергера, был награжден орденами того времени.

Начиная подготовку Полного собрания законов и Свода законов Российской империи, Сперанский прежде всего подыскал себе способных помощников из различных министерств. К их числу относился и Модест Андреевич. Во Втором отделении он работал в течение пяти лет. Под руководством Сперанского он прошел основательную школу в области законодательства и организации управления делами, которая послужила основой его дальнейшей блестящей карьеры.

В 1831 г. Корф по совету Сперанского был переведен в Комитет министров, управляющий делами которого Ф. Ф. Гежелинский за небрежное и неаккуратное ведение дел был отстранен от должности и отдан под следствие. В течение всего лишь года Корф привел в порядок все неисполненные дела. В результате он был назначен управляющим делами Комитета министров, несмотря на его молодой возраст (32 года).

В 1834 г. Модест Андреевич был назначен на должность государственного секретаря. Фактическим руководителем Государственного совета Российской империи он проработал

девять лет.

Корфу довелось участвовать в подготовке практически всех документов, выходивших из Госсовета в 1830–1860-е гг. Он был ценен для травмированного событиями 1825 г., Польским восстанием и европейскими революциями Николая I своими взглядами на развитие России: путем постепенных реформ «без общих потрясений». «Это человек в наших правилах и смотрит на вещи с нашей точки зрения»[528], – говорил он о Модесте Андреевиче.

После смерти Сперанского в 1839 г. современники воспринимали Корфа как его преемника. Николай I советовал Модесту Андреевичу «оставаться верным» школе Сперанского и действовать «в духе и правилах покойного»[529]. Император не раз привлекал Корфа к составлению высочайших манифестов.

Государственного секретаря Корфа император назначает постоянным членом Государственного совета в 1843 г. В этой должности он принимал участие в работе различных гласных и негласных комиссий и комитетов. Наиболее важным из них был так называемый Комитет 2 апреля (Бутурлинский комитет)[530]. Образован он был в 1848 году в качестве ответа на революционные события в Европе. Фактически Николай I возложил на Корфа обязанности верховного цензора.

Николай I доверил Модесту Андреевичу наставничество своих детей. В частности, Корф читал им курс правоведения. Был он и преподавателем детей Александра II, в том числе и будущего императора Александра III, оказав значительное влияние на формирование их мировоззрения.

В 1849 г. М. А. Корф был назначен директором Императорской Публичной библиотеки. В то время это было малоизвестное учреждение, доступ в нее был ограничен, она влачила нищенское существование, число сотрудников и их профессиональный уровень явно не отвечали стоящим перед ней задачам. Корф сумел существенно поправить положение.

За 12 лет руководства Модест Андреевич добился того, что библиотека стала котироваться наравне с крупнейшими библиотеками Западной Европы. Принимая руководство, Корф поставил две цели: собрать все напечатанное о России на церковнославняском, русском и иностранных языках. Он сумел создать уникальное собрание, приобретя самые крупные коллекции старопечатных книг, церковно-славянских рукописей, а также народных картинок и изданий времен Петра Великого. Не менее уникальной оказалась и коллекция иностранных книг о России. Неслучайно император Александр II повелел «ту залу сей библиотеки, в коей помещается учрежденное по мысли его

собрание всего напечатанного о России на иностранных языках, именовать залою барона Корфа»[531], а также разрешил повесить в этом зале портрет Модеста Андреевича.

Запрещая в качестве цензора проникновение вольного слова Герцена в Россию, в качестве директора библиотеки Корф внимательно следил за появлением изданий Герцена за границей и принимал живейшее участие в их приобретении для Императорской библиотеки. Корф очень тонко чувствовал время, ощущал приближение перемен и боялся, что удары, наносимые ему Герценом, могут повредить его положению при дворе Александра II[532].

Так или иначе, Корфом было приобретено достаточно полное собрание изданий «лондонского бунтовщика» и Вольной русской типографии. В «Отечественных записках» за 1854 г. (в отделе «Библиографические отрывки») он опубликовал ряд рецензий, написанных им самим или под его редакцией, о наиболее интересных книгах Императорской Публичной библиотеки.

Молва не раз прочила Корфу место министра просвещения, юстиции или финансов. Однако при Николае I он никаким министром не стал, формально возглавлял Госсовет и много сил отдавал этой работе, а затем делам библиотеки, плюс к этому фактически был нештатным биографом Николая Павловича Романова.

В 1861 г. уже при Александре II, Корф вернулся во Второе (законодательное) отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии в качестве руководителя и потому оставил пост директора библиотеки. Но до конца своей жизни он проявлял самый искренний интерес к этому самому любимому своему детищу и всячески помогал ее дальнейшему развитию.

Во Втором отделении, где ранее он сам под руководством Сперанского получил юридическое и управленческое образование, Модест Андреевич пробыл всего три года, однако за это время он принял активное участие в подготовке проектов земской, цензурной и университетской реформ. Будучи достойным последователем своего учителя, он выступал с вполне либеральных позиций.

В 1864 г. Корф возглавил департамент законов в Государственном совете. Так что продвижение по стопам своего великого учителя в качестве его преемника продолжилось. Здесь оно и завершилось в 1872 г., когда по состоянию здоровья Модест Андреевич подал в отставку. При этом он был пожалован в потомственное графское достоинство Российской империи.

2 января 1876 г. смерть унесла этого незаурядного человека, судьба которого так совпадает с историческими событиями того времени, в которое он жил. Модест Андреевич Корф скончался в Петербурге и похоронен на Никольском кладбище Свято-Троицкой Александро-Невской лавры. Его могила сохранилась, она ухожена и до сегодняшнего дня в хорошем состоянии.

Модест Андреевич был, если можно так сказать, включенным очевидцем ключевых событий середины XIX в. Несмотря на большую загруженность государственной деятельностью, он находил время для литературных занятий и в результате сумел оставить нам важные исторические свидетельства. На него ссылаются и уже ушедшие историки, например В. О. Ключевский, и современные исследователи, например В. А. Томсинов. Его уже не раз цитированные в наших очерках записки и дневники представляют собой ценнейший материал для историков и просто любознательных читателей. Эти документы середины XIX в. позволяют нам изнутри рассмотреть все перипетии борьбы за власть, механизмы функционирования бюрократии того времени, совершенно иначе взглянуть на судьбоносные события, во многом определившие развитие российской государственности.

Корф принимал деятельное участие в составлении полной биографии и истории царствования императора Николая I. Работа над собиранием материалов к биографии продолжалась более 19 лет. Уже после смерти Корфа, в 1886 г., все 92 (!) тома этого изыскания были переданы Императорскому Русскому историческому обществу.

Что касается знаменитого «Восшествия на престол императора Николая I», первоначально это произведение было напечатано в 1848 г. в количестве 25 экземпляров под названием «Историческое описание 14 декабря 1825 г. и предшедших ему событий». Второе издание этого труда, но уже под названием «Четырнадцатое декабря 1825 года», состоялось в 1854 г. и опять в 25 экземплярах. Под окончательным названием это сочинение стало доступно широкому кругу читателей лишь в 1857 г.[533] по решению императорской семьи во избежание слухов и кривотолков. Книга эта была переведена на многие языки. В одной Германии появилось семь ее изданий в разных переводах. В этой книге читатель увидит совершенно иного «Николая Палкина» – «чудовище» и «душителя свободы» в глазах учеников советского школы. В глазах автора это ответственный, мужественный и милостивый монарх. Подробности

возникновения «замешательства», повлекшего выступление декабристов, весьма интересны и поучительны с точки зрения «издержек» самодержавия. Кроме того, это замечательный образчик выражения «верноподданнических чувств» сановника того времени.

Наконец, в 1861 г. появилось удивительное сочинение Корфа – «Жизнь графа Сперанского». Эта книга не только раскрывает нам личность М. М. Сперанского, все перипетии его необычной и драматической судьбы, но и служит одним из важнейших источников для изучения исторических событий того времени.

Модест Андреевич Корф, как и многие исторические персоны, был весьма противоречивой личностью. С одной стороны – классический служака, карьерист, угодливый вельможа, с другой – один из разработчиков прогрессивных реформ, собиратель сочинений «диссидентов» того времени, составитель записок и дневников, в которых современные ему ведущие государственные деятели предстают отнюдь не в лучшем виде.

Этим он очень напоминает своего учителя графа Сперанского. Однако если Михаил Михайлович более видится нам реформатором государства и права, то Модест Андреевич, скорее, сохранителем тех позитивных изменений права, государства и общества, осуществленных в том числе и благодаря стараниям его учителя.

13
Константин Алексеевич Неволин

Ученик Сперанского, один из основоположников отечественной правовой науки и юридического образования **Константин Алексеевич Неволин (1806–1855)** прожил короткую, но очень насыщенную жизнь.

Детство и отрочество Константина Алексеевича сильно напоминает соответствующий период жизни его учителя. Дата рождения служит предметом дискуссии, но большинство исследователей называют 1806 г. Родился и рос Константин в семье священника, его отправляют учиться в семинарию, а затем в духовную академию. Но до встречи со Сперанским должно пройти несколько лет. После этой встречи жизнь Неволина кардинально изменилась.

Небольшой город Орлов, где родился Константин, находился

в Вятской губернии (ныне Кировская область). Как и положено сыну священника, Константин оканчивает Вятскую семинарию, где получает православное образование. Будучи прилежным учеником, наряду со словом божьим изучал русский язык и литературу, православную историю, математику и другие предметы.

В 1824 г. по окончании семинарии Неволина направляют для продолжения обучения в Московскую духовную академию, образование в которой после реформы духовного обучения Сперанского стало де-юре и де-факто приравниваться к университетскому. Константин продолжает демонстрировать трудолюбие и настойчивость, проявляет интерес к языкам, особенно к латыни и немецкому, глубоко изучает античную культуру, византийские тексты.

Неволин выделялся среди слушателей организованностью, начитанностью и готовностью взяться за новые дела. Известнейший в то время священнослужитель Филарет, бывший к тому времени митрополитом Московсим и Коломенским, обратил на него внимание. В наших очерках мы говорили о нем как об архиепископе, которым, со слов Александра I, был составлен императорский манифест о престолонаследии, где престолонаследником указывался не Константин Павлович, а Николай Павлович (Николай I).

В 1828 г. митрополит Филарет рекомендовал М. М. Сперанскому Константина Алексеевича как одаренного и способного к обучению молодого человека.

Как указывают Д. И. Луковская, С. С. Гречишкин и Ю. В. Ячменёв, «по представлению Сперанского, по Высочайшему повелению от 24 февраля, несколько лучших кандидатур, в том числе и Неволин (за три с половиной года он окончил полный курс академии, но не успел сдать магистерские экзамены), были направлены в Санкт-Петербург, во Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии»[534], где они обучались праву и участвовали в огромной подготовительной работе по составлению Полного собрания законов Российской империи и Свода законов Российской империи.

План обучения тщательно отобранных молодых дарований составил сам Сперанский. Организацию обучения, в том числе подбор лекторов, осуществлял М. А. Балугьянский. Сперанский и Балугьянский принимали участие в приеме экзаменов. Также важно, что слушатели участвовали в работе Второго (законодательного) отделения канцелярии. Сперанский и другие

профессора видели и ценили их работу. В это время Константин Алексеевич знакомится с М. А. Корфом.

После успешной сдачи экзаменов Неволин отправляется на стажировку в Германию. Вот что писал по этому поводу профессор Казанского императорского университета Г. Ф. Шершеневич: «Вследствие выраженного императором Николаем желания поставить преподавание в уровень с требованиями настоящего времени, выбраны были несколько молодых людей из воспитанников Духовной академии для посылки их за границу. Первый выбор пал на Неволина, Богородского, Благовещенского, Знаменского и Орнатского. Под личным руководством графа Сперанского эти будущие профессора занимались изучением русского законодательства и только после выдержанного испытания отправлены были в 1829 году в Берлин, непосредственно к главе исторической школы – к самому Савиньи»[535].

В Берлинском университете Неволин слушал Савиньи, Гегеля, Пухту и других немецких историков, философов права, цивилистов и исследователей римского права.

При встречах Сперанского с Савиньи, посвященных германскому и российскому праву и его кодификации, великие юристы и государственные деятели обсуждали и процесс обучения, и самих учеников. Сперанский встречался в Берлине с Неволиным, они беседовали не только о ходе образования, но и о перспективах отечественного правоведения.

Сразу по возвращении из Германии в октябре 1832 г. Неволин был зачислен во Второе (законодательное) отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Сперанский устроил публичную сдачу экзаменов вернувшихся правоведов. Неволин защитил докторскую диссертацию на тему «О философии законодательства у древних». Все, включая Неволина, проявили высокие знания права и были удостоены звания докторов законоведения (январь 1834 г.).

Прошедшие учебу у Сперанского и в Берлинском университете были направлены в разные университеты империи. Неволин в марте 1835 г. направляется в качестве ординарного профессора энциклопедии права в Киевский Императорский университет святого Владимира, к слову, учрежденный только год назад, а юридический факультет фактически был открыт как раз в 1835 г.

В 1837 г. Неволин становится ректором Киевского

Императорского университета. Наряду с организацией преподавательской деятельности Константин Алексеевич занимается строительством здания университета, в котором тот располагался до 1917 г., продолжает заниматься исследовательской работой.

Впоследствии благодарный ученик Сперанского Константин Алексеевич указывает в качестве одного из источников изучения законоведения в России работу Сперанского «Руководство к познанию законов».

В 1839 г. в Киеве выходит работа Неволина **«Энциклопедия законоведения», ставшая сразу же знаменитой и настольной книгой студентов и преподавателей юридических факультетов российских университетов.** Более того, со временем эта работа серьезно повлияла на систему юридического образования в империи. «Издавая на отечественном языке сочинение, которому, во всем его объеме, наша литература и, смею сказать, даже иностранная, доселе не представляет подобного, я надеюсь, что оно будет принято моими соотечественниками с вниманием, приличным предмету, в нем излагаемому»[536], – писал Константин Алексеевич.

В феврале 1843 г. Неволин увольняется из Киевского университета и уже в марте переходит в столичный. После смерти профессора Е. В. Врангеля Неволин возглавляет кафедру гражданских законов Санкт-Петербургского университета. Неволин продолжает совмещать преподавание с административной работой. Он становится деканом, а впоследствии проректором университета. С 1848 г. совмещает работу в университете с преподаванием законоведения в Императорском училище правоведения. Активно занимается наукой и **в 1851 г. издает работу, которую он готовил более десяти лет, – «История русских гражданских законов»**.

Трехтомный труд «Истории» вряд ли был бы возможен, если бы Константин Алексеевич не участвовал в огромной работе по систематизации отечественного законодательства под руководством Сперанского. Неволин дотошно разбирает и подает читателю материал гражданского законодательства империи, но, в отличие от Полного свода законов, анализирует его не в хронологическом, а в институциональном порядке: «Мы следуем в нашем изложении порядку систематическому, подчиняя этому порядку порядок хронологический»[537].

Кстати, за «Энциклопедию» и «Историю» Неволин получил Демидовские премии Академии наук 1841 и 1852 гг. В 1854 г. была еще одна Демидовская премия за работу по истории «О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке».

В декабре 1853 г. Неволин переходит во Второе (законодательное) отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, через четверть века возвращается в правовую alma mater, однако проработал там в силу состояния здоровья недолго. В начале 1855 г. он уехал лечиться в Германию и Австро-Венгрию, затем в сентябре того же года, не возвращаясь в Россию, подал прошение об отставке.

6 октября 1855 г. Константин Алексеевич Неволин скончался от чахотки (туберкулеза), похоронен в Санкт-Петербурге на Смоленском православном кладбище.

Анализируя «Историю», современный российский цивилист С. В. Третьяков пишет: «К. А. Неволин наряду с Д. И. Мейером стоит у истоков ориентации российской цивилистической доктрины в вопросах систематики на пандектную ее трактовку»[538].

Что касается «Энциклопедии», полагаем важным обратить внимание на суждение Г. Ф. Шершеневича: «Сочинение это, заключающее в себе, кроме собственно энциклопедии права, еще историю философии права и историю положительного права, имело, несомненно, весьма значительное воспитательное значение для русского общества, предложив ему такую массу разнообразных сведений, какую не вмещала вся предшествовавшая русская юридическая литература, вместе взятая»[539]. Ни много ни мало, а вся «вместе взятая».

И «История», и «Энциклопедия» Неволина были и сегодня остаются выдающимися произведениями российского права, а жизнь и работа Константина Алексеевича – примером служения праву.

14
Дмитрий Иванович Мейер

Дмитрий Иванович Мейер (1819–1856) прожил короткую, но яркую жизнь, оставаясь в памяти благодарных потомков «отцом русского гражданского права». Его учебник и через 160 лет после первого издания широко используется в вузах. Необходимо вспомнить, что именно Мейер был создателем первых в России, как он сам их назвал, «юридических клиник», нацеленных на правовую помощь нуждающимся в этом гражданам.

Дмитрий Иванович (Дитрих-Иосиф Иоганнович) Мейер родился 1 (13) сентября 1819 г. в Санкт-Петербурге, в семье потомков португальских евреев, проделавших наряду со многими соплеменниками скорбный путь исхода из католических стран, в основном из Испании и Португалии, где бушевали инквизиция и антисемитизм[540], в толерантные страны Северной Европы.

Сначала они перебрались в Голландию, затем в Данию.

Дед будущего доктора права – купец Абрам Мейер – переехал в Россию, где, как известно, хоть и риску больше, но и возможности гораздо шире, чем в тогда уже почти капиталистических западных государствах. Кому, как не предпринимателям и юристам, об этом знать?

В 1799 г. Абрама постигло несчастье – потерпел крушение корабль, в том числе и с его грузом. На Кронштадтском рейде во время сильного ветра на него «наехал идущий из Кронштадтской пристани военный корабль и висящим якорем проломил его столь сильно, что он тот же час принужден был потонуть со всем грузом»[541].

Абрам Мейер обратился за помощью к императору Павлу I, но не за материальной компенсацией, а с просьбой устроить судьбу его сыновей в России. В итоге будущий отец Дмитрия Ивановича Гартвиг Иоганн и его брат Осип были обращены в лютеранскую веру, чтобы иметь возможность жить и работать в столице, и приняты в число придворных музыкантов[542].

В 1814 г. Гартвиг Иоганн женился на Шарлотте Вульф. У них было две дочери и трое сыновей. Семья быстро обрусела, и для детей Гартвига и Шарлотты русский стал родным языком. Родители очень гордились старшим сыном Дитрихом-Иосифом, называя его «семейным сокровищем» и «Дмитрием казанским». Умер Г. И. Мейер 26 марта 1867 г., надолго пережив своего знаменитого сына[543].

В 1834 г. Дитрих-Иосиф, теперь уже Дмитрий, окончил Вторую гимназию в Санкт-Петербурге и там же поступил в Главный педагогический институт. Здесь он обучался преподаванию юридических наук, которые в это самое время начинали отсчет своего бурного развития, поскольку в 1833 г. Свод законов Российской империи был одобрен Государственным советом, а в 1835 г. вступил в силу.

Окончив институт (1841) с золотой медалью, по плану Сперанского Мейер поехал на стажировку в Германию, в Берлинский университет. Прекрасно владея языками, Дмитрий Иванович изучал гражданское право Германии, Франции, Австрии и, конечно же, римское право.

Слушал лекции и наставления немецких профессоров, из которых, безусловно, стоит выделить «великого учителя римского права» Фридриха Карла фон Савиньи[544], а также его последователя Георга Фридриха Пухту[545]. Наряду с юридическими науками Мейер изучал также философию и

историю.

Более чем двухгодичная стажировка молодого ученого не смогла не сказаться как на образе его мыслей, так и на мировоззрении. Присущий Мейеру аналитический склад мышления значительно развился в результате постижения глубин права. Идеи правового государства, уже тогда доминировавшие в Европе, научили его с уважением относиться к правам и свободам граждан независимо от их социального положения.

Как и для любого образованного русского человека, существование крепостного права в России было для Дмитрия Ивановича самой болевой точкой. «Я верю в близость переворота во внутренней жизни нашего отечества. Каждый, в ком есть человеческое сердце, невольно сознает всю нелепость крепостного права… Вникните глубже, и вы увидите, что вас смущают ненормальные отношения к крепостным: вы переросли такое положение вещей, вы уже не в состоянии примириться с этим. Для вас должно быть ясно, что крепостным необходимо дать свободу, но одного сознания и чувства еще мало – на вас, на вас первых лежит обязанность облегчить участь ваших крестьян, а если сбудется мое предчувствие и, наконец, поднимется вопрос о крепостных, вы первые должны стать в ряды их защитников и каждый на своем месте помогать торжеству справедливого дела»[546], – так напутствовал он выпускников своего курса в 1849 г.

Дмитрий Иванович не дожил до окончательной отмены крепостного права, хотя определенные законодательные начала этого процесса были заложены еще во времена правления Александра I и Николая I. Первоначально либерально настроенный до войны с Наполеоном Александр I издал подготовленный В. П. Кочубеем и М. М. Сперанским указ «О вольных хлебопашцах» (1803).

При Николае I П. Д. Киселёв подготовил ряд законодательных актов, среди которых главным был закон «Об обязанных крестьянах» 1842 г. Указами Николая I помещикам запретили самовольно ссылать крестьян на каторгу, продавать их поодиночке и без земли, а самим крестьянам разрешили выкупать себя и свои семьи из продаваемых имений, владеть землей, вести предпринимательскую деятельность.

Крестьяне перестали быть собственностью помещика, а стали прежде всего подданными государства, которое защищало их права, что было одной из функций Третьего отделения. Крепостное право связывало помещика и крестьянина

отношениями к земле, с которой теперь нельзя было просто согнать крестьян. Помещики могли по добровольному соглашению с крестьянами уступать им свои земли в постоянное наследственное пользование на однажды установленных условиях. Зато помещик освобождался от лежавших на нем обязанностей по владению крепостными, ответственности за их подати, обязанности кормить крестьян в неурожайные годы, ходатайствовать за них в судах и т. д.[547] Таким образом возник институт натуральной ренты, который в какой-то мере предоставил крестьянам ряд базовых прав.

В качестве темы своей пробной лекции в Главном педагогическом институте **в январе 1845 г. Мейер выбрал тему «Гражданские отношения обязанных крестьян»**. Он чутко уловил, что происходящие изменения в положении крепостных крестьян ведут к значительному расширению их имущественных прав, что приводит к возрастанию роли частного права, а значит к тектоническим изменениям в российском обществе. И это должно найти отражение в правовых актах. Молодой исследователь не был пророком, он чувствовал логику происходящих процессов и предлагал с помощью права эти процессы поддерживать.

Его лекция прошла успешно, и **он был направлен в Казань, в Императорский университет, где и стал тем самым Дмитрием Ивановичем Мейером, которого сегодня знает весь научный юридический мир. Сначала он был преподавателем, профессором, а затем и деканом юридического факультета знаменитого и по сегодняшний день Казанского университета**.

С первых же шагов на преподавательском поприще обнаружился особенный склад мышления Дмитрия Ивановича: его метод преподавания был совершенно иным по сравнению с доминировавшим тогда способом подачи материала профессорами-юристами. Отлично подготовленный молодой преподаватель видел гражданское право в качестве стройного, логически выстроенного предмета, в то время как студентов заставляли просто заучивать текст Свода законов. Вновь прибывшему «исправляющему должность адъюнкта» по кафедре гражданских законов пришлось начинать с приема экзаменов у студентов, уже прослушавших курс гражданского законодательства. По воспоминаниям одного из них, «Мейер после первых же ответов догадался о методе преподавания и потому старался испытывать студентов не в том, что они заучили ко дню экзамена, но степень понимания и развития мышления в своих будущих слушателях. Это и казалось неопытным юношам в профессоре придирчивостью и желанием сбивать». В итоге

большинство студентов получили неудовлетворительные оценки. Им было предложено прослушать этот курс заново[548].

Методика чтения лекций, принятия экзаменов и общения со студентами молодого преподавателя была настолько необычной для того времени, что сначала испугала студентов и его коллег, но впоследствии сблизила их с Дмитрием Ивановичем до дружеских отношений. «Садясь на кафедру, он удивительно спокойно излагал свой предмет, изложение было столь цельное, законченное и отделанное с внешней стороны, что записывать становилось не только возможно, но и легко. По уверению позднейших его слушателей, стоило надлежащим образом записать его лекцию, и она оказывалась готовой хоть для печати; наилучшие в литературном смысле места впоследствии изданного курса его суть те, в которых удалось слово в слово записать изложенное с кафедры, – никакой литературной обработки не требовалось»[549]. Студенты узнали «такое гражданское право, о котором еще дотоле не имели понятия, тем более что в наивном убеждении им и не представлялась эта наука иначе, как смесью разных статей, подведенных под известные отделы»[550], – писал студент Дмитрия Ивановича, впоследствии известный историк и академик Императорской академии наук, профессор П. П. Пекарский[551].

> **«Это был профессор нового типа: как говорят, талантливый и тонкий юрист, он был также очень образованный человек, и на его лекции студенты шли толпами, между прочим, и из других факультетов: изложение своей науки он соединял с объяснениями, взятыми из современной европейской и русской жизни и литературы, его юридическое учение было вместе учение нравственное»**[552], **– вспоминал А. Н. Пыпин, историк литературы, выпускник словесного факультета Казанского университета.**

Студенты переписывали лекции Мейера друг у друга, а самые отважные обратились к нему «с просьбою дать им свои рукописи». Однако Мейер им отказал, заметив, что можно обращаться к нему лично и «он будет снимать все недоумения»[553]. По-видимому, будучи незаурядным педагогом, Дмитрий Иванович хорошо понимал, что одно дело – прочитать и выучить материал, а совсем другое – послушать, понять и записать своими словами. Однако вследствие такого подхода оригинальный текст лекций по гражданскому законодательству не сохранился.

Удивительная жизнь лекций по гражданскому праву,

прочитанных Мейером в Казанском университете, для большого круга интересующихся началась после смерти Дмитрия Ивановича, когда один из благодарных учеников, **А. И. Вицын**[554], **издал курс лекций по гражданскому праву в виде учебника**. Впоследствии дело продолжили российский юрист А. Х. Гольмстен[555] и другие правоведы[556].

Габриэль Феликсович Шершеневич, выпускник и профессор Казанского университета, писал в 1893 г. в «Науке гражданского права»: «„Русское гражданское право“ профессора Мейера представляет собою произведение, которым русская наука имеет полное основание гордиться. Мейер первый дал полное систематическое изложение русского гражданского права с объяснением, толкованием, обнаруживающим замечательную тонкость анализа, столь ценную в цивилисте. Обширное знакомство с римским правом и западною наукой дали возможность автору осветить научным светом русский юридический быт. При изложении каждого института автор не довольствуется исследованием юридической, формальной стороны, но обращается к общественным условиям его существования, дает бытовые оправдания»[557].

Отцом русского гражданского права Мейера назвал профессор римского права Юрьевского университета Василий Михайлович Нечаев (1860–1935). Также он говорил, что Дмитрий Иванович – выдающийся юрист практического направления, неизбежно влиявший на труды по гражданскому праву того времени[558]. Нам представляется, что и в наше время эти работы вызывают несомненный не только исторический, но и теоретический, и даже практический интерес.

Деятельность Дмитрия Ивановича как педагога-новатора одними лекциями по гражданскому праву, представленными в том числе знаменитым учебником, не исчерпывалась. Он стремился передать студентам не только стройную систему знаний, но и само мировоззрение, вне которого частное право остается мертвой наукой. Как писал Г. Ф. Шершеневич, «студенты Казанского университета выносили из его лекций такую массу знаний, какой не получали в ту эпоху нигде слушатели. Кроме обширного материала, расположенного в строго научной системе, лекции Мейера были проникнуты тем гуманным характером, тою смелостью чувства, которые должны были увлекательным образом действовать на учеников. Когда в 40-х годах с кафедры раздается голос протеста против крепостничества, чиновничьего взяточничества, против различия в правах по сословиям и вероисповеданиям, приходится заключить, что профессор обладал значительным гражданским мужеством. Смелое слово

учителя не оставалось без влияния на учеников: известен случай, когда один из учеников Мейера отказался от выгодной покупки крепостных именно под влиянием впечатления, вынесенного из университета»[559].

Этим и объясняется то повышенное внимание, которое Дмитрий Иванович уделял умению студентов использовать полученные теоретические знания в правовой практике или, как тогда говорили, в юридическом быту. С этой целью он выступил инициатором и организатором вовлечения студентов в оказание гражданам юридической помощи.

> **Под руководством преподавателей они консультировали, помогали нуждающимся готовить заявления, жалобы, советовали, куда обратиться за защитой своих прав. Дмитрий Иванович назвал такую практику «юридической клиникой». Польза от такой деятельности была очевидна как для граждан, так и для студентов, которые кроме применения норм к конкретной ситуации учились работать с людьми. Профессор сам участвовал в работе таких «клиник».**

«Бедные люди, – писал он, – нуждающиеся в советах и помощи по каким-либо… делам обращаются… По желанию советующегося тут же может быть для него безвозмездно сочинена нужная бумага»[560].

Подвижничеством Мейера восхищался русский революционер, писатель и журналист Николай Гаврилович Чернышевский[561]. В своей статье «Губернские очерки» он привел Дмитрия Ивановича в качестве примера человека, «все силы которого были посвящены благу его родины», в противовес далеким от нравственного идеала героям Салтыкова-Щедрина. «Постоянною мыслию его было улучшение нашего юридического быта силою знания и чести… Задушевным его стремлением было соединение юридической науки с юридической практикой. Он устроил при своих лекциях в университете консультацию и сам занимался ведением судебных дел, разумеется, без всякого вознаграждения (это был человек героического самоотвержения), с целью показать своим воспитанникам на практике, как надобно вести судебные дела».

В одном из своих очерков Н. Г. Чернышевский рассказал реальную историю о том, как Мейер сумел вывести на чистую воду мошенника – купца, пытавшегося с помощью ложного банкротства обмануть своих кредиторов, причем далеко не в первый раз. Около года Дмитрий Иванович разбирался с

запутанной финансовой документацией, а упорный жулик сидел под арестом, подсылая к нему «партизан» с заманчивыми предложениями. Но Мейера нельзя было ни подкупить, ни запугать. В итоге купец вынужден был расплатиться с кредиторами, а выйдя из тюрьмы, тут же направился к профессору со словами: «Благодарю тебя, уважаю тебя… Теперь я понимаю, что дурно, что хорошо… я верю тебе одному. Во всех своих делах я буду слушаться тебя, а ты не оставь меня своим советом»[562].

Эта почти что рождественская история происходила на глазах всей казанской общественности, и прежде всего студентов-юристов. Трудно представить себе более убедительную демонстрацию библейской мощи права, способного привести к покаянию закоренелого грешника. Конечно, если закон использует кристально честный искренний человек, своего рода проповедник права.

Одним из итогов многолетней педагогической деятельности Мейера стала его работа **«О значении практики в системе современного юридического образования» (1855).**

В Казанском университете студентом Дмитрия Ивановича был сам Лев Толстой. Лев Николаевич, первоначально избравший философский факультет, в 1845 г. перешел на юридический. Много лет спустя великий писатель вспоминал: «Когда я был в Казани в университете… там был профессор Мейер, который заинтересовался мною и дал мне работу – сравнение „Наказа“ Екатерины с Esprit des lois („Дух законов“. – Прим. авт.) Монтескье. И я помню, меня эта работа увлекла; я уехал в деревню, стал читать Монтескье, это чтение открыло мне бесконечные горизонты; я стал читать Руссо и бросил университет, именно потому, что захотел заниматься»[563]. Свои мысли по поводу прочитанного Л. Н. Толстой записал в своем дневнике за 1847 г.[564]

Однако другие обязательные предметы были студентом Толстым заброшены, так что вполне оправданно на экзамене в 1846/47 учебном году по истории русских гражданских законов профессор Мейер поставил ему неуд[565]. Сам Дмитрий Иванович был этим фактом очень обеспокоен и интересовался у однокашников Льва Николаевича: «Знакомы ли вы с Толстым? Сегодня я его экзаменовал и заметил, что у него вовсе нет охоты серьезно заниматься, а жаль: у него такие выразительные черты лица и такие умные глаза, что я убежден, что при доброй воле и самостоятельности он мог бы стать замечательным человеком»[566].

Лев Толстой не захотел связать свою жизнь с

юриспруденцией и в апреле 1847 г. подал прошение о своем исключении из числа студентов Казанского университета[567], однако знание права и правоприменения он периодически демонстрировал. Наверное, самый яркий пример – роман «Воскресение», написанный в 1889–1899 гг. и изданный в 1899 г.

Другой, помимо педагогики, областью применения яркого таланта Мейера стала его научная деятельность. Конечно, ее намного труднее оценить с позиции общегуманистических ценностей. Чтобы понять значение его исследований в контексте развития цивилистики в России, все-таки требуется определенная подготовка. Отметим, что все грани таланта ученого Д. И. Мейера, проявившиеся в его научной деятельности наряду с преподавательской, стали залогом его признания как при жизни, так и после нее.

В марте 1846 г. Дмитрий Иванович защитил магистерскую диссертацию **«Опыт о праве казны по действующему законодательству»**.

Магистерская диссертация Мейера, представленная юридическому факультету Императорского Казанского университета в 1846 г., до недавнего времени считалась утерянной[568].

Полагаем, что эта диссертация интересна не только возвращением из небытия, но и методикой изложения материала.

В своей работе Дмитрий Иванович рассуждает о воле и законах, приводит примеры законов: соответствующих действительности, за исключением немногих случаев; соответствие которых реальности сомнительно по причине недостаточности сведений о ней; несоответствующих действительности, хотя и не без условий, противоположных ей; упускающих из виду несоответствие свое действительности, игнорирующих ее; и, наконец, прямо противоположных действительности.

> **Интересен, можно сказать, вполне современный приведенный автором пример, касающийся чумы: «Вопрос о заразительности чумы имеет важное законодательственное значение, простирающееся даже до гражданского права (карантинные чиновники, по нашему праву, не могут быть наследниками по завещанию, составленному лицом во время содержания в карантине), либо во всех случаях, в которых закон дает какое-либо определение касательно заразительных болезней, чума, признанная заразительною, подходит под него:**

сюда относятся распоряжения карантинные, паспортные, торговые и другие».

Переходя непосредственно к праву казны, Дмитрий Иванович рассматривал различные позиции российских и иностранных исследователей.

Отечественные исследователи представлены как стряпчим А. Урусовым, так и известным русским правоведом Константином Алексеевичем Неволиным. Напомним, что Неволин был в числе первой партии подающих надежды в законоведении студентов, отправленных М. М. Сперанским в Германию, а Мейер – во второй. До 1917 г. большое количество талантливых юристов стажировались в Европе, в основном в Германии.

В числе трудов немецких ученых Дмитрий Иванович анализирует работы своего учителя Г. Пухты и, конечно же, обращается к исследователям римского права, а также к историческим исследованиям и действующим законодательным актам.

На основании своих исследований ученый резюмирует, что «права казны относятся или непосредственно к имуществам, или отношение это установляется посредством обязательств». В первом случае законодательная защита казны «служит поводом к устранению всякого по возможности произвола или недоразумений представителей казны, и потому дело об отчуждении казенного имущества должно пройти через все степени гражданского суда». Во втором случае само происхождение права казны «определяется законодательством в такой точности, нередко даже с необходимостью, что существование их в законном случае считается несомненным, и потому всякий спор о них признается лишним».

В 1848 г. Мейер защитил докторскую диссертацию «О древнем русском праве залога»[569] и стал профессором.

В декабре 1853 г. Дмитрия Ивановича избрали деканом юридического факультета. Он был популярен среди студентов и коллег, и важно, что, несмотря на молодость, соответствовал всем существовавшим на тот момент требованиям, необходимым для замещения этой должности.

Однако кипучая деятельность Мейера проходила на фоне тяжелой и плохо излечиваемой по тем временам болезни – чахотки (туберкулеза), доставлявшей ему немалые страдания. Как писал слушатель Казанского университета Н. С. Соколовский, «Дмитрий Иванович был олицетворенная честность; вся его жизнь представляла служение одной идее; несмотря на невзгоды, на физические и нравственные страдания, он твердо, безуклонно

шел к своей цели, ни разу не отступая, ни разу не погнувшись перед бурями»[570].

В 1852 г. Мейер составил завещание, чем немало напугал свою семью. Трудно сказать, почему явно незаурядного молодого ученого даже после успешной пробной лекции не оставили в Санкт-Петербурге, а отправили в Казань. Может быть, его воззрения были чересчур европейскими даже для западников из Главного педагогического института? Но стал бы он в столице тем самым Мейером, каким стал в Казани?

В 1853 г. вышел в свет труд ученого «О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях».

В 1855 г. Мейер издал книгу «Юридические исследования относительно торгового быта Одессы», которую он подготовил по результатам поездки и изучения темы непосредственно в Одессе. Говоря современным юридическим языком (если он может быть таковым), в этой работе речь идет об отношениях торговли как урегулированных законом, так и установленных обычаями. В ней Дмитрий Иванович освещал особенности портового города с разнообразием товаров, складов, магазинов и т. п. При этом он не скрывал своих эмоций, в частности отметил: «На некоторых улицах поражает большое количество маклерских вывесок – биржевых, городских и рыночных маклеров»[571].

В работе характеризуются заключаемые договоры, а также деятельность биржи, страховых компаний, коммерческого суда. Отдельное внимание Мейер уделил «разысканиям о движении переводных векселей»[572]. Впоследствии Дмитрий Иванович подготовил свои знаменитые лекции по вексельному праву.

18 февраля (2 марта) 1855 г. умер император Николай I, на престол взошел Александр II. Запахло воздухом свободы. Случайно или нет, но именно после смерти Николая I продолжительные хлопоты Мейера о переводе в Санкт-Петербург увенчались успехом.

Свое намерение он объяснял следующим образом: «Побуждает меня к тому желание служить в Петербурге как сосредоточии нашей умственной жизни, с которым я притом связан родственными отношениями»[573].

Летом 1855 г. Дмитрий Иванович переехал в столицу, где первоначально возглавил кафедру энциклопедии права в Училище правоведения, а 10 декабря перешел в университет на кафедру гражданского права и истории римского права, где перед новым годом начал читать лекции по гражданскому праву.

Но лекций было до обидного мало: 21 декабря 1855 г. Дмитрий Иванович прочел первую лекцию в Санкт-Петербургском университете, а **18 января 1856 г. умер от чахотки в возрасте 36 лет. Похоронен на Смоленском кладбище**[574].

15
Павел Дмитриевич Киселёв

Первое в России ведомство, связанное с управлением государственного имущества, было создано не в 90-е гг. XX в., а немного раньше, в первой половине XIX в., и этот орган – министерство государственных имуществ, где первым министром был Павел Дмитриевич Киселёв (1788–1872).

Министерство и министр были мотором невероятных изменений, впоследствии названных крестьянской реформой, которая привела к отмене крепостного права в Российской империи. При этом, в отличие от подавляющего числа реформаторов разных времен и народов, Павел Дмитриевич оставался министром почти 20 лет.

В 1861 г. Киселёв в силу объективных и субъективных причин уже не был министром, но без его настойчивой и кропотливой работы отмена крепостного права вряд ли произошла бы.

Родился Павел Дмитриевич Киселёв в Москве 8 января 1788 г. в семье известных как в Москве, так и во всей империи лиц. Отец Дмитрий Иванович служил в Кремле, в том числе руководил Оружейной палатой. Он был сыном товарища (заместителя) губернатора Москвы. Мать Прасковья Петровна (в девичестве Урусова) была княжной, много времени уделяла воспитанию детей. Считается, что именно влияние матери заложило основу представления детей о равенстве всех людей перед Богом и между собой.

Сестра Павла Дмитриевича Елизавета передала эти взгляды своему сыну Д. А. Милютину, впоследствии ставшему военным министром (1861–1881) и проводившему военную реформу Александра II. Надо отметить, что Киселёв много общался с племянником до конца своих дней.

Наряду с материнскими наставлениями образованием Павел занимался с гувернером-французом. Ю. В. Готье писал о том, что семью Киселёвых посещали такие люди, как И. И. Дмитриев и Н. М. Карамзин, и «дружеская близость Дмитрия Ивановича с Растопчиным указывает, скорее, на консервативное направление»[575] настроений в кругу общения Киселёвых.

В начале 1805 г., т. е. в 17 лет, Павел пошел на военную службу, служил юнкером в архиве Коллегии иностранных дел,

затем с 1806 г. был переведен в действующую армию. В начале 1807 г. Киселёв был отправлен на войну, в июне того же года под командованием генерала Л. Л. Беннигсена участвовал в сражении близ Кёнигсберга (Фридландское сражение) с французскими войсками. Сражение было проиграно. Киселёв вернулся в Россию с тяжелыми чувствами.

Гвардейский полк, в котором служил Павел Дмитриевич, располагался в Санкт-Петербурге до 1812 г. Широкий круг общения среди офицеров и при дворе дал возможность познакомиться со многими известными (как в тот момент, так и впоследствии) людьми. Вместе с тем в силу уже проявляющихся черт, таких как терпеливость, замкнутость, необщительность и нелюбовь к экстравагантным поступкам, Киселёв смог оградить себя от многих проблем. Нет известий о том, общался ли в то время Киселёв со Сперанским. Если и да, то вероятнее всего на приемах, личных встреч не было. Зато Павел Дмитриевич стал тесно общаться с другими лицами, в том числе с П. А. Вяземским, что переросло в дружбу на многие годы.

Александр I знал о молодом офицере по докладам о Фридландском сражении. Кроме того, при присвоении званий и назначениях императору всегда докладывали соответствующие характеристики. После Бородинского сражения Киселёв некоторое время служил адъютантом у генерала М. А. Милорадовича.

2 апреля 1814 г. Александр I назначил Киселёва флигель-адъютантом, т. е. адъютантом в свите императора. Павел Дмитриевич, молодой, но уже опытный офицер, имеющий свою точку зрения, умеющий ее отстаивать, получил возможность общаться с императором. Киселёв становится генералом. Павел Дмитриевич до последних дней Александра I был в его свите, выполнял разные поручения, в том числе проверки войск в России и за рубежом. Благословенный не раз делился с ним сокровенными мыслями: «Всего сделать вдруг нельзя… на все надо время, всего вдруг сделать нельзя… Вдруг всего не сделаешь, помощников нет… Россия может много, но на все надо время»[576].

В августе 1816 г. Киселёв написал Александру записку по крестьянскому вопросу с конкретными мерами по изменению ситуации в империи. В частности, Павел Дмитриевич указывал на то, что «отношения крестьян к владельцу земли должны быть определены законом; крестьяне при переходе в новые условия жизни не лишаются пользования тою

землей, которую они обрабатывают; безземельные рабы, дворовые, должны исчезнуть, государственные земли должны служить для расселения малоземельных».

Все, однако, меры в пользу крестьян должны, согласно господствовавшим в то время взглядам, приводиться в исполнение «постепенно»[577].

Киселёв общался с разными людьми, в том числе с будущими декабристами. Из них, конечно же, следует выделить Пестеля, которому Павел Дмитриевич помог стать командиром Вятского полка. Вместе с тем Павел Дмитриевич в силу своего характера всегда держал дистанцию во взаимоотношениях с людьми. Вхождение в тайные общества до времени не было преступлением. Другое дело – заговор и восстание.

В сентябре 1823 г. Киселёв, служивший тогда начальником штаба второй армии, в рядах которой созревал декабрьский мятеж[578], был назначен генерал-адъютантом[579]. «Такие люди, как Киселёв, были немногочисленны, и Государь умел ценить характер и способности Павла Дмитриевича, не только ценить, но и отличать, несмотря на самостоятельность личности Киселёва и его враждебное отношение к действиям Аракчеева», хотя «утомление жизнью и маразм уже омрачили деятельность Государя, отдавшегося всецело прихотям Грузинскаго временщика»[580].

После смерти Александра I и декабрьского мятежа 1825 г. Киселёв фигурировал в разных черных списках. Общее дворянское мнение приписывало его к заговорщикам, впрочем, подозрения сыпались на многих; зачастую аристократы и чиновники просто сводили счеты друг с другом.

В 1826 г. Киселёв, измотанный и преследуемый скорее обществом, чем официальными органами, уезжает из столицы и проживает в имении своей жены в Киевской губернии. Он приводит мысли и здоровье в порядок.

Павел Дмитриевич в 1826 г. пишет обширную записку о крестьянских волнениях в Киевской губернии, пытается делать обобщения и найти выход из взрывоопасной для всей империи ситуации.

Весной 1828 г. с началом Турецкой войны Николай I, понимая военное, политическое и прочие значения исхода боевых действий, сам возглавил кампанию и тщательно подбирал

генералов и офицеров на конкретные направления. Конечно же, Киселёв с его опытом и настойчивостью был призван.

Как часто бывает, конкретный эпизод также сыграл свою роль в сближении Павла Дмитриевича с Николаем I. Киселёв одним из первых доложил императору об успешном исходе перехода через Дунай 27 мая 1828 г.[581] Киселёв прошел войну в качестве начальника штаба второй армии, главнокомандующим первоначально был П. Х. Витгенштейн, затем И. И. Дибич, с которым уже сложились хорошие отношения. Турецкая война прошла весьма успешно для Российской империи, были расширены и укреплены границы в местах проходивших сражений.

В сентябре 1829 г. император назначил Киселёва полномочным правителем Молдавии и Валахии (сейчас это юг Румынии). Павел Дмитриевич наряду с дипломатической и административной работой много сил и энергии отдал для улучшения положения крестьян. «Как только Киселёв стал во главе страны, где положение крестьян было столь же плачевно, как и на его родине, он немедленно сделал все, что мог, для их облегчения. Органический регламент княжеств признал за крестьянами личную свободу и право перехода от одного землевладельца к другому; помещики должны были снабжать крестьян достаточным количеством земли за установленные законом повинности, лишаясь права выселять их, если крестьяне исправно выполняли лежавшие на них обязанности; кроме того, были вовсе уничтожены безземельные сельские батраки, находившиеся почти в полном рабстве у землевладельцев-бояр»[582].

> **Киселёв много внимания уделял медицине и градоустройству. Одна из его задумок действует до сих пор. С участием Павла Дмитриевича и при его непосредственном руководстве было спроектировано и введено в действие шоссе в Бухаресте, оно по сей день носит имя создателя, а рядом с площадью Победы есть парк Киселёва, названный в честь Павла Дмитриевича, в память о его работе над устройством города.**

В середине 1834 г. Киселёв возвращается в Петербург, где после встречи с Николаем I 6 декабря 1834 г. становится членом Государственного совета и входит в комитет по улучшению состояния крестьян. Кроме Киселёва в комитет входили граф Васильчиков (председатель), Сперанский, граф Канкрин и Дашков. Напомним, что действующий до этого

времени секретный Комитет 6 декабря 1826 г., в состав которого входили В. П. Кочубей, М. М. Сперанский, И. И. Дибич и др., по разным причинам прекратил свое существование. Вместе с тем его наработки, конечно же, пригодились.

Очередной секретный комитет по делам крестьян рассматривал разные вопросы: по территориям; государственные или помещичьи крестьяне; судьба земли; что делать с дворовыми и т. д. Как правило, дело заходило в тупик, нужна была решительная и тщательная проработка каждой проблемы. Ни того, ни другого не было. Две главные причины, почему все крестьянские комитеты были секретными: первая – чтобы не будоражить ни высшее, ни низшее общества, вторая – император не знал, будет ли результат.

Киселёв подготовил многочисленное количество записок, спорил даже со Сперанским, но дело не двигалось. Однажды в разговоре с Павлом Дмитриевичем император сказал: «Мне нужен помощник, и, как Я твои мысли на этот предмет знаю, то хочу просить тебя принять все это дело под свое попечение… Ты будешь Мой начальник штаба по крестьянской части… С Божьей помощью дело наше устроится. Я уверен»[583].

Заручившись поддержкой Сперанского и других видных членов Госсовета, Павел Дмитриевич предложил секретному комитету и императору первоначально определить правовое положение государственных крестьян[584], создать Министерство государственных имуществ, отобрав при этом компетенцию и штаты у двух самых могучих министерств империи – Министерства финансов и Министерства внутренних дел. «**В декабре 1837 г. было проведено через Государственный совет и утверждено государем учреждение Министерства государственных имуществ и наказ новому министерству, причем П. Д. Киселёв был назначен министром нового министерства** (выделено нами). 30 апреля 1838 г. были утверждены учреждение об управлении государственных имуществ в губерниях и сельский полицейский, и сельский судебный уставы, которые должны были лечь в основу нового устройства быта государственных крестьян»[585].

> **В рамках этих преобразований были учреждены специальные суды – сельские и волостные расправы. В зависимости от численности поселений (сельских обществ) вводились пожарные, полицейские и смотрители хлебных магазинов.**

Главой общества на сельском сходе на три года избирался старшина, который занимался вопросами устройства поселения,

председательствовал на сходах, а также рассматривал дела в суде (расправе). «Сельскую расправу составляли сельский старшина, как ее председатель, и двое избранных миром „добросовестных“. Заседал этот суд по субботам. Подведомственны ему были дела по мелким проступкам и по незначительным тяжбам. Сельская расправа могла приговаривать виновных к штрафу до 1 рубля, к работе до шести дней и к телесному наказанию не свыше 20 ударов розгами. Недовольные приговором сельской расправы могли жаловаться в волостную расправу, где дела разбирались волостным головой и двумя избранными волостью волостными добросовестными»[586]. Многие юристы как до, так и после реформ 1861 и 1864 гг. не считали расправы судебными учреждениями: «Не только по букве закона, но и фактически сельские и волостные расправы нельзя было признавать судами в строгом смысле этого термина»[587]. Однако дела и споры они рассматривали, и их решения исполнялись.

По существу, под началом Киселёва и его министерства была создана отдельная система управления значительной частью населения империи. Павел Дмитриевич пытался привить отношение к государственным крестьянам не как к источнику дохода, а как к подданным, имеющим права и обязанности. Постепенно «государственные крестьяне не только перестали быть бременем для государственного казначейства, но стали возбуждать зависть крепостных крестьян», – пишет В. О. Ключевский и добавляет: «Киселёву принадлежало то устройство сельских и городских обществ, основные черты которого были потом перенесены в положение 19 февраля для вышедших на волю крепостных крестьян»[588].

Также ведомство Киселёва организовало поселение государственных крестьян в малозаселенные места, где семьям предоставлялась земля[589].

Плюс ко всему были организованы кассы взаимопомощи и сберегательные кассы, врачебные пункты[590], школы, а для обустройства поселений и борьбы с пожарами было построено 600 кирпичных заводов. Киселёв, можно сказать, навязывал новую по тому времени сельскохозяйственную культуру – картофель, чему первоначально сильно противились крестьяне.

Начиная с 1834 г. Павел Дмитриевич регулярно публиковал отчеты о проделанной работе, и, конечно же, они для тех, кто не был погружен «в деревню», были самым большим аргументом в пользу освобождения всех крестьян. Очевидно, что лица, отстаивающие крепостное право – их называли крепостники, – препятствовали пропаганде киселёвских реформ и всячески противились преобразованиям в крестьянской сфере.

Так, А. С. Шишков, ставший госсекретарем после М. М. Сперанского, неоднократно выступал в Госсовете за сохранение порядков и недопущение нарушения прав помещиков. Такой же позиции придерживался Карамзин. Мордвинов говорил о неготовности России, пока развитие промышленности не сделает реформу необходимой[591].

Наряду с практической деятельностью министерство подготовило законопроект, касающийся изменения жизни всех крестьян. Однако при прохождении в Госсовете, МВД и Минфине от него почти ничего не осталось. Тем не менее 8 апреля 1842 г. выходит в свет закон об обязанных крестьянах.

Готье пишет о роли государя в крестьянском вопросе: «Император Николай I, резкий и решительный во всем, был робок в одном: сочувствуя идее освобождения помещичьих крестьян, он опасался идти против интересов дворянства и чиновничества и боязливо топтался на месте, пережевывая крестьянский вопрос в секретных комитетах. Со второй половины 1830-х гг. Киселёв делается постоянным членом всех таких комитетов. Но робкий, когда дело шло о дворянской собственности, Николай вновь становился самим собой в вопросе о государственных, или, как тогда говорили, казенных крестьянах. Не стесняемый ничем, Николай преобразовал управление государственными крестьянами; это была единственная реформа его царствования, и осуществил ее Киселёв»[592].

Несмотря на неблагоприятные обстоятельства, Киселёв с невиданным упрямством продолжал свою деятельность и все-таки принял целый ряд документов, посвященных крестьянскому вопросу.

18 февраля 1855 г. Николай I умер, на трон взошел его сын Александр Николаевич Романов. Александр II, начиная свои реформы, понимал ситуацию, связанную с положением крестьян. Александр Николаевич знал Киселёва, был знаком с его отчетами и предложениями, по некоторым данным даже участвовал в заседаниях соответствующих секретных комитетов. Во многом наработки Павла Дмитриевича стали базой для крестьянской реформы.

Вместе с тем время шло, и император решил использовать уже немолодого Киселёва на другом поприще.

1 июля 1856 г. Киселёв отправляется послом Российской империи во Францию. Павел Дмитриевич, имея огромный опыт государственной, в том числе дипломатической, работы,

становится представителем Александра II при Наполеоне III. С одной стороны, на одно из самых важных направлений внешней политики нужно было поставить известного и опытного человека; с другой – это решение на некоторое время успокоило крепостников; и с третьей – император омолаживал свою администрацию и ставил на ключевые должности более энергичных и образованных лиц. Киселёву к этому времени уже исполнилось 68 лет.

В 1857 г. император, находясь на лечении в Киссенге (сегодня Бад-Киссенг, ФРГ), пригласил Павла Дмитриевича формально для доклада о ситуации в Европе. Вместе с тем в большей степени обсуждали крестьянский вопрос. Официально крестьянская реформа с Киселёвым больше не обсуждалась.

При отмене крепостного права в 1861 г. Павел Дмитриевич был далеко от родины, но был глубоко удовлетворен, что жизнь прожил не зря.

После освобождения от должности посла Киселёв попросил императора разрешить ему остаться в Париже, на что получил согласие. Там Павел Дмитриевич и скончался 14 ноября 1872 г. Прах его был впоследствии перевезен в Москву и захоронен в Донском монастыре.

16
Заключение к главе 2

Придя к власти несколько неожиданно даже для самого себя, Николай Павлович, не имея ни сформированных взглядов на дальнейшие перспективы империи, ни собственной команды, вынужден был опереться на проверенные кадры своего старшего брата. Единственной жертвой новоиспеченного императора стал А. А. Аракчеев – последний фаворит, а лучше сказать, визирь Александра I, ненавидимый за это основной частью придворных. Алексей Андреевич был отправлен в бессрочный отпуск.

Неудивительно, что нарратив таких деятелей эпохи Александра Павловича, как В. П. Кочубей и М. М. Сперанский, включал решение первоочередных, по их мнению, проблем – крестьянского вопроса и оптимизацию управления государством прежде всего за счет приведения в порядок законодательства. На этом же настаивали декабристы, если не правоту, то некоторую основательность которых Николай чувствовал.

Были созданы две институции: тайные комитеты и Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, которые подготовили Указ об обязанных крестьянах, развивавший идеи Указа Александра I о вольных хлебопашцах, а

также Полное собрание и Свод законов Российской империи. Как ни крути, утверждение этих документов служит несомненным вкладом в развитие Российской империи.

> **Николай Павлович до конца своих дней не только гордился этими достижениями, но и стремился всячески их продвигать. Он неоднократно на различных дворянских собраниях призывал их участников дать волю крестьянам на основе Указа об обязанных крестьянах. В ответ он часто слышал, что делать этого нельзя, поскольку это потрясет основы государства.**

Модернизированное российское законодательство без реформы судопроизводства и правоохранительной сферы деятельности явно зависло в воздухе и непосредственного влияния на правовую практику оказать не могло. Однако сам факт его появления вызвал к жизни отсутствовавшие до сих пор системообразующие сферы правовой деятельности – правовую науку и правовое образование. Право Российской империи как система деятельности приобрело необходимую полноту. Значительное количество молодых людей посвятили себя праву. О двух выдающихся представителях этого поколения правоведов – Неволине и Мейере – мы рассказали довольно подробно.

Вот здесь-то и постигла Николая I та самая оказия, которая случалась со многими правителями России и до, и после него, как бы они ни назывались. Заимствование западных институций, технологий или практик с сугубо прагматической целью чревато проникновением в российское общество тех социальных и политических отношений, порождением которых они стали. Пётр I хотел воспитать высококлассных мастеровых, а воспитал Державина и Пушкина[593]. Николай I хотел создать класс послушных винтиков государственной машины, а породил партию кадетов, которая не только далеко продвинула идеи правового государства, но и сыграла существенную роль в свержении самодержавия. Значительную часть этой партии как раз и составляли юристы – теоретики и практики, мыслители и политические деятели. В их числе В. Д. Набоков, С. А. Муромцев, Г. Ф. Шершеневич, В. А. Маклаков.

Короткий период оживления империи, включавший в себя удачные Персидскую и Турецкую войны 1826–1829 гг., закончился в 1830 году польским восстанием.

Стоит упомянуть, что весьма негативную роль в разжигании экстремистских настроений среди польской молодежи сыграл Н. Н. Новосильцев. Будучи доверенным лицом великого князя

Константина Павловича вплоть до 1831 г., он был убежден в необходимости общеимперской интеграции Царства Польского и западных губерний России. В 1818 г. Николай Николаевич разработал проект «Учреждение наместничеств», выстраивавший стройную и единообразную систему администрирования всех имперских территорий. В 1823 г. Новосильцев возглавил комиссию, расследовавшую тайные организации студентов Виленского университета. Обнаруженная им строгость и даже жестокость вызвали ожесточение поляков. «…Он стал злым духом Царства Польского, и все несчастия, которые валились в эти годы на голову страны и лучших ее людей, вызывались, по большей части, Новосильцевым – его участием или инициативой»[594]. После польского восстания Новосильцев вернулся в Петербург, где был назначен членом Государственного совета[595].

Унитаристские идеи Новосильцева пришлись по душе Николаю I, и он, лишив Польское царство конституции, превратил его в заурядную провинцию.

Большой друг и товарищ Новосильцева по Негласному комитету Александра I Адам Чарторыйский, немало сделавший для объединения Польши в единое государство в рамках Российской империи, принял самое активное участие в польском восстании, а затем возглавил польское правительство в изгнании[596].

Если мятеж декабристов в значительной степени можно было списать на чересчур лояльное отношение Александра Павловича к тайным обществам[597], то Польское восстание, наоборот, во многом стало следствием их жесткого преследования. Как ни странно, но этот парадокс не особо смущал Николая. Изощренным размышлениям над реформированием системы управления столь разнообразной страной с целью учета особенностей ее территорий он предпочел по-армейски очевидное решение взять все рычаги управления на себя.

Перевод страны на ручное управление ознаменовался стягиванием большинства текущих решений в Канцелярию, раздуванием ее структуры и штатов. Мечтам некоторых деятелей о воцарении в стране ответственной бюрократии пришел конец. Нет, массового увольнения чересчур самостоятельно мыслящих бюрократов не произошло. Просто все они правильно восприняли девиз патримониальной бюрократии: «Должно повиноваться, а рассуждения свои держать при себе».

Обратная сторона ручного управления выражается в полной бесконтрольности чиновников на среднем и низовом уровнях, приводящая к произволу и мздоимству. Эти ядовитые цветы бюрократии в николаевскую эпоху расцвели буйным цветом. Тем

более что дворянские понятия о чести и достоинстве все в меньшей степени были присущи служивым людям, поскольку начиная с 1755 г. чиновничество более чем наполовину формировалось из недворян.

Буржуазные революции в Европе до смерти напугали адептов самодержавия, что подвигло Николая Павловича на прямое военное вмешательство во внутренние дела некоторых европейских стран с целью тушения революционного пожара. Тем самым Российская империя заслужила имидж жандарма Европы, однако, в отличие от Александра I, действовавшего в рамках Священного союза в интересах Европы, а порой и в ущерб российским интересам, Николай Павлович преследовал исключительно интересы своей страны, как он их понимал, понятное дело.

Вместе с тем противореволюционных барьеров по периметру страны было явно недостаточно. Свободомыслие все больше распространялось в российском обществе. Возникшая общественная дискуссия о стратегии дальнейшего развития страны привела к «спору славян между собою», к возникновению двух направлений политической мысли – славянофилов и западников, весьма по-разному понимавших базовые устои российского государства. Впрочем, при желании уже в проектах конституции декабристов можно увидеть как западнические (Муравьёв), так и славянофильские (Пестель) мотивы.

Дабы противостоять нарастающим диссидентским настроениям, был осуществлен опыт первой официальной идеологии. Триада «Православие, самодержавие, народность» довольно долго служила идеологической подпоркой режима. Большая часть населения благосклонно восприняла этот лозунг.

Понятно, что на образованных и мыслящих людей эта идеология не произвела особого впечатления. Кроме возбуждения политически активной части общества, состоявшей в основном из мещан, включая класс образованных людей и разночинцев, главным образом придерживавшихся социалистических взглядов, началось явно пореформаторское движение в среде чиновников.

Создание министерств, формирование профессиональной бюрократии, открытие высших учебных заведений, хоть и притесняемых властью, способствовали возникновению в чиновничьей среде практики обмена политическими суждениями и выявлению через этот обмен политических единомышленников. Придворная борьба чиновников по принципу «Все против всех» за

близость к телу суверена медленно перетекала в идейно-политическую плоскость. В конце правления Николая I уже можно было различить группировки чиновников в правительстве, а также помещиков в губернских комитетах или дворянских собраниях, возникшие на идейных основаниях. Их называли «партии», хотя в современном смысле этого слова они таковыми не были. Различали прогрессивную, консервативную и ретроградную партии. Это были партии ответственных бюрократов, поскольку их составляли люди, готовые взять на себя ответственность за судьбу страны,

«Партию прогресса» составляли выпускники Царскосельского лицея, некоторые деятели Министерства внутренних дел, члены Русского географического общества. Центрами притяжения сторонников этой партии были салон великой княгини Елены Павловны и Морское министерство.

Великая княгиня Елена Павловна (в девичестве принцесса Фредерика Шарлотта Мария Вюртембергская), жена великого князя Михаила Павловича, сыграла важную роль в истории подготовки Великих реформ 1860-х гг. В соответствии с завещанием Марии Фёдоровны ей были поручены любимые детища вдовствующей императрицы – благотворительные заведения. «Именно к Елене Павловне обращались со всевозможными предложениями, рассчитывая на ее помощь и влияние; через ее руки проходило множество всевозможных записок по самым разнообразным вопросам: о финансовых реформах, о судебных преобразованиях, преобразовании армии, проекты железных дорог, но подавляющая часть материала касалась крестьянского вопроса»[598].

Салон великой княгини можно считать центром разработки планов по освобождению крестьян, практически здесь сошлись все будущие деятели реформы: К. Д. Кавелин, Н. А. Милютин, Ю. Ф. Самарин, князь В. А. Черкасский, будущий председатель редакционных комиссий Я. И. Ростовцев и племянник Елены Павловны Константин Николаевич.

В 1853 г. Николай I назначил своего второго сына Константина главой Морского ведомства. 25-летний генерал-адмирал с 1850 г. состоял председателем комитета по составлению Морского устава и в этой кодификационной работе продемонстрировал отступление от привычных для николаевского времени принципов. К составлению устава Константин Николаевич приступил лишь «по внимательном соображении законов прошедшего времени, узаконений иностранных и мнений всех отличных моряков». Особенно непривычной была рассылка отдельных глав проекта адмиралам

и отдельным офицерам с предложением присылать на них свои замечания и демонстрация через это готовности прислушиваться ко мнению тех, для кого этот устав писался[599].

Прежде всего Константин Николаевич произвел кадровые перестановки, привлекая под свое начало большинство прогрессивно мысливших чиновников. Это были Д. А. Оболенский[600], Д. А. Толстой[601], Б. П. Мансуров[602], Д. Н. Набоков[603], М. Х. Рейтерн[604], А. В. Головнин[605] и др. В их среде разгорались жаркие споры о перечне необходимых реформ и их последовательности. Это весьма эфемерное образование, получившее название по имени его лидера – константиновцы, – составило костяк партии прогресса, или, как ее еще называли, либеральной партии.

После Крымской катастрофы и восшествия на престол Александра Николаевича пробил их звездный час.

Рассказ об этом – в следующей главе.

Глава 3
Эпоха Александра II Освободителя (1855–1881)

1
Цесаревич Александр Николаевич

Александр Николаевич Романов родился 17 (29) апреля 1818 г. Отец Николай Павлович Романов, мать Александра Фёдоровна Романова. В отличие от предшественников, Александр сразу стал цесаревичем, т. е. наследником престола. Александр Николаевич был тщательно подготовлен к императорскому долгу. Выбора и сомнений не было, кто должен быть императором, это знал и Александр I. И даже если в случае согласия императором стал бы Константин Павлович, ничего, кроме смерти или очередного мятежа, не могло помешать восхождению Александра Николаевича, поскольку у Константина сыновей не было, а у Николая уже был сын, и звали его Александр Николаевич Романов.

> **К трону его готовили лучшие ученые того времени, включая М. М. Сперанского, В. А. Жуковского, Е. Ф. Канкрина, М. А. Корфа. Его главным воспитателем был легендарный генерал П. П. Ушаков. Цесаревич Александр получил образование на базе полного университетского курса.**

Уже в 1834 г. Александра как наследника престола стали вводить во все основные государственные дела. В том же году он стал членом Сената, в 1835-м вошел в Святейший синод, в 1841 г. получил членство в Государственном совете, а спустя год – в Комитете министров. Начиная с 1841 г., когда император Николай I покидал столицу, Александр возглавлял деятельность правительства.

В 1837 г. Александр Николаевич вместе с Жуковским и рядом других высоких чиновников побывал в 29 губерниях. Затем в 1838–1839 гг. отправился в Европу.

Александр женился в 1841 г. на принцессе Максимилиане Вильгельмине Августе Софии Марии Гессенской и Прирейнской, принявшей в православии имя Мария Александровна.

Мария Александровна Романова скончалась в возрасте 55 лет

в 1880 г. Второй брак Александр заключил с Екатериной Михайловной Долгоруковой в этом же 1880 г.

Цесаревич прошел полный курс военной подготовки и в 1844-м получил звание генерала. Будущий император возглавил военно-учебные заведения, председательствовал в секретных комитетах по крестьянскому делу 1846 и 1848 гг.

Трагические события начала XIX в. не прошли бесследно для Александра Николаевича. История убийства его деда императора Павла I вызывала страх и одновременно любопытство, он пытался понять причины трагедии. Сыновья Павла, особенно Александр I, глубоко переживали и несли на себе это бремя по жизни. Цесаревич внимательно наблюдал за этим.

Во время мятежа 1825 г. цесаревич был в столице и, несмотря на свое малолетство (ему было семь лет), видел и хорошо запомнил, какие эмоции испытывали его родители и ближайшее окружение императора. Конечно же, цесаревич изучал уголовные дела и процесс над декабристами.

Судя по имеющимся документам по поводу бесед Сперанского с цесаревичем, Александр был внимательным молодым человеком, он интересовался не только историей государства и права, но и конкретными решениями и мотивами, их побуждающими.

Он пытался разобраться в проблемах подданных, возможностях империи как политических, экономических, так и общественных. Однако к кризисному управлению цесаревича вряд ли готовили, а страну он возглавил в условиях жесточайшего кризиса, обусловленного прежде всего неадекватностью системы ручного управления Николая I с помощью патримониальной бюрократии. Неизбежным следствием такого положения дел стал ряд грубых просчетов, в частности развязывание Крымской войны.

2
Восшествие на престол Александра II

Восшествие на престол Александра Николаевича современники встречали с надеждой. И конечно, ожидания имели основания. Александр, в отличие от своего отца, не был случайным императором.

Александр II в начале своего царствования имел дело с гораздо более сложно структурированным обществом, нежели

Николай I в начале своего правления. Необходимость перехода к более современной системе управления была очевидна еще в последние годы правления Николая Павловича. Александру Николаевичу как политическому лидеру державы все больше требовались не просто исполнители, а ответственные бюрократы, имеющие собственное мнение, способные предложить и реализовать набор действий для достижения предначертанного результата.

Взойдя на престол 3 марта (18 февраля) 1855 г. [венчался на царство 8 сентября (26 августа) 1856 г.] [606], в самый разгар Крымской войны, он первоначально намеревался продолжить ее до победного конца. Однако дела на фронте шли все хуже, дипломатическая блокада давала о себе знать, а негативное отношение населения к войне усиливалось.

Дело не терпело отлагательств. Пришлось прибегнуть к дипломатическому таланту А. М. Горчакова. Используя противоречия между членами антирусской коалиции, куда входили Франция, Австрия и Пруссия, удалось прорвать дипломатическую блокаду, хотя в правительстве Англии были сильны настроения продолжать войну до полного разгрома и расчленения Российской империи[607].

18 (30) марта 1856 г. на Парижском конгрессе был подписан Парижский мирный договор (Парижский трактат)[608], **завершивший Крымскую войну.**

Территориальные потери России оказались минимальны, хотя в ходе переговоров Англия требовала, среди прочего, уступки Бессарабии и уничтожения Николаева. Россия отказывалась от укрепления Аландских островов; соглашалась на свободу судоходства по Дунаю; отказывалась от протектората над Валахией, Молдавией и Сербией и от части южной Бессарабии, уступала Молдавии свои владения в устьях Дуная и часть Южной Бессарабии. Зато Севастополь и другие крымские города остались за Россией, Карс был передан Османской империи.

Договором запрещалось всем черноморским державам иметь на Черном море военные флоты, арсеналы и крепости. К трактату прилагалась конвенция о проливах Босфор и Дарданеллы, подтверждавшая их закрытие для иностранных военных кораблей в мирное время.

Парижский мирный договор 1856 г. полностью изменил международную обстановку в Европе, уничтожив европейскую систему, покоившуюся на Венских трактатах 1815 г.[609] Российская империя потеряла статус великой державы.

Прекратив Крымскую войну, которую отдельные историки считают репетицией Первой мировой или даже нулевой мировой войной, Александр смог всерьез заняться решением внутренних проблем.

А проблем было более чем достаточно – социальная система империи все дальше уходила от состояния равновесия. К 1857 г. императору было представлено 63 записки с различными проектами в духе «как нам обустроить Россию»[610]. В армии росло разочарование итогами Крымской войны. Увеличивалось количество крестьянских бунтов. Если в первой четверти XIX в. на каждый год в среднем приходилось около 11 крестьянских волнений, во второй четверти – около 24, то в 1855–1860 гг. – уже около 80[611].

Замена патримониальной бюрократии ответственной стала, что называется, велением времени. Обладание собственными политическими взглядами не служило более препятствием в карьере, а при известных обстоятельствах ей способствовало. Начинался золотой век ответственной бюрократии. В 1856 г. Александр заменил министров николаевского правительства новыми: А. М. Горчаковым, А. И. Барятинским, К. В. Чевкиным и др., осуждавшими авторитарные принципы правления Николая I, тем самым кардинально изменив состав высшего управления.

В 1857 г. Александр II ликвидировал военные поселения. Это была последняя и потому самая любимая «лучезарная идея» Александра I, с которой он носился до самой смерти. Эту идею нехотя (изначально он был против), но блестяще воплотил в жизнь граф А. А. Аракчеев, подключивший к этой теме даже Сперанского[612]: как было не поддержать затею Благословенного. Объединение военного дела с сельскохозяйственным не дало империи никакой пользы, а положение государственных крестьян в таких поселениях было еще хуже, чем у крепостных, что вызывало их законное возмущение и требование общественности эти военные поселения ликвидировать.

В 1857 г. Александр II наряду с Кабинетом министров учредил Совет министров под своим председательством. При этом ставилась цель объединения усилий всех ведомств для проведения развернутой и планомерной программы реформ. Совет министров, по мысли инициаторов, должен был стать своего рода «царской думой», механизмом выработки стратегических решений и влияния высших бюрократов на императора.

Однако устойчивой институцией системы управления этот орган не стал, поскольку так и не

обрел постоянного состава, внятного регламента и собственного аппарата.

Сохранилось очень немного документов, отражающих деятельность этой структуры, так и не ставшей средством перехвата ответственной бюрократией распорядительных полномочий императора[613]. На первом этапе реформ стратегическую инициативу захватили Редакционные комиссии. Впоследствии, особенно в период подготовки второго этапа реформ, Александр II довольно часто собирал совещания высших сановников, иногда под вывеской Совета министров.

Впрочем, этот Совет министров отнюдь не был коллегиальным органом управления, а скорее предназначался для укрепления самодержавной власти императора. В начальный период Совет министров не имел собственного статуса, собирался нерегулярно по распоряжению царя, не велось протоколов заседаний, не существовало собственного делопроизводства, заседания его часто прерывались на полуслове, если председателю становилось скучно или утомительно[614].

Как мы отмечали, в результате социокультурных процессов николаевской эпохи корпус ответственной бюрократии к тому времени был сформирован. Это были уже не одиночки вроде деятелей Негласного комитета, Сперанского, Аракчеева или Киселёва. Это было целое поколение, наделенное редким для предыдущих российских бюрократов чувством ответственности перед современниками и потомками, поколение без страха и с надеждой смотревшее вперед, готовое взять на себя ответственность за судьбу страны. Вот только судьбу эту они видели по-разному и в соответствии с этим видением делились на партии, а точнее сказать, на группировки. Наиболее активными были прогрессисты и консерваторы. Так называемые ретрограды до поры до времени сидели в засаде.

Понятно, что единственным выразителем державной воли Российской империи был самодержец, и только он мог определять направление дальнейшего развития страны и команду, которая ему будет следовать.

С одной стороны, происхождение, воспитание и образование Александра Николаевича однозначно указывали на его приверженность консервативным взглядам. Взять хотя бы полуторагодовой курс лекций М. М. Сперанского «Беседы о законах», в котором бывший ярый сторонник конституционной монархии доказывал незыблемость «чистой монархии». Цесаревич Александр председательствовал в самых реакционных Секретных комитетах по крестьянскому вопросу 1846 и 1848 гг.,

способствовал созданию цензурного Бутурлинского комитета 1848–1855 гг., однако общечеловеческие ценности в его сознании превалировали над идейно-политическими установками, а религиозный фанатизм начисто отсутствовал.

> **С другой стороны, «ему страстно хочется, чтобы о его либерализме кричали, писали, а самодержавной власти из рук выпускать не хочет. Он желает, чтобы в журналах и книгах его расхваливали, а между тем боится гласности и об отменении цензуры слышать не хочет. Желает, чтобы повторяли, что он второй Пётр I, а между тем умных людей не только не отыскивает, подобно Петру I, но еще не любит их и боится: ему с умными людьми неловко. Наконец, он вполне убежден, что стоит ему что-нибудь приказать, чтобы это тотчас было исполнено; что стоит ему подписать указ, чтобы указ был исполняем»**[615].

В результате в правительстве постоянно присутствовали представители как партии прогресса, так и консервативной партии. Система управления, позволявшая манипулирование сувереном путем предоставления «всеподданнейших докладов», всегда давала возможность краткосрочного доминирования той или иной группировки. Эти доклады традиционно проходили в формате «министр и император», в то время как и у других министров могли быть свои интересы в рассматриваемом деле. Создание Совета министров, с помощью которого надеялись обсуждать эти доклады коллективно, эффекта не дало.

Благодаря мощнейшей протекции со стороны членов императорской фамилии – великого князя Константина Николаевича и великой княгини Елены Павловны – в первые годы правления Александра Освободителя доминировала партия прогресса, или либеральная часть ответственной бюрократии, что и позволило осуществить Великие реформы.

Ядром этих преобразований стала крестьянская реформа, нацеленная на ликвидацию крепостного права. Из нее с неизбежностью вытекали земская (1864) и городская (1870), судебная (1864) финансовая (1860–1864) и военная (1870) реформы, а также реформа образования (1864).

3 Настроения в обществе накануне реформ

Кончина Николая I и неудачный исход Крымской войны

заметно возбудили политически активную часть общества. «Стали бранить прошедшее и настоящее, требовать лучшего будущего. Начались либеральные речи, но было бы странно, если б первым же главным содержанием этих речей не стало освобождение крестьян. О каком другом освобождении можно было подумать, не вспомнивши, что в России огромное количество людей есть собственность других людей (причем рабы одинакового происхождения с господами, а иногда и высшего: крестьяне – славянского происхождения, а господа – татарского, черемисского, мордовского, не говоря уже о немцах). Какую либеральную речь можно было повести, не вспомнивши об этом пятне, о позоре, лежавшем на России, исключавшем ее из общества европейских, цивилизованных народов? Таким образом, при первом либеральном движении, при первом веянии либерального духа, крестьянский вопрос становился на очередь. Волею-неволею надобно было за него приниматься.

> **Кроме указанного нравственного давления указывалась опасность для правительства: крестьяне не будут долго сносить своего положения, станут сами отыскивать свободу, и тогда дело может кончиться страшною революциею»**[616].

В то же время большинство помещиков не разделяли идею отмены крепостного права[617]. Дело в том, что крепостничество отнюдь не исчерпало свой экономический потенциал, производительность труда крепостных была, по крайней мере, не ниже аналогичного показателя менее закрепощенных казенных крестьян[618], при этом вкладываться в развитие производства особо не требовалось: жили же и будем продолжать жить.

Иначе говоря, рыночные производственные отношения в аграрном секторе империи, которые и должны были вытеснить крепостничество и самодержавие, еще только зарождались. Марксистская мифологема о том, что революционные изменения, а отмена крепостного права носила именно такой характер, всегда «являются следствием несоответствия производительных сил и производственных отношений», в этом случае несостоятельна.

Другое дело – правовая и социальная стороны крепостничества. Крепостной был вещью, товаром, предметом сделок, гражданские права у этой части населения практически отсутствовали. Более того, помещик, который, по мнению государя, должен был защищать крепостных, зачастую сам был главным нарушителем прав подопечных, в том числе прибегая к физическому и нравственному насилию.

Что касается крестьян, они считали помещиков лишним звеном в цепочке аграрного производства и со времен Пугачева мечтали об их устранении как класса. Помещики читали в их глазах это «великое и страшное требование» и страшно боялись малейшего ослабления крепостнических порядков.

Относительная депривация[619] значительной части населения, особенно крестьян, резко нарастала. Моральные ценности самодержавия и крепостничества все больше превращались в антиценности.

Это в том числе касалось и представителей ответственной бюрократии. Император был вынужден пойти на кардинальную крестьянскую реформу прежде всего под влиянием настроений передовой части общества, полагавшей, что сохранение по сути рабства в современной России неприемлемо.

30 марта 1856 г. Александр Николаевич произнес сколь удивительную, столь и замечательную речь по поводу крестьянского вопроса: «Я узнал, господа, – сказал император, – что между вами разнеслись слухи о намерении моем уничтожить крепостное право. В отвращение разных неосновательных толков по предмету столь важному я считаю нужным объявить вам, что я не имею намерения сделать это теперь. Но, конечно, господа, сами вы знаете, что существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным. Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само начнет отменяться снизу. Прошу вас, господа, подумать о том, как бы привести это в исполнение. Передайте слова мои дворянству для соображений»[620].

Выступление Александра II привело в замешательство и крепостников, и противников крепостного права. Тема, озвученная императором, обсуждалась повсеместно и многими считалась давно перезревшим вопросом. Отмена крепостного права, по сути, означала освобождение значительной части подданных от крепостной зависимости, введение массовой частной собственности на землю в России, не ограниченной сословным происхождением человека.

Таким образом, ответ на вопрос, с какой реформы следует начать преобразования, призванные вернуть социум в равновесное состояние, был очевиден. Это должна быть крестьянская реформа.

4

Крестьянская реформа

К истории вопроса

До середины XVIII в. в стране существовало общинное землепользование, а частная собственность на землю носила весьма условный характер. Точнее, это было всего лишь право пользования землей: дворянам – потомственное, а также за службу царю, а крестьянам – за службу дворянам. Такой порядок вещей и был экономическим основанием самодержавия.

Фактическое отсутствие частного права опиралось на обычаи и традиции, а общество не настаивало, да и не нуждалось в правовом формализованном рационализме.

Напомним, что первоначально крестьянин становился зависимым от дворян по договору: он брал деньги в долг на посев, покупку инвентаря и т. д. и т. п. Как только крестьянин вступал одной ногой в это ссудное болото, его быстро затягивало первоначально самого, затем семью, близких и т. д. Выбраться из этой ловко «облагороженной» трясины было уже невозможно. В итоге основная часть сельского населения империи оказалась полностью зависимой и распоряжаться своей судьбой уже не могла. За нее это делали господа помещики.

Постепенно экономическая зависимость стала превращаться в юридическую. Правовое положение основной части крестьян перешло на иной качественный уровень – в крепостное право.

Окончательно крепостное право было оформлено в Уложении 1649 г., в котором было отменено право крестьян периодически менять землевладельца (Юрьев день). Сформулировать его можно в объективном смысле как систему отношений, сложившуюся в Российском государстве по поводу владения, пользования и распоряжения крепостными крестьянами. Крепостное право, как субъективное право, – это, с одной стороны, права помещика использовать труд крепостных, распоряжаться их судьбой, обращаться с ними как с вещью и осуществлять в отношении них полицейские и судебные функции (т. н. вотчинная власть); с другой – право крепостного пользоваться землей и обращаться к помещику за защитой своих прав.

При Петре I основанием для крепости стал уже не договор крестьянина с господином, «теперь таким источником стал государственный акт – ревизия. Крепостным считался не тот, кто

вступил в крепостное обязательство по договору, а тот, кто записан за известным лицом в ревизской сказке»[621].

Пётр III, даровав вольности дворянам, по сути, превратил их из подданных в граждан, наделенных соответствующими сословными правами, обязанностями и ответственностью. Весьма логичным на тот момент казалось предоставление гражданских прав и основной массе населения – крестьянам. Но не случилось.

При Екатерине II крепостное право достигло пика своего развития. По общему правилу крепостной крестьянин был связан с землей, и сделка с земельным участком, на котором работали крестьяне, осуществлялась вместе с ними. Однако из общего правила появились исключения в виде домашних (дворовых) крестьян, не связанных с землей, – ими тоже торговали, дарили, передавали по наследству. Крепостным было запрещено жаловаться на барина, помещикам разрешено торговать крестьянами без земли оптом и в розницу и отправлять их на каторгу. При этом императрица была убеждена: «Не оспоримо, что лутчее судьбы наших крестьян у хорошова помещика нет по всей вселенной»[622].

Однако гражданам, в отличие от подданных, присуще чувство патриотизма – стремление гордиться достижениями и культурой своей Родины. И это чувство не позволяло некоторым дворянам согласиться с вышеприведенным высказыванием императрицы. Наоборот, они были склонны думать, что крепостничество – это позор для страны.

Постепенно нараставшая фронда крепостническим порядкам не могла не сказаться на политике последующих правительств. Начиная с Павла I властители все серьезнее задумывались об освобождении крестьян и даже предпринимали некоторые шаги в этом направлении. Указы Александра I 1803 г. о вольных хлебопашцах и Николая I 1842 г. об обязанных крестьянах, необязательные для помещиков, а потому и малоэффективные, вместе с тем апробировали в законодательстве технологию отмены крепостного права путем выкупа земли крестьянами в собственность и закрепления неразрывной связи крестьянина с землей[623]. Названные меры не привели к ожидаемому эффекту. Крестьянский вопрос оставался не только социально-экономической проблемой, но и перерос в морально-нравственную, не говоря уже о проблемах безопасности государства и самих граждан.

По данным ревизии 1857 г., население империи составляло 62 млн человек, при этом 34,39% были крепостными[624].

Начало

После упомянутой исторической встречи 30 марта 1856 г. в Москве за словом последовали организационные решения.

Для начала по традиции **1 января 1857 г. был создан Секретный комитет по крестьянскому делу**[625]. Комитет возглавил сам император. М. А. Корф и Я. И. Ростовцев обратились к императору с прошениями выйти из состава комитета, ссылаясь на свою некомпетентность в этом вопросе, однако государь не удовлетворил их просьб. Позднее Модест Андреевич все-таки добился своей отставки, а Яков Иванович стад одним из главных двигателей крестьянской реформы.

Общий план крестьянской реформы был согласован на заседаниях комитета, состоявшихся 14, 17 и 18 августа 1857 г. В программе было предусмотрено смягчение крепостной зависимости, но не ее ликвидация. Решение Секретного комитета ничем фактически не отличалось от подобных постановлений тех же секретных комитетов периода 1820–1840-х гг.

Комитет по крестьянскому делу практически бездействовал, пытаясь ограничиться расширением применения таких паллиативных мер, как указы Александра I 1803 г. о вольных хлебопашцах и Николая I 1842 г. об обязанных крестьянах. Многие члены комитета считали, что этот орган постигнет судьба предыдущих, однако ответственность за осуществление крестьянской реформы взяли на себя представители либеральной части ответственной бюрократии в Министерстве внутренних дел.

В октябре 1857 г. императором был получен всеподданнейший адрес от дворянства трех северо-западных губерний (Виленской, Гродненской и Ковенской) с просьбой отменить крепостное право при условии сохранения всей земельной собственности за помещиками. Этот адрес был инициирован самим Александром II. В ответ был направлен Высочайший рескрипт от 20 ноября (2 декабря) 1857 г. на имя виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора В. И. Назимова, в котором излагалась первая правительственная программа реформы – личное освобождение крестьян, их право пользоваться землей за повинности[626].

24 ноября из Петербурга уже полетел во все концы империи к начальникам губерний и предводителям дворянства циркуляр министра внутренних дел, к которому «для сведения и соображения на случай, если бы дворянство вашей губернии изъявило подобное желание», прилагались копии рескрипта Назимову.

Граф Орлов, стремясь сохранить работу Комитета в тайне,

предпринял попытку добиться отмены распоряжения о повсеместной рассылке рескрипта и действительно получил согласие государя на приостановку этой рассылки, но, к счастью, друзья освобождения не дремали, и министр внутренних дел Ланской, побуждаемый Милютиным[627], успел уже сдать на почту все экземпляры рескрипта, прежде чем им было получено официальное уведомление об отмене этой меры[628].

5 декабря 1857 г. Александр II направил рескрипт об учреждении губернских комитетов для подготовки проектов крестьянской реформы генерал-губернатору Петербурга П. И. Игнатьеву.

Рескрипт также был опубликован в газете Le Nord (Брюссель), специально созданной по инициативе МВД, и в «Журнале Министерства внутренних дел».

> **С этого времени ни о какой секретности подготовки крестьянской реформы уже не было и речи. Теперь она обсуждалась широкой дворянской общественностью.**
>
> **Секретный комитет был упразднен. Вместо него 8 января 1858 г. Сенатским указом было объявлено о решении государя императора «учредить, в непосредственном Своем ведении и под Своим председательством, особый Комитет для рассмотрения постановлений и предположений о крепостном состоянии»**[629].

К обсуждению вопросов правительственной политики впервые были привлечены широкие круги дворянства: открыты 46 губернских комитетов по крестьянскому делу (1858–1859) и две Общие комиссии для северо-западных и юго-западных губерний, которые должны были разработать свои проекты реформы. По настоянию великого князя Константина Николаевича обсуждение крестьянского дела разрешено было и всем без исключения журналам.

В губернских комитетах заседали представители различных поколений, мировоззрений – амнистированные декабристы, петрашевцы, славянофилы и западники, среди которых были как сторонники отмены крепостного права, так и ее противники.

В комитетах сложились два противостоявших лагеря: консервативное большинство, которое отстаивало право помещиков на землю и вотчинную власть, и либеральное меньшинство, выступавшее за упразднение вотчинной власти и выкуп крестьянами надельной земли в собственность. То есть первые предлагали освободить крестьян вообще без земли.

Вторые понимали, что превращение крестьян в пролетариев добром не кончится.

В апреле 1858 г. вспыхнули крестьянские волнения в Эстляндии, где крепостное право было отменено Александром I за 40 лет до этого именно по схеме освобождения без земли – т. н. остзейский вариант. Волнения были массовыми и сопровождались вооруженными столкновениями. Они были подавлены, но остзейский вариант оказался в значительной мере дискредитированным, а позиции его сторонников в правительстве ослабли, как и позиции консервативного большинства в губернских комитетах.

К дискуссии подключились известные мыслители и публицисты. А. И. Герцен в своем «Колоколе» разоблачал стремление помещиков по опыту Прибалтики осуществить отмену крепостного права путем обезземеливания крестьян по всей стране. Н. Г. Чернышевский в «Современнике» также отстаивал освобождение крестьян с землей. В том же направлении осуществляли публицистическую деятельность Н. А. Добролюбов и Н. П. Огарёв. «Давно ожидаемое сбывается – и я счастлив, что дожил до этого времени», – писал И. С. Тургенев Л. Н. Толстому 17 января 1858 г.[630]

Императором Александром II 18 (30) октября 1858 г. были даны «руководящие основы» для разработки реформы – защита интересов помещиков при безусловном «улучшении быта крестьян» и сохранении незыблемости власти. Это помогло либеральному меньшинству в губернских комитетах одержать верх.

Количество сторонников нового направления крестьянской реформы, заключавшегося в превращении крестьян в собственников земельных наделов, уничтожении вотчинной власти помещиков и приобщении крестьянства к гражданской жизни, заметно выросло.

Главным комитетом 4 (16) декабря 1858 г. была принята новая правительственная программа отмены крепостного права[631], разработанная Я. И. Ростовцевым[632], которая предусматривала выкуп надельной земли крестьянами в собственность, ликвидацию вотчинной власти помещиков и создание органов крестьянского общественного самоуправления. Как утверждал Яков Иванович: «Наша обязанность обставить крестьянское дело всеми вопросами, потому что положение об освобождении крестьян должно изменить весь свод наших законов».

Для рассмотрения проектов губернских комитетов 4 (16) марта 1859 г. было создано новое вневедомственное учреждение – Редакционные комиссии из представителей бюрократии и общественных деятелей (председатель Я. И. Ростовцев, после его смерти, с 1860 года – В. Н. Панин), большинство которых были сторонниками либеральных проектов реформы. Это были люди одного поколения (35–45 лет), многие из которых – видные государственные и общественные деятели. Они впервые использовали гласность как средство политической борьбы.

Редакционные комиссии были доселе невиданными учреждениями, независимыми и самостоятельными, привлекшими внимание прогрессивных сил России и Европы. Их общепризнанным лидером был Н. А. Милютин, который с середины 1858 г. стал главным мотором в проведении реформ. Именно его проект освобождения крестьян с землей за выкуп выдвинут в качестве единого предложения представителями ответственной бюрократии. Он и послужил основой законодательства 1861 г.

В обсуждении проекта реформы в Редакционных комиссиях участвовали представители губернских комитетов (по два от каждого комитета). Они представили пять проектов, а все их труды заняли 35 печатных томов. В общей сложности комиссии подробно рассмотрели более 80 проектов, представленных губернскими комитетами.

В «Общей докладной записке к проектам Редакционных комиссий», отмечалось: «В других государствах правительства проходили этот путь в несколько приемов и, так сказать, ощупью, потому что он был еще неизведан на практике, и, ступив на него, нельзя было глянуть его до конца. Оттого последовательность мер к постепенному расширению прав и к улучшению быта крепостного сословия почти повсеместно вызывалась непредвиденными общественными кризисами. В этом отношении Россия счастливее. Ей дана возможность, воспользовавшись опытом других земель… обняв сразу весь предстоящий путь от первого приступа к делу до полного прекращения обязательных отношений посредством выкупа земли»[633].

К сентябрю 1859 г. был подготовлен окончательный проект Редакционных комиссий. Правда, их новый председатель граф В. Н. Панин внес в проект свои правки, отразив мнение помещиков-крепостников. А именно: уменьшил размеры наделов для крестьян, заодно увеличив повинности.

Затем проект был передан на утверждение Главному комитету, председателем которого вместо А. Ф. Орлова был

назначен великий князь Константин Николаевич, что существенно изменило соотношение сил в пользу либеральной части ответственной бюрократии.

Весь процесс его обсуждения занял почти три месяца – с 10 октября 1860 г. до 14 января 1861 г. За это время прошло 45 заседаний Главного комитета, в течение которых звучали самые различные мнения. 28 января (9 февраля) 1861 г. проект принят Главным комитетом по крестьянскому делу.

Затем его передали в Государственный совет. Крепостническое большинство членов Государственного совета дважды пыталось в корне изменить составленный Редакционными комиссиями проект реформы, однако во всех случаях Александр II утвердил мнение либерального меньшинства. В итоге проект таки приняли, хоть и под нажимом императора и великого князя Константина Николаевича[634].

Отмена крепостного права 19 февраля 1861 года

Александр II подписал Манифест об отмене крепостного права («О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей»[635]) в день шестой годовщины своего пребывания на престоле – 19 февраля 1861 г. В тот же день вышел указ «Об учинении надлежащего распоряжения к приведению в исполнение Положений и Правил о крестьянах и дворовых людях, вышедших из крепостной зависимости»[636], а также 17 законодательных актов[637].

Уровень проработки реформы потрясает воображение и наглядно демонстрирует преимущества либерально мыслящих, болеющих за свою страну государственных деятелей, способных самостоятельно разрабатывать и продвигать проекты кардинальных реформ, над патримониальной бюрократией, пригодной только отрабатывать сигналы патрона. Конечно, в общей бюрократической массе ответственная бюрократия представляла собой очень узкий слой, тем не менее сумевший использовать различные связи, будь то семейные, дружественные, служебные и др., для решения важных государственных задач.

Согласно этим документам,

1) **крестьяне в силу закона, а не договора или милости господина получали личную свободу – права «свободных сельских обывателей», то есть полную гражданскую**

дееспособность во всем, что не относилось к их особым сословным правам и обязанностям.

2) Крестьянские дома, постройки, все движимое имущество крестьян были признаны их собственностью.

3) Крестьяне наделялись правом постоянного пользования землей, за которое следовало платить повинности и выкуп. Размер этих платежей определялся законом и договором с землевладельцем.

4) Крестьяне обрели выборное самоуправление – сельские общества.

Помещики сохраняли право собственности на всю принадлежавшую им землю, но были обязаны предоставить крестьянам «усадебную оседлость» (придомовый участок) за выкуп, а также полевой надел в постоянное пользование. Отказаться от него крестьяне не имели права в течение девяти лет.

Земли полевого надела предоставлялись не лично крестьянам, а в коллективное общее пользование сельским обществам, которые могли распределять их между крестьянскими хозяйствами по своему усмотрению. Минимальный размер крестьянского надела для каждой местности устанавливался законом.

За пользование землей крестьяне отбывали барщину или платили оброк. Размеры полевого надела и повинностей должны были фиксироваться в уставных грамотах, для составления которых отводился двухлетний срок. Составление грамот поручалось помещикам, их проверка – мировым посредникам.

Крестьяне имели право выкупить полевой надел по требованию помещика или по соглашению с ним, после чего все обязательства крестьян перед помещиком прекращались. Крестьяне, выкупившие свои земли, назывались крестьянами-собственниками, не перешедшие на выкуп – временнообязанными. Крестьяне могли перейти на дарственный надел ($^1/_4$ от положенного, но без выкупа). В этом случае они назывались крестьянами-дарственниками.

Государство на льготных условиях предоставило помещикам финансовые гарантии получения выкупных платежей (выкупная операция), приняв их выплату на себя. Крестьяне, соответственно, должны были выплачивать выкупные платежи государству.

Крестьянская община сохранялась. Надельная земля передавалась крестьянам на правах общинного пользования, а после выкупа – общинной собственности. Сохраняя общину с ее архаичными правилами переделов крестьянской земли, круговой порукой и коллективной ответственностью за повинности,

реформаторы понимали, что она будет препятствовать свободному развитию рыночных отношений в аграрном секторе. Однако для начала реформы сохранение института, укоренившегося в организации хозяйства, в сознании и повседневной жизни крестьян, считалось неизбежным. Впрочем, выход из общины не запрещался и со временем должен был расширяться.

Манифест был обнародован 5 марта (17 марта) 1861 г., в Прощеное воскресенье. Его текст был зачитан в церквах после обедни в Москве, Петербурге и других городах. В Михайловском манеже указ перед народом был зачитан императором лично, вызвав, как писалось тогда, чрезвычайное впечатление у собравшихся. Когда экипаж государя показался потом на площади перед Зимним дворцом, многотысячная толпа народа приветствовала царя-освободителя.

5
Земская и городская реформы

Освобождение крестьян от крепостной зависимости и наделение их частной собственностью на землю а, следовательно, и другими гражданскими правами пробивало заметную брешь в системе управления империей. Помещики в своем поместье не только кормились в широком смысле этого слова, но и обеспечивали общественный порядок, отправляли правосудие, собирали с крестьян налоги, направляли или продавали их в рекруты. 103 тыс. помещиков с опорой на крестьянские общины управляли населением в 22 млн человек[638]. Собственно, именно за эти управленческие функции Павел I признавал за дворянами-тунеядцами право на существование. А теперь эти функции исчезли. Понятно, что эту лакуну в системе управления надо было заполнять, необходимо было выстраивать новую систему управления.

Для разработчиков крестьянской реформы это было очевидно. Поэтому **подготовка к проведению преобразований регионального и местного управления началась практически одновременно с подготовкой крестьянской реформы.**

Проект системы государственного управления, ориентированной на нужды населения, как мы помним, был разработан еще Сперанским[639]. Он предлагал привлечь свободное народонаселение, включая государственных крестьян при наличии имущественного ценза, к прямому участию в управлении государством на основе четырехступенчатых выборов в волостную, уездную, губернскую и государственную думы.

Активное избирательное право должно быть всесословным, но могло принадлежать только тем, у кого имелось недвижимое имущество или капиталы. Наличие имущественного ценза отсекало от участия в госуправлении значительную часть населения. На собраниях волостных дум должны избираться делегаты уездных дум, которые выбирают делегатов в губернию; губернские – делегатов в Государственную думу. Такая вот законодательная вертикаль.

Первая региональная комиссия «для начертания подробного проекта» новой организации управления земскими делами была создана 1 ноября 1857 г. по ходатайству дворянства Санкт-Петербургской губернии[640]. **Ее возглавил Николай Алексеевич Милютин.** Он был последовательным сторонником всесословного представительства и «выборного начала» в земствах и полагал необходимым «при устройстве более обширных – правительственных учреждений, именно уездных и губернских – ввести мало-помалу во всех отраслях управления форму самоуправления… основанную на принципе представительности»[641]. Отметим, что волостной и государственный уровни, в отличие от проекта Сперанского, здесь отсутствуют, но это по-прежнему система органов государственной власти.

В разработанном комиссией Милютина «Проекте положения об учреждениях по делам земских повинностей С.-Петербургской губернии» впервые изложена подробная схема формирования местного представительного органа власти. Многие его принципиальные положения, например куриальная система выборов, общая структура местных учреждений самоуправления, были использованы в последующих разработках.

Комиссия для подготовки общегосударственной реформы уездных и губернских учреждений, т. е. земства, была создана в марте 1859 г. при МВД под руководством все того же Н. А. Милютина, который как человек, мыслящий системно, видел единство трех реформ: крестьянской, земской и финансовой, объединяя все крупные преобразования в одну большую реформу.

Обсуждение проекта земской реформы вызвало не меньший ажиотаж в обществе, чем крестьянской. К обсуждению тут же подключились губернские комитеты, хотя это не входило в их компетенцию.

«Мнения, высказанные по поводу предположений о земских учреждениях в журнальной литературе, в обществе и в постановлениях дворянских собраний были, как и ожидать следовало, весьма разнообразны, часто диаметрально

противоположны. Одни упрекали реформу в стремлении сохранить сословные деления и привилегии, другие – в направлении к буржуазному установлению искусственного уровня в местном населении, вопреки историческим условиям; одна сторона выражала желания дать почти безусловную автономию местным собраниям, другая считала необходимым прямое участие правительственной власти в земских делах; круг этих дел некоторые полагали полезным ограничить предметами земской повинности, другие находили справедливым расширить его пределы за область местных интересов и внести в него элемент политический, предметы государственного интереса»[642].

Разработанная комиссией программа согласовывалась с крестьянской реформой и в дальнейшем легла в основу Земского положения 1 января 1864 г. Только благодаря этому согласованию обеспечивалось участие в земствах крестьян, еще не ставших собственниками земли и потому не обладавших имущественным цензом.

Программа реформаторов не предусматривала преобразований высших органов государственной власти, созыва Государственной думы или Земского собора. Вместе с тем Милютин полагал, что «с надлежащим развитием, под покровительством сильной государственной власти, деятельности местных учреждений верховная власть впоследствии сама сознает необходимость призыва себе на помощь, при дальнейшем широком развитии своей законодательной деятельности, выборных представителей местных интересов и разделит с ними законодательные функции…»[643]

Комиссия подготовила: «Основные положения к проекту о преобразовании губернских и уездных управ», «О губернских управлениях», «Об уездных управлениях», приложения к проектам, касавшимся «расширения власти» губернских и уездных учреждений в различных сферах местного управления[644].

Либеральные реформаторы, проектировавшие земскую реформу, отводили земствам роль школы местного управления, которая подготовит страну к конституции. Они считали, что земства станут первым шагом по пути представительного правления, поскольку с помощью земств им быстро удастся наладить просветительскую деятельность.

Консерваторы оценили эти проекты как очередной антидворянский, «демократический» шаг правительства.

Их усилиями весной 1861 г. С. С. Ланской был снят с поста министра МВД, а Н. А. Милютин – с руководства Комиссией. Ее возглавил новый министр П. А. Валуев. Под его руководством проект реформ был существенно переработан: земства исключены из системы государственного управления и приобрели характер органов самоуправления, которое понималось как «порядок внутреннего управления, при коем местные дела и должности заведуются и замещаются местными жителями-аборигенами»[645].

В именном Указе, данном Правительствующему Сенату **1 января 1864 г. и опубликованном 8 января**[646], **были утверждены «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» и временные для них «Правила по делам о земских повинностях, народном продовольствии и общественном призрении»,** а в качестве приложения к ст. 108 Положения были приняты «Правила о земской росписи, земских сметах и раскладках».

В Указе говорилось: «Признав за благо призвать к ближайшему участию в заведывании делами, относящимися до хозяйственных пользы нужд каждой губернии и каждаго уезда, местное их население, посредством избираемых от онаго лица, Мы повелели Министру Внутренних Дел составить, на указанных нами началах, проекты постановлений об устройстве особых земских, для заведывания упомянутыми делами, учреждений»[647].

В принятом документе определялись уровни земских учреждений: уездные и губернские.

К уездным земским учреждениям относились уездное земское собрание и уездная земская управа. При этом волостной уровень местного самоуправления оставался сословно-крестьянским и не подпадал под действие Положения (Ст. 9).

Земские учреждения «не вмешиваются в дела, принадлежащие кругу действий правительственных, сословных и общественных властей и учреждений» (ст. 7 Положения). Губернатор имел право «приостановить исполнение всякого постановления земских учреждений, противного законам или общим государственным пользам». То же самое мог сделать министр внутренних дел «в промежуток времени между двумя сроками заседаний земского собрания, сообщая о том Собранию в первое назначенное для его заседаний время».

В целом Положение говорило о хозяйственной ориентации земских учреждений и жесткой определенности пределов их деятельности. Таким образом, идеи Сперанского и Милютина по привлечению широких масс к управлению государством были реализованы только частично.

В выборах в уездные земские собрания не могли участвовать: лица моложе 25 лет; лица, находящиеся под уголовным следствием или судом; лица, опороченные по суду или общественному приговору; иностранцы, не присягнувшие на подданство России.

Для участия в избирательном съезде уездных землевладельцев устанавливался имущественный и земельный ценз (ст. 23–26). Съезды для избрания уездных гласных от сельских обществ образуются из выборщиков, назначаемых волостными сходами из своей среды по становым (местным) участкам. Для участия в городских избирательных съездах также устанавливался имущественный ценз, определялись необходимые для этого размеры и стоимость имущества (ст. 28). Выборы, таким образом, не были всеобщими.

Количество гласных, избираемых на три года в каждом уезде, зависело от числа населения, земельных площадей и других особенностей. Гласные не имели никаких служебных преимуществ и денежного содержания (ст. 39). При этом в состав земских собраний тех уездов, в которых находились казенные и уездные земли, включались представители административных органов соответствующих ведомств (ст. 40–42).

Второй уровень земских учреждений составляли губернское земское собрание, состоящее из гласных, избираемых уездными земскими собраниями на три года, и губернская земская управа.

Губернская земская управа состояла из председателя и шести членов, избираемых на три года губернским земским собранием из своей среды. Избранный земским собранием председатель губернской управы утверждался в должности министром внутренних дел. Финансирование губернской управы, а также содержание ее председателя и членов определялось губернским земским собранием.

Губернские земские учреждения заведовали теми вопросами, которые относятся к территории всей губернии или нескольких ее уездов.

К исключительному ведению губернских земских учреждений Положение относило:

– разделение на губернские и уездные земских зданий, сооружений, путей сообщений, повинностей, заведений общественного презрения;

– дела об открытии новых ярмарок;

– распоряжения по взаимному земскому страхованию от огня;

– рассмотрение жалоб

и т. д.[648]

Губернатор утверждал постановления о приведении в действие земских смет и раскладок, о разделении дорог на губернские и уездные, об изменении направления земских дорог, о проведении выставок местного хозяйства, о временном отстранении от должности членов земских управ.

Утверждению министра внутренних дел подлежали постановления о займах, превышавших сумму земских сборов за два года, о сборах за проезд по земским путям сообщения, об открытии ярмарок более чем на две недели, об их перенесении, о разделении имуществ и заведений общественного призрения, содержавшихся земствами, на губернские и уездные и др.

Земским собраниям принадлежала «распорядительная власть и общий надзор за ходом дела, а земским управам как распоряжения исполнительные, так и вообще ближайшее заведывание земскими делами». Губернские земские собрания имели право издавать постановления, обязательные для местных земских учреждений губернии, а уездные земские собрания – давать инструкции уездным управам своих уездов (ст. 66).

> **Земства вводились только в великорусских губерниях, в которых преобладало русское дворянство (34 из 74 российских губерний), их введение растянулось на 15 лет. В 1875 г. они были введены в Области войска Донского, правда их ликвидировали уже в 1882 г.**

16 (28) июня 1870 г. императором Александром II в ходе проведения реформ городского самоуправления Российской империи было утверждено «Городовое положение»[649], заменившее прежние сословные думы всесословными городскими учреждениями.

По новому Положению в городах были созданы **Городская дума (законодательный орган), Городская управа (исполнительный орган)** под председательством городского головы и Городское избирательное собрание. **Роль городского избирательного собрания сводилась только к проведению выборов в Городскую думу.**

На основании п. 2 Городового положения к предметам ведения городского общественного управления относились:

– дела по городскому хозяйству;

– дела по внешнему благоустройству города, а именно: попечение об устроении города, согласно утвержденному плану; заведование устройством и содержанием улиц, площадей, мостовых, тротуаров, городских общественных садов, бульваров, водопроводов, сточных труб, каналов, прудов, канав и протоков,

мостов, гатей и переправ, а равно и освещением города;

– дела, касающиеся благосостояния городского населения: меры к обеспечению народного продовольствия, устройств рынков и базаров; попечение об охранении народного здравия, о принятии мер предосторожности против пожаров и других бедствий и об обеспечении от причиняемых ими убытков; попечение об ограждении и развитии местной торговли и промышленности, об устройстве пристаней, бирж и кредитных учреждений;

– устройство на счет города благотворительных заведений и больниц; участие в попечении о народном образовании, а также устройство театров, библиотек, музеев и других подобного рода учреждений;

– представление правительству сведений и заключений по предметам, касающимся местных нужд и польз города, и ходатайство по сим предметам и другие обязанности, возлагаемые законом[650].

Выборы в Городскую думу проводились по трем избирательным собраниям. Все избиратели делились на крупных, средних и мелких налогоплательщиков с равными общими суммами платежей городских налогов. Каждое собрание избирало одинаковое число представителей в Городскую думу. Городской голова, избиравшийся думой на четыре года, утверждался губернатором или министром внутренних дел. Органом надзора за деятельностью городского самоуправления было Губернское по городским делам присутствие под председательством губернатора, а также Министерство внутренних дел.

6
Судебная реформа

Предпосылки и подготовка реформы

К середине XIX в. законодательство Российской империи было на достаточно высоком и современном для того времени уровне. В 1835 г. вступил в силу Свод законов Российской империи, функционировал Госсовет, который регулярно рассматривал законопроекты, а также следил за исполнением действующего законодательства. Казалось бы, все идет нормально. Однако были две огромные проблемы, которые говорили об обратном, кричали о том, что закон не работает или даже: «А есть ли закон?», «А судьи кто?» и т. п.

Первая проблема касалась круга лиц: на основную часть подданных Российской империи Свод законов не распространялся. Речь, конечно же, идет о крепостных крестьянах, которыми занимался помещик; он был и швец, и жнец, и на дуде игрец – и полицейский, и судья, и продавец душ.

Вторая проблема состояла в том, что можно подготовить блестящий материальный закон, но если во время возникновения спора процедура не отработана, можно забыть о гениальности и намерениях законодателя. Ну и конечно же, зависимость самого суда и судей от административной власти, от сторон в процессе и т. д., которые во время спора должны применять материальный закон по установленной, понятной для всех процедуре.

> **Итак, кардинальное изменение всей системы судоустройства и судопроизводства вытекало, во-первых, из крестьянской реформы, существенно увеличившей число граждан, имевших соответствующие права, требовавшие адекватной защиты, а во-вторых, из плачевного состояния российских судов, которое было не меньшим национальным позором, чем крепостное право.**

Ни один из органов государственного аппарата не находился в столь скверном состоянии, как судебная система. Существовало множество судебных органов: суды для крестьян, горожан, дворян, коммерческий суд, совестный, межевой и др. суды с неясными границами подсудности, но с широко оттопыренными карманами у судей для подношений.

Кроме того, губернские правления, органы полиции и др. также выполняли судебные функции.

Дореформенный суд отличался взяточничеством, низкой юридической грамотностью судей, формализованностью – суды

решали дела, рассматривая лишь письменные материалы. «Понятие о судебном рассмотрении неизбежно переходило в понятие о бесконтрольном отношении к имущественным правам и к произвольной расправе». «В старом суде торжествовало в руках приказных людей своеобразное правосудие, среди органов которого нередко власть без образования заливала собою небольшие островки образования без власти и в деятельности которого здравые правовые понятия иногда „и не ночевали“»[651].

В отличие от крестьянской и земской реформ, разработка Судебных уставов осуществлялась без глобального обсуждения со стороны властей предержащих и общества. Пороки существовавшей судебной системы были очевидны всем, а чьих-либо личных интересов готовившаяся реформа, на первый взгляд, не затрагивала.

Тем не менее юридическое сообщество, преимущественно работавшее над реформой, единого монолита, как обычно, собой не представляло. За время работы над реформой в Государственный совет было представлено много разных вариантов реформы, занявших 74 тома[652].

Реформа была необходима, и идеи ее родились после принятия Свода законов и развивались до 1861 г. Другое дело, что крестьянская реформа дала новый импульс и новое видение реформы судебной. «Общая объяснительная записка к проекту нового устава судопроизводства» графа Д. Н. Блудова[653] 1857 г. – первый официальный документ, призывающий реформировать суд[654].

Известный юрист и политик Владимир Дмитриевич Набоков в 1915 г. обращал внимание на то, что «Блудовские проекты, при всех своих достоинствах, были продуктом иного времени, других веяний. В конце 1861 года они были, скорее всего, помехой на пути к реформе в настоящем смысле слова. Как подготовительные материалы, они сыграли, несомненно, крупную роль»[655].

Один из главных деятелей судебной реформы Сергей Иванович Зарудный[656], до этого поработавший в Минюсте и Собственной Его Императорского Величества канцелярии, прекрасно разбирающийся в проблеме, в 1857 г. переходит на службу в Государственный совет. Госсекретарем в это время был В. Г. Бутков. Буткову и Зарудному надо было разобраться и оценить ситуацию в империи, а также сделать предложения по изменению деятельности судов и представить проект соответствующего доклада.

Зарудный вместе с коллегами справился с поставленной задачей. В 1861 г. доклад Буткова был представлен императору. В нем были предложения о порядке рассмотрения в

Государственном совете проектов судебного преобразования, доклад был одобрен 23 октября 1861 г.

Как отмечал в 1891 г. Г. А. Джаншиев, «дело судебной реформы явственно выступало на новый, более решительный путь. Инициатива и главное руководство им заметно переходило к В. П. Буткову и его главному сотруднику С. И. Зарудному, при деятельном участии новых, свежих сил „прикомандированных юристов“: Н. А. Буцковского, Н. И. Стояновского, Д. А. Ровинского, К. П. Победоносцева, А. М. Плавского и чинов Государственной канцелярии: П. Н. Даневского, С. П. Шубина и А. П. Вилинбахова. Однако уже привлечение к делу „юристов“ как таковых, т. е. как представителей „права“, а не просто чиновников „законоведов“, свидетельствовало о том, что в официальных сферах „новое начало“, юридическая наука, „право“, сделало довольно серьезное завоевание…»[657]

Князь П. П. Гагарин, сменивший Блудова в руководстве Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, добился использования не только отечественных, но и европейских правовых источников при подготовке реформы. В январе 1862 г. император повелел «изложить в общих чертах соображения Государственной канцелярии и прикомандированных к ней юристов о тех главных началах, несомненное достоинство коих признано в настоящее время наукою и опытом европейских государств и по коим должны быть преобразованы судебные части в России»[658].

«Основные Положения преобразования судебной части в России» были утверждены императором 29 сентября 1862 г. и опубликованы для широкого обсуждения общественностью.

> **В этом документе были обрисованы основные черты «настоящего суда» со всеми свойственными ему атрибутами, включая суд присяжных, единый кассационный суд, введение мировой юстиции, установление состязательного судопроизводства и создание сословия присяжных поверенных (адвокатов).**

Отметим, что до этого говорить о суде присяжных во властной и даже в правовой среде считалось непозволительным, поскольку «Суд присяжных есть учреждение политическое и по своему происхождению, и по своему характеру. Он – одно из звеньев в целой цепи государственных учреждений западного образца, не имеющих ничего общего с самодержавным строем России»[659].

«Основные положения» поступили затем для дальнейшего

развития в образованную под председательством государственного секретаря Буткова комиссию, состоявшую из трех отделений, с 27 членами. «Хотя работа в комиссии и была разделена, но направление всех отделов всецело принадлежало Зарудному. Везде была его инициатива – и в приглашении деятелей, и в направлении работ. Состав комиссии разросся до громадных размеров: были привлечены все лучшие силы почти из всех ведомств, преимущественно судебного, и со всех концов России. Кроме постоянных членов, в трудах и совещаниях принимали участие и лица посторонние по разным специальностям, начиная от профессоров университета и кончая полицейскими чинами»[660].

На основании «Основных положений» были подготовлены судебные уставы, которые рассматривались в департаментах Госсовета с декабря 1863 г. по октябрь 1864 г., 2 ноября на общем заседании Госсовета эти документы были одобрены.

Водворение нового суда 20 ноября 1864 г.

20 ноября 1864 г. Александр II подписал Указ Правительствующему сенату[661], в котором была высказана его воля «водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных Наших», а также «возвысить судебную власть и дать ей надлежащую самостоятельность и вообще в народе то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем всех и каждого, от высшего до низшего».

Провозглашался принцип устного и состязательного характера судопроизводства, а также презумпции невиновности и равенства всех перед законом.

Указ утвердил четыре законодательных акта: «Учреждение судебных установлений» (УСУ), **«Устав уголовного судопроизводства»** (УУС), **«Устав гражданского судопроизводства»** и **«Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями»[662]. В последующем эти акты стали именоваться судебными уставами.**

Действие Судебных уставов 1864 г. распространялось только на 44 губернии, составлявших чуть более половины губерний Российской империи. Так, Судебные уставы не применялись на территории Белоруссии, Сибири, Средней Азии, северных и некоторых северо-восточных губерний европейской части России. Кроме того, отдельная юрисдикция и процедура была у

церковных, военных, крестьянских и третейских судов.

Основные начала и структура судебной власти

Судебная власть отделилась от исполнительной, у судов появились независимость, гласность, открытость и состязательность. Дела стали делиться на гражданские и уголовные, а судопроизводство – на предварительное и судебное. Каждое судебное действие должно было выполняться в установленный срок, что значительно ускорило разбирательство. Были сокращены виды и применение телесных наказаний.

На основании ст. 1 УСУ **власть судебная принадлежит мировым судьям, съездам мировых судей, окружным судам, судебным палатам и Правительствующему сенату – в качестве верховного кассационного суда.**

Важно отметить, что **при судебных местах находятся канцелярии, судебные приставы, присяжные поверенные, кандидаты на должности по судебному ведомству и нотариусы**.

Судебная власть распространяется на лиц всех сословий и на все дела, как гражданские, так и уголовные. **Судебная власть духовных, военных, коммерческих, крестьянских судов определяется особыми о них постановлениями**[663].

В основании судебной системы находились сельские суды. Их также называли крестьянскими, или волостными, судами. Их образование предусматривалось еще принятым 19 февраля 1861 г. «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости».

Волостные суды состояли из председателя и не менее чем двух членов, которые избирались из числа грамотных домохозяев, достигших 30 лет и соответствовавших многочисленным требованиям. В частности, не были судимы, не подвергались порке по решению волостного суда, имели российское подданство и др. Избирались они по многоступенчатой системе: сначала сельские сходы избирали по одному выборщику из ста жителей, а затем эти выборщики путем голосования на своем собрании называли из своего числа председателя и нужное количество членов волостного суда. Срок их полномочий – три года.

Волостные суды рассматривали мелкие имущественные споры и дела о проступках членов сельских общин. Они могли приговорить за проступки (не преступления) виновных к общественным работам до шести дней, штрафу до трех рублей,

обязанности загладить вред, причиненный противоправным деянием, аресту до семи дней и розгам до 20 ударов[664]. Их приговоры и решения проверялись верхними сельскими судами, состоявшими из председателей всех волостных судов. Эти суды контролировались мировыми судьями, земскими начальниками, уездными съездами и губернскими присутствиями.

Мировой суд создавался в уездах и городах, причем уезд, включая входившие в него города, составлял мировой округ (УСУ, ст. 12). Последний делился на мировые участки, в рамках которых и осуществляли свои полномочия мировые судьи (УСУ, ст. 14–15).

Мировым судьям были подсудны дела «О менее важных преступлениях и проступках» с санкциями: кратковременный арест (до трех месяцев), заключение в работный дом на срок до одного года, денежные взыскания на сумму не свыше 300 рублей (УСУ, ст. 19). В гражданско-правовой сфере на них возлагалось рассмотрение дел по личным обязательствам и договорам (на сумму до 300 рублей), дел, связанных с возмещением за ущерб на сумму не свыше 500 рублей, исков за оскорбление и обиду, дел об установлении прав на владение.

На должность мировых судей могли избираться лица не моложе 25 лет, имевшие трехлетнюю судебную практику, высшее или среднее образование (УСУ, ст. 19). Мировые судьи избирались уездными земскими собраниями и городскими думами. Съезды мировых судей были кассационной инстанцией для лиц, неудовлетворенных решением мировых судей. Решения съезда мировых судей считались окончательными для дел, «подлежавших мировому разбирательству» (УСУ, ст. 51).

Общие суды имели две инстанции.

Первой инстанцией был окружной суд, который состоял из председателя и членов (УСУ, ст. 77) и действовал, как правило, в пределах одной губернии, составлявшей судебный округ. Состав окружного суда учреждался по представлению министра юстиции императором (УСУ, ст. 212). В связи с недостаточным количеством лиц с высшим юридическим образованием была предусмотрена оговорка (УСУ, ст. 202) «о доказавших на службе свои познания по судебной части», которая позволяла становиться судьями лицам, не имеющим юридического образования.

Вступление в должность сопровождалось принятием присяги[665].

Общие принципы судоустройства и судопроизводства:

Первый принцип. Власть судебная отделяется от исполнительной, административной и законодательной

(ст. 1 Основных положений о судоустройстве 29 сентября 1862 г.)

Второй принцип. Выборность и несменяемость судей.

Оба принципа, как мы видим, связаны с независимостью судов.

Для гражданского судопроизводства выделялись также следующие принципы:

1) введение состязательного процесса;

2) введение гласности и уничтожение канцелярской тайны;

3) установление двух судебных инстанций и кассационного суда;

4) введение сокращенного, словесного судопроизводства;

5) учреждение при судах постоянных присяжных поверенных[666].

Для уголовного судопроизводства наряду с общими указывались следующие принципы:

1) отделение обвинительной власти, возложенной на прокуроров, от судебной;

2) запрет отказа в правосудии;

3) разрешение уголовного дела по существу не более чем в двух инстанциях;

4) обязанность судебного следователя и суда принимать все меры, необходимые для установления истины (принцип материальной истины);

5) сочетание разыскного предварительного следствия и состязательного судебного разбирательства (смешанная модель);

6) гласность, устность и непосредственность судебного разбирательства;

7) отказ от теории формальных доказательств и переход к свободной оценке доказательств по внутреннему убеждению[667].

Нельзя не отметить, что также **провозглашался принцип несменяемости судей,** т. е. никто из них, начиная от председателя суда до рядовых судей, не мог быть уволен или переведен в другой суд без их согласия, за исключением случаев тяжелой болезни или приговоров уголовного суда (УСУ, ст. 243).

Статьями 71 и 236, 237 УСУ был закреплен **единый правовой статус судей в Российском государстве**. Мировые судьи, члены окружных судов и судебных палат приравнивались друг к другу в отношении присвоения классов, чинов, званий, а также предоставленных им прав и преимуществ, кроме председателей этих судов, которые по своему положению должны были иметь некоторое первенство перед прочими членами этих судов.

За упущения по службе к судьям применялась дисциплинарная ответственность (УСУ, ст. 76, 261–296) в виде:

предупреждения; замечания; выговора без внесения в послужной список; вычетов из жалования; ареста не более чем на семь дней; понижения по должности. Для того чтобы не поколебать то уважение, которое было утверждено в обществе к должности судьи, без рассмотрения дела надлежащим судом в порядке дисциплинарного производства судью могли привлечь к дисциплинарной ответственности только в виде предупреждения (УСУ, ст. 264). За совершение судьей преступления его привлекали к уголовной ответственности (УСУ, ст. 76, 261 и УУС, раздел III книги третьей).

При окружных судах создавался институт судебных следователей, которые осуществляли предварительное расследование на предназначенных для них участках (УСУ, ст. 79–80). Судебные следователи были посредниками между сторонами защиты и обвинения в судебном процессе, а также служили интересам определения истины в интересах отправления правосудия, тем самым не допуская перевеса на этапе досудебного расследования стороны обвинения. Таким образом, **из ведения полиции изымалось предварительное следствие, что было одним из важных факторов разделения судебной и исполнительной власти**.

Отдельно следует сказать о суде присяжных.

Суды народные, или вечевые, были известны на Руси с древних времен, особенно в северо-западных республиках: в Великом Новгороде, Пскове и Вятке. Вечевые суды рассматривали наиболее значимые дела, например изгнание князя или наказание изменников.

Суд присяжных в том виде, в котором существует в разных странах до сих пор, возник первоначально в Англии XII в., затем во Франции, и с наполеоновскими походами суды присяжных распространились в Европе, в том числе в Германии. В разных странах их компетенция то сужалась, то расширялась, но, как правило, состав присяжных состоял из 12 человек, и его задачей в уголовном процессе было решение вопроса о виновности подсудимого.

Интересное и вместе с тем точное определение дал А. Ф. Кони, сравнив такой суд с чужеземным дорогим, но полезным растением: «…знающий садовод, в лице составителей Судебных уставов, перенес его из чужих краев на нашу почву, вполне для него пригодную, и затем уступил другим взращивание этого растения. Пока оно не пустит глубоких корней и не распустится во всей своей силе, необходимо не оставлять его на произвол судьбы, а заботливо следить за ним, охранять его от непогоды, защищать от дурных внешних влияний, окопать и оградить таким

образом, чтобы не было поводов и возможности срезать с него кору или обламывать его ветки»[668].

В России суд присяжных стал высшей точкой перехода от инквизиционного процесса к состязательному. Министр юстиции Иван Григорьевич Щегловитов в 1913 г. указывал на то, что «для решения фактических вопросов одни абстрактные правила не могли быть достаточными, нужно было знание – и притом близкое, непосредственное – житейских отношений. Постоянное же упражнение коронных судей в вершении дел притупляет в них способность принимать в расчет индивидуальные особенности дела, удаляет их от жизни, как и всякая профессия. Ввиду этого современный процесс и вынужден был ввести в отправление уголовного правосудия общественный элемент, который обеспечил бы правильное разрешение фактической стороны дела»[669].

В заседаниях окружных судов и судебных палат могли принимать **участие 12 присяжных заседателей,** выбираемых по жребию из «местных обывателей всех сословий» и записанных в специальные списки. Присяжными заседателями могли стать лица в возрасте от 25 до 70 лет, обладающие цензом оседлости (два года). Не могли быть присяжными заседателями священники, профессиональные юристы, учителя, военные, наемные рабочие и прислуга.

С участием присяжных заседателей рассматривались уголовные дела, «влекущие за собой наказания, соединенные с лишением всех прав состояния или с потерей всех или некоторых особенных прав и преимуществ» (УУС, ст. 10), а также гражданско-правовые споры, выходившие за рамки компетенции мировых судей.

В уголовном процессе председатель вручал присяжным письменные вопросы о факте и вине подсудимого. Вопросы оглашались в процессе[670].

Присяжные устанавливали виновность или невиновность обвиняемого, а меру наказания определял судья. Такое решение окружного суда считалось, как правило, окончательным.

Осуждение или оправдание подсудимого присяжными определялось большинством голосов, причем в случае равенства голосов за и против обвиняемый считался оправданным (УУС, ст. 89). Отмена решения суда присяжных была возможна только в том случае, если суд единогласно приходил к мнению, что «решением присяжных осужден невиновный» (УУС, ст. 94). Такое дело переносилось на рассмотрение нового суда присяжных, и на этот раз их вердикт, каким бы он ни был, считался окончательным (УУС, ст. 94).

Второй инстанцией была судебная палата, объединявшая несколько судебных округов и разделенная на уголовный и гражданский департаменты. Судебная палата представляла собой вторую инстанцию для окружных судов[671]. В нее поступали жалобы на их решения. В случае, если в окружном суде дело рассматривалось без участия присяжных заседателей, судебные палаты могли рассматривать такие дела в полном объеме.

В гражданском процессе выделилось два типа судопроизводства: общий и сокращенный. Последний использовался в тех случаях, когда суду не требовались дополнительные доказательства, не было возражения со стороны истца и ответчика, а также если суд сочтет это удобным. Перечень оснований, по которым дела рассматривались исключительно в сокращенном порядке, был закрытым[672].

Сенат имел в составе два кассационных департамента – для уголовных и гражданских дел (УСУ, ст. 114)[673]. Как высшая инстанция он имел право кассации судебных решений в случае нарушения законного порядка ведения судопроизводства или обнаружения новых обстоятельств уголовного или гражданского дела[674].

Обособленное место среди общих судебных установлений занимал Верховный уголовный суд. Он образовывался каждый раз для рассмотрения конкретных уголовных дел чрезвычайной важности: о преступлениях, совершенных министрами или лицами, приравненными к ним, членами Государственного совета, а также о посягательствах на царя или персон царской фамилии. В качестве его членов назначались руководители департаментов Государственного совета и основных подразделений Сената. Возглавлял такой суд председатель Государственного совета. Приговоры этого суда обжалованию не подлежали. Они могли быть изменены или отменены только царскими актами помилования.

При каждом из кассационных департаментов Сената состоял обер-прокурор и его товарищи, т. е. заместители. В общем собрании кассационных департаментов Сената прокурорские обязанности также возлагались на одного из обер-прокуроров (УСУ, ст. 127–128). При судебных палатах состояли прокуроры судебных палат и их товарищи, по аналогичному принципу строилась схема на уровне окружных судов (УСУ, ст. 125). Прокурорская система была основана на принципах подчиненности прокуроров низшего звена прокурорам высшего звена, причем прокуроры судебных палат и обер-прокуроры непосредственно подчинялись министру юстиции (УСУ, ст. 129).

Систему прокуратуры возглавлял министр юстиции, он же генерал-прокурор (УСУ, ст. 124).

Судебные приставы были при каждом суде, они вручали участникам процесса повестки и документы, обеспечивали исполнение судебных решений.

Адвокатура

Случилось то, чему противились все самодержцы от Петра I до Николая I, – появились адвокаты. Неизбежным следствием провозглашения принципа состязательности стало **учреждение института присяжных поверенных, т. е. адвокатуры. Это означало создание новой правозащитной сферы деятельности и окончательное формирование российского права как системы правовой деятельности.**

Напомним, что право как система деятельности включает в себя такие сферы, как юридическая наука, подготовка кадров, законотворчество, законодательство, правоприменение, правоохранение, правозащита и правовое просвещение. Таким образом, **право как система деятельности в нашей стране в рассматриваемом смысле в полном объеме появилось в 1864 г.**

Адвокатура включала присяжных и частных поверенных.

Присяжными поверенными могли быть профессионально подготовленные лица, достигшие 25 лет, русские подданные, не состоявшие под следствием и не подвергавшиеся «лишению или ограничению прав состояния», не состоявшие на правительственной службе или оплачиваемых выборных должностях (УСУ, ст. 354–355).

Частные поверенные и помощники адвокатов первоначально работали без правовой основы. Через десять лет после начала судебной реформы, в 1874 г., законодательно закрепляется такой вид ведения чужих судебных дел, как частные поверенные. Известный цивилист и процессуалист начала XX в. Е. В. Васьковский писал: «Закон 25 мая 1874 г. создал в форме института частных поверенных особый класс адвокатов, стоящих во всех отношениях ниже присяжных поверенных, но пользующихся почти одинаковыми правами с ними, и разрешил принятие в число частных поверенных также помощников присяжных поверенных. Вследствие этого адвокатская практика по гражданским делам, вопреки идее составителей Судебных Уставов, не только не сосредоточилась с течением времени в руках присяжной адвокатуры, но, наоборот, распределилась

между ними, частными поверенными и помощниками присяжных поверенных, самостоятельно занимающимися адвокатурой в качестве частных поверенных. Вместо одного сословия адвокатов образовались целых три, сравнявшихся в настоящее время по численности, но различающихся подготовкой к профессии и внутренней организацией»[675].

Вызывавшая критику с разных сторон судебная реформа обрушилась в первую очередь на адвокатуру. Правительство, губернаторы, деятели культуры, журналисты обсуждали не только судебные дела и гонорары адвокатов, но и их одежду, личную жизнь и т. д. Хорошие адвокаты стали знаменитостями со всеми вытекающими последствиями.

Кандидатов в присяжные поверенные утверждал выборный Совет присяжных поверенных, он же объявлял выговоры, временно приостанавливал деятельность защитников и исключал их из корпорации. Совет и общее собрание присяжных поверенных можно назвать адвокатским органом самоуправления.

Частные поверенные, кроме соответствия вышеуказанным критериям, должны были получить от судебных инстанций удостоверение на право вести судебные дела. Частные поверенные не входили в Советы, а надзор за их деятельностью осуществлял окружной суд.

Нотариат

Судебные уставы 1864 г. также вводили нотариат (УСУ, ст. 420).

В Основных положениях о судоустройстве предусматривались организация и деятельность нотариусов. В ст. 11 указывалось: «В губернских и уездных городах состоят нотариусы, которые заведывают, под наблюдением судебных мест, совершением актов об уступке и приобретении имуществ и о разных обязательствах».

14 апреля 1866 г. император утвердил Положение о нотариальной части. Положение было введено в действие в тех 44 губерниях, где действовали судебные уставы.

В соответствии с Положением нотариусами могли быть русские подданные, совершеннолетние, неопороченные судом или общественным приговором и не занимающие никакой другой должности ни в государственной, ни в общественной службе. Количество нотариусов определялось расписанием их числа в судебных округах[676]. Нотариусы состояли на государевой службе.

Нотариусы удостоверяли сделки, заверяли подлинность документов, занимались ведением наследственных дел, а старшие нотариусы вели реестры сделок с недвижимостью, заведовали нотариальным архивом.

Российский нотариат быстро развивался и, несмотря на то что состоял при судах, стал важнейшим органом бесспорной юрисдикции в империи. После октябрьского переворота 1917 г. нотариат упразднили за ненадобностью. Впрочем, было ликвидировано и наследственное право. «Ушли» такие категории, как частное право, недвижимость и т. п. Но это уже другая история.

Нельзя не отметить, что **первый суд, созданный по новым правилам, открылся в 1866 г. в Санкт-Петербурге.** На торжественной церемонии присутствовал министр юстиции Дмитрий Замятнин и другие высокие, в том числе иностранные, гости. В том же году заработали суды в Новгородской, Псковской, Московской, Владимирской, Калужской, Рязанской, Тверской, Тульской и Ярославской губерниях.

Принятие судебных уставов и создание новых судов – это важная, но все-таки предпосылка создания надежного механизма защиты прав граждан. Для того чтобы обеспечить устойчивое функционирование этого механизма, необходим навык законотворчества в рамках доктрины правового государства, многолетняя практика осуществления правоохранительной и правоприменительной деятельности, обеспечивающей со стороны ее представителей равную защиту, объективность и неподкупность, наконец, возникновение правовой культуры у всего населения. Об этом легко писать и говорить, но осуществить на практике невероятно сложно. Любая ошибка (а они неизбежны в новом деле) привлекает внимание не только оппонентов, но и нейтральной публики, для которой сегодняшнее зрелище важнее системных воззрений. К сожалению, времени, достаточного для достижения указанных результатов, у организаторов судебной реформы не оказалось.

7
Пореформенная обстановка в России

Золотой XIX в. был в самом разгаре. По всему миру шагала вторая технологическая революция, плодами которой пользовалась и Российская империя. В стране появились свои ученые высокого уровня, и не только в математике, естественных науках и инженерии, но и, например, в юриспруденции. Материальная обеспеченность горожан заметно росла. Теперь не

только дворяне, но и многие мещане были избавлены от необходимости тяжелым каждодневным трудом обеспечивать всего лишь собственное пропитание.

> **«Хороший рабочий, хороший слуга стал требовать большей платы вследствие своей редкости; это подняло плату вообще всех мастеровых, всей прислуги, ибо тут определить строго различие между хорошими и дурными было нельзя. Большая плата уничтожила в этом классе прежнюю бережливость и умеренность в пище и одежде, явилась небывалая роскошь; лакеи и горничные стали одеваться почти так же, как господа; горничные стали носить шелк и шерсть, шляпы с цветами, зонтики; обувь покупали такою же дорогою ценою, как и госпожи их»**[677]**. Чиновник средней руки мог позволить себе снять достойную квартиру, а то и нанять прислугу.**

Люди, жившие за счет умственного труда, имели достаточно времени, чтобы задуматься о высоком, «о путях». Для либерально настроенной интеллигенции было очевидно, что самодержавие – непреодолимый тормоз развития страны. Опять же, влияние западноевропейских революционных идей также не стоит сбрасывать со счетов.

Мы, конечно, далеки от мысли, что революционные настроения возникают чаще всего от праздности. Они порождаются синдромом относительной депривации. Однако возможность значительную часть, а то и все свое время посвятить политической деятельности, созданию политических программ и структур, несомненно, порождает революционеров.

Что касается относительной депривации, в пореформенную Россию она вернулась с еще большей силой, резко контрастируя с оптимизмом и энтузиазмом периода подготовки реформ, которые оказались, как часто бывает в нашей стране, половинчатыми и незавершенными, что было неизбежно, поскольку они родились в противостоянии либералов и консерваторов.

В условиях самодержавия единственным источником легитимности для ответственной бюрократии служит поддержка императора. Именно ее и лишились либеральные бюрократы, готовившие реформы.

В 1862 г. на волне революционных брожений в Польше великий князь Константин Николаевич настоял на своем назначении наместником императора в крае. Он пытался погасить волнения многочисленными либеральными уступками[678], но не преуспел. Польское восстание 1863–1864 гг.

было подавлено силой. Константину Николаевичу пришлось покинуть этот пост, и, хотя он был назначен главой Госсовета, его влияние на императора заметно снизилось. С возрастом отходила от дел и великая княгиня Елена Павловна.

Верх начинала брать «консервативная партия», что выражалось прежде всего в замене либеральных бюрократов на их представителей на ключевых постах в государстве. Были и перебежчики. Например, бывший константиновец Д. А. Толстой переметнулся к консерваторам, а затем и вовсе вслед за К. П. Победоносцевым стал лидером партии ретроградов. Заменив на посту министра образования идеолога константиновцев А. В. Головнина, он начал проводить курс, прямо противоположный либеральному. Консерватор П. А. Валуев, сменивший в апреле 1861 г. либерального бюрократа С. С. Ланского на посту министра внутренних дел, приложил немало усилий для торможения как крестьянской, так и земской реформ.

Свобода дорого обошлась крестьянам не только психологически, но и в том числе в прямом, финансовом смысле. Крестьянин обязан был немедленно уплатить помещику 20% выкупной суммы, а остальные 80% вносило государство. Крестьяне должны были погашать ее в течение 49 лет ежегодно равными выкупными платежами. Ежегодный платеж составлял 6% выкупной суммы. Таким образом, крестьяне суммарно уплачивали 294% выкупной ссуды, то есть в три раза больше, чем получили помещики. И крестьяне, и помещики по итогам реформы не стали богаче, чего не сказать о государстве, которое за счет выкупной операции получило доход.

Еще одно негативное явление, возникшее в процессе реализации реформы, – появление т. н. отрезков – части земель, составлявших в среднем около 20%, которые остались в собственности помещиков и не подлежали выкупу. Как писал М. Е. Салтыков-Щедрин, «когда только что пошли слухи о предстоящей крестьянской передряге… когда наступил срок для составления уставной грамоты, то он [помещик] без малейшего труда опутал будущих „соседушек“ со всех сторон. И себя, и крестьян разделил дорогою: по одну сторону дороги – его земля (пахотная), по другую – надельная; по одну сторону – его усадьба, по другую – крестьянский порядок. А сзади деревни – крестьянское поле, и кругом, куда ни взгляни, – господский лес… Словом сказать, так обставил дело, что мужичку курицы

выпустить некуда»[679]. В результате крестьянам приходилось арендовать помещичью землю во что бы то ни стало на каких угодно условиях. Эти отрезки стали лакомым куском для помещиков и чистым разорением для крестьян.

Ликвидация отрезков стала одним из главных требований крестьян и сочувствовавшей им интеллигенции. Многочисленные попытки либералов ликвидировать эти отрезки к успеху не привели.

В общем, многие крестьяне и им сочувствующие восприняли реформу как обман со стороны, первые – помещиков, вторые – царя. «Знаю, на место сетей крепостных // Люди придумали много иных», – писал поэт Н. А. Некрасов. А неизвестный автор письма к Герцену[680] и вовсе допускал экстремистские призывы: «К топору зовите Русь!»

Неудивительно, что в описанной социально-политической обстановке нашлись те, кто за этот топор взялся. Точнее, за огнестрельное оружие и динамит.

На рубеже 1860–1870-х гг. возникло революционное народничество. По началу оно носило мирный просветительский характер. Весной 1874 г. возник ряд кружков. Их члены (более 60 тысяч человек, в основном студенты), веривших в революционность крестьянства, начали массовое хождение в народ. Революционеры-народники пытались пропагандировать среди крестьян идеи свержения самодержавия и установления народной власти. Однако крестьяне нередко радостно сдавали непонятных умников полиции. Начались полицейские репрессии. С 1873 по 1880 гг. было осуждено более 2,5 тысяч народников.

В 1876 г. возникла организация «Земля и воля», которая ставила цель подготовить народную социалистическую революцию. Но из-за разногласий в 1879 г. она поделилась на «Черный передел» (лидер Г. В. Плеханов), пропагандировавший ликвидацию помещичьего землевладения, и «Народную волю» (лидеры С. Л. Перовская, А. И. Желябов и др.), которая развязала террор против самодержавия. Они провели множество террористических актов против представителей царского режима. В ответ был развязан террор со стороны правительства. С 1879 по 1882 гг. было казнено 30 революционеров. Резко усилилась цензура печати, закрывались газеты и журналы, император ввел военные суды, менялись генерал-губернаторы. Полицейские чины на местах, по-своему понимавшие задачи по спасению Отечества от революционеров, чинили произвол и насилие. Мнение политически активных граждан в основном было направлено против Александра Николаевича.

Прославленная советскими историками Вера Засулич писала

по поводу 25-летия царствования Александра II: «Срамной старик, дрожащий от страха и злости в Зимнем дворце, празднует 25-летие своего неистовствования. Он приглашает верноподданных радоваться, что мучительство его продолжается уже целую четверть века, что уже третье поколение истребляется во имя его, что немногие уцелевшие жертвы первых лет его тирании выйдут из Сибири, как декабристы, 70-летними стариками, успев встретиться там со своими внуками. Наивный Молох облизывает окровавленное рыло и отдувается, говоря нам: „Да, вот уже четверть века грызу вас и, пожалуй, еще столько же прогрызу“. В первые годы его царствования все с ужасом вспоминали о бесконечной 30-летней ночи, которую пережили при Николае, никак не воображая, что вступают в другую такую же ужасную бесконечность»[681].

Понятно, что основной целью террористов было уничтожение императора. Они верили, что это немедленно приведет к революции.

Поначалу в него стреляли революционеры-одиночки: Дмитрий Каракозов (4 апреля 1866 г.), Антон Березовский (25 мая 1867 г., Париж), Александр Соловьёв (2 апреля 1879 г.). Затем за дело взялась организация – «Народная воля». После двух неудачных попыток взорвать царский поезд (18 и 19 ноября 1879 г.) они 5 февраля 1880 г. организовали взрыв в Зимнем дворце в помещении под столовой, где должна была ужинать царская семья. Однако ужин был отложен, и царь не пострадал.

Царская семья и сам император, двор и общество в крупных городах постоянно жили в ожидании террористических актов, ситуация в стране выходила из-под контроля. Надо было что-то делать.

8
Подготовка второго этапа реформ. Убийство императора

Основой второго этапа реформ Александра II должны были стать предложения, подготовленные министром внутренних дел графом М. Т. Лорис-Меликовым[682], которые впоследствии ряд исследователей стали называть Конституцией Лорис-Меликова. Однако речь шла о комплексе мер, включая подготовку законопроектов по изменению ситуации в стране. Михаил Тариелович был ярым сторонником самодержавия, ни о каком разделении властей и конституционной монархии и слышать не

хотел. Интересно, что проект родился в период острой борьбы с терроризмом в империи. Так что первоначально вопросы о привлечении к власти более широких слоев населения даже не рассматривались. Эта идея возникла чуть позже.

12 февраля 1880 г. был издан Именной указ, данный Сенату. В нем говорилось, что его величество, «в твердом решении положить предел беспрерывно повторяющимся в последнее время покушениям дерзких злоумышленников поколебать в России государственный и общественный порядок», признал за благо «учредить в С.-Петербурге Верховную Распорядительную Комиссию по охранению государственного порядка и общественного спокойствия»[683]. Начальником этой комиссии был назначен временный Харьковский генерал-губернатор, граф М. Т. Лорис-Меликов, человек, близкий Александру II, известный военачальник и государственный деятель, не замеченный в мздоимстве, сторонник и проводник Великих реформ. Все власти, включая военных, должны были выполнять приказы М. Т. Лорис-Меликова, который обладал фактически диктаторскими полномочиями и имел задание, что называется, огнем и мечом истребить крамолу.

Однако Михаил Тариелович понимал, что одними репрессиями проблему не решить. На место одного казненного или сосланного в Сибирь революционера вставали десятки.

Так можно было далеко зайти. Поэтому прежде чем принимать кардинальные меры, решил, выражаясь современным языком, осуществить «глубокое социологическое исследование» российского общества. Полагаясь на опыт обсуждения крестьянской реформы, он посчитал необходимым ознакомиться с мнением, как мы сейчас сказали бы, экспертов и разослал сенатские инспекции по ключевым губерниям империи.

Из многочисленных писем, обращений, а также сведений, полученных от местных инспекторов, Михаил Тариелович сделал следующий вывод: «Новые порядки создали во многих отраслях управления новое положение для представителей власти, требовавшее других знаний, других приемов деятельности, иных способностей, чем прежде. Истина эта не была достаточно усвоена, и далеко не все органы власти заняли подлежащее им место». Они не оправдали возлагавшихся на них надежд, а потому вызвали в обществе «основательные разочарования» и увеличили число недовольных, уменьшив тем самым «устойчивость почвы под началами государственного порядка»[684].

Иначе говоря, главная проблема – в незавершенности реформ, прежде всего крестьянской и земской, поэтому необходим второй, завершающий этап преобразований.

Главным итогом работы Верховной распорядительной комиссии стало усиление борьбы с террором в империи, а также решение о подготовке второго этапа реформ. Для оптимизации деятельности органов власти комиссию ликвидировали 6 августа 1880 г. с передачей всех полномочий в Министерство внутренних дел. Одновременно было упразднено Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии с передачей ее функций в ведение МВД, где был образован департамент Государственной полиции. Министру также был подчинен Корпус жандармов. Министром был назначен М. Т. Лорис-Меликов.

Встав во главе этого суперведомства, наряду с наведением порядка в империи Михаил Тариелович значительное внимание уделил, скажем так, связям с общественностью. Для привлечения печати на свою сторону было созвано специальное совещание по делам печати, на которое пригласили редакторов всех ведущих газет и журналов. Были даже представлены предложения по законодательному регулированию печати, заметно ослаблявшие цензуру.

Лорис-Меликов предложил организовать две временные подготовительные комиссии наподобие создававшихся в 1858 г. Редакционных комиссий, которые должны были, опираясь на широкие круги общественности, наметить дальнейшие пути осуществления ранее начатых реформ, особенно земской. В обязанности комиссий входило составление законопроектов в тех пределах, кои будут им указаны высочайшею волею. В комиссии он предлагал включить не только чиновников, но и представителей науки и специалистов из губерний[685]. По сути, он предложил императору второй раз войти в одну и ту же реку, а именно: на основе гласности заручиться поддержкой общества, как это было в начале Великих реформ.

В начале рокового 1881 г., 28 января, был подготовлен доклад с изложением всех мероприятий для подготовки второго этапа реформ, который был одобрен Особым совещанием при участии цесаревича Александра, великого князя Константина Николаевича и всех министров.

Фактически речь шла об изменении политики государства: отказе от репрессий и привлечении разных представителей общества во власть. Конечно же, были и те, кто хорошо усвоил

уроки предыдущих лет: все либеральные уступки приводят к большим неприятностям, таким как мятеж декабристов, польские восстания, возникновение революционного движения, и потому неистово противились этим планам. Представители партии ретроградов предлагали не просто свернуть реформы, но и в значительной степени повернуть историю вспять.

Сам император, к тому времени находившийся не в лучшей физической и морально-психической форме, тоже колебался и вместо решительных шагов проводил одно совещание за другим.

На 4 марта он назначил обсуждение с высшими сановниками проекта официального правительственного сообщения о подготовке соответствующего закона в рамках плана Лорис-Меликова.

Однако этого не произошло. 1 марта 1881 г. седьмое по счету покушение привело к убийству императора. Второй этап реформ был не то что не начат, но и не разработан.

Александр Николаевич Романов похоронен в Петропавловском соборе Петропавловской крепости.

9
Сергей Иванович Зарудный

Безусловно, инициатором судебной реформы был император Александр II, но вряд ли бы она состоялась, не окажись в России достаточного количества людей, преданных праву и способных выступить в качестве архитекторов и проводников судебной реформы. Среди таковых выделяется Сергей Иванович Зарудный (1821–1887), подданный его величества, выбравшийся из бедноты и не имеющий юридического образования, овладевший знаниями о праве и искусстве управления, сделавший все возможное для необратимости судебной реформы.

Сергей Иванович Зарудный родился 17 марта 1821 г. в селе Колодязное Купянского уезда Харьковской губернии в обедневшей дворянской семье.

В 1830-е гг. семья перебирается в Харьков. Зарудный оканчивает гимназию и поступает в Харьковский императорский университет на физико-математический факультет, который успешно оканчивает в 1842 г.

Для занятия наукой и продолжения обучения Сергей перебирается в столицу, в недавно открытую Пулковскую обсерваторию.

Однако отсутствие возможностей, в основном материальных, подвигло Зарудного уйти из обсерватории и заняться бюрократической работой, применяя математическое образование в правоведении (кстати, тогда это называлось законоведением).

В 1843 г. Зарудный поступает на работу в Министерство юстиции Российской империи в качестве юрисконсульта, где систематизирует поступление бумаг, отвечает на письма, делая из них выписки и даже переписывая их. «Это была моя школа… Думаю, что никто, кроме меня, не изучал их… У меня осталось предположение, что все эти бумаги были просто брошены»[686].

Министерство юстиции с 1839 по 1860 гг. возглавлял граф В. Н. Панин, имевший репутацию реакционера и мизантропа. По воспоминаниям современников, в служебных отношениях с подчиненными он был «совершенным деспотом». Служба под началом В. Н. Панина для человека, желавшего быть сколько-нибудь независимым, была тяжела и невыносима[687].

Как писал А. Ф. Кони, «как раз в это время граф Блудов, стоявший во главе II отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, решил заняться пересмотром нашего гражданского процесса и обратился к министру юстиции графу Панину, прося доставить отзывы о недостатках наших судопроизводственных правил со стороны председателей гражданских палат и губернских прокуроров. Все эти отзывы, машинально воспринимаемые и передаваемые по назначению начальствующими лицами, стали проходить чрез руки очень заинтересовавшегося ими Зарудного»[688]. Однако даже полумеры, предложенные в этом направлении Д. Н. Блудовым, показались В. Н. Панину «до крайности радикальными»[689].

Рассматривая отзывы чиновников и судей на отечественное судопроизводство, докладывая Блудову о результатах рассмотрения, Зарудный с головой погрузился в законоведение, стал читать литературу, изучать иностранное законодательство.

Убедившись в невозможности найти взаимопонимание с министром юстиции, в 1852 г. Д. Н. Блудов испросил у Николая I разрешение учредить при Втором отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии особый комитет по составлению проекта Устава гражданского судопроизводства. Сергей Иванович вошел в комитет и был назначен делопроизводителем (ответственным секретарем). Комитет рассматривал вышеназванные предложения и отзывы по отечественному гражданскому судопроизводству, возможность

использования иностранного законодательства. Было подготовлено несколько докладов, но дальше дело не шло. Вместе с тем для самого Сергея Ивановича на тот момент польза от всей этой суеты была неочевидна, но Зарудный продолжал погружаться в материал и отчетливо понимал состояние дел в судах и судопроизводстве.

В 1856 г. Сергей Иванович, будучи уже опытным бюрократом, умеющим не только работать с бумагами, но и разбираться в сути дел и предлагать конкретные решения, назначается на весьма сложную и тяжелую, в том числе с моральной точки зрения, работу. После поражения в Крымской войне (1856), причин которого великое множество, была создана комиссия по расследованию злоупотреблений в тыловом обеспечении вооруженных сил продовольствием, оружием, боеприпасами и т. д. Возглавил эту комиссию князь В. И. Васильчиков, а делопроизводителем стал Зарудный. Сергей Иванович в этом качестве объехал большое количество городов и гарнизонов юга империи, общался с местными чиновниками и судьями. Комиссия выявила системные злоупотребления и воровство в армии. Наряду с наказанием виновных были представлены доклады об изменении ситуации. Добрые отношения Зарудного и Васильчикова продолжались до смерти князя (1878).

С восшествием на престол Александра II, казалось бы, тупиковая ситуация стала выправляться. В 1857 г. Зарудный назначается помощником статс-секретаря департамента гражданских и духовных дел Государственного совета. Сергей Иванович уже был известен в столичных кругах как организованный и разбирающийся в дебрях законодательства человек. Главной задачей в тот момент было разобраться и сделать предложения по судоустройству и судопроизводству.

Идеи упоминавшегося нами графа Блудова, госсекретаря, а также будущего председателя комиссий для составления проектов судебных уставов Владимира Петровича Буткова и Сергея Ивановича Зарудного совпали. Можно сказать, что с этого момента правовая работа по судебной реформе началась.

В 1857 г. Зарудный становится помощником госсекретаря Буткова и занимается подготовкой судебной реформы.

В 1858 г. госсекретарь отправляет Сергея Ивановича в командировку в Европу для ознакомления с работой судов. Зарудный представил многочисленные отчеты, которые использовались при подготовке законодательных актов. После ряда публичных выступлений Зарудный подвергся нападкам как

юристов, так и любителей старины глубокой. Аргументы и простые, и известные: не юрист, либерал, насмотрелся там (Франция, Италия и др.). Однако ни в Госсовете, ни в Собственной Его Императорского Величества канцелярии это откликов не нашло[690].

Между тем консервативная партия отнюдь не дремала. Ее главный, так сказать, агент в правительстве В. Н. Панин всеми силами тормозил работу над судебной реформой, и на рубеже 1860-х гг. она практически застопорилась. Впрочем, после смерти Я. И. Ростовцева на графа Панина было возложено председательство в Редакционных комиссиях по крестьянскому делу с освобождением его от управления министерством юстиции[691]. Панин переключился на торможение крестьянской реформы, правда, как мы знаем, не очень в этом преуспел. Зато судебная реформа оказалась наиболее радикальной среди всех Великих реформ.

Зарудный активно участвовал в подготовке доклада о состоянии дел в судах и проектах уставов гражданского и уголовного судопроизводства. Подготовленный в 1861 г. доклад Буткова был представлен императору. Доклад готовился при активном участии Блудова и Зарудного. Документ содержал программу пошагового реформирования судов. Государственный совет утвердил доклад 23 октября 1861 г.

После названного доклада руководство преобразованиями окончательно перешло к В. П. Буткову и С. И. Зарудному. Сергей Иванович предложил привлечь молодых, но уже опытных правоведов, что само по себе было удивительно, поскольку ранее этим всегда занимались представители власти.

В 1859 г. Зарудный подключается к подготовке актов, посвященных крестьянской и другим реформам. Он входит в Комиссию о губернских и уездных учреждениях, участвует в редакционных комиссиях, а также заседаниях Госсовета, посвященных крестьянской реформе.

Судебная и крестьянская реформы были неразрывно связаны. Как отмечал Сергей Иванович: «При крепостном праве, в сущности, не было надобности в справедливом суде. Настоящими судьями были тогда только помещики… Они были судьями народа; они же были и исполнителями своих решений»[692].

Как мы уже указывали в § 5 настоящей главы, первоначально император утвердил Основные положения судебной реформы, на базе которых были подготовлены и утверждены законодательные акты, регламентирующие новое судоустройство и судопроизводство. Практически на всех официальных и неофициальных обсуждениях Зарудный был вместе с министром

юстиции Замятниным одним из главных проводников в жизнь идей и принципов судебной реформы.

20 ноября 1864 г. император утвердил Учреждение судебных установлений.

Сергей Иванович был полон сил и энергии, ему было чуть больше 40 лет, но он, конечно же, был сильно измотан и морально, и физически.

> **Каждый год 20 ноября Сергей Иванович собирал друзей, причастных к судебной реформе. А. Ф. Кони с грустной иронией писал: «Но годы шли, кружок друзей и его лично, и судебных уставов вообще редел, менялись люди и взгляды»**[693].

После удаления с поста министра юстиции Д. Н. Замятнина, державшего на себе основной удар за реформу, его друг и соратник Сергей Иванович также сдавал свои позиции, и 1 января 1869 г. Зарудного формально повысили, сделав сенатором, но уход из Госсовета означал прекращение активного влияния на подготовку законов. Ему оставалось только заниматься несвойственными и не очень динамичными делами Сената: писать замечания на те или иные проекты и судебные дела. Отдушиной его кипучей натуре была творческая деятельность. Он написал много работ по гражданскому праву, о судах и сделал много переводов.

Наряду с многочисленными проектами, докладами и записками Зарудный публикует статьи и книги. Назовем лишь некоторые: основные труды по вопросам судебной реформы – «Об отделении вопросов факта от вопросов права» (1859), «Судебные уставы с изложением рассуждений, на коих они основаны» (ч. 1–5, 1866); по гражданскому праву следует выделить «Об исследовании системы русских гражданских законов» (1859), «Охранительные законы частного гражданского права» (1859), «Гражданское уложение Итальянского королевства и русские торговые законы» (1870), «О необходимости полного издания гражданских законов 1857 г. и согласования их со всеми последующими узаконениями» (1873), «Письма опытного чиновника 40-х гг. младшему собрату, поступающему на службу» (опубликовано после смерти, в 1899 г.).

Сергей Иванович Зарудный умер в 66-летнем возрасте 18 декабря 1887 г. в железнодорожном вагоне недалеко от Ниццы, куда ехал на лечение. Там он и похоронен.

10

Дмитрий Николаевич Набоков

По семейным преданиям, начало роду Набоковых положил обрусевший еще в XVI в. татарский князь Набок Мурза[694]. В этой старинной прославленной дворянской семье, состоявшей в родственных отношениях с Аксаковыми, Шишковыми, Пущиными и Данзасами, **19 июня 1827 г. в Пскове родился сын Дмитрий Набоков.** Это был второй из 13 детей Николая Александровича и Анны Александровны, в девичестве Назимовой.

Николай Набоков служил морским офицером, ходил и во внутренних водах, и в заграничные гавани. Произведенный в 1817 г. в лейтенанты флота, он участвовал в исследовании Новой Земли, и одну речку даже назвали там его именем. 14 февраля 1823 г. Николай Александрович вышел в отставку «по домашним обстоятельствам» с правом ношения мундира.

Двоюродный брат Анны Александровны, Гавриил Петрович Назимов, был дружен с А. С. Пушкиным, который после декабристского мятежа часто приезжал в Псков из Михайловского, чтобы узнать о судьбе арестованных друзей. Жена Ивана, старшего брата Николая Александровича, была сестрой декабристов Ивана и Михаила Пущиных. В декабре 1826 г., уезжая из Псковской губернии и прощаясь с Набоковыми, поэт оставил им для пересылки в Сибирь свое знаменитое послание к Пущину: «Мой первый друг, мой друг бесценный!»[695]

Дмитрий Набоков окончил Императорское училище правоведения. Учился вместе с К. П. Победоносцевым; как во время учебы, так и после они поддерживали отношения, однако во время правления Александра III именно Победоносцев добился смещения Набокова с поста министра юстиции.

После обучения 1 мая 1845 г. получил назначение в Сенат младшим помощником секретаря Второго (законодательного) отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Через год Набоков перевелся губернским стряпчим по казенным делам в Симбирскую губернию, где тогда работал его отец. Благодаря своим знаниям и большой работоспособности Дмитрий уже 26 октября 1848 г. был назначен товарищем председателя Симбирской палаты гражданского суда, успешно завершил давно лежавшие без движения старые судебные дела, за что получил поощрение от губернатора.

В августе 1850 г. Набоков вернулся в Санкт-Петербург, где благодаря своему великолепному знанию юриспруденции, прежде всего гражданского права, а также коммуникабельности быстро продвигался по службе. Министр юстиции граф В. Н. Панин взял

способного молодого человека в аппарат министерства на должность чиновника для особых поручений. Затем Дмитрий Николаевич непродолжительное время служил товарищем председателя Санкт-Петербургской палаты гражданского суда, а в 1851 г. был назначен редактором Третьего (гражданского) отделения департамента Министерства юстиции и затем – начальником законодательного отделения.

В 1853 г. Набоков перешел в комиссариатский департамент Морского министерства на должность вице-директора и был принят в команду константиновцев.

Как мы уже говорили, Константин Николаевич со своими коллегами активно готовил Великую реформу. Работа Набокова в министерстве была довольно далека от юриспруденции, тем не менее он продолжал внимательно следить за законодательством и был в курсе всех дел судебного ведомства, и в меру сил участвовал в подготовке проектов Великой реформы.

В феврале 1861 г. он, к тому времени уже действительный статский советник, возглавил один из департаментов Морского министерства.

Подлинный и стремительный взлет карьеры Дмитрия Николаевича начался в 1862 г. Великий князь Константин Николаевич, назначенный наместником Царства Польского, взял его с собой в Варшаву. Тогда же Набоков был пожалован в гофмейстеры двора его величества[696].

В 1864 г. Дмитрий Николаевич стал сенатором, присутствующим в Первом отделении третьего департамента Правительствующего сената, а с 1866 г. был пожалован статс-секретарем и до 1867 г. присутствовал в только что образованном в соответствии с Судебными уставами гражданском кассационном департаменте Сената. Таким образом, ему пришлось участвовать в первых шагах практического осуществления судебного преобразования.

Однако длилось это недолго. В 1867 г. благодаря протекции великого князя Константина Николаевича он был назначен главноуправляющим Собственной Его Императорского Величества канцелярии по делам Царства Польского. В этой должности он пребывал девять лет, много и деятельно занимаясь вопросами гражданского преобразования в Польше и введением судебной реформы на русских началах. Знаменитый российский юрист, государственный и общественный деятель А. Ф. Кони так характеризовал деятельность Д. Н. Набокова: «Быть многолетним

сотрудником великого князя, чей образ давно пора вызвать к свету во всей нравственной красоте его служения богу родины, значило быть сопричастником тех возвышенных мыслей и глубокой веры в душевные силы русского народа, которыми были проникнуты великодушные начинания Царя-Освободителя. Таким сотрудником-сопричастником и был Набоков»[697].

В 1876 г. Дмитрий Николаевич был назначен членом Государственного совета и произведен в действительные тайные советники. Он всегда был истинным приверженцем судебных преобразований в России и одним из лучших знатоков Судебных уставов. По свидетельству журналиста С. Ф. Либровича, о Набокове говорили, что «это не человек, а ходячий свод законов». Однако он не столько признавал букву закона, сколько его дух и внутренний смысл[698].

30 мая 1878 г. Д. Н. Набоков занял пост министра юстиции и генерал-прокурора.

Некоторые его недоброжелатели злословили по этому поводу, говоря, что он получил портфель министра «по протекции Веры Засулич». Это был намек на причины освобождения предыдущего министра юстиции графа Палена[699]. Речь идет об известном деле Веры Засулич, которая 5 февраля 1878 г. выстрелила в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, отдавшего приказ о порке политического заключенного народника А. С. Боголюбова за то, что тот не снял перед ним шапку (приказ Трепова был вопиющим нарушением закона о запрете телесных наказаний от 17 апреля 1863 г.). Засулич была немедленно арестована. По закону за подобные преступления полагалось от 15 до 20 лет тюремного заключения. Однако суд присяжных 12 апреля 1878 г. полностью оправдал Засулич, что было восторженно встречено в обществе. На оправдательный вердикт присяжных повлияла и позиция председателя суда Анатолия Фёдоровича Кони и защитника Петра Акимовича Александрова.

Между тем с начала Судебной реформы прошло уже 15 лет, вдохновители и организаторы Великих реформ давно покинули правительство, и на долю Дмитрия Николаевича выпали арьергардные бои по защите завоеваний судебной реформы.

«…Судебные учреждения наши стали совсем не те, что ожидалось от них при введении Уставов. Кое-что в них быстро обветшало, а иное приняло совсем нежеланные формы. Рутина понемногу стала усаживаться на место живого дела, и образ судебного деятеля начал мало-помалу затемняться образом судейского чиновника»[700], – писал А. Ф. Кони.

Период службы Дмитрия Николаевича в качестве министра юстиции совпал с резким нарастанием активности экстремистских элементов. 4 августа 1878 г. был убит шеф жандармов Н. В. Мезенцев; 2 апреля 1879 г. было совершено покушение на жизнь императора; 12 февраля 1880 г. прогремел взрыв в Зимнем дворце. В ответ власти наращивали репрессии. 9 августа 1878 г. был принят закон «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленному для военного времени».

Конечно, министр юстиции и генерал-прокурор Набоков не мог остаться в стороне от этой войны власти с экстремистами.

Он поддерживал обвинение против отставного коллежского секретаря А. К. Соловьёва, покушавшегося на императора 2 апреля 1879 г. Процесс закончился вынесением смертного приговора, который был приведен в исполнение.

Он также активно участвовал в подготовке и проведении суда над участниками цареубийства, оказывая давление на председателя Особого присутствия Э. Я. Фукса. Назначенный им для поддержания обвинения прокурор Н. В. Муравьёв впоследствии стал министром юстиции.

Дмитрий Николаевич выступал против широко распространившейся тогда идеи принятия конституции как единственного средства против революционного движения, поскольку считал, что это будет уступкой преступным элементам, которые стремятся не к торжеству закона, а к анархии. Тем не менее он горячо поддерживал план Лорис-Меликова по возможно более широкому привлечению общественности к обсуждению насущных проблем государства.

В 1881 г. императором стал Александр III. Несмотря на активное участие в жестком столкновении с противниками продолжения реформ во главе с К. П. Победоносцевым по вопросу принятия плана Лорис-Меликова, Набоков смог сохранить пост министра юстиции еще на четыре года, кстати сказать, тогда при поддержке того же Победоносцева. Началось время контрреформ, все достижения судебной реформы постепенно сводились на нет. Дмитрий Николаевич как мог сопротивлялся этому процессу.

Например, демократические преобразования столкнулись с финансовыми затруднениями. Многие присяжные заседатели, будучи отнюдь не состоятельными людьми, зачастую, приехав в город на процесс, быстро проедали свои последние крохи, нанимались чистить дворы, возить дрова или осуществлять

прочую черновую работу, а то и просить подаяние. Были даже случаи, когда крестьяне присяжные заседатели закладывали свою носильную одежду, чтобы пропитаться. Попытки ввести вознаграждение для крестьян за работу присяжными заседателями встретили решительный отпор. Понятно, что таким, с позволения сказать, присяжным нелегко было противостоять разного рода соблазнам. Так что говорить об их беспристрастности было трудно.

Да и разобраться в сложных делах крестьянам было трудно. Этим пользовались нечистоплотные судейские чиновники, «услужливо забывавшие» включать в списки присяжных состоятельных граждан, зато включавшие в эти списки практически всех крестьян поголовно.

Кроме того, обе стороны процесса могли без объяснения причин просто вычеркнуть по шесть человек из списка 30 присяжных. Таким образом, состав коллегии присяжных заседателей образовывался искусственно с устранением из него полезных сил и введением в него преобладания «бессознательного элемента»[701]. Этот факт давал повод противникам реформ говорить о неэффективности суда присяжных и предлагать отменить его.

Поэтому в 1883 г. Дмитрий Николаевич внес в Государственный совет проект о предоставлении внесенным в общие списки присяжных право требовать своего из них исключения по мотивам отсутствия средств к пропитанию во время сессии. Это предложение было принято уже после отставки Набокова с поста министра юстиции. Тем не менее 12 июня 1884 г. был принят закон, по которому число отводимых присяжных было ограничено шестью, по трое для каждой стороны. Считается, что этот закон на время прекратил натиск на суд присяжных со стороны реакционеров.

Кроме того, нередки были случаи недобросовестного исполнения своих обязанностей и судьями. Этому способствовала как низкая квалификация некоторых из них, так и привходящие жизненные обстоятельства, например их долги, нарушение судьями общепринятых норм морали, корыстный интерес в исходе того или иного дела. Поэтому 20 мая 1885 г. Набоковым был внесен закон, позволявший отстранять от должности судей по перечисленным выше основаниям. Некоторые увидели в этом покушение на принцип несменяемости судей, однако на самом деле это была своеобразная прививка против все усиливавшихся в то время попыток отменить принцип несменяемости судей

вообще и поставить их в полную зависимость от административной машины. Этим компромиссом «было куплено сохранение начала несменяемости в его точно определенном очертании»[702].

Современники, оценивая деятельность Дмитрия Николаевича по сохранению достижений судебной реформы на посту министра юстиции и генерал-прокурора, отмечали, что «он действовал как капитан корабля во время сильной бури – выбросил за борт часть груза, чтобы спасти остальное»[703].

С 1882 г. Набоков председательствовал в Особом комитете для составления проекта Гражданского уложения, а в 1884 г. совместно с Э. В. Фришем, тогда главноуправляющим кодификационным отделом при Государственном совете, руководил работой Комитета по пересмотру действующих уголовных законов и разработке нового Уголовного уложения. Однако сколько-нибудь заметного продвижения на пути развития материального законодательства добиться не удалось, а усовершенствование одной только процедуры отправления правосудия не могло решить всех назревших проблем.

Рано или поздно константиновское прошлое и упорное сопротивление контрреформам ретроградов не могли не сказаться на карьере Набокова. **6 ноября 1885 г. Дмитрий Николаевич был освобожден от должности министра юстиции.** Александр III предложил ему на выбор либо графский титул, либо денежное вознаграждение. Набоков выбрал второе. После отставки он сохранил пост статс-секретаря императора, а также оставался членом Государственного совета и сенатором. Его заслуги были отмечены многими наградами Российской империи, в том числе орденом Св. Андрея Первозванного.

Годы и многочисленные недуги взяли свое, и **15 марта 1904 г. Дмитрий Николаевич Набоков скончался**. Похоронен на Никольском кладбище Свято-Троицкой Александро-Невской лавры г. Санкт-Петербурга[704].

Своеобразной эпитафией непростой службе Д. Н. Набокова по праву могут служить слова Анатолия Фёдоровича Кони: «Что же, однако, сделал Набоков? – спросят нас, быть может. – Где следы его созидательной работы, где его победы и завоевания в области судебного устройства? – На это можно ответить указанием, что не только в военном деле, но и в гражданской, мирной с виду, деятельности бывают времена, когда нечего думать о завоеваниях и покорениях. Если ожесточенный неприятель силен числом, разнородным оружием и средствами разрушения, то приходится иногда переживать долгую и трудную осаду, замыкаясь в тесные

окопы, сплотившись около цитадели и не растрачивая сил на бесполезные и даже пагубные для осажденных вылазки. Такую осаду пришлось выдержать Набокову за время его министерства, и, уходя со своего поста, он имел право сказать, что отсиживался стойко и с терпеливым достоинством, не пожертвовав ничем существенным, оберегая честь и спокойствие воинства, во главе которого он был поставлен. Будущий историк русского судебного дела увидит яснее, чем современники, как трудна была задача, выпавшая на долю третьего „министра по Судебным уставам“, сколько тяжелых нравственных испытаний должен он был пережить – и воздаст ему справедливое»[705].

Роль Дмитрия Николаевича Набокова как соучастника судебной реформы, охранителя правовых норм в социальном пространстве страны трудно переоценить. Говоря о Дмитрии Николаевиче, нельзя не вспомнить и о его сыне Владимире Дмитриевиче Набокове, тоже блестящем юристе и политике рубежа XIX–XX вв., а также внуке Владимире Владимировиче Набокове, великом русском и американском писателе.

11
Заключение к главе 3

Правление императора Александра II Николаевича довольно трудно представить в каком-то одном свете.

Современная история освещает в основном реформаторскую деятельность государя. Кроме крестьянской, земской, городской и судебной реформ, о которых мы рассказали, были осуществлены:

– реформа образования, когда было разрешено создание частных учебных заведений, созданы классические гимназии и реальные училища, а также средние и высшие учебные заведения для женщин, университетам предоставлена автономия (лидер реформы – А. В. Головнин, министр народного просвещения в период 1861–1866 гг.);

– военная реформа, заключавшаяся во введении всесословной воинской повинности и перевооружении армии (лидер реформы – военный министр Д. А. Милютин в период 1861–1981 гг.);

– финансовая реформа 1860–1864 гг., заключавшаяся в учреждении Государственного банка, передаче всех полномочий по распоряжению бюджетом в Министерство финансов, отмене откупов на косвенные налоги, замене подушной подати с мещан на налог на недвижимость, создании счетных палат во всех губерниях для контроля расходования бюджетных средств (идеолог – государственный контролер В. А. Татаринов, лидер – министр финансов М. Х. Рейтерн в период 1862–1878 гг.).

Все эти реформы были спроектированы силами либеральной части ответственной бюрократии в условиях постоянной борьбы с консервативной партией, которая впоследствии занималась их реализацией, и потому они получились весьма половинчатыми.

Тем не менее крестьяне стали полноправными подданными, суд – независимым, а судопроизводство перестало быть инквизиционным и стало состязательным: решение выносилось не только на основании бумаг, но прежде всего на основе выступления сторон – обвинения и защиты.

Политически активная часть общества рукоплескала реформам, а, казалось бы, главный бенефициар – крестьяне – восприняли их «спокойно, хладнокровно, как принимается массою всякая мера, исходящая сверху и не касающаяся ближайших интересов – Бога и хлеба. Интеллигенция по недостатку внимания, изучения умоначертания низшего класса изумлялась этому равнодушию, приписывала его или великим качествам народа, или его недопониманию, кипятилась своим собственным жаром, подзадоривая себя опьяняющим словом „свобода“; а мужичок оставался спокойным, не обращая внимания на происходившее около него беснование… Простого человека свободою опьянить нельзя, ему надобно показать осязательно, что выгоднее, но этого вдруг показать было нельзя… Скажите простому человеку: „Ты свободен“, и он станет в тупик; что он будет такой же, как его барин, – это он поймет, но сейчас спросит: „А имение-то как же? Пополам или все мне?„…ему нет дела до барина… ему нужно только обеспечить себя насчет ближайших земельных отношений“[706].

Крестьяне были уверены, что хороший царь дал им и свободу, и землю, а плохие помещики их обманули.

Резко выросло количество крестьянских волнений. Но, выступая перед крестьянскими старостами спустя полгода после подписания Манифеста об освобождении, Александр II заявил без обиняков: „Ко мне доходят слухи, что вы ожидаете другой воли. Никакой другой воли не будет, как та, которую я вам дал“[707].

А тут еще Польское восстание 1863–1864 гг. в очередной раз обнаружило, что чем больше делаешь либеральных уступок, тем выше требования подданных, которые быстро доходят до невозможных, с точки зрения власти, конечно.

Либеральная часть ответственной бюрократии вышла из

фавора и в основном была заменена консерваторами, которые не то чтобы пытались отменить реформы, но всячески тормозили и извращали.

Обида за крестьян, да и демократические веяния среди образованного населения вызвали к жизни революционные настроения и организации, которые развязали террор против аристократии и самого царя. В ответ последовали репрессии.

Потому советская история упирала на реакционную сущность правления Александра II, называя его душителем свободы и преследователем прогрессивных деятелей. И это имело свои основания, если судить по тому, что писали о правлении Александра Николаевича в 70-е гг. мыслители и деятели культуры XIX в., которых в основном и изучали в советской школе.

Понимая, что в условиях нарастающего террора со стороны революционеров ситуация в стране вот-вот может выйти из-под контроля, император и консервативная партия, доминировавшая в правительстве, решили пойти на крайние меры, создав репрессивную структуру с диктаторским полномочиями.

Однако Главный начальник этой самой Верховной Распорядительной комиссии М. Т. Лорис-Меликов понимал, что ликвидировать крамолу, не подорвав ее поддержку со стороны общества, невозможно никаким закручиванием гаек. Поэтому он предложил вместо усиления репрессий осуществить масштабную, как сейчас говорят, пиар-кампанию с целью перетягивания на свою сторону лидеров общественного мнения. Но не успел из-за гибели царя.

Однако был и третий аспект правления Александра II, а именно: осуществление неизбывной миссии мегамашины Российской империи – территориальной экспансии.

При Александре Николаевиче империя достигла максимальных размеров своей территории.

Наконец была завершена продолжительная (1817–1864) Кавказская война, окончившаяся покорением Дагестана, Чечни и Черкесии, а также присоединением Карсской области в Закавказье, включая Батуми. По договору с Китаем (1857) к России отошел весь левый берег Амура, а пекинский договор (1860) предоставил России и часть правого берега между р. Уссури, Кореей и морем. Наиболее крупные территориальные приобретения были сделаны в Средней Азии: в 1865–1881 гг. в состав России вошла большая часть Туркестана. Правда, в 1867 г. пришлось продать Аляску[708]. В 1875 г. Япония уступила не принадлежавшую еще России часть Сахалина взамен

Курильских островов. Уступка на 20 лет обеспечила нейтралитет США и Японской империи по отношению к действиям России на Дальнем Востоке и дала возможность освободить необходимые силы для закрепления более пригодных для проживания территорий.

Главной гордостью Александра Николаевича стала очередная Русско-турецкая война 1877–1878 гг., которая, как водится, не дала никакого территориального приращения, но зато принесла освобождение балканским народам (Румыния, Сербия, Черногория и фактически Болгария) от османского ига.

Однако на фоне сплошных побед случались и отдельные неудачи. В частности, грандиозный скандал в благородном императорском семействе.

22 мая 1880 г. умерла супруга Александра II императрица Мария Александровна, с которой он нажил восемь детей. Едва дождавшись окончания 40-дневного траура, завершавшегося 30 июня, Александр Николаевич уже 6 июля повенчался со своей многолетней любовницей Екатериной Михайловной Долгоруковой, от которой имел в тот момент трех детей. Изданным 5 декабря 1880 г. Именным указом император пожаловал ей титул „светлейшей княгини Юрьевской“. Чувствуя, что ходит под Богом, Александр Николаевич стремился обеспечить будущее Екатерины и ее детей и с этой целью вознамерился ее короновать[709]. Цесаревич Александр Александрович (и не только он) называл это намерение позором для династии Романовых.

Пошли разговоры на тему, старший сын какой из коронованных жен императора наследует престол. При этом ссылались на прецедент Елизаветы Петровны, дочери Петра I, которая стала императрицей, хотя была рождена до коронации Екатерины I, т. е. в морганатическом браке, как и дети Екатерины Михайловны.

Нет никаких доказательств, что Александр II на самом деле лелеял коварные планы лишить Александра Александровича престолонаследия, но и одних разговоров было достаточно, чтобы цесаревич напрягся. Между ним и отцом пролегла тень взаимного непонимания и недоверия. К тому же Александр Александрович попал под влияние обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, ставшего к тому времени ярым противником Великих реформ.

Александр III не только отменил второй этап реформ, но и сделал все, чтобы дискредитировать судебную и земскую реформы.

Заседание Комитета министров, посвященное обсуждению правительственного сообщения о подготовке закона, приводящего в исполнение предложения о привлечении общественных представителей к законосовещательной деятельности, все-таки состоялось, хотя не 4-го, как планировалось, а 8 марта. Государь предложил министру внутренних дел М. Т. Лорис-Меликову зачитать текст доклада, записанный в журнале Особого совещания и одобренный 17 февраля 1881 г. покойным императором.

Среди прочего в докладе содержалась фраза, что принятые министром внутренних дел меры «оказали и оказывают благотворное влияние на общество в смысле успокоения тревожного состояния оного»[710]. Через неделю после убийства Александра II террористами это утверждение выглядело, мягко говоря, чудовищным преувеличением. Напомним, что текст был составлен до гибели императора. «В этом месте государь прервал чтение словами: „Кажется, мы сильно заблуждались“»[711], – писал в своем дневнике участник заседания госсекретарь Егор Абрамович Перетц.

Специально приглашенный ветхий (86 лет) сенатор С. Г. Строганов заявил, что «путь этот (реализация предложений Лорис-Меликова. – Прим. авт.) ведет прямо к конституции, которой я не желаю ни для вас, ни для России…»[712]. Выступившие участники заседания П. А. Валуев, Д. А. Милютин, А. А. Абаза поддержали доклад Лорис-Меликова, подчеркивая, что о конституции речь не идет. Затем слово взял Победоносцев; он убеждал, что обсуждаемые меры непременно приведут к подрыву самодержавия. По словам Д. А. Милютина, «это было уже не одно опровержение предложенных ныне мер, а прямое огульное порицание всего, что было совершено в прошлое царствование; он осмелился назвать великие реформы императора Александра II преступною ошибкой!»[713]

На самом деле Строганов, Победоносцев и иже с ними оклеветали Михаила Тариеловича, который был ярым монархистом, охранителем самодержавия и упорно высказывался против выдвигавшихся предложений о создании народного представительства в форме западного парламента, или древнерусского веча, или Земского собора. «По глубокому моему убеждению, никакое преобразование, в смысле этих предположений, не только не было бы ныне полезно, но, по совершенной своей несовременности, вредно. Народ о них не думает и не понял бы их»[714]. Сам Александр II не раз публично высказывался, что «не только не имеет намерения дать России конституцию, но и впредь, пока жив, не сделает этой

ошибки»[715].

Большинство участников заседания[716] поддержали предложения Лорис-Меликова, но Александр III уже принял решение. Наложив на доклад министра внутренних дел клеймо «первый шаг к конституции», он издал манифест о незыблемости самодержавия, написанный Победоносцевым.

> **Правительство Александра II практически в полном составе ушло в отставку. Их возмущение можно было бы выразить словами: «Чего ради мы тут заседаем, спорим, голосуем, а император, даже не сообщив нам, принимает прямо противоположное решение?» Им очень ясно дали понять, что вся политическая власть сосредоточена исключительно в руках самодержца.**

Начиналось время, которое в советской историографии называют эпохой контрреформ. Все гайки кипящего котла общественного недовольства были наглухо завинчены. Рвануло через 36 лет.

Светлейшая княгиня Екатерина Михайловна Юрьевская (Долгорукова) пережила не только Александра II, но и Александра III, Николая II, а также события 1917 г. и скончалась в начале 1922 г. во Франции.

Эпилог

Существует мнение, что XIX в. длился дольше 100 лет и закончился в 1914 г., когда, гремя гусеницами машин смерти в клубах отравляющих газов, на поля Первой мировой войны выполз стальной XX в. Стало ясно, что технологический прогресс может быть смертельно опасен для человечества.

В золотом же XIX в. люди с восторгом встречали достижения науки и техники, связывая с ними надежды на прекрасное будущее. За это время сменилось три технологических уклада, открывая все новые перспективы усиления могущества человечества.

Первый технологический уклад (1770–1830) заменил мускульную энергию человека и животных энергией падающей воды и осуществил первую механизацию производства в основном в текстильной промышленности. В ходе второго технологического уклада (1830–1880) на первый план вышла энергия горения углеродного топлива, появились паровые машины, пароходы и паровозы и, соответственно, железные дороги.

Третий технологический уклад относится к 1880–1930 гг., когда важнейшим источником энергии стали углеводороды, появился двигатель внутреннего сгорания, широко распространилось использование электроэнергии. Этот уклад настолько изменил образ жизни людей, социальную и политическую ситуацию в мире и в России в частности, что последняя треть XIX и начало XX в. требуют отдельного рассмотрения. Этот период мы называем серебряным веком государства и права и надеемся его рассмотреть в следующей книге.

Впрочем, и возникновение первых двух укладов в значительной степени потрясло мир.

Создание поточного производства, прежде всего в странах-лидерах первого уклада – Великобритании, Франции и Бельгии, – привело к увеличению городского населения и возникновению мещанского мировоззрения, о котором мы упоминали еще в прологе. Структура социума в передовых странах значительно изменилась, и система управления перестала соответствовать запросам общества. Возникла необходимость разделения политической и распорядительной (административной, исполнительной) властей. Появилась европейская (ответственная) бюрократия.

Мещанское мировоззрение отвергло

легитимность власти, основанную на традиции и харизме, – власти королей и аристократов.

И то сказать, вероятность, что автократ, получивший власть по наследству, окажется тонким политиком и незаурядным управленцем одновременно, близка к нулю и может реализоваться только в результате немыслимого совпадения счастливых обстоятельств. Конечно, хорошая подготовка наследника может как-то поправить дело, но талант или хотя бы способности все равно необходимы.

Поэтому легитимность власти должна быть основана на процедуре, соответствующей Закону, принятому представителями, избранными большинством населения. Одним словом, только конкуренция способна выявить наиболее подходящего претендента в лидеры государства.

Первыми этот принцип провозгласили Соединенные Штаты Америки в своей Конституции 1787 г. Через два года принципы республиканского устройства государства провозгласила Французская революция. Произошло это на пике первого технологического уклада.

Со времен Петра Великого Российская империя в целом находилась в общеевропейском тренде. Республиканские идеи проникли в страну еще при Екатерине II, а наследник престола Александр Павлович и вовсе был воспитан швейцарским якобинцем Лагарпом. Мысль о неэффективности самодержавия пришла будущему императору еще в юности: «Вот, дорогой друг, важная тайна… В наших делах господствует неимоверный беспорядок, грабят со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя… стремится лишь к расширению своих пределов. При таком ходе вещей возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправлять укоренившиеся в нем злоупотребления?»[717] – писал он своему другу В. П. Кочубею в мае 1796 г.

Поэтому, став императором, он стремился привлекать к управленческой деятельности своих друзей и единомышленников. Сначала это были друзья детства из Негласного комитета, потом гениальный бюрократ Сперанский, наконец, как его называли недоброжелатели, временщик Аракчеев. Конечно, ни о каком формальном делегировании хотя бы толики власти этим избранникам речи не шло. Александр понимал их как свое продолжение, как часть себя. На следующий день после низвержения Сперанского он жаловался князю Голицыну: «Если бы у тебя отсекли руку, ты, верно, кричал бы и жаловался, что тебе больно: у меня в прошлую ночь отняли

Сперанского, а он был моею правою рукой»[718].

Парадоксальная идея самодержавной республики, внушенная Александру I Лагарпом, носила сугубо имитационный характер, но даже попытка ее оформления, предпринятая Сперанским, обнаружила, что на пути реформы системы управления империей стоит непреодолимая стена. Эта стена – сплоченные ряды дворянства, все еще бывшего единственным сословием, вовлеченным в политику, и не желающего допускать в нее кого-либо еще. Фундаментом этой стены служила обусловленная происхождением и воспитанием органическая неспособность самодержца отказаться даже от малой доли своей власти, особенно политической. Иными словами, эта стена находилась внутри императора, и не только Александра I, но и всех его предшественников и последователей.

Так что всякие там разделения властей и создание ответственной бюрократии остались лишь в воображении молодого Александра I и его тогдашних единомышленников.

Были, конечно, и отдельные неожиданные решения на фоне обсуждений реформаторских идей. Например, дарование конституции Царству Польскому, т. е. его превращение в конституционную монархию при вполне правомочных представительном органе (Сейм) и правительстве, а также достаточно автономном от остальной империи суде. Однако в исторической перспективе включение в тело самодержавной империи национальных государств принесло одни неприятности.

Непредвиденно пришедший к власти император Николай Павлович никакого намерения разрушать упомянутую выше стену не проявил. Наоборот, постарался ее всячески укрепить, заняв круговую оборону против любых попыток смены принципа легитимации власти не только в России, но и в Европе.

Тем не менее в середине века на пике второго технологического уклада произошли т. н. буржуазно-демократические революции в европейских странах. В то же время все попытки проникновения революционных веяний в Российскую империю были успешно отражены Николаем I. Собственно, с отражения именно такой попытки он и начал свое царствование.

Дореволюционные историки относились к декабристам враждебно. Причем не только консерваторы, считавшие их государственными преступниками, но и либералы, полагавшие, что

преждевременное спонтанное выступление 14 декабря 1825 г. привело к 30-летнему периоду николаевской реакции и застою в развитии страны.

Впрочем, непосредственным триггером наступления реакции стало Польское восстание 1830 г., окончательно убедившее Николая и его присных, что всякие либеральные послабления вроде республиканских прожектов и дарования конституций только усугубляют крамолу и ведут к ослаблению самодержавия и в конечном счете к его краху.

В советское время к декабристам относились снисходительно, поскольку «далеки они от народа» и ничего не понимали в организации революций. Тем не менее думается, что опыт Французской революции был хорошо изучен мятежниками, и их, казалось бы, беспомощное поведение – стояли на плацу, ничего не предпринимая, пока их не расстреляли – указывает на то, что они как раз ждали поддержки от народа, в их понимании, а именно: либерально настроенных дворян и горожан. Но мещанская идеология еще не сильно овладела массами, и потому толпа, собравшаяся вокруг Сенатской площади, не выражала никакой солидарности, а смотрела на происходящее, как на театральное представление. В соответствии с христианской традицией лидеры декабристов предпочли добровольно взойти на Голгофу. Люди не приняли их, как и библейских героев, и в ответ они явили образец мученической самоотверженности, воспринятый впоследствии народовольцами.

Двумя самыми болевыми точками самодержавия долгое время были крестьянская проблема и правовой произвол, проистекавший из хаотичности законодательства.

Освобождение крепостных крестьян воспринималось прежде всего как морально-этическая проблема. Однако эта проблема была в неменьшей степени управленческой.

Так называемая вотчинная власть помещиков, вытекавшая из их права собственности на землю и крестьян, была жестко встроена в систему управления государством. Ликвидация вотчинной власти не могла не вести к коренной перестройке управленческой системы. Поэтому и Александр I, и Николай I ходили вокруг да около этого «зла для всех ощутительного и очевидного» и ограничились лишь некоторыми мерами – указами «О вольных хлебопашцах» и «Об обязанных крестьянах».

Создание Свода законов Российской империи, безусловно, – правовой и гражданский подвиг М. М. Сперанского и его

соратников. Однако это по-прежнему было законодательство самодержавия, и никаких инноваций в государственное устройство оно не внесло. Зато Свод послужил мощнейшим толчком к развитию российской юриспруденции и в конечном счете к обретению необходимой полноты права как системы деятельности в Российской империи. Появилась целая плеяда незаурядных отечественных правоведов. Уже этого было бы достаточно, чтобы объявить XIX в. золотым веком российского права. Однако процесс становления права в Российской империи в описываемый период на этом не остановился.

У Николая Павловича не было ни фаворитов, ни временщиков, ни визирей. Всю ответственность он полностью брал на себя, а от бюрократов требовал безусловного выполнения своих приказов и поручений. Даже самые мелкие вопросы он решал сам: например, если верить легенде, определение ширины железнодорожного полотна. Какая уж тут ответственная бюрократия.

Тем временем по мере усложнения структуры российского общества, прежде всего в результате второй технологической революции, идея замены традиционалистско-харизматической легитимации власти процедурной, происходящей от имени народа, приобретала все большее распространение. Образовался значительный слой политически активного населения, внутри которого кипели жаркие дискуссии о будущем государственном устройстве страны. Одни предлагали использовать парламент западноевропейского типа, другие – Земские соборы. Одни настаивали на республиканском правлении, другие – на превращении империи в национальное государство. Однако и западники, и славянофилы были политическими противниками сложившейся системы управления.

Попытка противопоставить этим веяниям официальную идеологию, утверждавшую, что власть царя тоже исходит от народа, когда-то выбравшего самодержавие в соответствии со своей православной верой, не была слишком удачной. Архаичное сознание крестьян не вмещало столь софистическую конструкцию, а люди трезвомыслящие всерьез ее не воспринимали.

Накал политических страстей достиг своего предела в ходе неудачной Крымской войны и вылился в массовые требования самых насущных реформ, прежде всего крестьянской. К тому же крупное военное поражение всегда ведет к резкому ослаблению автократии. Новый император

Александр II не мог этого не учитывать.

Осуществление Великих реформ (кстати сказать, так же на пике второго технологического уклада, как и отмена рабства в США) стало звездным часом ответственной бюрократии. Правда, проектировали и проталкивали реформы представители либеральной группировки, а осуществляли – консервативной. Любые реформы, а тем более такие кардинальные, ломают сложившийся порядок вещей, в то время как новый порядок еще только устанавливается и требует постоянных усилий по контролю осуществления начатых преобразований, по разъяснению и популяризации их краткосрочных и долгосрочных целей, а также ожидаемых изменений в жизни людей. Понятно, что в сложившихся обстоятельствах это условие не было выполнено.

Вроде бы сугубо социальная крестьянская реформа приобрела фискальный оттенок вследствие непомерных процентов на выкупную стоимость земли, что заметно усложнило выполнение крестьянами их обязательств, но зато обогатило казну. Кроме того, земли общего пользования оказались в собственности помещиков, и крестьянам приходилось их арендовать за деньги или за свое время, потраченное на отработку барщины, что повышало их зависимость от помещика.

Земская реформа, спроектированная либералами как реформа государственного управления, пусть и не затрагивающая высшие государственные органы, была сведена консерваторами к реформе местного управления. Весьма прогрессивная реформа образования вскоре обратилась в свою противоположность.

Наиболее удачной оказалась судебная реформа, которая не только заметно улучшила социально-политическую обстановку в стране за счет введения цивилизованного суда, в том числе и суда присяжных, но и привела к возникновению до этого отсутствовавшей сферы правовой деятельности – правозащитной. Появились адвокаты и нотариусы. Система правовой деятельности в России приобрела окончательную полноту. XIX в., точнее две первых его трети, для российского права стал еще более золотым.

Вполне успешными были военная и финансовая реформы.

Однако половинчатость крестьянской и провал земской реформ заметно обострили политическую обстановку в стране. Появились революционные партии, в том числе и экстремистского толка. Произошел ряд покушений на высокопоставленных государственных деятелей и самого императора. В ответ были развязаны репрессии. Образ царя-

освободителя заметно потускнел.

Власти предержащие в очередной раз убедились, что любые либеральные уступки обществу ведут к дестабилизации социума, поскольку только увеличивают запрос политически активной части общества на модернизацию системы управления.

Самодержец оказался в ситуации неразрешимого противоречия: с одной стороны, следует всячески сохранять существующий режим, а с другой – для этого необходимо во избежание острого кризиса модернизировать систему управления, что в корне подрывает самодержавие.

Чтобы разорвать замкнутый круг, ответственная бюрократия предложила проект, направленный прежде всего на модернизацию земской реформы. Предполагалось привлекать к работе законосовещательные органы, включая Госсовет, представителей земства. Для выработки соответствующего законодательства намечалось использовать опыт Редакционных комиссий и обеспечение широкой гласности при его обсуждении, как это было в случае разработки крестьянской и земской реформ.

Однако главное табу – незыблемость самодержавной власти – и в этот раз не было нарушено. И высшие бюрократы, и сам император не раз подчеркивали, что о принятии конституции, ставящей закон над самодержавной властью, и речи быть не может. Стена, воздвигнутая на пути модернизации системы управления империей, стояла непоколебимо, и прежде всего внутри самого самодержца. Во всех представителях дома Романовых было глубоко укоренено чувство ответственности за державу, которую (ответственность) невозможно с кем-либо разделить. И это чувство не мог поколебать даже инстинкт самосохранения.

Об эту стену и разбились Российская империя и династия Романовых в 1917 г., когда император Николай II предпочел отречься от престола, нежели согласиться на введение «ответственного министерства», т. е. правительства, назначаемого органом представительной власти, и отверг руку помощи, протянутую ему либеральной общественностью в начале войны[719].

Одни исследователи считают, что Великие реформы сильно запоздали и не могли повлиять на дальнейшую историческую траекторию Российской империи. Другие полагают, что именно в этот момент была упущена последняя возможность ввести конституционную монархию и обеспечить тем самым более

прогнозируемую и стабильную судьбу нашей страны.

Тем не менее произошло то, что произошло – система государственного управления все меньше отвечала требованиям социума, создавая тем самым объективные предпосылки революционной ситуации. Мысль о неизбежности свержения самодержавия все больше овладевала массами. Но разговор об этом – в следующих очерках.

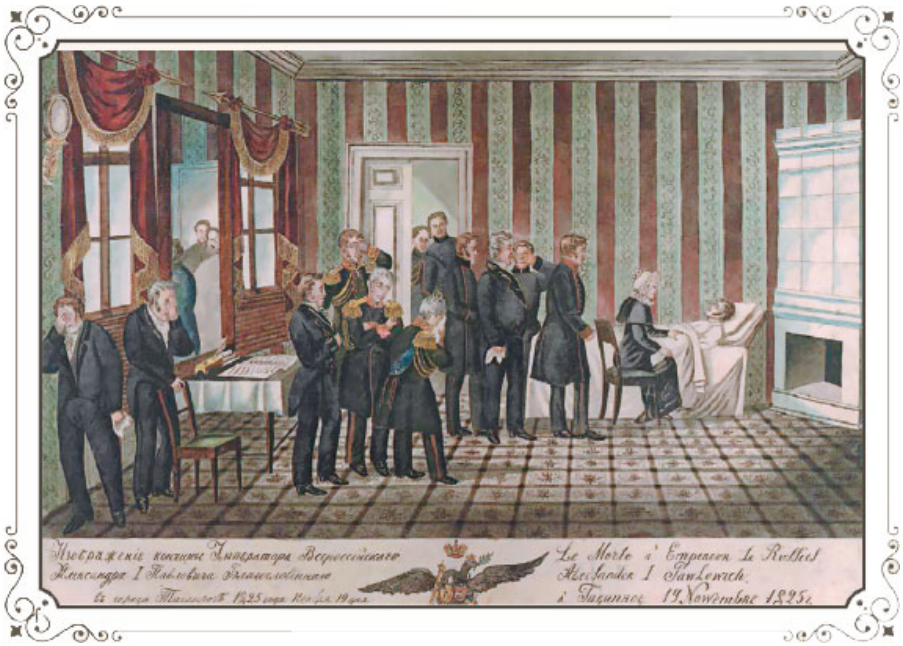
Иллюстрации

Портрет императора Александра I. Литография XIX в.

Император Александр I в своем кабинете в Зимнем дворце. 1810-е гг.

Жан Франсуа Дебре. Встреча двух императоров. 1807 г.

Великий князь Константин Павлович


Изображение кончины Императора Всероссийского
Александра I Павловича. Фландельманом
в городе Таганроге 1825 года Ноября 19 дня.
La Morte d' Empereur de Russie
Alexandre I Paulowitch
à Taganrog 19 Novembre 1825.

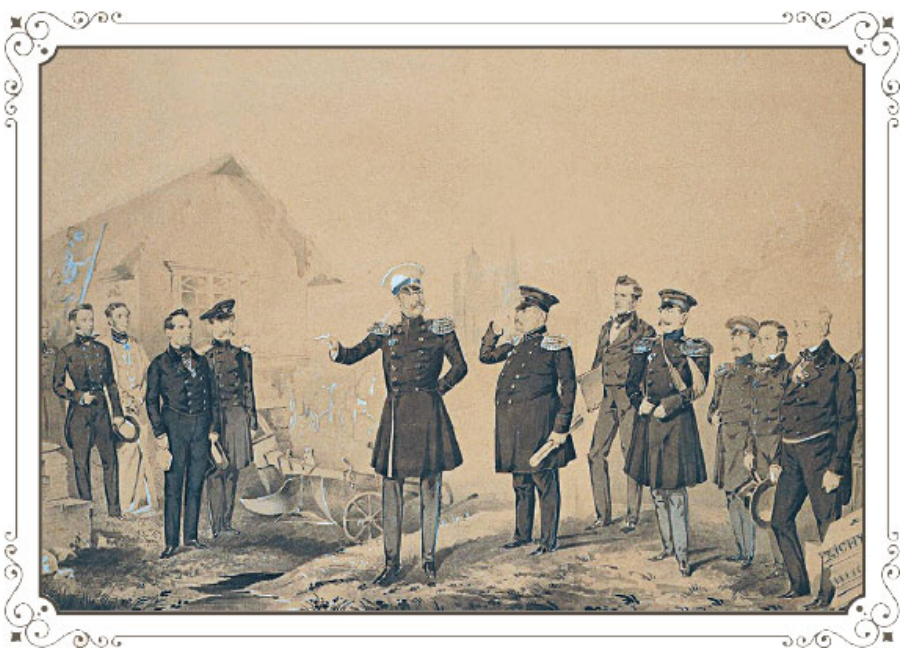
Смерть императора Александра I в Таганроге. 1825 г.

Великий князь Николай Павлович

К. И. Кольман. Восстание 14 декабря 1825 года на Сенатской площади в Санкт-Петербурге. 1830-е гг.

А. Д. Кившенко. Император Николай I награждает М. М. Сперанского за составление свода законов Российской империи. Вторая половина XIX в.

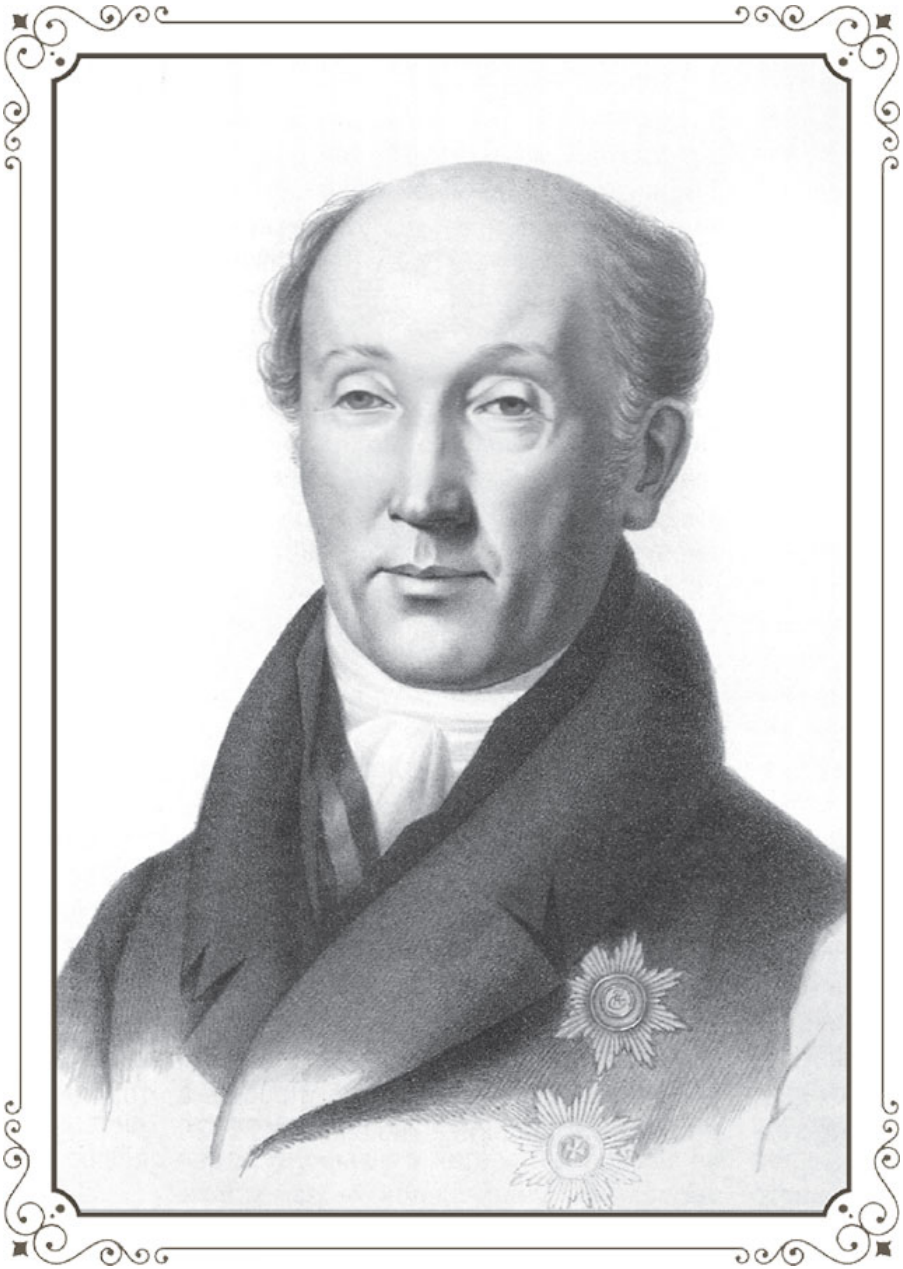
М. В. Добужинский. Город в николаевское время. 1908 г.



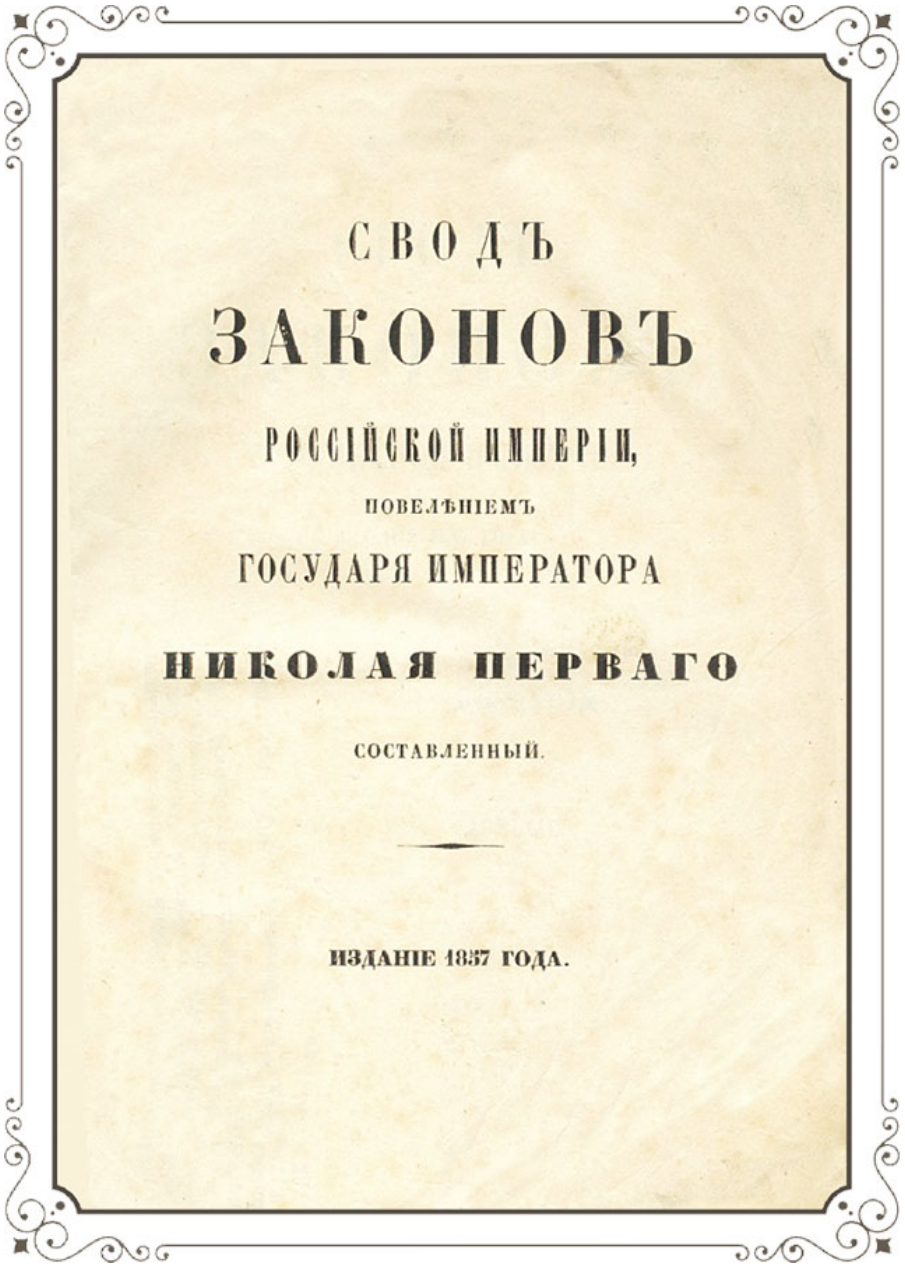
М. А. Зичи. Николай I инспектирует строительные работы. 1853 г.

Малый кабинет императора Николая I. Акварель. 30–40-е гг. XIX в.

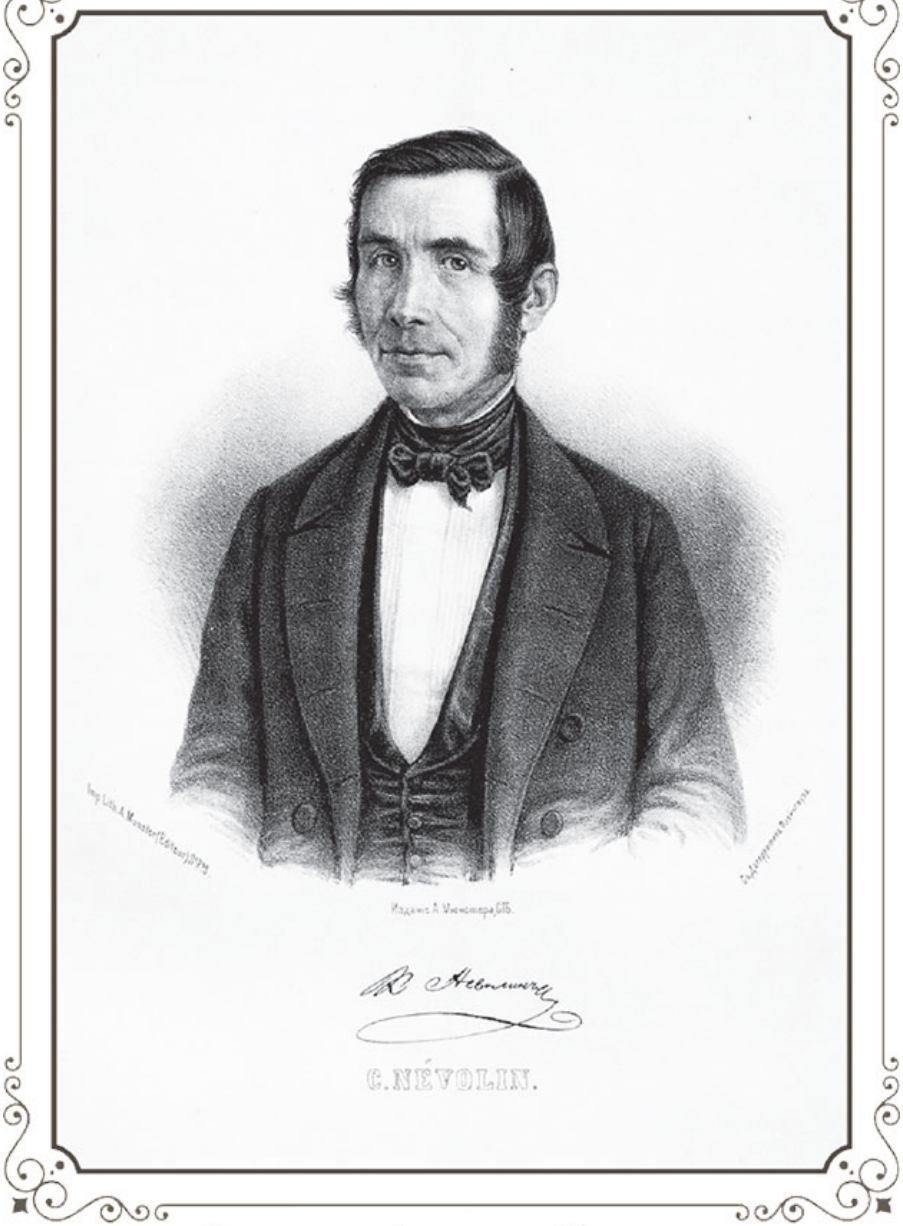
Д. Н. Кардовский. Оборона Севастополя в 1855 г. 1912 г.



Михаил Михайлович Сперанский


СВОДЪ
ЗАКОНОВЪ
РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ,
ПОВЕЛѢНІЕМЪ
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
НИКОЛАЯ ПЕРВАГО
СОСТАВЛЕННЫЙ.
ИЗДАНІЕ 1857 ГОДА.

Титульный лист свода законов Российской империи, составленный при императоре Николае I, издание 1857 г.



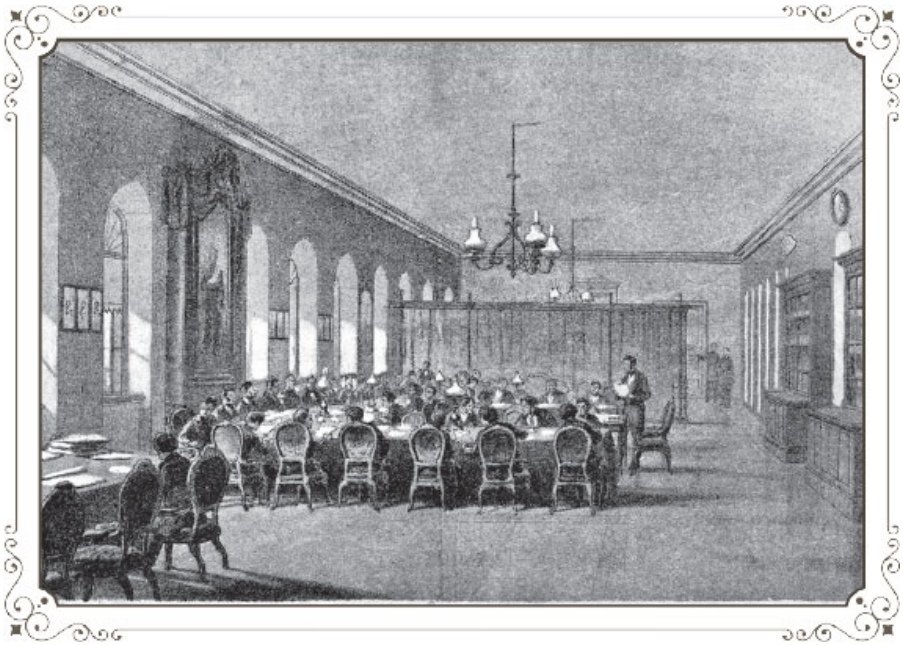
Константин Алексеевич Неволин

Константин Алексеевич Неволин

Д. И. Мейер

Павел Дмитриевич Киселёв

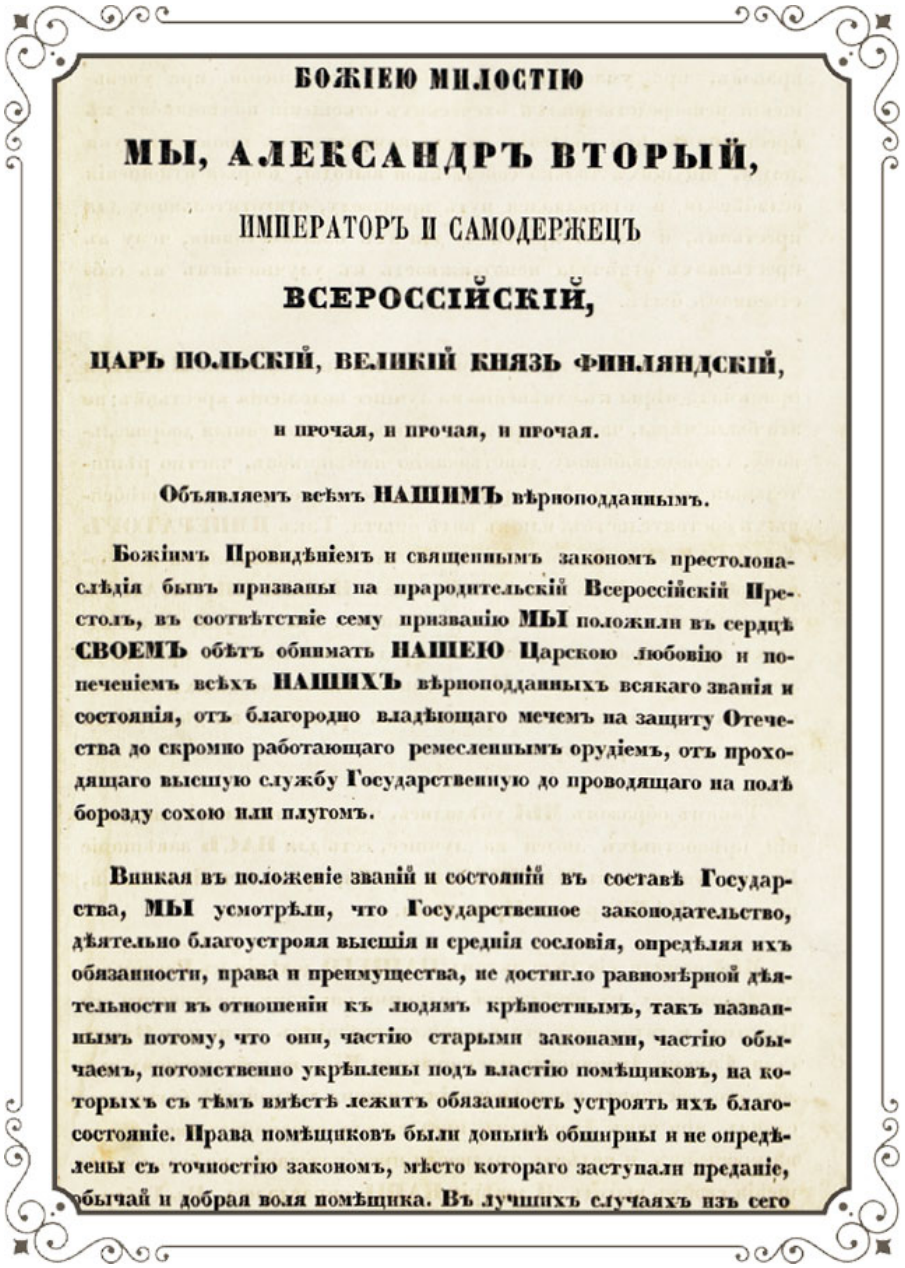
Великий князь Константин Николаевич



Заседание Редакционной комиссии по освобождению крестьян

Мировой посредник зачитывает со ступеней господского дома

Положение об освобождении крестьян



БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ НАШИМЪ вѣрноподданнымъ.

Божіимъ Провидѣніемъ и священнымъ закономъ престолонаслѣдія бывъ призваны на прародительскій Всероссійскій Престолъ, въ соотвѣтствіе сему призванію МЫ положили въ сердцѣ СВОЕМЪ обѣтъ обнимать НАШЕЮ Царскою любовію и попеченіемъ всѣхъ НАШИХЪ вѣрноподданныхъ всякаго званія и состоянія, отъ благородно владѣющаго мечемъ на защиту Отечества до скромно работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую службу Государственную до проводящаго на полѣ борозду сохою или плугомъ.

Вникая въ положеніе званій и состояній въ составѣ Государства, МЫ усмотрѣли, что Государственное законодательство, дѣятельно благоустроя высшія и среднія сословія, опредѣляя ихъ обязанности, права и преимущества, не достигло равномѣрной дѣятельности въ отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ, такъ названнымъ потому, что они, частію старыми законами, частію обычаемъ, потомственно укрѣплены подъ властію помѣщиковъ, на которыхъ съ тѣмъ вмѣстѣ лежитъ обязанность устроять ихъ благосостояніе. Права помѣщиковъ были донынѣ обширны и не опредѣлены съ точностію закономъ, мѣсто котораго заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика. Въ лучшихъ случаяхъ изъ сего

Высочайший манифест 19.02.1861 (Об отмене крепостного права)

Великая княгиня Елена Павловна Романова

Николай Алексеевич Милютин

Непрошеная гостья – Фемида. Карикатура 1880-е гг. (Из собрания А. И. Станкевича)

Продажа крепостных на Нижегородской ярмарке. Вторая половина XIX в.

Санкт-Петербург. Здание окружного суда на Литейном проспекте. Фото 1900 г.

Заседание окружного суда. Вторая половина XIX в.

Дмитрий Николаевич Замятнин. Министр юстиции Российской империи 1862–1867 гг.

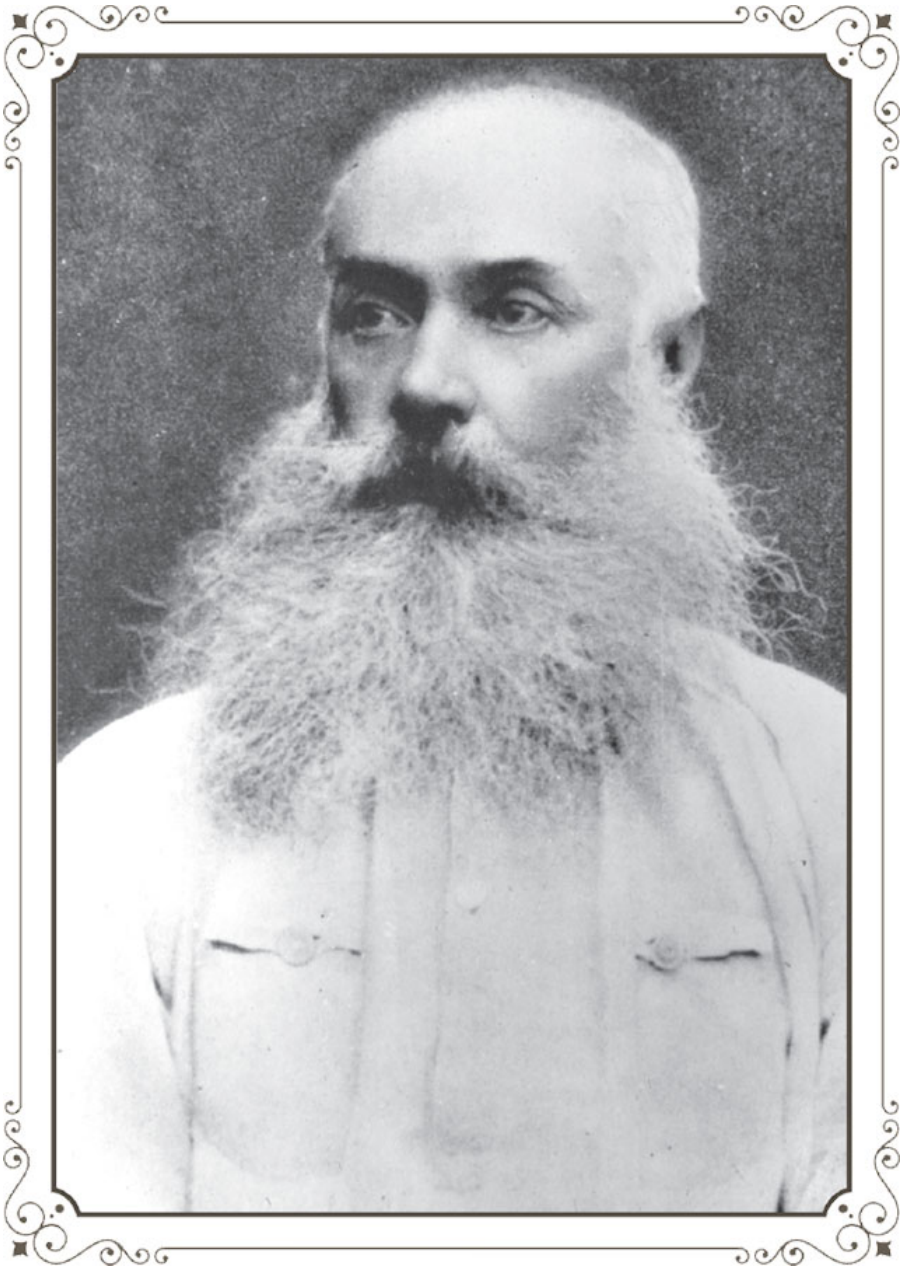
Присяжная адвокатура г. Иркутска Вторая половина XIX в.

Санкт-Петербург. Вторая половина XIX в.

И. Е. Репин. Портрет А. Ф. Кони. 1898 г.

Александр II в своем рабочем кабинете

Александр II с детьми



Сергей Иванович Зарудный

Граф Д. А. Толстой, министр народного просвещения в 1866–1880 гг.

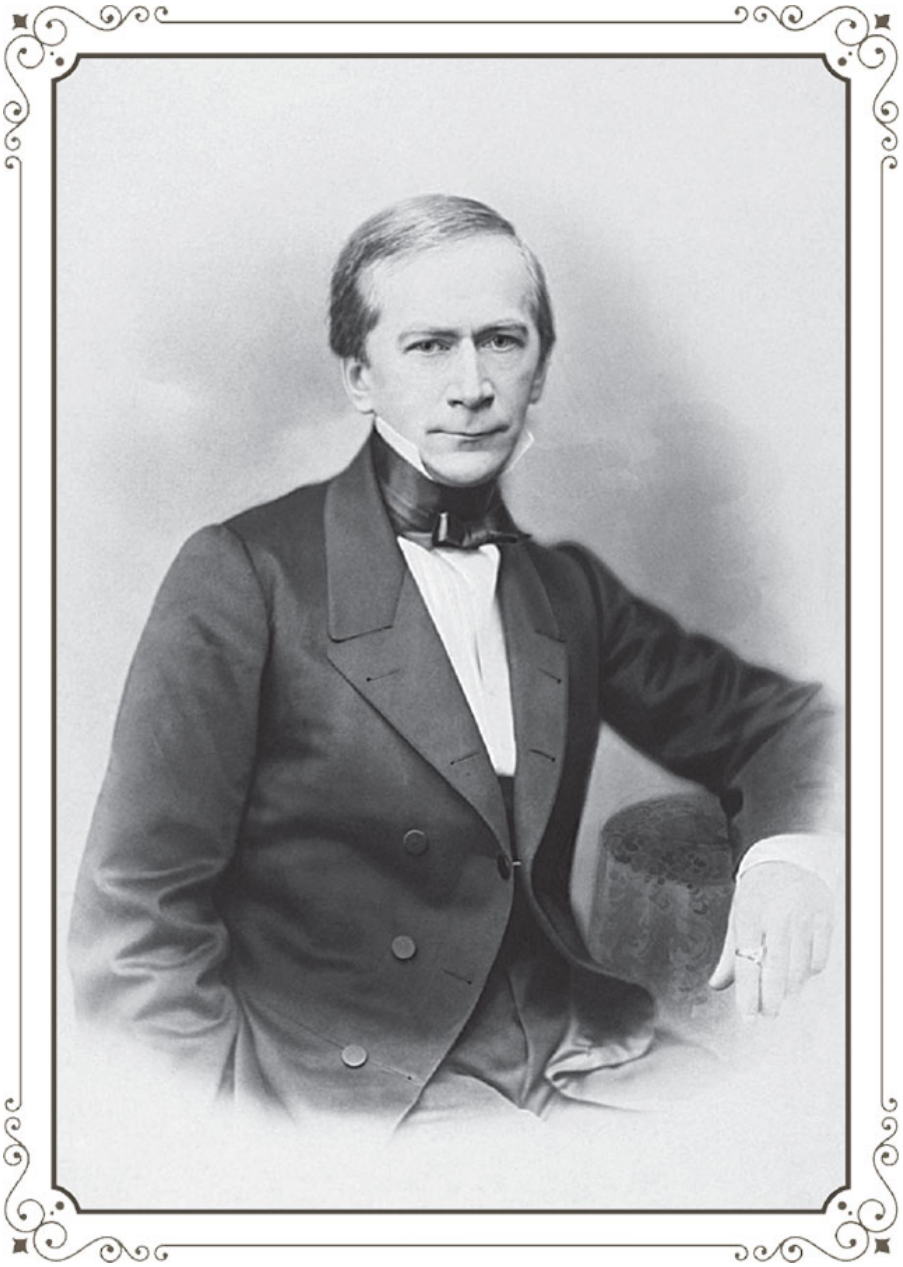
Александр II с семьей, 1873 г.

Москва, вторая половина XIX века

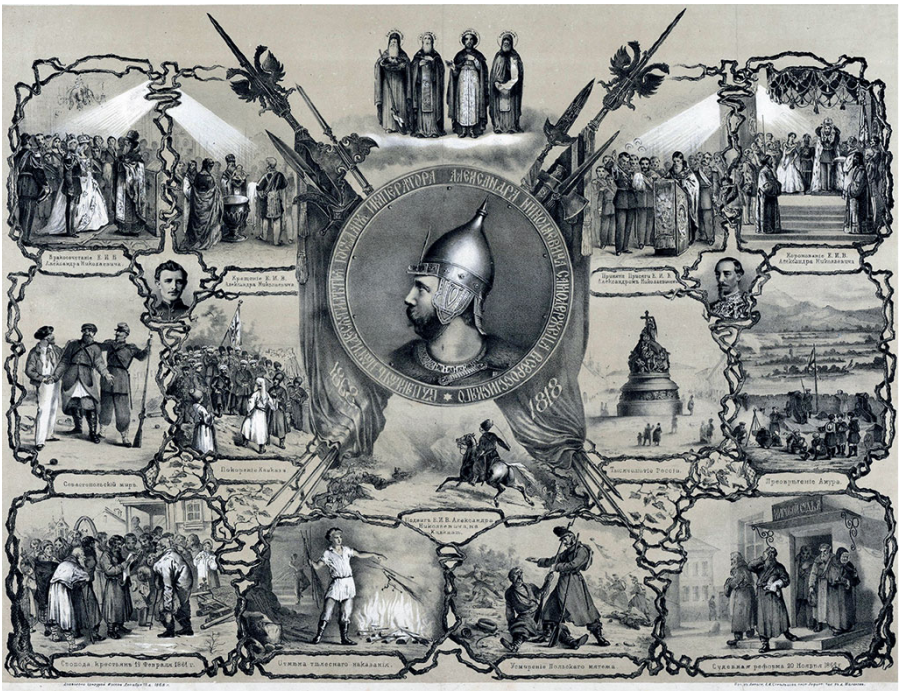
Убийство Александра II 13 марта 1881 года в Санкт-Петербурге. Ок. 1881 г.

Часовня на месте покушения 1866 года (не сохранилась)

Дмитрий Николаевич Набоков



Корф Модест Андреевич. 1860-е гг.


Бракосочетание Е.И.В. Александра Николаевича.
Крестины Е.И.В. Александра Николаевича.
Коронование Е.И.В. Александра Николаевича.
Провозглашение Императора Е.И.В. Александровых Николаевичем.
Севастопольский мир.
Покорение Кавказа.
Возвращение России.
Присоединение Амура.
Освобождение крестьян 19 Февраля 1861 г.
Отмена телесного наказания.
Усмирение Польского мятежа.
Судебная реформа 20 Ноября 1864 г.

Император Всероссийский Александр II. 1878–1881 гг.

* * *

ЛУЧШИЕ КНИГИ О БИЗНЕСЕ С ЛОГОТИПОМ ВАШЕЙ КОМПАНИИ? ЛЕГКО!

Удивить своих клиентов, бизнес-партнеров, сделать памятный подарок сотрудникам и рассказать о своей компании читателям бизнес-литературы? Приглашаем стать партнерами выпуска актуальных и популярных книг. О вашей компании узнает наиболее активная аудитория.

ПАРТНЕРСКИЕ ОПЦИИ:

- Специальный тираж уже существующих книг с логотипом вашей компании.
- Размещение логотипа на супер-обложке для малых тиражей (от 30 штук).
- Поддержка выхода новинки, которая ранее не была доступна читателям (50 книг в подарок).

ПАРТНЕРСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ:

- Рекламная полоса о вашей компании внутри книги.
- Вступительное слово в книге от первых лиц компании-партнера.
- Обращение первых лиц на суперобложке.
- Отзыв на обороте обложки вложение информационных материалов о вашей компании (закладки, листовки, мини-буклеты).

ЛОГО
ЛОГОТИП ВАШЕЙ КОМПАНИИ НА ОБЛОЖКЕ
КНИГА О БИЗНЕСЕ
ЛОГОТИП НА КОРЕШКЕ
ПОЛЕЗНЫЙ И ИНТЕРЕСНЫЙ ТЕКСТ О ВАШЕЙ КОМПАНИИ ДЛЯ КЛИЕНТОВ
ТЕКСТ ДЛЯ КЛИЕНТОВ НА ОБЛОЖКЕ

У вас есть возможность обсудить свои пожелания с менеджерами корпоративных продаж. Как?

Звоните:
+7 495 411 68 59, доб. 2261

Заходите на сайт:
eksmo.ru/b2b

Павел Крашенинников
Сумерки империи. Российское государство и право на рубеже веков

© Текст. Крашенинников П.В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Императоры владеют империями, но двумя вещами владеть не могут: своим сердцем и своим временем. И то и другое принадлежит империи.

Анджей Сапковский

Пролог

Во второй половине XVIII века, во времена правления Екатерины Великой, дворяне получили вольность и были освобождены от обязанности служить. Крепостное право, напротив, достигло в это время невиданных масштабов как по количеству народонаселения, так и по объему порабощения. Крепостные были абсолютно бесправными людьми, которыми можно было торговать и оптом, и в розницу, с землей и без нее, помещики могли их сами наказать, в том числе сослать в Сибирь.

Павел I первым попытался ограничить могущество правящего сословия – дворянства, задумав стать императором всех подданных, включая мещан и крестьян, за что и поплатился не только царской короной, но и своей жизнью.

Его сын Александр I был воспитан на республиканских идеалах и мечтал о реформах системы управления, которые позволили бы избавить самодержавие от присущей ему неэффективности. В начале его царствования были широко распространены идеи введения конституционной монархии, так или иначе ограничивающей деспотическую власть самодержца. Однако дальше лучезарных идей дело не пошло.

Тем не менее в процессе разработки различных проектов для реализации этих идей появились идеологи ответственной бюрократии, стремившейся получить некоторую законодательно обеспеченную самостоятельность в рамках административных полномочий. Многочисленные иностранные военные походы привели к появлению довольно широкого слоя ответственной бюрократии, в основном военной, сильно разочарованной тем, что обещанные реформы так и не состоялись. Между тем они желали служить Отечеству, а не только монарху. Часть таких лиц объединилась в тайные общества, ставившие своей задачей свержение самодержавия и даже разработавшие проекты соответствующих конституций.

Император Николай I, травмированный восстанием декабристов (1825), напуганный польским восстанием (1830) и буржуазными революциями в Европе, решил отказаться от реформ, за исключением законодательной: был подготовлен и в 1833 году принят Свод законов Российской империи. Под руководством М. М. Сперанского было систематизировано все законодательство империи. Другие сферы жизни были доверены плавному течению истории под неусыпным контролем патримониальной бюрократии, и особенно ее репрессивных органов, пресекавших распространение революционной крамолы.

Как это бывает при всяком застое, развитие общественных процессов происходило латентным образом. Застойное засилье дворянского застолья, так выразительно описанное Н. В. Гоголем в «Мертвых душах», происходило на фоне второго технологического перехода, способствовавшего росту городского населения и значительному увеличению числа образованных людей. В этой части общества развернулась дискуссия о стратегии дальнейшего развития России, породившая две непримиримые группировки: либералов (европейцев) и славянофилов (почвенников, патриотов). Эти веяния не обошли стороной и бюрократию, которая в конце правления Николая I отчетливо разделилась на либеральную (прогрессистскую), консервативную и ретроградную части. Единственное, в чем они сходились, и их даже поддерживал сам император, так это в том, что крепостное право есть страшное зло и его надо отменить. Зато в вопросах тактики осуществления этого благородного дела имелись непреодолимые противоречия.

Крымская катастрофа и внезапная смерть императора накалили общественную обстановку до предела, и отмена крепостного права стала неизбежной. У нового императора Александра II не было другого выхода.

В силу покровительства со стороны влиятельнейших членов императорской фамилии карт-бланш на осуществление крестьянской реформы получила либеральная часть ответственной бюрократии.

Реформа не могла свестись лишь к законодательному наделению крестьян правами свободных людей. Остро стоял вопрос о механизме их освобождения. Неизбежным следствием стала реформа системы управления, поскольку дворяне лишались присущих им ранее управленческих функций (судебных, полицейских, фискальных и т. д.) в рамках их имений. Необходимо было создать органы, которым можно передать эти функции. Резкое увеличение правомочных субъектов и жуткое состояние судебной системы диктовали необходимость судебной реформы. Финансовая реформа стала следствием изменения механизма наполнения государственного бюджета, военная – исчезновения института рекрутов и т. п. Весь этот комплекс преобразований получил название Великих реформ.

Проектирование и запуск реформ осуществлялись при жестком сопротивлении крепостников, не желавших отмены крепостного права, и консервативной группировки бюрократии, считавшей предложенные проекты чересчур радикальными, а темпы их проведения слишком быстрыми. В итоге результаты реформ сильно разочаровали либерально настроенную

общественность, поначалу встретившую реформы с восторгом.

Разочарованы были и крестьяне, для которых столь милые либералам понятия, как свобода и гражданские права, были пустым звуком. Их интересовала земля – единственный источник их существования. Принятая система выкупа земли в рассрочку оказалась неподъемной для многих хозяйств. Крестьянские волнения вспыхивали все чаще.

Разочарование все больше овладевало значительной частью общества, а социальная система Российской империи все дальше выходила из состояния равновесия, формируя тем самым объективные предпосылки для антисамодержавной революции.

Естественно, появились революционные организации, в том числе и террористического толка. Причем их ряды пополнялись не только романтически настроенной молодежью, но и выходцами из элиты[720]. Начались регулярные покушения на высших сановников и на самого императора.

Правительство Александра II, состоявшее в то время в основном из представителей консервативной группировки бюрократов с редкими включениями либералов, встало перед стандартным в условиях назревающей революции выбором: прибегнуть к силовому подавлению революционных настроений или приступить к реформе системы управления с целью приведения ее в соответствие новым социальным реалиям.

Сначала попытались пойти по первому варианту, но революционная ситуация только усугублялась. Тогда Верховная распорядительная комиссия во главе с министром внутренних дел графом М. Т. Лорис-Меликовым пришла к выводу, что причина террора и недовольства населения заключается не в желании избавиться от монархии, а в том, что реформы начала правления Александра II либо забуксовали, либо были полностью свернуты.

Было предложено продолжить начатые реформы, и прежде всего преобразование системы государственного управления. Конечно, ни о каком законодательном (конституционном) ограничении всеобъемлющей власти самодержца речи не шло. Подавляющее большинство членов правительства, включая самого Лорис-Меликова, были ярыми монархистами. Говорилось лишь о включении механизма обратной связи власти с обществом на основе привлечения представителей общественности и экспертного сообщества к работе государственных органов с правом совещательного голоса. Уже немолодой император колебался, опасаясь, что, как и предыдущие реформы, новые либеральные послабления могут привести к еще большему разгулу революционной крамолы, но все-таки согласовал

соответствующий доклад министра внутренних дел и назначил на 4 марта 1881 года совещание по утверждению правительственной информации для печати о начале нового этапа реформ.

8 марта 1881 года

Александр II погиб от рук террористов 1 марта 1881 года[721].

Но **намеченное царем-освободителем совещание все-таки состоялось 8 марта 1881 года.**

Благодаря «Дневнику» Е. А. Перетца, служившего тогда Государственным секретарем, мы имеем возможность узнать, как рассматривался вопрос о дальнейшем проведении реформ на заседании Совета министров 8 марта под председательством только что взошедшего на престол императора Александра III.

После прочтения по просьбе императора министром внутренних дел Михаилом Тариэловичем Лорис-Меликовым доклада, уже одобренного Особым совещанием 28 января 1881 года, первым выступил сенатор-старожил, воспитатель цесаревичей Николая и Александра С. Г. Строганов, обвинивший составителей доклада в намерении легализовать идею замены самодержавия на конституционную монархию, что, по его мнению, приведет к гибели России. Выступившие председатель Комитета министров П. А. Валуев, военный министр Д. А. Милютин и ряд других участников совещания опровергли такое заявление и поддержали Лорис-Меликова. Затем выступил К. П. Победоносцев; его слова и реплики Александра III, зафиксированные в упомянутом нами «Дневнике Перетца»[722], стоит привести более подробно, поскольку они решительным образом отразились на судьбе Российской империи:

«Обер-прокурор Св. синода К. П. Победоносцев (бледный, как полотно, и, очевидно, взволнованный): „Ваше Величество, по долгу присяги и совести я обязан высказать Вам все, что у меня на душе. Я нахожусь не только в смущении, но и в отчаянии. Как в прежние времена перед гибелью Польши говорили: „Finis Poloniae“, так теперь едва ли не приходится сказать и нам: „Finis Russiae“. При соображении проекта, предлагаемого на утверждение Ваше, сжимается сердце. В этом проекте слышится фальшь, скажу более: он дышит фальшью…

Нам говорят, что для лучшей разработки законодательных проектов нужно приглашать людей, знающих народную жизнь, нужно выслушивать экспертов. Против этого я ничего не сказал бы, если б хотели сделать только это. Эксперты вызывались и в прежние времена, но не так, как предлагается теперь. Нет, в России хотят ввести конституцию, и если не сразу, то по крайней мере сделать к ней первый шаг…

А что такое конституция? Ответ на этот вопрос дает нам Западная Европа. Конституции, там существующие, суть орудие

всякой неправды, орудие всяких интриг. Примеров этому множество, и даже в настоящее время мы видим во Франции охватившую все государство борьбу, имеющую целью не действительное благо народа или усовершенствование законов, а изменение порядка выборов для доставления торжества честолюбцу Гамбетте, помышляющему сделаться диктатором государства. Вот к чему может вести конституция.

Нам говорят, что нужно справляться с мнением страны через посредство ее представителей. Но разве те люди, которые явятся сюда для соображения законодательных проектов, будут действительными выразителями мнения народного? Я уверяю, что нет. Они будут выражать только личное свое мнение и взгляды…“

Государь: „Я думаю то же. В Дании мне не раз говорили министры, что депутаты, заседающие в палате, не могут считаться выразителями действительных народных потребностей“.

Победоносцев: „…И эту фальшь по иноземному образцу, для нас непригодную, хотят, к нашему несчастью, к нашей погибели, ввести и у нас. Россия была сильна благодаря самодержавию, благодаря неограниченному взаимному доверию и тесной связи между народом и его царем. Такая связь русского царя с народом есть неоцененное благо. Народ наш есть хранитель всех наших доблестей и добрых наших качеств; многому у него можно научиться. Так называемые представители земства только разобщают царя с народом. Между тем правительство должно радеть о народе, оно должно познать действительные его нужды, должно помогать ему справляться с безысходною часто нуждою. Вот удел, к достижению которого нужно стремиться, вот истинная задача нового царствования.

А вместо того предлагают устроить нам говорильню вроде французских états généraux. Мы и без того страдаем от говорилен, которые под влиянием негодных, ничего не стоящих журналов разжигают только народные страсти. Благодаря пустым болтунам что сделалось с высокими предначертаниями покойного незабвенного государя, принявшего под конец своего царствования мученический венец? К чему привела великая святая мысль освобождения крестьян?.. К тому, что дана им свобода, но не устроено над ними надлежащей власти, без которой не может обойтись масса темных людей. Мало того, открыты повсюду кабаки; бедный народ, предоставленный самому себе и оставшийся без всякого о нем попечения, стал пить и лениться к работе, а потому стал несчастною жертвою целовальников, кулаков, жидов и всяких ростовщиков.

Затем открыты были земские и городские общественные учреждения – говорильни, в которых не занимаются действительным делом, а разглагольствуют вкривь и вкось о самых важных государственных вопросах, вовсе не подлежащих ведению говорящих. И кто же разглагольствует, кто орудует в этих говорильнях? Люди негодные, безнравственные, между которыми видное положение занимают лица, не живущие со своим семейством, предающиеся разврату, помышляющие лишь о личной выгоде, ищущие популярности и вносящие во все всякую смуту.

Потом открылись новые судебные учреждения – новые говорильни, говорильни адвокатов, благодаря которым самые ужасные преступления – несомненные убийства и другие тяжкие злодейства – останутся безнаказанными.

Дали, наконец, свободу печати, этой самой ужасной говорильни, которая во все концы необъятной русской земли, на тысячи и десятки тысяч верст разносит хулу и порицание на власть, посевает между людьми мирными, честными семена раздора и неудовольствия, разжигает страсти, побуждает народ к самым вопиющим беззакониям.

И когда, государь, предлагают Вам учредить, по иноземному образцу, новую верховную говорильню?.. Теперь, когда прошло лишь несколько дней после совершения самого ужасающего злодеяния, никогда не бывавшего на Руси, когда по ту сторону Невы, рукой подать отсюда, лежит в Петропавловском соборе непогребенный еще прах благодушного русского царя, который среди белого дня растерзан русскими же людьми. Я не буду говорить о вине злодеев, совершивших это ужасающее, беспримерное в истории преступление. Но и все мы, от первого до последнего, должны каяться в том, что так легко смотрели на совершавшееся вокруг нас; все мы виновны в том, что, несмотря на постоянно повторявшиеся покушения на жизнь общего нашего благодетеля, мы, в бездеятельности и апатии нашей, не сумели охранить праведника. На нас всех лежит клеймо несмываемого позора, павшего на русскую землю. Все мы должны каяться!..“

Государь: „Сущая правда, все мы виновны. Я первый обвиняю себя“.

Победоносцев: „В такое ужасное время, государь, надобно думать не об учреждении новой говорильни, в которой произносились бы новые растлевающие речи, а о деле. Нужно действовать!“»

Нам остается только гадать об истинных мотивах выступления Константина Петровича на столь презираемой им говорильне, коей, несомненно, является любое совещание. То ли

это было стремление прожженного царедворца повысить свою репутацию в глазах царя, сказав за него то, что ему самому неудобно было сказать, то ли это и вправду был крик души. Как бы то ни было, устами Победоносцева прошлое объявило войну будущему. Программа партии ретроградов была оглашена на высочайшем уровне.

Речь эта произвела на многих, в особенности на государя, весьма сильное впечатление. Сознавая это, министр финансов Российской империи А. А. Абаза произнес взволнованным голосом, но при этом весьма решительно: «Ваше Величество, речь обер-прокурора Св. синода есть, в сущности, обвинительный акт против царствования того самого государя, которого безвременную кончину мы все оплакиваем. Если Константин Петрович прав, если взгляды его правильны, то Вы должны, государь, уволить от министерских должностей всех нас…»[723]

Увольнение, конечно же, произошло, но не сразу, а чуть позже. В конце апреля был подписан и Манифест о незыблемости самодержавия, подготовленный Победоносцевым. Была ли в марте 1881 года очередная развилка в истории России? Какие последствия имели принятые 8 марта решения для эпох Александра III и Николая II? Попробуем разобраться.

Часть I. Эпоха Александра III (1881–1894). Ренессанс самодержавия

Империя – принцип. Она неделима.

Фёдор Тютчев

Глава 1. Великий князь, цесаревич Александр Александрович Романов

Александр Александрович Романов родился в 1845 году. Отец Александр Николаевич Романов, мать Мария Александровна Романова, в девичестве принцесса Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария Гессенская и Прирейнская. Александр был третьим ребенком в семье, вторым сыном. Во время рождения Александра императором Российской империи был Николай I.

Родители предназначили Александру военную стезю. Первый офицерский чин он получил на день рождения, когда ему исполнилось семь лет, а в 17-летнем возрасте был зачислен в царскую свиту со званием флигель-адъютанта. Он вовсе не был прилежным учеником, но это мало кого волновало: для будущего вояки это нормально. Его считали не очень сообразительным, тугодумом, но зато Александр с ранних лет отличался здравым умом и рассудительностью. Он ничего не мог схватить на лету, с ходу, но, поразмыслив и решив что-то, уже не отступал до конца. Главным воспитателем Александра был граф Борис Алексеевич Перовский, образованием заведовал профессор Московского университета экономист Александр Чивилёв.

Природа одарила Александра богатырской статью. Расти он прекратил на отметке 193 см при весе около 120 кг. Своих размеров он немного стеснялся, особенно в дамском обществе. По-видимому, не знал поговорки, что хорошего человека должно быть много. А человеком он был действительно хорошим, добрым, мягким сердцем и необыкновенно деликатным. Его воспитатели отнюдь не стремились продвинуть его человеческие качества. Они боялись их испортить.

Александр не был чужд изящных искусств, увлекался музыкой и изобразительным искусством. Именно при его царствовании русский балет оказался «впереди планеты всей».

Особенно нежную привязанность Александр испытывал к своему старшему брату цесаревичу Николаю Александровичу

(1843–1865), которого готовили к роли российского самодержца и потому обращали пристальное внимание на его образование. В частности, право Николаю преподавали И. Е. Андреевский, Б. Н. Чичерин и с 1861 года – К. П. Победоносцев, теорию финансов и политической экономики – Н. Х. Бунге, историю – С. М. Соловьёв, главным воспитателем был граф С. Г. Строганов.

В 1864 году Николай был помолвлен с датской принцессой Дагмар. В этом же году во время путешествия по Италии и Франции он заболел. Диагноз был фактически приговором – туберкулезный менингит. 12 апреля 1865 года Николай в присутствии отца Александра II и брата, великого князя Александра Александровича, скончался в Ницце.

Для императорской семьи это была неожиданная и непоправимая трагедия, особенно тяжело потерю переносила мать Мария Александровна. Это была смерть второго ребенка: ранее умерла дочь, теперь – сын, наследник престола. Считается, что с этого момента здоровье Марии Александровны стало резко ухудшаться.

> **Для Александра смерть обожаемого брата стала двойным потрясением. В дополнение к невыносимому горю на него обрушилась участь наследника российского престола, к которой он совершенно не был готов.**

Со смертью Николая Александр становится цесаревичем – официальным наследником престола. Ему было уже 20 лет, и многое в образовании будущего императора было упущено, требовалось срочно исправлять положение. Молодой человек прослушал целый курс специальных лекций, которые подготовил для него наставник Константин Петрович Победоносцев. В 1865 и 1866 годах ему был прочитан курс русской истории Сергеем Михайловичем Соловьёвым. Одновременно с обучением император ввел его в курс государственных дел. Александр Александрович объехал ряд губерний, стал членом Госсовета, присутствовал на заседаниях правительства, участвовал в принятии решений императором. Его первая официальная должность – почетный председатель Особого комитета по сбору и распределению пособий голодающим – была связана с голодом, наступившим в 1868 году в ряде губерний вследствие неурожая.

Цесаревичу в наследство от Николая достались не только титул, но и невеста. Такова уж царская доля – любить кого положено. Да и кто сказал, что брак обязательно должен стать следствием любви, а не наоборот? Как утверждают очевидцы,

Александр не переносил никакой фальши и при малейших ее признаках замыкался в себе. Так что трудно предположить, что он прожил всю жизнь с нелюбимой женой под маской лицемерия. Александр был прекрасным семьянином, любящим мужем и глубоко верующим человеком[724]. Отсюда его болезненное неприятие похождений его отца и особенно романа с княгиней Е. М. Долгоруковой.

Учитывая прежние договоренности Александра II с датским королем Христианом IX и сложившиеся личные отношения цесаревича и принцессы, **13 октября 1866 года Александр и Дагмар сочетались браком. Мария Софья Фредерика Дагмар после принятия православия становится Марией Фёдоровной**[725].

6 мая 1868 года у Александра Александровича и Марии Фёдоровны родился сын Николай Александрович Романов; всего у четы было шесть детей.

В осуществлении Великих реформ Александр Александрович по малолетству участия не принимал, но об их последствиях был хорошо наслышан, особенно от своего близкого друга князя В. П. Мещерского, внука Карамзина, чиновника особых поручений при министре внутренних дел Валуеве, ну и от своего наставника К. П. Победоносцева, конечно. Во время голода 1868 года, особенно поразившего северные губернии, они убеждали цесаревича, что голод – следствие того, что крестьяне неспособны отвечать сами за себя, получив свободу, стали лениться и пьянствовать. Отсюда и голод. Так что освободили их слишком рано. Не то чтобы ближайшее окружение Александра критиковало Великие реформы, такого поношения своего отца цесаревич не допустил бы, но всячески указывали на отдельные недостатки преобразований.

Цесаревич был хорошо осведомлен о коррупции среди членов императорской семьи и высших сановников, особенно в процессе строительства железных дорог[726]. Соперничество между либеральной и консервативной группировками в правительстве происходило не только исходя из идейных соображений, но и в плане борьбы за особо крупные заказы для аффилированных с ними компаний.

Не прошли мимо сознания цесаревича и многочисленные аресты и процессы над революционерами, переполненные злодеями Петропавловская крепость и губернские тюрьмы. После выстрела Каракозова в царя и превращения бывшего камер-пажа Кропоткина в государственного преступника властям предержащим в каждом виделись революционеры. Размах революционного движения и жесткие репрессии, развязанные

царским правительством в ответ, внушали тревогу и мрачные мысли, а это совсем не соответствовало характеру Александра.

Подозрения вызывали даже офицеры, которые начиная с 1875 года без царского разрешения уезжали в Белград, чтобы поддержать борьбу сербов и черногорцев с турками. Ведь они едут воевать за свободу, пусть и братьев-славян. Явные революционеры.

Однако общественное мнение было на стороне восточноевропейских христиан, угнетаемых Османской империей, подавившей восстания в Болгарии и Боснии-Герцеговине. В 1876 году шестикратно превосходящие силы турок поставили сербов и русских добровольцев на грань поражения. Российский император был вынужден объявить ультиматум Турции, угрожая войной. Турки согласились на перемирие, но в апреле 1877 года император Александр II все-таки объявил Турции войну.

Цесаревич Александр в звании генерала от инфантерии и генерала от кавалерии принял в этой войне непосредственное участие и весьма достойно командовал Восточным (Рущукским) отрядом Дунайской армии. В его состав входили 12-й и 13-й корпуса[727]. Впрочем, это мероприятие ему сильно не понравилось: «Я рад, что был на войне и видел сам все ужасы, неизбежно связанные с войной, и после этого я думаю, что всякий человек с сердцем не может желать войны, а всякий правитель, которому Богом вверен народ, должен принимать все меры, для того чтобы избегать ужасов войны…»[728] – решил он. И действительно, в период его царствования Российская империя не приняла участия ни в одной войне.

Тяжесть шапки Мономаха обрушилась на голову Александра Александровича совершенно неожиданно и самым трагическим образом. Как писал в начале XX века историк В. В. Назаревский, «…Александр III принял в свои руки Русскую Землю, обрызганную царской кровью, в великой смуте»[729].

Глава 2. Восшествие на престол Александра III

2 марта 1881 года Александр III взошел на престол. Коронация прошла в Москве 15 мая 1883 года. После смерти Александра II осталось много нерешенных вопросов, в том числе и самый главный из них: каким образом вернуть социальную систему империи в равновесное состояние – за счет реформы системы управления, сделав ее более адекватной потребностям общества, или путем блокирования набиравших силу

революционных процессов? А конкретно: продолжать ли задуманный Александром II второй этап реформ или свернуть их?

Ответ был дан, можно сказать, незамедлительно. **В апреле 1881 года был высочайше утвержден «Манифест о незыблемости самодержавия»,** основной пафос которого можно кратко сформулировать так: «Не будет вам никакого реформирования власти, любите ее такой, какая она есть, и покоряйтесь ей».

Предлагаем полный текст Манифеста.

«О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России.

Объявляем всем верным Нашим подданным:

Богу, в неисповедимых судьбах Его, благоугодно было завершить славное Царствование Возлюбленного Родителя Нашего мученическою кончиной, а на Нас возложить Священный долг Самодержавного Правления.

Повинуясь воле Провидения и Закону наследия Государственного, Мы приняли бремя сие в страшный час всенародной скорби и ужаса, пред Лицем Всевышнего Бога, веруя, что, предопределив Нам дело Власти в столь тяжкое и многотрудное время, Он не оставит нас Своею Всесильною помощью. Веруем также, что горячие молитвы благочестивого народа, во всем свете известного любовию и преданностью своим государям, привлекут благословение Божие на Нас и на предлежащий Нам труд Правления.

В Бозе почивший Родитель Наш, приняв от Бога Самодержавную власть на благо вверенного Ему народа, пребыл верен до смерти принятому Им обету и кровию запечатлел великое Свое служение. Не столько строгими велениями власти, сколько благостью ее и кротостью совершил Он величайшее дело Своего Царствования – освобождение крепостных крестьян, успев привлечь к содействию в том и дворян-владельцев, всегда послушных гласу добра и чести; утвердил в Царстве Суд, и подданных Своих, коих всех без различия соделал Он навсегда свободными, призвал к распоряжению делами местного управления и общественного хозяйства. Да будет память Его благословенна вовеки!

Низкое и злодейское убийство Русского Государя посреди верного народа, готового положить за Него жизнь свою, недостойными извергами из народа есть дело страшное,

позорное, неслыханное в России, и омрачило всю землю Нашу скорбию и ужасом.

Но посреди великой Нашей скорби Глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело Правления в уповании на Божественный Промысл, с верою в силу и истину Самодержавной Власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений.

Да ободрятся же пораженные смущением и ужасом сердца верных Наших подданных, всех любящих Отечество и преданных из рода в род Наследственной Царской Власти. Под сению Ее и в неразрывном с Нею союзе земля наша переживала не раз великие смуты и приходила в силу и в славу посреди тяжких испытаний и бедствий, с верою в Бога, устрояющего судьбы ее.

Посвящая Себя великому Нашему служению, Мы призываем всех верных подданных Наших служить Нам и Государству верой и правдой, к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю Русскую, к утверждению веры и нравственности, к доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений, дарованных России Благодетелем ее, Возлюбленным Нашим Родителем.

Дан в С.-Петербурге, в 29-й день Апреля, в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот восемьдесят первое, Царствования же Нашего в первое»[730].

История Российской империи в XIX веке выписала очередной зигзаг: от реформатора Александра I, пусть больше идейного, чем реального, к консерватору Николаю I, затем – к реальному реформатору Александру II, а теперь – опять к консерватору Александру III.

> **Конечно, Александр Александрович вовсе не собирался повернуть историю вспять и отменить Великие реформы. Он не мог не понимать, что такой шаг может и вовсе обрушить самодержавие.**

Он рассчитывал повернуть реформы в нужное для России русло, убирая чуждые, по его мнению, для нее элементы. Собственно, в Манифесте освобождение крестьян трактуется как великое благо и достижение предшественника. Александр III хотел лишь сохранить status quo и обуздать смуту – одним словом, сберечь Россию такой, как он ее понимал.

Однако однажды запущенные социальные процессы в дальнейшем могут развиваться в соответствии со своей внутренней логикой и приводить к результатам, отличным от изначально задуманных, тем более когда оперативное управление

в силу исторической необходимости находится в руках ответственной бюрократии.

В правительстве Александра II доминировали консерваторы, да и те в большинстве своем склонялись к необходимости налаживания диалога с обществом. Различие между либералами и консерваторами становилось все более условным. Казалось бы, абсолютно беспочвенное обвинение в адрес министра внутренних дел Лорис-Меликова и его коллег, бывших убежденными сторонниками самодержавия, что они пытаются тихой сапой протащить конституцию, ограничив власть царя, на самом деле имело второе дно.

Идейные лидеры партии ретроградов К. П. Победоносцев, редактор газеты «Московские ведомости» М. Н. Катков[731] и князь В. П. Мещерский[732] отдавали себе отчет, что, начиная с деятелей Негласного комитета Александра I, происходит эволюционное изменение системы управления, в которой все большую роль играет ответственная бюрократия. По своей природе она стремится перетянуть на себя все больше полномочий и тем самым волей-неволей подрывает основы самодержавия. В 1860-е годы Катков и Победоносцев участвовали в подготовке Великих реформ, но к 1880-м годам они стали их яростными врагами. Катков предлагал полностью искоренить принципы, внесенные реформами в русскую жизнь, призывал к административно-политическим переустройствам. Победоносцев больше надежд возлагал на изменения в умах и душах людей, на усиление влияния церкви.

Так что обвинение правительства Александра II в протаскивании конституции было доносом на ответственную бюрократию как таковую, а не на отдельных ее представителей. Хотели ли ретроградыостановить эволюцию системы управления и возродить патримониальную бюрократию или намекали, что надо заменить либералов и консерваторов в правительстве на их (ретроградов) представителей, которые будут «правильно» использовать полномочия ответственной бюрократии, однозначно ответить сложно, хотя более вероятным кажется второй вариант.

Новый император понял намек правильно. Подписав Манифест о незыблемости самодержавия не только без согласования, но и без обсуждения с правительством, он дал четко понять, кто в доме хозяин.

Новое правительство Александра III преимущественно состояло из деятелей, считавших проведенные реформы ошибкой. Так, новоназначенный министр внутренних дел славянофил Н.

Игнатьев в своем циркуляре начальникам губерний писал: «Великие и широко задуманные преобразования минувшего царствования не принесли всей той пользы, которую царь-освободитель имел право ожидать от них. Манифест 29 апреля указывает нам, что верховная власть измерила громадность зла, от которого страдает наше Отечество, и решила приступить к искоренению его»[733]. Правда, пробыл он министром недолго, поскольку имел глупость предложить императору созвать Земский собор одновременно с коронацией, дабы укрепить основы самодержавия. Но как может истинный ретроград призывать собрать очередную говорильню?

Сменивший его на этом посту бывший константиновец Д. А. Толстой писал царю: «Убежден, что реформы прошлого царствования были ошибкой, что у нас было население спокойное, зажиточное… а теперь явилось разоренное, нищенское, пьяное, недовольное население крестьян, разоренное, недовольное дворянство, суды, которые постоянно вредят полиции, 600 говорилен земских, оппозиционных правительству»[734].

Назойливая ненависть ретроградов к говорильням как механизму демократического взаимодействия общества и власти указывала на их стремление выступать по отношению к больному обществу в качестве ветеринаров, а не врачей[735], понимая верноподданное население как бессловесную тварь.

Про конкуренцию в экономике, особенно в ее крупных отраслях, обсуждения были прекращены. Даже трое великих министров финансов, последовательно сменивших друг друга – Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградский, С. Ю. Витте, – были ярыми противниками рыночной экономики, только начавшей пробивать себе дорогу при Александре II. С. Ю. Витте назвал сумасбродством попытку перекроить экономическую жизнь России в соответствии с либеральными принципами[736].

Одним из немногих либерал-консерваторов был, и то недолго, министр юстиции, верный константиновец Дмитрий Набоков.

Вот так, «с верою в силу и истину Самодержавной Власти», империя стала разворачиваться от реформ к охранению порядков, испокон веков укоренившихся в империи, и в ряде случаев отходить от уже установленных принципов и правил. В советское время этот период назвали контрреформами. По существу, начало этого периода следует отсчитывать не от прихода Александра III, а несколько раньше – от торможения реформ, во многом породившего начало и активизацию революционной деятельности в империи и попытки подавить их силой. Власть фактически

ввела в империи чрезвычайное положение со всеми вытекающими последствиями: остановкой реформ, а порой и отменой их достижений. Именно такая политика привела к нарастанию революционных настроений в стране и гибели императора Александра II.

Отказ Александра III от любого диалога с обществом мог только усугубить ситуацию и загнать империю в историческую колею, ведущую к революции. Как писал исполнительный комитет «Народной воли» Александру III 10 марта 1881 года в письме-ультиматуме, «общее количество недовольных в стране между тем увеличивается; доверие к правительству в народе должно все более падать, мысль о революции, о ее возможности и неизбежности все прочнее будет развиваться в России. Страшный взрыв, кровавая перетасовка, судорожное революционное потрясение всей России завершит этот процесс разрушения старого порядка»[737].

Впрочем, самодержавие и не могло поступить по-другому. Иначе это было бы не самодержавие. Со времен Ивана Грозного цари были уверены, что могут управлять подданными без их согласия, не интересуясь их мнением. А если что, могут сделать с ними что угодно, и ничего им за это не будет.

Глава 3. Подавление крамолы

1. Разгром «Народной воли»

Александр, получив письмо-ультиматум от террористов-революционеров, целый месяц вместе с семьей прятался в Гатчине. Придя в себя, начал действовать. У императора появилась профессиональная охрана. **Судебное разбирательство, получившее название «О злодеянии 1 марта 1881 года, жертвой коего стал в Бозе почивший император Александр II Николаевич», прошло быстро.** Обвинителем был Н. В. Муравьёв, бывший приятель Перовской и будущий министр юстиции империи. **Уже 3 апреля 1881 года причастные к покушению на покойного императора С. Л. Перовская, А. И. Желябов, Н. И. Кибальчич, Н. И. Рысаков и Т. М. Михайлов были повешены, а Г. М. Гельфман вскоре умерла в тюрьме. «Народная воля» была фактически обезглавлена.** Из 28 членов исполнительного комитета «Народной воли» на свободе остались всего восемь человек.

Тем не менее организация пыталась и после этого продолжать свою деятельность. Правоохранители с использованием провокаторов продолжали громить «Народную

волю». К началу 1883 года старый исполнительный комитет был целиком уничтожен.

Официально «Народная воля» перестала существовать в 1887 году после несостоявшегося покушения на Александра III. Среди активных его участников, как известно, был и старший брат В. И. (Ульянова) Ленина Александр Ильич Ульянов.

После раскрытия заговора репрессии были направлены против студенчества и университетов, которые Александр III называл не иначе как революционными гнездами и рассадниками революции. Террор в стране потихоньку сошел на нет под бдительным оком министра внутренних дел, шефа жандармов графа Д. А. Толстого и его преемника И. Н. Дурново. Заговорщики всех уровней и мастей были казнены, частично пребывали на каторге или в ссылке. За шесть с половиной лет наиболее активного уничтожения «революционной заразы» (с 1881 по 1888 год) полиция достигла таких результатов: рассмотрено дел – 1500; всего подверглось наказанию 3046 человек, из них приговорено к смертной казни – 20, на каторжные работы – 128, к ссылке в Сибирь – 681, к ссылке под надзор полиции в Европейскую часть России – 1500, к другим, более мягким наказаниям – 717 человек[738].

2. Усиление репрессий

14 августа 1881 года вышло «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»[739]. В соответствии с ним министр внутренних дел и губернские власти получили право ареста на три месяца, наложения штрафа от 500 до 3000 руб. или высылки любого жителя этой местности, а также закрытия учебных заведений и предприятий, запрета выпуска газет и т. д. **Положение давало возможность вводить чрезвычайное положение практически в любой местности министром внутренних дел или генерал-губернатором** по согласованию с Комитетом министров. Введенное на три года, «Положение» не раз продлевалось и действовало до 1917 года. Злые языки называли его Конституцией Российской империи.

> **На щит вновь был поднят лозунг графа Уварова, правда в несколько измененном виде: «Православие, Самодержавие, Дух смирения». Понятие «народ» казалось слишком либеральным. Не народ, а подданные.**

Влияние православной церкви значительно возросло. Была объявлена борьба с сектантами и старообрядцами. Начальное образование было передано в руки священников, а в гимназиях увеличилось количество часов на изучение религиозных текстов. В стране возросло число церковных периодических изданий, повысились тиражи духовной литературы. Шло интенсивное строительство новых храмов и создание новых епархий.

На национальных окраинах было неспокойно. В сфере национальной политики Александр III продолжил курс своего отца, основанный на русификации инородцев, но куда более решительным образом. В Средней Азии, Поволжье, Сибири насильственно насаждалось православие. Гонения на язычество вылились, в частности, в нашумевшее Мултанское дело – провокационное обвинение удмуртов в человеческих жертвоприношениях, которое вызвало протест передовых русских людей. Буддистам – бурятам и калмыкам – запрещалось строить храмы.

Летом 1881 года по югу страны прокатилась волна еврейских погромов, организованных явно не без участия провластных организаций[740]. Как бы с целью защиты еврейского населения в 1882 году Комитет министров ввел «Временные правила», касавшиеся прав еврейского населения России. Положения были обязательны для 15 губерний черты оседлости[741], исключая Царство Польское. Евреям запрещалось: вновь селиться в сельской местности, приобретать недвижимое имущество вне местечек и городов в черте оседлости, арендовать земельные угодья, торговать в воскресенье и христианские праздники. Тогда же военный министр распорядился, чтобы в русской армии было не более 5% евреев-врачей и фельдшеров от общего медицинского персонала. В 1886 году была введена процентная норма для приема евреев в высшие учебные заведения.

В 1889 году министр юстиции Н. Манасеин провел в качестве временной меры постановление, приостанавливающее принятие в число присяжных поверенных лиц нехристианских вероисповеданий, в секретной части которого указывалось, что министерство юстиции не будет выдавать разрешение на зачисление в присяжные поверенные ни одному еврею, пока не будет установлена соответствующая процентная норма по всей стране. На мусульман эта мера не распространялась. В 1890 году была проведена новая ограниченная земская реформа, которая лишила евреев права участвовать в местных органах управления. Новое Городское уложение 1892 года совершенно устранило евреев от участия в выборах в органы городского управления как в черте оседлости, так и за ее пределами.

В конце 1880-х – начале 1890-х годов власти начали проводить чистку внутренних губерний от евреев. Полиция активно проводила облавы в Петербурге, Москве и других городах, запрещенных для проживания евреев.

В Польше, Финляндии, Прибалтике, на Украине русский язык был введен в учреждениях, на железных дорогах, на афишах и т. д. В Польше главная ставка делалась на русификацию края полицейскими методами. Полякам-католикам был закрыт доступ к управленческим должностям в Царстве Польском и Западном Крае. С середины 1880-х годов стали урезаться автономные права Финляндии[742]. С тех пор Польша и Финляндия стали заповедниками для революционеров.

3. Усиление цензуры

27 августа 1882 года по инициативе П. А. Валуева, К. П. Победоносцева и С. Г. Строганова **было принято положение «О временных мерах относительно периодической печати»**[743]. Документом было установлено, что решение о прекращении или приостановке выхода «без определения срока» периодических изданий должно приниматься Верховной комиссией по печати в составе министров внутренних дел, народного просвещения и юстиции, а также обер-прокурора Синода.

Комиссия могла запретить редакторам и издателям заниматься их профессиональной деятельностью. Редакторов изданий, выходивших без предварительной цензуры, обязали сообщать по требованию министерства внутренних дел фамилии авторов вышедших публикаций. Для органов печати, издание которых временно приостанавливали три раза, устанавливали предварительную цензуру, причем цензор мог самостоятельно без всякого судебного рассмотрения вновь приостановить такое издание.

В период между 1883 и 1885 годами было закрыто девять изданий, среди которых очень популярные «Отечественные записки» М. Е. Салтыкова-Щедрина. В 1884 году была проведена еще и зачистка библиотек. Всего в 1881–1894 годы было запрещено 72 книги – от вольнодумца Л. Н. Толстого до вполне консервативного Н. С. Лескова. Из библиотек изымалась «крамольная» литература: сочинения Л. Н. Толстого, Н. А. Добролюбова, В. Г. Короленко, номера журналов «Современник» за 1856–1866 годы, «Отечественные записки» за 1867–1884 годы. К постановке было запрещено более 1300 пьес.

Глава 4. Корректировка реформ

1. Университетская реформа

Поскольку революционеры в значительной степени рекрутировались из студенческой среды, университеты не могли остаться без пристального внимания ретроградов. 23 августа 1884 года был издан «Общий устав императорских российских университетов»[744], разработанный Д. А. Толстым еще в бытность его министром народного просвещения при активном участии М. Н. Каткова и профессора Н. А. Любимова.

Университетская реформа 1884 года, по сути, пересматривала устав 1863 года. Осуществлял эту реформу министр народного просвещения И. Д. Делянов, который был славен тем, что на вопрос о причинах увольнения одного из профессоров ответил, что «у него в голове одни мысли»[745].

Проект документа был отвергнут большинством членов Госсовета[746], но тем не менее вступил в силу. «При новом устройстве все поводы к агитации и интриги в профессорских коллегиях прекратятся, в стенах университета водворятся спокойствие и дух, освобожденный от посторонней и притом дурной примеси. Надзор за студентами и их ограждение от вредных влияний может стать правдой только при новом уставе»[747], – утверждал М. Н. Катков. Профессор Л. И. Петражицкий говорил об обратном: «Устав этот стал нарушаться тотчас после появления и разлагаться с ускоряющеюся быстротою. Теперь уже нет у нас в университетах никакого твердого законного порядка, никаких твердых правил, принципов и системы, а господствуют беспорядок, беспринципность и бессистемность. При этом ненормальная комбинация обломков Устава с различными отступлениями от него создала в некоторых направлениях явления, которые не только в храме науки, но и ни в каком благоустроенном учреждении никогда не должны были бы быть терпимы»[748].

Значительно расширилась власть попечителей округов в отношении университетов. Ректор не избирался советом, а назначался министром народного просвещения и отныне мог не считаться с мнением профессуры при назначении преподавателей и давать профессорам указания, делать напоминания и замечания. Жертвами нового устава, изгнанными из университетов за нелояльность, стали такие ученые, как М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев, В. С. Соловьёв и др. Ученых с мировым именем, таких как Д. И. Менделеев, И. И. Мечников, А. С. Песков, выживали всеми правдами и неправдами.

Компетенция университетского совета и

факультетских собраний была в значительной степени ограниченна. Деканы назначались попечителем, должность проректора упразднялась, уничтожался университетский суд.

Экзамен окончившим курс студентам производился в особых государственных комиссиях. Как острили злые языки, храмы науки превратились в высшие полицейско-учебные заведения.

Однако этим дело не ограничилось. В 1882 году после ухода военного министра Д. А. Милютина были закрыты женские врачебные курсы при Николаевском военном госпитале в Санкт-Петербурге, что означало уничтожение женского медицинского образования. В 1886 году были закрыты все женские курсы, кроме Бестужевских (высшие женские курсы в Санкт-Петербурге, одно из первых женских высших учебных заведений в России), причиной чему стало активное участие курсисток в революционном движении. С 1887 года для поступления в вуз надо было предъявить справку из полиции о благонадежности.

В 1886 году было введено ограничение на прием евреев в высшие учебные заведения: в пределах черты оседлости процентная норма составляла для мужских гимназий и университетов 10% от всех учеников, в остальной части России – 5%, в столицах – 3%[749].

В июле 1887 года был издан циркуляр министра просвещения И. Д. Делянова, призванный «урегулировать» социальный состав учащихся. Прозванный «циркуляром о кухаркиных детях», он предписывал не принимать в гимназию детей из «недостаточных классов населения» «за исключением разве одаренных необыкновенными способностями». Таким образом, путь в университет кухаркиным детям практически был закрыт. Это объяснялось отсутствием должного надзора за ними со стороны родителей и, соответственно, низким уровнем нравственности и культуры детей из таких семей, а также отсутствием у них необходимых условий для учебы.

Как раз под действие этого закона попал будущий писатель Корней Чуковский, который в автобиографической повести «Гимназия. Воспоминания детства»[750] красочно описал, как кухаркиных детей выгоняли из учебных заведений.

Начальные школы передавались напрямую в ведение Святейшего синода (церковно-приходские школы). Для того чтобы крестьянский ребенок мог продолжить учится в гимназии, за него должен был ручаться кто-то из знатного сословия.

2. Подчинение земств дворянству

В мае 1883 года Александр III выступил с речью перед представителями крестьянского самоуправления, волостными старшинами, в которой призвал их следовать «совету и руководству своих предводителей дворянства» и не надеяться на «даровые прирезки» к наделам крестьян. Понятно, что отмена крепостного права нанесла сокрушительный удар по могуществу дворянского сословия, лишившегося вотчинной власти, а вместе с ней и исторической перспективы. **Александр III решил вернуть дворянам как основной опоре самодержавия часть утраченных позиций.**

Император представлял себе земства чем-то вроде совета местных помещиков, которые, по-барски любя, опекают все остальные сословия и распоряжаются их жизнью. Объяснялось все желанием оградить крестьян от несвойственных им и потому утомительных обязанностей, связанных с самоуправлением. Якобы крестьяне по природе и образу жизни к таким обязанностям не приспособлены. Другое дело – образованные и высокоморальные дворяне.

Свои идеи император воплотил в следующих документах:

– Положение о земских участковых начальниках[751] **1889 года.**

– Положение о губернских и уездных земских учреждениях[752] **1890 года.**

– Городовое положение[753] **1892 года.**

Земские участковые начальники теперь назначались только из дворян[754] **и наделялись широкими полномочиями по надзору за самоуправлением крестьян и в судебной сфере.** Они могли отменять постановления сельских и волостных сходов, подвергать крестьян телесным наказаниям и штрафам. Таким образом, практически возвращалась сословность и упразднялись сельские мировые суды (подробнее см. ниже).

Предметы административного ведения земских участковых начальников были изложены в пп. 23–31 Положения 1889 года. В частности, начальники обеспечивали надзор за всеми установлениями крестьянского общественного управления, а также осуществляли ревизии порядка управления сами или по поручению губернатора или его представителей.

Вместе с уездными исправниками и становыми приставами начальники контролировали деятельность волостных старшин и сельских старост, в том числе по охранению благочиния, безопасности и общественного порядка, равно как по предупреждению и пресечению преступлений и проступков.

Жалобы на должностных лиц волостного и сельского управления разрешались земскими начальниками собственной

властью. Они имели право удалять от должности неблагонадежных волостных и сельских писарей. Законом от 8 июня 1893 года на их усмотрение был передан вопрос о целесообразности крестьянских переделов.

Подготовка контрреформы земства началась еще в 1881 году. Было предложено несколько проектов, которые были отвергнуты Александром III и Д. А. Толстым как слишком либеральные. Предлагались и проекты, сводившие полномочия земств почти на нет. Их забраковало либерально-консервативное большинство Государственного совета. Окончательный вариант Положения о губернских и уездных земских учреждениях был подготовлен под руководством министра внутренних дел И. Н. Дурново и утвержден императором 12 июня 1890 года, несмотря на возражения многих влиятельных членов Госсовета.

Положение способствовало решению главной задачи – обеспечению преобладания дворянства в земствах и усилению государственного контроля над земскими учреждениями.

Вместо трех избирательных курий, формировавших земство, осталось две – дворянская и мещанская. Крестьяне своих представителей напрямую не выбирали, а лишь предлагали кандидатов, из которых губернатор назначал положенное число гласных. В итоге крестьяне потеряли более 40% своих представителей. При этом имущественный ценз для дворян был снижен, а для остальных избирателей повышен. Избирательных прав полностью лишились иудеи[755]. Избирательных прав, но не представительства в земствах лишилось также духовенство. Теперь делегаты от духовенства просто назначались епархиальными архиереями.

Новые бюрократические институции – губернские по земским делам присутствия – состояли преимущественно из губернских чиновников и обязаны были следить за законностью действий местных органов. Губернаторы могли ревизовать деятельность земств и опротестовывать их решения не только из-за несоответствия закону, но и исходя из их «нецелесообразности». Произвол дворян и чиновников в отношении крестьян вновь возвращался в повестку дня.

Нельзя не отметить, что параллельно полномочия земств, по которым они могли издавать обязательные постановления, были заметно расширены. К ведению земств отнесли такие вопросы, как образование, санитарные мероприятия, противопожарные меры, состояние дорог, мостов, пристаней и переправ. При этом финансирование структур, занимавшихся призрением сирот и

помощью бедным, было с государства переложено на земства.

Городовое положение 1892 года распространялось на все города Российской империи, кроме городов Великого княжества Финляндского, Царства Польского, Туркестанского края, Закаспийской области и некоторых городов Кавказа. В небольших городах для сокращения их расходов была введена упрощенная форма управления. Вместо городских дум в них учреждались собрания городских уполномоченных из 12–15 человек. Закон 1892 года частично заменил налоговый ценз имущественным и тем самым в три-четыре раза сузил круг избирателей органов городского управления, а также усилил контроль администрации над их деятельностью.

Земские и городовые новшества вызвали резкую критику со стороны либеральной общественности. Справедливости ради следует отметить, что на практике изменения скорее упорядочили земскую и городовую управленческую деятельность, чего не скажешь о переменах в судебной деятельности.

3. Пересмотр судебной реформы

Изменения в судоустройстве и судопроизводстве были направлены на пересмотр ряда положений судебной реформы Александра II, которую в 80-х годах ретрограды объявили «роковой ошибкой». Судебные уставы 1864 года продолжали действовать, сохранялся институт присяжных заседателей, принципиальным противником которых был К. П. Победоносцев. В комиссии по составлению списков присяжных были введены чиновники. В 1884 году было ограничено право сторон на отвод присяжных заседателей. **В 1887 году для присяжных был введен образовательный ценз и изменен имущественный:** для владельцев недвижимого имущества, преимущественно дворян, он был понижен, а для владельцев торгово-промышленных предприятий, плативших подоходный налог, повышен. **Из компетенции суда присяжных в 1889 году изъяли ряд категорий дел.**

Были **в основном ликвидированы мировые суды,** которые помимо мелких дел решали спорные вопросы между крестьянами и помещиками (кроме городов Москва, Петербург и Одесса). Их компетенцию передали земским участковым начальникам, должности которых, как мы уже указывали, предоставлялись исключительно дворянам.

В судопроизводстве по политическим делам гласность ограничивалась: публикация отчетов о процессах запрещалась. Министр юстиции мог закрыть двери зала суда для публики,

опасаясь оскорбления нравственности, религиозных чувств, для ограждения достоинства государственной власти и пр. Был усилен прокурорский надзор за деятельностью судов и судей.

В 1885 году с подачи Д. Н. Набокова министру юстиции было предоставлено право надзора за организацией рассмотрения дел в судах и контроля над их приговорами. Он мог потребовать от председателя суда объяснений о причинах недостатков в ходе судебного разбирательства и поставить вопрос об ответственности судей всех рангов. Для рассмотрения дисциплинарных дел высших чиновников судебного ведомства было образовано Высшее дисциплинарное присутствие Сената, имевшее полномочия увольнять судей с должности или переводить из одного судебного округа в другой. Проступки чиновников среднего звена рассматривались в окружных судебных палатах. По сути, это означало отказ от одного из основополагающих принципов судебной реформы 1864 года – несменяемости судей.

Как мы отмечали, Положение о земских участковых начальниках 1889 года ликвидировало мировые суды в сельской местности.

Дело в том, что это Положение было дополнено Правилами об устройстве судебной части в местностях, в которых введено означенное Положение, Временными правилами о волостном суде в тех же местностях и Правилами о порядке приведения в действие Положения о земских участковых начальниках[756].

Положение наряду с административной наделило земских начальников судебной компетенцией в решении крестьянских проблем, нарушив базовый принцип судебной реформы – разделение административной и судебной власти.

Земским начальником по новому Положению мог стать только дворянин, что, конечно, возвращало преимущество одного сословия над другим, против чего, кроме прочего, как мы помним, были направлены Великие реформы.

Формальные причины, послужившие подготовке и утверждению Положения 1889 года, были таковы: низкая профессиональная квалификация большинства мировых судей, что, как следствие, вело к незаконным решениям, о чем постоянно докладывали императору губернаторы.

Предметы ведения земских участковых начальников по судебным делам перечислялись в пп. 48 и 49 Положения.

В порядке гражданского судопроизводства земские начальники рассматривали:

– дела по спорам и искам на сумму не свыше пятисот рублей,

возникающим по найму земельных угодий, а также находящихся при таких угодьях оброчных и доходных статей; по личному найму на сельские работы, в сельскохозяйственные должности и в услужение;

– дела о восстановлении нарушенного владения, когда со времени нарушения прошло более шести месяцев.

Кроме того, рассматривались и другие иски на сумму не свыше трехсот рублей.

В порядке уголовного судопроизводства земские начальники рассматривали проступки, предусмотренные в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Земский начальник имел право давать распоряжение о заключении под стражу в городской тюрьме крестьян, подлежащих удалению из общества по вступившим в силу приговорам сельских или волостных сходов, а также рассматривать другие приговоры, постановляемые волостными и сельскими сходами. При этом устанавливалось, что эти сходы должны вести учет не только решений, но и дел, предназначенных к рассмотрению.

Второй инстанцией рассмотрения судебных дел было судебное присутствие уездного съезда, которое образуется под председательством уездного предводителя дворянства, из уездного съезда окружного суда, почетных мировых судей, городских судей и земских начальников.

Положение было введено в сорока губерниях, в других регионах подобные должности назывались мировые посредники, начальники по крестьянским делам, крестьянские начальники. В качестве второй инстанции при обжаловании решений также выступали соответствующие съезды.

> **В Санкт-Петербурге, Москве и Одессе действовали мировые судьи с участковыми и добавочными мировыми судьями, а также мировые съезды (п. 2 Правил об устройстве судебной части). В других городах городские судьи рассматривали дела единолично при схожей компетенции с земскими начальниками. Городских судей назначал министр юстиции.**

В 1894 году была учреждена комиссия под руководством министра юстиции Н. В. Муравьёва для пересмотра законов по судебной части. Имелся в виду общий, если не сказать всеобщий пересмотр судебных уставов 1864 года. Предлагалось изменить правила о несменяемости судей, расширить компетенцию единоличных судов, обсудить целесообразность сохранения суда

присяжных, заменить кассационный и апелляционный порядки пересмотра дел ревизионным, усилить надзор за адвокатурой[757]. Однако в 1899 году разработанный комиссией проект был отклонен, а сама комиссия закрыта. Отметим, что **глобальная новая судебная реформа, или контрреформа, несмотря на усилия таких влиятельных лиц, как К. П. Победоносцев и Н. В. Муравьёв, не состоялась. Основная часть актов, принятая в 1864 году, действовала до октябрьского переворота 1917 года.**

Глава 5. Экономические успехи

1. Общие замечания

Воцарение Александра III практически совпало со сменой технологического уклада: на смену второму пришел третий уклад, когда важнейшим источником энергии стали углеводороды, появился двигатель внутреннего сгорания, широко распространилось использование электроэнергии. Освоение технологий нового уклада развитыми, в основном имевшими либеральную форму устройства экономики странами привело в них к резкому росту экономики.

Россия не осталась в стороне от этого праздника жизни. Впрочем, довольно высокие темпы развития промышленности были связаны с низкой базой, в абсолютном выражении результаты не очень вдохновляли. Особенностью самодержавия было предпочтение госрегулирования и протекционизма и пренебрежение принципами свободы частного предпринимательства. Поэтому выбиться в лидеры технического прогресса Российской империи было сложно, хотя талантливые ученые и изобретатели в ней, конечно же, были.

> **Александр III совсем не разбирался в вопросах экономики и, что интересно, полностью отдавал себе в этом отчет. Он доверился профессионалам, а таковые были преимущественно в либеральной среде. Ретрограды думали все больше о духовном и нематериальном.**

В правительстве нового императора министром финансов стал Николай Христианович Бунге, происходивший из дворян евангелического исповедания. Его отец был типичным интеллигентом, детским врачом. Для всякого финансиста укрепление бюджета и упорядочение денежного обращения в стране – это святое.

2. Сельское хозяйство. Адаптация крестьянской реформы

Самой отсталой отраслью экономики было сельское хозяйство. Крестьяне обрабатывали землю собственным допотопным инвентарем, не использовали удобрения и оборудование. Очень немногие помещики пытались организовать крупное производство, применяя современную по тому времени технику и технологии.

В то же время при изменении подходов сельское хозяйство

могло стать самой перспективной отраслью в смысле наполнения бюджета. Поэтому среди множества проблем по крестьянскому вопросу, требующих кардинального решения, главным для Бунге стало регулирование податной системы. Для этого требовалось осуществить перевод временнообязанных помещичьих и государственных крестьян на обязательный выкуп, изменить и снизить выкупные платежи и отменить мешающую развитию государства подушную подать, т. е. перейти на налогообложение не с душ (лиц), а с имущества.

28 декабря 1881 года Александр III издал Указ «О выкупе наделов крестьянами, остающимися еще в обязательных отношениях к помещикам в губерниях, состоящих на Великороссийском и на Малороссийском местных положениях 19 февраля 1861 года»[758]. **Важно отметить, что этот акт готовился еще при жизни Александра II.**

В указе император, отдавая должное отцу, отметил: «Считая, по завету и примеру незабвенного родителя нашего, священным долгом своим заботиться о благосостоянии наших верноподданных всякого звания и состояния и следуя его благим предначертаниям о возможно лучшем устройстве крестьянского населения, повелеваем: 1. Остающихся еще в обязательных отношениях к помещикам бывших помещичьих крестьян в губерниях, состоящих на Великороссийском и Малороссийском положениях, перевести на выкуп и причислить к разряду крестьян-собственников с 1 января 1883 года. 2. Меру сию привести в исполнение на основании утвержденного нами сего числа и прилагаемого при сем Положения». В Положении указывалось, что оброчные повинности в пользу помещиков переводятся в выкупные платежи с понижением платы. Выкуп уплачивался казначейству, которое расплачивалось с помещиками, тем самым ликвидируя вековую долговую зависимость крестьян от помещиков.

В тот же день был принят другой указ – **«О понижении выкупных платежей»**[759], который устанавливал понижение выкупных платежей бывших помещичьих крестьян во всех губерниях, где были введены Местные Великороссийское и Малороссийское Положения от 19 февраля 1861 года: «Понижение выкупных платежей произвести в размере одного рубля с каждого обложенного сими платежами душевого надела, а в местностях, состоящих на Малороссийском Местном Положении 19 февраля 1861 года, в размере шестнадцати копеек с каждого рубля нынешнего оклада выкупных платежей

крестьян».

Действующая до середины 80-х годов XIX века система подушной подати, введенная Петром Великим, после отмены крепостного права с экономической, да и с моральной точки зрения выглядела как инструмент прошедшей эпохи, тормозящий развитие империи и ограничивающий права крестьян. Однако ее отмена могла существенно уменьшить ресурсы государственного казначейства. **18 мая 1886 года Государственный совет утвердил Закон «Об отмене подушной подати с податных сословий».** Закон регулировал условия отмены этой подати, обозначал сумму образующегося при этом дефицита в госбюджете и определял возможности его перекрытия. Согласно закону, с 1886 года государственные крестьяне переводились с оброка на обязательный выкуп. Такой ход мотивировался правительством его желанием сделать государственных крестьян «полными собственниками своих наделов». При этом выкупная стоимость наделов увеличивалась на 45%, а косвенные налоги – на 1/3, что и стало источником для покрытия убытков при отмене подушной подати[760].

> **Были увеличены налоги на товары, пользовавшиеся спросом у большой части населения. Так, кроме налога на спирт, сахар, табак, чай, нефть и пр. были на 30% повышены таможенные ставки.**

Некоторому социальному выравниванию призваны были служить налоги на доходы с процентных бумаг и с имущества, переходящего безвозмездными способами, путем дарения и наследования.

Совместно с министрами внутренних дел Н. П. Игнатьевым и государственных имуществ М. Н. Островским Н. Х. Бунге разработал **«Положение о Крестьянском поземельном банке»** и соответствующий ему перечень нормативных актов[761]. **18 мая 1882 года** документ был утвержден императором. Банком выдавались целевые ссуды на приобретение земли на срок от 24 лет шести месяцев до 34 лет шести месяцев по нормальной и специальной оценкам. Ссуды могли получить как сельские общины (общества), так и отдельные домохозяева.

В 1895 году вступил в силу «Устав Крестьянского поземельного банка»[762], разработанный министерством финансов под руководством С. Ю. Витте и утвержденный императором Александром III 27 ноября 1895 года. Основная деятельность банка теперь сводилась к «покупке земли у владельцев возможно более крупными участками и продаже их крестьянам мелкими частями без существенного повышения ее

стоимости». Тем самым снимались многие проблемы, сопровождавшие не только крестьянские приобретения, но и спекуляции помещичьей землей перекупщиками.

Тем временем значительная часть помещиков по разным причинам закладывала свое имущество, прежде всего землю. До отмены крепостного права они отдавали в залог и крепостных крестьян, а теперь начали все больше закладывать поместья. Если в 1870 году в залоге было 2,2% поместий, то в 1895 году – 40%. В 1886 году за долги продано 166 имений помещиков, а в 1893-м – 2400[763].

Чтобы оказать кредитную помощь потомственному дворянству путем предоставления льготного кредита и сохранения дворянских землевладений, был учрежден Государственный Дворянский земельный банк, о чем Александр III сообщил в своем рескрипте «Благородному российскому дворянству» от 24 апреля 1885 года. Главная идея рескрипта, написанного обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым, сводилась к стремлению восстановить «первенствующее место» дворянства в экономической жизни страны.

В **«Положении о Государственном Дворянском земельном банке»**[764] от 3 июня 1885 года его основной целью указывалось выделение ссуд под залог принадлежавшей потомственным дворянам земли, находящейся вне городов. Однако не все дворяне могли стать клиентами этого банка, а только те, у кого оценочная стоимость земли превышала 1000 (впоследствии 500) руб.

Крестьянский поземельный банк и Дворянский земельный банк способствовали консолидации земельной собственности в стране и предоставили наиболее экономически активным гражданам возможность перевести свое хозяйство на устойчивый путь развития.

> **Тем не менее сельское хозяйство по-прежнему оставалось отсталым и нестабильным, не могло справиться с неурожайными годами, что периодически приводило к голоду в различных регионах страны.**

Самый массовый голод поразил страну в 1891–1892 годах, когда люди вымирали буквально целыми семьями и деревнями. Несмотря на аномальную засуху и неурожаи, экспорт зерна за рубеж продолжался, дабы пополнить бюджет для вливания инвестиций в промышленность. Министр финансов Вышнеградский заявил: «Не доедим, но вывезем».

В тот год Россия продала почти 3,5 млн т хлеба и вышла на

первое место в мире по продажам зерна. Власть в центре и на местах долго не могла поверить в постигшую страну катастрофу. На одном из донесений о голоде Александр III начертал резолюцию: «У нас нет голодающих. У нас есть пострадавшие от неурожая».

Правительство попыталось ограничить вывоз зерна за рубеж, но этим воспользовались крупные землевладельцы, которые стали массово продавать его, поскольку за рубежом цена на него была выше. Это привело к коллапсу на железных дорогах. Следствием голода стали эпидемии в крестьянской среде. В дело помощи пострадавшим активно включились земские и общественные деятели, большую роль сыграли Лев Толстой и Владимир Короленко.

3. Промышленность. Фабричное (трудовое) законодательство

Министр финансов Н. Х. Бунге проводил протекционистскую политику. «Внимательное изучение слабых сторон нашего государственного строя указывает на необходимость обеспечить правильный рост промышленности достаточным для нее покровительством»[765], – писал он в одном из своих первых всеподданнейших докладов императору в 1883 году. Политическим идеалом Николая Христиановича была самодержавная монархия, основанная на законности, гласности и развитии местной общественной инициативы. Кроме прочего, он добивался принятия фабрично-заводского законодательства, создания рабочих ассоциаций для привлечения трудящихся к участию в деятельности заводов и фабрик.

Бунге организовал государственное финансирование машиностроения и металлургии, спасал от банкротства и крупные предприятия, и банки. Однако долго ужиться в окружении ретроградов инородец-финансист не смог и покинул министерский пост в 1886 году. В 1887–1895 годах он занимал пост председателя Комитета министров (не путать с введенным в 1905 году Советом министров).

Период работы Н. Х. Бунге министром финансов сопровождался кризисом и спадом производства, вызванного не в последнюю очередь полосой последовавших неурожаев (1882, 1884 и 1885 годов). Так что речь шла о стабилизации экономики, а не о ее развитии.

Подлинное развитие российской промышленности началось при следующем министре финансов И. А. Вышнеградском, видном русском ученом, профессоре, специалисте в области механики, основоположнике теории автоматического

регулирования. Вышнеградскому удалось способствовать оживлению промышленного развития в 1887–1889 годы. В результате при нем было достигнуто устойчивое равновесие, а затем последовало уже ежегодное крупное превышение доходов над расходами.

Приостановившаяся было в конце 1870-х годов постройка железных дорог в России с воцарением Александра III возобновилась и пошла быстрым и успешным ходом.

Но всего важнее по этой части было установление влияния правительства в области железнодорожного хозяйства как расширением казенной эксплуатации рельсовых путей, так и, в особенности, подчинением деятельности частных обществ правительственному надзору. Длина открытых для движения железных дорог (в верстах) была: в 1881 году – казенных 164,6, частных 21 064,8, всего 21 229,4; в 1894 году – казенных 18 776, частных 14 389, всего 33 165[766].

При Александре II к железнодорожному строительству правительство пыталось как можно шире привлечь частный капитал, гарантируя ему выгодные заказы и 5-процентную прибыль. Однако строились дороги медленно и плохо, процветала коррупция в высших эшелонах власти. Поэтому с подачи Бунге правительство начинает само строить новые железные дороги и выкупать старые в казну.

При идеологической и организационной поддержке Н. Х. Бунге были подготовлены и приняты законодательные акты, направленные на защиту трудовых прав подданных: **Закон от 1 июня 1882 года «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах»**[767], **Закон от 3 июня 1885 года «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах»**[768], **Правила от 3 июня 1886 года «О надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих, и об увеличении числа чинов фабричной инспекции»**[769]. Так было положено начало фабричному (трудовому) законодательству в России, которое, кстати сказать, было поддержано Д. А. Толстым, видевшим в нем «охранительное содержание».

Закон от 1 июня 1882 года устанавливал запрет на работу детей до 12 лет, детям 12–15 лет ограничивал время работы восемью часами в день (притом не более четырех часов без перерыва) и

запрещал ночную (от девяти часов вечера до пяти часов утра) и воскресную работу, а также применение детского труда во вредных производствах.

Владельцы предприятий должны были «предоставлять возможность» детям, не имевшим свидетельства об окончании по меньшей мере одноклассного народного училища или приравниваемого к нему учебного заведения, посещать школы не менее трех часов в день или 18 часов неделю.

По закону от 3 июня 1885 года запрещалась ночная работа (от девяти часов вечера до пяти часов утра) подростков до 17 лет и женщин на хлопчатобумажных, полотняных и шерстяных фабриках. Он вступил в силу с 1 октября 1885 года. Министр финансов мог распространять действие закона и на другие отрасли, но это было сделано еще только для вредных работ в фарфоровом и спичечном производствах.

Правила от 3 июня 1886 года были посвящены надзору за соблюдением фабричного (трудового) законодательства и представляли собой систематизированный законодательный акт. По выражению С. Ю. Головиной, в этой сфере они были «первым нормативным актом, содержащим зачатки кодифицированного источника»[770]. Документ состоял из двух частей: общие правила найма, распространяющиеся на всю Российскую империю, и «особые правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих». Правила комплексно решали «вопросы найма и увольнения работников, документального оформления трудовых отношений (посредством выдачи расчетной книжки), оплаты труда (включая периодичность выплаты заработной платы не реже одного раза в месяц), дисциплины труда (в частности, применения штрафных санкций за нарушение правил внутреннего распорядка, самовольное оставление работы), государственного контроля над соблюдением установленных правил»[771].

Первоначально либерализация фабричного законодательства не вызывала возражений со стороны промышленников. Однако уже при обсуждении Правил от 3 июня 1886 года и учреждении фабричной инспекции обнаружилось недовольство и сопротивление промышленников новым законодательным актам и особенно действиям инспекций. В результате правительство все чаще шло на попятную, ухудшая условия труда детей, женщин, да и всех рабочих. В названные акты периодически вносились поправки, ухудшающие правовую защиту работников. Рабочие отвечали усилением стачечного движения.

Несмотря на впечатляющие темпы роста, Российская империя все еще оставалась слаборазвитой страной. Однако второй этап развития экономики, связанный с именем следующего министра финансов С. Ю. Витте, перевел страну уже в когорту развитых стран. Но об этом мы расскажем в следующих главах.

Глава 6. Внешняя политика и строительство армии

Как мы отмечали, Александр Александрович, поучаствовав в боевых действиях, войну сильно не любил. Поэтому во внешней политике император руководствовался принципом поддержания мира со всеми государствами, а инструментом такой политики считал создание сильной российской армии и флота: «Отечеству нашему, несомненно, нужна армия сильная и благоустроенная, стоящая на высоте современного развития военного дела, но не для агрессивных целей, а единственно для ограждения целости и государственной чести России. Охраняя неоценимые блага мира… вооруженные силы ее должны развиваться и совершенствоваться наравне с другими отраслями государственной жизни, не выходя из пределов тех средств, кои доставляются им увеличивающимся народонаселением и улучшающимися экономическими условиями»[772], – заявил он на заседании Государственного совета. Император стремился показать вовремя свою силу, чтобы отбить охоту у других испытывать ее.

Вместо ушедшего в отставку графа Д. А. Милютина 22 мая 1881 года военным министром был назначен бывший начальник штаба Рущукского отряда генерал-адъютант П. С. Ванновский, с которым Александр III воевал в русско-турецкую войну. Преобразования в русской армии предусматривали: повышение боевой готовности путем увеличения количества боеспособных воинских частей; сокращение срока военной службы с шести до пяти лет, что позволяло увеличить численность обученного военному делу мужского населения страны; модернизацию военного и технического арсенала; усиление пограничных округов и крепостей вдоль западных границ России; улучшение профессиональной подготовки офицерского корпуса[773]. Значительно улучшилось материальное положение офицерского состава, были увеличены оклады жалования, введены разного рода льготы. Внедрялся офицерский кодекс нравственных и житейских правил.

Конечно, основным вопросом реализации этой программы стало финансирование реформ. Нагнетая обстановку, П. С. Ванновский в 1887 году писал: «Европа переживает ныне

тревожное время, все главнейшие государства увеличивают свои военные средства… нигде также не останавливаются перед расходами, как бы велики они ни были… во всех государствах эти бюджеты были усилены чрезвычайными кредитами, отпущенными главным образом на пополнение военно-материальной части и на крепостные работы»[774]. Военному министру оппонировал на заседаниях Госсовета глава финансового ведомства И. А. Вышнеградский, который из года в год не уставал повторять, что финансовая будущность России всецело зависит от торжества мирной политики Александра III[775]. Так или иначе, баланс между нуждами армии и флота и созданием условий для быстрого экономического роста страны путем ужесточения финансово-бюджетной деятельности усилиями Госсовета и трех министерств – иностранных дел, военного и финансов – был найден.

Из армейского быта исчезли муштра и помпезность. Военная форма изменилась кардинально. Армия стала неузнаваемой. По сравнению с былым блеском она стала серой, сермяжной. Вместо прежних ранцев солдаты носили вещмешки через плечо, сильно напоминавшие нищенские котомки. Резко сокращены были столь любимые прежними монархами регулярные парады.

Вместо них для поднятия уровня боевой подготовки армии Александр III регулярно устраивал большие маневры в местностях предполагаемых военных действий, проходившие в условиях, приближенных к реальным. Вооружение российской армии стало более современным и эффективным. Численность армии к концу царствования Александра III достигала почти миллиона человек, что составляло менее 1% от населения страны[776].

Большие планы Александр III связывал с отечественным военно-морским флотом. Учитывая уроки русско-турецкой войны, он воссоздал в 1886–1889 годы Черноморский флот. Как тогда говорили, император одел флот в броню, начав строить эскадренные броненосцы и бронепалубные крейсера, предназначенные для дальних океанских походов. Водоизмещение флота к концу царствования Александра III достигало 300 тысяч тонн, что вывело русский флот на третье место в мире после Англии и Франции[777].

По убеждению Александра III, потраченные на эти цели средства полностью возмещались миром, в котором жила Россия. Сильная Россия могла спокойно смотреть на бряцающих оружием

соседей, ее боялись и уважали.

Сам Александр Александрович олицетворял своей могучей персоной силу и уверенность в себе государства российского. Говорят, иногда в качестве доказательства этой силы он в процессе общения с иностранными дипломатами любил свернуть вилку в узел, говоря: «Вот что я с ними сделаю». «…Навсегда останется удивительным, каким образом в краткое тринадцатилетнее царствование императора Александра III Россия поднялась на высоту такой внутренней крепости и такого возможного внешнего положения», – писал философ В. В. Розанов[778].

Конечно, международные кризисы возникали регулярно, но каждый раз Александру III удавалось их разрешить, не прибегая к военным действиям и не проливая русской крови, причем именно ему, а не российской дипломатии.

Исполнителем внешнеполитических замыслов Александра III, а по сути дела его письмоводителем по внешнеполитическим делам, был министр иностранных дел Н. К. Гире, не игравший решающей роли, как его предшественник А. М. Горчаков.

Александр Александрович «умел внушить за границей уверенность, с одной стороны, в том, что он не поступил несправедливо по отношению к кому бы то ни было, не пожелает никаких захватов; все были покойны, что он не затеет никакой авантюры. Его царствование не нуждалось в лаврах; у него не было самолюбия правителей, желающих побед посредством горя своих подданных, для того чтобы украсить страницы своего царствования. Но об императоре Александре III все знали, что, не желая никаких завоеваний, приобретений, никаких военных лавров, император никогда, ни в каком случае не поступится честью и достоинством вверенной ему Богом России»[779].

Единственным боестолкновением во времена Александра III стал разгром небольшого отряда афганских войск, подзуженных английскими советниками. Разрастание конфликта с Великобританией, опасавшейся появления российских войск на границе с их колонией Афганистаном, было предотвращено установлением границы между этой страной и Россией.

Балканский кризис, вызванный беспочвенными претензиями Болгарии на объединение под ее началом балканских стран, грозил началом новой войны с Османской империей. Император отозвал всех российских офицеров из Болгарии, предложив последней решать самостоятельно свои проблемы. Конфликт с турками был исчерпан.

В июне 1881 года Россия, Австро-Венгрия и Германия подписали договор, предусматривавший благожелательный нейтралитет каждой стороны в случае, если одна из них окажется в состоянии войны с четвертым государством. Он не предусматривал совместных военных действий, фактически был договором о ненападении. Однако в 1882 году Германия, Италия и Австро-Венгрия заключили Тройственный союз, который предусматривал оказание помощи друг другу в случае войны с Россией или Францией.

В ответ Александр III начал в конце 1880-х годов сближение с Францией, несмотря на антагонистические противоречия между республиканской Францией и самодержавной Россией. В 1887 году Россия получила несколько крупных кредитов от правительства Франции. Между странами были подписани тайный договор 1891 года и секретная военная конвенция 1892 года, носившая чисто оборонительный характер и не предполагавшая никаких территориальных приобретений за чей-либо счет. По его условиям Россия обязывалась поддержать Францию войсками, в случае если на нее нападет Германия или Италия при поддержке Германии. В свою очередь, Франция должна была оказать подобную помощь России, если бы на нее напала Германия или Австро-Венгрия при поддержке Германии. Все это помогло восстановить равновесие в Европе, утвердить на долгий период мир и согласие и положило начало созданию нового военно-политического союза в Европе – Антанты.

На востоке усиливалась Япония. В 1891 году началось строительство Транссибирской магистрали от Челябинска до Владивостока общей протяженностью около 7000 км. Значение магистрали было не только экономическим, но и военно-стратегическим.

Глава 7. Кончина Александра Александровича Романова

В октябре 1888 года произошло крушение императорского поезда. В несколько секунд десять вагонов, включая царский, слетели с тележек, на которых держались колеса. Все в царской столовой, где находилась основная часть императорской семьи, встало вверх дном. На поднявшегося из-за стола императора рухнула крыша, и он успел удержать ее на своих плечах несколько секунд, после чего свалился под обломками. Стены вагона сплюснулись, раскидав всех завтракавших. Никто из императорской семьи сильно не пострадал.

В свите государя все получили ушибы, но легкие. При этом погибли четыре официанта, находившиеся в столовой, за перегородкой. По данным следствия, погибли 19 человек, ранены 14[780].

Следствие по делу о крушении императорского поезда велось специальной комиссией во главе с выдающимся юристом А. Ф. Кони.

В докладе Александру III он отметил: «Если характеризовать все происшествие одним словом, независимо от его исторического и нравственного значения, то можно сказать, что оно представляет сплошное неисполнение всеми своего долга. Из железнодорожных служащих, в сущности, исполнили свой долг только Витте и Васильев»[781]. Александр III, прощаясь, поблагодарил Анатолия Фёдоровича за его работу и интересный доклад и пожелал успеха в завершении трудного дела. При этом, признает Кони, «он, конечно, бессознательно пожал мне своей железной рукой руку так сильно, что, когда я вышел из кабинета, пальцы у меня были совсем белые»[782].

По решению комиссии Госсовета высшим чиновникам, обвиненным в халатности, приведшей к катастрофе, были вынесены выговоры даже без занесения в формуляр. Как признавался Кони, он был «возмущен до боли», а министр юстиции Н. А. Манасеин «подавлен и сконфужен». Показательно наказывать так называемых стрелочников император запретил.

Причиной катастрофы стала слишком большая скорость тяжелого поезда.

Как всякий русский, Александр Александрович любил быструю езду. Перегруженный состав вышиб рельсы из деревянных шпал, а ведь об этой опасности предупреждал управляющий Юго-Западной железной дорогой С. Ю. Витте, о котором тут же после катастрофы вспомнил государь.

Катастрофа не прошла для Александра Александровича бесследно. Вскоре после этого происшествия император стал жаловаться на боли в пояснице и правом бедре[783]. Болезнь неуклонно развивалась. Государь все чаще чувствовал себя нездоровым. Диагноз болезни, приведшей к кончине, поставленный на следующий день после смерти, – хронический нефрит с последовательным поражением сердца и сосудов, гемморагический инфаркт в левом легком с последовательным воспалением[784]. Один из подписантов впоследствии высказался о неточности диагноза. Вместе с тем мы знаем о коллегиальности

не только посмертного диагноза, но и наблюдения за угасающим Александром Александровичем в Ливадии. О прибытии врачей писал и Николай Александрович Романов в своих дневниках 3 октября 1894 года: «Понедельник. Сегодня подъехало еще двое эскулапов, Грубе и Захарьин; так что всего их теперь набралось в Ливадии пятеро: те двое, Лейден, Вельяминов и Попов»[785].

20 октября 1894 года Александр Александрович Романов умер в Ливадии в Крыму в возрасте 49 лет. Похоронен 7 ноября в Петропавловском соборе Петропавловской крепости г. Санкт-Петербурга.

Глава 8. Константин Петрович Победоносцев

1. Общие замечания

Сразу после кончины Константина Петровича Победоносцева, можно сказать, над его разверстой могилой началась неприличная в таких обстоятельствах дискуссия о его роли в истории России последней трети XIX века. Свой вариант ответа на сакраментальный вопрос «кто такой Победоносцев?» отстаивали два непримиримых лагеря. С одной стороны – государственники, или патриоты, как они сами себя называли, а оппоненты именовали их реакционерами, ретроградами и мракобесами. С другой – западники, или либералы, которых оппоненты называли радикалами и жидовствующей интеллигенцией.

Уникальную подборку статей и заметок в российской и зарубежной прессе по случаю кончины Константина Петровича, причем как со стороны его обожателей, так и хулителей, представил И. В. Преображенский[786], бывший сотрудник канцелярии Святейшего синода, много лет служивший под началом Победоносцева.

Единственное, в чем сходились оппоненты, так это в признании его огромного влияния на социально-политические процессы в империи времен Александра III, выдающихся умственных способностей и высоких нравственных качеств.

Константин Петрович отличался повышенной эмпатией к зачастую совершенно незнакомым ему людям, попавшим в тяжелую жизненную ситуацию, оказывал им моральную и нередко материальную поддержку. Большей частью он посылал деньги, не указывая, от кого они исходят, скрываясь под именем

неизвестного.

В остальном одни видели в нем ангела-спасителя России, другие – ее злого гения. Первые называли Победоносцева выдающимся церковно-государственным деятелем, при котором страна жила в покое и благоденствии, а подданные «совершали тихое и безмолвное житие в возможном благочестии и чистоте». Вторые видели в нем инквизитора и палача России, душителя свободы, ненавидящего все живое, и полагали, что именно его реакционная политика, отвращение к какой бы то ни было, хотя бы малейшей перемене привели страну к поражению в русско-японской войне и революции 1905–1907 годов.

Победоносцев вышел из религиозной среды: несколько поколений его предков были священнослужителями, дед был священником Храма Святого Великомученика Георгия в Москве. Отец его, Пётр Васильевич, был профессором словесности Московского университета, а мать, Елена Михайловна Левашова, из дворян[787]. С раннего детства его окружала атмосфера церковности, которая глубоко и крепко проникла в его душу, направив на путь служения тому сословию, из которого он вышел.

По происхождению Константин Победоносцев не принадлежал к высшим классам империи. Его фантастический карьерный рост был всецело результатом его интеллекта, неустанного труда и человеческой порядочности. Тем не менее при всех выдающихся способностях Победоносцева в значительной мере его карьера все же объяснялась наставничеством, переросшим в дружбу с наследником престола Александром Александровичем, ставшим 1 марта 1881 года российским императором.

> **Эти обстоятельства позволяют проводить некоторые параллели между Победоносцевым и Сперанским. Оба происходили из среды священнослужителей, оба вырвались «из грязи в князи» благодаря не только своим способностям, но и царскому покровительству. Оба оказали сильнейшее влияние на историческое развитие России. Наконец, оба отметились на правоведческом поприще. Но это чисто внешние совпадения. Сущностно это были, скорее, антиподы.**

Хотя Сперанский со временем переквалифицировался из прогрессистов в охранители, вся его деятельность была направлена на развитие, в том числе права и законодательства, а не на движение вспять. Вопреки утверждениям многочисленных источников, полагаем, что Победоносцев никогда не

придерживался либеральных взглядов, якобы изложенных им в анонимном памфлете на министра юстиции Панина, опубликованном Герценом в «Голосах из России» в 1859 году. Скорее всего, он его не писал[788]. Если в мировоззрении Победоносцева и были элементы либерализма, все они были подчинены особым приоритетам и ценностям Константина Петровича. Его ценностные установки сформировались в довольно раннем возрасте под влиянием патриархальной тишины старой Москвы и уюта окружающих порядков, сословных традиций семейного быта, религиозности в сочетании с глубоким патриотизмом. Он до конца жизни проявлял непоколебимую стойкость во взглядах и убеждениях, верность идеалам и искреннее, нелицемерное служение им.

2. Детство, юность, зрелость

Константин Петрович Победоносцев родился 21 мая 1827 года[789] в Москве, был одиннадцатым ребенком в семье. Семья была очень религиозная и, если можно так сказать, необычайно дисциплинированная. Руководителем семейной жизни была мама Елена Михайловна, с помощью слова божьего она ставила детей на путь истинный.

У Константина было десять братьев и сестер с обширным потомством, ко всем он относился тепло и любовно, при этом никогда не пускал в ход, подобно многим другим сановникам, своего влияния и связей в интересах их жизненных благ и карьеры. Сам он был женат на Екатерине Александровне Энгельгардт (1848–1932), дальней родственнице князя Потёмкина. Своих детей у них не было, но была приемная дочь Марфа (1897–1964).

В 1841 году Победоносцев поступил в созданное по инициативе М. М. Сперанского в 1835 году (год вступления в силу Свода законов Российской империи) Императорское училище правоведения, учился вместе с Д. Н. Набоковым, впоследствии константиновцем и министром юстиции, и И. С. Аксаковым, будущим знатным славянофилом. Обучение в училище правоведения приравнивалось к университетскому, но на деле, конечно, было выше, и его скорее можно сравнить с качеством обучения в Царскосельском лицее. Гражданское право Победоносцеву читал Александр Иванович Кранихфельд[790].

Поступление в аристократическое по составу учебное заведение было большим успехом для внука приходского священника и сына выслужившего дворянство университетского преподавателя, значительным шагом вверх по социальной

лестнице. Не обошлось без связей его отца в среде московских вельмож. Наработанные в училище связи с будущими сильными мира сего сыграли немаловажную роль в его дальнейшей карьере.

Окончив училище в 1846 году, Константин Петрович возвратился в Москву, где начал юридическую деятельность (карьеру) в Московском департаменте Правительствующего Сената. От помощника секретаря он дослужился до обер-секретаря. Трудолюбие и аккуратность плюс доскональное знание законодательства принесли ему уважение чиновников и авторитет среди московской знати того времени. Параллельно со служебной деятельностью он продолжал заниматься русским гражданским правом, сравнивал отечественные источники с зарубежными, анализировал судебную практику и со временем стал известен как один из лучших знатоков этого предмета в России.

Закономерно, что в 1859 году его пригласили в Московский университет читать лекции по гражданскому праву и гражданскому процессу. Надо сказать, что Победоносцев заменил популярного в университете профессора В. Н. Никольского, уехавшего за границу в командировку. Этот факт, вероятно, был дополнительным стимулом для подготовки Константина Петровича к занятиям.

Победоносцев долгое время совмещал государеву службу и преподавательскую деятельность в Московском университете.

В это время он написал большое количество статей по гражданскому праву, судоустройству и судопроизводству. Самая известная его статья того времени – «О реформах гражданского судопроизводства», опубликованная в двух номерах «Русского вестника» за 1859 год. Статья имела большой резонанс среди тех, кто понимал катастрофическое положение суда и судопроизводства в империи. Это даже скорее не статья, а вполне себе программный документ. В ней он писал, что жизнь человека получает смысл не от материальной силы и благосостояния, а от идеи, которая ее одушевляет. В статье также указывалось на важность отделения судебной и административной частей, необходимость адвокатуры, устного процесса и т. п. Однако ни о гласности судопроизводства, ни о мировых судах и суде присяжных в этой работе ничего не говорилось, поскольку Константин Петрович изначально был против этих нововведений. Цель судебной реформы Победоносцев видел не в наделении правами, а в укреплении уже существующих прав. Он говорил о законе как о возможности, тогда как либералы принимали закон

за осуществление права.

3. Государева служба

Вести о высокопрофессиональном руководителе Московского департамента Сената, преподающем в университете, дошли до императорского двора, и **в 1861 году Победоносцева пригласили для обучения цесаревича Николая и великого князя Александра**. Одновременно Константин Петрович стал работать в составе группы ученых-юристов, вошедших в комиссию Госсовета для подготовки проектов судебных уставов.

Под руководством Госсекретаря В. П. Буткова и его помощника С. И. Зарудного Константин Петрович активно участвовал в разработке судебной реформы.

С Сергеем Ивановичем[791] сразу же сложились хорошие деловые отношения: они вместе отстаивали целый ряд вопросов при подготовке судебных уставов, например о сроках, компетенции председателя суда, о присяжных[792].

Однако было бы ошибкой полагать, что в то время Победоносцев полностью разделял идеи либеральных реформаторов. В 1865 году он опубликовал статьи, посвященные судебной реформе, в газете «Московские новости», где выступил против «основания реформы на отвлеченных началах, но за тщательную проработку деталей с учетом местных условий».

Когда реформа стала противоречить его представлениям о ней, Победоносцев перешел в открытую оппозицию к преобразованиям, а затем стал их решительным противником. В 1884 году он писал: «Своих мыслей я об уставах не изменил, и когда сидел в комиссии, протестовал против безрассудного заимствования из французского кодекса форм, не свойственных России. И наконец, с отвращением бежал из Петербурга в Москву, видя, что не урезонишь людей… Когда вышли судебные уставы, я писал для „Московских новостей“ критику их, в коей содержались те же мысли в существе, за которые сейчас ухватились „Московские ведомости“, но в то время редакция не решилась напечатать и выпустила у меня самые существенные мысли»[793]. Так что отрицательное отношение Константина Петровича к системным судебным преобразованиям вообще и к гласности судопроизводства и суду присяжных в частности было у него с самого начала.

Константин Петрович разрывался между Санкт-Петербургом, Москвой и дорогой. При этом в обоих городах у него было

несколько постоянных обязанностей: в столице – обучение цесаревича и великого князя и «преобразование судебной части», в Москве – департамент и университет. Силы не безграничны, тем более дорога между Петербургом и Москвой здоровья не добавляет.

В 1863 году Константин Петрович стал обер-прокурором Московского департамента Правительствующего Сената. С тяжелым сердцем он ушел из университета, получив там хороший педагогический опыт и подготовив курс лекций, на основе которых впоследствии издал знаменитый учебник – о нем мы скажем чуть ниже.

20 ноября 1864 года Александр II утвердил судебные уставы, в подготовке которых Победоносцев принимал непосредственное участие, будучи их неравнодушным критиком. Однако для самого Победоносцева следующий 1865 год был куда более определяющим. В этом году скончался цесаревич Николай. Цесаревичем становится Александр Александрович Романов. Это событие меняет жизнь Константина Петровича: он становится сначала преподавателем государства и права, а впоследствии – основным наставником Александра. Его обучение, скорее всего, несло оттенок заметной оппозиции официальному реформаторскому курсу и правительственному либерализму. С учетом возраста Александра и скоропостижности смерти Николая обучение шло по напряженному графику.

Общение, переросшее в наставничество, продолжалось и после восхождения на престол Александра III. В. А. Томсинов указывает на то, что «свои лекции наследнику престола Константин Петрович читал до конца 1860-х годов, однако и после этого он оставался его учителем. В письмах к Александру Александровичу Победоносцев регулярно рекомендовал ему для прочтения ту или иную книгу. Причем выбор литературы для цесаревича, а затем русского императора был неслучайным»[794]. Важно и то, что Константин Петрович давал уроки супруге цесаревича Марии Фёдоровне и его младшему брату Владимиру Александровичу.

В 1868 году Победоносцев стал сенатором, работал в Гражданском кассационном департаменте. Победоносцев все откровеннее выказывал критическое отношение к реформам Александра II и даже к его образу жизни[795]. Взгляды Константина Петровича находят отклик у цесаревича и его матери-императрицы Марии Александровны, особенно в свете связи Александра II с княжной Е. М. Долгоруковой.

В 1872 году по просьбе цесаревича Победоносцев назначен членом Государственного совета, где обсуждаются проекты законов и заслушиваются доклады министров. Константин Петрович, будучи известным законоведом и опытным чиновником, активно выступал по разным вопросам, в том числе с критических позиций, весьма близких к славянофилам. Ему все сходило с рук. Он критиковал суд присяжных, Госсовет, близких к императору лиц.

До 1880 года деятельность Константина Петровича сопровождалась значительным количеством правовых публикаций, среди которых **следует выделить его замечательный труд – трехтомное издание «Курс гражданского права» (1868–1880).** В то время в империи был доступен «Учебник русского гражданского права» Д. И. Мейера, но «Курс» Победоносцева был, во-первых, подготовлен с учетом не только Свода законов, но и крестьянской и судебной реформ, во-вторых, давал сравнительный анализ римского права, германского и французского законодательства с русским правом и, в-третьих, учитывал практику применения и предлагал примеры, в том числе судебной практики.

Первый том был опубликован в 1868 году, второй – в 1871-м, третий – в 1880-м. Законодательство о судебной реформе вступило в силу: заработали суды, адвокатура, нотариат. Шла перестройка юридического образования, «Курс» оказался очень востребованной книгой. Г. Ф. Шершеневич указывает, что «„Курс“ г. Победоносцева стал необходимым руководством для каждого юриста, имеющего отношение к гражданским делам, стал принадлежностью самой скромной юридической библиотеки. Влияние его обнаруживалось не только на судьях и адвокатах, но и на практике высшей судебной инстанции. Во многих решениях гражданского кассационного департамента, преимущественно 70-х годов, можно заметить отражение взглядов г. Победоносцева, нередко излагаемых его собственными словами»[796].

Анализируя работу, многие рецензенты указывали на недостатки, которые связаны с его мировоззрением. «Ценности его догматических заключений в области семейного права, – пишет Шершеневич, – мешает в значительной степени то обстоятельство, что в его лице, как выразился г. Спасович, „вмещаются две персоны: он прежде всего историк-юрист, одаренный верным чутьем при оценке явлений прошедшего, но он порою бывает и богослов“. Теологическая точка зрения нередко сталкивается с юридической, и отсюда получается непоследовательность»[797].

«Курс» продолжает быть популярным и в наше время,

несмотря на произошедшие потрясения в государстве и обществе. Он наряду с учебниками Мейера и Шершеневича и сейчас остается наиболее востребованным материалом для изучения гражданского и семейного права. Возможно, среди прочего это связано с большим интересом правоведов к работам дореволюционных юристов, которые были недоступны во времена СССР. Этот интерес возник еще в конце 1980-х годов и сохраняется в наши дни.

4. Обер-прокурор Святейшего синода

В апреле 1880 года неожиданно для многих Александр II назначает Константина Петровича обер-прокурором Святейшего правительствующего синода вместо графа Дмитрия Толстого. Более того, **в октябре 1880 года он становится и членом Кабинета министров,** и это при том что отношение императора к Константину Петровичу было достаточно прохладным. Это назначение Александр II подписал, идя навстречу своей семье.

Во главе Святейшего синода Победоносцев произвел окончательное слияние церкви и государства, более того, за счет своего могущества замкнул на себе огромную часть государственных полномочий. Существенно увеличилось число епархий, монастырей и храмов. Были открыты новые епархии: Екатеринбургская, Владикавказская, Финляндская и Забайкальская. Значительно улучшилось положение духовенства военного ведомства. Открыты были четыре новые духовные семинарии: Оренбургская, Якутская, Красноярская и Кутаисская[798].

> **И при жизни, и после смерти Победоносцева мнения по поводу его деятельности сильно различались. Одни считали, что он пробудил церковные силы, поднял церковную жизнь, и при нем она достигла значительной степени развития, а в некоторых своих сторонах и процветания. Другие, в том числе священнослужители, наоборот, считали, что церковь за время его обер-прокурорства была вся зашита в чиновничий виц-мундир для того, чтобы чрез чистое Христово учение проводить в народ реакционные политические взгляды.**

Обновленные К. П. Победоносцевым церковно-приходские школы были призваны обеспечить усвоение учениками начал

веры и нравственности, верности царю и отечеству, а также получение «первоначальных полезных знаний»[799]. Церковно-приходские школы существовали и раньше, но в 1870-х годах министерство народного просвещения Российской империи фактически подчинило церковные школы своему административному управлению. Тогда же многие церковные училища перешли в ведение земств. Теперь они назывались начальными народными училищами, но цели перед ними ставились, в общем-то, те же самые.

Наряду с правоведческими трудами Константин Петрович издал немало работ на религиозные темы. Самой выдающейся из них считается «Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа в новом русском переводе К. П. Победоносцева. Опыт к усовершенствованию перевода на русский язык священных книг Нового Завета»[800], в котором он проявил себя не только как богослов, но и как тонкий стилист и художник слова.

В консервативной религиозной среде он считался истинным христианином, непримиримым борцом за чистоту православной веры и с ее хулителями. В этой борьбе он не побоялся отлучить от церкви самого Льва Толстого[801]. В области религии он последовательно выступал против принципов свободы совести, отделения церкви от государства. Впоследствии в начале 1900-х годов Победоносцев решительно воспротивился реформе церковного управления, в том числе восстановлению патриаршества, созыву Поместного собора, расширению веротерпимости и т. п.

Вместе с тем часть православных считала его чуть ли не атеистом, человеком, ни во что не верящим, для которого нет ничего святого и возвышенного. По их мнению, никто более Победоносцева не содействовал падению веры в Бога, никто не принизил так религиозности русского народа, никто так не способствовал бегству всех свободных умов в материализм и атеизм. Энтузиазм, с которым «православные» разоряли церкви во время революции, в общем-то, подтверждает этот тезис.

Константин Петрович достаточно быстро вошел в новую должность. Отношения с императорской семьей были весьма доверительными, за исключением отношений с Николаем Александровичем, который его всегда опасался.

Как ни удивительно это звучит, но роль наставника для многих членов императорской семьи по многим вопросам, особенно религиозным и государственным, играл именно Победоносцев.

И конечно же, закономерно, что после гибели Александра II Манифест о восхождении на престол было поручено составить именно Константину Петровичу. Он справился. Манифест «О незыблемости самодержавия» Победоносцев подготовил один, без всяких согласований, более того, убедил Александра III не показывать никому, включая министров, до его провозглашения. О содержании Манифеста мы рассказали в главе второй настоящей работы.

К сказанному следует добавить, что в автобиографии, представленной Николаю II, сам Победоносцев пишет о Манифесте и Александре: «Положение его было ужасное – он не знал, как поступить и что делать, чтобы из него выйти. Я видел, до чего разгорались страсти, и прямо боялся за его безопасность – нечего и говорить, как боялся за судьбы России. И правда, чтобы выйти из этого положения, я убедил его сделать решительный шаг – издать Манифест 29 апреля 1881 года. Всем было более или менее известно мое в этом деле участие»[802]. Однако «…кучка людей, державших власть в руках, спешила тем более в первые же дни после катастрофы достичь своей цели. Молодой государь, захваченный врасплох страшным событием, казалось им, не мог воспротивиться – никто из них не знал его, и все они надеялись захватить его в свои руки и управлять им»[803]. Видимо, чтобы не было никому обидно, Константин Петрович решил взять бремя манипулирования императором на себя.

С восшествием на престол Александра III энергия Константина Петровича обрела новые формы и возможности. Близость к царю сделала его одним из самых могущественных людей России. При этом он никогда не использовал свое влияние на монарха для собственного обогащения и обретения высоких должностей. «Победоносцев – центральная фигура в правящих кругах эпохи контрреформ. Его личность – властная, боевая, воинствующая – представляла собой тот узел, в который сходились все нити государственной политики в царствование Александра III. На посту обер-прокурора Синода он хотел и сумел стать фактически главою правительства, твердо и цепко сжимающим в своей руке руль государственного корабля»[804], – писал историк и депутат второй Государственной думы А. А. Кизиветтер.

Победоносцев играл ведущую роль в определении правительственной политики в области религии, народного просвещения и в национальном вопросе. «Смешение принципов национального и религиозного достигло последних пределов уродства. Только православный считался истинно русским, и только русский мог быть истинно православным. Вероисповедной

принадлежностью человека измерялась его политическая благонадежность»[805].

Религиозная политика Победоносцева характеризовалась очень жесткими действиями по отношению к старообрядцам, баптистам, молоканам и т. п., которых власть стала преследовать и подвергать самым настоящим полицейским репрессиям[806].

Сам Константин Петрович всячески отнекивался от своей причастности к творившемуся насилию. В уже упоминавшейся автобиографии он писал: «Не мешаясь ни в какие дела других ведомств, я вел жизнь уединенную, однако при всем том всюду – и в России, и за границей – я продолжал считаться всесильным человеком, от которого все исходит в России, и на мой счет ставились все и всякие распоряжения правительства, о коих я даже не имел понятия. Из разных углов России, из Европы, из Америки сыпались мне злобные, угрожающие письма то от нигилистов, анархистов, либералов всех оттенков, то от жидов, приписывавших мне лично все ограничения, все распоряжения об их высылке и проч.»[807].

Может, Константин Петрович лично не составлял соответствующих указов и распоряжений, не отдавал приказов и вообще не обладал необходимыми формальными полномочиями, так это было и не нужно. Вот пример обсуждения на заседании Государственного совета проекта о прекращении гонений на старообрядцев[808]: «Всем присутствовавшим было ясно, что нельзя преследовать людей за двуперстие, поклонение иконам старинного письма и вообще за желание совершать обряды и верить в Бога по-своему. Многими ораторами указывалось на то, что у нас не только ни одно инославное, но даже языческое исповедание не подвергается тем гонениям, каким старообрядческое. Вопрос о свободе был решен, оставалось приступить к баллотировке, как встает Победоносцев и произносит следующее: „Здесь говорят о свободе, которой у нас пользуются католическое, лютеранское, магометанское и даже языческое исповедание. Я знаю, господа, государства, в которых допущено обращение иностранной монеты, но я не знаю такого, в котором допускалось бы обращение фальшивой“. Это сравнение до такой степени ошеломило всех, что вместо свободы начались репрессии, и старообрядцы стали подвергаться новым усиленным гонениям, а бедных духоборов довели до необходимости переселиться в другую часть света»[809].

Если в 1881 году у большинства членов правительства Александра II хватило здравомыслия не поддаться изощренной демагогии Победоносцева и проголосовать за реформы Лорис-Меликова, то члены Госсовета десять лет спустя противостоять

Константину Петровичу не смогли.

Не меньшую ненависть со стороны Победоносцева, чем представители русских религиозных меньшинств, вызывала многочисленная еврейская община. Именно он стоял за серьезным антисемитским поворотом внутренней политики Российской империи. В частности, Константин Победоносцев стал инициатором выселения евреев из Москвы в 1891–1892 годах, при нем стали происходить еврейские погромы, против которых выступали многие видные религиозные деятели, включая епископов православной церкви[810].

По истечении 20 лет с начала действия судебной реформы и четырех лет после смерти Александра II обер-прокурор Святейшего синода в октябре 1885 года представляет Александру III доклад по форме, а по сути программу пересмотра судебных уставов «О необходимости судебных реформ», т. е. реформирования результатов судебной и других реформ Александра II, хотя это было, как говорится, совсем не по его кафедре. Корректировка реформы в значительной степени удалась (см. § 3 главы 4 настоящей работы). Изменилась судебная система империи, принципы разделения административной и судебной власти, а также гласности и внесословности судов были попраны при утверждении императором актов, посвященных земским участковым начальникам.

5. Победоносцевский проект России

Константин Петрович Победоносцев написал огромное количество работ, научных и публицистических, государственно-правовых и религиозных. Часть записок и докладов была опубликована после его смерти. Многие работы, особенно после того как он стал обер-прокурором Священного синода, были направлены на формирование мнения императора, его окружения либо давали направления мыслям лиц, влияющих на принятие тех или иных решений. Часто Константин Петрович объединял эти две цели, т. е. убеждал и направлял.

Все это принесло Победоносцеву громкую славу идеолога эпохи правления Александра III. Однако распространяемые им взгляды отнюдь не представляли собой чего-то оригинального и во многом выражали воззрения постреформенной реакционной верхушки империи 1870–1890-х годов. Впрочем, и Александр к моменту обретения статуса цесаревича уже был вполне сформировавшейся личностью, приверженной тем же взглядам.

Константин Петрович опасался широких обобщений, а всякие теоретические конструкции и вовсе считал ложью. Предпочитал,

так сказать, органическую методологию, тяготевшую к описательности и фактографичности[811]. Например, он предлагал своим студентам изучать право путем сплошного, без использования предметных указателей, чтения Полного собрания законов Российской империи, начиная с первого тома, избегая попыток систематизации и концептуализации[812]. Неудивительно, что набор его общественно-политических взглядов на историю и будущие перспективы России, выработанный в основном во время его историко-правовых штудий, носил комбинированный характер. Какая уж тут идеология.

Выражаясь современным языком, Победоносцева можно скорее назвать социальным технологом и пиарщиком.

> **По словам многих общавшихся с ним современников, модель России в художественном исполнении Константина Петровича выглядела так: дикое замерзшее темное поле, и среди него гуляет лихой человек. А раз так, то в России ничего так не нужно, как власть. Власть против этого лихого человека, который может наделать бед в нашей темноте и голытьбе пустынной**[813].

Исходя из этой модели наш герой взял на себя и всю свою активную жизнь нес миссию по сохранению власти, власти самодержавной, поскольку, как и все консерваторы, считал ее единственно возможной для России с ее географическими и историческими особенностями. В общем, взялся обеспечить незыблемость самодержавия, которую с его слов и провозгласил император.

При этом способом решения поставленной задачи он видел не модернизацию власти в соответствии с потребностями социума, как этого требовали реформаторы, а, наоборот, такое изменение общества, при котором оно станет полностью адекватным самодержавию. А это сугубо социотехнический проект, кстати сказать, впоследствии взятый на вооружение большевиками, пытавшимися перекроить общество под диктатуру пролетариата.

Возможно, Константин Петрович лучше всех понимал принципы функционирования сущности под названием «самодержавие», главный из которых – полная экспроприация властью любой социальной и политической субъектности из окружающей действительности. Никаких политических субъектов, кроме власти, быть не должно, включая самого царя, что так наглядно продемонстрировал еще Иван Грозный на примере

несчастного Симеона Бекбулатовича. В вотчинном государстве, из которого выросло самодержавие, не было даже никаких экономических субъектов, поскольку земля здесь давалась за службу, а не служба шла с земли.

Так что любые намеки на политическую субъектность в виде народного представительства, самоуправления, судов присяжных, свободной прессы и прочих говорилен должны решительно пресекаться. Конечно, после Великих реформ экономическую субъектность обратно отнять уже не удастся, но «отвлеченные начала экономической свободы» по возможности должны блокироваться. Слово «рынок» носило у него ругательный оттенок. России, по мнению Победоносцева, еще на долгие годы суждено было оставаться страной преимущественно аграрной, большинство населения которой будет поглощено заботой о выживании, а не о повышении благосостояния.

> **Конечно, Константин Петрович и не мечтал вернуть Россию в XVII век, в чем его упрекали некоторые оппоненты. Он признавал факт необратимости развития общества, но протестовал против всякого волевого вмешательства в исторически сложившийся уклад, дожидаясь его самопроизвольных изменений. В общем, все та же уваровская теория органичного развития страны в рамках, задаваемых самодержавной властью**[814].

Какова же технология канализации развития общества в нужном для власти направлении? Каков механизм взаимодействия самодержавия и подведомственного населения в условиях отсутствия народного представительства и вообще каких-либо общественных и политических институтов? Победоносцев был убежден, что единственный язык, на котором власть может говорить с народом, – это православная вера.

Православие было для него не только вероисповеданием и мировоззрением, но и образом жизни. Самодержавная власть понимает народ, поскольку имеет с ним общую веру. И народ покоряется власти только по причине этой самой общей веры. Константин Петрович считал сознание простого русского народа истинно христианским, основанным на смирении и персонализме, а потому истинно мудрым[815].

Важной составляющей народной мудрости, а точнее сказать, архаичной крестьянской культуры, которую наш герой противопоставлял всяким модернистским веяниям, считались семейные традиции в духе Домостроя: «Не место женщине ни на кафедре, ни в народном собрании, ни в церковном учительстве,

место ее в доме, вся красота ее и сила во внутренней храмине и в жизни, без слов служащей для всех живым примером»[816]. Эмансипацию женщин, расширение сферы их общественной деятельности Победоносцев считал страшной угрозой устоям традиционной семьи и социальной стабильности в целом.

Константин Петрович отвергал любые модели мира, связанные со свободой выбора, теории естественного права и общественного договора, поскольку не признавал автономности человека от Бога в вопросах познания, нравственности, законодательства, человеческих взаимоотношений, творчества и т. д.

Таким образом, инструментарием своего социотехнического эксперимента Победоносцев видел воспитание, образование и миссионерскую деятельность, т. е. суггестию. Отсюда и повсеместное открытие церковно-приходских школ, служивших для него воплощением идеи об общности цели образования и цели жизни в вере, увеличение объема религиозных предметов в светской школе, цензура в отношении религиозных мыслителей, осуществление пышных религиозных юбилейных торжеств с прицелом на воспитательный эффект.

Свое мировоззрение Константин Петрович систематизировал и опубликовал в «Московском сборнике»[817] – подборке его статей, написанных в разные годы и посвященных различным аспектам общественной жизни. Это самое известное его произведение, впервые изданное во время правления Николая II в 1896 году. Впоследствии сборник неоднократно переиздавался, в том числе и в наши дни.

Довольно много внимания автор в этой книге уделил критике демократических институтов – парламента, свободной прессы, рыночных отношений. Как там у Жванецкого: «Давайте спорить о вкусе устриц с теми, кто их ел»? За неимением российского опыта он использовал идеи зарубежных мыслителей, таких как философ Т. Карлейль, правоведы Дж. Ф. Стивен и Г. С. Мэн[818].

«Перед выборами кандидат, – пишет Победоносцев, – твердит все о благе общественном, он не что иное, как слуга и печальник народа, он о себе не думает и забудет себя и свои интересы ради интереса общественного. И все это – слова, слова, одни слова, временные ступеньки лестницы, которые он строит, чтобы взойти куда нужно и потом сбросить ненужные ступени. Тут уже не он станет работать на общество, а общество станет орудием для его целей. Избиратели являются для него стадом для сбора голосов, и владельцы этих стад подлинно уподобляются богатым

кочевникам, для коих стадо составляет капитал, основание могущества и знатности в обществе».

По смыслу не очень отличается от выступления 8 марта 1881 года (см. «8 марта 1881 года» в настоящей работе). Написано, конечно же, логичнее и красивее, да и вряд ли он думал, что его в 1881 году кто-то конспектирует. Тем не менее есть несколько нюансов, на которые следует обратить внимание.

Первое. В «Московском сборнике» он не говорит, что лучше, чем участие так называемых народных представителей, может быть только самодержавие.

Второе. Он не трогает в своей работе крестьянскую реформу, которая, несмотря на первоначальные заклинания ретроградов, при Александре III продолжалась. Напомним, что 8 марта Победоносцев проехался и по ней.

И наконец, третье. 8 марта он убеждал Александра III, в сборнике – Николая II, но прошло 15 лет, а аргументация Победоносцева не изменилась, в то время как общество и империя стали другими.

Суть его критики парламентаризма, в котором он видел «одно из самых лживых политических начал», вкратце сводится к следующему. Вроде это и неплохой механизм управления, но эффективным он мог стать, если бы в представительные органы власти и в правительство избирались правильные люди, устранившиеся от своей личности в пользу служения государству и обществу в лице избирателей. По умолчанию критерии правильности людей, способных образовать из себя слаженный механизм государственного управления, должны определяться властью. Ну и зачем городить этот огород, если император и без всяких представительных органов может назначить в правительство правильных людей?

К тому же идеальный механизм народного представительства в принципе недостижим, поскольку испорченное общество неспособно избрать правильных людей, а изберет демагогов и прочих «собирателей голосов», «искателей популярности на шумном рынке». «Выборы никоим образом не выражают волю избирателей. Представители народные не стесняются нисколько взглядами и мнениями избирателей, но руководятся собственным произвольным усмотрением или расчетом, соображаемым с тактикою противной партии. Министры в действительности самовластны: и скорее они насилуют парламент, нежели парламент их насилует. Они вступают во власть и оставляют власть не в силу воли народной, но потому, что их ставит к власти или устраняет от нее могущественное личное влияние или влияние сильной партии».

Иными словами, власть оказывается в руках альтернативных самодержавию политических субъектов, что недопустимо. Поэтому Константин Петрович считал демократию ущербной системой государственного управления, являвшейся плодом радикального реформирования и абстрактно-рационалистического конструирования, изначально обреченной на провал, и предрекал скорое апокалиптическое ее падение даже в таких странах, как США и Великобритания, наиболее исторически к ней приспособленных[819].

За деструктивные, по мнению нашего героя, принципы представительной демократии в России выступала лишь узкая общественная прослойка, оторванная от народа, «все безумные… журналисты, профессора, чиновники-либералы». Защитить «простой народ» от этих политических дельцов могло лишь самодержавие – система власти, опирающаяся на исторические традиции, не зависящая от порочных по своей сути парламентских механизмов и системы выборов.

Можно долго разбирать и критиковать аргументацию Константина Петровича, но для экономии сил и времени обратимся к критерию истины, к которому апеллировали последователи Победоносцева, пытаясь опровергнуть наскоки на него ряда публицистов: «История покажет, кто прав, а кто нет». Сто лет прошло, и история показала заметное увеличение числа демократических стран за счет ранее автократических. А обратного процесса не наблюдается.

Очень недоволен был Константин Петрович и свободной прессой, в которой видел еще одного несанкционированного субъекта политики: «Ежедневный опыт показывает, что тот же рынок привлекает за деньги какие угодно таланты, если они есть на рынке, и таланты пишут что угодно редактору… Самые ничтожные люди… могут основать газету, привлечь талантливых сотрудников и пустить свое издание на рынок в качестве органа общественного мнения», «Газета, становится авторитетом в государстве, и для этого единственного авторитета не требуется никакого призвания. Всякий, кто хочет, первый встречный может стать органом этой власти… и притом вполне безответственным, как никакая иная власть в мире»[820].

С особой подозрительностью Победоносцев относился к ответственной бюрократии, на глазах наращивавшей свою управленческую субъектность. Понятия «бюрократия», «чиновничество» были наполнены для него почти таким же

негативным смыслом, как «либералы», «интеллигенция», «журналисты» и т. п. Он видел в бюрократии формализованную механическую силу, оторванную от народной «почвы», способную стать орудием разрушительных для традиционного уклада реформ, средством проведения в народную среду чуждых ей начал, и призывал к переходу к «небюрократическому самодержавию».

«В России бумагой и уставом мало что можно сделать, но все можно человеком. Я никогда не верил в учреждение и регламентацию… Что бы ни говорили теории… – движущая сила всего есть живой человек и в нем – живой огонь, от одного к другому передающийся»[821]. Власть самодержца должна оставаться неограниченной, не связанной формальными ограничениями, не зависящей ни от каких внешних сил. В то же время реализовывать эту власть предполагалось в максимально живой, небюрократической форме.

Для этого государь должен положить свою душу и здоровье на алтарь «живых», неформальных способов управления на основе личных контактов, не замыкаясь в рамках официальных административных механизмов и бюрократических формальностей, «отдать себя работе, которая сожигает человека, отдавать каждый час свой и с утра до ночи быть в живом общении с людьми, а не с бумагами только»[822].

Понятно, что живому человеку, к тому же вынужденному постоянно контактировать с придворными и правительством, за народными настроениями во всей России не уследить. Поэтому в системе управления необходим важнейший элемент – доверенный царский советник, который находился бы постоянно при царе и пользовался его неограниченным расположением. Именно он должен был донести до государя потребности основной массы народа, к чему неспособны были, как доказал наш герой, представительные учреждения.

В качестве такого интерфейса между императором и народом Константин Петрович скромно предлагал себя: «Я старовер и русский человек. Я вижу ясно путь и истину… Мое призвание – обличать ложь и сумасшествие». «Я русский человек, живу посреди русских и знаю, что чувствует народ и чего требует»[823]. Став этим самым царским советником, «ближним боярином», он и получил инструментарий для реализации своего социотехнического проекта.

Стремясь выстроить «живую, небюрократическую» систему управления, Победоносцев самостоятельно решал, когда и по какому поводу обращаться к монарху.

Он играл решающую роль в назначениях на государственные посты, поскольку считал эту сферу деятельности важнейшей. Именно от людей, а не от учреждений зависело направление государственной политики и эффективность управленческой деятельности.

Обер-прокурор старался держать под контролем назначения в Сенат и Государственный совет, на губернаторские посты, в отдельных случаях даже на должности среднего и низшего звена в государственном аппарате (директора департаментов, полицеймейстеры и др.)[824].

Свой эксперимент Победоносцев рассчитывал осуществить предпочтительно суггестивными методами, черпая аргументацию в православии и народной мудрости[825], а также на основе кадровой политики с опорой на «тружеников провинции, скромно делающих дело в своем углу». Методы государственного насилия он понимал как вспомогательные, прежде всего для подавления деструктивных элементов. Однако в самодержавной России мощность этих двух методов была несопоставимой, и на первый план вышло именно насилие. Как говорили злые языки, церковь превратилась в молельню при полицейском участке. Да и сам Константин Петрович со временем превратился в заскорузлого церковного бюрократа.

Победоносцевский проект потерпел крах еще при его жизни, что смело можно было предположить в самом начале его осуществления. Как сказал тогда Константину Петровичу М. Т. Лорис-Меликов, «Вы оригинально честный человек и требуете невозможного»[826].

6. Историческое значение Победоносцева

Константин Петрович практически в одиночку сумел осуществить, говоря современным языком, инсталляцию, изображавшую эпоху правления Александра III в виде периода благоденствия и процветания[827]. Эту композицию можно описать словами отца нашего героя П. В. Победоносцева: «Мы родились в России, осыпанной щедротами небесной благости, возвеличенной и превознесенной мудрыми монархами… Природа и искусство открывают для нас все источники жизненных потребностей и роскоши, промышленность и торговля наделяют нас избытками стран отдаленных… Законы, внушенные человеколюбием, начертанные опытностью, ограждают нас от бурь политических и нравственных. Все пути к наукам и знаниям

отверсты; все способы пользоваться плодами трудов показаны»[828]. Широкие круги консервативно-реакционной общественности истово верили, что так оно на самом деле и есть.

Этот образ и сегодня на некоторых производит сильное впечатление, хотя хорошо известно, какие подспудные общественно-политические процессы происходили в последней трети XIX века и к каким последствиям они привели. Кстати сказать, как и в последние годы правления Александра I, когда были написаны приведенные выше строки.

> **В первом случае дело закончилось восстанием декабристов, а во втором – Великой русской революцией.**

Еще одним пиаровским достижением Победоносцева стала собственная демонизация в глазах либеральной общественности, выстроенный им имидж всесильного царедворца, злого гения, злостного реакционера, накрывшего Россию совиными крылами[829], при том что формальных властных полномочий, чтобы творить эти ужасы, он не имел и мог претендовать разве что на роль их вдохновителя. Тем не менее вера во всемогущество обер-прокурора Синода среди либералов была столь велика, что некоторые из них писали ему письма, намереваясь открыть глаза на пагубность проводимой политики и надеясь, что он быстро все исправит.

Среди напуганных этим мифом интеллигентов нашелся один особо нервный по имени Николай Лаговский, который в марте 1901 года покушался на жизнь Константина Петровича, «но, слава богу, не совсем удачно». «Хотел истребить меня как главного виновника всяких стеснений, мешающих прогрессу и свободе»[830], – сообщал наш герой в своей автобиографии.

Октябрьский 1905 года Манифест Николая II (см. § 3 главы 10) он не принял и был уволен с должности обер-прокурора Синода и члена Комитета министров с оставлением в должностях члена Госсовета, статс-секретаря и сенатора.

Но и после его отставки многочисленные демонстрации, проходившие по Литейному проспекту Санкт-Петербурга, никогда не пренебрегали возможностью остановиться «против темного двухэтажного дома № 62, где много лет живет Константин Петрович, чтобы прокричать ему слова ненависти и злобы, прокричать и двинуться далее в торжественной и шумной манифестации во славу грядущего сознательного пролетариата. Крик толпы доносится до восьмидесятилетнего старца, но он не вызывает его ответной злобы, слова песни ничего не говорят его сердцу… Удрученный годами и болезнями, умудренный

громадным житейским и государственным опытом Победоносцев, сыгравший в первые дни восьмидесятых годов прошлого столетия такую решающую роль в русской истории, через двадцать пять лет после тех приснопамятных дней, когда он отринул приближение даже тени конституционализма на русскую землю, сходил медленно в могилу с арены жизни при торжестве именно тех начал, которым он когда-то нанес такой сильный удар и против которых он так упорно боролся»[831].

Беспокойная душа покинула тело Константина Петровича Победоносцева 10 марта 1907 года. Погребен у алтаря церкви Свято-Владимирской церковно-учительской школы в Петербурге. На отпевании члены императорской семьи не присутствовали.

Герой этого очерка был одним из самых противоречивых деятелей российской истории. Он не был убежденным славянофилом, поскольку расходился с ними по некоторым вопросам, особенно в оценке роли Петра Великого. Не был он, конечно, и западником, поскольку понимал их базовые ценности совершенно по-своему, но все-таки использовал некоторые достижения западной мысли, особенно консервативного толка. Думается, что ценность этой исторической личности состоит в том, что на ней как бы сфокусировались все три русских раскола – религиозный (XVII в.), культурный (XVIII в.) и мировоззренческий (XIX в.), причем последний не преодолен до сих пор.

Часть II. Эпоха Николая II (1894–1917). Гибель самодержавия

Великие державы не бывают побеждены – они обычно кончают самоубийством.

Эмиль Мишель Сьоран

Глава 9. Николай Александрович Романов. Силы и обстоятельства, влиявшие на императора

1. Великий князь, цесаревич Николай Александрович Романов

Николай Александрович Романов родился 18 мая 1868 года. Отец его, Александр Александрович, в это время был цесаревичем, мать – Мария Фёдоровна Романова. Дед, Александр II Николаевич, был императором. Николаем родители назвали первенца в честь Николая I Павловича, а также старшего брата отца императора.

Николай Александрович был старшим сыном и после гибели Александра II и восшествия на престол Александра III **в 1881 году стал цесаревичем, законным наследником престола**. Николай Александрович рос в напряженной атмосфере вечных разговоров о заговорах и неудавшихся покушениях на жизнь его деда императора Александра II. Николай, будучи малолетним ребенком, присутствовал при его мученической кончине и на прощании, что оставило неизгладимый след в его душе.

Через семь лет после рождения воспитателем великого князя был назначен генерал и педагог Григорий Григорьевич Данилович.

Образованием цесаревича Николая занимались великие умы и педагоги того времени, преданные императорской семье. В их числе были начальник Главного штаба генерал Н. Н. Обручев, профессор Николаевской академии Генерального штаба, генерал М. И. Драгомиров, министр иностранных дел Н. К. Гирс, историк Е. Е. Замысловский (профессор Петербургского университета), специалист по международному праву М. Н. Капустин (профессор Московского университета), химик Н. Н. Бекетов (профессор Петербургского университета) и др. **Среди наставников**

особенно выделялись обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев и председатель Комитета министров Н. Х. Бунге. Именно они сыграли значительную роль в становлении личности цесаревича.

О Победоносцеве мы подробно рассказали в предыдущей главе. В основе его мировоззрения лежало недоверие к несовершенной природе человека, а внешний мир представлялся ему вечным хаосом, который нуждается в постоянном упорядочении, поэтому он призывал своего ученика отказаться от реформаторских инициатив и сосредоточиться на нравственном перевоспитании общества.

Николай Христианович Бунге (1823–1895) был известным экономистом, профессором и ректором Университета св. Владимира в Киеве. По своему мировоззрению он был либералом и с молодых лет прочно усвоил западные ценности с их гуманистической направленностью. Однако вера в самоценность свободной личности, признание прав частной собственности и частной инициативы, преданность идеям гласности и правопорядка сочетались у него с представлением о самобытности российской государственности, приверженностью монархической форме правления и ярко выраженным неприятием радикальных идей. Бунге принял активное участие в либеральном движении, выдвинулся как известный публицист, стал одним из творцов Великих реформ – входил в состав правительственных комиссий по подготовке отмены крепостного права, разработке нового университетского устава 1863 года, составлению проекта реформы кредитных учреждений.

Александр III уважал Николая Христиановича, считая его «превосходным, благородным, без задних мыслей человеком»[832]. Это сыграло решающую роль при назначении киевского профессора в 1880 году товарищем министра финансов, а в 1881 году – министром финансов. Он вошел в историю как крупнейший реформатор царствования Александра III, непосредственный предшественник С. Ю. Витте и П. А. Столыпина. О его деятельности на этом посту мы также рассказали в главе 5.

В конце 1886 года Бунге был вынужден покинуть финансовое ведомство в результате интриги, затеянной против него Победоносцевым и Катковым[833], но его отставка не стала опалой. Александр III неожиданно для всех назначил Н. Х. Бунге председателем Комитета министров, поскольку ценил в нем его «душевную чистоту и хрустальную честность», несмотря на то что его взгляды «существенно расходились с правительственными воззрениями того времени»[834].

Победоносцев так характеризовал своего воспитанника Николая Александровича Романова:

> **«Он имеет природный ум, проницательность, схватывает то, что слышит, но схватывает значение факта лишь изолированного, без отношения к остальному, без связи с совокупностью других фактов, событий, течений, явлений. На этом мелком, однозначном факте или взгляде он и останавливается… Широкого, общего, выработанного обменом мысли, спором, прениями, для него не существует»**[835].

Бунге говорил, что цесаревич «положительно очень умен и в высшей степени сдержан в проявлении своих мыслей»[836]. Он стремился убедить наследника в необходимости политики реформ и заботы о низших сословиях.

Оба воспитателя стремились воздействовать на цесаревича и после того, как обучение было окончено. Николай Александрович встречался с ними на заседаниях Государственного совета и Комитета министров, членом которых он был назначен в мае 1889 года. В декабре 1892 года был образован Комитет Сибирской железной дороги. Его вице-председателем стал Н. Х. Бунге, а председателем Александр III сделал цесаревича Николая[837].

Между двумя наставниками цесаревича Николая Александровича развернулась настоящая схватка за мировоззрение будущего царя. В итоге система взглядов Николая Александровича всю его жизнь отличалась двойственностью и непоследовательностью. Охранительные настроения сменялись осторожными либерально-консервативными и наоборот.

После восшествия на престол Николая II соперничество Победоносцева и Бунге продолжалось уже в коридорах власти.

Победоносцев постоянно был при Николае II, в то же время император постоянно общался с Бунге и обсуждал с ним важнейшие вопросы.

Вопреки бюрократической традиции, председатель Комитета министров на некоторое время получил право регулярного утреннего доклада. Всеподданнейшие доклады министров императору проходили теперь в его присутствии. «Н. Х. Бунге возлагал, по-видимому, особые надежды на новое царствование в смысле изменения в направлении внутренней политики. Выражая нам свою печаль по поводу кончины императора Александра III, он прибавил тут же, что падать духом не следует, что надо, напротив, надеяться на новое царствование, открывающее и новую эру государственной жизни. Он, несомненно, имел в виду

возможность и своего более непосредственного влияния на дела управления»[838]. Николай Христианович рекомендовал императору продолжить реформаторский курс Александра II.

Константин Петрович с помощью своего влияния при дворе неоднократно торпедировал реформаторские начинания Николая Христиановича[839], но в итоге, несмотря на то что тот ушел из жизни значительно раньше Победоносцева, окончательная победа в этом противостоянии оказалась за Бунге.

2. Восшествие на престол

После кончины Александра III 20 октября 1894 года Николай Александрович стал российским императором. Николай был рядом с отцом в последние дни его жизни. В Ливадию, понимая близкий исход, подъехали многие члены императорской семьи. Николай добился разрешения приезда и своей будущей жены, принцессы Виктории Алисы Елены Луизы Беатрисы Гессен-Дармштадтской, внучки королевы Виктории. Николай и тогда, и впоследствии называл ее Аликс. Будущие супруги были помолвлены в апреле 1894 года. На следующий день после кончины Александра III Аликс приняла православие под именем Александра Фёдоровна. «И в глубокой печали Господь дает нам тихую и светлую радость: в 10 час. в присутствии только семейства моя милая дорогая Аликс была миропомазана, и после обедни мы причастились вместе с нею, дорогой Мама и Эллой»[840], – писал в своем дневнике Николай. Известно, что первоначально родители отговаривали Николая от этого брака[841].

Бракосочетание молодого царя состоялось менее чем через неделю после похорон Александра III. Медовый месяц новобрачных протекал в атмосфере панихид и траурных визитов. Самая нарочитая драматизация не могла бы изобрести более подходящего пролога для исторической трагедии последнего русского царя. Молодая императрица с трудом говорила по-русски. Аликс должна была в течение короткого срока изучить язык своей новой родины и привыкнуть к ее быту и нравам. Она делала ошибки, незначительные сами по себе, но равносильные страшным преступлениям в глазах петербургского высшего света. Это запугало ее и создало известную натянутость в обращении с окружающими[842].

> **Неожиданная смерть Александра III застала цесаревича врасплох. Он не ощущал себя способным принять тяжкое бремя власти.**

«Что будет теперь с Россией? – воскликнул он в беседе с великим князем Александром Михайловичем. – Я еще не подготовлен быть царем! Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами»[843].

Тут-то и напомнил о себе К. П. Победоносцев, который стремился усилить свое влияние на молодого императора. «Ведь Вы никого не знаете. Ваш отец при вступлении на престол был в таком же положении, я один был около него. И теперь, если Вам что понадобится, то пошлите за мной, – мне ведь ничего не нужно, я желаю только служить Вам», – сказал он Николаю[844]. Победоносцеву было поручено составить речь, которую император произнес 2 ноября 1894 года на приеме членов Государственного совета в Аничковом дворце. Однако манифест о вступлении на престол Николая II поручили написать не ему, а начальнику Главного управления уделов Л. Д. Вяземскому[845].

Зато Победоносцев стал автором речи императора перед депутациями от дворянства, земств, городов и казачьих войск, собравшимися в Зимнем дворце 17 января 1895 года, в которой он осудил «людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления» и заявил о своем намерении «охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял мой покойный родитель»[846]. Это было воспринято либеральной общественностью как обновленная версия Манифеста 29 апреля 1881 года «О незыблемости самодержавия».

3. Ходынская катастрофа

Логическим продолжением восшествия на престол стала православная коронация императора Николая Александровича и императрицы Александры Фёдоровны, состоявшаяся 14 мая 1896 года по традиции в Успенском соборе Кремля в Москве.

Празднования коронации запланировали на субботу 18 мая на Ходынском поле. Однако они были омрачены гибелью людей, подданных императора, пришедших на праздничные гулянья, из-за неорганизованности праздничных мероприятий, на которых, по разным оценкам, было до 500 тысяч человек. Погибли в давке от полутора до двух тысяч человек. Вряд ли кто из присутствовавших знал, что Ходынское поле было местом учения саперного батальона. Те, кто были впереди, поняли свою роковую ошибку, но нужен был по крайней мере целый корпус, чтобы своевременно остановить этот безумный поток людей. Все они попадали в ямы, друг на друга, женщины, прижимая к груди детей, мужчины, отбиваясь и ругаясь[847].

После доклада императору о гибели людей Николай принял решение продолжать праздник и, как планировалось, прибыл с супругой на Ходынское поле после того, как его отмыли от крови, унесли задавленных и раненых. Более того, вечером был проведен бал.

Сам император писал в своем дневнике: «До сих пор все шло, слава Богу, как по маслу, а сегодня случился великий грех. Толпа, ночевавшая на Ходынском поле, в ожидании начала раздачи обеда и кружки[848], наперла на постройки, и тут произошла страшная давка, причем, ужасно прибавить, потоптано около 1300 человек! Я об этом узнал в 10½ ч. перед докладом Ванновского; отвратительное впечатление осталось от этого известия. В 12½ завтракали, и затем Аликс и я отправились на Ходынку на присутствование при этом печальном „народном празднике“. Собственно, там ничего не было; смотрели из павильона на громадную толпу, окружавшую эстраду, на которой музыка все время играла гимн и „Славься“»[849].

Давка на Ходынском поле и особенно реакция императора на случившееся нанесли серьезный удар по его репутации. «Вечером император Николай II присутствовал на большом балу, данном французским посланником. Сияющая улыбка на лице великого князя Сергея заставляла иностранцев высказывать предположения, что Романовы лишились рассудка»[850]. Великий князь Сергей Александрович был московским генерал-губернатором и, безусловно, нес ответственность за ходынскую трагедию.

По стране поползли слухи о заговоре против императора: специально все сделали, чтобы очернить молодого царя, а тот якобы не понимал или даже не знал, что происходит на самом деле.

Между тем императорская чета 18 и 19 мая посетила пострадавших в Старо-Екатерининской и Мариинской больницах.

Отсутствие контроля в сфере общественной и государственной безопасности серьезно обеспокоило императорскую семью, особенно вдовствующую императрицу Марию Фёдоровну.

Первоначально расследование было поручено министру юстиции Н. В. Муравьёву. Его отчет носил уклончивый характер, без организационных и нормативных выводов. Мария Фёдоровна настояла на новом следствии, которое возглавил граф К. И. Пален. Граф обвинил в невыполнении своих обязанностей генерал-губернатора и московскую полицию, однако по итогам

был уволен только обер-полицмейстер Власовский. Других выводов в этот период времени сделано не было[851].

4. Между аристократией и бюрократией

Непосредственное влияние Н. Х. Бунге и К. П. Победоносцева на политику Николая II было кратковременным. Впоследствии эта политика, особенно внутренняя, осуществлялась в условиях влияния на императора со стороны двух центров – императорской фамилии и все набиравшейся могущества бюрократии. Причем если реформы осуществлялись силами бюрократии, прежде всего Совета министров, то от императорской фамилии в основном прилетали крупные неприятности.

Император Николай II в трудные минуты жизни имел обыкновение спрашивать совета у своих многочисленных родственников; об этом свидетельствуют как дневники самого Николая, так и воспоминания родственников.

Николай Александрович всех их устраивал на большие государственные должности.

Например, дядя Сергей – великий князь Сергей Александрович, по мнению великого князя Александра Михайловича, «был в значительной степени ответствен за катастрофу во время празднования коронации Николая II на Ходынском поле в 1896 году… Совершенно невежественный в вопросах внутреннего управления, великий князь Сергей был, тем не менее, московским генерал-губернатором, занимал пост, который мог бы быть вверен лишь государственному деятелю очень большого опыта».

Великий князь Алексей Александрович состоял на государственной службе и занимал должность не более и не менее как адмирала Российского Императорского флота. Трудно было себе представить более скромные познания, которые были по морским делам у этого адмирала могущественной державы. Одно только упоминание о современных преобразованиях в военном флоте вызывало болезненную гримасу на его красивом лице. В одно прекрасное утро он узнал, что российский флот потерпел позорное поражение в битве с современными дредноутами микадо. После этого великий князь подал в отставку и вскоре скончался.

Братья Николая II Георгий и Михаил Александровичи прямого отношения к делам управления государством не имели.

После отречения Николая в 1917 году в пользу Михаила тот, посоветовавшись со своим окружением, отрекся от престола.

Двоюродных дядей у императора было 11. Из них самое большое влияние на государственные дела имел великий князь Николай Николаевич-младший. Два важнейших акта в истории России – Манифест 17 октября 1905 года и отречение императора Николая II 2 марта 1917 года – тесно связаны с активностью великого князя Николая Николаевича.

Его младший брат великий князь Пётр Николаевич вел скромный образ жизни в рядах офицеров Драгунского полка, а вот его супруга великая княгиня Милица Николаевна (дочь князя Николая Черногорского) и ее сестра Стана (супруга великого князя Николая Николаевича) имели дурное влияние на императрицу. Каждый раз, когда они встречали «замечательного» человека, они «тащили» его в императорский дворец, как это было с Григорием Распутиным. В своих разговорах и действиях они были совершенно безответственны.

Самый известный из двоюродных дядей Николая II Константин Константинович, сын великого князя Константина Николаевича, был талантливым поэтом и очень религиозным человеком. Он с большим тактом исполнял обязанности президента Императорской Академии наук и был первым, кто признал гений биолога Павлова. Константин Константинович ненавидел политику и чуждался всякого соприкосновения с политическими деятелями.

Двоюродный дядя Николай Михайлович – автор монументальной биографии императора Александра I, которую мы цитировали в наших предыдущих очерках. Будучи горячим поклонником парламентского строя, он не хотел допустить того, чтобы создание в России конституционного строя по образцу III Французской республики закончилось полным провалом.

Другой двоюродный дядя, Александр Михайлович, посвятил себя военному флоту. С ноября 1902-го по октябрь 1905 года был первым и единственным руководителем (главноуправляющим) Главного управления торгового мореплавания и портов, стал членом Комитета министров, впоследствии вернулся во флот. Участник так называемой безобразовской клики, выступавшей за агрессивную политику России на Дальнем Востоке. С 6 декабря 1915 года – адмирал. Организатор и главнокомандующий русских военно-воздушных сил. Один из немногих уцелевших после революции членов императорской фамилии. Автор «Книги воспоминаний», давшей отечественной истории много фактов, которую мы здесь цитируем[852].

Родственники всегда чего-то требовали. «Николай Николаевич воображал себя великим полководцем. Алексей Александрович повелевал морями. Сергей Александрович хотел бы превратить Московское генерал-губернаторство в собственную вотчину. Владимир Александрович стоял на страже искусств»[853].

Николай Александрович и Александра Фёдоровна смотрелись как идеальная супружеская пара. Они хотели иметь много детей и, конечно же, сына. Однако в течение семи лет у императорской четы родились четыре дочери. Это их угнетало. Наконец 30 июля 1904 года императрица родила наследника.

Трех лет от роду, играя в парке, цесаревич Алексей упал и получил травму, вызвавшую кровотечение. Придворный хирург применил все известные медицине средства, чтобы остановить его, но они не дали результата. Царица упала в обморок. Ей не нужно было слышать мнения специалистов, чтобы знать, что означало кровотечение: это была ужасная гемофилия – наследственная болезнь мужского поколения ее рода в течение трех столетий. Здоровая кровь Романовых не смогла победить больной крови Гессен-Дармштадтских, и невинный ребенок должен был страдать от небрежности, которую проявил русский двор в выборе невесты Николая II.

За одну ночь государь состарился на десять лет. Однако императрица не захотела подчиниться судьбе. Она непрестанно говорила о невежестве врачей, отдавая явное предпочтение шарлатанам. Все свои помыслы обратила она в сторону религии, и ее религиозность получила истерический характер.

Таким образом, почва для появления чудотворца была подготовлена, и вот обе «черногорские княгини» без особого труда убедили императрицу принять Распутина[854]**. Именно этот человек внес огромный вклад в дискредитацию Николая II в глазах не только элиты, но и значительной части населения.**

Александра Фёдоровна, супруга самодержца, в дела управления государством поначалу никак не вмешивалась. После событий 1905–1907 годов ее влияние было незначительным, другое дело – перед началом и во время войны.

Второй центр влияния – бюрократия, а конкретно – Совет министров Российской империи. Николай II чуждался независимых людей, смотрел на своих министров как на простых

приказчиков. Он нередко подвергал жестоким испытаниям их самолюбие и чувство собственного достоинства на почве самомнения или даже зависти к их способностям и достижениям. Предлагая премьерство Коковцову, он сказал: «Надеюсь, вы меня не будете заслонять, как Столыпин?»[855] Неудивительно, что при комплектовании правительства в основном происходил отрицательный отбор, заложенный в свое время еще Победоносцевым.

Вот как описывал Александр Михайлович Романов диалог императора и обер-прокурора Святейшего синода по поводу назначения министра внутренних дел: «Кого, Константин Петрович, Вы бы рекомендовали на пост министра внутренних дел? – спрашивал Николай II, когда в начале 1900-х годов революционеры начали проявлять новую деятельность. – Я должен найти сильного человека. Я устал от пешек».

«Хорошо, – говорил „Мефистофель“, – дайте мне подумать. Есть два человека, которые принадлежат к школе Вашего августейшего отца. Это Плеве и Сипягин. Никого другого я не знаю».

«На ком же из двух остановиться?»

«Это безразлично. Оба одинаковы, Ваше Величество. Плеве мерзавец, Сипягин дурак»[856].

Николай II нахмурился.

«Не понимаю Вас, Константин Петрович. Я не шучу».

«Я тоже, Ваше Величество. Я сознаю, что продление существующего строя зависит от возможности поддерживать страну в замороженном состоянии. Малейшее теплое дуновение весны, и все рухнет. Задача эта может быть выполнена только людьми такого калибра, как Плеве и Сипягин»[857].

Отличительной чертой Николая было полнейшее равнодушие к людям. Он не испытывал никакой приязни даже к долголетним сотрудникам, с прекращением деловых отношений порывал с ними всякую связь.

Николай II никогда не оспаривал утверждений своего собеседника, с которым был не согласен, и сам лично не сообщал очередной жертве, министру, что уже принял решение о его отставке. Министр являлся на очередной доклад, получал указание о дальнейшей работе, а приехав домой, находил личное письмо царя, извещавшее об отставке[858].

Неудивительно, что со временем на первый план в царском окружении вышли не политики, обладающие способностями и опытом, а если не ничтожества, то заурядные люди,

спекулирующие на самолюбии монарха. Угодники в прямом и переносном смысле начинали определять и направлять государственную политику. Тем более что заниматься государственными делами Николай Александрович не любил и предпочитал им охоту, которой увлекался до самозабвения, или прогулки. Как отмечал С. Ю. Витте: «Государь никогда не открыл ни одной страницы русских законов и их кассационных толкований»[859].

Вопрос в том, чьи интересы преследуют эти самые угодники – государственные, корпоративные или, что называется, шкурные. На первых порах, воодушевленные реформаторскими интенциями нового царя, в правительство пришли государственно мыслящие люди, такие как Витте, Столыпин и др. Однако сработаться с Николаем II они не смогли, и со временем их вытеснила бюрократическая корпорация, которая пеклась исключительно о своих интересах, не забывая, конечно, и о шкурных.

Главное, что **политическая субъектность императора стала как бы растворяться, с одной стороны, в бюрократии, а с другой – в царской фамилии**. Конечно, отдельные представители этих группировок никакой политической субъектностью не обладали, все решал государь. Однако их влияние на принимаемые им решения порой имело далеко идущие последствия. Образно говоря, все перечисленные персонажи и составляли то, что называется самодержавной властью, в то время как сам самодержец переставал таковым быть.

И дело тут не только и не столько в личных качествах Николая II, а прежде всего в исчерпанности системы управления Российской империи, в объективной необходимости ее замены более адекватной. Жесткий конфликт, разгоревшийся в 1915–1917 годах между ответственной бюрократией, представленной не только в Совете министров, но и в Государственной думе и Государственном совете, требовавшей перехода к конституционной монархии, с одной стороны, и частью императорской фамилии, возглавляемой Александрой Фёдоровной вместе с Распутиным, Вырубовой, Протопоповым и др., полностью подчинившей самодержца и отстаивавшей незыблемость самодержавия, с другой, в значительной степени привел к краху монархии.

> **Ответственной бюрократии самодержец был не то что не нужен, а противопоказан, о чем еще 100 лет назад догадывался М. М. Сперанский. Она хотела не погибать вместе с самодержавием, а возглавить**

новый режим.

25 декабря 1916 года великий князь Александр Михайлович написал Николаю II пророческие слова: «Как это ни странно, но мы являемся свидетелями того, как само правительство поощряет революцию. Никто другой революции не хочет. Все сознают, что переживаемый момент слишком серьезен для внутренних беспорядков. Мы ведем войну, которую необходимо выиграть во что бы то ни стало. Это сознают все, кроме твоих министров. Их преступные действия, равнодушие к страданиям народа и беспрестанная ложь вызовут народное возмущение. Я не знаю, послушаешься ли ты моего совета или же нет, но хочу, чтобы ты понял, что грядущая русская революция 1917 года явится прямым продуктом усилий твоего правительства. Впервые в современной истории революция будет произведена не снизу, а сверху, не народом против правительства, но правительством против народа»[860].

И он был прав. Февральская революция 1917 года была совсем не буржуазной, а бюрократической.

5. Привходящие обстоятельства

Тяжелым ударом для государства и лично для императора стало поражение в Русско-японской войне 1904–1905 годов. Активное экономическое освоение империей Маньчжурии, строительство в ней железной дороги до Кореи с расчетом объявить эту территорию аннексированной Россией явно не могли остаться незамеченными японским правительством. Николай II не хотел неподготовленной войны, но ее хотела империя и еще больше Япония. «Маленькая победоносная война» понадобилась В. К. Плеве не столько для того, чтобы «остановить революцию», сколько чтобы вернуть дряхлеющей империи жизненные силы.

> **Военная удача не сопутствовала России, что легко было предсказать ввиду недостаточности людских ресурсов и вооружений у России на Дальнем Востоке.**

23 августа 1905 года в г. Портсмуте (США) с участием С. Ю. Витте и президента США Теодора Рузвельта был подписан мирный договор[861]. В Японии его подписание вызвало массовые беспорядки, а в России – разочарование в российской армии и флоте. Война обнаружила полную непригодность флота, его

материальной части и личного состава, а в сухопутной армии – целый ряд глубоких изъянов: отсутствие знаний, произвол и бюрократический формализм высших чинов, а вместе с тем подавленность рядового офицерства, лишенного подготовки и инициативы[862].

Война проходила на фоне нарастающих волнений в империи: помещичьи усадьбы горели по всей европейской части России, заводы и фабрики сотрясали стачки и забастовки, периодически возникал саботаж на железных дорогах, в том числе осложнявший доставку войск и снаряжения к театру военных действий. Возникло и разрасталось антивоенное движение.

1905 год начался с события, которое потрясло не только империю, но и мир. С 3 по 8 января на Путиловском заводе бастовали 12 тысяч рабочих, впоследствии их стали поддерживать другие заводы Санкт-Петербурга. Рабочие требовали человеческого отношения к себе, прекращения угнетения, выхода из рабского положения, защиты трудовых прав, повышения заработной платы. Впоследствии, как это часто бывает, в общем-то, к частным требованиям добавились экономические и даже политические. **К 8 января общее число бастующих превысило 150 тысяч человек**[863].

В такой ситуации был нужен человек, который оформил бы требования и направил их куда следует.

> **Священник и политик Георгий Гапон взял на себя подготовку петиции (челобитной) императору от имени рабочих.**

Советская история называла его просто поп Гапон, однако Георгий Аполлонович возглавлял крупную легальную рабочую организацию «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга»[864].

По свидетельствам очевидцев, Гапон сам написал петицию. Использовав разные политические заявления и декларации, он тем не менее доступным для рабочих и знати языком изложил, как он полагал, именно просьбы, а не требования к царю. Обвинения и требования предъявлялись хозяевам фабрик и заводов, фабрично-заводской администрации и царским чиновникам. Челобитная царю – это когда бьют челом, а не берут за горло. Впрочем, для понимания сути предлагаем выдержки из документа.

Петиция[865] состояла из трех частей:

«Мы, рабочие и жители города С.-Петербурга разных сословий, наши жены, и дети, и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали,

нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать. Мы и терпели, но нас толкают все дальше в омут нищеты, бесправия и невежества, нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь. Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук… Государь, нас здесь многие тысячи, и все это люди только по виду, только по наружности – в действительности же за нами, равно как и за всем русским народом, не признают ни одного человеческого права, ни даже права говорить, думать, собираться, обсуждать нужды, принимать меры к улучшению нашего положения. Нас поработили, и поработили под покровительством твоих чиновников, с их помощью, при их содействии… Весь народ рабочий и крестьяне отданы на произвол чиновничьего правительства, состоящего из казнокрадов и грабителей, совершенно не только не заботящегося об интересах народа, но попирающего эти интересы. Чиновничье правительство довело страну до полного разорения, навлекло на нее позорную войну и все дальше и дальше ведет Россию к гибели… Разрушь стену между тобой и твоим народом, и пусть он правит страной вместе с тобой. Ведь ты поставлен на счастье народу, а это счастье чиновники вырывают у нас из рук, к нам оно не доходит, мы получаем только горе и унижение. Взгляни без гнева, внимательно на наши просьбы: они направлены не ко злу, а к добру как для нас, так и для тебя, государь! Не дерзость в нас говорит, а сознание необходимости выхода из невыносимого для всех положения. Россия слишком велика, нужды ее слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо народное представительство, необходимо, чтобы сам народ помогал себе и управлял собой. Ведь ему только и известны истинные его нужды. Не отталкивай его помощь, повели немедленно, сейчас же призвать представителей земли русской от всех классов, от всех сословий, представителей и от рабочих. Пусть тут будет и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель – пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей. Пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания, и для этого повели, чтобы выборы в Учредительное собрание происходили при условии всеобщей, тайной и равной подачи голосов».

А дальше – самое интересное – предлагаемые конкретные меры (требования):

«I. Меры против невежества и бесправия русского народа.

1) Немедленное освобождение и возвращение всех

пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и крестьянские беспорядки.

2) Немедленное объявление свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, свободы собраний, свободы совести в деле религии.

3) Общее и обязательное народное образование на государственный счет.

4) Ответственность министров перед народом и гарантии законности правления.

5) Равенство перед законом всех без исключения.

6) Отделение церкви от государства.

II. Меры против нищеты народной.

1) Отмена косвенных налогов и замена их прямым прогрессивным подоходным налогом.

2) Отмена выкупных платежей, дешевый кредит и постепенная передача земли народу.

3) Исполнение заказов военного морского ведомства должно быть в России, а не за границей.

4) Прекращение войны по воле народа.

III. Меры против гнета капитала над трудом.

1) Отмена института фабричных инспекторов.

2) Учреждение при заводах и фабриках постоянных комиссий выборных от рабочих, которые совместно с администрацией разбирали бы все претензии отдельных рабочих. Увольнение рабочего не может состояться иначе как с постановления этой комиссии.

3) Свобода потребительно-производственных и профессиональных рабочих союзов – немедленно.

4) Восьмичасовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ.

5) Свобода борьбы труда с капиталом – немедленно.

6) Нормальная заработная плата – немедленно.

7) Непременное участие представителей рабочих классов в выработке законопроекта о государственном страховании рабочих – немедленно».

Что касается «мер против гнета капитала над трудом», тут все понятно – этого и должны требовать рабочие. «Общее и обязательное народное образование на государственный счет»; «отмена косвенных налогов и замена их прямым прогрессивным подоходным налогом»; «отмена выкупных платежей, дешевый кредит и постепенная передача земли народу» – тоже понять можно, учитывая еще не оборванную связь рабочих с крестьянскими корнями.

А вот остальные сугубо либеральные требования от задавленных невыносимой жизнью темных рабочих – это явный перебор. Великая Октябрьская социалистическая революция еще не свершилась, и о беспримерной сознательности и политической грамотности рабочего класса еще никто не знал.

Да к тому же откровенно лоббистский пассаж насчет исполнения заказов морского ведомства в России явно настораживал.

Пугающе выглядела и концовка, так сказать, мотивирующей части петиции: «Повели и поклянись исполнить их, и ты сделаешь Россию и счастливой, и славной, а имя твое запечатлеешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена. А не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу – мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше идти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу… Пусть наша жизнь будет жертвой для исстрадавшейся России. Нам не жаль этой жертвы, мы охотно приносим ее!» Чистой воды ультиматум.

Иначе как провокацию и подстрекательство народа к бунту со стороны распоясавшихся либералов власти предержащие такую петицию воспринять не могли.

9 января случилось Кровавое воскресенье, сопровождавшееся гибелью веровавших в царя рабочих, вышедших на почти что крестный ход с семьями, с портретами Николая, иконами и флагами России[866].

Как следует из записей самого Николая II от 8 января, он знал о событиях этих дней: «Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Из окрестностей вызваны войска для усиления гарнизона. Рабочие до сих пор вели себя спокойно. Количество их определяется в 120 000 ч. Во главе рабочего союза какой-то священник-социалист Гапон». На следующий день:

«Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело»[867].

О последствиях беспорядков император упоминает и в другие

дни, в том числе о приеме 19 января депутации рабочих.

Гапон, избежавший не только смерти, но и ранения, укрылся на квартире М. Горького, где написал воззвание, в котором говорилось, что у рабочих больше нет царя. «На улицах Петербурга пролилась кровь и разорвалась навсегда связь между народом и этим царем», – писал в журнале «Освобождение» П. Б. Струве[868]. В том же номере журнала Ж. Жорес[869] повторяет ту же мысль: «Отныне река крови легла между царем и „его народом“. Нанося удары рабочим, царизм смертельно ранил самого себя». Эта мысль стала все глубже укореняться в головах подданных. Началась революция 1905 года.

Через несколько дней после 9 января, а точнее 14 января 1905 года, Муравьёв, проработавший министром юстиции более десяти лет, подал в отставку и в целях безопасности был оправлен на дипломатическую работу в Рим. Святополк-Мирский, проработавший министром внутренних дел полгода, был отправлен в отставку 18 января 1905 года.

Муравьёв был сторонником незыблемости самодержавия, Святополк-Мирский попытался продолжить линию Лорис-Меликова, но оба сгорели в Кровавом воскресенье.

После событий 9 января 1905 года террористы объявили великого князя Сергея Александровича (на тот момент Главнокомандующего войсками Московского военного округа) и его брата Владимира Александровича (военного губернатора Санкт-Петербурга) главными виновниками применения военной силы[870]. Боевая организация партии эсеров вынесла им смертный приговор. 4 февраля 1905 года великий князь Сергей Александрович был разорван бомбой, брошенной Иваном Каляевым, членом «Боевой организации партии социалистов-революционеров» во главе с террористом и авантюристом Б. Савинковым.

События 1905–1907 годов можно называть революцией не потому, что в этот период происходили многочисленные крестьянские бунты, грандиозные забастовки и стачки, саботаж на железных дорогах, мятежи в армии и на флоте, а потому, что произошли весьма существенные изменения в системе управления Российской империей, о которых мы расскажем в следующей главе. Они были, конечно же, революционными.

Глава 10. Реформа государственного управления империей

1. Истоки Николаевских реформ

Деятельность императора Николая II Александровича до начала Первой мировой войны можно охарактеризовать как осторожно-реформаторскую, что признавали даже те, кто упрекал его в сопротивлении преобразованиям. «Повсюду в обществе я слышал одну и ту же стереотипную фразу, что какой он ни есть, наш царь, а в историю он войдет Великим, наподобие Петра I или хотя бы Александра I», – писал в 1914 году либеральный чиновник Г. Н. Михайловский[871]. Да и сам Николай Александрович не раз публично идентифицировал себя как реформатора, например в Манифесте от 26 февраля 1903 года[872], а также в Указе от 12 декабря 1904 года «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка»[873]. Царем-неудачником он стал позже, по ходу Первой мировой войны и в результате Великой русской революции.

В основу концепции Николаевских реформ лег труд Н. Х. Бунге «Загробные заметки»[874], найденный в его архиве после смерти. В записке автор изложил свои идеи об укреплении индивидуальной крестьянской собственности на землю, привлечении «фабричного люда» к участию в прибылях частных предприятий и создании рабочих ассоциаций, расширении прав местных выборных учреждений, реорганизации центрального и местного государственного аппарата, преобразовании системы народного образования, проведении гибкой, либеральной политики при решении национально-религиозных проблем и др. В то же время Бунге выступил против поспешных «конституционных экспериментов». По его мнению, переход к системе народного представительства в условиях России возможен только в перспективе, когда самодержавие исчерпает свои реформаторские потенции. Вот только как определить исчерпанность этих потенций, он не сказал.

Тут же Победоносцев опубликовал свой «Московский сборник», в котором стремился приучить самодержца бояться всех нововведений по принципу «как бы чего не вышло». Этот нарратив довлел над императором до конца его жизни[875].

Первой попыткой формулирования концепции реформ нового царя стало «Предисловие» к «Своду высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1894 г. генерал-губернаторов, губернаторов, военных губернаторов и градоначальников»[876]. В проекте «Предисловия», «с одобрения Н. Х. Бунге были изложены начала программы нового царствования во внутренней политике»[877]. «Предисловие» подразумевало проведение аграрной реформы, развитие промышленности и народного просвещения, меры социального характера, преобразование местного управления и самоуправления. Этот документ содержал

основные положения, воплощавшиеся впоследствии царем.

> **В последующие годы после кончины своего наставника Николай II постоянно ориентировался на «Загробные записки» Бунге и призывал к этому представителей правящей элиты**[878].

Дальнейшая разработка программы велась под руководством министра внутренних дел В. К. Плеве. Результатом стал уже упоминавшийся **Манифест от 26 февраля 1903 года.**

После убийства Плеве работу продолжил его преемник П. Д. Святополк-Мирский, имевший репутацию либерала. Подготовленный под его руководством доклад лег в основу Указа **«О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 года,** который стал торжеством не только общественного, но и правительственного либерализма, будучи «полным осуществлением завещания Бунге»[879].

Относящиеся к реформе госуправления пункты этого указа гласили: «Предоставить земским и городским учреждениям возможно широкое участие в заведывании различными сторонами местного благоустройства, даровав им для сего необходимую в законных пределах самостоятельность, и призывать к деятельности в этих учреждениях, на однородных основаниях, представителей всех частей заинтересованного в местных делах населения; с целью успешнейшего же удовлетворения потребностей оного образовать сверх ныне существующих губернских и уездных земских учреждений, в теснейшей с ними связи, общественные установления по заведыванию делами благоустройства на местах в небольших по пространству участках; устранить из ныне действующих о печати постановлений излишние стеснения и поставить печатное слово в точно определенные законом пределы, предоставив тем отечественной печати, соответственно успехам просвещения и принадлежащему ей вследствие сего значению, возможность достойно выполнять высокое призвание быть правдивою выразительницею разумных стремлений на пользу России».

2. Манифест 17 октября 1905 года

18 февраля 1905 года Николай II собрал Совет министров по поводу участия представителей с мест в законопроектной деятельности. Нам неизвестно, вспоминали ли они заседание Совета министров 8 марта 1881 года, но решение было принято. Сам император писал по этому поводу 18 февраля: «У меня

происходило заседание Совета министров. Подписал рескрипт на имя Булыгина относительно разработки способа созыва местных представителей для участия в рассмотрении законопроектов, вносимых в Госсовет. Дай Бог, чтобы эта важная мера принесла России пользу и преуспеяние»[880].

В апреле 1905 года главноуправляющий Канцелярией по принятию прошений барон А. А. Будберг представил Николаю II проект[881], идеи которого легли в основу **Манифеста 17 октября 1905 года**[882]. Современники и исследователи часто связывают его появление с именем графа С. Ю. Витте, хотя сам он скромно утверждал, что инициатива издания манифеста исходила непосредственно от монарха[883].

В Манифесте от 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка» говорилось:

«На обязанность Правительства возлагаем Мы выполнение непреклонной Нашей воли:

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив этим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

3. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выбранным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от Нас властей».

Следует пояснить, что само создание Государственной думы было провозглашено Манифестом от 6 августа 1905 года[884]: «… повелели Мы министру внутренних дел безотлагательно представить Нам к утверждению Правила о приведении в действие Положения о выборах в Государственную думу с таким расчетом, чтобы члены от 50 губерний и области Войска Донского могли явиться в Думу не позднее половины января 1906 г.». Дума трактовалась как «особое законосовещательное установление, коему предоставляется предварительная разработка и обсуждение законодательных предположений и рассмотрение росписи государственных доходов и расходов».

Однако под давлением общественного

настроения и не без нажима со стороны ответственной бюрократии император изменил статус Думы, она стала палатой законодательного органа империи.

Через день император пошел дальше и учредил Совет министров[885] **как коллегиальный исполнительный орган.**

Манифест от 17 октября 1905 года, безусловно, стал главным правовым началом изменений в государстве российском по направлению к конституционной монархии. Вряд ли император отдавал себе отчет, какие последствия ждут государство и его лично. Конституционная реформа для России – вещь неведомая, постепенные изменения проводить уже невозможно, тело империи требовало срочного медицинского вмешательства.

В Манифесте провозглашаются незыблемые права и свободы людей и общества, одновременно предлагается механизм взаимодействия человека, общества и государства через избранную народом Думу, которая принимает законы и участвует в надзоре за действиями властей. **20 февраля 1906 года император преобразовал Госсовет**[886] **в законодательную палату.**

3. Изменения Основных государственных законов

После объявления Манифеста от 17 октября 1905 года и последующих развивающих его актов было принято решение об их систематизации и подготовке изменений в Своде Основных государственных законов. Эти изменения были включены в часть первую первого тома Свода законов Российской империи[887]. Подготовка шла под политическим началом С. Ю. Витте и правовым руководством товарища государственного секретаря П. А. Харитонова. Работа завершилась утверждением соответствующего акта императором 23 апреля 1906 года[888]. Начиная с этого времени Основные законы, безусловно, стали документом конституционного характера, поскольку, пусть и весьма условно, ограничивают монархию, устанавливают основы государственного устройства, права и обязанности подданных. Интересно, что термин «Основной закон» при советской власти употреблялся в законодательстве и литературе как синоним Конституции. Сейчас он также активно используется в этом же смысле в юридической литературе и не только.

В начале XX века многие называли Основные государственные законы Конституцией Российской империи.

Профессор С. А. Котляревский в 1912 году писал: «…наши Основные законы принадлежат к классу писаных конституций. В этом законы 23 апреля 1906 г. не представляют ничего оригинального, и то обстоятельство, что они не называются конституционными, нимало не меняет сущности дела, как его не меняет наименование итальянской конституции 1848 г. – статутом и австрийских законов 1867 г. – основными законами. Мотивы, по которым авторы наших Основных законов не сочли возможным употребить термин „конституция“ или „конституционный“, здесь безразличны. 23 апреля 1906 г. Россия получила конституционную хартию»[889].

Согласно Основным законам, верховная самодержавная власть и власть управления во всем объеме принадлежали императору, однако законодательную власть он осуществлял «в единении с Государственным советом и Государственной думой».

При этом прерогативы монарха оставались весьма широкими: ему принадлежал «почин по всем предметам законодательства», он давал поручения по внесению проектов министрам или главноуправляющим, подписывал принятые законы, только по его инициативе могли быть пересмотрены Основные государственные законы. Император назначал и увольнял министров и высших сановников, руководил внешней политикой, провозглашался «державным вождем российской армии и флота», наделялся исключительным правом чеканки монеты, от его имени объявлялась война и заключался мир, осуществлялось судопроизводство, жаловались титулы, ордена и другие государственные отличия.

Обновленные Основные законы были наделены особой юридической силой и изменялись лишь в особом законодательном порядке.

4. Иллюзии самодержца и реализм бюрократии

В литературе широко распространено мнение, что реформы Николая II носили реактивный характер и были следствием крестьянских волнений, крупных стачек и вооруженного противостояния режиму в 1905–1907 годы. Однако из изложенного выше вполне очевидно, что реформы задумывались молодым императором в самом начале его царствования и имели под собой солидную базу, разработанную Н. Х. Бунге. Как

отмечалось в парадном издании, посвященном 300-летию дома Романовых, чьим цензором выступил сам император, «обширные и всесторонние преобразования, которые были намечены государем императором при самом восшествии его на престол, неукоснительно осуществлялись и продолжают осуществляться»[890].

Наиболее впечатляющая реформа системы государственного управления разрабатывалась в министерстве внутренних дел исключительно по инициативе Николая Александровича.

Сергей Юльевич Витте, много сделавший для развития экономики империи на посту министра финансов (1892–1903), затем возглавивший Комитет министров (1903–1905) и кардинально реорганизованный Совет министров (октябрь 1905 г. – апрель 1906 г.), был проводником воли царя, о чем сам он неоднократно заявлял. Тем не менее его роль, как и некоторых других высших сановников империи, в продавливании реформы госуправления, а особенно в принятии Основных законов, была весьма значительной.

Вместе с тем та самая стена внутри всех Романовых, не позволявшая им поступиться и крохами самодержавной власти, в Николае II никуда не делась.

> **Искренне считая себя «хозяином земли Русской», он полагал, что, «даровав» Думу и Основные законы по своей воле, никак не может быть связан ими и, коль скоро не присягал новому порядку, вправе и отменить его по своему желанию.**

Характерным примером этому служит обсуждение в начале апреля 1906 года проекта Основных законов. Самым спорным вопросом оказалась четвертая статья проекта: «Императору Всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть». В прежнем тексте стояло «самодержавная и неограниченная».

Государь (в совещании 9 апреля) высказался по этому поводу: «Вот главнейший вопрос… Целый месяц я держал этот проект у себя. Меня все время мучает чувство, имею ли я перед моими предками право изменить пределы власти, которую я от них получил… Акт 17 октября дан мною вполне сознательно, и я твердо решил довести его до конца. Но я не убежден в необходимости при этом отречься от прав и изменить определение верховной власти, существующее в статье 1 Основных законов уже 109 лет… Уверен, что 80 проц. народа будут со мною. Это дело моей совести, и я решу его сам».

«Витте. Этим вопросом разрешается все будущее России… Если Ваше Величество считаете, что не можете отречься от

неограниченной власти, то нельзя писать ничего другого. Тогда нельзя и переиздавать Основные законы.

Гр. Пален. Я не сочувствовал 17-му октября, но оно есть. Вам, Государь, было угодно ограничить свою власть.

М. Г. Акимов. Если сказать „неограниченный“, это значит бросить перчатку. Если изданные законы губят Россию, то Вам придется сделать coup d'Etat[891]. Но теперь сказать это нельзя.

Члены Госсовета Сабуров, граф Сольский и Фриш высказались в том же смысле.

В. кн. Николай Николаевич. Манифестом 17 октября слово „неограниченный“ В. И. В. уже вычеркнули.

П. Н. Дурново. После актов 17 октября и 20 февраля неограниченная монархия перестала существовать.

Кн. А. Д. Ополенский. Вычеркнув „неограниченный“, оставить „самодержавный“.

Государь. Свое решение я скажу потом»[892].

Дружное давление бюрократов сыграло свою роль, и государь в итоге решил остановиться на редакции Совета министров и слово «неограниченная» исключить.

Николай II не считал ни Октябрьский манифест, ни Основные законы чем-то ущемляющим его самодержавные прерогативы.

> **Власть, как известно, не дают. Ее берут. Конституция может быть только результатом соглашения между правителями и обществом, тогда как Основные законы царем были попросту дарованы, и единственными ограничениями царской власти могли быть лишь те, что сочтет нужным на себя наложить сам император.**

Недаром П. А. Столыпин утверждал, что российское правительство было не «конституционным», а «представительным», а его преемник на посту председателя Совета министров В. Н. Коковцов, обращаясь к Думе, заявил: «У нас, слава Богу, нет еще парламента».

Другое дело, что динамичные и решительные бюрократы Витте и Столыпин на фоне Николая Александровича, стремившегося осуществлять реформы в либерально-консервативном духе медленно и печально, выглядели куда более убедительными. К тому же П. А. Столыпину, а не Николаю II пришлось скандалить с первой и второй Думами в ходе реализации аграрной реформы. Поскольку Думе критиковать царя было запрещено, она отыгрывалась на правительстве. Потому аграрную реформу стали называть Столыпинской. Это задевало Николая Александровича, который был настоящим

инициатором реформ. Попытку отстоять свое авторство аграрной реформы Николай II предпринял в рескрипте, данном Столыпину 19 февраля 1911 года по поводу юбилея освобождения крепостных крестьян: «Я поставил себе целью завершение предуказанной еще в 1861 г. задачи – создать в лице русского крестьянина не только свободного, но и хозяйственно сильного собственника»[893].

5. Совет министров

В результате реформы Совет министров стал качественно новым органом госуправления.

До этого был Комитет министров, образованный еще Александром I для решения вопросов, связанных с отсутствием соответствующих законов. Император часто утверждал законы по итогам заседаний Комитета, не ставя в известность Госсовет. С 1872 года Комитет министров выступал как высшая цензурная инстанция. В начале XX века это административное учреждение рассматривало «временные законы, различные полицейские меры о всевозможных охранах, всякие опеки различным лицам, протежируемым свыше, и тому подобные дела»[894]. Министры были напрямую замкнуты на императора, представляя ему всеподданнейшие доклады и получая соответствующие указания. Председательствование в Комитете министров не привлекало деятельных управленцев, эта должность была синекурой, не влекущей за собой принятие серьезных решений и отсюда не сопровождаемой серьезной ответственностью.

> **Впервые Совет министров как совещательно-координирующий орган был учрежден при Александре II, однако его прерогативы не были четко регламентированы. Председателем был сам император, заседания проводились редко**[895]**, исключительно под его руководством. На заседания Совета приглашались не только министры, но и другие высшие сановники. Окончательное решение всегда принимал самодержец. Все ключевые решения обсуждались не в Совмине, а на Госсовете. Злые языки называли Совет министров при Александре II царской думой.**

В результате реформ Николая II Совет министров стал первым в России постоянно действующим коллегиальным исполнительным органом, принимавшим решения на своих

заседаниях, а общее руководство Советом осуществлялось императором через председателя[896]. Впрочем, император мог, как говорится, порешать вопросы с любым членом правительства. Однако Николай II этим особо не злоупотреблял. Делопроизводство Совета министров велось постоянной канцелярией Совета министров (в XIX веке делопроизводство Совета министров вела канцелярия Комитета министров) во главе с управляющим делами Совета министров.

В общем, вполне современный механизм управления.

«Впервые вопрос о Совете возникает в среде образованного в начале 1905 года особого совещания министров и председателей департаментов Государственного совета для обсуждения общего внутреннего положения»[897], – отмечал барон Б. Э. Нольде.

Через день после издания Манифеста от 17 октября 1905 года император издал **Указ «О мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений»**[898], где, в частности, говорится, что «все министерства и главные управления составляют единое управление, и ни одно из них не может отделяться от других ни в видах управления, ни в общей его цели. В развитие сих коренных начал министерского устройства и в целях вящего его объединения, необходимость коего вызывается также предстоящими министрам и главноуправляющим отдельными частями, с образованием Государственной думы, новыми обязанностями, признали Мы за благо установить соответственные требованиям времени меры к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений». Возглавлял Совет председатель, который руководил Советом и, в отличие от прежних председателей Комитета министров, давал поручения, контролировал их исполнение. Более того, председатель предлагал императору кандидатуры министров.

В главе 11 Свода Основных государственных законов устанавливаются положения, касающиеся Совета министров (ст. 120–124):

– направление и объединение действий министров и главноуправляющих отдельными частями по предметам как законодательства, так и высшего государственного управления, возлагается на Совет министров на основаниях, в законе определенных;

– министры и главноуправляющие отдельными частями имеют право участия в голосовании в Государственном совете и Государственной думе только в том случае, если они состоят членами сих установлений;

– обязательные постановления, инструкции и распоряжения,

издаваемые Советом министров, министрами и главноуправляющими отдельными частями, а также другими, на то законом уполномоченными, установлениями, не должны противоречить законам;

– председатель Совета министров, министры и главноуправляющие отдельными частями ответствуют перед государем императором за общий ход государственного управления. Каждый из них в отдельности ответствует за свои действия и распоряжения;

– за преступные по должности деяния председатель Совета министров, министры и главноуправляющие отдельными частями подлежат гражданской и уголовной ответственности на основаниях, в законе определенных[899].

И сейчас, и в начале XX века возникал вопрос о том, кто такие главноуправляющие отдельными частями и в каких случаях они являются членами Совета министров. Сегодня в России есть общее определение федеральных органов исполнительной власти: это и министерства, и службы, и агентства; в Указе Президента РФ «О структуре федеральных органов исполнительной власти» определяются их наименования и подчиненность. В рассматриваемом нами периоде были министерства и главные управления (например, Главное управление путей сообщения). Так вот, если для министров членство в Совете министров было положено по должности, то для главноуправляющих необходимо было специальное решение императора.

Полагаем необходимым обратить внимание на то, что акты Совета министров Российской империи и других органов государственной власти не должны были противоречить законам, а также на ответственность Совета министров и лиц, в него входящих, не только перед императором, но и перед законом.

Отдельно следует остановиться на законотворческих возможностях Совета министров.

Первое. Участие в подготовке законодательных предположений, вносимых императором, министрами и главноуправляющими.

Второе. Председатель Совета министров, министры и главноуправляющие, входящие в Совет министров, выступали в Государственной думе и Государственном совете с докладами по проектам и по вверенным вопросам.

Третье и, наверное, самое интересное.

Во время прекращения работы Государственной думы Совет министров сам готовил и предлагал на подписание императору законы.

На этой любопытной компетенции остановимся подробнее.

В соответствии со ст. 87 Основных законов «во время прекращения занятий Государственной думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет министров представляет о ней государю императору непосредственно. Мера эта не может, однако, вносить изменений ни в Основные государственные законы, ни в учреждения Государственного совета или Государственной думы, ни в постановления о выборах в Совет или в Думу. Действие такой меры прекращается, если подлежащим министром или главноуправляющим отдельной частью не будет внесен в Государственную думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятой мере законопроект, или его примут Государственная дума или Государственный совет». В процитированной 87-й статье говорится о том, что Совет министров может в ряде случаев в обход Госдумы и Госсовета готовить, принимать и передавать на подписание «непосредственно императору» законодательные акты в форме его указов.

Случаи «прекращения занятий» были возможны во время думских каникул, выборов и, конечно же, при роспуске Госдумы. Такая мера объяснялась чрезвычайными обстоятельствами: говоря современным языком, речь шла об оперативных возможностях Совмина в различных сферах экономики, безопасности, сельского хозяйства, налогообложения. Процедура, как мы видим, была следующая: подготовка, обсуждение и принятие акта на Совете министров, передача на подписание императору, собственно подписание, вступление в действие указа. В статье делается оговорка, что после возобновления работы Госдумы уже действующие акты в течение двух месяцев выносятся на одобрение либо Госдумы, либо Госсовета. Таким образом, действующий указ становится законом.

Ярким примером использования таких возможностей служат законодательные акты, посвященные аграрной реформе, осуществленной П. А. Столыпиным. Аграрные законы готовились и принимались в сроки между роспуском первой и созывом второй Государственных дум.

6. Государственная дума

Иногда кажется, что Государственная дума была организована для того, чтобы весь негатив в обществе доставался этому государственному органу, чтобы исправно выполнять роль

громоотвода. Законотворческая рутина интересна только специалистам, а вот взаимные обвинения, комичные инициативы, скандалы всегда украшают любые разговоры на улице и на кухне, в трудовом коллективе и во властных коридорах и, конечно же, в средствах массовой информации.

И в прошлых, и в нынешних политических баталиях, что называется, на злобу дня среди всех ветвей власти больше всех достается Государственной думе. Думаю, неслучайно. И дело не только (и не столько) в персональном составе этого органа законодательной власти, сколько в неукорененности в сознании граждан необходимости самого факта его существования. Парламентаризм в России – явление новое. Что такое 120 лет для законотворческого процесса? И это важный и серьезный вопрос.

Император то созывал Думу, то разгонял. Коммунисты подменили ее собранием уважаемых граждан – Советом народных депутатов, от которых, впрочем, мало что зависело. Сегодня законодательная власть, пребывая, в общем-то, в стадии становления, то находится в решительной оппозиции к исполнительной власти, тормозя проведение необходимых реформ, то, наоборот, подвергается критике за чрезмерную лояльность к этой самой власти. Новыми законами ухудшить положение дел можно легко и быстро, а вот улучшить – только с большим трудом и постепенно, а терпения, как правило, не хватает. Как же найти золотую середину?

Для ответа на этот непростой вопрос необходимо посмотреть со стороны на очень короткую историю возникновения и становления Государственной думы Российской империи.

Первоначально Манифестом от 6 августа 1905 года император Николай II учредил Государственную думу как «особое законосовещательное установление,

коему предоставляется предварительная разработка и обсуждение законодательных предположений и рассмотрение росписи государственных доходов и расходов». Однако разработанные специальной комиссией, обсужденные на совещании под председательством Николая II и утвержденные царским Манифестом от 6 августа 1905 года положения о выборах в Думу вызвали сильное недовольство в обществе. Многочисленные митинги протеста и забастовки в конце концов вылились во Всероссийскую октябрьскую политическую стачку, и выборы в Думу не состоялись.

Под давлением общества и части своего окружения император изменил статус Думы, она стала палатой

законодательного органа империи.

> **Одной из основ законодательной компетенции Государственной думы стал п. 3 Манифеста от 17 октября 1905 года, установивший «как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной думы».**

За короткий срок из законосовещательного **Дума стала законодательным органом**. 450 членов Государственной думы (официально они назывались именно так, неофициально использовалось и слово «депутаты») избирались на пять лет. Внутри Думы создавались отделы и комиссии, в которых работали депутаты и чиновники, служащие в этих подразделениях.

Выборы в первую Государственную думу проходили с 26 марта по 20 апреля 1906 года в соответствии с избирательным законом от 11 декабря 1905 года[900]. Они были непрямыми, выборщики избирались отдельно по четырем куриям – землевладельческой, городской, крестьянской и рабочей. Причем для первых двух курий выборы были двухступенчатыми, для рабочей – трехступенчатыми, а для крестьянской – четырехступенчатыми. По рабочей курии к выборам допускались лишь мужчины, занятые на предприятиях, имевших не менее 50 рабочих. Это и другие ограничения лишили избирательного права около 2 млн мужчин-рабочих. Выборы были не всеобщие (исключались женщины, молодежь до 25 лет, военнослужащие действительной службы, ряд национальных меньшинств), не равные (один выборщик на 2 тысячи населения в землевладельческой курии, на 4 тысячи – в городской, на 30 тысяч – в крестьянской, на 90 тысяч – в рабочей).

К ведению Госдумы согласно ст. 31 «Учреждения Государственной думы» относились: 1) предметы, требующие издания законов и штатов, а также их изменения, дополнения, приостановления действия и отмены; 2) государственная роспись доходов и расходов вместе с финансовыми сметами министерств и главных управлений, равно как денежные из казны ассигнования, росписью не предусмотренные, на основании установленных правил; 3) отчет Государственного контроля по исполнению государственной росписи; 4) дела об отчуждении части государственных доходов или имуществ, требующем высочайшего соизволения; 5) дела о постройке железных дорог непосредственным распоряжением казны и за ее счет; 6) дела об учреждении компаний на акциях, когда при сем испрашиваются

изъятия из действующих законов; 7) дела, вносимые на рассмотрение Думы по особым высочайшим повелениям; 8) предметы, требующие издания законов, распространяющихся на Великое Княжество Финляндское, если они относятся не к одним только внутренним делам этого края.

Вряд ли стоит удивляться тому, что министры не воспринимали выскочек и не стеснялись этого. А депутаты, в свою очередь, при любом недовольстве не то что министрами, а даже самой ситуацией в стране кричали «В отставку!» чуть ли не каждому члену Совета министров. Тем не менее первая Дума и депутаты работали в то конкретное время как могли, выражая в меру сил и способностей волю своих избирателей.

Члены первой Государственной думы считали, что они пришли всерьез и надолго. Многие из них основательно взялись за интересующие их темы. Обсуждались разные вопросы, как обычно для парламента, от коммунальных до вселенских, но все же главных было три: амнистия, отмена смертной казни и равные гражданские права независимо от национальности, пола, вероисповедания, проживания в городе или деревне.

Депутаты-правоведы убедили коллег, что третий из названных вопросов не мог решаться только одним законом и подготовка множества проектов потребует времени. Предварительно распределили, кто какими направлениями будет заниматься. Например, В. Д. Набоков приступил к проработке уголовного закона, Г. Ф. Шершеневич взялся подготовить закон о свободе собраний, М. М. Винавер – о свободе совести и т. д. Правоведы вместе с другими депутатами сосредоточились на амнистии и отмене смертной казни.

Один из самых известных и цитируемых даже в наше время дореволюционных российских юристов Г. Ф. Шершеневич стал заместителем секретаря Государственной думы. По нашим весьма условным меркам этот пост напоминает заместителя председателя регламентного комитета. Кроме того, он готовил проект о свободе собраний и активно участвовал в подготовке отмены смертной казни.

Говоря современным языком, субъектами права законодательной инициативы могли быть министры, главноуправляющие, входящие в состав Совета министров, комиссии, состоящие из депутатов Госдумы и членов Госсовета, а также Государственный совет (ст. 34 «Учреждения Государственной думы»).

Широко обсуждавшийся законопроект об отмене смертной казни получил новый импульс после

известия о том, что в Риге восемь рабочих были приговорены к смертной казни.

«Это известие, переданное срочной депешей, явилось грозным memento о смерти. Она неожиданно вошла в палату и, словно глумясь над желаниями целого народа, разинула пасть и засмеялась своею отвратительною улыбкой»[901].

Опуская дебаты по этому извечному вопросу, следует сказать, что первая Государственная дума приняла-таки этот важнейший закон. Однако для его одобрения документ, как положено, был направлен в Государственный совет.

27 июня 1906 года могло стать историческим не только для Госсовета, но и для всей империи. Ажиотаж был невероятный. Журналист Александр Цитрон, находящийся в это время на заседании в Госсовете, писал: «Зал полон. У колонн на длинных диванах сидят члены Государственной думы. Тут все юристы: Набоков, Кузьмин-Караваев, Ковалевский, Гредескул, Шершеневич. Человек до ста пришли сегодня в гости к господам верхней палаты»[902]. Закон был отклонен.

8 июня 1906 года с думской трибуны выступил князь С. Д. Урусов, служивший ранее заместителем министра внутренних дел в правительстве С. Ю. Витте. Сергей Дмитриевич в конце своего эмоционального выступления заявил: «На судьбы страны оказывают влияние люди по воспитанию вахмистры и городовые, а по убеждению погромщики». Речь Урусова произвела неизгладимое впечатление на двор, министров и, конечно же, депутатов. «Биржевые ведомости» писали, что «более тяжкого поражения, чем речь Урусова, старый режим еще не получал».

8 июля 1906 года Совет министров под предлогом того, что Дума не только не успокаивает народ, но еще более разжигает смуту, убедил императора распустить Государственную думу.

Думцы увидели Манифест о роспуске утром 9 июля 1906 года на дверях Таврического дворца. Практически сразу, скорее на эмоциях, чем на анализе ситуации, значительная часть депутатов выехала в Выборг, где было подготовлено и принято **Воззвание «Народу от народных представителей»**. Предлагаем его полный текст:

«Граждане всей России! Указом 8-го июля Государственная дума распущена.

Когда вы избрали нас своими представителями, вы поручили нам добиваться земли и воли. Исполняя ваше поручение и наш долг, мы составляли законы для обеспечения народу свободы, мы требовали удаления безответственных министров, которые, безнаказанно нарушая законы, подавляли свободу; но прежде

всего мы желали издать закон о наделении землею трудящегося крестьянства путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих. Правительство признало такой закон недопустимым, а когда Дума еще раз настойчиво подтвердила свое решение о принудительном отчуждении, был объявлен роспуск народных представителей.

Вместо нынешней Думы правительство обещает созвать другую через семь месяцев. Целых семь месяцев Россия должна оставаться без народных представителей в такое время, когда народ находится на краю разорения, промышленность и торговля подорваны, когда вся страна охвачена волнениями и когда министерство окончательно доказало свою неспособность удовлетворить нужды народа. Целых семь месяцев правительство будет действовать по своему произволу и будет бороться с народным движением, чтобы получить послушную, угодливую Думу, а если ему удастся совсем задавить народное движение, оно не соберет никакой Думы.

Граждане! Стойте крепко за попранные права народного представительства, стойте за Государственную думу. Ни одного дня Россия не должна оставаться без народного представительства. У вас есть способ добиться этого: правительство не имеет права без согласия народного представительства ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу. А потому теперь, когда правительство распустило Государственную думу, вы вправе не давать ему ни солдат, ни денег. Если же правительство, чтобы добыть себе средства, станет делать займы, то такие займы, заключенные без согласия народного представительства, отныне недействительны, и русский народ никогда не признает и платить по ним не будет. Итак, до созыва народного представительства не давайте ни копейки в казну, ни одного солдата в армию. Будьте тверды в своем отказе, стойте за свои права все как один человек. Перед единой и непреклонной волей народа никакая сила устоять не может. Граждане! В этой вынужденной, но неизбежной борьбе наши выборные люди будут с вами».

16 июля 1906 года против бывших членов Думы, «выборжцев», было возбуждено уголовное дело по двум статьям Уголовного уложения (ст. 129 и 132): 167 бывших депутатов были преданы суду Особого присутствия Санкт-Петербургской судебной палаты. Действия подсудимых не подпадали под статью 129, которую им вменяли: они могли быть обвинены в составлении, но не в распространении воззвания. За одно

составление подсудимых не могли лишить политических прав. Как заявил один из адвокатов подсудимых, Оскар Пергамент, «венок славы подсудимых так пышен, что даже незаслуженное страдание не вплетет в него лишнего листа… Но если нужно произвести над ними насилие, то зачем же к насилию над людьми прибавлять еще насилие над законом?»[903]. Однако адвокатам не удалось доказать свою правоту, и подсудимые были лишены права в дальнейшем избираться в Государственную думу.

> **Процесс по делу членов Государственной думы был совершенно исключительным событием не только в русской истории, но и, быть может, в истории народов и государств: на скамье подсудимых находились народные представители. Муромцеву, строго соблюдавшему порядок, законность и справедливость, человеку строгих моральных правил, пришлось впервые (единственный раз в жизни!) появиться на скамье подсудимых**[904].

Защита, на стороне которой выступали известные адвокаты-политики М. Л. Мандельштам и В. А. Маклаков, оспорила решение (о трехмесячном заключении), но это привело только к новым гонениям.

Через семь месяцев после разгона первой Думы, 20 февраля 1907 года, была созвана вторая Государственная дума. 3 июня того же 1907 года вторая Дума тоже была распущена. Мы уже говорили о том, что с каждым новым созывом депутатский корпус нижней палаты сильно менялся. Вместе с тем были депутаты, которые работали в Государственной думе не одного созыва прежде всего благодаря своим профессиональным качествам, к которым в первую очередь относятся ораторское искусство, политическое чутье и понимание, как тогда говорили, законоведения.

Именно к таким относился Василий Алексеевич Маклаков, депутат второй, третьей и четвертой Дум. Он заметно выделялся не только среди депутатов, но и в плеяде юристов, руководствовавшихся в своей практической деятельности идеей создания правового государства в Российской империи накануне революции 1917 года. В. А. Маклаков прожил значительно дольше таких заметных юристов-революционеров, как С. А. Муромцев, В. Д. Набоков и Г. Ф. Шершеневич.

В третьей и четвертой Государственных думах представительство кадетов сильно уменьшилось. Вместе с тем П. Н. Милюков был лидером не только кадетов, но и всей

Государственной думы. Он произносил речи, приковывавшие внимание как депутатов, так и членов Совета министров, двора и, конечно же, прессы. Самое знаменитое его выступление, получившее название «Глупость или измена», было произнесено 1 ноября 1916 года. Милюков раскритиковал внутреннюю и внешнюю политику империи и, приводя конкретные примеры, спрашивал: «Что это – глупость или измена?»

«Вы должны понимать и то, почему у нас сегодня не раздается никакой другой речи, кроме той, которую я уже сказал: добивайтесь ухода этого правительства. Вы спрашиваете, как же мы начнем бороться во время войны? Да ведь, господа, только во время войны они и опасны. Они для войны опасны: именно потому-то во время войны и во имя войны, во имя того самого, что нас заставило объединиться, мы с ними теперь боремся. (Голоса слева: „Браво“. Аплодисменты.)

Мы имеем много, очень много отдельных причин быть недовольными правительством. Если у нас будет время, мы их скажем. И все частные причины сводятся к одной этой: неспособность и злонамеренность данного состава правительства. (Голоса слева: „Правильно“.)

Это наше главное зло, победа над которым будет равносильна выигрышу всей кампании. (Голоса слева: „Верно!“) Поэтому, господа, во имя миллионов жертв и потоков пролитой крови, во имя достижения наших национальных интересов, во имя нашей ответственности перед всем народом, который нас сюда послал, мы будем бороться, пока не добьемся той настоящей ответственности правительства, которая определяется тремя признаками нашей общей декларации: одинаковое понимание членами кабинета ближайших задач текущего момента, их сознательная готовность выполнить программу большинства Государственной думы и их обязанность опираться не только при выполнении этой программы, но и во всей их деятельности на большинство Государственной думы.

Кабинет, не удовлетворяющий этим признакам, не заслуживает доверия Государственной думы и должен уйти (шумные аплодисменты)»[905].

С началом Первой мировой войны продолжительность сессий Думы уменьшалась, а перерывы между ними увеличивались[906]. В свете зажигательных речей с думской трибуны, вроде процитированной выше, Дума в очередной раз была распущена на каникулы 16 декабря 1916 года. Досрочный перерыв в работе представительного органа заметно повысил градус политической напряженности в обществе. Ходили слухи, что император намерен вовсе прекратить полномочия четвертой Думы. Однако

14 февраля 1917 года было объявлено о продолжении сессии. При этом Николай во второй раз за всю историю лично открыл думское заседание, стремясь сгладить острые противоречия между парламентом и правительством. Таким образом, император почтил своим присутствием только самую первую (1906) и последнюю сессии Государственной думы Российской империи.

> **25 февраля 1917 г. император снова приостановил деятельность Думы. Более она уже никогда не собиралась на официальные заседания. Срок полномочий истекал 15 ноября того же года.**

Создание в 1906 году нового института народного представительства и генерации правовых актов было встречено общественностью с энтузиазмом. Некоторые депутаты, например В. Д. Набоков и В. А. Маклаков, стали, как сказали бы сейчас, звездами. Их выступления печатали в газетах и широко обсуждали. Казалось, этот институт правового государства утвердился в России навсегда. Однако большевистский переворот положил конец этому многообещающему процессу. С. А. Муромцев и Г. Ф. Шершеневич не дожили до октября 1917 года. В. Д. Набоков и П. Н. Милюков успели поработать во Временном правительстве. Набоков впоследствии (1922) погиб от рук террористов в Берлине, защищая друга и старшего товарища Милюкова. М. М. Винавер скончался в эмиграции в 1926 году. В. А. Маклаков прожил в эмиграции долгую жизнь и пережил Вторую мировую войну.

7. Государственный совет

Государственный совет был создан Александром I по инициативе М. М. Сперанского в 1810 году[907]. Компетенция и порядок формирования этого органа периодически изменялись, однако с момента создания Госсовет, кроме прочего, всегда имел большое влияние на подготовку нормативных актов в разной форме: указов, законов, уставов и уложений.

20 февраля 1906 года император преобразовал Госсовет. Теперь основная его задача – рассматривать законопроекты (законодательные почины, предположения), **а также государственный бюджет** (роспись расходов и доходов).

На основании февральского указа, а также изменений в Основных государственных законах устанавливалось, что половина Государственного совета назначается императором,

половина – по выборам (ст. 100 Основных законов).

Выборные члены Госсовета избирались: 1) от духовенства Православной российской церкви; 2) от губернских земских собраний; 3) от дворянских обществ; 4) от Императорской академии наук и императорских российских университетов; 5) от Совета торговли и мануфактур, московского его отделения, местных комитетов торговли и мануфактур, биржевых комитетов и купеческих управ и 6) от населения Великого княжества Финляндского[908]. Срок выборных – девять лет.

Председатель и вице-председатель Государственного совета назначались императором на один год из числа назначенных им членов Госсовета.

> **Госсовет наряду с законодательными предположениями продолжил осуществлять контрольные и надзорные функции. Структурно Госсовет, как и прежде, делился на департаменты и имел право создавать особые присутствия. В подразделениях работали его члены и чиновники, обеспечивающие его деятельность.**

Члены Госсовета могли заседать в законодательных комиссиях вместе с депутатами Госдумы и по решению комиссии вносили законопроекты. Госсовет и сам мог вносить законопроекты по инициативе министров или главноуправляющих. После принятия закона Государственной думой документ направлялся на рассмотрение в Государственный совет, а в случае положительного решения – императору. В случае отрицательного решения, как это было в приведенном примере относительно отмены смертной казни, закон считался отклоненным.

Законопроекты могли вноситься и непосредственно в Госсовет и в случае принятия направлялись в Госдуму, а затем императору.

8. Сенат

До преобразований, осуществленных Манифестом от 17 октября 1905 года, система верховных органов власти и управления была следующей: самодержавный монарх-император безоговорочно был во главе имперской пирамиды. Он решал огромное количество вопросов, мог вмешиваться в любые управленческие и судебные дела, контролировал жизнь империи и т. д. Одним словом, ничем не ограниченное самодержавие,

имеющее своим следствием, кроме прочего, полную безответственность самодержца. В своих многотрудных делах император опирался на царскую фамилию, двор и Собственную Его Императорского Величества канцелярию. Одновременно ему помогали принимать решения и были их проводниками Госсовет, министерства и главные управления, Сенат и губернаторы.

После Манифеста от 17 октября 1905 года структура имперских органов власти претерпела серьезные изменения. Император и юридически, и психологически по мере введения новых государственных институтов (органов) становился ограниченным самодержцем, т. е. полномочия его переставали быть неограниченными.

Появился новый орган – Государственная дума, основной деятельностью которой стало законотворчество. Госсовет также стал законотворческим органом с сохранением ряда контрольных полномочий. Появился формально определенный законотворческий процесс.

Совет министров вместо координационного органа, которым был Комитет министров, стал высшим органом управления. Понятно, что наверху пирамиды оставался император, но подавляющую часть управленческих решений принимал и осуществлял именно Совет министров.

Министры и часть главноуправляющих входили в Совет министров и подчинялись его решениям. Губернаторы продолжали управлять губерниями и с опаской следили за новостями.

Созданный Петром Великим Правительствующий Сенат периодически менял свою компетенцию в зависимости от взглядов императора (императрицы) на управление государством. Сенат участвовал в управлении империей, осуществлял надзор за разными видами деятельности, занимался законотворческой и судебной деятельностью.

Итогом Великих реформ стало в том числе выделение судебных инстанций в качестве условно независимой ветви власти Российской империи с собственной иерархией. В роли высшей инстанции продолжал выступать Правительствующий Сенат. Тем не менее император сохранял высшую судебную власть и мог осуществлять ее как напрямую своими решениями, так и опосредованно через Сенат.

На рубеже XIX и XX веков Сенат состоял из общего собрания департаментов и, соответственно, департаментов, в которые входили сенаторы.

Основная (несудебная) часть Сената – неофициально ее называли административной частью – занималась следующими

вопросами:

– административный надзор за деятельностью органов управления;

– ведение сословных дел и переход подданных из одного состояния в другое;

– земельное (межевое) устройство крестьян;

– ведение геральдических дел;

– официальная публикация законов и их толкование.

Судебная часть Сената исполняла функции Верховного суда и именовалась Кассационным Сенатом. После принятия актов, касающихся судебной реформы 1864 года, компетенция Кассационного Сената также периодически изменялась. Наиболее существенные изменения произошли 10 июня 1877 года.

Кассационный Сенат получил важнейшее полномочие: разъяснять законы не только при рассмотрении дел, но и внесудебно, без видимой связи с конкретными спорами. Право запрашивать подобные разъяснения было предоставлено министру юстиции[909]. Разъяснения широко использовались в судебной практике, применялись при подготовке проектов законов, на них ссылались в учебниках, разбирали при обучении студентов-юристов.

Законом от 10 июня 1877 года[910] было установлено, что дела, в которых не возникает важного правового вопроса, должны рассматриваться отделениями департаментов в составе не менее трех сенаторов, и только дела, важные для единообразия практики (т. е. прецедентные), должны были отныне рассматриваться расширенной коллегией – присутствием департамента при наличии в нем как минимум семи сенаторов[911]. Кроме того, по маловажным делам принимались немотивированные резолюции, которые не публиковались.

Кассационный Сенат включал в себя Общее собрание сенаторов, два департамента – Гражданский и Уголовный, в каждом было по три отделения. Кроме того, была возможность создавать присутствия Кассационного Сената со специальной компетенцией.

Исторически сложившейся функцией Сената было обнародование нормативных актов. В соответствии с Основными законами 1906 года не только законы, но и большинство указов императора должны были публиковаться Сенатом. При этом он был обязан не допускать публикации законодательных актов, принятых с нарушением порядка, предусмотренного Основными законами (ст. 92).

Однако порядок формирования несудебной части Сената не способствовал выполнению возложенных на него задач. Сенаторы

назначались монархом по предложению министра юстиции и не обязаны были иметь высшее юридическое образование. Такие сенаторы в большей степени были исполнителями воли императора, нежели блюстителями правопорядка, иногда это прямо сказывалось на принятых решениях. Например, Сенатом были опубликованы Правила выборов в Государственную думу третьего созыва, принятые с нарушением действующих законов.

Реальная судебная власть по-прежнему была сосредоточена в руках императора и высших государственных чиновников и ими же отправлялась.

Самодержец повсеместно признавался и был высшей судебной инстанцией в любом деле, которое могло представлять для него интерес[912].

26 декабря 1916 года Николай II утвердил закон о реформе департаментов Сената[913], который несколько ограничивал полномочия монарха в судебной сфере. 1 мая 1917 года закон должен был вступить в силу, и в этот день Временное правительство ввело его в действие, не подвергнув сколько-нибудь существенным изменениям[914]. Этот закон поработал недолго: в конце 1917 года большевики после принятия Декрета «О суде» № 1 от 22 ноября (5 декабря) 1917 года[915] закрыли Сенат. Последний, в свою очередь, не признал власть большевиков. На этом история российского Сената закончилась, во всяком случае пока.

Глава 11. Социально-политические реформы Николая II

1. Провозглашение прав и свобод граждан

Впервые в Основных государственных законах были провозглашены права и свободы российских подданных, что превращало их в граждан (глава 8 Основных законов). Подданным Его Императорского Величества гарантировалось право на неприкосновенность личности, жилища и собственности, право устраивать собрания, общества и союзы («в целях, не противных законам»), право на свободу веры и право «высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять их путем печати в пределах, установленных законом».

Именным высочайшим Указом Правительствующему Сенату **«О временных правилах о повременных изданиях»**[916] **от 24 ноября 1905 года были отменены: предварительная как общая, так и духовная цензура** выходящих в городах империи повременных изданий; постановления об административных взысканиях, налагаемых на повременные издания; правила о залогах для повременных изданий; статья 140 Устава о цензуре и печати, предоставляющая министру внутренних дел право воспрещать оглашение или обсуждение в печати какого-либо вопроса государственной важности. Были заметно упрощены процедуры регистрации периодических изданий, подробно расписаны основания и судебные процедуры ареста отдельного выпуска периодического издания[917]. Фактически была учреждена так называемая четвертая власть, а именно независимые средства массовой информации.

Основные законы содержали статьи о веротерпимости и свободе веры. **Указ от 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости»**[918] был издан в развитие Указа от 12 декабря 1904 года. Согласно этому акту, всем российским подданным предоставлялось право исповедовать любое вероучение. Существенно изменялось правовое положение старообрядцев, сектантов, представителей иностранных и иноверных вероисповеданий. Была установлена свобода выбора религии и отправления религиозных обрядов, снизился уровень неравноправия религиозных обществ. Манифестом 17 октября 1905 года Николай II даровал своим подданным свободу совести, обязав правительство обеспечить ее осуществление. Статьи о веротерпимости и свободе веры содержали и Основные законы.

Николай II осторожно подходил к еврейскому вопросу, опасаясь «громадных всероссийских погромов». Тем не менее при нем права евреев, будучи еще в значительной мере

ограниченными, постепенно расширялись.

10 мая 1903 года император утвердил список, насчитывавший 101 сельское поселение в черте оседлости, где евреи могли проживать свободно, а 7 июня 1904 года они получили право свободного проживания в 50-верстной полосе вдоль западной границы России. Манифестом 11 августа 1904 года царь повысил процентные нормы для евреев, поступавших в высшие учебные заведения, с 3 (в столицах), 5 (в других городах) и 10 (в городах черты оседлости) до 5, 7 и 15 процентов соответственно. 24 августа и 14 сентября 1906 года он разрешил открывать еврейские частные учебные заведения за пределами черты оседлости и дозволил министрам собственной властью расширять евреям доступ в университеты. 16 сентября 1908 года установлены процентные нормы в тех высших учебных заведениях, где они отсутствовали и куда, следовательно, евреи не могли поступать вообще (3, 5 и 10%), 22 августа 1909 года император повысил нормы приема евреев в средние учебные заведения (с 3, 5 и 10 до 5, 10 и 15%). 6 августа 1915 года Николай II фактически упразднил черту оседлости, разрешив евреям проживание во всех городах империи, за исключением столиц, императорских резиденций и казачьих областей.

Впоследствии с согласия императора министр внутренних дел А. Д. Протопопов подписал 18 ноября 1916 года циркуляр, разрешающий евреям жительство без регистрации в Москве и городах, не находящихся на театре военных действий, а также выдачу им промысловых и торговых свидетельств. О готовности императора в ближайшем будущем уравнять евреев в правах с остальными подданными Протопопов писал 19 января 1917 года барону Э. Ротшильду. Соответствующий указ предполагалось объявить на Пасху, т. е. 2 апреля 1917 года[919].

Непросто складывалась ситуация с обеспечением неприкосновенности личности, дарованной Манифестом 17 октября 1905 года и признанной Основными законами 1906 года. Пресловутые чрезвычайные законы Александра III резко ограничивали свободу и неприкосновенность личности. С согласия Николая II правительство внесло во вторую Думу законопроекты «О пересмотре исключительных законоположений» и «О неприкосновенности личности и жилища и тайны переписки». Однако их рассмотрение депутатами затянулось, поэтому упомянутые законы были отменены указом лишь 27 августа 1913 года. Чрезвычайная охрана сохранялась только в Ялте и ее окрестностях, а усиленная – в столицах, столичных губерниях и некоторых промышленных городах[920]. Правда, с началом Первой мировой войны все вернулось на круги

своя.

> **Манифестом 17 октября 1905 года император предписал правительству обеспечить населению свободу собраний и союзов, а 4 марта 1906 года был издан Указ «О временных правилах об обществах и союзах»[921], который действовал вплоть до Февральской революции и стал первым в истории Российской империи законодательным актом, допускавшим деятельность различных, в том числе и оппозиционных, политических образований.**

Статьи о свободе собраний и союзов содержались и в Основных законах 1906 года.

2. Реанимация судебной реформы и разработка кодифицированных актов

Николай Александрович Романов продолжил преобразования судебной системы, затормозившиеся при его отце.

В 1896–1899 годы судебные уставы стали действовать уже на всей территории империи. 15 июня 1912 года[922] был восстановлен мировой суд, и судебные полномочия земских начальников вновь перешли к мировым судьям[923]. Однако с началом Первой мировой войны восстановление мировых судов прервалось.

22 марта 1903 года высочайшим указом император утвердил Уголовное уложение[924]. Подготовка проекта Уложения (кодекса) началась еще при Александре II, затем дело перешло в особую комиссию, созданную Александром III.

> **Уложение было крупной вехой развития отечественного уголовного права.**

К сожалению, практика применения Уголовного уложения 1903 года не была длительной, тем не менее за 14 лет после утверждения документ, будучи современным и системным актом, в некоторой степени послужил «охране гражданского порядка и укреплению в народе чувства законности»[925]. Уложение вводилось поэтапно, однако этому мешало первоначально отсутствие соответствующих мест заключения, потом началась война, а затем и 1917 год.

Уложение содержало в себе 687 статей, разделенных на 37

глав[926], плюс два приложения.

В отличие от привычного современным и советским юристам деления Уголовного кодекса на общую и особенную части, Уголовное уложение группировало сходные уголовные составы в главы: например, глава XXXII «О воровстве, разбое и вымогательстве». Задачи общего, в том числе понятийного порядка решались в главе I «О преступных деяниях и наказаниях вообще», которая разделялась на восемь отделений[927]. Впоследствии Уложение было размещено в XV томе Свода законов Российской империи. В 1909–1910 годы появились правила условно-досрочного освобождения, срок, проведенный под стражей до приговора, стал засчитываться в общий срок наказания.

Как уже указывалось, Уголовное уложение 1903 года вводилось в действие поэтапно и действовало с изменениями и дополнениями до октябрьских событий 1917 года.

В начале 1918 года Наркомюстом РСФСР на основе Уложения 1903 года было подготовлено Советское уголовное уложение 1918 года; более того, его текст был помещен в «Свод законов русской революции. Часть пятая». Авторы не скрывали, что использовали наработки прежних разработчиков. При этом «Народный комиссариат юстиции счел необходимым в корне его переработать и пересмотреть с точки зрения революционного правосознания»[928], указывал в объяснительной записке редактор кодификационного отдела А. Шрейдер. Идея нового Свода, как и советских уложений, принадлежала эсерам, представитель которых с декабря 1917 года по март 1918 года возглавлял Наркомюст РСФСР (И. З. Штейнберг).

Чуть позже царское уложение использовалось и советскими правоведами при конструировании уголовно-правовых норм Уголовного кодекса РСФСР 1922 года и его редакции 1926 года.

Император уделял большое внимание тюремной системе. В 1895 году он перевел Главное тюремное управление из МВД в ведение Министерства юстиции.

> **10 июня 1900 года Николай II отменил ссылку в Сибирь, 6 декабря 1901 года – телесные наказания для ссыльных, упразднил Шлиссельбургскую тюрьму, 18 марта и 10 апреля 1906 года облегчил положение сосланных на Сахалин и упразднил ссылку на этот остров.**

Правовой базой, на которой основывалось исполнение наказаний, были: Устав о содержании под стражей 1890 года (с изменениями и дополнениями 1906, 1908 и 1909 годов), Устав о

ссыльных 1909 года, Устав конвойной службы 1878 года (с изменениями 1907 года), а также Положения о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних 1909 года[929]. Манифестами 14 ноября 1894 года, 14 мая 1896 года, 11 августа 1904 года и 21 февраля 1913 года и Указом от 21 октября 1905 года[930] были амнистированы тысячи политических заключенных[931]. Во всех местах заключения к 1916 году находилось 142 430 арестантов, к 1917-му – 152 052[932].

К сожалению, **незаконченной осталась огромная работа по подготовке Гражданского уложения Российской империи**.

Разработка текста сопровождалась широким обсуждением среди юридической общественности как концепции, так и самого проекта Гражданского уложения[933]. В начале XX века Г. Ф. Шершеневич писал: «…непригодность т. X ч. 1 Свода законов для настоящего времени вызвала учреждение в 1882 г. комиссии для составления Гражданского уложения, результатом ее работы является проект в двух его редакциях, из которых вторая относится к 1905 г.»[934]. Первым руководителем работ по подготовке проекта при Александре III был назначен министр юстиции Российской империи Д. Н. Набоков.

Все пять книг проекта Гражданского уложения были подготовлены и широко обсуждались юридической общественностью. В сентябре 1913 года в Государственную думу Российской империи четвертого созыва был внесен проект книги V Уложения «Обязательственное право». Проект рассматривался на совещаниях, но до пленарных заседаний и тем более до голосования не дошел. Четвертой Государственной думой 28 января 1914 года была создана Временная комиссия для рассмотрения законопроекта об обязательном праве. Председателем был избран член Государственной думы, адвокат Н. Е. Пилипенко. Комиссия рассматривала проект соответствующего раздела Гражданского уложения[935].

Война, а затем события октября 1917 года прервали эту работу. Нельзя сказать, что этот труд был напрасен, не только с теоретической точки зрения, но и с кодификационной, поскольку проект был обнародован как в России, так и за рубежом. Кроме того, текст проекта был использован при подготовке первого отечественного гражданского кодекса – ГК РСФСР 1922 года. По словам С. С. Алексеева, «большевики… воспользовались разработками дореволюционных правоведов, материалами проекта российского Гражданского уложения. Причем, несмотря на все усилия В. Ленина, его строжайшие наказы, при подготовке ГК 1922 г. не удалось в Кодекс внести что-то сугубо

„коммунистическое“»[936].

Проект Гражданского уложения Российской империи состоит из пяти книг. Первая «Положения общие» включает четыре раздела: «Лица», «Имущества», «Приобретение и прекращение прав» и «Охранение прав».

Книга вторая «Семейственное право» включает в себя пять разделов: «Союз семейственный», «Союз родителей и детей и союз родственный», «Дееспособность лиц несовершеннолетних и лиц совершеннолетних, состоящих под опекой», «Опека и попечительство» и «Акты гражданского состояния».

Книга третья «Вотчинное право» состоит из восьми разделов: «Общие положения», «Право собственности», «Владение», «Вотчинные права в чужом имуществе», «Залог и заклад», «Особенные виды поземельной собственности», «Авторское право» и «Право на изобретения, на товарные знаки и на фирму».

Книга четвертая «Наследственное право» состоит из семи разделов: «Общие положения», «Наследование по закону», «Наследование по завещанию», «Обязательная доля», «Особые порядки наследования», «Приобретение наследства» и «Раздел наследства и выдел».

Книга пятая «Обязательственное право» состоит из трех разделов: «Обязательства вообще», «Обязательства по договорам» и «Обязательства, возникающие не из договоров».

3. Фабричное (трудовое) законодательство

Необходимость решения рабочего вопроса так, чтобы «путем законодательных мер удовлетворить, при денежном содействии самих предпринимателей, назревшей потребности ограждения нравственных и материальных интересов фабричного люда»[937] также была осознана Николаем II под влиянием Бунге. При этом он полагал, что меры в пользу рабочих должны приниматься прежде всего по добровольной инициативе самих предпринимателей.

2 июня 1897 года Николай II подписал Закон «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской и горной промышленности», нормировавший продолжительность рабочего времени (днем – до 11 с половиной часов, а ночью и накануне праздников – до 10 часов). Этим же актом были установлены обязательные выходные – 66 дней в году.

Законом от 15 мая 1901 года были установлены пенсии рабочим, потерявшим трудоспособность на казенных предприятиях, а законом от 2 июня 1903 года[938] вводилось

страхование за счет предпринимателей рабочих и членов их семей от несчастных случаев на производстве.

В 1903 году Николай II утвердил институт фабрично-заводских старост – лиц, представляющих работников в отношениях с работодателями и властями (Закон от 10 июня 1903 года «Об учреждении старост в промышленном предприятии»), а 23 июня 1912 года было введено государственное страхование рабочих[939].

В 1913 году фабричное (трудовое) законодательство было систематизировано в виде принятия Устава о промышленном труде[940] и включения его в т. XI Свода законов Российской империи.

Можно много спорить о том, инкорпорация это или кодификация. Важно то, что качественный системный акт регулировал фабричные (трудовые) отношения, способствовал разрешению споров, помогал промышленности, развивал экономические и социальные отношения и еще при этом двигал правовую науку.

«Разбросанность законоположений о найме рабочих по отдельным частям Свода законов и затруднительность, благодаря этому, пользования сими законоположениями, к тому же весьма часто затерянными среди постановлений, к вопросу о найме рабочих ни прямого, ни косвенного отношения не имеющих, побудили Государственную канцелярию выделить упомянутые узаконения и объединить их в особом Уставе о промышленном труде, который вошел в выпущенное в конце 1914 г. новое издание второй части т. XI Свода законов»[941], – писал один из участников подготовки Устава В. В. Громан.

Устав был достаточно объемным и подробным документом: состоял из 597 статей, систематизированных по четырем разделам[942] и 15 главам[943], и охватывал большой круг отношений. Вместе с Уставом были приняты 18 приложений. Это правила и инструкции от делопроизводства, продолжительности рабочего времени до благоустройства рабочих мест.

4. Аграрная политика. Реформы Николая II и Столыпина

На излете эпохи Александра III были приняты два законодательных акта, посвященных аграрной реформе: «Об утверждении правил о переделах мирской земли»[944] от 8 июня 1893 года и «О некоторых мерах к предупреждению

отчуждаемости крестьянских надельных земель»[945] от 14 декабря того же года. Их целью было сохранение крестьянской общины, дабы избежать пролетаризации крестьян и размывания традиционной опоры власти с далеко идущими социально-политическими последствиями. Инициатором выступил министр финансов С. Ю. Витте.

Принципиальным противником этих законов был его предшественник на министерском посту Н. Х. Бунге.

> **Он последовательно и упорно отстаивал право крестьян распоряжаться землей на основе не урезанного, а полного права частной собственности. Для него и выход крестьян из общины, и продажа ими своих наделов представлялись вполне естественными. Главная задача правительства виделась ему в «облегчении условий для образования частной собственности»[946], способной интенсифицировать земледелие. Но победила точка зрения Витте.**

Первый закон (от 8 июня 1893 года) разрешал производить земельные переделы не чаще одного раза в 12 лет, дабы крестьяне, получив наделы на столь длительный срок, относились к ним по-хозяйски, вносили удобрения и т. д. Второй (от 14 декабря 1893 года) запрещал закладывать крестьянские надельные земли, ограничивал сдачу надела в аренду и продажу его только пределами своей общины и разрешал досрочный выкуп земель из общины только при согласии 2/3 схода. То есть выход из общины был если не запрещен, то значительно затруднен.

Эти нормативные акты, что называется, аукнулись в последующие годы. Население империи быстро росло, а объемы надельной земли нет. В результате земельные наделы в пересчете на одного крестьянина уменьшались. Поэтому каждые 12 лет с приближением передела надельной земли резко возрастала нервозность крестьян и аффилированного с ним населения, нарастали требования «черного передела» – конфискации помещичьей земли в пользу крестьян. В результате каждые 12 лет происходило что-нибудь нехорошее, в частности революции 1905 и 1917 годов.

В основу подхода Николая II был положен принцип неприкосновенности частной собственности, внушенный ему Н. Х. Бунге, который полагал, что «для урегулирования крестьянского землевладения не надо никакого коренного преобразования, необходимо лишь облегчить условия для образования частной собственности»[947]. Идею отнять всю землю у помещиков и

поделить ее среди крестьян он отвергал еще в самом начале своего царствования в многочисленных выступлениях, в том числе и перед представителями крестьянства, убеждая их в беспочвенности надежды получить дополнительно часть помещичьих земель[948].

В январе 1902 года император возложил на МВД пересмотр узаконений о крестьянах, который предписывалось осуществить за пять лет, т. е. к 1907 году. В 1902–1904 годы созданная при МВД Редакционная комиссия по пересмотру законодательства о крестьянах подготовила проекты, которые легли в основу уже упоминавшихся Манифеста 26 февраля 1903 года и Указа от 12 декабря 1904 года.

> **Основными направлениями аграрной реформы Николая II были: передача надельных земель в собственность крестьян, постепенное упразднение сельской общины как коллективного собственника земель, широкое кредитование крестьян, скупка помещичьих земель для перепродажи крестьянам на льготных условиях, землеустройство, позволяющее оптимизировать крестьянское хозяйство за счет ликвидации чересполосицы.**

Важным направлением аграрной реформы император считал переселенческое движение. 6 июня 1904 года царь утвердил Временные правила о добровольном переселении крестьян и мещан в Сибирь и на Дальний Восток, распространенные затем и на другие категории переселенцев. 10 марта 1906 года Николай II повелел установить новый порядок переселения, создав «особо льготные условия для переселенцев»[949]. В рамках упорядочения системы управления империей 26 апреля 1906 года все законодательные акты по переселению были приведены в соответствие с Временными правилами от 6 июня 1904 года.

Кроме переселенческого движения Николай II уделял особое внимание деятельности Крестьянского банка, созданного в 1882 году по инициативе Бунге для содействия увеличению площади крестьянских земель[950]. 24 ноября 1895 года император утвердил новый Устав Крестьянского банка, предоставивший ему право покупки помещичьей земли за свой счет и перепродажи ее крестьянам. Законом от 2 июня 1900 года было разрешено продавать крестьянам земли должников Дворянского банка. 3 ноября 1905 года император наделил Крестьянский банк правом неограниченного выпуска своих свидетельств, что позволяло увеличивать его капитал, и установил более льготные правила для выдачи ссуд, возросших

отныне до 100%.

Как и Николай Христианович[951], Николай II был принципиальным противником общины и выступал за ее поэтапное упразднение. **Утвержденные 23 июня 1899 года «Временные правила о порядке взыскания окладных сборов» отменили круговую поруку для крестьян в мелких селениях и для подворных владельцев**[952]. **12 июня 1900 года она была упразднена при уплате продовольственных сборов. О необходимости полной отмены круговой поруки Николай II заявил в Манифесте 26 февраля 1903 года, после чего Указом от 12 марта 1903 года**[953] **ликвидировал ее окончательно.**

Как мы уже говорили, первым председателем Совета министров 24 октября 1905 года был назначен граф С. Ю. Витте[954]. Он получил едва ли не диктаторские полномочия. В течение менее чем полутора лет он уговорил императора подписать мир с Японией, встать на путь либеральных политических реформ и созвать первую Государственную думу. Витте удалось получить во Франции заем в два с половиной миллиарда франков, но к аграрной реформе он так и не приступил. Однако во время его пребывания у власти революционная деятельность не затихала и основы существующего строя были сильно поколеблены.

Именно усилиями императора, несмотря на сопротивление С. Ю. Витте, Манифестом 3 ноября 1905 года сначала с 1 января 1906 года были вдвое снижены, а с 1 января 1907 года и вовсе отменены выкупные платежи для крестьян. Отмена круговой поруки и выкупных платежей во многом обусловливала ликвидацию общинного землевладения и подразумевала уравнение крестьян в правах с остальными сословиями. Манифестом 11 августа 1904 года крестьяне были освобождены от телесных наказаний, а Указом от 5 октября 1906 года[955] они фактически получили гражданское равноправие.

26 апреля 1906 года министром внутренних дел Российской империи был назначен П. А. Столыпин. 8 июля 1906 года первая Государственная дума была распущена. В этот же день, т. е. **8 июля 1906 года, председателем Совета министров с сохранением предыдущей должности министра внутренних дел был назначен П. А. Столыпин.** Во многом именно с его усилиями на посту руководителя исполнительной власти связывается подавление революционных выступлений. Пётр Аркадьевич был активным сторонником превращения крестьян в собственников земли. Наряду с аграрной реформой проводившиеся Столыпиным преобразования включали: введение нового рабочего законодательства, реорганизацию местного

самоуправления, реформу образования, развитие судебной системы, налоговую реформу.

Столыпин решил принимать все необходимые законоположения, не дожидаясь созыва второй Думы, по ст. 87 Основных законов. Эта статья позволяла Совету министров предлагать непосредственно императору неотложные законодательные акты.

27 августа вышел указ о продаже крестьянам государственных земель. 5 октября 1906 года был издан Указ «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний», посвященный улучшению гражданско-правового статуса крестьян. 14 и 15 октября вышли указы, расширявшие деятельность Крестьянского земельного банка и облегчавшие условия покупки земли крестьянами в кредит.

9 ноября 1906 года вышел главный законодательный акт земельной реформы, дающий возможность выхода крестьян из общин, – «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования»[956]. На основании Указа императора от 9 ноября 1906 года «каждый домохозяин, владеющий надельной землею на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собою в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли». При этом домохозяева «сохраняют за собою право пользования в неизменной доле теми сенокосными, лесными и другими угодьями, которые переделяются на особых основаниях (напр., по произведениям почвы, или отдельно от угодий, переделяемых при общих переделах и на иных основаниях и т. п.), а также право участия в пользовании на принятых в обществе основаниях непеределяемыми угодьями, как то: мирскою усадебною землею, выгонами, пастбищами, оброчными статьями и др.». Устанавливается процедура выделения земельных участков в личную собственность, а также – при наличии споров – процедура рассмотрения жалоб.

Комментируя этот акт, Пётр Аркадьевич отметил: «В основу закона 9 ноября положена определенная мысль, определенный принцип. Мысль эта, очевидно, должна быть проведена по всем статьям законопроекта; выдернуть ее из отдельной статьи, а тем более заменить ее другой мыслью, значит исказить закон, значит лишить ее руководящей идеи. А смысл закона, идея его для всех ясна. В тех местностях России, где личность крестьянина получила уже определенное развитие, где община, как принудительный союз, ставит преграду для его

самодеятельности, там необходимо дать крестьянину свободу приложения своего труда к земле, там необходимо дать ему свободу трудиться, богатеть, распоряжаться своей собственностью; надо дать ему власть над землею, надо избавить его от кабалы отживающего общинного строя»[957].

Будучи убежденным монархистом, Пётр Аркадьевич понимал, что в условиях нового времени самодержавие теряет поддержку народа, поэтому пересмотр политики в области сельского хозяйства, кроме экономических потребностей, был призван сформировать слой крестьян-собственников в качестве опоры царской власти.

При Столыпине в России на несколько лет наступило хоть и условное, но успокоение. В августе 1906 года он провел с помощью упомянутой выше ст. 87 Основных законов печально знаменитый закон о военно-полевых судах, который заметно ускорял судопроизводство, сделав его, по существу, чрезвычайным. Вместо малоэффективных военных судов, которые рассматривали дела о преступлениях против государственного порядка, были введены «эффективные» военно-полевые суды. Они рассматривали дела в течение 48 часов, а приговор приводился в исполнение меньше чем за сутки после его объявления. На его основе за преступления против государства с августа 1906 года по апрель 1907-го было казнено, по разным данным, от 1,5 до 4 тысяч революционно настроенных граждан[958]. Стабилизация внутренней обстановки дала громадный толчок росту русской промышленности, а вот аграрную реформу он завершить не успел.

Энергичная реформаторская деятельность Столыпина сталкивалась с ожесточенным сопротивлением как со стороны правых – консервативно-бюрократические круги, крайние националисты, члены императорской фамилии и придворные круги, связанные с Марией Фёдоровной, так и со стороны все более влиятельной либеральной части российского общества.

Крестьяне были разочарованы тем, что помещики сохранили свои земли. Дворяне получили в лице зажиточных крестьян конкурентов на рынке сельскохозяйственной продукции, обвиняли Петра Аркадьевича в разрушении «вековых устоев» и резко критиковали реформатора за желание увеличить политические права крестьян. Либеральная интеллигенция упрекала Столыпина в приверженности самодержавной власти, а для революционных партий он был душителем свободы и

революции.

14 сентября 1911 года в Киевском городском театре во время спектакля в высочайшем присутствии Дмитрий Богров стрелял в П. А. Столыпина и смертельно ранил министра. На допросе Богров сознался, что в течение долгих лет состоял одновременно агентом охранного отделения и террористической организации в Париже. Его присутствие на спектакле в непосредственной близости с царской ложей объяснялось тем, что Богров должен был охранять особу царя.

До сих пор не утихают споры, было ли это убийство исключительно делом рук боевиков-эсеров, разоблачивших провокатора Богрова и под страхом смерти заставивших его совершить теракт, или имело место как минимум попустительство со стороны властей. «Неоднократно предав Столыпина и поставив его в беззащитное положение по отношению к явным и тайным врагам, „обожаемый монарх“ не счел возможным быть на похоронах убитого, но зато нашел возможным прекратить дело о попустителях убийцам»[959].

Глава 12. Влияние войны на внутриполитическую ситуацию в империи

1. Накануне войны

Если почитать многочисленные публикации на тему «Россия, которую мы потеряли», то накануне Первой мировой войны имела место весьма благопристойная картина. По многочисленным и разнообразным показателям уровня промышленного производства Российская империя входила в пятерку наиболее развитых стран. Уровень жизни российского населения был сравним с западноевропейским, если учесть поправки на крестьянское натуральное хозяйство, низкий по сравнению с Европой уровень цен, значительно большее количество выходных дней[960], всеобщее начальное образование[961] и доступность высшего.

Как мы отмечали, к 1912 году в России раньше Запада было введено социальное страхование рабочих. В 1912 году президент США Тафт якобы публично заявил: «Ваш император создал такое совершенное рабочее законодательство, каким ни одно демократическое государство похвалиться не может»[962].

К 1914 году право на государственную пенсию за выслугу лет («за долговременную беспорочную службу») имели все те, кого в наши дни называют бюджетниками: не только чиновники, но и

рабочие казенных предприятий, учителя, врачи, военные, железнодорожники и т. д.

Вполне конкурентоспособным был уровень развития науки, а русская культура была популярна во всем мире.

Даже утверждения о чиновничьем засилье и полицейском режиме в империи опровергаются сравнительными с Западной Европой данными: число чиновников в Российской империи было «пропорционально раза в три-четыре меньше, чем в странах Западной Европы»[963]. По данным на 1906 год, во Франции на государственном бюджете было 500 тысяч чиновников (не считая выборных), тогда как в гораздо большей России – только 340 тысяч (с выборными), а полицейских в Лондоне на душу населения в десять раз больше, чем в Петербурге[964].

Дальше – больше. Как утверждал профессор Эдинбургского университета Ч. Саролеа, «одним из наиболее частых выпадов против русской монархии было утверждение, что она реакционна и обскурантна, что она враг просвещения и прогресса. На самом деле она была, по всей вероятности, самым прогрессивным правительством в Европе…»[965]

Спрашивается, каким образом при таком благолепии Российская империя в 1917 году, по выражению В. В. Розанова, слилась за три дня?

Ответа на этот вопрос нет, точнее, их много, и все они разные.

Многие авторы грешат на Первую мировую войну, поскольку она принесла тяжелые испытания для имперского населения, возникли перебои с продуктами и другими товарами, неудачи на фронтах подорвали веру в царя. Однако, несмотря на все тяготы войны, к началу 1917 года военно-стратегическое положение России благодаря мобилизации тыла улучшилось, и ее поражение далеко не было предопределено.

Кроме того, в других воюющих странах происходили аналогичные процессы: серьезных испытаний не удалось избежать ни одной из стран-участниц, но они не привели к столь же драматичным результатам. При этом во всей Европе произошли системные изменения в социальных, экономических, политических институтах и отношениях, масштабные сдвиги в интеллектуальной и культурной сферах.

С политической карты Европы, кроме Российской, исчезли еще три империи – Германская, Австро-Венгерская и Османская. В них также происходили революционные процессы, но только в России революция произошла именно во время войны, лишив ее

лавров и бонусов победителя. Широко известно высказывание У. Черчилля:

> **«Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была в виду. Она уже претерпела бурю, когда все обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была уже выполнена»**[966].

Однако перед самой войной ничто такого не предвещало. Страна, пережив революционную бурю 1905–1907 годов, вступила в период политической стабильности, характеризовавшийся, помимо прочего, резким спадом стачечной активности рабочих и успокоением деревни. Этого удалось добиться, так сказать, с помощью доброго слова и пистолета, а именно реформами и жестким подавлением волнений.

Как писал уже цитировавшийся нами Ч. Саролеа, «посетив Россию в 1909 г., я ожидал найти повсюду следы страданий после Японской войны и смуты 1905 г. Вместо этого я заметил чудесное восстановление… скачками растущую промышленность, приток капиталов…»

Политические и экономические успехи правительства Столыпина признавали даже будущие вожди мирового пролетариата. В. И. Ленин отмечал, что при успехе Столыпинских реформ революция будет невозможна[967]. С ним соглашался его оппонент Л. Д. Троцкий, который несколько позже констатировал: если бы Столыпинская реформа была завершена, «русский пролетариат ни в каком случае не смог бы прийти к власти в 1917 г.»[968].

В то же время на политической сцене страны появились новые субъекты. Во-первых, законодательная власть в лице Государственной думы и Государственного совета.

Во-вторых, партии, открыто боровшиеся друг с другом, как правой реакционной, просамодержавной (Союз русского народа и др.), так и консервативно-либеральной (Союз 17 октября – октябристы) ориентации, а также либеральная Конституционно-демократическая партия (кадеты). Леворадикальные организации – Партия социалистов-революционеров (эсеры), продолжавшая народнические традиции; большевистское и меньшевистское течения в Российской социал-демократической рабочей партии – в этот период переживали глубокий кризис.

В-третьих, в лице независимых СМИ в Российской империи существовала и так называемая четвертая власть.

Российская государственность явственно эволюционировала в

направлении к конституционной монархии и правовому строю. Представительная (прежде всего Государственная дума) и исполнительная (Совет министров, возглавляемый Столыпиным) власти нашли общий язык только после избрания в 1907 году третьего думского созыва, осуществленного в соответствии с новым избирательным законодательством, утвержденным государем в обход Думы и Государственного совета, в нарушение Основных законов империи.

Думское большинство в лице депутатов консервативно-либерального толка (октябристы, умеренно правые и националисты) в целом поддерживало столыпинский курс. Казалось, драматическому противостоянию власти и общества пришел конец.

Важным условием сотрудничества думского большинства с Советом министров была обещанная правительством весьма широкая программа либеральных преобразований, которая в известной степени ущемляла интересы дворянства и потому встретила сопротивление со стороны Совета объединенного дворянства и консервативно настроенного большинства Государственного совета. Еще при Столыпине реформы заметно затормозились, а после его гибели и вовсе остановились. Возглавивший правительство Коковцов об осуществлении преобразовательных планов предшественника и не помышлял.

В результате отношения между правительством и Государственной думой накануне Первой мировой войны заметно ухудшились. Осенью 1912 года прошли выборы в четвертую Государственную думу[969]. **По своему составу новая Дума мало отличалась от прежней, но оказалась в целом менее покладистой, нежели ее предшественница.**

Внутри Совета министров усиливались противоречия между сторонниками сотрудничества с обществом и Думой и приверженцами жесткого курса. Последним глава Совета министров Коковцов казался чрезмерно либеральным, склонным излишне считаться с Думой. Позиции правых в верхах значительно укрепились после назначения в 1912 году министром внутренних дел Н. А. Маклакова, откровенно демонстрировавшего свои ультрамонархические убеждения и пользовавшегося особыми симпатиями и доверием Николая II. В начале 1914 года Коковцов был отправлен в отставку. Его преемником стал И. Л. Горемыкин – престарелый сановник с говорящей фамилией, придерживавшийся весьма реакционных взглядов.

Наиболее влиятельной фигурой в горемыкинском Совете министров оказался главноуправляющий землеустройством и

земледелием А. В. Кривошеин. Он предложил новый курс, который предусматривал улучшение отношений с Думой и внесение существенных корректив в экономическую политику самодержавия.

Однако ни реализации нового курса, ни сотрудничества с Думой не получилось. Благожелательное отношение к законодательному органу, которое первоначально демонстрировалось правительством, скоро сменилось линией на мелочное ущемление думских прерогатив, что создавало основу для новых конфликтов между властью и обществом.

В июне 1914 года в Совете министров по инициативе Николая II обсуждался вопрос о пересмотре Основных законов 1906 года, с тем чтобы превратить Думу, а заодно и Государственный совет в законосовещательные учреждения. Практически все члены Совета, за исключением Н. А. Маклакова, высказались против намерений царя. В результате Николай II уступил, заявив, подводя итог прениям: «Господа, как было, так и будет».

С начала века шла интенсивная подготовка к войне. Причиной тому были: англо-германские противоречия – военно-морское соперничество, борьба за передел сфер влияния на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Африке; франко-германский антагонизм – столкновения в Марокко и стремление Франции взять реванш за поражение 1871 года; нежелание России мириться с намерением Австро-Венгрии подчинить себе Сербию и с усилением германского влияния в Османской империи, грозившим планам по установлению российского контроля над проливами Босфор и Дарданеллы, через которые шла значительная часть российского экспорта.

В этих условиях в правящих кругах Российской империи и обществе все заметнее давали себя знать антигерманские и антиавстрийские настроения. В августе 1914 года разгоряченная толпа россиян ворвалась в здание немецкого посольства и разгромила его[970].

Однако наиболее консервативные группировки и партии, отмечавшие родственные узы, связывавшие Российский императорский дом с германскими династиями и сходство политических режимов, существовавших в обоих государствах, были приверженцами сближения с Германией. Столкновение с австро-германским блоком грозило России, с точки зрения правых, серьезнейшими социальными катаклизмами.

Один из лидеров консервативного крыла Государственного

совета П. Н. Дурново в феврале 1914 года в адресованной Николаю II записке предрекал: «Главная тяжесть войны выпадает на нашу долю. Роль тарана, пробивающего толщу немецкой обороны, достанется нам. Война эта чревата для нас огромными трудностями и не может оказаться триумфальным шествием в Берлин. Неизбежны и военные неудачи – будем надеяться, частичные, – неизбежными окажутся и те или другие недочеты в нашем снабжении… При исключительной нервности нашего общества этим обстоятельствам будет придано преувеличенное значение… Начнется с того, что все неудачи будут приписываться правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него. В стране начнутся революционные выступления… Армия, лишившаяся наиболее надежного кадрового состава, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные авторитета в глазах населения оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет втянута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению»[971].

Что называется, как в воду глядел.

Даже победа в войне, по мнению Дурново, не сулит России благоприятных перспектив, поскольку как промышленно менее развитая она рискует оказаться в полной экономической, а впоследствии и политической зависимости от вчерашних союзников. Таким образом, жизненно важным условием для России было сохранение мира с Германией.

На политическую неблагонадежность призывной армии, а также крестьянского сословия указывал потомок знаменитого аристократического рода Виктор Сергеевич Кочубей[972], делая из этого вывод, что вмешательство России в крупный военный конфликт, в особенности с сильными противниками на Западе – Германией и Австро-Венгрией, будет для нее губительным.

> **Таким образом, в войну империя входила при наличии раздрая как во властных структурах – между Думой и Советом министров, внутри правительства и даже внутри царской семьи, так и в обществе – между представителями различных политических течений.**

Понятно, что внутривластные разборки не могли не привести к нарастанию напряженности в социуме. На рубеже 1910–1911 годов активизировалось рабочее движение. Наблюдая за промышленным подъемом, приводящим к повышению капитализации предприятий, рабочие стали требовать своей

доли, усиленно предъявляя к работодателям экономические требования. Их представления о справедливой оплате труда явно не соответствовали реальному положению дел. Иными словами, в рабочей среде усиливался синдром относительной депривации. В неменьшей степени он нарастал в интеллигентской среде и среди крестьян, по-прежнему требовавших черного передела – экспроприации помещичьей земли в их пользу.

Существенное воздействие на развитие внутриполитической ситуации в стране оказал расстрел мирного шествия рабочих Ленских золотых приисков 4 апреля 1912 года, в результате которого 270 человек были убиты, 250 ранены. Широкого размаха достигли выступления, проходившие под политическими лозунгами. Обстановка в стране накалялась. В первой половине 1914 года в забастовках приняли участие 1,5 млн человек. Размах движения был чрезвычайно велик. 28 мая 1914 года началась стачка 500 тысяч рабочих в Баку. Расстрел митинга Путиловских рабочих 3 июля 1914 года вызвал волну забастовок и демонстраций в столице, где в ряде районов впервые после 1905 года начали сооружаться баррикады[973].

Объективные предпосылки антимонархической революции были налицо. Ситуацию в стране резко изменила начавшаяся в июле 1914 года Первая мировая война.

2. Царь и общество на фоне войны. От любви до ненависти

Два противостоявших друг другу военно-политических блока – Тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия и Италия) и Антанта (Великобритания, Франция и Россия) – развернули гонку вооружений еще в начале века. Однако если Германия завершила переоснащение своей армии современным вооружением к 1914 году, в России этот процесс был рассчитан до 1917 года. Когда великий князь Сергей Михайлович по возвращении в 1913 году из своей поездки в Австрию доложил правительству о лихорадочной работе на военных заводах центральных держав, министры в ответ только рассмеялись.

> **Поводом к войне послужило убийство 15 июня 1914 года сербским националистом Г. Принципом наследника австро-венгерского престола Франца-Фердинанда. Впрочем, если бы этого покушения не было, нашелся бы другой повод.**

Германия стремилась реализовать свой гандикап в военных приготовлениях, сначала разгромив Францию, пока Российская

империя будет медленно осуществлять мобилизацию, а затем и Россию (план Шлиффена). Однако России удалось сосредоточить на своей западной границе необходимые для наступления силы уже на 18-й день мобилизации, и царская армия ударила по Австро-Венгрии и Восточной Пруссии.

Дальнейшие приключения российской армии на фронтах Первой мировой войны были вкратце описаны все тем же Черчиллем: «Самоотверженный порыв русских армий, спасший Париж в 1914 г.; преодоление мучительного бесснарядного отступления; медленное восстановление сил; брусиловские победы; вступление России в кампанию 1917 г. непобедимой, более сильной, чем когда-либо… Держа победу уже в руках, она пала на землю, заживо, как древле Ирод, пожираемая червями»[974].

Исход затяжной войны, особенно такой масштабной, как Первая мировая, определяется не столько на фронтах, сколько в тылу.

И речь здесь не только об обеспечении войск всем необходимым. С этой задачей российское правительство в целом справилось: удалось значительно увеличить производительность казенных военных заводов за счет расширения и модернизации, привлечь широкий круг частных предприятий с помощью военно-промышленных комитетов и заключить соглашения на поставку необходимой продукции союзниками и зарубежными торговыми партнерами.

Не менее важным, если не решающим, оказывается морально-психологическое состояние общества.

Во всех без исключения странах-участницах сразу после объявления войны начался резкий всплеск ура-патриотических настроений. «Все были правы. Никто не хотел признать себя виновным. Нельзя было найти ни одного нормального человека в странах, расположенных между Бискайским заливом и Великим океаном»[975]. Противники войны подверглись репрессиям: во Франции убили Ж. Жореса, в Германии арестовали К. Либкнехта[976].

> **В России патриотический подъем охватил всю территорию страны и все ее социальные слои, начиная от царствующей династии Романовых и вплоть до крестьян и рабочих.**

Российское общество консолидировалось вокруг царя, его якобы исторической миссии, касающейся освобождения братских славянских народов. Никаких стачек и крестьянских волнений. Вместо них – проведение многочисленных патриотических

манифестаций, шествий и молебнов с портретами царя, резкий рост спроса на периодические издания, освещавшие ход войны.

Для Николая II это оказалось коварной ловушкой. Он еще больше укрепился в своей вере, что весь народ и армия за него, а против выступает только ничтожная часть населения – либеральная интеллигенция, политиканы и бюрократы-властолюбцы. «…Император Николай Второй это перемирие, предложенное нами, принял за отказ от внутренней борьбы, за доказательство того, что оппозиция признала себя побежденной этим взрывом патриотических чувств русского народа», – говорил впоследствии А. Ф. Керенский[977].

В этой вере Николая полностью поддерживала Александра Фёдоровна. Собственно, они с мужем в этом вопросе были полными единомышленниками. Она не только поддерживала, но и стремилась всячески охранять самодержавные прерогативы Николая Александровича. «У меня не хватает терпения разговаривать с министрами, которые мешают ему исполнять свои обязанности… К несчастью, государь слаб, но я намерена быть твердой»[978], – говорила она.

По настоянию правительства Николай II отказался от поста Верховного главнокомандующего, чтобы постоянно оставаться в столице. На эту должность был назначен великий князь Николай Николаевич (младший), чей яркий образ в первый год войны – национальный герой и вождь, защитник простых солдат, строгий командир, не дающий спуску «трусливым и продажным генералам», – послужил сохранению авторитета самодержавия. Даже поражения лета 1915 года не разрушили веру в «верховного вождя». В результате в глазах общественного и народного мнения он стал более сильной и популярной фигурой, нежели император, а некоторые оппозиционные круги даже говорили о возведении его на престол.

Кроме того, он добился отставки ряда непопулярных в либерально-консервативной среде министров, чем привлек на свою сторону немало депутатов Государственной думы. Императрица этого потерпеть не могла. Науськиваемая Г. Распутиным, для которого Николай Николаевич стал главным врагом, хотя это именно он и его жена Стана ввели «старца» в императорскую семью, Александр Фёдоровна убедила мужа сместить великого князя, самому стать Верховным главнокомандующим и отправиться в Ставку, что и произошло 23 августа 1915 года[979]. «Ты наконец показываешь себя… настоящим самодержцем… Единственное спасение в твоей твердости. Я знаю, что тебе это стоит, и ужасно за тебя страдаю. Прости меня, умоляю, мой ангел, что не оставляла тебя в покое и

приставала к тебе так много… Молитвы нашего Друга (Г. Распутина. – Прим. авт.) денно и нощно возносятся за тебя к небесам, и Господь их услышит»[980].

Резко возросшая с началом войны роль Распутина в управлении внутренними делами и особенно в кадровой политике сильно раздражала членов императорской фамилии, правительства и Думы, а также служила источником самых невероятных слухов среди населения. Престиж императора как в элитах, так и в народе резко падал.

В итоге 17 декабря 1916 года Распутин был банально убит князем Феликсом Юсуповым, депутатом Думы В. М. Пуришкевичем, великим князем Дмитрием Павловичем и поручиком С. М. Сухотининым. Но даже это чудовищное событие не поколебало императрицу в ее устремлениях. Великий князь Александр Михайлович пытался ее вразумить:

«Я кратко обрисовал общее политическое положение, подчеркивая тот факт, что революционная пропаганда проникла в гущу населения и что все клеветы и сплетни принимались им за правду.

Она резко перебила меня:

– Это неправда! Народ по-прежнему предан Царю. Только предатели в Думе и в петроградском обществе мои и его враги.

– Нация верна Царю, но нация негодует по поводу того влияния, которым пользовался Распутин. Никто лучше меня не знает, как вы любите Никки, но все же я должен признать, что ваше вмешательство в дела управления приносит престижу Никки и народному представлению о Самодержце вред… я хочу, чтобы вы поняли, что все классы населения России настроены к вашей политике враждебно… Предоставьте вашему супругу государственные дела!

Ради Бога, Аликс, пусть ваши чувства раздражения против Государственной думы не преобладают над здравым смыслом. Коренное изменение политики смягчило бы народный гнев. Не давайте этому гневу взорваться.

Она презрительно улыбнулась.

– Все, что вы говорите, смешно! Никки – Самодержец! Как может он делить с кем бы то ни было свои божественные права?»[981]

Вера в то, что народ и особенно армия обожают и любят своего монарха именно за то, что он монарх неограниченный и самодержавный, была у царской четы тем сильнее, чем меньше для этого имелось оснований.

Провальная военная кампания 1915 года, превращение маневренной войны в позиционную, когда солдатам месяцами

приходилось сидеть в окопах, подвергаясь постоянным артиллерийским обстрелам, теряя веру в свое начальство и психическое здоровье, заметное ухудшение обеспечения населения необходимыми товарами, появление массы беженцев и вооруженных групп дезертиров, конспирологические теории о всеобщем предательстве в верхах – все это способствовало возвращению предвоенного синдрома относительной депривации, причем многократно усиленного.

Глава 13. Февральская революция 1917 года

1. Действующие лица и исполнители

23 августа 1915 года в Государственной думе был образован так называемый Прогрессивный блок, куда вошли около 300 депутатов из 420. К ним примкнули три группы Госсовета (левые, центр и беспартийные).

> **Участники Прогрессивного блока провозглашали два основных положения: война должна быть доведена до победного конца, а для этого необходимо единение между властью и обществом.**

Поэтому власть должна быть приведена в соответствие с требованием общества. Обществом называли либеральную интеллигенцию и прогрессивно настроенных чиновников, а выражение его воли видели в тех общественных организациях, которые возникли во время войны: общеземском союзе, Союзе городов и Военно-промышленных комитетах.

Началась откровенная борьба за власть. Блок, имея большинство в Думе, мог наносить правительству чувствительные удары. Вошедшие в него группы фактически подчинились руководству фракции кадетов, наиболее политически опытной и яснее других знавшей, чего она хочет. Блок последовательно проводил идею создания «ответственного министерства» или «министерства доверия». Такое министерство каждому рисовалось по-своему: либеральным бюрократам – в виде кабинета с авторитетным и популярным сановником во главе, а деятелям Блока – в виде правительства, состоящего из членов его бюро, т. е. правительства, формируемого Думой и подотчетного ей. Аффилированные с Блоком, особенно с кадетами, средства массовой информации развернули активную пропагандистскую кампанию в поддержку этой идеи.

Как откровенничал впоследствии лидер кадетов П. Н.

Милюков, «…твердое решение воспользоваться войной для производства переворота было принято нами вскоре после начала войны…»[982]

Один из основателей партии кадетов, видный земский деятель А. И. Шингарёв говорил: «После севастопольского грома пало русское рабство. После японской кампании появились впервые ростки русской конституции. Эта война приведет к тому, что в муках родится свобода страны, и она освободится от старых форм и органов власти»[983]. Этим самым он лил воду на мельницу все расширявшихся среди населения антивоенных настроений. Многие люди связывали окончание ненавистной войны с падением самодержавия.

Осенью 1916 года казалось, что войне не будет конца. В рабочей, студенческой, интеллигентской среде все более распространялось мнение, что это империалистическая война, ее надо прекратить. Появилась новая формула: «Мы готовы защищать родину, но мы не хотим завоеваний, мы – за мир „без аннексий и контрибуций“, поэтому мы – против власти, которая затягивает войну ради империалистических целей». Уверенность, что все проблемы в недостатках власти, все больше овладевала массами.

Глава партии октябристов, председатель Думы третьего созыва, а также председатель Центрального Военно-промышленного комитета А. И. Гучков, будучи в эмиграции, рассказывал, что осенью 1916 года «родился замысел о дворцовом перевороте, в результате которого государь был бы вынужден подписать отречение с передачей престола законному наследнику»[984]. Александр Иванович сумел наладить контакт с генералами М. В. Алексеевым, начальником штаба при Верховном главнокомандующем, и Н. В. Рузским, главнокомандующим армиями Северо-Западного и Северного фронтов. 9 ноября 1916 года председателем Совета министров был назначен А. Ф. Трепов, до этого возглавлявший министерство путей сообщения: император поручил ему навести порядок в стране. Его попытки наладить контакт с Государственной думой не увенчались успехом, в дело пошли запреты и ограничения, в том числе по поводу проведения съездов общественных организаций[985].

16 декабря 1916 года был убит Григорий Распутин; так совпало, что в этот же день Госдуму отправили «на каникулы». Трепов был уволен 27 декабря, его место занял Н. Д. Голицын. Трепов не договорился с Думой и даже не успел подготовить документы для ее роспуска.

В первых числах февраля 1917 года Николай II поручил члену Государственного совета Н. А. Маклакову составить проект

манифеста на случай роспуска Думы. Он не оставлял плана распустить четвертую Думу, если она пойдет по пути решительной и открытой борьбы с самодержавием.

2. Пять дней революции

Последняя сессия четвертой Государственной думы открылась 14 февраля 1917 года. 23 февраля, в день отъезда императора из Петрограда в Ставку, начались различные уличные манифестации, вызванные слухами об отсутствии достаточных запасов хлеба в Петрограде[986]. Значительная часть политически активных депутатов видела в этих беспорядках дополнительный повод для обличения продовольственной и военной политики власти.

25 февраля волнения распространились на всю центральную часть города. Произносились революционные речи, главным содержанием которых было «Долой войну!». Поздно вечером состоялось заседание Совета министров. Было известно, что 28 февраля ожидаются новые резкие выступления в Думе против продовольственной политики властей. По предложению Голицына **императором во избежание конфликта было принято решение прервать думскую сессию на срок не позднее апреля**. **26 февраля Государственная дума и Государственный совет были отправлены на принудительные каникулы.**

27 февраля в 7 часов утра восстал запасный батальон Волынского полка. Этот вооруженный мятеж считается началом Февральской революции. Всеобщая забастовка рабочих получила поддержку вооруженным восстанием солдат. По городу начались убийства полицейских и городовых, грабежи и мародерства. Разрастались бунты призывников и солдат, лечившихся после ранения, находившихся в столице и не хотевших отправляться, как они говорили, на убой[987]. Был захвачен Арсенал – Петроградский главный артиллерийский склад. Рабочие получили в свои руки 40 тысяч винтовок и 30 тысяч револьверов. Из тюрьмы «Кресты» были освобождены как политические, так и уголовные заключенные, здание окружного суда было подожжено.

Многие в Петрограде, в том числе солдаты, восприняли Таврический дворец, в котором заседала Дума, как центр новой власти и спешили засвидетельствовать свою лояльность новому начальству взамен самодержца.

Вечером 27 февраля Совет министров признал необходимым объявить Петроград на осадном положении и предложил императору распустить Совет министров и назначить новый состав нового органа – ответственного министерства. Началось обвальное обрушение системы

управления империей.

Таврический дворец оказался в районе, захваченном восставшими. С утра в здании Думы собралось довольно много депутатов, не знавших о перерыве сессии, поскольку газеты не выходили. Совещание депутатов признало, что Дума заседать не может, но решено было пока не расходиться и ждать событий.

> **Был образован Временный комитет Государственной думы из представителей фракций прогрессивного блока и крайних левых «для водворения порядка в столице и для сношения с лицами и учреждениями».**

Возглавил Временный комитет последний председатель Думы М. В. Родзянко. Наряду с членами Государственной думы в Комитет вошел комендант петроградского гарнизона Б. А. Энгельгардт.

В этот же день Комитет принял воззвание, в котором, обращаясь к народу, указал, что «Временный комитет членов Государственной думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознавая всю ответственность принятого им решения, Комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием»[988]. **Первое заседание Временный комитет провел в Таврическом дворце 27 февраля.**

Рабочая группа Центрального Военно-промышленного комитета, освобожденная из тюрьмы «Кресты» революционной толпой[989], тотчас отправилась в здание Думы и там вместе с депутатами-социалистами образовала первый Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов. Вечером 27 февраля в Таврическом дворце состоялось и первое собрание совета рабочих депутатов. Председателем был избран меньшевик Н. С. Чхеидзе.

28 февраля председатель Временного комитета Госдумы М. В. Родзянко назначил депутата Думы А. А. Бубликова комиссаром министерства путей сообщения. Бубликов разослал по автономной железнодорожной телеграфной сети телеграмму, в которой говорилось: «Железнодорожники! Старая власть, создавшая разруху во всех областях государственной жизни, оказалась бессильной. Комитет Государственной думы взял в свои руки создание новой власти». Так о революции узнали повсюду, где были проложены железнодорожные пути.

Совет рабочих депутатов на заседании 1 марта постановил принять меры для обеспечения интересов революционных солдат. Была тут же составлена резолюция, получившая широкую известность под названием Приказа № 1. Этот приказ состоял из семи пунктов. Солдатам предписывалось: 1) избирать полковые, батальонные и ротные комитеты; 2) выбрать депутатов в Совет; 3) в политических делах слушаться только Совета и своих комитетов; 4) думские приказы исполнять только когда они не противоречат решениям Совета; 5) держать оружие в распоряжении комитетов и ни в коем случае не выдавать его офицерам даже по их требованию. Последними двумя пунктами объявлялось равноправие солдат с офицерами вне строя, отмена отдачи чести, титулования и т. д. **Так было положено начало разложению армии.**

1 марта в 4 часа дня в здание Думы прибыл и великий князь Кирилл Владимирович, заявивший, что он, как и его гвардейский экипаж, предоставляет себя в распоряжение Временного комитета Думы. В тот же день четыре великих князя составили манифест, обещавший от имени государя ответственное министерство. Этот документ им не удалось нигде опубликовать[990].

3. Отречение от престола Николая Александровича Романова

28 февраля 1917 года император выехал из Ставки в столицу и весь день провел в дороге. Он следовал по пути Смоленск – Вязьма – Лихославль. В ночь с 28 февраля на 1 марта на станции Малая Вишера царские поезда были остановлены, поскольку следующая большая станция Любань занята «революционными войсками». Царские поезда сначала решили направить в Царское Село по Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороге, но дальше станции Дно им продвинуться не удалось, и царский поезд проследовал в Псков, в ставку командующего Северным фронтом генерала Н. В. Рузского.

М. В. Родзянко телеграфировал генералу Рузскому, что «правительственная власть перешла в настоящее время к Временному комитету Думы».

Генерал Рузский в ходе долгого разговора с царем доказывал необходимость ответственного министерства. Государь возражал: «Я ответственен перед Богом и Россией за все, что случилось и случится, будут ли ответственные министры перед Думой и Государственным советом – безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что делается министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не моих рук дело»[991]. Тем не менее после этого разговора Рузский сообщил в

Ставку, что государь соглашается поручить Родзянко составление правительства «из лиц, пользующихся доверием всей России».

В 3 часа 30 минут утра 2 марта Родзянко по телеграфу связался с Рузским. Тот сообщил ему о согласии царя на ответственное министерство.

> **«Войска окончательно деморализованы, не только не слушаются, но убивают своих офицеров. Ненависть к династии дошла до крайних пределов… раздаются грозные требования отречения в пользу сына при регентстве Михаила Александровича», —**

сообщил ему председатель Государственной думы.

Рузский тотчас сообщил об этом разговоре генералу Алексееву. Тот разослал командующим фронтами циркулярную телеграмму, передавая слова Родзянко о необходимости отречения государя. «Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения, – добавил он от себя. – Необходимо спасти действующую армию от развала; продолжать до конца борьбу с внешним врагом; спасти независимость России и судьбу династии».

Командующие фронтами в большинстве поддержали требование об отречении. Великий князь Николай Николаевич писал, что необходимы сверхмеры и что он как верноподданный коленопреклоненно молит Его Величество «спасти Россию и Вашего Наследника… Осенив себя крестным знамением, передайте ему Ваше наследие. Другого выхода нет». Генерал Брусилов просил доложить государю, что единственный исход – «без чего Россия пропадет» – это отречение. Генерал Эверт указывал, что «на армию в настоящем ея составе при подавлении внутренних беспорядков рассчитывать нельзя»; поэтому он, верноподданный, умоляет принять решение «единственно, видимо, способное прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии».

Алексеев присоединился к этим просьбам и умолял государя «безотлагательно принять решение… из любви к Родине, ради ея целости, независимости, ради достижения победы»[992].

В Псков поздно вечером прибыли представители Государственной думы А. И. Гучков и В. В. Шульгин. Гучков привез с собой проект манифеста, из Ставки свой проект прислал и Алексеев. Однако император переписал текст манифеста об отречении и подписал свою редакцию[993].

В своем дневнике от 2 марта 1917 года Николай II написал: «Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в

Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, т. к. с ним борется соц. – дем. партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2½ ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. **Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с кот. я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость, и обман!**»[994] (выделено нами).

Император так объяснил свое решение:

> **«Я все это обдумал и решил отречься. Но отрекаюсь не в пользу своего сына, так как я должен уехать из России, раз я оставляю Верховную власть. Покинуть же в России сына, которого я очень люблю, оставить его на полную неизвестность я ни в коем случае не считаю возможным. Вот почему я решил передать престол моему брату, великому князю Михаилу Александровичу»**[995].

До сих пор не утихают споры на тему, соответствовал ли манифест об отречении Николая II закону о престолонаследии Павла I? Можно по-разному относиться к правовой природе акта, но в этом случае факт отречения породил невероятные последствия для России, да и для всего мира.

В день отречения, т. е. 2 марта 1917 года, Николай II по просьбе Гучкова и Шульгина назначил Г. Е. Львова[996] председателем правительства, вместе с тем Временный комитет также назначил князя Львова первым министром (председателем) Временного правительства, а также министром внутренних дел.

Временный комитет, а вслед за ним и Временное правительство при обсуждении дальнейших действий по организации государственной жизни в России с самого начала продемонстрировали весьма противоречивые подходы своих членов к политике новой власти. Что делать с Николаем Александровичем? Что должно последовать после его отречения? Как взаимодействовать с Петросоветом? Сохранять ли имперские законы, суды, правоохранительные органы, государственный аппарат? Один вопрос цепляет второй и порождает третий и т. д. и т. п.

4. Падение монархии

2 марта 1917 года члены Временного комитета Государственной думы образовали Временное правительство.

Утром 3 марта Временный комитет Госдумы связался с великим князем Михаилом Александровичем, сообщив ему об отречении уже бывшего императора в его пользу. Во время встречи с великим князем Родзянко заявил о том, что в случае принятия им престола немедленно разразится новое восстание и следует передать рассмотрение вопроса о монархии Учредительному собранию. Его поддержал А. Ф. Керенский.

В этот же день, **3 марта** 1917 года, на ул. Миллионной, д. 12, в квартире князя Путятина **состоялось совещание членов Временного правительства и Временного комитета по поводу судьбы императорского престола, возможности великого князя Михаила Александровича Романова стать императором,** как указывалось в отречении Николая II. Сам великий князь называл это «навязыванием наследия»[997].

Ряд членов Временного правительства, в том числе Милюков и Гучков, настаивали на принятии престола великим князем для сохранения преемственности во внешних и внутренних делах, понимая, какая катастрофа надвигается. Другие говорили о необходимости разрыва с самодержавным прошлым. Милюков и Гучков, видные государственные и политические деятели, в случае отказа от принятия престола грозили покинуть Временное правительство. П. В. Милюков заявил, что «правительство одно без монарха… является утлой ладьей, которая может потонуть в океане народных волнений; стране при таких условиях может грозить потеря всякого сознания государственности и полная анархия раньше, чем соберется Учредительное собрание. Временное правительство одно без него не доживет»[998]. Он считал необходимым сохранение монархии до Учредительного собрания.

> **Выслушав присутствующих, великий князь потребовал разговора с Родзянко наедине и спросил, может ли тот гарантировать его личную безопасность. Родзянко ответил, что не может, поскольку за ним нет вооруженной силы. Обдумав сложившееся положение, Михаил Александрович отметил, что не хочет ухудшить и без того тяжелую обстановку в России, и заявил об отказе от престола до созыва Учредительного собрания.**

Отметим, что с правовой точки зрения это скорее отказ, нежели отречение, поскольку императором Михаил Александрович так и не стал.

Для составления текста документа В. Д. Набоковым был вызван юрист Б. Э. Нольде. Текст акта 3 марта был составлен совместно Б. Э. Нольде, В. Д. Набоковым и В. В. Шульгиным с поправками самого великого князя и переписан начисто рукой Набокова, после чего подписан Михаилом Александровичем. При подписании, кроме Набокова, Нольде и Шульгина, присутствовали Г. Е. Львов, М. В. Родзянко и А. Ф. Керенский[999].

Текст отказа занять престол под названием «Об отказе от восприятия верховной власти впредь до установления в Учредительном собрании образа правления и новых основных законов государства Российского» гласил: «Тяжкое бремя возложено на Меня волею Брата Моего, передавшего Мне Императорский Всероссийский Престол в годину беспримерной войны и волнений народных.

Одушевленный единою со всем народом мыслию, что выше всего благо Родины нашей, принял Я твердое решение в том лишь случае восприять Верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном Собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского.

Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа».

Михаил Александрович фактически отложил принятие верховной власти в России до соответствующего решения Всероссийского Учредительного собрания. Это вызвало недоумение у Николая:

> **«Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через шесть месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость!»**[1000]

Так рухнула монархия, прервалось трехсотлетнее правление дома Романовых и началась первая Великая русская революция. Уже 1 сентября 1917 года Временное правительство провозгласило Россию республикой.

Бывший император Николай Александрович Романов первоначально был изолирован вместе с семьей в Царском Селе, впоследствии был перевезен в Тобольск и Екатеринбург. В доме инженера Ипатьева в центре Екатеринбурга **Николай и его семья были расстреляны в ночь с 16 на 17 июля 1918 года.**

В 1998 году останки Николая Александровича и его семьи были захоронены в Петропавловском соборе Петропавловской крепости г. Санкт-Петербурга. В 2000 году царская семья была канонизирована Русской православной церковью.

Глава 14. Великие правоведы

1. Несостоявшийся триумф

Нараставшее с середины XIX века стремление части общества к установлению в стране правового порядка привело к существенному ограничению самодержавия в начале следующего столетия и стремительному обрушению монархии в 1917 году. Временное правительство, возглавившее империю, провозгласило лозунг создания правового государства путем созыва Учредительного собрания.

Однако отношение к праву как явлению даже среди образованных слоев населения было неоднозначным. Что уж говорить об архаичных крестьянах, для которых закон и справедливость всегда выступали антонимами.

> **Идеологический раскол общества на западников (нигилистов, европейцев) и почвенников (славянофилов, националистов) среди прочего проходил по линии права**[1001]**. Первые видели в законе универсальный регулятор отношений между гражданами и государством, а также между индивидами и их группами. Вторым право представлялось внешним насилием над личностью, чужеродным элементом, не присущим русскому быту.**

Само собой, наиболее острые дискуссии происходили в среде правоведов. Для иллюстрации непримиримости споров о природе и назначении права, происходивших в то время, часто приводят следующую цитату: «Ни в какой другой науке нет столько противоречащих друг другу теорий, как в науке о праве. При первом знакомстве с нею получается даже такое впечатление, как будто она только и состоит из теорий, взаимно исключающих

друг друга. Самые основные вопросы о существе и неотъемлемых свойствах права решаются различными представителями науки о праве совершенно различно. Спор между теоретиками права возникает уже в начале научного познания права; даже более, именно по поводу исходного вопроса – к какой области явлений принадлежит право»[1002].

Это неудивительно, если учесть, что в основе аргументации того или иного теоретика права всегда лежат его ценностные установки, его мировоззрение, что придает правовой теории субъективный характер. Ни в природе, ни в обществе нельзя обнаружить то, что объективно является правом. Поэтому понятие права не столько познается, сколько конструируется.

По существу, вопрос о правопонимании приобретает характер своеобразного этического выбора, в силу чего типичным обоснованием того или иного подхода к праву становится апелляция к ценностям определенной социальной группы. Если различные исследователи исходят из несовместимых предпосылок, то споры между ними на тему «что такое право» приобретают заведомо тупиковый характер.

Попытки построения теории права, свободной от политической идеологии, что соответствовало бы идеалу объективности, позволяющему преодолеть провинциальный характер юридического знания, к успеху в рассматриваемый период не привели[1003]. Если полностью устранить все ценности, само теоретическое мышление остается без движущей силы.

А на дворе стоял Серебряный век, когда мыслить нестандартно, нетрадиционно стало не только возможно, но и модно.

В мировой столице модерна – Париже – деятели искусства со всего мира воодушевляли друг друга новыми неслыханными взглядами и идеями, опровергавшими сугубо рационалистический взгляд на действительность, устремляясь в область иррационального, чувственного. Новая художественная волна прошла по всей Европе, захватила обе Америки и Россию. Так сказать, русская ветвь модерна, восприняв его базовые идеи, сумела так развить этот подход, что образцы русского искусства Серебряного века до сих пор взывают удивление во всем мире.

Слом традиционного мышления происходил не только в искусстве, но и в науке, и в технологии. Не обошел стороной он и правовую науку. Основные подходы к построению теории права также были заимствованы русскими правоведами на Западе, но в условиях перманентного политического и идеологического кризиса в Российской империи на рубеже веков результаты их

исследований отличались заметной оригинальностью, как и произведения деятелей искусства Серебряного века.

О многочисленных изысканиях русских авторов в области философии и теории права конца XIX – начала XX ввека мы рассказали в предыдущих очерках[1004]. При всем многообразии подходов к пониманию феномена права можно выделить два основных направления: иррациональное (метафизическое) и рациональное (реалистическое). Представители первого направления верят в существование абсолютного, вечного и всеобщего правового порядка, который может быть постигнут и раскрыт только a priori. Реалистический подход к праву предполагает его анализ в контексте целенаправленной человеческой деятельности.

В настоящей работе мы не рассматриваем многочисленные теории права русских правоведов, в массе своей носивших созерцательный, схоластический характер. Гораздо интереснее, почему основная масса юристов, отличавшихся противоречивыми, а порой антагонистическими ценностями и мировоззренческими установками, единодушно ратовала за глубокие социально-политические реформы, оформленные законодательно. И не только ратовала, но и в значительной степени приложила руку к их осуществлению.

Как мы не раз отмечали, наиболее операбельной представляется модель права как системы соответствующих сфер деятельности. Именно деятельность, в которую вовлечен человек, определяет его судьбу, его жизненный путь, порой вопреки его догматам мировоззрения (веры) и даже культурной принадлежности. Будучи вовлеченными в общественные и политические процессы того времени, будь то работа в земствах и общественных организациях, преподавательская или просветительская, законотворческая, правоприменительная или правозащитная деятельность, невозможно отвлечься от острых проблем окружающей действительности. И тогда гражданское чувство берет верх над умозрительными конструкциями.

В контексте изложенного выше интересно исследовать соотношение правопонимания и гражданской позиции тех правоведов, которые приняли непосредственное участие в общественных и политических процессах рассматриваемого периода.

Ниже приводится рассказ о жизни, деятельности и правопонимании четырех выдающихся правоведов предреволюционного периода. Все они были членами Государственной думы, входили в партию конституционных демократов, были приверженцами глубоких социально-

политических реформ. В то же время они были лидерами или вовсе основателями учений о праве, которые резко противоречили друг другу. Однако именно их усилия наряду с усилиями многих других служителей права привели пусть к очень кратковременной, но все-таки победе идеи учреждения в России правового государства.

Как известно, Учредительное собрание не завершило свою работу, конституция России была не то что не принята, но и не разработана. Какой была бы эта конституция, остается только гадать. Возможно, она основывалась бы на ценностях естественного права, как конституции США и Франции, а может, на принципах нормативизма, как более поздние конституции Германии и Австрии. Кто знает…

Да, в 1917 году триумф правового государства в России не состоялся. Однако «ничто на Земле не проходит бесследно», и результаты, достигнутые нашими героями в начале XX века, вновь были востребованы на его излете.

2. Сергей Андреевич Муромцев

Начнем с руководителя первой Думы. В качестве введения к разговору о Сергее Андреевиче Муромцеве (1850–1910) следует привести слова, которые он произнес на самом первом заседании этого органа: «Кланяюсь Государственной думе, не нахожу в достаточной мере слов для того, чтобы выразить благодарность за ту честь, которую вам, господа, угодно было мне оказать. Но настоящее время – не время для выражения личных чувств. Избрание председателя Государственной думы представляет собой первый шаг на пути организации Думы в государственное учреждение. Совершается великое дело, воля народа получает свое выражение в форме правильного, постоянно действующего, на неотъемлемых законах основанного законодательного учреждения.

Великое дело налагает на нас и великий подвиг, призывает к великому труду. Пожелаем друг другу и самим себе, чтобы у нас достало сил для того, чтобы вынести его на своих плечах на благо избравшего нас народа, на благо Родины (выделено автором). Пусть эта работа совершится на основах подобающего уважения к прерогативам конституционного монарха (гром аплодисментов) и на почве совершенного осуществления прав Государственной думы, истекающих из самой природы народного представительства (гром аплодисментов)»[1005].

Это полный текст единственного выступления Сергея

Андреевича Муромцева, только что избранного председателем Государственной думы Российской империи 27 апреля 1906 года. В нем выражены все надежды и чаяния людей, так долго добивавшихся и добившихся создания невиданного в России органа государственной власти. Это выступление человека, совершенно лояльного к монархическому режиму и полного оптимизма. Однако уже через три месяца, 8 июля 1906 года, после разгона Думы первого созыва, Муромцев вместе с другими депутатами подписал совершенно иной текст – Выборгское воззвание, в котором призывал оказывать пассивное сопротивление власти (не платить налоги и не идти на военную службу).

Сергей Муромцев родился 23 сентября 1850 года в Санкт-Петербурге в дворянской семье. Его отец, Андрей Алексеевич, был полковником, мать, Анна Николаевна (в девичестве Костомарова) – дочь генерала. Кажется, он родился исключительно для того, чтобы стать государственным деятелем. В возрасте девяти-десяти лет он уже играл в «государство» и издавал ежедневную рукописную газету, посвященную домашним новостям. Для того чтобы сведения были точны и обширны, требовалось за день побывать везде, все узнать. Одному «издателю» это было не под силу, поэтому на каждом из младших лежала обязанность следить за одной из «местностей» – кухней, детской, садом и т. д. Газету каждый день Сергей клал на стол возле места отца перед тем, как тот выходил утром пить чай, и родители ее читали, а иногда пользовались ею для справок. В его «государстве» была принята конституция, был учрежден двухпалатный парламент, заседавший в двух беседках имения Муромцевых в Тульской губернии, куда семья переселилась в 1858 году после выхода ее главы в отставку. Сергей написал историю «своего государства», поместив его в Малой Азии, на берегу моря, с точной хронологией и описанием событий, сообщал П. Н. Милюков[1006].

Постоянное пребывание с детства в обществе военных и других государевых людей воспитывало в Сергее особое чувство ответственности за Россию и ее народ. Став старше, Муромцев начал почитывать литературу, не прошедшую императорскую цензуру, что, безусловно, вызывало дополнительный интерес у молодого человека.

> **Огромное влияние на Сергея Муромцева оказывал брат отца Семён Алексеевич – «„вольтерьянец“, вольнодумец, как его звали в уезде, весьма образованный по своему времени человек; резкий на слова, но добрый по существу, он был**

грозою местных властей, священников и полиции и вместе с тем защитником обездоленных»[1007].

Чем, учитывая все вышесказанное, должен был заняться такой молодой любознательный человек? Конечно же, либо продолжать военную династию, либо учиться юриспруденции. Молодому человеку с либеральными убеждениями на военной службе делать было нечего, следовательно, ему одна дорога – в юристы. Одновременно с обучением в гимназии он посещал судебные процессы в окружном суде, читал свежие и старые «Московские ведомости». Впрочем, у юного Сергея были склонности и к точным наукам.

Сергей Муромцев окончил третью московскую гимназию (1867) с золотой медалью, а после окончания юридического факультета Московского университета (1871) был оставлен для подготовки к профессорскому званию. В то время на юридическом факультете Московского университета преподавал профессор Никита Иванович Крылов. Это был весьма неординарный человек, проповедовавший своим студентам явно не верноподданнические взгляды. Многие заметные юристы, слушавшие лекции Крылова, впоследствии вспоминали о нем с глубоким уважением.

На молодого Муромцева особое впечатление произвели лекции Крылова по истории и догме римского права. Видимо, они и задали основной вектор научной деятельности Сергея Андреевича, считавшего римское право основой юриспруденции как науки «общих проявлений» человеческой природы. Во всяком случае он до конца жизни говорил, что именно Н. И. Крылову он и его товарищи обязаны своими успехами в науке[1008].

В 1873–1874 годы Сергей Андреевич стажировался в Германии в Лейпцигском и Гёттингенском университетах. Немецкие профессора, особенно Рудольф фон Иеринг, представитель реалистического направления в правоведении, оказали значительное влияние на дальнейшее становление Муромцева не только как юриста, но и как либерального мыслителя.

Сущность воззрений Муромцева на право изложена в его основной работе «Определение и основное разделение права»[1009] и заключалась в рассмотрении права как «организованной защиты интересов».

Наряду с Н. М. Коркуновым (1853–1904) и М. М. Ковалевским (1851–1916) Сергей Андреевич считается основателем российского социологического позитивизма, стремившегося

понять и объяснить право как функцию социальной жизни.

Такой подход к описанию права приводит ко вполне конкретным политическим выводам. Если общество постоянно развивается и подвержено беспрестанным переменам, то государство нуждается в постоянном реформировании, в активной законодательной деятельности, принимающей во внимание меняющиеся интересы и мнения всех социальных классов и слоев населения. А это невозможно без масштабных правовых реформ, создания представительных органов власти и наделения местного самоуправления широкими полномочиями.

В то время в России доминировала так называемая историческая школа права. В ней развитие права рассматривалось как бесконфликтный процесс саморазвития народного духа. Он происходил как бы помимо воли людей, и все, что оставалось исследователям, – это изучение глубинных духовных истоков права. Иначе говоря, законы даны Богом и природой, и не дело человеческого разума думать об их изменении. Такой подход как нельзя лучше соответствовал политическому режиму самодержавия. В противовес этому подходу социологический позитивизм рассматривал право как продукт борьбы различных общественных сил.

Как отмечает Валерий Дмитриевич Зорькин, «тем самым, как полагал С. А. Муромцев, открывался путь к преодолению крайностей этих некогда противоположных школ. От исторической школы С. А. Муромцев берет тезис о закономерности развития права, от естественно-правовых концепций и доктрины Р. Иеринга – начало творчества»[1010].

Аналитический склад ума и склонность к теоретическим обобщениям позволяли молодому исследователю искать общие законы развития общества и права и на их основе предлагать необходимые изменения в действующее законодательство.

Соратник Муромцева по правовой и политической деятельности Габриэль Феликсович Шершеневич писал: «… самостоятельность не позволила Муромцеву отдаться всецело и слепо ни Иерингу, ни римскому праву. Выступив в первой своей работе верным последователем Иеринга, Муромцев в дальнейших своих работах уходил все дальше в сторону социологии, на которой стремился основать науку права. В первых его работах постоянно говорится об историко-философском направлении. В

дальнейших работах Муромцев говорит уже только о социологическом направлении. Не отрицая практического значения догматической юриспруденции, Муромцев полагал, что научная юриспруденция имеет своею задачей устанавливать законы развития права, в значении которых можно было бы найти твердое обоснование законодательной политики. В то время, когда Муромцев выдвигал идею сближения науки права с социологией, в Германии, в этом научном питомнике, об этом и речи не было, и только теперь все чаще и тверже раздаются на Западе голоса в пользу социологического направления в гражданском правоведении»[1011].

В 1875 году Сергей Андреевич защитил диссертацию магистра гражданского права по теме «О консерватизме римской юриспруденции. Опыт по истории римского права», где, в частности, указывал: «Каждая юридическая норма не есть явление, непосредственно вызванное потребностью, но явление, вызванное потребностью при содействии мышления человека»[1012].

Доктором права Муромцев стал в 1877 году, защитив диссертацию на тему «Очерки общей теории гражданского права».

Девять лет (1875–1884) Муромцев трудился в Московском университете. Основная часть его научных работ была посвящена гражданскому и римскому праву. Самая известная из них – капитальный труд «Гражданское право Древнего Рима»[1013]. Эта работа стала первой попыткой анализа развития римского гражданского права во всей его полноте. Были рассмотрены как влияние внутренних факторов, так и особенности творчества римских юристов. Книга получила широкую известность среди историков и юристов как в России, так и в Европе.

С 1880 по 1899 годы Сергей Андреевич был председателем Московского юридического общества[1014]. В июле 1899 года министром народного просвещения это общество было закрыто, однако только через пять лет (!), в июле 1904-го, император утвердил это решение. Думается, здесь следует привести выдержки из рапорта министра народного просвещения: «…с общим направлением Московского Юридического Общества совершенно гармонировал частный эпизод, непосредственно повлекший закрытие этого общества и состоящий в прочтении г. Муромцевым в первый день пушкинских торжеств… неуместного адреса… Адрес от имени Московского Юридического Общества… истолковавший творчество великого русского поэта в том смысле, что он освобождает личность от властной опеки, вызвал… оглушительные аплодисменты, показавшие, как публика, среди

которой были и учащиеся, поняла этот намек. Чтение подобного адреса тем более непростительно, что в заседании присутствовал Его Императорское Высочество Августейший генерал-губернатор и представители властей. Признавая, что при таком направлении Общества дальнейшее существование его представляется вредным, так как развиваемое оппозиционное направление среди студентов не только университета, но и других высших учебных заведений подрывает в учащихся правильное понятие об их обязанностях и о правах власти, я, согласно мнению попечителя Московского Учебного Округа, вполне разделяемому и одобряемому Его Императорским Высочеством московским генерал-губернатором, признал необходимым закрыть Общество и положить конец его вредной деятельности»[1015].

С 1879 по 1892 годы Муромцев был редактором журнала «Юридический вестник», вокруг которого сгруппировались многие авторитетные юристы того времени. В 1892 году журнал прекратил свое существование. В 1880 году Муромцев стал соавтором работы «Записки о внутреннем состоянии России», в которой предлагалось создать из представителей земств «особое самостоятельное совещание» с законосовещательными функциями, что концептуально совпадало с позицией М. Т. Лорис-Меликова. Однако это предложение было отвергнуто.

Либеральные воззрения Сергея Андреевича, его антиправительственные выступления, упорная борьба за сохранение университетской автономии послужили причиной его увольнения из Московского университета в 1884 году за «политическую неблагонадежность» в рамках кампании по избавлению от оппозиционных профессоров.

После увольнения из университета Муромцев устроился присяжным поверенным в Московскую судебную палату и впоследствии уверял, что для любого юриста адвокатская практика просто необходима. С 1887 года он был членом совета присяжных поверенных, в 1890–1905 годы – товарищем председателя совета присяжных поверенных Московской судебной палаты.

В 90-х годах XIX века Сергей Андреевич приобрел славу одного из лучших адвокатов страны. При этом он на долгое время отошел от активной общественной деятельности. После женитьбы в 1882 году на известной певице Марии Николаевне Климентовой Муромцев целиком окунулся в семейную жизнь.

С 1898 года Муромцев читал лекции по гражданскому праву и гражданскому судопроизводству в Императорском

Александровском лицее. В 1906 году Сергей Андреевич вновь вернулся в Московский университет в качестве ординарного профессора по гражданскому праву и судопроизводству юридического факультета.

В начале XX века в России резко усилилось влияние оппозиционных движений, и Муромцев постепенно возвращается к активной общественно-политической деятельности. Сергей Андреевич неоднократно становился гласным Московского и Тульского земских собраний, участвовал в земских и городских съездах, а также в деятельности Союза земцев-конституционалистов. В 1904 году он выступил в Московском совете присяжных поверенных с речью в поддержку созыва народных представителей.

Сергей Андреевич Муромцев – один из основателей Конституционно-демократической партии (партии кадетов). В октябре 1905 года он стал членом ее ЦК, участвовал в составлении многих программ и политических заявлений партии в 1905–1906 годах.

В 1906 году Муромцев был избран депутатом первой Государственной думы от Москвы. На первом ее заседании он был избран председателем[1016] и тогда-то и произнес свою знаменитую речь, процитированную выше. В тот короткий период работы Думы первого созыва Сергей Андреевич последовательно выступал за проведение реформ, за уважение к представительному органу власти.

По воспоминаниям историка Александра Александровича Кизеветтера[1017], строгий, суровый, торжественный, стоял он на своем месте и вел заседание твердо, в полном сознании правоты своих действий.

> **Но несмотря на его суровость, все члены первой Думы не только слушались, но и сердечно любили его. Они все чувствовали, что Муромцеву Дума была дорога, потому что ему дорога была Родина, для блага которой он и пошел в этот выборный орган.**

Муромцев старался пресекать взаимные оскорбления депутатов или их резкие выпады против членов правительства: «Резкие мысли всегда допустимы, но приличный образ выражения есть необходимое условие достоинства народного представительства». Сказано как будто сегодня. И не только в связи с деятельностью парламента.

А. А. Кизеветтер, ученик В. О. Ключевского и депутат второй Государственной думы, вспоминал: «Идет шумное заседание. Гремят страстные речи. Кипят споры. Все воодушевлены и

взволнованы. Сергей Андреевич всегда в центре таких одушевленных собраний, ибо его душа всегда на стороне порывов к лучшему будущему и против застоя и косности. Но он спокоен и сосредоточен среди общего возбуждения. Наконец в результате долгих бурных прений настает момент подведения итогов тому, что может быть оформлено как положительный, твердый осадок от только что пронесшейся бури. Все уже изнеможены. Многие не могут никак прийти к взаимному соглашению из-за различных спорных пунктов. И начинает казаться, что вот-вот развалится все дело. Тогда выступает Сергей Андреевич. Пока кипели споры, он сосредоточенно взвесил все возможности. Среди общей изнуренности он чувствует себя в полном самообладании для того, чтобы твердой рукой наметить путь к определенному результату и закрепить этот результат в ясных, точных, не оставляющих места ни для каких сомнений выражениях»[1018].

Как известно, первая Дума проработала 72 дня. После роспуска Государственной думы Сергей Андреевич вместе с большинством ее членов отправился в Выборг и там председательствовал на совещаниях, результатом которых стало опубликование 10 июля 1906 года известного Выборгского воззвания («Народу от народных представителей») – обращения группы депутатов первой Государственной думы (кадетов, трудовиков и социал-демократов – всего более 200 депутатов), принятого в ответ на роспуск Думы. Участвовавший в подготовке и подписании Воззвания М. М. Винавер обращал внимание на то, что «фразы „Заседание Государственной думы продолжается“, по поводу которой столько было потом шума, он (т. е. С. А. Муромцев. – Прим. авт.) не произнес. Она и не вязалась бы с обстановкой, была бы слишком вычурно-торжественна для той сосредоточенной простоты, которая царила во всем»[1019].

Вместе с другими **Муромцев был привлечен к суду и приговорен к трехмесячному тюремному заключению**.

> **Заключение Муромцев отбывал в Москве, в знаменитой и ныне уже несуществующей «Таганке», в одиночной камере. Один раз в день прогулка и раз в неделю свидание.**

Тем не менее Сергей Андреевич написал за это время несколько брошюр о религии, путешествиях и, конечно же, по юриспруденции.

Судимость сделала невозможным его участие в выборах в Государственную думу последующих созывов. Поэтому Муромцев был вынужден вторично устраниться от политической деятельности. После перерыва он в 1907 году вернулся в

Московский университет, а с 1908 года также преподавал в Коммерческом институте и Народном университете Шанявского. Но для всех, кто знал его или слышал о нем, он навсегда остался председателем, лидером тех, кто видел Россию правовым, демократическим государством.

Скончался Сергей Андреевич во сне от сердечного приступа **4 октября 1910 года** в гостинице «Националь» в Москве и был похоронен на московском Новом Донском кладбище. На надгробии установлен памятник работы скульптора Паоло Трубецкого.

Похороны Муромцева превратились в демонстрацию, в которой приняли участие тысячи людей, бывших сторонниками реформ и находившихся в оппозиции к власти. Газета «Русские ведомости» писала, что Муромцев «при жизни для всех русских, для всех европейцев стал исторической личностью, потому что с его именем начинается русская конституционная история». Вот так, ни больше ни меньше, «конституционная история». Можно вспомнить слова Сергея Андреевича Муромцева, юриста, социолога и политика: «Мы близки к веку свободы и демократии. В этом состоянии общественности… каждый сам призван стоять на страже свободы и равенства, ибо нет той силы, которая могла бы создать их для человека, когда сознание их ему самому чуждо»[1020].

После кончины Сергея Андреевича Московская городская дума учредила премию и стипендию его имени на юридическом факультете Московского университета, а также постановила повесить его портрет (как многолетнего гласного) в своем зале заседаний. 27 апреля 2015 года, в День российского парламентаризма, в Таврическом дворце г. Санкт-Петербурга председатель Совета Федерации В. И. Матвиенко, председатель Государственной Думы С. Е. Нарышкин, ректор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова В. А. Садовничий и автор этих строк участвовали в открытии памятника-бюста С. А. Муромцеву работы скульптора А. В. Тыртышникова.

3. Габриэль Феликсович Шершеневич

В советское время мало кто, кроме старшего поколения, знал об этом замечательном цивилисте, теоретике права и политике – Габриэле Феликсовиче Шершеневиче (1863–1912). Провал в правовой памяти постепенно ликвидируется с начала 90-х годов XX столетия, и сегодня Шершеневич – один из самых цитируемых правоведов. В обоснование своей позиции юристы и даже

политики нередко приводят высказывания Габриэля Феликсовича. Более того, автору этих строк приходилось неоднократно слышать о Шершеневиче как о «современном отечественном юристе».

Родился Шершеневич 1 января 1863 года в польской дворянской семье и был крещен как Габриэль-Иосиф-Губерт в костеле села Антоновка Чигиринского уезда Киевской губернии. Отец Феликс Григорьевич был военным, а мать Зефирина Викентьевна (девичья фамилия Бурхат) выросла в семье помещика[1021]. Габриэль был самым младшим из пятерых сыновей.

В 60-е годы XIX века семья Шершеневичей переехала в Казань, где Габриэль в 1881 году окончил Вторую Казанскую гимназию и поступил в университет.

Учеником он был прилежным, с увлечением занимался античной историей и римским правом, а также тщательно изучал ту часть гражданского права, которую сегодня принято называть корпоративным правом.

Тема его дипломной работы – «Акционерные компании». После успешной защиты Шершеневича оставили на юридическом факультете, как бы сейчас сказали, в аспирантуре на кафедре торгового права. В это же время необходимо отметить его стажировку в Санкт-Петербургском университете, где он слушал лекции выдающихся цивилистов, теоретиков и историков права, изучал труды выдающихся отечественных и зарубежных юристов и общался с коллегами.

> **В Санкт-Петербурге Шершеневич познакомился с профессором Московского университета, будущим председателем первой Государственной думы Сергеем Андреевичем Муромцевым и профессором Львом Иосифовичем Петражицким, будущим коллегой по той же Думе.**

В 1887 году Шершеневич сдал магистерский экзамен, а в 1888-м после прочтения двух пробных лекций – «О праве замужней женщины на производство торговли» (по собственному избранию) и «О чеках» (по назначению факультета) – получил право преподавательской деятельности в качестве приват-доцента по кафедре торгового права.

Императорский Казанский университет был первым в провинции, третьим в России и самым восточным университетом. Он оказывал большое научно-образовательное влияние на регион и до конца XIX века представлял собой один из крупнейших центров востоковедения в Европе. Университет получил

всемирное признание благодаря выдающимся ученым – основателям научных школ в различных областях.

Одной из них стала казанская юридическая научная и педагогическая школа[1022], лидером которой в середине XIX века стал Д. И. Мейер[1023] – отец русского гражданского права. Во многом благодаря его учебнику, изданному уже после смерти (он умер в возрасте 36 лет), качественно изменилась методология преподавания гражданского права. Шершеневич не только учился по этому учебнику, но и называл его примером отношения к делу. «„Русское гражданское право“ профессора Мейера – произведение, которым русская наука имеет полное основание гордиться»[1024]. Полагаем, что без учебника Мейера не было бы учебника Шершеневича. Даже сейчас, спустя столько лет, это два лучших учебника по гражданскому праву!

Что касается правопонимания Габриэля Феликсовича[1025], оно полностью соответствовало самому раннему направлению позитивисткой юридической мысли, возникшему еще в середине XIX века в Германии. Это направление в источниках называют по-разному: нормативизм, этатизм, юридический позитивизм, а то и просто позитивизм. Для этого течения характерно стремление превратить теорию права в идеальную с позитивисткой точки зрения науку, характеризуемую прежде всего объективностью и точностью. А для этого нужно точно определить границы науки и задать ей соответствующую форму.

В качестве важнейших условий теории права позитивистами задаются следующие критерии: 1) право определяет поведение людей, 2) право обладает принудительным характером, 3) право всегда связано с государственной властью. Это позволяет изъять из рассмотрения такие неправовые нормы, определяющие поведение индивида, как мораль и нравственность. Поэтому каноническое право – это вовсе не право, т. к. нормы и санкции задаются не государством, а церковью. Даже конституционное и международное право – тоже не право, поскольку санкции за нарушение норм отсутствуют.

При такой трактовке право перестает быть социокультурным явлением и фактически совпадает с законодательством. Зато объект изучения оказывается целостным, беспробельным в том смысле, что все законодательство, исходящее от государства, представляет собой закрытую систему, пробелы в которой могут быть заполнены государственными чиновниками, судьями или законодателями, применяющими общие принципы установленного государством права. Столь рафинированный объект теории права позволяет использовать для его описания формально-догматический метод, восходящий к древнеримскому

праву.

Отсюда следует утверждение о независимости права от каких-либо иных факторов, прежде всего, ценностей и идеалов, равно как критика разделения права на естественное и позитивное.

> **Следуя этой логике, Габриэль Феликсович отрицал идею правового государства, поскольку невозможно представить, как государство будет само на себя налагать санкции за нарушение закона**[1026].

Довольно часто этатизм связывают с автократическими и тоталитарными режимами, поскольку он якобы не позволяет отличить право от произвола, тем самым оправдывая последний. При этом отождествление права и закона часто связывают с классовым видением права, принижением роли личности, господством запретов и т. д. Однако эти утверждения основаны скорее на исторических примерах, нежели на природе нормативистского учения. Вполне нормативистские современные правовые системы, например ФРГ и Австрии, весьма приспособлены к активной защите прав и свобод своих граждан.

Габриэль Феликсович считал, что если государственная власть, установившая правило, «не считает нужным его соблюдать, а действует в каждом конкретном случае по своему усмотрению, то право сменяется произволом»[1027]. В этом случае общество может воздействовать на политику государства через общественное мнение, выборы, референдум, отказ от уплаты налогов или даже восстания.

Он отнюдь не был адептом чистой науки и полагал, что ни один юрист не способен обойтись без того, чтобы находить оправдание для собственной деятельности: «Человек только тогда получает удовлетворение от своей деятельности, когда твердо уверен в ее целесообразности. Человек только тогда может служить праву, когда у него есть убеждение в том, что само право служит правде»[1028].

Правда, как известно, у каждого своя. У Габриэля Феликсовича она состояла в том, что «в кабинет русского ученого, как бы ни были глухо закрыты его окна, доносятся жалобы и стоны, и капля по капле вливают яд в его жизненную чашу. Не может русский ученый отдаться всецело науке. Держа в одной руке светильник знания, он на другую руку надевает щит гражданина, чтобы охранить священный огонь от холодного ветра, сквозняков и вихрей»[1029].

В 1888 году Габриэль Феликсович получил степень магистра гражданского права. Тема магистерской

диссертации – «Система торговых действий. Критика основных понятий торгового права». В декабре 1891 года он защитил докторскую работу «Авторское право на литературные произведения». В следующем году Габриэль Феликсович был назначен профессором Казанского университета по кафедре торгового права и торгового судопроизводства, а с 1896 года перешел на кафедру гражданского права и судопроизводства.

За этот период Шершеневич успел жениться дважды. Сначала, в 1885 году, на Ольге Андреевне Садовень, а в 1892-м – на Евгении Львовне Мандельштам. В 1893 году родился сын Вадим, ставший впоследствии известным русским поэтом, одним из основателей имажинизма. Вадим Шершеневич состоял в дружеских отношениях с Сергеем Есениным и Анатолием Мариенгофом[1030]. Второй брак Шершеневича также оказался недолговечным, и в 1900 году семья распалась.

Преподавательская деятельность Габриэля Феликсовича в Казани продолжалась до конца 1905 года.

> **Шершеневич был прекрасным лектором и сильным оратором, способным доходчиво объяснить не только студентам, но и широкой публике содержание сложных юридических вопросов.**

Однако, в отличие от многих других талантливых преподавателей, он размышлял и над общими принципами преподавания юридических дисциплин. Об этом свидетельствует его статья в юридической газете «Право»[1031]. Сегодня многие критикуют современное российское высшее юридическое образование, ищут пути его развития и совершенствования. А тогда Габриэль Феликсович с гордостью писал, что в России «юрист получает значительно более всестороннее образование, чем в университетах Франции или Германии». Не все, конечно, но многое из предложенного тогда Шершеневичем в плане совершенствования юридического образования вполне актуально и сегодня.

В конце XIX – начале XX века Россия переживала экономический и научно-технический подъем. В этот же период российская правовая наука вступила в самую продуктивную стадию своего дореволюционного развития. На первый план выдвигается целая плеяда талантливых ученых-юристов в самых различных отраслях юридического знания – С. А. Муромцев, В. Д. Набоков, В. С. Соловьёв, П. Г. Виноградов, П. И. Новгородцев, Л. И. Петражицкий, В. М. Гессен и др. Шершеневич, безусловно, был одним из них. Блестящий цивилист, теоретик права, историк

философской правовой мысли, он оставил нам настолько богатое наследие, что до конца освоить его удастся еще не скоро.

Как писал В. Краснокутский, «в области работ Габриэля Феликсовича по частному праву центральное по своему значению место занимают „Курс“ („Курс торгового права“. – Прим. авт.) и „Учебник торгового права“, и „Учебник русского гражданского права“. Для оценки значения этих руководств нужно иметь в виду состояние русской учебной литературы по частному праву к началу 90-х годов прошлого столетия. Она только еще зарождалась на основе оригинальных исследований в работах немногих цивилистов, разбросанных по разным университетам России. Между тем в среде рядового студенчества, волна которого, вровень с ростом общественного развития и самоопределения, росла в столичных и провинциальных университетах, ощущался духовный голод по систематическим пособиям и руководствам, с трудом утоляемый местными силами. На эту жаждущую ниву и вышел Габриэль Феликсович со своими руководствами и всю тяжесть работы один взял на себя. Борозду за бороздой проводил он каждым изданием своих руководств в общественном сознании, углубляя ее каждый раз, захватывая новые глубины. На учебниках Габриэля Феликсовича молодые поколения знакомились со строением и жизнью гражданского общества, законами, управляющими гражданским и торговым оборотом»[1032].

С 1888 по 1905 год Шершеневичем написано огромное количество трудов по гражданскому, торговому праву, истории права и государства, образованию. Это время наиболее творчески активное и продуктивное. Без преувеличения, произведения Габриэля Феликсовича этого отрезка времени существенным образом повлияли на правовую науку и становление нескольких поколений юристов.

В этот период времени вышли в свет такие выдающиеся произведения, как «Наука гражданского права в России» (1893), «Курс торгового права» (три издания: 1889, 1892, 1899), «Учебник русского гражданского права» (пять изданий: 1894, 1896, 1901, 1902, 1905), «История философии права» в четырех выпусках (томах) (1904–1905). Всего за этот промежуток времени было опубликовано около 100 работ!

Одним из первых Шершеневич предпринял попытку охарактеризовать историю становления и развития российской цивилистики начиная с XVIII века и до начала XX века. В «Науке гражданского права» в основу периодизации ее развития положены крупнейшие реформы российского права – попытки кодификации права на рубеже XVIII–XIX веков, разработка Свода

законов, Судебные уставы 1864 года.

При этом Габриэль Феликсович много сил отдавал общественной деятельности. Будучи председателем и активным участником Казанского юридического общества с 1899 по 1904 годы, он сыграл значительную роль в деле распространения и укрепления в обществе правовых воззрений по всему Поволжью.

Шершеневич принимал активное участие в политической жизни страны. В 1901 году он был избран в состав Казанской городской думы.

Один из наиболее знаменитых и деятельных гласных, Шершеневич был выдвинут на пост особого лица для председательствования в собраниях думы, а также в состав Губернского по земским и городским делам присутствия, как признанный специалист в области гражданского права он входил в состав юридической комиссии.

Политика захватывает Шершеневича, и он решает баллотироваться в Государственную думу.

В 1906 году Г. Ф. Шершеневич становится одним из ведущих идеологов партии конституционных демократов (кадетов), участвует в разработке программы партии и был **избран депутатом первой Государственной думы от Казани.**

Понятно, что в такой ситуации и в период начала деятельности первой Государственной думы было не до кодификаций. М. М. Винавер, вспоминая Шершеневича, с грустью писал: «Один только раз, помнится, мы коснулись нашей сферы: он изливал скорбь по поводу того, что нам не дают в первую Думу проект Гражданского уложения. – С Муромцевым, с Петражицким, да и мы с вами вдвоем – быстро бы мы тут уложение соорудили. Нужен ли случай, чтобы среди политиков, шедших сюда с совсем другими лозунгами, оказалось столько цивилистов! И когда их соберешь опять, так всех вкупе…»[1033] Как в воду смотрел: уже двенадцатая Государственная дума, а не то, что цивилистов, юристов такого уровня в ней собрать так и не получилось.

Что касается проекта Гражданского уложения, он чуть ранее готовился под руководством министра юстиции империи Д. Н. Набокова, отца упоминавшегося выше В. Д. Набокова – известного юриста, депутата той же Думы и тоже от партии кадетов. Известно, что первый Гражданский кодекс в России был принят через десять лет после смерти Г. Ф. Шершеневича, в 1922 году. Решающую роль в подготовке текста ГК РСФСР сыграл младший товарищ Шершеневича по цивилистике А. Г. Гойхбарг[1034].

Друг и соратник Габриэля Феликсовича по Государственной думе адвокат М. М. Винавер в 1915 году говорил, что

Шершеневич, «став политиком, набросился прежде всего на тот вид политической деятельности, который был ему наиболее сроден, – на популяризацию идей»[1035], он занимался просветительской деятельностью. В то время член Государственной думы Шершеневич в основном писал небольшие статьи в газетах и журналах, издавал брошюры.

Здесь следует назвать такие публикации, как «Революция и Гражданское уложение» (1906), «Свобода собраний» (1906), «Амнистия без исключений» (1906), «Конституционная монархия» (1906). Всего в это время было издано около 40 работ.

Шершеневич был сторонником прочной партийной дисциплины. Поэтому неудивительно, что после разгона первой Думы он вместе с Муромцевым и другими депутатами 9 июля 1906 года отправился в Выборг и, как и все они, поставил свою подпись под известным Выборгским воззванием. За это он был приговорен к трем месяцам тюрьмы и лишению в дальнейшем права заниматься политической деятельностью.

После роспуска Думы в том же 1906 году Г. Ф. Шершеневич переехал из Санкт-Петербурга в Москву. Он был назначен на должность профессора кафедры торгового права юридического факультета Московского университета.

За малое время между разгоном Думы и выборгским процессом Габриэль Феликсович «успел дать три грузных ученых труда: 3-е издание „Учебника торгового права“, 2-е издание „Истории философии права“ в 588 страниц и 6-е издание „Учебника гражданского права“»[1036], – пишет М. М. Винавер.

Кстати, не все осужденные «выборжцы» сразу претерпели лишения, вызванные приговором суда. С. А. Муромцев, Г. Ф. Шершеневич и М. М. Винавер некоторое время ждали «посадки» по приговору за Выборгское воззвание (июль 1906 года). Мест в московской Таганской тюрьме на тот момент не было, но надо было отсидеть. Эта могучая профессорско-политическая троица бывших депутатов и будущих заключенных частенько собиралась с вещами у Муромцева, пили чай, отправляли младшего А. М. Винавера («неродственника» М. М. Винавера, как он сам говорил) в полицейский участок, где сообщали: «Сегодня мест нет». Александр Маркович[1037] докладывал профессорам. Те ворчали, что даже посадить не могут, обсуждали политическую обстановку, работы по праву, выпивали что-нибудь

покрепче и расходились по домам. Так и происходило, пока не нашлись (освободились) места.

С мая 1908 года Габриэль Феликсович с коллегами отбывал наказание, как было сказано, в Таганской тюрьме в Москве, куда определили московскую часть думцев-арестантов. Всех их (группу из 12 человек) – политиков, юристов, экономистов, а по большому счету граждан, борющихся за права всех жителей России, – поместили в одиночные камеры. Всем депутатам «не разрешили пользоваться своей постелью, и на железной кровати был положен сенник, скудно набитый не то соломой, не то морской травой, такая же подушка, кусок дерюги вместо простыни и кусок солдатского сукна вместо одеяла»[1038]. Зато можно было писать, чем Шершеневич и воспользовался. Широко известная книга «Общее учение о праве и государстве (лекции)» почти полностью была написана именно в «Таганке» и в том же 1908 году вышла в свет.

Габриэль Феликсович никогда не отличался богатырским здоровьем. Будучи миниатюрным, субтильным человеком, он внешне совсем не соответствовал присущему тогда ему имиджу «титана мысли и отца русской демократии». Как писал М. М. Винавер, «я представлял его себе грузным, тучным, лысым, с очками на лбу, углубленным в книги, неподвижным гелертером[1039] немецкого покроя. А увидел я необыкновенно изящного молодого человека, невысокого, стройного, худого, изысканно одетого, с лесом светло-русых волос на голове, с голубыми бархатными глазами, с тонкими, почти детски-нежными чертами лица и с особенно резко выделявшимися из-под усов на фоне чисто выбритого подбородка, красиво очерченными губами, складывавшимися в очаровательную юношескую улыбку… я все глазам своим не верил и все сомневался: да тот ли он самый?..»[1040]

Подорвало ли заключение здоровье Г. Ф. Шершеневича? Очевидно, что не улучшило, особенно психологически. Возможно, эти три месяца и стали одной из причин столь раннего его ухода из жизни.

После отсидки Шершеневич продолжил преподавание в Московском университете. Однако 28 февраля 1911 года Габриэль Феликсович покинул университет в знак протеста против политики министра народного просвещения Л. А. Кассо. Это был очередной эффектный политический жест целой группы преподавателей университета в духе Выборгского воззвания. В их числе ректор и весь президиум университета, а также такие выдающиеся ученые, как В. И. Вернадский, К. А. Тимирязев, С. А.

Чаплыгин и многие другие. Эффектный, но не эффективный, поскольку политика министерства не изменилась, а студенты лишились многих замечательных преподавателей.

Последующие полтора года до конца своих дней Шершеневич был профессором Московского коммерческого института (сегодня это Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова), который возглавлял его друг – великий русский юрист и философ, однопартиец и соратник по Государственной думе Павел Иванович Новгородцев. Именно по рекомендации Шершеневича Новгородцев пригласил в институт молодого, подающего надежды цивилиста Д. М. Генкина[1041], который впоследствии заменит Новгородцева на посту ректора Московского коммерческого института, а чуть позже станет одним из ведущих правоведов Советского Союза.

Габриэль Феликсович постоянно вращался в кругу творческих людей – не только коллег по юридическому цеху. Он был знаком со многими деятелями искусства, культуры. Его любовь к литературе, поэзии, театру, музыке не знала границ. Серебряным веком культуры это время назвали через 20 лет. Шершеневич был достойным его представителем.

Избрание в Государственную думу и, соответственно, переезд из Казани в Санкт-Петербург расширили круг его общения: политикой в то время интересовались многие творческие люди разных профессий и взглядов. Такое обогащение уже имеющегося интеллектуального багажа в сравнительно молодом возрасте (43 года) не могло не произвести кумулятивного эффекта. В то время двери всех издательств – как юридических, так и публицистических – были для него открыты.

Сын Габриэля Феликсовича Вадим переехал к отцу в Москву, где еще в период учебы в Московском университете опубликовал первый сборник своих стихов. Габриэль Феликсович познакомил сына с Павлом Никитичем Сакулиным, Валерием Яковлевичем Брюсовым и рядом других выдающихся, известных и набирающих известность творческих людей.

Вадим Шершеневич, колеблясь между правом и поэзией, выбрал последнюю, хотя обучался в университете и юриспруденции, и филологии. Он издал огромное количество стихов, рецензий, заметок, играл в театре и т. п.

Его предчувствие раннего ухода из жизни: «И встретить смерть под 50, / Когда вся жизнь как хата с краю»[1042], наверное, не в последнюю очередь связано со смертью отца, покинувшего этот мир в 1912 году, когда ему еще не было 50 лет.

Творческие гены Габриэля Феликсовича Шершеневича, а также трагические события, постигшие как всю страну, так и

семью Шершеневичей, безусловно, сказались на таланте и произведениях Вадима. Обстоятельства сложились так, что он тоже умер под 50.

Мы не знаем, писал Габриэль Феликсович стихи или нет, но мы знаем, что он любил отечественную и зарубежную литературу. Более того, понимая, какой это хрупкий предмет, он прилагал силы для обеспечения юридической защиты авторов и их текстов.

В период с 1908 года до конца своих дней Шершеневич активно занимался научной деятельностью. В это время вышли в свет написанное в тюрьме и изданное в 1908 и 1912 годах «Общее учение о праве и государстве (лекции)» и – как его логическое продолжение – «Общая теория права», опубликованная в четырех выпусках (1910–1912). Затем последовательно выходят новые издания «Учебника торгового права», «Курса торгового права», «Учебника русского гражданского права», «Вексельное право», «Социология» (1910). Всего в этот период было издано более 20 работ.

Одновременно Шершеневич принимает участие и в законотворческой деятельности в рамках соответствующих комиссий, комитетов и рабочих групп партии кадетов в Государственной думе последующих созывов. Особенно следует отметить его участие в обсуждении проекта Гражданского уложения, который должен был стать первым российским гражданским кодексом. Эту работу не удалось довести до конца, однако ее результаты впоследствии были использованы уже в советское время при принятии Гражданского кодекса РСФСР 1922 года.

Габриэль Феликсович был членом правления, товарищем председателя и председателем юридического отдела Московского общества народных университетов. Основной целью общества было устройство публичных лекций. Также он вел активную работу в Юридическом обществе при Московском университете.

Скончался Габриэль Феликсович Шершеневич 31 августа 1912 года в результате тяжелой болезни, не дожив четырех месяцев до 50-летнего юбилея.

> **Почти все свое состояние Шершеневич завещал Московскому и Казанскому университетам, авторские права на свои сочинения передал Московскому университету для помощи бедным студентам, на стипендии студентам завещал 10 тысяч рублей.**

Свою богатейшую библиотеку оставил Московскому коммерческому институту. На часть капитала, завещанного

Казанскому университету, весной 1913 года была учреждена стипендия его имени[1043].

По поводу причины смерти и захоронения Г. Ф. Шершеневича можно встретить разные высказывания. Мы точно и определенно можем сказать, что Габриэль Феликсович похоронен на Новом Донском кладбище Москвы[1044] рядом с могилой своего друга и соратника Сергея Андреевича Муромцева.

В правовой науке Габриэль Феликсович Шершеневич прошел путь от изучения торгового права к анализу права гражданского. Стремясь включить проблемы развития частного права в более широкий контекст социокультурных процессов в России того времени, он обратился к теории права и государства, а затем и вовсе вышел за пределы чисто юридической науки: в поле его зрения попали философия права и социология.

Мы уже отмечали кумулятивный эффект расширения круга общения с российскими мыслителями и деятелями культуры в Санкт-Петербурге и Москве, который значительно увеличил интеллектуальные возможности Шершеневича. Немалую роль сыграл срок заключения в «Таганке», предоставивший Габриэлю Феликсовичу возможность в тишине одиночной камеры еще раз переосмыслить достигнутые результаты. Новые работы середины нулевых годов XX века демонстрируют совершенно иной уровень понимания роли права в системе социальных и культурных процессов в российском обществе.

Базируясь на глубочайшем знании права, имея опыт самого непосредственного участия в избирательном, законотворческом и уголовном процессах, Шершеневич рассматривает право с разных сторон и приходит к удивительным результатам, важным как в то время, так и сейчас.

4. Лев Иосифович Петражицкий

Лев Иосифович Петражицкий прожил удивительную, богатую непростыми событиями жизнь. Его учения, идеи, гениальные догадки надолго пережили самого́ выдающегося мыслителя и продолжают свое развитие в работах его учеников и последователей в наши дни во всем мире.

Столкновения идеальных представлений о жизни с ее грубой прозой нередко заканчиваются трагически. Именно это произошло со Львом (Леоном) Петражицким, что заставляет нас по-особому взглянуть на его богатейшее творческое наследие.

Лев (Леон) Петражицкий родился 13 апреля 1867 года в селе Колонтаево Витебской губернии в польской дворянской семье. Отец, Иосиф Васильевич, работал главным управляющим

поместья Бешенковичи Борисовского уезда, принадлежавшего графу Хрептовичу. Мать, Розалия Михайловна, из дворян, в девичестве Чарноцкая. Родители Леона подозревались в поддержке Польского восстания: Иосиф Васильевич несколько лет пробыл в Витебской тюрьме (1863–1865), после освобождения скончался. Петражицкий воспитывался бабушкой Жозефиной и тетками. В доме читали вслух книги на французском языке, и Леон быстро его освоил. Поскольку и дед, и отец Леона умерли, а дядья с ними не жили, мальчик вырос в женском обществе. Сверстников в его окружении тоже не было. Единственным мужчиной среди близких родственников, с которыми он общался, был старший брат. Друзьями стали птицы и домашние собаки[1045].

После окончания Витебской гимназии (1885) Леон поступил в Киевский императорский университет Святого Владимира. В анкетах и для окружающих он уже Лев – Лев Иосифович Петражицкий.

Вслед за старшим братом Севериной первоначально Петражицкий учился на медицинском факультете Киевского университета, затем перешел на юридический, но знания по медицине, как мы увидим далее, не пропали даром. Кстати, Северин Иосифович Петражицкий стал известным врачом в Киеве[1046].

> **В годы учебы праву Лев перевел на русский язык «Систему римского гражданского права» Барона, и этот перевод стал своего рода учебником для многих поколений студентов-юристов.**

По окончании университета Петражицкий был направлен на стажировку в Берлинский и Гейдельбергский университеты. В Германии он опубликовал две крупные работы – «Распределение дотальных плодов», развивающее учение римского права о доходах, и «Введение в науку политики права», посвященное проекту Гражданского уложения Германской империи[1047].

В 1896 году Петражицкий защитил магистерскую диссертацию по римскому праву и начал преподавать в Киевском университете. В 1897 году Лев Иосифович стал приват-доцентом, а после защиты докторской диссертации (1898) – ординарным профессором права в Санкт-Петербургском университете, возглавив кафедру энциклопедии и философии права. Он сменил на этом посту старшего коллегу – одного из корифеев общей теории права Н. М. Коркунова, который, кроме прочего, утверждал, что «в психике человека видел глубинные основы права и власти»[1048]. С 1905 по 1906 годы Петражицкий был

деканом юридического факультета.

Лев Иосифович был активным участником дискуссии о правопонимании, бушевавшей среди правоведов того времени. Из многочисленных типов аргументации – самоочевидность выдвигаемых положений, практическое значение предлагаемого подхода, авторитетные мнения выдающихся ученых, этимология слова «право» и т. п. – он выбрал критику несовершенства конкурирующих теорий, хотя наличие у какой-либо теории серьезных недостатков, вообще говоря, не доказывает достоинства другой теории.

> **Основной пафос учения Петражицкого заключается в отрицании всех известных к тому времени определений права, как то: «веления» в виде государственных принудительных норм (этатистский позитивизм); защита и разделение прав и интересов граждан путем опять же принудительных норм, исходящих от государства (социологический позитивизм); «общая воля» участников общения, заключающих «общественный договор» (естественно-правовая теория); метафизические (иррациональные) подходы к описанию права, а также всевозможных комбинаций этих определений**[1049].

Среди тех, чьи учения он опровергает, есть и представители российского социологического направления в праве: его соратник по политической деятельности С. А. Муромцев, а также упоминавшийся ранее Н. М. Коркунов.

Лев Иосифович рискнул рассмотреть право как результат эмоционального постижения мира. Для Петражицкого правовая реальность существует только в субъективном сознании индивида, который атрибутирует права и обязанности другим, а не в какой-то объективной реальности «где-то там»[1050]. В своих исследованиях он опирался на логику, юриспруденцию и психологию. К моменту начала этого отважного предприятия Лев Иосифович уже снискал себе славу незаурядного ученого-правоведа.

С юриспруденцией и логикой дела у Петражицкого обстояли как нельзя лучше. А вот что касается психологии, эта дисциплина в то время делала еще только первые шаги. По мнению известного американского философа и психолога Уильяма Джемса (1842–1910), психология была не наукой, а всего лишь «надеждой на науку». Собственно, и в наше время психология представляет собой нечто среднее между наукой и паранаукой. До сих пор нет общего мнения психологов, что же представляет

объект этой дисциплины – тело или душа. Она сочетает в себе как естественнонаучное начало (физиология, медицина), так и гуманитарное, порой граничащее с эзотерическими исканиями.

На рубеже XIX–XX веков уже существовали работы И. М. Сеченова, И. П. Павлова и В. М. Бехтерева по физиологии высшей нервной деятельности, а также работы З. Фрейда. Но это были только наброски будущей дисциплины. Это никак не смутило Льва Иосифовича. В стиле древнегреческих софистов он решил ввиду отсутствия психологии как науки соорудить ее самому, так сказать «из ума», по-видимому, на основе доминировавших тогда методов наблюдения и самонаблюдения. Так появилась «эмоциональная психология».

«Эмоциональная психология» Петражицкого, адаптированная им к нуждам философии права, не вошла в золотой фонд психологии как дисциплины. Однако если Лев Иосифович и не решил глобальных проблем психологии, он сумел поставить весьма важные и актуальные вопросы относительно формулирования аксиом права. А правильная постановка вопроса – это уже половина решения задачи.

Теория Льва Иосифовича прекрасно объясняет основной парадокс правовой жизни: почему, не зная точного содержания правовых норм, текстов законов, люди поступают согласно этим нормам. И почему в определенных случаях люди считают своей обязанностью поступать сугубо вопреки существующим законам (например, революционеры или идейные воры в законе).

По убеждению Петражицкого, право не предполагает необходимости существования ни каких-либо мер принуждения со стороны государства, ни наличия законодательства. Государство – это всего лишь группа лиц, которым мы приписываем право заботиться об общем благе, и поэтому чувствуем себя обязанными подчиняться их велениям. А законы суть лишь нормативные факты, которые дают нам знание о том, что государство считает правом.

Согласно Петражицкому, видеть в праве инструмент достижения каких-либо целей в корне неверно. Право регулирует поведение людей, а оно зачастую расходится с логикой. «Если произвести научный психологический диагноз мотиваций, лежащих в основании тысяч совершаемых нами ежедневно телодвижений… то окажется, что сотням случаев предметной мотивации соответствуют единичные случаи мотивации целевой»[1051]. Он объявляет право исключительно психическим

явлением. Все остальное, что обычно включается в понятие права (нормы, отношения, властное принуждение), непосредственно правом не является; это лишь нормативные факты, вызывающие специфическую реакцию в психике людей.

Поведение людей определяется их психикой, которую Петражицкий сводит к эмоциям. Он определил эмоцию вполне физиологически – как специфический нерасторжимый процесс возбуждения-торможения в человеческом организме, возникающий при взаимодействии людей по поводу духовных и материальных благ.

Эмоции делятся им на два класса: эстетические и этические. Эстетические эмоции связаны не только с восприятием произведений искусства, но и с укоренившимся в человеке набором обычаев, например с правилами хорошего тона, оценкой тех или иных поступков по принципу «красивый, благородный поступок – некрасивый, подлый поступок» и т. д.

В свою очередь, этические эмоции отличаются своеобразным мистическо-авторитетным характером и противостоят эмоциональным склонностям человека, физиологическим влечениям и т. п. Это «импульсы с высшим ореолом и авторитетом, исходящие как бы из неведомого, отличного от нашего обыденного и таинственного источника». Наряду с нашим «я» имеется налицо еще какое-то другое существо, противостоящее нашему «я» и понукающее его к известному поведению, какой-то таинственный голос обращается к нам, говорит нам. «Сюда, например, относится слово „со-весть“ – „со-ведать“, указывающее на наличие другого существа»[1052]. Так что, отвечая на извечный русский вопрос: «Как судить вас будем, мужики, по закону аль по совести?». те дружно отвечали: «По совести», справедливо полагая, что закон с его неумолимой определенностью будет к ним менее благосклонен, чем сакраментальный «таинственный голос».

В итоге Петражицкий разделил право на две части – позитивное (сфера действия исключительно в распорядительной сфере государства) и интуитивное (выполнение человеком обязательств по отношению к другому человеку, возникших вследствие двусторонней эмоции и не зафиксированных ни в одной норме). Совместное действие этих двух «прав» возможно, например, в семье.

На основе этой классификации права он попытался ответить на вопрос, почему люди живут в соответствии с законами, порой не подозревая об их существовании. Оказывается, потому, что

интуитивное право стремится превратиться в позитивное. «Этим объясняется отчасти инстинктивное, отчасти сознательное, но повсеместно замечаемое стремление людей к выработке, признанию и уважению так называемого позитивного права, права, определяемого по однообразным для всех внешне распознаваемым признакам»[1053].

При такой трактовке права его границы раздвигаются практически до бесконечности. Наряду с официальным правом, посредством которого государство влияет на эмоциональную сферу в нужном ему направлении, есть еще неофициальное, проявляющееся во всех сферах жизнедеятельности, где возникают так называемые императивно-атрибутивные переживания, т. е. переживания, соотнесенные с конкретным лицом. Получается, что в каждой обособленной группе людей формируется свое право наряду с официальным.

В качестве примера неофициального права Петражицкий приводит «детское право», складывающееся в психике детей; «разбойное право», складывающееся в психике разбойников, да и договор с дьяволом – тоже пример неофициального права.

Официальное право представляет собой «совершенно микроскопическую величину» по сравнению с тем необъятным множеством жизненных ситуаций, которые регулируются интуитивным правом. Лев Иосифович приписывает интуитивному праву как явлению весьма подвижному, живому, гибко реагирующему на запросы времени, все более возрастающую роль в жизни общества. Само собой, официальное право должно вобрать в себя прогрессивные положения интуитивного права, прежде всего аксиомы интуитивного порядка, выраженные в понятии «справедливость»[1054].

Можно представить, с каким ужасом воспринимали теорию Петражицкого нормативисты, стремившиеся так обкорнать объект своего исследования, чтобы его можно было подвергнуть чуть ли не математически строгому анализу. Наш герой раздвинул границы права почти до бесконечности, что, по мнению его оппонентов, ведет к негативному воздействию на отношение к закону, на состояние законности и правопорядка, подпитывает правовой нигилизм.

Социологи упрекали Петражицкого в правовом индивидуализме, отрицании социальной природы права и говорили о необходимости дополнения психологического анализа права исследованием других аспектов общественной жизни.

В то же время заслуги Петражицкого, особенно в области критики иных подходов к определению аксиом права, признавались всеми его оппонентами. Психологическая теория права была признана, несмотря на ее недостатки, ценным открытием в области исследования правосознания, которое тогда не было изучено.

> **В общественной мысли России идеи выдающегося русского юриста нашли широкий отклик, так как отрицательное отношение к праву в российском обществе было традиционно**[1055].

Власти Российской империи относились к психологическим теориям права индифферентно, поскольку никакой угрозы самодержавию они не несли. А вот марксистско-ленинская теория права в течение некоторого периода после Октябрьской революции 1917 года базировалась на идеях психологической школы права, находя в ней опору учению Маркса о классовом сознании. Затем стал доминировать этатистский позитивизм, где развивалось командное видение права как веления государства, что совпадало с точкой зрения Ленина на право как на орудие классового господства[1056].

После смерти Петражицкого в 1931 году психологическая теория права была забыта, поскольку его работы не были переведены на иностранные языки. Они были опубликованы в США только в 1955 году. И сразу же его идеи получили развитие в рамках таких направлений юриспруденции и социологии права, как американский и скандинавский правовой реализм, «движение свободного права» и др. Основные принципы этих теорий – умаление роли официального права, правовой плюрализм, отрицание объективного характера права, призыв изучать психологию людей как основной источник правового поведения[1057].

Однако величие Льва Иосифовича Петражицкого заключается не только и не столько в этой оригинальной теории. Его величие обусловлено, как мы отмечали выше, теми вопросами, которые он поднял в своих работах. Значительная часть обозначенных им проблем продолжает быть актуальной и по сей день.

Во-первых, он один из первых, если не первый, указал на то, что искать аксиомы права в рамках только юриспруденции и философии невозможно – необходим межпредметный подход. В этом случае речь идет о юриспруденции, логике и психологии. И не вина Петражицкого, что в его время такие мощные дисциплины, как культурология, теория деятельности, еще не возникли. Да и исторического материала, к которому Лев

Иосифович активно обращался в своей работе, еще было недостаточно.

Во-вторых, огромную ценность представляют его наработки в сфере политики права. Под ней он понимал план постепенных государственно-правовых реформ как в законодательной, так и правоприменительной сферах, развитие правосознания граждан на основе, как сейчас принято говорить, программного подхода к системной разработке научных и методических проблем. Исходя из своей психоюридической теории, Л. И. Петражицкий отводил важную роль правовому просвещению и воспитанию как отдельной сфере в системе деятельности права. Это в-третьих. «Родители и воспитатели должны вообще обращать серьезнейшее внимание на развитие в детях сильной и живой правовой психологии… Притом важно развитие, так сказать, обеих сторон права, внушение прав других и их святости, сильного уважения к ним, но точно так же и собственных воспитываемых прав и уважения к ним»[1058].

Свои идеи Петражицкий стремился донести до студентов и молодых ученых. Широкую известность получил студенческий кружок Петражицкого, который он вел наряду с преподавательской и научной деятельностью в 1905–1917 годах. Этот кружок то запрещали, то разрешали. В отдельные моменты численность его слушателей достигала 1000 человек. Среди участников этого кружка было немало молодых ученых, впоследствии получивших мировую известность, например П. А. Сорокин, Г. Д. Гурвич, Н. С. Тимашев. Были среди них и будущие политики, например глава Временного правительства А. Ф. Керенский, а также будущие правоведы-марксисты – М. А. Рейснер, Я. М. Магазинер и др.

Лев Иосифович стоял у истоков партии кадетов и до 1915 года входил в центральный комитет этой партии.

Избранный депутатом первой Государственной думы, он активно участвовал в законопроектной деятельности, был членом редакционной комиссии, а также комиссии по гражданскому равенству. В своем выступлении на заседании Думы 26 мая 1906 года он произнес речь, если можно так сказать, о пользе позитивизма, которая сводилась к следующим тезисам: 1) позитивизм должен порождать в сознании людей обязанность поступать в соответствии с признанными правилами поведения; 2) позитивистская теория должна оберегать эти правила поведения; 3) позитивистское право должно определять и защищать человека, его права, помыслы, чаяния, интересы[1059].

С другой стороны, это выступление Льва Иосифовича можно считать ответом тем исследователям, которые неоправданно

относили его к представителям неокантианского течения в философии права: уж очень его «внутренний голос» похож на «нравственный закон внутри нас» Канта. Однако происхождение этих «внутренних сущностей» прямо противоположно.

Как и все члены партии кадетов, Петражицкий после разгона первой Думы подписал Выборгское воззвание, за что был осужден и в 1908 году отбывал наказание (три месяца) в тюрьме Петропавловской крепости, а также, как и все подписанты воззвания, был поражен в политических правах.

В мае 1909 года Лев Иосифович женился на Марии Карловне Калиш, «происходившей из старинного польского рода. Мария была владелицей юридического книжного магазина на Невском проспекте, 50; она знала Леона давно как посетителя книжного магазина и присутствовала на защите его докторской диссертации»[1060]. Мария Карловна была с супругом до последних дней.

В апреле 1917 года Лев Иосифович был назначен Временным правительством сенатором Первого департамента Сената. Как писал со скрытой иронией А. Ф. Керенский в мемуарах «Россия на историческом повороте», Петражицкий «не раз навещал меня и предлагал осуществить немало полезных начинаний в области законов и политики для улучшения социальных отношений. Увы, в условиях 1917 г. следовать его отличным советам было едва ли возможно»[1061].

Лев Иосифович не принял задачи и методы большевистской власти и в 1918 году уехал из советской России. В 1921 году Л. И. Петражицкий решил стать гражданином воссозданной Польши. После переезда в Варшаву он занимался преимущественно социологией и возглавлял одноименную кафедру, на которой работал до 1931 года.

Как мы говорили выше, Петражицкий родился в семье польских аристократов. И хотя за всю жизнь Лев Иосифович не смог избавиться от сильного польского акцента, он был человеком русской культуры и писал свои труды на русском языке. На польский язык он перевел их, уже находясь в Польше. Как впоследствии отмечал Керенский в упомянутых выше мемуарах, «Петражицкий был из тех поляков, которые впоследствии стали так непопулярны в Польше Пилсудского из-за своей убежденности в том, что отношения между народами России и Польши должны строиться не на политических, а на братских основах. Таких, как они, высоко ценивших русскую культуру и русские социальные идеи, в Польше не любили»[1062].

Может, неслучайно в одной из своих последних работ, к сожалению, незаконченной «О комплементарных культурных

течениях и закономерностях развития торговли», совсем недавно переведенной на русский язык и вышедшей в России в 2020 году[1063], он обращается к теме взаимодействия культур, находящихся на разных уровнях развития.

Нимало не стесняясь своего статуса неофита, теперь уже в экономике и культурологи, Лев Иосифович исследует, как появление пусть и незначительного числа представителей иной культуры, более оспособленной в той или иной сфере деятельности (конкретно в торговле, которую он относит к психоюридическому аспекту экономики), может послужить «фактором развития благосостояния нации и экономического прогресса и связанного с ним культурного прогресса».

> **Любопытно и его определение культуры: «… наличие определенных элементов и свойств психики (эмоционального и интеллектуального), которые человеческий род не получил от природы (не унаследовал от более примитивных предков), но которые были приобретены постепенно в течение долгосрочного процесса, названного культурой».**

В качестве одного из примеров он приводит историю, когда изгнание сефардов (евреев) из Испании в XVI–XVII веках существенно снизило торговый потенциал этой страны, в то время как экономический оборот Голландии, куда они в основном мигрировали, существенно возрос. Думал ли он про себя и таких, как он, уехавших из России? Скорее всего.

Однако польские интеллектуалы отнюдь не видели в ученом с мировым именем представителя комплементарной (дополняющей, развивающей) культуры. Для них он оставался чужаком, «москалем», к тому же с какими-то заумными идеями. Во время одного из приступов депрессии **15 мая 1931 года Лев Иосифович Петражицкий покончил с собой.** Похоронен на Повонзковском кладбище в Варшаве.

5. Павел Иванович Новгородцев

Павел Иванович Новгородцев (1866–1924) был ярым оппонентом описанных выше позитивистских течений, поскольку принадлежал к метафизическому (иррациональному) направлению юридической науки. Признанный теоретик неолиберализма, родоначальник концепции возрожденного естественного права, Новгородцев был последователем правового учения философа-идеалиста В. С. Соловьёва. Шершеневич не без

сарказма отмечал, что под метафизикой «следует понимать познание мира действительности за пределами явлений, достигаемое посредством возвышающегося над опытом умозрения. Возражение против метафизики не может быть основано на отрицании существования абсолютного, потому что такое утверждение было бы само метафизично. Но, допустив абсолютное, мы можем и должны, на основании условий познания, отвергнуть его познаваемость»[1064].

Однако правовая концепция Павла Ивановича заключалась не в познании происхождения и сущности права, а в возможности нравственного суда над ним.

П. И. Новгородцев оправдывал идеализм в качестве исходного пункта всех моральных определений и абсолютизм в виде неизменной формы и сущности моральных предписаний. Он утверждал, что необходимо изучать не условия правообразования, а проблемы самостоятельного значения нравственной оценки правовых явлений[1065].

Новгородцев обосновывал свою концепцию права с позиций неокантианства. Он отрицал, что законы развития общества сильнее воли отдельного человека, и его жизнь протекает вместе с общим потоком истории, а сам человек не всегда даже осознает реальные мотивы своих поступков. Рационалистическое учение Гегеля, социология О. Конта, экономический детерминизм К. Маркса и примат физиологии над духовным З. Фрейда были ему глубоко чужды. Новгородцев считал, что сознание отдельной личности существует в пространстве человеческой мысли и духовной жизни и подчиняется именно их законам. В каждом человеке заложен основанный на его представлении и о добре, и о зле идеал, к которому он стремится. Анализировать этот идеал на основе исторических причинно-следственных связей или законов социологии, предполагающих детерминированность человеческих поступков, – глубокое заблуждение[1066]. Он утверждал, что в рационализме «нет жизни, он несет нравственную смерть, но, к счастью, в нем нет и истины»[1067].

Павел Иванович основал теорию возрождения естественного права, известную также как нормативно-этическая теория, и утверждал, что идея естественного права успешно отразила нападки со стороны исторической школы права. «У нас в России идея естественного права была позабыта с начала XIX века, и пробуждение ее в начале XX столетия соответствовало, как казалось, назревающей у нас революционной ситуации, подобно тому, как английская и французская естественно-правовые идеи

XVII–XVIII веков соответствовали революционной ситуации этих стран в названную эпоху»[1068].

Тем самым Новгородцев стал создателем целой научной школы. Его учениками были Н. Н. Алексеев, Б. П. Вышеславцев, И. А. Ильин, С. Л. Франк, А. С. Ященко и др.

Новгородцев родился 16 февраля 1866 года в г. Бахмут Екатеринославской губернии (ныне г. Артемовск Донецкой Народной Республики) в купеческой семье. В Екатеринославле Павел окончил гимназию с золотой медалью и отправился для последующего обучения в Москву.

В 1884 году он поступил в Московский университет на физико-математический факультет, однако через год перевелся на юридический, который окончил в 1888 году, и был оставлен в университете для получения профессорского звания.

> **Новгородцев «провел свои студенческие годы как раз в эпоху перелома общественных настроений. Старое народничество, которое закончилось покушением 1 марта, это наивное народничество, принимало другие формы, на сцену выступали наши будущие эсеры.**

С другой стороны, появились наши будущие марксисты и социал-демократы. Казалось, нет места другим течениям, монополизировавшим всю общественную мысль. Но русский либерализм, однако, нашел в лице Павла Ивановича своего талантливого выразителя и основоположника»[1069]. При этом он предложил собственную версию либерального учения, во многом отрицавшую концепцию классического либерализма.

Как и многие талантливые молодые ученые-юристы того времени, он стажировался в Германии и во Франции.

Однако «низкопоклонством перед Западом» Новгородцев не страдал и даже высказывался в том духе, что немецкие ученые берут не столько умом и талантом, сколько усидчивостью. «Многие здешние крупные имена… кажутся мне не стоящими пальца наших Муромцева и Ковалевского»[1070]. В общем, русские моцарты против немецких сальери. Вполне в русской традиции представлять труд проклятьем и наказанием, в отличие, например, от понимания немецкими протестантами труда как средства общения с Богом.

В 1897 году Новгородцев защитил магистерскую диссертацию «Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба: опыт развития основ школы Савиньи в их последовательном развитии». Через пять лет, в 1902 году, он защитил докторскую – «Кант и Гегель в их

учениях о праве и государстве». Павел Иванович работал на кафедре энциклопедии права и истории философии права Московского университета, преподавал в университете и на Высших женских курсах.

По прошествии многих лет И. А. Ильин вспоминал: «Мы, начинающие студенты, слушали его по-особенному, многого не понимая, напряженно ловя каждое слово, напряженно внимая: он говорил о главном; не о фактах и не о средствах, отвлеченно, но о живом; он говорил о целях жизни и, прежде всего, о праве ученого исследовать и обосновывать эти цели. Вокруг него, его трудов, докладов и лекций шла полемика, идейная борьба, проникавшая даже в газеты; с ним соглашались, ему возражали; раздраженно выступали „материалисты“, энергично смыкали свои ряды „философы“. Слагалось идейное бродило, закладывались основы духовного понимания жизни, общественности и политики.

> **Его семинарий был многолюдный, оживленный, со страстными встречами марксистов, народников, идеалистов и с атмосферой общего доверия к истинному, уравновешенному, внутренне горящему и внешне сдержанному руководителю. Я помню ту бурю приветствия, которою мы встретили его, вернувшегося из Петербурга после защиты докторской диссертации, его взволнованное, побледневшее лицо, его дрогнувший в словах благодарности голос…»**[1071]

П. И. Новгородцев принял самое активное участие в революции 1905 года. В 1903–1904 годы он участвовал в создании Союза освобождения, а в 1905-м вступил в Конституционно-демократическую партию. В 1906 году Новгородцев был избран членом ее центрального комитета, участвовал в разработке программы партии, был лектором, агитировавшим в пользу кадетов в Москве. В 1906 году был избран депутатом в Государственную думу от Екатеринославской губернии.

В Государственной думе Новгородцев работал с такими видными юристами-политиками, как С. А. Муромцев, Г. Ф. Шершеневич, Л. И. Петражицкий, М. М. Винавер. Подобно многим своим коллегам, составлявшим сравнительно немногочисленное работоспособное ядро Думы, П. И. Новгородцев входил сразу в несколько комиссий: о неприкосновенности личности, редакционную и о гражданском равноправии[1072]. Впоследствии Павел Иванович вспоминал: «Трудность заключалась не столько в установлении новых положений, сколько в необходимости вводить их в состав старого Свода законов, в котором многие

части представлялись несовершенными и, однако, не могли быть изменены все сразу. Когда мы устанавливали новые начала, вытекавшие из общих требований правового государства, мы тотчас же обнаруживали, что эти начала клином врезаются в наши старые законы, построенные на совершенно иных началах. Нам приходилось строить на почве, которая сплошь загромождена старыми… корнями»[1073].

После разгона первой Государственной думы он подписал Выборгское воззвание, за что получил тюремный срок (провел три месяца в тюрьме) и запрет заниматься политической деятельностью.

В 1907 году Новгородцев вернулся в Московский университет, из которого был изгнан за подписание Выборгского воззвания, и читал лекции в должности приват-доцента.

В начале 1907 года российскими предпринимателями был создан Московский коммерческий институт. Власти поддержали создание такого высшего учебного заведения для распространения экономического, коммерческого и юридического образования. Почетным председателем попечительского совета института был избран С. Ю. Витте, Новгородцев был назначен первым директором. Павел Иванович возглавлял институт до 1917 года. Впоследствии институт был национализирован, с 1919 года его возглавлял ученик Новгородцева и Шершеневича Дмитрий Михайлович Генкин. Сейчас вуз называется Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова.

Научное наследие Новгородцева тесно связано с теорией возрождения естественного права.

> **«Мысль человеческая имеет это свойство жить не только в настоящем, но и в будущем, переносить в него свои идеалы и стремления, и в этом смысле естественно-правовые построения являются неотъемлемым свойством нашего духа и свидетельством его высшего призвания. Общество, которое перестало бы создавать идеальные построения, было бы мертвым обществом; эти построения каждый раз показывают, что в нем есть дух жив, есть движение нравственного чувства и сознания»**[1074].

Эти «идеальные построения», как правило, принимают форму социальных утопий, которые содержат в себе непримиримое противоречие. Для того чтобы идеальная организация общества смогла существовать, необходимо придать ей правовую форму. Однако юридическая формализация утопии невозможна хотя бы

потому, что последняя содержит в себе такое количество необоснованных допущений и произвольных аксиом, что первые же попытки переложить их на юридический язык приводят к глубокому разочарованию, и общественная мысль неизбежно начинает искать новые идеалы[1075].

Павел Иванович был убежден в первичности правосознания по отношению к государству и законодательству. Причем законодательство по определению несовершенно. Стремясь защитить свободу личности, оно вынуждено эту свободу ущемлять. Законодательство – лишь некоторое приближение к праву, «квазиправо» или «недоправо»[1076].

В природе, отмечал Новгородцев, не существует окончательных решений. Невозможно преодолеть все социальные противоречия, и реальное устройство общества есть результат компромисса[1077]. «И подобно тому как постепенно человек свыкается с тем, что видимый им физический горизонт есть не более как иллюзия, что за этим мнимым пределом простирается бесконечность, так должен свыкнуться он и с тем, что такой же иллюзией является и мыслимый им моральный горизонт и что за этим кажущимся пределом исканий лежит бесконечность усилий и действий»[1078].

Но есть ли в этом изменчивом мире хоть что-то неизменное, за что человек должен всегда держаться? По мнению Павла Ивановича, краеугольным камнем человеческого идеала должна быть ценность человеческой личности. Любая правовая или политическая система должна строиться на базе защиты прав и свобод человека в той мере, в какой это соответствует современному общественному идеалу. Наиболее подходящей формой такой правовой системы является правовое государство[1079].

Коренное противоречие современных ему либеральных утопических воззрений на идеальное государство Новгородцев видел в невозможности гармоничного сочетания равенства и свободы, в то время как европейская мысль была уверена в возможности демократической процедуры, которая позволила бы выявить народную волю, т. е. в действительности волю каждого гражданина[1080]. Вместе с тем ни одна правовая процедура, включая всеобщие и равноправные выборы, неспособна эту самую народную волю выявить.

> **Население в массе своей политически индифферентно, пассивно, не имеет никаких устойчивых убеждений. Общество может смутно угадывать некий идеал, но не может выразить его:**

«Лишь небольшая часть взглядов, которыми располагает средний человек, когда он идет подавать свой голос, выработана им самим; достаточно сделать опыт ознакомления с выражением общественного мнения, чтобы убедиться, как однообразны мнения во всех классах народа, как мало в идеях каждого индивидуального и самостоятельно выработанного и как мало прочности и существенного содержания в политических и социальных воззрениях девятнадцати человек из двадцати»[1081].

На самом деле «воля народа» определяется точкой зрения небольшой, но активной части общества, способной навязать ее большинству. Это прежде всего власть, общественные объединения, в основном партии, средства массовой информации, активно влияющие на общественное мнение[1082]. «Каждый из органов, претендующих на выражение общественного мнения – и на это следует обратить особенное внимание, – всегда, если разобрать вопрос по существу, исходит не из того, каково есть общественное мнение, а из того, каким оно должно быть. Говоря от имени народа или общества, всегда мысленно построят эти понятия, причем основаниями для этого построения являются, с одной стороны, известные принципы и цели, а с другой стороны, предположение о том сочувствии, которое эти принципы и цели могут встретить в общественных кругах»[1083]. Здесь стоит вспомнить слова Экзюпери «мы в ответе за тех, кого приручили». Поэтому государство не может ограничиваться лишь констатацией прав и свобод гражданина, если они не обеспечены политически и материально, ибо не может быть речи о правовом равноправии, когда для многих стоит вопрос об элементарном физическом выживании[1084].

> **Только тогда, когда правительство исполняет свои социальные функции, общественный строй может гарантировать свободу каждому в подлинном понимании этого слова**[1085].

Иногда ради этого можно даже пожертвовать другими важными правами – например, неотъемлемым правом на частную собственность, если она в сложившихся обстоятельствах мешает утверждению свободы личности. «Ревнители старой догмы, исходившие из принципа священной и неприкосновенной собственности, нашли бы и в этой постановке вопроса извращение идеи права. Но правосознание нашего времени выше права собственности ставит право человеческой личности и, во имя этого права, во имя человеческого достоинства, во имя свободы, устраняет идею неотчуждаемой собственности, заменяя ее принципом публично-правового регулирования приобретенных

прав с необходимым вознаграждением их обладателей в случае отчуждения»[1086].

Во время Первой мировой войны Новгородцев активно участвовал в общественной деятельности, занимая должность товарища председателя экономического совета при Главном комитете Всероссийского союза городов. В 1916 году он стал московским уполномоченным Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом. Обычно на эту должность назначали губернаторов, и только в Москве эту службу возглавил профессор права, который справился с этой обязанностью весьма успешно: в Москве никогда не было проблем с дровами, не то что в Петрограде. В итоге вместо председателя дровяной секции Петрограда, министра внутренних дел Протопопова, был назначен Новгородцев, который раз в месяц приезжал в Петроград на заседания. «Вместо анекдотов о дворцовой жизни и сплетен мы вдруг услышали веское, разумное слово профессора Новгородцева. Протопопов ничего не знал, что касалось топлива. Этот был в полном курсе дела. П. И. Новгородцев вместе с талантом ученого обладал и волевыми качествами, и практической жилкой»[1087].

После Февральской революции П. И. Новгородцев неоднократно получал приглашения войти в состав Временного правительства, но всякий раз решительно отказывался, поскольку не одобрял альянс кадетов с социалистами и еще в августе 1917 года призывал решительно покончить с большевистской революцией[1088]. «В эти тягостные, постыдные месяцы семнадцатого года он был весь – зоркость, тревога, отвращение. Он один из первых понял обреченность этого безволия, этой сентиментальности, этого сочетания интернационального авантюризма с исторической мечтательностью», – писал ученик Новгородцева Иван Александрович Ильин[1089]. В августе 1917 года П. И. Новгородцев участвовал в работе Государственного совещания. Некоторое время спустя он был избран депутатом Учредительного собрания.

Естественно, что для Павла Ивановича, убежденного противника каких-либо попыток практической реализации утопических идей, приход большевиков к власти стал катастрофой.

Находясь уже в эмиграции и анализируя причины поражения Февральской революции, Павел Иванович с горечью отмечал: «Нередко думают, что провозглашение всяких свобод и всеобщего избирательного права имеет само по себе некоторую чудесную силу направлять жизнь на новые пути. На самом деле то, что в таких случаях водворяется в жизни, обычно оказывается не

демократией, а, смотря по обороту событий, или олигархией, или анархией, причем в случае наступления анархии ближайшим этапом политического развития бывают самые сильные, суровые формы демагогического деспотизма»[1090].

Активная антибольшевистская позиция Новгородцева едва не привела к его аресту. 19 мая 1918 года у него в квартире прошел обыск и была оставлена засада. В тот день Павел Иванович не вернулся домой, и это позволило ему избежать ареста.

Тем не менее в Москве он оставался до осени того же года и продолжал свою «контрреволюционную деятельность», в основном просветительского толка, пока не перебрался в расположение армии Деникина[1091].

Павел Иванович выступал сторонником военной антибольшевистской диктатуры, которая могла бы обеспечить единство всех сил, способных оказывать сопротивление большевизму. «Анархический большевизм, погубивший русскую государственность, поставил перед нами задачи более элементарного свойства, задачи сверхпартийного национального характера, и прежде всего основную задачу – восстановление русской государственности»[1092], – утверждал он.

В ноябре 1920 года Новгородцев эвакуировался из Крыма вместе с частями Русской армии и сочувствующим ей гражданским населением. После эвакуации Павел Иванович осел в Чехословакии. В 1920 году при содействии властей основал в Праге Русский юридический факультет, где продолжил свою деятельность профессора русского права и где студентам, оказавшимся в эмиграции, была предоставлена возможность закончить образование.

В последние годы своей жизни Новгородцев обратился к религии. Окончательно утратив веру в европейский здравый смысл, он выступил как православный мыслитель и славянофил: «Когда первые славянофилы, непосредственно чувствуя истину русской идеи, выступили против односторонности западного идеала, они не могли предвидеть, что близко то время, когда на Западе с полной ясностью обнаружится непрочность утопии обустройства сообразно разуму и осуществления рая на земле. Теперь этот крах западного идеала, являющийся одновременно и крахом всех основ западноевропейской культуры, есть факт, и этот факт, как я отметил уже выше, составляет в связи с углублением и одухотворением славянофильства новый и в высшей степени важный момент в утверждении русской

идеи»[1093]. Собственно, еще в 1890 году, находясь на стажировке в Германии, Новгородцев писал о симпатиях к славянофилам, а пороки западной цивилизации связывал с господствующим католицизмом и буржуазным государством[1094].

Скончался Павел Иванович Новгородцев в Праге в апреле 1924 года, похоронен на Ольшанском кладбище в Праге.

Эпилог

Пытаясь осмыслить причины падения самодержавия, великий князь Александр Михайлович писал: «Трон Романовых пал не под напором предтеч советов или же юношей бомбистов, но носителей аристократических фамилий и придворных званий, банкиров, издателей, адвокатов, профессоров и др. общественных деятелей, живших щедротами Империи. Царь сумел бы удовлетворить нужды русских рабочих и крестьян; полиция справилась бы с террористами. Но было совершенно напрасным трудом пытаться угодить многочисленным претендентам в министры, революционерам, записанным в шестую книгу российского дворянства, и оппозиционным бюрократам, воспитанным в русских университетах»[1095]. Обиду представителя двора на ту часть общества, которая привержена европейской культуре, порожденная самим же самодержавием, понять можно. Но согласиться с таким объяснительным принципом нельзя.

Не мог Николай Александрович Романов договориться с народом в силу практического отсутствия механизма удовлетворения нужд рабочих и крестьян, а именно системы управления, которая полностью распалась к началу 1917 года. Именно этим обстоятельством была вызвана подрывная деятельность перечисленных представителей общества, пытавшихся в меру своего понимания и возможностей хоть как-то привести систему управления в соответствие с ее объектом. Процесс этого распада был продолжительным, и его, вообще говоря, можно было остановить.

То, что создать революционную ситуацию может исключительно власть, – общее место в политологических исследованиях[1096]. В настоящих очерках мы попытались изложить историю перехода российского социума в возбужденное состояние и причины, по которым государственная система оказалась неспособной эволюционировать так, чтобы соответствовать новым социальным реалиям.

Все началось с отмены крепостного права, которое было ответом на морально-политический императив со стороны общества, а не на экономические или управленческие проблемы, которые были не так уж велики. В результате исчез низовой уровень управления – вотчинная власть помещиков. Последние не только жили за счет крестьян, но и исполняли судебные, правоохранительные и фискальные функции. Они также осуществляли социальный контроль над крестьянами, главной

целью которого было удержание основной массы производителей от разорения и гибели, создание механизма выживания[1097]. Самое главное – это был основной канал связи системы самодержавного госуправления с большинством населения – крестьянами.

Отцы Великих реформ видели эту проблему и предложили заменить вотчинную власть помещика системой крестьянского сословного самоуправления[1098], которая устроила бы и крестьян, и государство. Эта система была призвана, кроме выполнения фискальных функций, во-первых, защитить крестьянство от бывших крепостников, во-вторых, подготовить его к участию во всесословных органах местного самоуправления. Для управления органами крестьянского самоуправления была создана система правительственно-дворянского надзора – мировые посредники, их уездные и губернские съезды.

Базовым механизмом взаимодействия верховной власти с подведомственным населением стала система земского самоуправления на губернском и уездном уровнях. Однако органы самоуправления оказались явлением, абсолютно инородным самодержавию.

«Каждое учреждение хорошо в строе, ему соответствующем, и непригодно в строе, ему не отвечающем. В конституционном государстве земства могут быть превосходным средством управления: там они составляют одно звено в цепи, скованной из одного металла… В свою очередь, центральные представительные учреждения будут всегда чутко прислушиваться к желаниям органов местных. Совершенно в ином положении стоит и всегда будет стоять земство в государстве самодержавном. Здесь по своему строю такие учреждения, как земства, резко отличаются от всего, что кругом них и что выше их; здесь они олицетворяют иное начало, а отсюда бесконечные недоразумения, предупреждения, пресечения, пререкания, столкновения, исключения и репрессивные меры и т. д. Правительство (бюрократия) не доверяет земству, земство – правительству. Земство весьма естественно желает оказать влияние на деятельность законодательную, которая так тесно связана с деятельностью местной. Правительство видит в этом поползновение на свои прерогативы. Правительство желает осуществить на местах то или другое мероприятие, земство усматривает посягательство на свои права, на свою самостоятельность. Правительство видит предвзятую мысль и отказывает. Правительство дает распоряжение, земства становятся ему в оппозицию (скрытую или открытую)… Результатом этих мер являются недоразумения, пререкания,

внушения, упадок земской деятельности и параллельно с тем – оппозиция земств правительству и настойчивые требования конституции в серьезные для правительства минуты»[1099]. Типичный когнитивный диссонанс между властью и обществом, между различными уровнями системы управления.

Ущербность созданного механизма взаимосвязи самодержавия с подведомственным населением была осознана М. Т. Лорис-Меликовым и другими консервативными бюрократами, которые предложили весьма робкую реформу системы управления, предполагавшую привлечение представителей земств в государственные законосовещательные органы. Однако эта идея встретила ожесточенное сопротивление со стороны бюрократов-ретроградов, считавших Великие реформы ошибкой, приведшей к возникновению революционных, в том числе террористических, организаций.

8 марта 1881 года новый император Александр III отказался проводить предложенные реформы и провозгласил незыблемость самодержавия, а значит и присущей ему системы управления.

Права земств были существенно урезаны, а крестьян попытались вернуть в подчинение дворянству, заменив мировых посредников земскими участковыми начальниками, назначавшимися исключительно из лиц с родословной. Всякая самостийная инициатива если не преследовалась, то не поощрялась.

В условиях, когда вотчинная власть помещиков уничтожена, а самоуправление всячески подавлялось, взаимосвязь органов государственного управления империей с социумом была фактически разорвана. Идея Победоносцева о прямом общении самодержца с народом на языке православия в обход бюрократических институтов, общественных структур и прессы была с самого начала обречена на провал. В итоге общество и система управления стали расходиться, как в море корабли. Император пребывал в уверенности, что народ и армия за него, в то время как социальная динамика развивалась естественным, отнюдь не предначертанным самодержцем путем.

Репрессии по отношению к инакомыслию, преследование старообрядцев, инаковерующих, особенно евреев, косность в решении женского вопроса и прочие прелести реакции привели к тому, что значительная часть общества в описываемый период была настроена против самодержавия. Либеральные и революционные деятели сыграли в сложившихся обстоятельствах роль своеобразного будильника, а точнее, источника острого синдрома относительной депривации в российском социуме.

Сословная структура общества стала постепенно

размываться. Несмотря на усилия Александра III по восстановлению могущества дворян, они стали быстро разоряться, им на смену стали приходить частные землевладельцы. Родовитость заменялась деловитостью. Большая часть помещиков, не сумевших приспособить свои хозяйства к новым условиям, пополняла ряды мелких чиновников и интеллигенции. По всей России стоял стук топоров, рубивших вишневые сады. Дворянское звание быстро теряло былой престиж, количество желающих выслужить дворянство резко уменьшилось.

Как отмечал известный предприниматель В. П. Рябушинский: «На моей памяти купеческое самосознание очень повысилось – дворянства почти никто не домогался, говорили: лучше быть первым среди купцов, чем последним между дворян»[1100]. Дошло до того, что московские купцы отказались во время коронации Николая II в 1895 году стоять на церемонии во второй по порядку, как тогда говорили, зале после дворян, и протокол был изменен – дворяне и купцы оказались в одной зале друг против друга[1101]. К началу XX столетия покровительство искусству – всегда и повсюду отличительная черта ведущего класса – стало чуть ли не прерогативой московских купцов[1102].

Городское население за счет притока в город крестьян постепенно увеличивалось. К концу XIX века население среднестатистического русского города достигло 25 тысяч. Как утверждают социологи, чем крупнее город и чем выше в нем плотность населения, тем больше имеется оснований для трансформации социальных отношений от общинных к общественным, а крестьянской культуры – в городскую[1103]. Происходит замещение архаичного крестьянского мировоззрения уже не раз упоминавшейся идеологией мещанства или, в более привычной терминологии, буржуазной идеологией, противостоящей принципам самодержавия.

Только крестьяне и духовенство – носители архаической культуры – оставались изолированными от этих социальных процессов, и в этом состояла одна из причин их склонности к традиционализму и консерватизму. Власть видела в крестьянах социальную базу самодержавия, именно к «народной мудрости» этого сословия, составлявшего более 80% населения, и апеллировал Победоносцев. Однако к концу XIX века даже в среде крестьянства все заметнее стали проявляться чувство человеческого достоинства и вера в силу общего отпора. В середине 1890-х помещик имел перед собой уже иного крестьянина. «…Времена изменились, и вместо избитых, раздавленных рабов он встретил бодрое молодое поколение, готовое постоять за свои права человека и гражданина», – должен

был признать в своем донесении один из жандармских начальников[1104].

Само собой, увеличился слой образованных людей – не только дворян, но и разночинцев, мещан и, в меньшей степени, крестьян. В период правления Александра III общепризнанным стало наличие интеллигенции – с социологической точки зрения, слоя людей, обладающих критическим способом мышления, высокой степенью социально-психологической рефлексии, способностью к систематизации знаний и опыта, а главное, являющихся носителями европейской культуры.

Интеллигенция произошла из среды так называемых лишних людей[1105], возникших вследствие объявления дворянских вольностей и появления слоя разночинцев. Это люди, не вписавшиеся в государственные структуры и современное им общество, так сказать, выпавшие из своей среды и потому находящиеся в оппозиции к ней. Лишними людьми были, например, многие декабристы. Отсюда и родовой признак интеллигента – оппозиционность по отношению к любой власти и косным традиционным порядкам, неспособность существовать в рамках жестких организационных структур, требующих единомыслия.

Впрочем, из среды лишних людей рекрутировались и представители ответственной бюрократии, не вписавшиеся в бюрократию патримониальную. В отличие от интеллигентов они, наоборот, стремились во власть с целью осуществления в рамках государственных институтов собственных проектов. Это генетическое родство зачастую облегчало взаимопонимание бюрократов и интеллигентов, например в ходе осуществления Великих реформ, тем более что и та и другая социальные группы были политически неоднородны и вмещали в себя людей с абсолютно противоположным мировоззрением.

Кроме бурной публицистической деятельности не только в центральных, но и в многочисленных региональных изданиях, важным каналом взаимодействия либеральной интеллигенции с населением были земства. По мере своего развития земство все больше отходило от умеренности, нерешительности и лояльности по отношению к самодержавию и приобретало все более заметные черты политической оппозиционности. Меняя свой социальный облик благодаря вливанию разночинных элементов из интеллигенции, земский либерализм приобретал все более радикальный и демократический характер.

Земская интеллигенция поддерживала связь с либеральными и народническими литераторами, либеральными профессорами Петербурга, Москвы и других университетских центров.

Благодаря этому ареной для выступлений представителей земств сделались также Вольное экономическое общество в Петербурге, Юридическое общество при Московском университете и другие научные объединения.

Понятно, что правоведы находились в первых рядах общественных деятелей, требовавших установления правового порядка, обеспечения прав и свобод граждан, создания органа народного представительства. Они активно участвовали в деятельности земств, как, например, Муромцев и Шершеневич, стали кадровой основой партии конституционных демократов. Их усилиями заметное развитие получила не только российская юриспруденция, особенно в сфере философии и теории права, но и весьма молодая в то время наука социология.

В сентябре 1893 года в Саратове на съезде оформилась партия «Народное право», нелегальная организация демократической интеллигенции, имевшая целью осуществить основную идею либерализма – идею борьбы за политические права, за конституцию. В программе, изданной в 1894 году, ее инициаторы насущным вопросом считали объединение всех оппозиционных сил во имя уничтожения самодержавия. В апреле 1894 года партия была разгромлена. Остатки народоправческих групп действовали до 1898 года. В начале XX века многие бывшие народоправцы пополнили ряды эсеров, социал-демократов, энесов («Трудовая народно-социалистическая партия» – трудовики) и кадетов[1106].

Не замеченное властью политическое и гражданское структурирование общества привело к тому, что реальный объект управления стал разительно отличаться от модели социума, которой оперировало самодержавие. Это не могло не привести к многочисленным сбоям управленческого механизма, зачастую проявлявшимся в виде так называемого прилета черных лебедей.

Первым было крушение императорского поезда Александра III вследствие стремления администрации железных дорог потакать желаниям царя, а не выполнять свои обязанности по обеспечению безопасности движения. Вторым черным лебедем стали вспышки голода в 1890-е годы, с которыми правительство самостоятельно справиться не смогло. Третьим – Ходынка, затем развязывание абсолютно не просчитанной войны с Японией под влиянием шапкозакидательских настроений. Наконец, Кровавое воскресенье.

Только что народившиеся политические партии не смогли оседлать стихийно вспыхнувшие восстания 1905–1907 годов, дабы перевести их в организованное целенаправленное русло, и самодержавие смогло устоять. Правда, пришлось пойти на

существенные политические реформы, главными из которых стали провозглашение политических и гражданских свобод, а также возникновение законодательной ветви власти.

Появились множественные политические субъекты, что в корне противоречило самой сущности самодержавия. Законодательную власть самодержцу пришлось делить с Госдумой и Госсоветом, распорядительные функции оказались полностью в руках бюрократии, причем «сам государь по установившимся обычаям, если желает провести какую-нибудь меру, должен поручать частным образом кому-либо из подлежащих бюрократических властей возбудить этот вопрос якобы самостоятельно»[1107].

Это уже не было самодержавием в полном смысле этого слова. Но это не было и конституционной монархией, поскольку отношения императора со «своими» высшими органами власти только начинали складываться как юридически, так и психологически.

Николай II по-прежнему считал себя «хозяином земли русской». Свод основных государственных законов 1906 года был издан императором в указном порядке и никогда не принимался ни народом, ни народными представителями. Сам он ему не присягал и не считал помехой в его общении с Богом, перед которым, как он полагал, несет полную ответственность за все, что происходит в России. Скорее всего, Николай полагал, что мог отменить Основные законы просто указом по принципу «царь дал – царь взял».

Император и его двор продолжали считать, что абсолютное большинство населения не только почитает, но и любит его как самодержавного помазанника божьего, враги же его малочисленны и ничтожны: отвязные депутаты Государственной думы, либеральная интеллигенция, революционеры-социалисты и оппозиционные бюрократы.

Отношения с Госдумой у Николая II не заладились с самого начала. Он рассчитывал, что в нее будут избраны «лучшие люди», а депутаты стали яростно поносить существующие порядки. Какие же это лучшие люди? Вторая Дума оказалась еще хуже, чем первая, и усилила борьбу за влияние на деятельность правительства, являвшегося основным, если не единственным механизмом управления империей самодержцем. Главным оставался аграрный вопрос, по которому каждая фракция представила свой проект, плохо сочетавшийся с реформами, проводившимися правительством П. А. Столыпина. Дума была распущена[1108].

Явное несоответствие представления об управляемом объекте

реальности все чаще стало приводить к зависанию управляющих сигналов. Аграрную реформу, нацеленную прежде всего на внедрение рыночных отношений в аграрный сектор, в целом поддержанную третьей Думой, завершить так и не удалось – помешала в том числе гибель Столыпина.

Четвертая Дума и вовсе оказалась самой ядовитой для императора и его окружения. Видя нарастающий паралич системы управления, сопровождавшийся массовыми протестами среди рабочих и крестьян, депутаты стали требовать себе полномочия по формированию правительства. А это уже была красная черта, та самая стена внутри всех императоров Романовых, которую Николай Александрович преодолеть не мог. Кадровая политика всегда была альфой и омегой могущества самодержцев.

Находясь под давлением различных центров влияния, описанных выше, к которым теперь добавилась еще и Государственная дума, Николай II начал все чаще менять состав Совета министров, включая его председателя.

Владимир Николаевич Коковцов (1853–1943), назначенный премьер-министром после убийства Столыпина, до этого был министром финансов и, как многие экономисты, склонялся к либерализму. Он не смог противостоять давлению со стороны правых партий и группировки Александры Фёдоровны и подал в отставку в конце января 1914 года.

В январе 1914 года на должность председателя Совета министров возвратился Иван Логгинович Горемыкин (1839–1917). Впервые он стал премьер-министром вместо С. Ю. Витте за пять дней до начала работы первой Государственной думы и боролся с ней все 72 дня ее существования. Горемыкин выступал против законопроекта об ответственности министров перед Думой и отвергал радикальные аграрные реформы, предлагаемые думцами. Во второе свое пришествие он также занимал враждебную позицию по отношению к Государственной думе и прогрессивному блоку. Однако среди министров было немало сторонников сотрудничества с Думой, а дряхлый и рассеянный Горемыкин вызывал их раздражение. Наконец в начале 1916 года он все-таки отпросился в отставку.

Председателем Совета министров 20 января 1916 года был назначен Борис Владимирович Штюрмер (1848–1917). С марта по июль он также был и министром внутренних дел, а с июля – министром иностранных дел. Это назначение было связано с желанием императора добиться компромисса с Прогрессивным блоком. Штюрмер старался установить контакты с думской оппозицией для предотвращения внутриполитической борьбы.

Однако он обладал одним качеством, делавшим его неприемлемым для врагов самодержавия, – был предан государю и состоял в ряде крайне правых организаций. 1 ноября 1916 года П. Н. Милюков с трибуны четвертой Государственной думы произнес знаменитую обличительную речь, в которой фактически обвинил императрицу Александру Фёдоровну и премьер-министра России Бориса Штюрмера в подготовке сепаратного мира с Германией. «Что это – глупость или измена?» было лейтмотивом его блестящего выступления. Правительство Штюрмера уже 10 ноября 1916 года было отправлено в отставку.

10 ноября 1916 года председателем Совета министров был назначен Александр Фёдорович Трепов (1862–1928), предложивший распустить Думу. Александр Фёдорович пытался бороться с влиянием Распутина, добиться отставки министра внутренних дел А. Протопопова. Это предопределило его скорую отставку 27 декабря 1916 года.

Последним премьером Российской империи в тот же день стал Николай Дмитриевич Голицын (1850–1925). Он был назначен по требованию императрицы. Глава Министерства внутренних дел Протопопов и министр юстиции Добровольский предложили распустить Думу из-за резких выступлений. Однако другие министры стояли за уступки, вели переговоры с думским большинством. Николай Дмитриевич был против роспуска Государственной думы и за создание «ответственного министерства». Он также пытался добиться отставки Протопопова.

В результате этой чехарды и полного раздрая в правительстве система государственного управления империей пошла вразнос, стремительно теряя свою дееспособность. Информация о начавшихся 23 февраля 1917 года волнениях в Петрограде дошла до императора только через два дня. Он приказал направить войска для подавления беспорядков в столице, однако в Совете министров высказали сомнения в серьезности волнений и необходимости жестких действий. Генералитет, озабоченный подготовкой к весеннему наступлению, приказ о направлении войск в Петроград не выполнил. Самодержавие просто некому было защищать. Приказы государя не передавались, телеграммы верноподданных ему не сообщались.

Как впоследствии писал свидетель этих событий Питирим Александрович Сорокин, «атмосфера предреволюционных эпох всегда поражает наблюдателя бессилием властей и вырождением правящих привилегированных классов. Они подчас неспособны выполнять элементарные функции власти, не говоря уже о силовом сопротивлении революции»[1109].

Оказавшись в ситуации отказа всех рычагов управления и потери харизмы в глазах населения, Николай II тем не менее не пошел на коренную перестройку госуправления в виде учреждения «ответственного министерства», что, возможно, еще могло сохранить монархию, но не самодержавие. Он предпочел, что называется, умыть руки, подписав отречение в пользу своего брата. Не готовый к этой миссии Михаил Александрович, понимая сомнительную легитимность отречения и учитывая неконтролируемую социальную динамику момента, от этой чести отказался.

1 марта 1881 года начался ренессанс самодержавия, а 1 марта 1917 года оно приказало долго жить.

Николай Александрович воссоединился с семьей, находившейся в Александровском дворце в Царском Селе, 22 марта. Днем ранее Временное правительство объявило, что Николай и его родственники находятся под арестом. Семья была окружена охраной и заперта в своих помещениях.

По просьбе Николая II Временное правительство вело переговоры с британским парламентом об эвакуации царской семьи под опеку общего двоюродного брата Николая и его жены Александры, короля Георга V. Переговоры закончились успешно, однако вскоре английский король свое приглашение двоюродному брату отозвал, поскольку испугался критики левых в парламенте, поднявших крик недовольства по поводу приезда сверженного царя.

В августе 1917 года правительство Александра Керенского решило переправить императорскую семью вглубь страны – в Тобольск, якобы для защиты от нарастающей волны революции. Ранней весной 1918 года город перешел под контроль большевиков, а в конце апреля новые власти перевезли Николая и его семью в Екатеринбург, где им выделили так называемый Дом специального назначения, ранее принадлежавший инженеру Николаю Ипатьеву.

В ночь с 16 на 17 июля 1918 года царская семья была расстреляна. Мотивировкой этого злодеяния, как указывалось в Сообщении президиума областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Урала, было следующее: «Ввиду того, что чехословацкие банды угрожают столице красного Урала Екатеринбургу; ввиду того, что коронованный палач может избежать суда народа (только что обнаружен заговор белогвардейцев, имевший целью похищение всей семьи Романовых), Президиум областного комитета во исполнение воли народа постановил: расстрелять бывшего царя Николая Романова, виновного перед народом в бесчисленных кровавых

преступлениях»[1110].

Рассказ о дальнейшей эволюции государства и права в нашей стране мы надеемся продолжить в следующих очерках.

Иллюстрации

Цесаревич и наследник Николай (сидит)
с младшим братом Александром (стоит)

Цесаревич Александр Александрович

Наследник престола цесаревич Николай Александрович
с невестой принцессой Дагмар

Кончина цесаревича Николая Александровича.
12 апреля 1865 года

Наследник престола цесаревич Александр Александрович с невестой принцессой Дагмар

Коронация Александра III. Красная площадь в момент появления Государя Императора. 1883

Император Александр III

СБОРНИКЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ

ПО

МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА III.

1884 ГОДЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза". Б. Подъяч., № 39.
1893.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ОТСТАВНОЙ ШТАБСЪ-КАПИТАНЪ

СЕРГѢЙ ПЕТРОВЪ ДЕГАЕВЪ

Приметы: Маленькаго роста, худощавый, темный блондинъ

обвиняется въ убійствѣ 16-го Декабря 1883 года Подполковника Судейкина.

5,000 РУБЛЕЙ

назначено за сообщеніе полиціи свѣдѣній, которыя, давъ возможность опредѣлить мѣстонахожденіе Дегаева, поведутъ къ его задержанію.

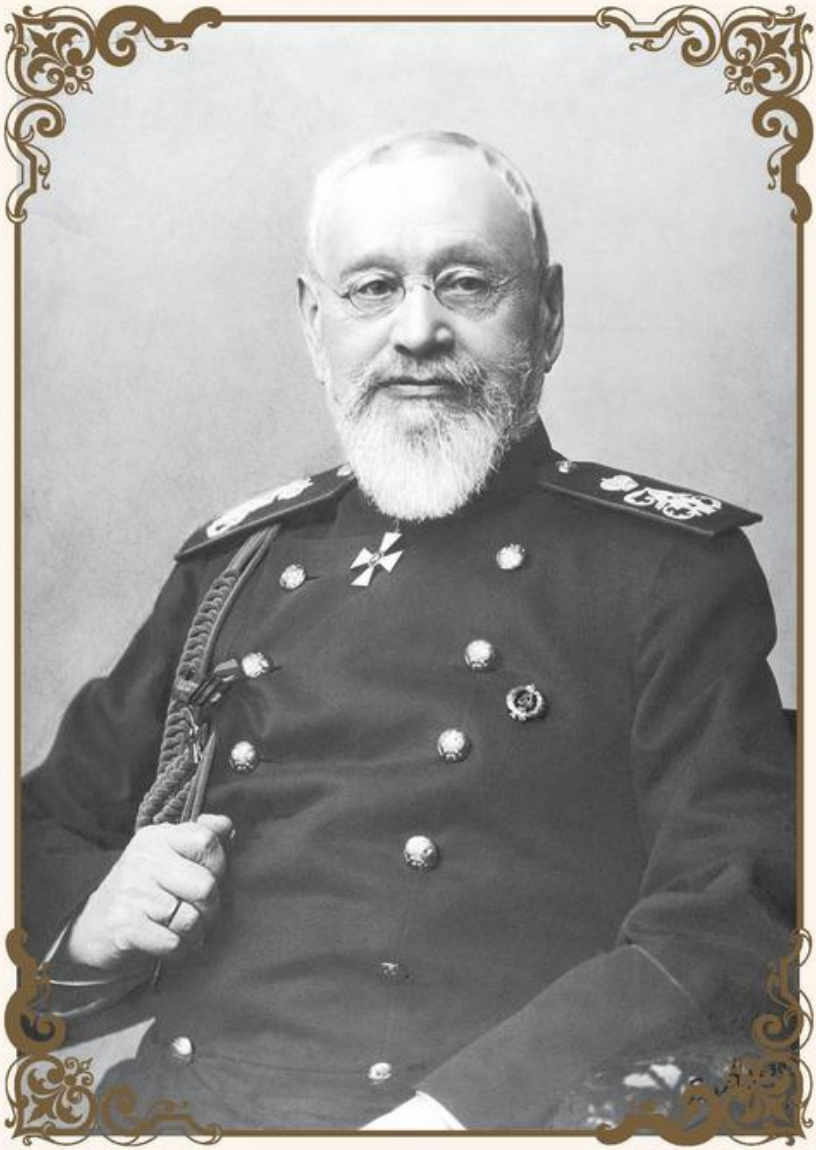
10,000 РУБЛЕЙ

будутъ выданы тому, кто, указавъ полиціи мѣстопребываніе Дегаева, окажетъ содѣйствіе къ задержанію преступника.

Заседание особого присутствия Правительствующего Сената по делу о злодеянии Первомартовцев. 1887

Волостные старшины в Петровском дворце. 21 мая 1883 года

Александр III и его окружение



Пётр Семёнович Ванновский

Император Александр III и президент Франции Сади Карно заключают союз

П. М. Леонтьев и М. Н. Катков

Портрет Константина Петровича Победоносцева

В центре Александр III, крайний справа во втором ряду
К. П. Победоносцев

Портрет
Константина Петровича Победоносцева

Курсъ
ГРАЖДАНСКАГО ПРАВА

сочиненіе

К. ПОБѢДОНОСЦЕВА

почетнаго члена университетовъ московскаго, с.-петербургскаго и казанскаго.

Первая Часть.

ВОТЧИННЫЯ ПРАВА.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ,

СЪ ПЕРЕМѢНАМИ И ДОПОЛНЕНІЯМИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Продается у коммиссіонера Государственной типографіи

И. П. АНИСИМОВА.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
Складъ съ Императорской Публичной Библіотекой.

ВЪ МОСКВѢ:
На Никольской улицѣ, д. Заиконоспасскаго монастыря.

1883.

Александр III

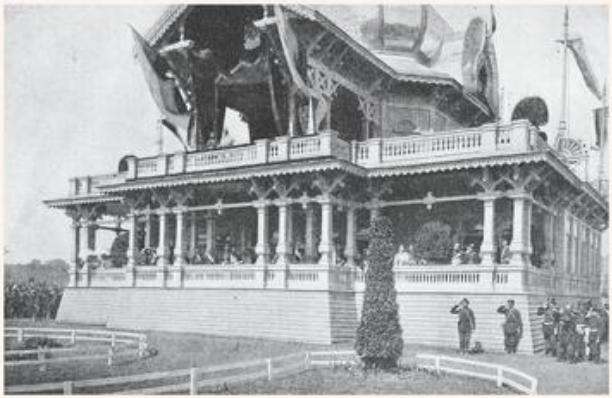
Наследник Николай Александрович

Императрица Мария Фёдоровна
с сыном, наследником престола
Николаем Александровичем

Коронация императора Николая II

Коронование Александры Фёдоровны

Народные гулянья на Ходынском поле.
18 (30) мая 1896 года



Императорская чета в царском павильоне
на Ходынском поле

Переговоры в Портсмуте (1905) — слева направо: с русской стороны (дальняя часть стола) — Коростовец, Набоков, Витте, Розен, Плансон; с японской стороны (ближняя часть стола) — Адати[de], Отиай, Комура, Такахира[en], Сато. Большой переговорный стол в настоящее время находится в музее Мэйдзи-мура в Инуяме

9 января 1905 г. Кавалеристы у Певческого моста задерживают движение шествия к Зимнему дворцу

17 октября, вторникъ. 1905 г. 17 го октября, вторникъ.

Вѣдомости СПБ. Градоначальства

№ 221 LXVII-й годъ изданія. № 221

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ НАШИМЪ вѣрнымъ подданнымъ:

Манифест 17 октября 1905 года

Работа комиссии по подсчету голосов избирателей

Первое торжественное заседание реформированного
Государственного совета
в зале Дворянского собрания.
27 апреля 1906 г.

Петербург. Молебен в Зимнем дворце по случаю открытия Государственного совета и Государственной думы. 27 апреля 1906 г.

ПЕРВАЯ РОССІЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.

Карѣевъ,
Николай Ивановичъ.
Гор. С.-Петерб.

Петражицкій,
Левъ Іосифовичъ.
Г. С.-Петерб.

Набоковъ,
Владиміръ Дмитріевичъ.
Гор. С.-Петерб.

Родичевъ,
Ѳедоръ Измаиловичъ.
Тверской губ.

Герценштейнъ,
Михаилъ Яковлевичъ.
Гор. М[illegible]

Пётр Аркадьевич Столыпин, Ковенский губернский предводитель дворянства в 1899 г.

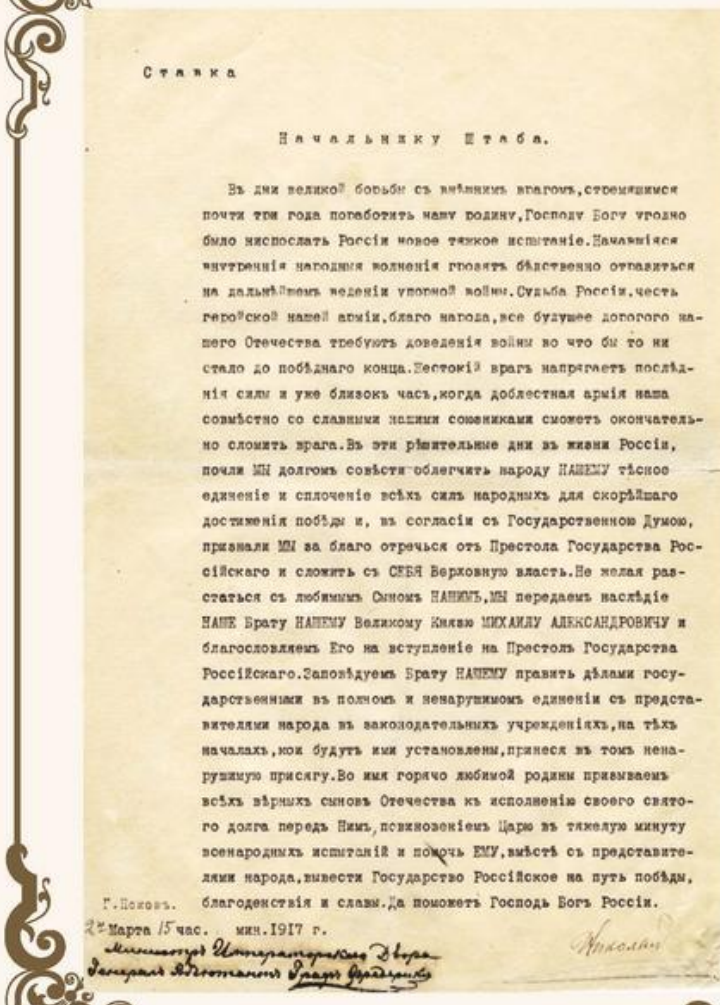
Министр финансов Российской империи
Сергей Юльевич Витте

Габриэль Феликсович Шершеневич

Павел Иванович Новгородцев

20 июля (2 августа) 1914 года. Николай II объявляет войну Германии.

Штаб Балтийского флота. В центре император Николай II, по левую руку – командующий Балтийским флотом адмирал Н. О. Эссен. 1915 г.



Ставка

Начальнику Штаба.

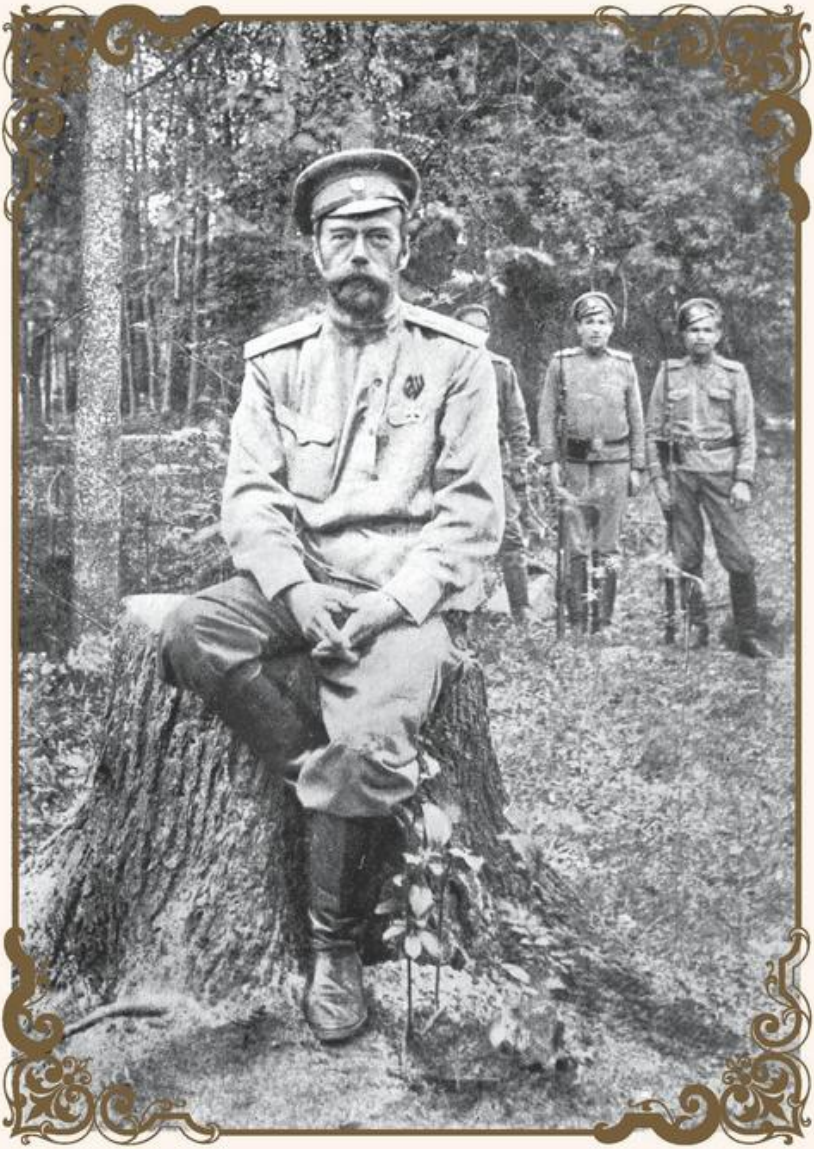
Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца. Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша совмѣстно со славными нашими союзниками сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи, почли МЫ долгомъ совѣсти облегчить народу НАШЕМУ тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственною Думою, признали МЫ за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сломить съ СЕБЯ Верховную власть. Не желая разстаться съ любимымъ Сыномъ НАШИМЪ, МЫ передаемъ наслѣдіе НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляемъ Его на вступленіе на Престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ Брату НАШЕМУ править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ, на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ Нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь ЕМУ, вмѣстѣ съ представителями народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

Г. Псковъ.
2-е Марта 15 час. мин. 1917 г.

Николай

Министръ Императорскаго Двора
Генералъ Адъютантъ Графъ Фредериксъ

Отречение от престола императора Николая II 2 марта 1917 года. Машинопись. 35 × 22. В правом нижнем углу карандашом подпись Николая II: Николай; в левом нижнем углу черными чернилами поверх карандаша заверительная надпись рукой Владимира Фредерикса: министр императорского двора генерал-адъютант граф Фредерикс



Фотография Николая Романова, сделанная после его отречения в 1917 году в Царском Селе

ЛУЧШИЕ КНИГИ О БИЗНЕСЕ С ЛОГОТИПОМ ВАШЕЙ КОМПАНИИ? ЛЕГКО!

Удивить своих клиентов, бизнес-партнеров, сделать памятный подарок сотрудникам и рассказать о своей компании читателям бизнес-литературы? Приглашаем стать партнерами выпуска актуальных и популярных книг. О вашей компании узнает наиболее активная аудитория.

ПАРТНЕРСКИЕ ОПЦИИ:

- Специальный тираж уже существующих книг с логотипом вашей компании.
- Размещение логотипа на супер-обложке для малых тиражей (от 30 штук).
- Поддержка выхода новинки, которая ранее не была доступна читателям (50 книг в подарок).

ПАРТНЕРСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ:

- Рекламная полоса о вашей компании внутри книги.
- Вступительное слово в книге от первых лиц компании-партнера.
- Обращение первых лиц на суперобложке.
- Отзыв на обороте обложки вложение информационных материалов о вашей компании (закладки, листовки, мини-буклеты).

ЛОГО
ЛОГОТИП ВАШЕЙ КОМПАНИИ НА ОБЛОЖКЕ
КНИГА О БИЗНЕСЕ
ЛОГОТИП НА КОРЕШКЕ
ПОЛЕЗНЫЙ И ИНТЕРЕСНЫЙ ТЕКСТ О ВАШЕЙ КОМПАНИИ ДЛЯ КЛИЕНТОВ
ТЕКСТ ДЛЯ КЛИЕНТОВ НА ОБЛОЖКЕ

У вас есть возможность обсудить свои пожелания с менеджерами корпоративных продаж. Как?

Звоните:
+7 495 411 68 59, доб. 2261

Заходите на сайт:
eksmo.ru/b2b

notes

Примечания

1

Константин Алексеевич Неволин (1806–1855) – ученик и соратник М. М. Сперанского, один из основоположников отечественной правовой науки и юридического образования. Участвовал в подготовке Полного собрания законов Российской империи (далее по тексту – ПСЗРИ) и Свода законов Российской империи. Ректор Киевского университета, заведующий кафедрой гражданских законов Санкт-Петербургского университета. Автор фундаментальных работ: трехтомного труда «История российских гражданских законов» (1851) и «Энциклопедии законоведения» (1839–1841).

2

См. современное издание работы: *Неволин К. А.* История российских гражданских законов. Часть первая: Введение и книга первая о союзах семейственных. М.: Статут, 2005. С. 188–189.

3

Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 7-е изд. Пг.; Киев: Кн. магазин Н. Я. Оглоблина, 1915. С. 4.

4

Подробнее см.: *Крашенинников П.* Времена и право. М.: Статут, 2016. С. 11–29.

5

В самом Риме этот «закон получил значение стража народных прав», – писал С. А. Муромцев. (См.: *Муромцев С. А.* О консерватизме римской юрисдикции: опыт по истории римского права. М., 1875. С. 13–14.)

6

См., например: *Штаерман Е. М.* От гражданина к подданному // Культура Древнего Рима. Т. I. М.: Наука, 1985. С. 24, 31, 53.

7

Константин родился в феврале 272 г. в городе Наисс (сейчас город Ниш, юго-восток Сербии) в семье императора Констанция и его жены Елены. Родители Константина терпимо отнеслись к христианству, что было совсем нехарактерно для верхов Римской империи. Как известно, Елена (святая Елена) много сделала для утверждения и развития христианства. В 324 г. Константин стал императором.

Перетерский И. С. Дигесты Юстиниана: очерки по истории становления и общая характеристика. М.: Юрид. лит., 1956. С. 12.

9

См.: История Византии: В 3 т. / Отв. ред. акад. С. Д. Сказкин. Т. 1. М.: Наука, 1967. С. 132–133.

10

Там же. С. 165.

11

См.: История Византии: В 3 т. / Отв. ред. акад. С. Д. Сказкин. Т. 1. М.: Наука, 1967. С. 219–220.

12

См.: *Крашенинников П. В.* Античное право: очерки истории. М.: Статут, 2018. С. 93–94.

13

Свод римских гражданских законов – неофициальное название, широко использующееся с XII века в правовой и исторической литературе всего мира.

14

См.: *Крашенинников П.* Античное право: очерки истории. М.: Статут, 2018. С. 95–105.

15

См.: Культура Византии. IV – первая половина VII в. / Отв. ред. З. В. Удальцова. М.: Наука, 1984. С. 358.

16

См. подробнее: *Бенешевич В. Н.* Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика: к древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. СПб: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1914.

17

Дашков С. Б. Императоры Византии. М.: ИД «Красная площадь», «АПС-книги», 1996. С. 129–130.

Цыпин В. А. Церковное право. Электронный ресурс: https:// sedmitza. ru/lib/text/432368.

19

О браке Ивана III и его второй жены Софьи см. § 1 главы 2.

20

Подробнее см.: *Крашенинников П.* Времена и право. М.: Статут, 2016. С. 181–219.

21

Только Новгородская первая летопись старшего извода (Синодальный список) сохранила до наших дней более или менее цельный текст первой редакции «Повести» в составе свода 1118 года с поправками Добрыни Ядрейковича 1225–1228 годов. См.: *Лихачев Д. С.* Великое наследие (Классические произведения литературы Древней Руси). М.: Современник, 1980; *Никитин А. Л.* Инок Иларион и начало русского летописания. Исследование и тексты. М.: Аграф, 2003.

22

В 1815 году литератор и придворный историограф Н. М. Карамзин выпустил свой главный труд – «История государства Российского». Значительная часть «Истории» Карамзина основывается на «Повести временных лет». Книга, написанная на понятном языке и поддержанная престолом, стала очень популярна у общества и ряда историков.

23

По разным данным, то ли скандинав, то ли финн, а может быть, славянин из южной Прибалтики.

24

Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1 / Под ред. В. Л. Янина; Послесл. и коммент. сост. В. А. Александров, В. Г. Зимина. М.: Мысль, 1987. С. 169.

25

См.: *Филиппов А. Н.* Учебник истории русского права (Пособие к лекциям). Ч. I. 5-е изд., изм. и доп. Юрьев: Тип. К. Матиссена, 1914. С. 55–67; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. 7-е изд. Пг.; Киев: Кн. магазин Н. Я. Оглоблина, 1915. С. 91–92; *Исаев А. И.* История государства и права России: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2007. С. 35.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 2 кн. Кн. 1. М.: Эксмо, 2022. С. 82.

27

Малуша, по преданию, была ключницей Ольги и сестрой былинного богатыря Добрыни.

28

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Эксмо, 2015. С. 7–8.

29

Ислам, латинское христианство и иудаизм не подходили Владимиру в силу исторических причин и обычаев славян: мусульмане запрещали алкоголь, иудеи потеряли государство, а латиняне подчинялись папе.

30

Этот памятник древнейшего русского права был открыт Татищевым в Новгородской летописи письма исхода XV века. Татищев оценил его важность, выписал из летописи, перевел, снабдил примечаниями и представил в 1738 году в Академию наук. Там Русская Правда оставалась без движения почти в течение 30 лет, и только Шлецер отдал ей должное и впервые напечатал в 1767 году. С этого времени она сделалась предметом изучения. (См.: *Сергеевич В.* Лекции и исследования по древней истории русского права. 4-е изд., доп. и испр. СПб: Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. С. 46–47.)

31

См. подробнее: *Крашенинников П.* Античное право: очерки истории. М.: Статут, 2018. С. 114.

32

«Римское законодательство о браке было преобразовано, согласно с духом Евангелия и по указаниям закона, данного Богом… В этом преобразованном виде, как плод образованности древнего мира, очищенный и оживотворенный христианским началом, оно сообщено было новым народам, жившим вне пределов Римской империи. От Церкви римско-католической, из Рима, столицы Западной Римской империи, оно было сообщено народам германским; от Церкви православной греко-восточной, из Константинополя, столицы Восточной Римской империи, – славянским народам». (*Неволин К. А.* История российских гражданских законов. Ч. 1: Введение и книга первая о союзах семейственных. М.: Статут, 2005. С. 229.)

33

Карамзин Н. М. История государства Российского: В XII т.: В 3 кн. Кн. 1. Т. I–IV. Послесл., коммент. А. Ф. Смирнова. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 141.

34

«Право отыскивалось по суду (в древности) почти исключительно присягою или свидетельскими показаниями, послушеством, главный момент которого также составляет присяга. Отсюда понятно, что имя правда могло быть перенесено с права как цели суда на то действие, которым эта цель на суде достигалась. Дальнейшее развитие понятия правды в смысле присяги (и не на суде) легко понять обособливо, если припомнить, что правдою называлось право вообще, а присяга была во всяком случае его утверждением». (*Мрочек-Дроздовский П.* Исследования о Русской Правде. Выпуск II. Текст Русской Правды с объяснением отдельных слов. М.: Университетская типография (М. Катков) на Страстном бульваре, 1885. С. 21.)

35

Готье Ю. В. Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад: Тип. И. И. Иванова, 1915. С. 9.

Там же.

37

См.: *Готье Ю. В.* Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад: Тип. И. И. Иванова, 1915. С. 9–13.

38

Загоровский А. И. Курс семейного права. 2-е изд., с пер. и доп. Одесса: Тип. Акционерного Южно-Русского О-ва Печатного Дела, 1909, С.–414.

39

Никольский В. О началах наследования в древнейшем русском праве. Историческое рассуждение. М.: Университетская типография, 1859. С. 372–373.

Мрочек-Дроздовский П. Исследования о Русской Правде. Выпуск II. Текст Русской Правды с объяснением отдельных слов. М.: Университетская типография (М. Катков) на Страстном бульваре, 1885. С. XIII.

Повесть временных лет / Пер. Д. С. Лихачева. Электронный ресурс: http://www.hrono.ru/dokum/1000dok/povest.php.

42

Борис и Глеб – князья-страстотерпцы, подражавшие подвигу угодников Божиих. Оба предпочли смерть войне с братом Святополком. В 1115 году мощи Бориса и Глеба были торжественно перенесены в новую каменную церковь в Вышгороде.

Филюшкин А. И. Титулы русских государей. М.; СПб: Альянс-Архео, 2006. С. 16.

44

В. О. Ключевский указывал на то, что «в московской же летописи, составленной при Грозном, повествуется, что Владимир Мономах, вокняжившись в Киеве, послал воевод своих на Царьград воевать этого самого царя греческого Константина Мономаха, который с целью прекратить войну отправил в Киев с греческим митрополитом крест из животворящего древа и царский венец со своей головы, т. е. мономахову шапку с сердоликовой чашей, из которой Август, царь римский, веселился, и с золотою цепью» (*Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2 / Под ред. В. Л. Янина; Послесл. и коммент. сост. В. А. Александров, В. Г. Зимина. М.: Мысль, 1987. С. 117.)

45

Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. III. Политическая мысль в России: X – первая половина XIX в. / Нац. обществ. – науч. фонд Акад. полит. науки: Ред. – науч. совет: Г. Ю. Семигин и др. М.: Мысль, 1997. С. 46.

См.: *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2 / Под ред. В. Л. Янина; Послесл. и коммент. сост. В. А. Александров, В. Г. Зимина. М.: Мысль, 1987. С. 51.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 2 кн. Кн. 1. М.: Эксмо, 2022. С. 168.

Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Ч. 2. Права семейственные, наследственные и завещательные. М.: Статут, 2003. С. 275.

49

В литературе высказано мнение о том, что древнейшая часть грамоты дана «Пскову Александром Невским самое позднее в половине XIII века, между 1242 и 1263 годами» (См.: *Энгельман И. Е.* О давности по русскому гражданскому праву: историко-догматическое исследование. М.: Статут, 2003. С. 132). Также следует обратить внимание на то, что Энгельман называл Псковскую судную грамоту Псковской Правдой, поскольку значение и содержание ее шире грамоты.

Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 7-е изд. Пг.; Киев: Кн. магазин Н. Я. Оглоблина, 1915. С. 97.

51

История отечественного государства и права: В 2 ч. Ч. 1 / Под ред. О. И. Чистякова. 5-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2012. С. 108.

52

Улус Джучи (Страна Джучи) – средневековое многонациональное государство на землях центральной Евразии, которое на основе тюркского этноса объединило в своем составе множество разных племен, народов и стран во главе с династией Джучидов (от имени старшего сына Чингисхана). В 1207–1266 годах находилось в составе Монгольской империи. В 1266 году при хане Менгу-Тимуре обрело полную самостоятельность, сохранив только формальную зависимость от имперского центра. В начале 1320-х годов при хане Узбеке государственной религией стал ислам. К середине XV века Улус Джучи распался на несколько самостоятельных ханств; его центральная часть, номинально продолжавшая считаться верховной, – Большая Орда – прекратила существование в начале XVI века.

53

Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2 / Под ред. В. Л. Янина; Послесл. и коммент. сост. В. А. Александров, В. Г. Зимина. М.: Мысль, 1987. С. 41.

54

Выделено в 1263 году по завещанию великого князя Владимирского Александра Ярославича Невского из состава Владимирского великого княжества его младшему сыну – князю Даниилу Александровичу. Возвышению Москвы и укреплению ее авторитета на Руси способствовал перенос кафедры Киевского митрополита Петра из Владимира в Москву в 1325 году. Начиная с 1330-х годов московские князья проводили активную политику по собиранию русских земель.

55

Великое княжество Литовское существовало с середины XIII века на территориях, частично или полностью относящихся к современным Белоруссии, Литве, Украине, России (юго-западные земли, включая Смоленск, Брянск и Курск), Польше, Эстонии и Молдавии. Обширные земли Руси, попавшие под власть Великого княжества Литовского и составлявшие львиную долю его территории, именовались Литовской Русью. В XV–XVI веках Великое княжество Литовское – соперник Великого княжества Московского в борьбе за господство на восточнославянских землях и в целом в Восточной Европе. Прекратило существование после Третьего раздела Речи Посполитой в 1795 году. К 1815 году вся территория бывшего княжества вошла в состав Российской империи.

56

Современный исследователь государства и права Золотой Орды Р. Ю. Почекаев указывает на то, что «начало сильнейшего политического кризиса в Золотой Орде второй половины XIV века, известного по русским летописям как „Замятня великая“, традиционно принято относить к 1359 году: в этом году был убит (или умер) Бердибек, последний законный хан из дома Бату (Батыя русских летописей), после чего началась борьба за власть между различными ветвями разветвленного семейства Джучидов. Представляется, что начало смуты следует относить все же к 1358 году: именно в этом году при живом и легитимном хане Бердибеке предъявил права на трон Кульна, начавший чекан собственной монеты и в конце концов сменивший Бердибека на троне» (*Почекаев Р. Ю.* Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М.: Юрлитинформ, 2015. С. 46).

Христианизация в период жизни князя Владимира происходила во всех соседних славянских регионах. И на Руси она фактически уже шла снизу; первой приняла христианство бабка Владимира Ольга, а при подписании договора с Византией в 944 году русские правители использовали как языческую, так и христианскую ритуалистику. Владимир ускорил и возглавил этот процесс.

58

Большинство европейских народов вплоть до времени Реформации не имели переводов Священного Писания на свои национальные языки. Только одно духовенство, изучавшее латынь, имело непосредственный доступ к источникам христианского просвещения, что отделяло его высокой стеной от «непосвященных мирян». В России этого духовного различия между клиром и мирянами не существовало.

Зернов Н. М. Вселенская Церковь и русское православие. Электронный ресурс: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Zernov/vselenskaja-tserkov-i-russkoe-pravoslavie/3.

Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989. С. 45.

61

Согласно духовной грамоте Ивана Калиты, Москва находилась в совместном владении всех князей московского дома, и они обладали правом суда над населением Москвы. Выделение удельным князьям долей в пределах Москвы напоминало выделение собственником-вотчинником долей своим наследникам. С Москвой, таким образом, великий князь Московский поступал не как с государством, но как с вотчиной, разделяя ее среди сыновей-наследников. (Очерки истории СССР. XIV–XV вв. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 156.)

Кавелин К. Д. Указ. соч. С. 47.

Зимин А. А. Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. С. 8.

Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949. С. 185. Цит. по: *Борисов Н. С.* Иван III. М.: Молодая гвардия, 2000. (Серия «Жизнь замечательных людей»). Электронный ресурс: https://www.litmir.me/br/?b=95063&p=59.

65

Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2 / Под ред. В. Л. Янина; Послесл. и коммент. сост. В. А. Александров, В. Г. Зимина. М.: Мысль, 1987. С. 46.

Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской исто-рии и культуры. М.: Правда, 1989. С. 48–49.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 2 кн. Кн. 1. М.: Эксмо, 2022. С. 267.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 2 кн. Кн. 1. М.: Эксмо, 2022. С. 267–268.

69

Такой титул, происходивший от древнеримского «цезарь», русские впервые применили к византийскому императору, а затем к монгольскому хану.

Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2 / Под ред. В. Л. Янина; Послесл. и коммент. сост. В. А. Александров, В. Г. Зимина. М.: Мысль, 1987. С. 32.

71

См.: *Готье Ю. В.* Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад: Тип. И. И. Иванова, 1915. С. 49.

Термин М. Вебера (*Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4 т. / Сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Т. 1. Социология).

Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. 4-е изд. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1909. С. 3.

Мининкова Л. В. Теория вотчинного государства и особенности российской истории // Новое прошлое. 2018. № 3. С. 116.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Эксмо, 2015. С. 182.

Ермолаев И. П. Становление российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: взгляд на проблему. Казань: Изд-во Казанского университета, 2004. С. 11.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Эксмо, 2015. С. 200.

78

См.: *Филиппов А. Н.* Учебник истории русского права. Пособие к лекциям. Ч. I. 5-е изд., изм. и доп. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1914. С. 273.

См.: *Борисов Н. С.* Иван III. М.: Молодая гвардия, 2000. (Серия «Жизнь замечательных людей»). Электронный ресурс: https:// www.litmir.me/ br/?b = 95063&p = 201.

Филиппов А. Н. Учебник истории русского права. Пособие к лекциям. Ч. I. 5-е изд., изм. и доп. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1914. С. 278.

Например, в январе 1555 года сибирский хан Едигер просил царя, чтобы он «всю землю Сибирскую взял в свое имя и от сторон ото всех неприятелей заступил, дань свою на них положил и человека своего прислал, кому дань собирать» (*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: В 2 кн. Кн. 1. М.: Эксмо, 2022. С. 376). Завоевание Западной Сибири отрядами казаков, организованными и вооруженными на средства купцов Строгановых, которые получили в 1574 году от Ивана Грозного право осваивать земли по Тоболу и Туре, произошло только в 1583 году.

82

Мумладзе Р. Г., Афонин А. И., Смирнов В. А. История государственного управления: Учебник для бакалавров. М.: Литагент Кнорус, 2015. С. 24.

83

Церковная процедура, видимо, принесенная на Русь византийской царевной Софьей Палеолог, бабушкой Ивана IV. Митрополит Макарий возложил на Ивана знаки царского достоинства: Крест Животворящего Древа, бармы и шапку Мономаха. Иван Васильевич был помазан миром, а затем митрополит благословил царя. (Послание Митрополита Макария Новгородскому Архиепископу Феодосию о совершенном Царском Венчании и вступлении Царя в брак (1547, февраль) // Макарий (Веретенников), Архимандрит. Жизнь и труды Святителя Макария, Митрополита Московского и всея Руси М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002. С. 369–370.) С тех пор цари на Руси – помазанники Божии.

84

Матерью Ивана IV была дочь литовского князя Елена Глинская, на которой Василий III женился при живой первой жене, которую насильно постригли в монахини из-за того, что она никак не могла родить сына. Так что с династической и церковной точек зрения происхождение Ивана было сомнительным.

Боханов А. Н., Морозова Л. Е., Рахматуллин М. А., Сахаров А. Н., Шестаков В. А. История России с древнейших времен до наших дней. М.: АСТ, 2016. С. 105.

86

Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2 / Под ред. В. Л. Янина; Послесл. и коммент. сост. В. А. Александров, В. Г. Зимина. М.: Мысль, 1987. С. 158.

87

Вольные крестьяне, жившие в общинах на окраинах царства, платившие подати и несшие повинности в пользу государства.

Карамзин Н. М. История государства Российского: В XII т.: В 3 кн. Кн. 3. Т. IX–XII. Послесл., коммент. А. Ф. Смирнова. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 10.

89

Сильвестр был направлен в ссылку: вначале в Кирилло-Белозерский монастырь, затем в Соловецкий. Адашев был послан в действующую в Ливонии армию, но вскоре вместе с братом Данилом арестован. Лишь смерть (1561) спасла бывшего главу Избранной рады от дальнейших преследований.

Считается, что число жертв в Новгороде, где тогда проживало не более 30 тысяч человек, достигло 10–15 тысяч.

Назаров В. Д. Иван IV Васильевич // Большая российская энциклопедия. Электронный ресурс: https://bigenc.ru/domestic_history/text/3789529.

92

Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3 / Под ред. В. Л. Янина; Послесл. и коммент. сост. В. А. Александров, В. Г. Зимина. М.: Мысль, 1988. С. 17.

93

Хотя в том же 1550 году Судебник был изготовлен, но на Стоглавом соборе 1551 года (на котором присутствовали не одни духовные лица, но и братья великого князя, князья, бояре и воины) царь предложил его на рассмотрение и утверждение: «Прочтите и разсудите… Аще достойно сие дело, на святем Соборе утвердити, и вечное благословение улучих подписати, на Судебнике и на уставной грамоте…» Подлинник Судебника, подписанный членами собора, должен был храниться «в казне» (где хранились тогда вообще государственные акты). Итак, Судебник должен был получить свою силу только с 1551 года. С изданием Уложения царя Алексея Михайловича и этот Судебник, подобно первому, был забыт и утрачен. Несколько экземпляров его открыл Татищев; сличив их, он собрал дополнительные статьи, присоединил свои примечания (с учебно-практическим направлением) и в таком виде сдал рукопись в Академию наук, но лишь в 1768 году появился в печати этот памятник. С тех пор Судебник был издаваем несколько раз (см.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. 7-е изд. Пг.; Киев: Кн. магазин Н. Я. Оглоблина, 1915. С. 216).

См.: *Готье Ю. В.* Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад: Тип. И. И. Иванова, 1915. С. 48.

Указом, принятым около 1592–1593 годов, запрещался переход крестьян от одного владельца к другому в Юрьев день, а указом 1597 года устанавливался пятилетний срок сыска беглых крестьян.

96

Дмитрий Иванович (19.10.1582, Москва – 15.05.1591, Углич), сын царя Ивана IV Грозного и Марии Нагой. Получил в удел Углич, куда был отправлен вместе с матерью после смерти отца (1584) Борисом Годуновым, опасавшимся соперничества Нагих в борьбе за власть. Погиб в Угличе. Существуют три версии о причинах смерти Дмитрия Ивановича: 1) убит по приказу Бориса Годунова, желавшего устранить претендента на престол; 2) закололся ножом в припадке падучей болезни; 3) убит был не Дмитрий Иванович, которому удалось спастись, а другое лицо. У каждой версии есть разные варианты. Общепринятая версия – об убийстве Дмитрия.

Польши как отдельного государства в то время уже не существовало: в 1569 году Польша и Великое княжество Литовское слились в одно государство – Речь Посполитую. Однако в большинстве источников это государство по-прежнему называют Польшей, хотя бы потому, что непонятно, как называть ее подданных – речепосполитниками, что ли? Однако в число польских наемников входили еще и литовцы, запорожские казаки и другие обитатели Литовского княжества.

98

К концу XVI века в России насчитывалось примерно 220 городов. Крупнейшим городом была Москва, население которой составляло около 100 тысяч человек (в Париже и Неаполе в конце XVI века проживало 200 тысяч человек; в Лондоне, Венеции, Амстердаме, Риме – 100 тысяч). В Новгороде проживало около 30 тысяч. Остальные города России, как правило, имели по 3–8 тысяч человек. В Европе же средний по размеру город XVI века насчитывал 20–30 тысяч жителей. Электронный ресурс: https://infopedia.su/14x1271b.html.

99

Князь Ф. И. Мстиславский, князь И. М. Воротынский, князь А. В. Трубецкой, князь А. В. Голицын, князь Б. М. Лыков, бояре И. Н. Романов и Ф. И. Шереметев.

100

Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3 / Под ред. В. Л. Янина; Послесл. и коммент. сост. В. А. Александров, В. Г. Зимина. М.: Мысль, 1988. С. 64.

101

Великий русский историк Н. И. Костомаров предлагает родословную Романовых. Николай Иванович считает родоначальником рода Романовых Андрея Ивановича Кобылу, упоминает его сына Федора Кошку. При перечислении по степени родства указывается Роман, «отец царицы Анастасии (первой жены Грозного) и брата ее Никиты. С этого Никиты Романовича род стал называться Романовыми». Один из сыновей Никиты, Федор, насильно был пострижен в Сийском монастыре под именем Филарет. Его сын и стал русским царем (см.: *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Эксмо, 2015. С. 378).

102

«Предоставить полный ход правосудию по старым законам страны; никого не судить и не осуждать высочайшей властью; без собора не вводить никаких новых законов, не отягчать подданных новыми налогами и не принимать самомалейших решений в ратных и земских делах» (Смутное время // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. СПб, 1890–1907.

103

История России с древнейших времен до конца XVII века / Под ред. акад. РАН Л. В. Милова, М.: Эксмо, 2007. С. 512–514.

104

Первым, кто описал этот тип государства, был Жан Боден (Jean Bodin; 1529/1530–1596 гг.) – французский политик и юрист, профессор права в Тулузе, автор «Шести книг о государстве» (1576). Боден делит государства на три вида: законные, вотчинные и тиранические. См.: История политических и правовых учений: Учебник для вузов / Под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М.: Инфра-М-Кодекс, 1995. С. 179–183.

105

Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3 / Под ред. В. Л. Янина; Послесл. и коммент. сост. В. А. Александров, В. Г. Зимина. М.: Мысль, 1988. С. 64.

Иван IV искренне не понимал, как может существовать какой-либо иной центр не то что принятия, но и выработки решений. Известно, что Иван вел переписку с королевой Англии Елизаветой, дочерью Генриха VIII и Анны Болейн. В письме к английской королеве Елизавете I он писал: «Мы думали, что ты на своем государстве государыня и сама владеешь и заботишься о своей государевой чести и выгодах для государства… а у тебя другие люди владеют, и не токмо люди, а мужики торговые (имелся в виду английский парламент. – *Прим. авт.*). Ты же пребываешь в своем чине как есть пошлая девица». (Послание английской королеве Елизавете // Древнерусская литература, электронный ресурс: http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/trete-poslanie-kurbskogo-groznomu/poslanie-groznogo-elizavete-i-original.htm.

107

См.: *Готье Ю. В.* Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад: Тип. И. И. Иванова, 1915. С. 58.

108

Имеется в виду случай с королем Англии Карлом I, казненным в 1649 году за его политику насаждения абсолютизма и церковные реформы, вызвавшие восстания в Шотландии и Ирландии и Английскую революцию.

109

«Произволил царь Иван Васильевич, и посадил царем на Москве Симеона Бекбулатовича, и царским венцом его венчал, а сам назвался Иваном Московским и вышел из города, жил на Петровке; весь свой чин царский отдал Симеону, а сам „ездил просто“, как боярин, в оглоблях, и как приедет к царю Симеону, осаживается от царева места далеко, вместе с боярами» (*Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В.* Смех в Древней Руси. М.: Наука, 1984. Электронный ресурс: https://www.litmir. me/br/?b=199194&p=6).

110

Якобы под Иваном Грозным неожиданно пал любимый конь, и суеверный самодержец поспешил убраться восвояси.

111

Идея ограничения власти царя была не новой. Ограничительную запись дал царь Василий Шуйский. Правовые гарантии были внесены в договоры об избрании на русский престол польского королевича Владислава. То был, по определению В. О. Ключевского, «первый опыт построения государственного порядка на основе формального ограничения верховной власти», с которым в 1613 году столкнулись и Романовы (*Ключевский В. О.* О русской истории. М.: Просвещение, 1993. С. 301).

112

Михаил приходился двоюродным племянником последнему царю из династии Калиты, что дало Михаилу Федоровичу основание называть Ивана Грозного своим дедом.

113

Четвертные приказы – центральные государственные учреждения России второй половины XVI–XVII веков с финансовыми и административно-судебными функциями по отношению к тяглому населению определенных территорий государства.

Сергеевич В. Древности русского права. Т. 2: Вече и князь. Советники князя. 3-е изд., с поправ. и доп. СПб: Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. С. 596.

115

Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 30.

116

Путешествие в Московию барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, послов Августейшего Римского Императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом. М.: Императорское Общество Истории и Древностей Российских при Московском Университете, 1874. С. 119.

117

Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века / Под ред. Н. Е. Носова. Л.: Наука, 1986. № 310. С. 213.

118

См.: *Андреев И. Л.* Алексей Михайлович. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 43.

Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 46.

Смирнов С. Древнерусский духовник. М.: Синодальная типография, 1913. С. 253.

Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 67.

122

Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви: В 2 т. М.: YMCA-PRESS, 1991. Т. 2. С. 121.

123

Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович: В 2 т. Сергиев-Посад: Тип. Св. – Троиц. Сергиевой лавры, 1909–1912. Т. 2. С. 126.

124

См.: Соборное постановление «О лишении Никона сана Патриарха» (1666) // Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. III. Политическая мысль в России: X – первая половина XIX в. / Нац. обществ. – науч. фонд Акад. полит. науки; Ред. – науч. совет: пред. совета Г. Ю. Семигин и др. М.: Мысль, 1997. С. 351–360.

Румянцева В. С. Ртищевская школа // Вопросы истории. 1983. № 5. С. 182–183.

126

Никита Иванович Одоевский родился, по некоторым данным, в 1600 году, по другим – в 1605-м, умер в 1689 году. Возглавлял комиссию по подготовке проекта Соборного уложения царя Алексея Михайловича, а также подготовку и проведение Земского собора, на который были приглашены не только члены Собора, но и выборные «из стольников, и из стряпчих, и из дворян…». Комиссия не только систематизировала действующие правовые акты и готовила новые нормы, но и обрабатывала челобитные участников Собора. По поручению Ивана III Одоевский занимался разными видами государственной деятельности, в том числе военной и дипломатической, а также в 1666 году выступил в роли обвинителя на Соборе, созванном для низложения патриарха Никона.

127

Базилевич К. В. Городские восстания в Московском государстве XVII в.: Сб. док. / Сост. и авт. ввод. статьи и примеч. К. В. Базилевич. М.; Л.: Соцэкгиз, 1936. С. 37.

Чистякова Е. В. Народное движение в России в середине XVII в. Дис. на звание д. и. н. М., 1966. С. 604.

129

Измученные помещиками крестьяне перебирались из тягловых черных слобод в так называемые белые слободы. Последние принадлежали духовенству, старой аристократии и были замечательны тем, что их население было освобождено, «обелено» от тягла, т. е. налогов. Заложившись за владельца такой слободы, посадские люди надеялись обрести покой и относительное благосостояние, мало совместимое с исполнением тягла и государевых служб.

130

Зипунникова Н. Н. Соборному уложению – 360 лет // Академический юридический журнал. 2009. № 3 (37). С. 56–65.

131

Много лет спустя Петр I поинтересовался у князя Я. Ф. Долгорукова, в чем он как государь преуспел, а в чем отстал от своего отца. Яков Федорович мог сравнивать – за его плечами стояла долгая жизнь. Восславив многие деяния царя-реформатора, старый боярин отметил и упущения: отстал Петр «во внутренней россправе», где «главное дело ваше есть правосудие». «В сем отец твой больше, нежели ты, сделал», – резюмировал Яков Долгорукий. В самом деле, страна и после Петра жила во многом по Соборному уложению (*Андреев И. Л.* Алексей Михайлович. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 60).

Шершеневич Г. Ф. Избранное: В 6 т. Т. 2 / Вступ. слово, сост.: *П. В. Крашенинников*. 2-е изд., стер. М.: Статут, 2017. С. 405.

133

См.: Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / Под ред. М. К. Любавского. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1907. Название глав после точки указывало, сколько в ней статей («А в ней…»).

Сергеевич В. Древности русского права. Т. 2: Вече и князь. Советники князя. 3-е изд., с поправ. и доп. СПб: Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. С. 622.

135

В результате в 1649 году был издан указ о выдворении из России любимцев Ивана Грозного – английских купцов. «Исполнено и давнее желание купцов – было издано царское повеление: „Вам, англичанам, со всем своим имением ехать за море, а торговать с московскими торговыми людьми всякими товарами, приезжая из-за моря, у Архангельского города; в Москву же и другие города с товарами и без товаров не ездить. Да и потому вам, англичанам, в Московском государстве быть не довелось, что прежде торговали вы по государевым жалованным грамотам, которые даны вам по прошению государя вашего английского Карлуса короля для братской дружбы и любви, а теперь великому государю нашему ведомо учинилось, что англичане всею землею учинили большое злое дело, государя своего Карлуса короля убили до смерти: за такое злое дело в Московском государстве вам быть не довелось“» (*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: В 2-х кн. Кн. 1. М.: Эксмо, 2022. С. 565).

136

См.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. 7-е изд. Пг.; Киев: Кн. магазин Н. Я. Оглоблина, 1915. С. 361–362.

Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 59.

138

Тельберг Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М.: Тип. Императорского Московского ун-та, 1912. С. 104.

139

Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин родился предположительно в 1605 году недалеко от Пскова, умер в 1680 году. Получил образование в Пскове, а затем, как подающий надежды, в Москве, знал много языков. Занимался дипломатией и системой управления. Обеспечивал сбор и анализ информации о государственной власти в Речи Посполитой, Швеции и др., участвовал в подготовке и заключении многих мирных договоров. По поручению царя готовил разные документы, в том числе нормативного характера, что неизбежно сталкивало его с Н. И. Одоевским. Считалось, что Одоевский – более старшего поколения (несмотря на то что разница у них была пять лет) – за счет происхождения и большего срока близости к царю. Одоевский подозревал Ордина-Нащокина в симпатиях к опальному патриарху Никону. В 1665 году Ордин-Нащокин организовал в Пскове первый русский банк, который назывался «Земская изба», однако новоиспеченная кредитная организация просуществовала недолго: ни общество, ни купечество не оценило идею, во всяком случае в то время. Зато идея подготовить понятный всем свод торговых правил (Новоторговый устав) была встречена с восторгом, поскольку необходимость для всех была очевидна. При откровенном преимуществе русских купцов перед иностранными, однако, для последних это был плюс, поскольку уменьшилось влияние и мздоимство управленцев, определенности стало больше.

Краснокутский В. А. Русский торговый процесс. М.: Кн. магазин «Студенческое издательство», 1915. С. 16.

141

Ряд исследователей считает, что Крижанич родился в городе Бихч (современный Бихач), ныне Босния и Герцеговина, в обнищавшей дворянской семье.

142

Приказ Большого двора (условный аналог Управления делами) занимался обеспечением жизни и деятельности царя и дворца.

Емельянов Б. В. Феномен Юрия Крижанича // Культура и текст. 2012. № 1. С. 85–86.

Крижанич Ю. Политика / Пер. и коммент. А. Л. Гольдберга. М.: Наука. 1965. С. 456. Электронный ресурс: https://booksee.org/book/1473956.

145

Крижанич Ю. Рассуждение о св. крещении и обличение Соловецкой челобитной. Цит. по: *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Второй отдел. М.: Public Domain, 2008. С. 264.

Там же С. 263.

147

Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 3 / Под ред. В. Л. Янина; Послесл. и коммент. сост. В. А. Александров, В. Г. Зимина. М.: Мысль, 1989. С. 233.

Политика / Пер. и коммент. А. Л. Гольдберга. М.: Наука. 1965. С. 469–470, 478–479. Электронный ресурс: https://booksee.org/book/1473956.

149

Там же. С. 485.

Политика / Пер. и коммент. А. Л. Гольдберга. М.: Наука. 1965. С. 587.

151

Крижанич Ю. О промысле. Цит. по: Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Второй отдел. М.: Public Domain, 2008. С. 262.

Крижанич Ю. Политика / Пер. и коммент. А. Л. Гольдберга. М.: Наука. 1965. С. 454. Электронный ресурс: https://booksee.org/book/1473956.

153

Крижанич Ю. Политика / Пер. и коммент. А. Л. Гольдберга. М.: Наука. 1965. С. 648–649. Электронный ресурс: https://booksee.org/book/1473956.

Крижанич Ю. Политика / Пер. и коммент. А. Л. Гольдберга. М.: Наука. 1965. С. 381.

Там же. С. 576–578.

Там же. С. 588.

Крижанич Ю. Политика. С. 583–584.

Там же. С. 381.

Крижанич Ю. Политика. С. 593.

160

Там же. С. 600–603.

Крижанич Ю. Политика. С. 560.

162

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Второй отдел. М.: Public Domain, 2008. С. 260.

163

Крижанич Ю. Политика / Пер. и коммент. А. Л. Гольдберга. М.: Наука. 1965. С. 497. Электронный ресурс: https://booksee.org/book/1473956.

Там же. С. 379.

165

Крижанич Ю. Политика. С. 513–514.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Второй отдел. М.: Public Domain, 2008. С. 265.

Крижанич Ю. Политика / Пер. и коммент. А. Л. Гольдберга. М.: Наука. 1965. С. 505. Электронный ресурс: https://booksee.org/book/1473956.

168

Крижанич Ю. Разговоры об владетельству. Цит по: Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Второй отдел. М.: Public Domain, 2008. С. 260.

169

Крижанич Ю. Разговоры об владетельству. С. 261.

См.: *Бережков М. Н.* План завоевания Крыма, составленный в царствование государя Алексея Михайловича ученым славянином Юрием Крижаничем. СПб: Тип. В. С. Балашова, 1891.

171

Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989. С. 381.

См.: *Семигин Г. Ю.* Российские правовые доктрины. М.: Мысль, 2005. С. 202.

173

Стихотворение С. Я. Маршака «Начало дня».

Да, Уложение можно было купить за огромные по тем временам деньги – 1 рубль, но вряд ли многие позволили себе столь разорительные траты.

175

См.: *Анисимов Е. В.* Петр Великий: личность и реформы. СПб: Питер, 2009. С. 5. 'Электронный ресурс: http://history.pstu.ru/wp-content/uploads/2014/04/evgeniy-anisimov-petr-velikiy-lichnost-i-reformyi.pdf

176

Официально позиция Московского государства по вопросу антитурецкой коалиции впервые была обозначена во время переговоров Василия III с послами Священной Римской империи: Московское государство всегда было оплотом христианской веры и «наперед стояти и боронити христианство от бесерменства хотим» (Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными: В 2 ч. Ч. 1: Сношения с государствами европейскими. СПб: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1851–1871. С. 376).

177

Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 2 кн. Кн. 2. М.: Эксмо, 2022. С. 6.

См.: *Анисимов Е. В.* Петр Великий: личность и реформы. СПб: Питер, 2009. С. 9. Электронный ресурс: http://history.pstu.ru/wp-content/uploads/2014/04/evgeniy-anisimov-petr-velikiy-lichnost-i-reformyi.pdf

179

Шершеневич Г. Ф. Избранное: В 6 т. Т. 2, включая Курс гражданского права / Вступ. слово, сост.: *П. В. Крашенинников.* 2-е изд., стер. М.: Статут, 2017. С. 425, 427.

180

Указ от 22 февраля 1711 года «Об учреждении Правительствующего Сената и о персональном составе» (Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 4. М.: Юрид. лит., 1986. С. 172); указ от 2 марта 1711 года «О поручении Правительствующему Сенату попечения о правосудии, об устройстве государственных доходов, торговли и других отраслей государственного хозяйства» (ПСЗРИ. Собр. 1. СПб, 1830. Т. IV. № 2330).

181

Указ Петра от 2 марта 1711 года «О послушании всех Сенату и его указам», где ослушникам угрожала смертная казнь (ПСЗРИ. Собр. 1. СПб, 1830. Т. IV. № 2328).

Ведала вопросами гражданского судопроизводства. При ней действовала Крепостная контора, которая регистрировала различные акты – купчие, о продаже вотчин, духовные завещания, долговые обязательства.

183

«Генеральный Регламент или Устав, по которому Государственныя Коллегии, також и все оных принадлежащих к ним Канцелярий и Контор служители, не токмо во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина, подданнейше поступать имеют. От 28 февраля 1720 года» // Памятники русского права / Под ред. К. А. Софроненко. Вып. 8. Законодательные акты Петра I. М., 1961. С. 72–105.

Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 4. М.: Юрид. лит., 1986. С. 190.

Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Под сенью русского орла. Генерал-прокуроры России. М.: Спика, 1996. С. 12.

186

Указ от 5 марта 1711 года «О порядке заседаний и делопроизводства в Правительствующем Сенате и о должности обер-фискала» // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб, 1830. Т. IV, № 2331.

187

Указ от 4 сентября 1713 года // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб, 1830. Т. V, № 2710.

188

Преображенский приказ был учрежден в 1686 году для управления Преображенским и Семеновским (тогда еще потешными) полками. Позднее он стал также следить за общественным порядком в Москве и управлять продажей табака, а позже – вести уголовные дела и дела против противников реформ, в том числе с помощью пыток.

189

Тайная канцелярия была учреждена в 1718 году специально для следствия по делу царевича Алексея. Позднее стала вести особо важные дела против инакомыслящих.

Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 4. М.: Юрид. лит., 1986. С. 56–62.

191

Впрочем, такая ситуация продолжалась недолго. Так, указом от 31 января 1724 года «О непроизвождении в секретари приказных, которые дворянства не имеют» было запрещено определять в секретари учреждений (10-й класс в «Табели о рангах») недворян, чтобы они не могли «в асессоры, советники и выше происходить» (соответственно 8-й, 9-й и более высокие классы в «Табели о рангах»). Исключение делалось только для наиболее талантливых (ПСЗРИ. Собр. 1. СПб, 1830. Т. VII. № 4449).

ПСЗРИ. Собр. 1. СПб, 1830. Т. IV. № 2036.

Петр I: биография, история, увлечения // Электронный ресурс: https://www.culture.ru/s/petr-i.

Электронный ресурс: https://historical-persons.ru/petr-i-velikij.

195

Законодательство Петра I / Отв. ред. А. А. Преображенский, Т. Е. Новицкая. М.: Юрид. лит., 1997. С. 698.

Шершеневич Г. Ф. Учебник гражданского права (по изданиям 1912 и 1914–1915 гг.): В 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2021. С. 725.

ПСЗРИ. Собр. 1. СПб, 1830. Т. VI. № 3711.

198

Готье Ю. В. Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад: Тип. И. И. Иванова, 1915. С. 106.

ПСЗРИ. Собр. 1. СПб, 1830. Т. V. № 3151.

Российское законодательство X–XX веков. М., 1986. Т. IV. С. 179.

201

Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4 / Под ред. В. Л. Янина; Послесл. и коммент. сост. В. А. Александров, В. Г. Зимина. М.: Мысль, 1989. С. 204.

Анисимов Е. В. Пётр Великий: личность и реформы. СПб: Питер, 2009. С. 17. Электронный ресурс: http://history.pstu.ru/wp-content/uploads/2014/04/evgeniy-anisimov-petr-velikiy-lichnost-i-reformyi.pdf

203

Там же. С. 18.

Ермолаев И. П. Становление российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. Казань: Изд-во Казанского университета, 2004. С. 11.

205

ПСЗРИ. Собр. 1. СПб, 1830. Т. IV. С. 192–195.

Сенат и некоторые коллегии (например, Юстиц-коллегия) тоже издавали указы, но они не были самодеятельностью управленцев, а точно отражали волю императора. К тому же такие указы принимались, что называется, на злобу дня и не носили принципиального характера.

207

Подробнее см.: *Сафронова А. М. Кравченко О. С.* Законодательство о цифирных школах России первой половины XVIII века // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: гуманитарные науки. 2015, № 1 (136). С. 112–126.

Анисимов Е. В. Петр Великий: личность и реформы. СПб: Питер, 2009. С. 20. Электронный ресурс: http://history.pstu.ru/wp-content/ uploads/2014/04/evgeniy-anisimov-petr-velikiy-lichnost-i-reformyi.pdf

209

Анисимов Е. В. Петр Великий: личность и реформы. СПб: Питер, 2009. С. 33.

Анисимов Е. В. Пётр Великий: личность и реформы. СПб: Питер, 2009. С. 32–33.

211

«Вместо всех нынешних разделений свободного народа русского на свободнейшие классы дворянства, купечества и проч. я вижу в России два состояния – рабы государевы и рабы помещичьи. Первые называются свободными только по отношению ко вторым, действительно свободных людей в России нет, кроме нищих и философов. Если монархическое правление должно быть нечто более, нежели призрак свободы, то, конечно, мы не в монархическом еще правлении» (*Сперанский М. М.* Проекты и записки / Подгот. к печати А. И. Копанев и М. В. Кукушкина; Под ред. [и с предисл.] С. Н. Валка. Акад. наук СССР. Ин-т истории. Ленингр. отд-ние. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1961. С. 43).

212

Астраханское восстание 1705–1706 гг., Башкирское восстание 1704–1711 гг., восстание казацкого атамана К. Булавина 1707–1708 гг.

Например, запрещалось принимать на государственную службу рыжеволосых и косоглазых, поскольку, по выражению Петра, «Бог шельму метит». Ну и самые известные цитаты: «Подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим начальство не смущать» и «Быть мытым старательно, без пропускания оных мест».

214

«Петр, выводя народ свой из невежества, ставил уже за великое и то, чтоб уравнять оный державам второго класса» (*Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4 / Под ред. В. Л. Янина; Послесл. и коммент. сост. В. А. Александров, В. Г. Зимина. М.: Мысль, 1989. С. 206).

215

Сперанский М. М. Проекты и записки / Подгот. к печати А. И. Копанев и М. В. Кукушкина; Под ред. [и с предисл.] С. Н. Валка. Акад. наук СССР. Ин-т истории. Ленингр. отд-ние. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1961. С. 45.

216

Указ Верховному тайному совету. 4 августа 1726 года. СПб: Тип. И. Н. Скороходова, 1887.

217

См.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: В 2 кн. Кн. 2. М.: Эксмо, 2022. С. 244.

218

Великая хартия вольностей была подписана английским королем Иоанном Безземельным в 1215 году. Хартия ограничивала власть короля, который обязывался соблюдать феодальные обычаи по отношению к своим вассалам. За выполнением Хартии следил комитет в составе 25 баронов, который имел право на вооруженную борьбу с тираном. Общий совет королевства стал прообразом английского парламента. Только с его согласия могли вводиться экстраординарные налоги. Хартия подтверждала неприкосновенность городских вольностей. Самые известные ее статьи касались правосудия: баронов могли судить только люди равного с ними звания, а горожан – городской суд. Наиболее известная 39-я статья Хартии запрещала арестовывать и конфисковывать имущество свободных людей без законного приговора суда. Хартия устанавливала принцип верховенства закона (См.: *Крашенинников П.* Времена и право. М.: Статут, 2016. С. 157).

219

ПСЗРИ. Собр. 1. СПб, 1830. Т. VIII. № 5633.

220

Надо сказать, что законодательство того времени было сильно запутанным: неразрешимым оставался вопрос, являются ли частновладельческие крестьяне собственниками или собственностью помещиков. Противоречие было разрешено сенатским указом от 19 января 1769 года, в котором подчеркивалось, что земля, на которой жили частновладельческие крестьяне, принадлежит не им, а их владельцам. «Все владельческие земли… принадлежат собственно владельцам, а не поселенным на них крестьянам». ПСЗРИ. Собр. 1. СПб, 1830. Т. VIII. № 13.233.

ПСЗРИ. Собр. 1. СПб, 1830.Т. VIII. № 5789.

ПСЗРИ. Собр. 1. СПб, 1830. Т. VIII. № 6551.

«Но понеже отцы, естественно сожалея своих детей, всеми образы тщилися, не смотря ни на какие свои убытки и разорения, делить детей своих всех по равным частям, и крепили им то продажами и закладами чрез разные руки, а которые того при себе учинить не могли, то другие разные способы к тому искали и подвергли детей своих под великие клятвы, чтоб оставшее после их имения, по смерти их, равно между собою делили, и тем как между детьми, так и родственники, не точию ненависти и ссоры произошли, но некоторые, отважа себя, и до смерти побивали», – так императрица мотивировала в своем указе отмену указа Петра.

ПСЗРИ. Собр. 1. СПб, 1830. Т. VIII. № 5717.

225

См.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. 7-е изд. Пг.; Киев: Кн. магазин Н. Я. Оглоблина, 1915. С. 580.

См.: *Сперанский М. М.* Избранное. Вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2015. С. 206.

227

Цит по: *Шрамко С.* Трактат «Политика» Юрия Крижанича // Электронный ресурс: https://proza.ru/2014/01/08/518

228

Мать бывшего императора Ивана VI и бывшая правительница империи Анна Леопольдовна умерла в марте 1747 года после рождения пятого ребенка. Муж Анны Леопольдовны Антон Ульрих так и прожил всю жизнь в архиерейском доме в Холмогорах. Вместе с ним жили две дочери и два сына, имевшие гораздо больше прав на российский престол, нежели Елизавета и Екатерина II. Просидев в заточении 34 года, Антон Ульрих скончался 4 мая 1776 года, пережив почти на 30 лет свою жену.

Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. 4-е изд. М.: Молодая гвардия, 2005. (Серия «Жизнь замечательных людей»). Электронный ресурс: https://bookscafe.net/read/anisimov_evgeniy-elizaveta_petrovna-162714. html#p32.

230

Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 5. Курс русской истории. Ч. 5 / Под ред. В. Л. Янина; Послесл. и коммент. сост. В. А. Александров, В. Г. Зимина. М.: Мысль, 1989. С. 32.

231

Французскому знаменитому узнику, проживавшему всю свою жизнь в заточении, было уделено немало внимания в кино и литературе. Например, фильм 1998 года «Человек в железной маске» режиссера Рэндалла Уоллеса (США) с Леонардо ДиКаприо в главной роли, роман Александра Дюма «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя» (1847–1850).

232

Порядок участия в политическом сыске в России XVII–XVIII веков и принятое условное выражение, произнесение которого свидетельствовало о готовности дать показания (доклад, донос) о неправде государя или государственном преступлении. В Соборном уложении 1649 года они называются «великими государевыми делами».

233

Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 2 кн. Кн. 2. М.: Эксмо, 2022. С. 342.

Там же. С. 344–345.

Марасинова Е. Почему императрица Елизавета Петровна отменила смертную казнь // Коммерсантъ Наука. 2017. № 6. С. 48. Электронный ресурс: https://www.kommersant.ru/doc/3396753.

236

См.: *Готье Ю. В.* Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад: Тип. И. И. Иванова, 1915. С. 108–109.

Шершеневич Г. Ф. Избранное. Т. 2, включая Курс гражданского права / Вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. 2-е изд., стер. М.: Статут, 2017. С. 428.

238

По поручению Елизаветы Тайная канцелярия подготовила записку о мерах по смягчению пыток и сокращению списка тяжких государственных преступлений (См.: *Анисимов Е. В.* Елизавета Петровна. 4-е изд. М.: Молодая гвардия, 2005. (Серия «Жизнь замечательных людей».) Электронный ресурс: https://bookscafe.net/read/anisimov_evgeniy-elizaveta_petrovna-162714.html#p185).

239

В течение первых десяти лет единственным профессором юридического факультета был доктор права Венского университета Ф. Г. Дильтей, приглашенный преподавать практически все юридические дисциплины: естественное, народное, римское, гражданское, уголовное, государственное и вексельное право. Однако желающих осваивать новую профессию было немного. В 1763/1764 учебном году на юридическом факультете не оказалось ни одного студента, а в 1764/1765 учебном году – только один // Юридический факультет Московского университета в 50–60-е годы XVIII века: период формирования. Электронный ресурс: http://www.law.msu.ru/history/1755–1917/50–6-XVIII.

См.: *Павленко Н. И.* Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 4–5. Электронный ресурс: https://bookscafe.net/read/pavlenko_ nikolay-ekaterina_velikaya–237764.html#p4.

241

Манифест о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству. 18 февраля 1762 года // ПСЗРИ. Т. XV. № 11444. Согласно Манифесту, все дворяне освобождались от обязательной гражданской и военной службы; состоявшие на государственной службе могли выходить в отставку, кроме офицеров в военное время (военные не могли просить об отставке во время кампании или за три месяца до нее). Дворяне получили право беспрепятственно выезжать за границу, но обязаны были по требованию правительства, «когда нужда востребует», возвращаться в Россию. До этого в России закрепощены были вообще все. Теперь остались только крестьяне.

Слыхал ли кто из в свет рожденных,
Чтоб торжествующий народ
Предался в руки побежденных?
О стыд, о странный оборот!

– писал М. В. Ломоносов в «Оде императрице Екатерине Алексеевне на ее восшествие на престол июня 28 дня 1762 года».

243

Шумигорский Е. С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб: Тип. В. Д. Смирнова, 1907. С. 13.

Готье Ю. В. Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад: Тип. И. И. Иванова, 1915. С. 111.

245

Однодворцы – сословие, социальный слой, возникший при расширении юго-восточных границ Русского государства и состоявший из военизированных землевладельцев, живших на окраинах государства и несших охрану пограничья. Однодворцы имели право личного землевладения и владения крестьянами.

246

Ландмилиция – род поселенных войск, существовавший в России в 1713–1775 годах и предназначенный для охраны границ.

247

См.: *Готье Ю. В.* Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад: Тип. И. И. Иванова, 1915. С. 109.

248

Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства. 21 апреля 1785 года. Электронный ресурс: http://www. hist.msu.ru/ER/Etext/dv_gram.htm.

249

Грамота на права и выгоды городам Российской империи. 21 апреля 1785 года. Электронный ресурс: http:// www.hist.msu.ru/ER/Etext/ gorgram.htm.

ПСЗРИ. Собр. 1. СПб, 1830. Т. XVII. № 12.311.

251

ПСЗРИ. Собр. 1. СПб, 1830. Т. XVIII. С. 335–336.

252

Тем самым был отменен указ Петра I от 15 апреля 1721 года «О непродаже крепостных людей поодиночке и неразлучении семейств». ПСЗРИ. Т. VI. № 3770.

253

Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1865. Июль-Сентябрь. Книга третья. Раздел V. Радищев. С. 71.

Готье Ю. В. Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад: Тип. И. И. Иванова, 1915. С. 111.

255

См.: *Пахман С. В.* История кодификации гражданского права: В 2 т. Т. I. СПб: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1876. С. 233.

Пахман С. В. Указ. соч. С. 262.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 2 кн. Кн 2. М.: Эксмо, 2022. С. 638.

258

Указ № 14392 от 7 ноября 1775 года «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» // ПСЗРИ. Т. XX. СПб: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846. С. 229.

259

В 1779 году была ликвидирована Мануфактур-коллегия (промышленность), в 1780 году – Штатс-контор-коллегия (государственные расходы), в 1783-м – Берг-коллегия (горнорудная промышленность), в 1784-м – Камер-коллегия (государственные доходы), в 1786 году – Юстиц-коллегия (судебная) и Вотчинная (вопросы землевладения), в 1788 году – Ревизион-коллегия (контроль государственных расходов).

Подробнее см.: *Маршалл По*. Москва – Третий Рим: история спекуляции // Электронный ресурс: https://arzamas.academy/materials/324.

261

Первый раздел Речи Посполитой между Россией, Австрией и Пруссией произошел 19 февраля 1772 года. Российская империя присоединила к своей территории примерно 92 тыс. км^2 с численностью населения около 1,3 млн человек. Второй раздел случился 23 января 1793 года. Россия получила Центральную Белоруссию – 250 тыс. км^2 земель и 4 млн человек, проживающих на них. В результате Третьего раздела Российская империя присоединила Западную Беларусь, Волынь, большую часть Литвы и Курляндию – примерно 120 тыс. км^2 и 1,2 млн человек. Электронный ресурс: https://екатерина2.рф/политика/разделы-речи-посполитой.

Ходасевич В. Ф. Державин. М.: Статут, 2011. С. 5 (в некоторых источниках указывается дата рождения 3 июня 1743 года, а место рождения – рядом с Казанью).

Савельев Н. Жизнь Г. Р. Державина // Сочинения Державина. Ч. 1. СПб: Тип. И. Глазунова и Ко, 1845. С. II.

Ходасевич В. Ф. Державин. М.: Статут, 2011. С. 25.

265

См.: *Фирсов Н. Н.* Крестьянские волнения до XIX в. // Великая реформа: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем / Историческая комиссия учебного отдела ОРТЗ; Редакция А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. Т. II. М.: Тов-во И. Д. Светина, 1911. С. 44.

См.: *Ходасевич В. Ф.* Державин. М.: Статут, 2011. С. 31.

Державин Г. Р. Соч.: В 9 т. / Под ред. Я. К. Грота. Т. VI. СПб, 1871. С. 514.

Фирсов Н. Н. Крестьянские волнения до XIX в. // Великая реформа: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем / Историческая комиссия учебного отдела ОРТЗ; Редакция А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. Т. II. М.: Тов-во И. Д. Светина, 1911. С. 54–55.

269

Гоголь Н. В. В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность // Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1952. С. 374.

Савельев Н. Жизнь Г. Р. Державина // Сочинения Державина. Ч. 1. СПб: Тип. И. Глазунова и Ко, 1845. С. XX.

Ходасевич В. Ф. Державин. М.: Статут, 2011. С. 88.

См.: *Савельев Н.* Жизнь Г. Р. Державина // Сочинения Державина. Ч. 1. СПб: Тип. И. Глазунова и Ко, 1845. С. XLV–XLVI.

В кавычки В. Ф. Ходасевич заключал, как он написал в кратком вступительном слове к роману «Державин», цитаты «из воспоминаний самого Державина, из его переписки и из показаний его современников».

Ходасевич В. Ф. Державин. М.: Статут, 2011. С. 137–138.

Там же. С. 144.

Савельев Н. Н. Жизнь Г. Р. Державина // Сочинения Державина. Ч. 1. СПб: Тип. И. Глазунова и Ко, 1845. С. LXXII.

Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902: Исторический очерк / Вступ. ст. П. В. Крашенинникова. М.: Спарк, 2001. С. 40.

Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902: Исторический очерк. С. 52.

Там же. С. 53–54.

Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902: Исторический очерк / Вступ. ст. П. В. Крашенинникова. М.: Спарк, 2001. С. 47.

Ходасевич В. Ф. Державин. М.: Статут, 2011. С. 190.

Ходасевич В. Ф. Державин. М.: Статут, 2011. С. 232.

283

Пушкин А. С. Стихотворения. Эпиграммы. Поэмы. Сказки. «Евгений Онегин». Драматические произведения. Повести. Критика и публицистика. Автобиографическая и историческая проза. Письма. М.: Панъинтер, 1999. С. 962. (Золотая библиотека русской классики: Весь Пушкин.)

Савельев Н. Жизнь Г. Р. Державина // Сочинения Державина. Ч. 1. СПб: Тип. И. Глазунова и Ко, 1845. С. LXXVIII.

285

Об истории памятника и о том, кто изображен на нем, см.: *Смирнов В.* Россия в бронзе: Памятник «Тысячелетию России» и его герои. М.: Вече, 2002.

286

«В связи с тем, что Спасо-Преображенский собор, в котором захоронен поэт Г. Р. Державин, полностью разрушен немецко-фашистскими захватчиками, а могила поэта завалена кирпичом и щебнем и восстановить ее на старом месте невозможно, бюро обкома КПСС и исполком областного Совета депутатов трудящихся постановляют перенести и захоронить останки поэта Г. Р. Державина и его супруги в г. Новгороде на территории кремля» (Протокол № 35 заседания Бюро Новгородского областного комитета КПСС от 17 октября 1958 года).

287

Свежо предание, а верится с трудом;
Как тот и славился, чья чаще гнулась шея;
Как не в войне, а в мире брали лбом,
Стучали об пол не жалея!
(*Грибоедов А. С.* Горе от ума).

Литераторы Антиох Кантемир, Гавриил Державин, Василий Тредиаковский, Александр Сумароков, Николай Карамзин, Денис Фонвизин; живописцы Андрей Матвеев и Иван Никитин; композитор Дмитрий Бортнянский и др.

289

Императрица Екатерина II приглашала знаменитого итальянца принять участие в трудах Комиссии о сочинении нового Уложения, но тот не поехал, предпочтя внешне скучную жизнь в своем родном Милане. Идеи Беккариа использовались Екатериной II при создании «Наказа» Комиссии о сочинении нового Уложения (1767).

Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях М.: Стелс, 1995. С. 167–169.

Павленко Н. И. Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 2003. Электронный ресурс: https://bookscafe.net/read/pavlenko_nikolay-ekaterina_ velikaya–237764.html#p11.

Песков А. М. Павел I. 4-е изд. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 218–219. (Серия «Жизнь замечательных людей».)

293

Там же. С. 220.

Кобеко Д. Ф. Цесаревич Павел Петрович (1754–1796). 3-е изд., доп. СПб: Тип. М. М. Стасюлевича, 1887. С. 105–107.

Кобеко Д. Ф. Цесаревич Павел Петрович (1754–1796). С. 125.

Кобеко Д. Ф. Цесаревич Павел Петрович (1754–1796). 3-е изд., доп. СПб: тип. М. М. Стасюлевича, 1887. С. 140–141.

297

Григорий Александрович Потемкин (1739–1791) – российский военный и государственный деятель, участник дворцового переворота 1762 года. Фаворит Екатерины (1774–1775) и с большой вероятностью ее супруг. Потемкин участвовал в подавлении бунта Емельяна Пугачева и ликвидации Запорожской Сечи. В 1775 году ему присвоили графский титул, а через год – титул князя Священной Римской империи и генерал-губернатора Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний.

Вестник Европы. 1867. Т. 1. Март. С. 316–322.

Гарновский М. Записки Михаила Гарновского // Русская старина. 1876. Т. 15. № 4. С. 697.

Песков А. М. Павел I. 4-е изд. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 341. (Серия «Жизнь замечательных людей».) С. 341.

Песков А. М. Павел I. С. 346.

302

Из рассказов о старине князя Павла Петровича Лопухина, записанных князем А. Б. Лобановым-Ростовским в 1869 году, после посещения Корсуня // *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. СПб: Изд. А. С. Суворина, 1901. С. 581.

303

См.: *Шумигорский Е. С.* Екатерина Ивановна Нелидова. 1758–1839: (Очерк из истории императора Павла). СПб: Тип. т-ва «Общественная польза», 1898. С. 60.

304

Болотов А. Т. Памятник претекших времян, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и о носившихся в народе слухах // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма / Сост. М. Вострышев. М.: Современник, 1989. С. 169.

305

Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин; Прага, 1870. С. 9.

Шумигорский Е. С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб: Тип. В. Д. Смирнова, 1907. С. 87.

307

Письма графа Ф. В. Ростопчина к графу С. Р. Воронцову // Архив князя Воронцова: В 40 кн. / Ред. П. И. Бартенев. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1870–1897. Кн. 8: Бумаги графа Семена Романовича Воронцова, Ч. 1. 1876. С. 164.

Песков А. М. Павел I. 4-е изд. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 39. (Серия «Жизнь замечательных людей».)

309

См.: *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. СПб: Изд. А. С. Суворина, 1901. С. 307.

310

Указ «Об истреблении в печатных 1762 года указных книгах листов, в сем указе означенных, и о представлении выдранных страниц к генерал прокурору». ПСЗРИ. Собр. 1. СПб, 1830. Т. XXIV. № 17.759.

Шильдер Н. К. Император Павел Первый. С. 318.

312

ПСЗРИ. Собр. 1. СПб, 1830. Т. XXIV. № 17.910. «…Дабы государство не было без наследника. Дабы наследник был назначен всегда законом самим. Дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать. Дабы сохранить право родов в наследствии, не нарушая права естественного, и избежать затруднений при переходе из рода в род».

313

Свод законов Российской империи, дополненный по продолжениям 1906, 1908, 1909 и 1910 гг. и позднейшим узаконениям 1911 и 1912 гг. / Под ред. А. А. Добровольского; Сост. Н. Е. Озерецковский и П. С. Цыпкин. Кн. 1. Т. I–IV. 2-й изд. 1913. С. 3.

314

См.: *Шумигорский Е. С.* Император Павел I: жизнь и царствование. СПб: Тип. В. Д. Смирнова, 1907. С. 41–46.

315

Например: Указ от 15 января 1797 года, объявленный Правительствующему Сенату генерал-прокурором князем Куракиным: «Его Императорское Величество, по случаю доходящих из разных мест уведомлений об отложении крестьян от должного к помещикам своим повиновения, кои оказываются или ложными, или никакого уважения не заслуживающими, высочайше повелеть соизволил: предложить к сведению Сената высочайше сделанное мне, по званию моему, препоручение изыскать виновников таковых пустых к начальству донесений и сих ложных доносителей предать узаконенному суждению». (Рассылка указа из Правительствующего Сената. Высочайшее повеление. СПб: [Тип. Правит. Сената], 1797.)

316

Шумигорский Е. С. Император Павел I: жизнь и царствование. С. 83–84.

317

Вообще, Павел был склонен к мелочной регламентации всего и вся. Например, указ от 13 января 1797 года: «Его Императорским Величеством замечено, что те, кои одеты в немецкое платье, ходят в круглых шляпах и разнообразных шапках, а потому предписывает управе благочиния немедленно объявить в городе всем наистрожайше, чтобы, кроме треугольных шляп и обыкновенных круглых шапок, никаких других никто не носил, и потому смотреть наиприлежнейше за исполнением сего. И если кто, в противность сему, явится, тех тотчас под стражу представлять к его высокопревосходительству» (*Пупарев А. Г.* Указы и распоряжения, состоявшиеся в царствование Павла I // Русская старина. Т. II. СПб, 1870. С. 515–522).

318

Болотов А. Т. Памятник претекших времян, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и о носившихся в народе слухах // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма / Сост. М. Вострышев. М.: Современник, 1989. С. 32.

Ушлые люди быстро нашли способ прекратить эту не всеми одобряемую практику: стали в массовом порядке опускать в ящик оскорбления и пасквили против Павла. Ему это быстро надоело, и через год с ящиком было покончено.

Шумигорский Е. С. Император Павел I: жизнь и царствование. СПб: Тип. В. Д. Смирнова, 1907. С. 100.

321

Клочков М. В. Очерки правительственной деятельности времен Павла I. Пг.: Сенат. тип., 1916. С. 103.

Болотов А. Памятник претекших времян… С. 273.

323

Шумигорский Е. С. Император Павел I: жизнь и царствование. С. 100.

ПСЗРИ. Собр. 1. СПб, 1830. № 17.811.

325

См.: Шумигорский Е.С. Император Павел I: жизнь и царствование. СПб: Тип. В. Д. Смирнова, 1907. С. 115.

См.: *Захаров В.* Парадоксы Павла Петровича // Историк. 2021. № 11 (83). С. 11.

327

См.: *Шумигорский Е. С.* Император Павел I: жизнь и царствование. С. 101.

Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмонт из России / Под общ. ред. С. С. Дмитриева; Сост. Г. А. Веселая. М.: Изд-во Московского университета, 1987. С. 244.

329

Манифест от 29 января 1797 года «О должном послушании крестьян своим помещикам во всех повинностях, и об обязанности в отношении сего Губернских начальств и приходских священников» (ПСЗРИ. Собр. 1. СПб, 1830. Т. XXIV. № 17.769).

330

См.: *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. 5. Курс русской истории. Ч. 5 / Под ред. В. Л. Янина; Послесл. и коммент. сост. В. А. Александров, В. Г. Зимина. М.: Мысль, 1989. С. 174–175.

331

Катаева И. М. Законодательство о крестьянах при императорах Павле I и Александре I // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. II / Ист. комиссия Учеб. отд. О. Р. Т. 3; Ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, П. И. Пичета. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1911. С. 76.

Там же. С. 77.

Скоробогатов А. В. Павел I // Большая российская энциклопедия. Электронный ресурс: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2311432.

Сперанский М. М. Избранное / Вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2015. С. 209–210. А также: *Пахман С. В.* История кодификации гражданского права: В 2 т. Т. I. СПб, 1876. С. 379–380.

335

Орден Святого Иоанна Крестителя, он же орден госпитальеров, был основан во время Первого крестового похода в конце XI века. Мальтийским орден стал называться после изгнания арабами рыцарей с о. Родос, откуда они перебрались на о. Мальта. В ходе Египетской кампании Наполеон захватил Мальту и изгнал оттуда рыцарей, многие из которых нашли приют в России. Считавший себя рыцарем Павел I благосклонно отнесся к изгнанникам, а те избрали его Великим магистром.

336

Чарльз Уитворт, британский посланник в Петербурге, стал одним из дирижеров заговора. Англичане не пожалели золота, чтобы устранить монарха, угрожавшего могуществу Британской империи. (Замостьянов А. Правдолюб на троне. Жизнь и смерть императора Павла // Электронный ресурс: https:// www.pravmir.ru/pravdolyub-na-trone-zhizn-i-smert-imperatora-pavla.

337

См.: *Шумигорский Е. С.* Император Павел I: жизнь и царствование. СПб: Тип. В. Д. Смирнова, 1907. С. 193–206.

338

Императрица Мария Федоровна первоначально подозревала своих сыновей Александра и Константина в соучастии в преступлении. Вот что пишет по этому поводу Е. С. Шумигорский: «Она имела мучительное для матери подозрение, что ее сын знал обо всем, и потому ее первое свидание с императором подало повод в самой трогательной сцене. „Alexandre, *ê*tes-vous coupable?“ („Александр, вы виноваты?“ – *П. К.*) Он бросился пред ней на колени и с жаром сказал: „Матушка! Так же верно, как и то, что я надеюсь предстать перед судом Божиим, я ни в чем не виноват!“ – „Можешь ли поклясться?“ – спросила она. Он тотчас поднял руку и поклялся. То же сделал и великий князь Константин» (*Шуми-горский Е. С.* Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб: Типография В. Д. Смирнова, 1907. С. 211).

339

Дочь герцога Фридриха Евгения Виртемберг-Штутгартского и Фредерики Доротеи Софии, урожденной маркграфини Бранденбург-Шведтской, племянницы Фридриха Великого.

340

См.: *Шумигорский Е. С.* Императрица Мария Федоровна (1759–1828). Ее биография. Том первый. Т. 1. СПб: Тип. И. Н. Скороходова, 1892. С. 59–60.

Песков А. М. Павел I. 4-е изд. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 283. (Серия «Жизнь замечательных людей».)

342

Русская старина. 1898. Т. 93. № 2. С. 251–260.

343

Кроме Александра Павловича (1777) и Константина Павловича (1779) у Павла Петровича и Марии Федоровны еще были сыновья Николай Павлович (1796), Михаил Павлович (1798), а также дочери Александра Павловна (1783), Елена Павловна (1784), Мария Павловна (1786) и Екатерина Павловна (1788), Ольга Павловна (1792) и Анна Павловна (1795).

Шумигорский Е. С. Императрица Мария Федоровна (1759–1828). Ее биография. Т. 1. СПб: Тип. И. Н. Скороходова, 1892. С. 404.

345

Там же. С. 434. В обоснование своего заключения Шумигорский приводит текст письма из архива Платона Зубова.

346

Здание института было построено в 1806 году, и в том же году с помощью Марии Федоровны туда переехал институт. В 1917 году институт благородных девиц закрыли. Руководство большевиков, включая В. И. (Ульянова) Ленина, после октябрьских событий 1917 года располагалось в Смольном. После переноса столицы РСФСР из Петрограда в Москву в Смольном размещались и размещаются власти города (Петрограда, Ленинграда, Санкт-Петербурга).

347

Письма государыни императрицы Марии Федоровны к почетному опекуну князю Сергею Михайловичу Голицыну. 1811–1828. М.: Тип. Ф. И. Нейбюргера, 1885. С. 2.

В переписке с Голицыным есть многочисленные примеры об интересе, например, к приему и сдаче публичных экзаменов. См.: там же. С. 18.

349

Корф М. А. Восшествие на престол Николая I. Жизнь графа Сперанского / Вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. М: Статут, 2015. С. 92, 155–156.

350

Корф М. А. Восшествие на престол Николая I. Жизнь графа Сперанского. С. 53–54.

351

Завещание императрицы Марии Федоровны, 1 ноября 1826 года // Русская старина. 1882. Январь. С. 87–132.

352

Санглен Я. Я. Записки // Русская старина. 1882. Т. 36, № 12. С. 501.

353

Головкин Ф. Г. Двор и царствование императора Павла I: портреты, воспоминания и анекдоты / Предисл. и примеч. С. Боххе; Пер. с фр. А. Кукеля. М.: Сфинкс, 1912. С. 145.

354

Записки Н. А. Саблукова // Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников (Саблукова, Вельяминова-Зернова, графа Бенигсена, Фон-Веделя, графа Ланжерона, Фонвизина, княгини Ливен, князя Чарторыйского, барона Гейкина, Коцебу). СПб: Тип. А. С. Суворина, 1907. С. 67.

355

Санглен Я. Я. Записки // Русская старина. 1882. Т. 36. № 12. С. 494.

Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмонт из России / Под общ. ред. С. С. Дмитриева; Сост. Г. А. Веселая. М.: Изд-во Московского университета, 1987. С. 237.

Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмонт из России. С. 235.

358

Сочинения Д. И. Фонвизина / Под ред. А. И. Введенского. СПб: Издание А. Ф. Маркса, 1893. С. 137.

359

См.: Рассказ П. А. Палена в составе записок А. Ф. Ланжерона // Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников (Саблукова, Вельяминова-Зернова, графа Бенигсена, Фон-Веделя, графа Ланжерона, Фонвизина, княгини Ливен, князя Чарторыйского, барона Гейкина, Коцебу). СПб: Тип. А. С. Суворина, 1907. С. 138–140.

360

См.: Из записок графа Ланжерона // Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников (Саблукова, Вельяминова-Зернова, графа Бенигсена, Фон-Веделя, графа Ланжерона, Фонвизина, княгини Ливен, князя Чарторыйского, барона Гейкина, Коцебу). СПб: Тип. А. С. Суворина, 1907. С. 151–153.

361

Записки Н. А. Саблукова // Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников (Саблукова, Вельяминова-Зернова, графа Бенигсена, Фон-Веделя, графа Ланжерона, Фонвизина, княгини Ливен, князя Чарторыйского, барона Гейкина, Коцебу). СПб: Тип. А. С. Суворина, 1908. С. 94.

Так, поляне жили в полях, а древляне – в лесах, среди деревьев. По болотистой местности (от «дрягва» – болото) получили свое наименование дреговичи, по рекам – полочане и бужане; племена, расположенные на север от полян, стали называться северяне.

Давыдов С. А. Вождество как концепт социологии: сложности интерпретации // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 1. С. 8–26.

Св. Фома Аквинский сформулировал эту мысль в «Своде богословия»: «Труд имеет четыре цели. Прежде всего и главным образом он должен дать пропитание; во-вторых, должен изгонять праздность, источник многих зол; в-третьих, должен обуздывать похоть, умерщвляя плоть; в-четвертых, он позволяет творить милостыни».

365

Тема мещанства как социального и этического явления нашла воплощение в русской литературе и публицистике XIX–XX вв.: романе А. Ф. Писемского «Мещане», пьесе М. Горького «Мещане», романе Е. И. Замятина «Мы» и др.

366

По одному определению, мещанин – человек, для которого характерны такие черты, как мелочность, скупость, отсутствие твердых убеждений, чувства ответственности перед обществом. По другому определению, так характеризуют человека, крайне серьезно относящегося к вещам как таковым, ставящего их выше других ценностей и стремящегося к обладанию ими.

367

[Гессе Г.] Степной волк // Гессе Г. Собрание сочинений: в 8 т. [Пер. с нем. В. Седельника и др.]. М.: Прогресс – Литера, Харьков: Фолио, 1994–1995. Т. 3. С. 266–267.

368

Слово Bourgeois в наше время перевели бы как «горожанин» или просто оставили его в русской транскрипции – «буржуа». Однако первый русский переводчик этой комедии Пётр Свистунов в 1761 г. использовал наиболее адекватный тому времени термин «мещанин». По-видимому, уничижительный оттенок, который это слово получило в русской литературе, подвиг переводчиков Г. Гессе, учитывая контекст романа, использовать его для перевода немецкого слова «бюргер», которое, вообще-то, тоже значит «горожанин».

369

Легитимность – это вера в значимость или обязательность порядка. Люди в государстве готовы подчиняться представителям государственной власти, так как они верят, что те имеют право отдавать приказы.

[Локк Дж.] О гражданском правительстве // Локк Дж. Избранные философские произведения: в 2 т. / Д. Локк; Вступ. статья И. С. Нарского. М.: Соцэкгиз. Т. 2 / Под общ. ред. и с примеч. А. А. Макаровского. 1960. С. 26.

Напомним, что слово «полиция» произошло от греческого слова «полис» и означало «городское устройство». Принципы полицейского государства вытекали из идеи общественного договора. Цель этого договора – создание общего блага, и все люди, включая самого монарха, должны трудиться, чтобы ее достигнуть. Для этого необходимо строго регламентировать деятельность всех членов общества и добиться четкого выполнения этих правил. Эту в первую очередь управленческую работу должна выполнять полиция, и не только как учреждение, но и как система отношений государства и подданных, при которой первое контролирует все сферы жизни.

См.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / [Куряев А. В., пер. на рус. яз.]. М.: Экономика, 2000. С. 664.

Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3 / Под ред. В. Л. Янина; послесл. и коммент. сост. В. А. Александров, В. Г. Зимина. М.: Мысль, 1988. С. 187–188.

Ржеуцкий В. С., Чудинов А. В. Русские «участники» Французской революции // Французский ежегодник 2010: источники по истории Французской революции XVIII в. и эпохи Наполеона. М.: Institut d'histoire universelle. 2010. С. 23.

375

«Мой Александр женится, а потом будет коронован – церемониально, торжественно, празднично», – писала Екатерина. [Песков А. М. Павел I. 4-е изд. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 346. (Серия «Жизнь замечательных людей»)].

376

Дочь маркграфа Баден-Дурлахского Карла Людвига Баденского и Амалии, урожденной принцессы Гессен-Дармштадтской.

377

См.: Шумигорский Е. С. Екатерина Ивановна Нелидова. 1758–1839: (Очерк из истории императора Павла). СПб: Тип. т-ва «Общественная польза», 1898. С. 60.

378

Шумигорский Е. С. Императрица Мария Фёдоровна (1759–1828). Ее биография. Том первый. С.-Петербург: Типография И. Н. Скороходова, 1892. С. 434. В обоснование своего заключения Шумигорский приводит текст письма из архива Платона Зубова.

379

См.: Шумигорский Е. С. Император Павел I. Жизнь и царствование. С.-Петербург: Типография В. Д. Смирнова, 1907. С. 193–206.

Там же. С. 211.

381

О благотворительной деятельности Марии Фёдоровны Романовой см.: Крашенинников П. В. От племени к империи: возникновение русского государства и права. М.: Эксмо, 2022. С. 320–327.

382

Разночинцы имели больше прав, чем крестьянство и городское сословие, так как они были освобождены от налога и рекрутской повинности, но менее привилегированный статус, чем дворянство.

383

Манифест о восстановлении «Жалованной дворянству грамоты». Электронный ресурс: https://base.garant.ru/58101028/

Манифест от 2 апреля 1801 года «Об уничтожении Тайной экспедиции и о ведении дел, производящихся в оной, в Сенате». Электронный ресурс: https://base.garant.ru/58101034/

385

Манифест о коронации императора Александра I. Электронный ресурс: https://biography.wikireading.ru/hNBgmTOhM0?

386

Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. В 2-х томах. Текст и приложения с 19 таблицами портретов и рисунков. С.-Петербург: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1912. Т. 1. С. 23.

387

Манифест «Об учреждении министерств». Электронный ресурс: https://russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1802_09_08_01. Избрание манифеста как формы провозглашения правовых норм указывало на личную связь и ответственность российского императора за принятое решение.

388

Первое полное собрание законов (далее – ПСЗ–1). Т. 27. № 20620. Об отпуске помещиком крестьян своих на волю, по заключению условий, на обоюдном согласии основанных. 1802–1803. СПб: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 462–463.

389

ПСЗ–1. Т. 27. № 20625. Высочайше утвержденные правила, постановленные в руководство министру внутренних дел при рассматривании условий между помещиками и крестьянами по указу 20 февраля 1803 года, предварительно одобренные Советом на заседании 9 февраля 1803 года.

390

ПСЗ–1. Т. 28. № 21162. Указ Сенату от 20 февраля 1804 года с приложением высочайше утвержденных Положений для поселян Лифляндской губернии и Инструкции ревизионным комиссиям для определения их повинностей. Крестьян нельзя было продавать и закладывать без земли; барщина ограничивалась двумя днями в неделю, повинности определялись в зависимости от доходности земли; частично изменялся правовой статус крестьян (отменена была обязательность согласия помещика на брак крестьян, назначение в рекруты передавалось крестьянским судам, причем так называемые крестьяне-дворохозяева были от него освобождены, в отличие от батраков и бобылей).

391

Великий князь Николай Михайлович. Указ. соч. С. 26.

392

Так в донесении Талейрану аттестовал Державина за его «законническое» рвение один из французских агентов. (См.: Шильдер Н. К. Император Александр I: его жизнь и царствование. В 4 т. СПб: Изд. А. В. Суворина, 1904–1905. Т. 2. С. 286).

393

Имеется в виду проект Державина о преобразовании Сената, известный современникам под именем конституции, или кортесов, и в котором предлагалось разделение властей. «Трое тогда ходили с конституциями в кармане: Державин, кн. Платон Зубов и гр. Никита Платонович Панин, с конституцией английскою, переделанной под русские нравы и обычаи. Новосильцеву стоило большого труда наблюдать за царем, чтобы он не подписал котораго из этих проектов». (Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам, описанная Я. Гротом. СПб: Изд. императорской Академии наук, 1880. С. 788–796). Конституцией в то время называли любую схему организации власти, даже в Англии, у которой конституции никогда не было; к слову, нет и сейчас.

Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. Т. I: Введение. Вып. 2. 1901. С. 408.

395

См.: Крашенинников П. Семь жизней графа Сперанского. М.: Эксмо, 2021.

Корф М. А. Жизнь графа Сперанского // Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I; Жизнь графа Сперанского / Вступ. слово, сост. П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2015. С. 272.

397

Пахман С. В. История кодификации гражданского права. В двух томах. Т. I. С.-Петербург: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1876. С. 390.

398

Пахман С. В. История кодификации гражданского права. В двух томах. Т. I. С.-Петербург: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1876. С. 391.

399

Там же. С. 464.

См.: Великое княжество Финляндское // Энциклопедия «Всемирная история». Электронный ресурс: https://w.histrf.ru/articles/article/show/vielikoie_kniazhiestvo_finliandskoie

401

Здесь и далее: Введение к Уложению государственных законов (План всеобщего государственного образования) // Сперанский М. М. Избранное. М.: Статут, 2013. С. 67–125. Далее по тексту План.

402

Министерство с ответственностью, или ответственное министерство, подразумевает бюрократическую структуру, способную самостоятельно принимать конкретные управленческие решения. Ответственность и полномочия – две стороны одной медали. Так что здесь налицо эвфемизм, означающий европейскую бюрократию, хотя сам этот термин появился лишь в XX веке.

403

Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 5. Курс русской истории. Ч. 5 / Под ред. В. Л. Янина. М.: Мысль, 1989. С. 205.

Манифест от 25 июня 1811 г. «Об Общем учреждении министерств». Электронный ресурс: https://constitution.garant.ru/history/act1600–1918/3100/

Возникла эта, условно говоря, партия сразу же после заключения Тильзитского мира на основе общей ненависти к Антихристу Наполеону. В эту партию входили даже родственники Александра – его мать Мария Фёдоровна и сестра Екатерина Павловна.

Григорьев А. А. Эстетика и критика. М.: Искусство, 1980. С. 186.

407

«История государства Российского» – произведение, популярное и тогда, и сейчас. Особую популярность эта работа получила в годы перестройки. До этого любая книга, кроме партийной, была в дефиците, а тут – великий дореволюционный историк.

Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. Это произведение было написано по просьбе великой княгини Екатерины Павловны, младшей сестры Александра I. В годы, предшествовавшие войне 1812 года, великая княгиня собирала вокруг себя людей, недовольных либеральным и реформистским курсом Александра I. Главным врагом почитался находившийся тогда в зените славы Сперанский. В определенном смысле тверская резиденция княгини превратилась в штаб-квартиру охранительных сил русского общества.

409

«Александр, воцари закон в России… и пр [оч].»… Я возьмусь быть толкователем сего хора: «Александр! Дай нам, именем закона, господствовать над Россией, а сам покойся на троне, изливай единственно милости, давай нам чины, ленты, деньги!» (Там же. С. 102).

410

«…думаю, что лучше начать с важнейшего и последовать не Кодексу Наполеонову, не Фридрихову, а Юстинианову и царя Алексея Михайловича». (Там же. С. 95). Здесь речь идет о проекте Гражданского уложения, подготовленного Сперанским. Карамзин считал этот проект полностью списанным у Наполеона.

411

Там же. С. 48.

Пивоваров Ю. С. Время Карамзина и «Записка о древней и новой России» // Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. С. 10.

413

Такую характеристику Александру дал, например, А. С. Пушкин: «Властитель слабый и лукавый, / Плешивый щеголь, враг труда, / Нечаянно пригретый славой, / Над нами царствовал тогда». (Фрагмент неоконченной 10-й главы «Евгения Онегина»).

414

Великий князь Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817): историческое исследование эпохи Императора Александра I. В 3-х томах. С.-Петербург: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1903. Т. 1. С. 126–127.

415

Письмо графа Ф. В. Ростопчина от 4 марта 1812 года императору Александру I.

416

Слухи о невиданных похвалах, которыми удостоил нового фаворита Наполеон во время эрфуртской встречи, равно как и его постоянные контакты с французским послом А. де Коленкуром раздражали высшее общество. (Томсинов В. А. Светило русской бюрократии: Ист. портр. М. М. Сперанского. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 126, 188–189).

417

Известно, что над Сперанским даже нависла угроза быть казненным. Отведена эта угроза была Иоганном Фридрихом Парротом – ученым, естествоиспытателем, проректором Императорского Дерптского университета, написавшим письмо Александру, в котором заклинал императора «не поддаваться тем крайностям, которые стараются Вам внушить». (Крашенинников П. Семь жизней графа Сперанского. М.: Эксмо, 2021. С. 70).

Аналогичная ситуация наблюдалась в советской патримониальной бюрократии времен партийного самодержавия. Управленческие упущения и ошибки в годы сталинских репрессий трактовались как политические преступления.

419

Считается, что первым ее произнес американский гангстер Аль Капоне: «Ничего личного, это просто бизнес». Широкую популярность фраза стала иметь после выхода художественного фильма «Крестный отец» (1972, реж. Фрэнсис Форд Коппола).

Например, Наполеон был избран членом французской Академии наук отнюдь не по должности, а за доказательство математической теоремы, названной его именем.

421

Цит. по: Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М.: Книга, 1990. С. 196.

422

Русская старина. Т. XCIX. СПб, 1899. Выпуски 7–9. С. 97.

423

На протяжении 1807–1808 годов Наполеон неофициально поднимал вопрос о своем сватовстве к великой княжне Екатерине Павловне. Ее быстро организованное обручение с принцем Ольденбургским было не только выражением глубокой антипатии самой Екатерины Павловны и ее матери, вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, к непорфирородному властителю Франции, но и, по существу, первым вызовом новому союзнику. (Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 224).

424

«Воспитание должно быть отечественное, а не чужеземное. Ученый чужестранец может преподать нам, когда нужно, некоторые знания свои в науках, но не может вложить в душу нашу огня народной гордости, огня любви к отечеству, точно так же, как я не могу вложить в него чувствований моих к моей матери… Народное воспитание есть весьма важное дело, требующее великой прозорливости и предусмотрения. Оно не действует в настоящее время, но приготовляет счастие или несчастие предбудущих времен, и призывает на главу нашу или благословение, или клятву потомков». (Шишков Александр Семёнович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб, 1890–1907.)

425

Зерна государственного антисемитизма были посеяны в стране еще Иваном Грозным. В ответ на просьбу польского короля дозволить еврейским купцам свободный въезд в Россию он писал: «В свои государства Жидом никак ездити не велети, занеже в своих государствах лиха никакого видети не хотим, а хотим того, чтобы Бог дал в моих государствах люди мои были в тишине безо всякого смущенья. И ты бы, брат наш, вперед о Жидех к нам не писал», поскольку они русских людей «от христианства отводили, и отравные зелья в наши земли привозили, и пакости многие людям нашим делали». (Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона. В 16 т. 1908–1913 гг. Т. 8. С. 749; Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. В 29 т. СПб: Т-во «Общественная польза», 1851–1879. Т. 6. С. 159).

Электронный ресурс: https://weekend.rambler.ru/other/41473530-zachem-russkaya-propaganda-v-1812-godu-obyavila-napoleona-antihristom/

Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла…: Лит. и гос. идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX в. М.: Новое лит. обозрение, 2001. С. 214.

Там же. С. 212.

429

Там же. С. 214.

Шатобриан Ф. Р. де. Замогильные записки / Пер. с фр. О. Э. Гринберг и В. А. Мильчиной. Вступ. ст. и примеч. В. А. Мильчиной. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. С. 256.

431

См.: Мельникова Л. В. Ангел и демон. Александр и Наполеон в восприятии современников // Родина, 2012. № 6. С. 74–76.

432

Из бумаг графа де Бальмена, русского пристава при первом Наполеоне на острове Св. Елены. 1819 год // Русский архив. 1869. Стлб. 800. Александр Антонович де Бальмен (1741–1790) государственный, военный и международный деятель эпох Александра I и Николая I.

Здесь Александр из ипостаси воителя, унаследованной от Александра Македонского, перешел в ипостась святого Александра Невского: святость должна стать основополагающим началом новой Европы. В 1814 году Сенат преподнес Александру I титул «Благословенного, великодушного держав восстановителя». «Понятие правды Христовой вступает в международную политику. Христианская нравственность становится категорией международного права, бескорыстие и прощение врага провозглашены и применены на деле победителем Наполеона». (Рачинский А. В. Основа христианской политики. Священный союз, или Европейская мечта императора Александра I. Электронный ресурс: https://www.perspektivy.info/srez/val/osnova_hristianskoiy_politiki_svyaschennyiy_soiuz_2009–3–17–45–35.htm).

434

Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. В 2-х томах. Т. 1. Текст и приложения с 19 таблицами портретов и рисунков. С.-Петербург: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1912. С. 343.

435

Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1814–1881). СПб: Изд. Н. Д. Сергеевского, 1907. С. 41–63. (Библиотека «Окраин России», № 5). Электронный ресурс: http://www.hrono.ru/dokum/konst1815.html.

436

[Чарторыйский А.] Мемуары князя Адама Чарторийского и его переписка с императором Александром I / Пер. с фр. А. Дмитриевой; ред. и вступ. ст. А. Кизеветтера. В 2 т. М.: Книгоизд-во К. Ф. Некрасова, 1912–1913. Т. 2. С. 138–145.

ПСЗРИ. Собрание первое. Том 35. 1818. СПб, 1830. С. 222–227. Электронный ресурс: http://www.hrono.ru/dokum/moldav1818.html/.

438

Во время Русско-турецкой войны 1806–1812 годов русские войска постепенно заняли как земли княжества, так и территории, контролировавшиеся турками и ногайцами.

439

Государственная уставная грамота Российской империи Н. Н. Новосильцева // Шильдер Н. К. Император Александр Первый: его жизнь и царствование. В 4 т. СПб: Изд. А. С. Суворина, 1897–1898. Т. 4. С. 490–526. Электронный ресурс: https://constitution.garant.ru/history/act1600–1918/31000/.

Анализ этого документа в сравнении с реформаторскими идеями Сперанского, Конституцией Польши и др. см.: Чернов К. С. Государственная уставная грамота Российской империи (к вопросу о российском конституционализме). Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 2007. Электронный ресурс: http://www.hist.msu.ru/Science/Disser/Chernov.pdf

441

Алексей Андреевич Аракчеев (1769–1834) происходил из семьи небогатого помещика. Он обучался в Артиллерийском и Инженерном корпусе, служил при дворе Павла I в Гатчине. В годы своей деятельности на посту военного министра (1808–1810) Аракчеев обращал особое внимание на укрепление русской армии, особенно артиллерии. С 1815 года он фактически руководил Государственным советом и деятельностью министерств. Отличительными чертами Аракчеева были честность и исполнительность, доходившая до жестокости. Недаром на своем гербе он написал: «Без лести предан». Хотя Аракчеев часто представляется как антипод Сперанского, отношения между ними были вполне уважительными, поскольку оба были, что называется, self-made-men – людьми, сделавшими сами себя. Да и судьбы у них были похожими. Аракчеев тоже служил громоотводом при императоре: его ненавидели не меньше, чем Сперанского. Аракчеев активно способствовал возвращению Сперанского из ссылки.

См.: Аникин А. В. Путь исканий: социально-экономические идеи России до марксизма. М.: Политиздат, 1990. С. 245–249.

443

Великий князь Николай Михайлович. Указ. соч. С. 344.

444

Цитата из комедии в стихах А. С. Грибоедова «Горе от ума». Это произведение – квинтэссенция претензий европейски настроенных бюрократов к дворянскому обществу вообще и к сословной бюрократии в частности. Не стоит забывать, что А. С. Грибоедов был весьма крупным чиновником – статским советником, награжденным орденом Святой Анны второй степени, полномочным министром в Персии.

445

Граф Сергей Семёнович Уваров – русский антиковед и государственный деятель, министр народного просвещения (1833–1849), действительный тайный советник.

446

Граф Дмитрий Николаевич Блудов – президент Академии наук, председатель Государственного совета.

447

Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. V // Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 5 / Под ред. В. Л. Янина; Послесл. и коммент. сост. В. А. Александров, В. Г. Зимина. М.: Мысль, 1989. С. 228.

Конституция (Соч. Никиты Муравьёва, написанная его рукою в каземате крепости и представленная при ответах). Электронный ресурс: https://constitution.garant.ru/history/act1600–1918/5400/.

449

«Заповедная государственная грамота великого народа российского, служащая заветом для усовершенствования России и содержащая верный наказ как для народа, так и для временного верховного правления». («Русская Правда» П. И. Пестеля. Электронный ресурс: http://www.hrono.ru/dokum/1800dok/1825pravda.php; http://az.lib.ru/p/pestelx_p_i/text_0020.shtml).

Пестель П. И. Русская Правда, или Заповедная Государственная Грамота Великаго Народа Российскаго, служащая Заветом для Усовершенствования Государственнаго Устройства России и Содержащая Верный Наказ как для Народа, так и для Временнаго Верховнаго Правления. «Восстание декабристов. Документы». М.: Госполитиздат, 1958. Т. VII. Электронный ресурс: http://az.lib.ru/p/pestelx_p_i/text_0020.shtml

451

Пестель П. И. Русская Правда, или Заповедная Государственная Грамота Великаго Народа Российскаго, служащая Заветом для Усовершенствования Государственнаго Устройства России и Содержащая Верный Наказ как для Народа, так и для Временнаго Верховнаго Правления. «Восстание декабристов. Документы». М.: Госполитиздат, 1958. Т. VII. Электронный ресурс: http://az.lib.ru/p/pestelx_p_i/text_0020.shtml

452

Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. В 2-х томах. Т. 1. Текст и приложения с 19 таблицами портретов и рисунков. С.-Петербург: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1912. С. 24.

453

Цит. по: Шильдер Н. К. Император Александр Первый: его жизнь и царствование. В 4 т. СПб: Изд. А. С. Суворина, 1897–1898. Т. 1. С. 162.

Цит. по: Пресняков А. Е. Российские самодержцы / Сост., авт. предисл. и прил. А. Ф. Смирнов. М.: Книга, 1990. С. 177.

455

Из письма Александра Павловича В. П. Кочубею от 10 мая 1796 г. (Надлер В. Император Александр I и идея Священного союза. В 5 т. Рига: Изд. книгопродавца Киммеля, 1886–1892. Т. 1. С. 15).

456

Марианна – женский образ Французской революции.

В том, что революция всегда приводит к диктатуре, Александр мог убедиться на примере своего обожаемого учителя Лагарпа, который и привил ему любовь к свободе, равенству и братству, и прочим республиканским ценностям. Когда Лагарп в 1798 г. с подачи Наполеона возглавил Гельветическую республику на территории нынешней Швейцарии, он тут же ввел цензуру, развязал репрессии против оппозиции, короче, стал полноценным диктатором, за что впоследствии был с позором изгнан.

См.: Шильдер Н. К. Указ соч. Т. 4. С. 350.

459

Дочь прусского короля Фридриха Вильгельма III и его супруги королевы Луизы, сестра прусских королей Фридриха Вильгельма IV и Вильгельма I, впоследствии первого германского императора.

Великий князь Николай Михайлович. Указ. соч. С. 311–312.

Позволим себе предложить интересующемуся читателю полный текст Манифеста:

«Божиею Милостию, Мы, Александр Первый, Император и Самодержец Всероссийский, и проч., и проч., и проч. Объявляем всем Нашим верным подданным. С самого вступления Нашего на Всероссийский Престол непрестанно Мы чувствуем Себя обязанными пред Вседержителем Богом, чтобы не только в дни Наши охранять и возвышать благоденствие возлюбленного Нами Отечества и народа, но также предуготовить и обеспечить их спокойствие и благосостояние после Нас чрез ясное и точное указание Преемника Нашего, сообразно с правами Нашего Императорского Дома и с пользами Империи. Мы не могли, подобно предшественникам Нашим, рано провозгласить Его по имени, оставаясь в ожидании, будет ли благоугодно недоведомым судьбам Божиим даровать Нам Наследника Престола в прямой линии. Но чем далее протекают дни Наши, тем более поспешаем Мы поставить Престол Наш в такое положение, чтобы он ни на мгновение не мог остаться праздным.

Между тем как мы носили в сердце Нашем сию священную заботу, Возлюбленный Брат Наш Цесаревич Великий Князь Константин Павлович по собственному внутреннему побуждению принес Нам просьбу, чтобы право на то достоинство, на которое Он мог бы некогда быть возведен по рождению своему, передано было Тому, кому оно принадлежит после Него. Он изъяснил при сем намерение, чтобы таким образом дать новую силу дополнительному Акту о наследовании Престола, поставленному Нами в 1820 году, и Им, поколику то до него касается, непринужденно и торжественно признанному.

Глубоко тронуты Мы сею жертвою, которую Наш Возлюбленный Брат, с таким забвением своей личности, решился принести для утверждения родовых постановлений Нашего Императорского Дома и для непоколебимого спокойствия Всероссийской Империи.

Призвав Бога в помощь, размыслив зрело о предмете, столь близком к Нашему сердцу и столь важном для Государства, и находя, что существующие постановления о порядке наследования Престола у имеющих на него право не отъемлют свободы отрешись от сего права в таких обстоятельствах, когда за сим не предстоит никакого затруднения в дальнейшем наследовании Престола, с согласия Августейшей Родительницы Нашей, по дошедшему до Нас наследственно Верховному праву

Главы Императорской Фамилии, и по врученной Нам от Бога Самодержавной Власти, Мы определили: во-первых, свободному отречению первого Брата Нашего, Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича, от права на Всероссийский Престол быть твердым и неизменным; акт же сего отречения, ради достоверной известности, хранить в Московском Большом Успенском Соборе и в трех высших Правительственных местах Империи Нашей: в Святейшем Синоде, Государственном Совете и Правительствующем Сенате; во-вторых: вследствие того, на точном основании акта о наследовании Престола, Наследником Нашим быть второму Брату Нашему, Великому Князю Николаю Павловичу.

После сего Мы остаемся в спокойном уповании, что в день, когда Царь Царствующих, по общему для земнородных закону, воззовет Нас от сего временного Царствия в вечность, Государственные Сословия, которым настоящая непреложная воля Наша и сие законное постановление Наше, в надлежащее время, по распоряжению Нашему, должно быть известно, немедленно принесут верноподданническую преданность свою назначенному Нами Наследственному Императору единого нераздельного Престола Всероссийской Империи, Царства Польского и Великого Княжества Финляндского. О Нас же просим всех верноподданных Наших, да они с тою любовию, по которой Мы в попечении о их непоколебимом благосостоянии полагали Высочайшее на земли благо, принесли сердечные мольбы ко Господу и Спасителю нашему Иисусу Христу о принятии души Нашей, по неизреченному Его милосердию, в Царствие Его вечное».

Завещание (манифест) было написано Филаретом со слов Александра. Оно было запечатано в конверте, на котором была надпись Александра: «Хранить в Успенском соборе, с государственными актами, до востребования Моего, а в случае Моей кончины открыть Московскому Епархиальному Архиерею и Московскому Генерал-Губернатору в Успенском соборе, прежде всякого другого действия». (См.: Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I; Жизнь графа Сперанского / Вступ. слово, сост. П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2015. С. 34–36).

С правовой точки зрения этот акт вызывал много вопросов, поскольку, согласно действовавшему до 1917 года павловскому закону о престолонаследии, власть могла передаваться только от отца к сыну или от брата к следующему за ним по старшинству брату. Для того чтобы наследником стал Николай, Александр должен был вернуть закон о престолонаследии, принятый Петром I, по которому царствующий монарх имел право назначать себе любого преемника, но он этого не сделал. Что касается возможности отречения Константина от престола, на который он еще не вступил, по всей видимости, ни Александр, ни Константин об этом не думали: эту юридическую шараду никто и не пытался решить.

463

В частности, барон Дибич сразу после кончины Александра I послал Николаю донесение с сообщением о заговоре, в котором принимают участие многие сообщники. В донесении назывались некоторые имена, в частности, Пестеля. 12 декабря император получил пакет от подпоручика лейб-гвардии Егерского полка Якова Ростовцева, в котором тот предупреждал: «Противу ВАСЪ ДОЛЖНО таиться возмущеніе; оно вспыхнетъ при новой присяге и, можетъ быть, это зарево осветитъ конечную гибель Россіи». Ростовцев был удостоен личной аудиенции Николая. Он записал весь разговор с царем и передал записку товарищу, которого подозревал в заговоре, в присутствии Рылеева. (См.: Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I; Жизнь графа Сперанского / Вступ. слово, сост. П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2015. С. 70–71, 75–76).

Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. V // Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 5 / Под ред. В. Л. Янина; Послесл. и коммент. сост. В. А. Александров, В. Г. Зимина. М.: Мысль, 1989. С. 238.

465

Достопамятные минуты в моей жизни. Записка Алексея Ираклиевича Левшина // Русский архив: Историко-литературный сборник. 1885. № 8. С. 481.

ПСЗ2. Т. 17. № 15462.

467

Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж, отец, император / Сост., предисл. Н. И. Азаровой. М.: Слово, 2000. С. 286.

Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия: политическая история России первой половины XIX столетия. М.: Мысль, 1990. С. 187.

469

Михаил Андреевич Балугьянский (1769–1847) – ученый, правовед, окончивший Венский университет. В 1803 г. он приехал в Санкт-Петербург, где занимался образованием и работал вместе со Сперанским до его опалы в 1812 г. в комиссии по составлению законов, обучал праву будущего императора Николая I. Первый ректор Императорского Санкт-Петербургского университета (1819–1821).

Пахман С. В. История кодификации гражданского права. В 2 т. С.-Петербург: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1876. Т. II. С. 3.

Крашенинников П. В. Семь жизней графа Михаила Сперанского. Москва: Издательство «Эксмо», 2021. С. 151–165.

Корф М. А. Жизнь графа Сперанского // Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I; Жизнь графа Сперанского / Вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2015. С. 571.

См.: Майков П. М. О Своде законов Российской империи. СПб: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. С. 49.

Корф М. А. Жизнь графа Сперанского // Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I; Жизнь графа Сперанского / Вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2015. С. 573–574.

475

Трибониан – ученый, юрист, под руководством которого в VI веке в Восточной Римской империи был подготовлен Свод Юстиниана, состоящий из Институций, Дигестов и Кодекса Юстиниана. Кодекс был разделен на 12 книг. Подробнее см.: Крашенинников П. В. Античное право: Очерки истории. М.: Статут, 2018. С. 97–103.

476

[Корф М. А.] Жизнь графа Сперанского // Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I; Жизнь графа Сперанского / Вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2015. С. 576.

477

[Винавер М. М.] Об источниках X тома // Винавер М. М. Из области цивилистики. Недавнее (воспоминания и характеристики) / Сост. и авт. вступ. ст. А. Л. Маковский. М.: Статут, 2015.

См.: Тараборин Р. С. Формирование системы гражданского права Российской империи в эпоху модернизации общества (XVIII – первая треть XIX в.). М.: Статут, 2022. С. 59–89.

479

Блосфельдт Г. Э. «Законная» сила Свода законов. В свете архивных документов. Петроград: Сенатская типография, 1917. С. 16. Книга написана в 1916 г. и издана в январе 1917 г. Гуго Эдуардович Блосфельдт родился в 1870 г., до февраля 1917 г. работал в Госсовете, затем его судьба нам неизвестна.

Морошкин Ф. Предисловие // Опыт истории российских государственных и гражданских законов. Сочинение профессора Александра Рейца / Пер. с нем. Изд. Ф. Морошкин. М.: Университетская типография, 1836. С. I.

481

Только в 1835 г. в Германию для продолжения обучения были направлены 84 человека. (Васильева Л. Е. К вопросу об особенностях развития юридического образования в России в XIX веке // Известия Саратовского университета. 2008. Т. 8. Сер. Экономика. Управление. Право. Вып. 1. С. 59–62).

До этого существовал единственный юридический факультет в Московском университете. Читались различные краткие курсы в учебных заведениях среднего звена. Будущие чиновники знакомились с основами законодательства непосредственно на службе в государственных органах управления.

483

Из воспоминаний Н. М. Колмакова // Русская старина. 1886. Декабрь. Электронный ресурс: http://elcocheingles.com/Memories/Texts/NikolayI/Nik_4.htm.

Половцов А. А. Рылеев Кондратий Феодорович // Русский биографический словарь. Т. 17. Электронный ресурс: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/russkij-biograficheskij-slovar-tom-17/328

485

Манифест «О новом порядке управления и образования Царства Польского» от 14 февраля 1832 г. Электронный ресурс: http://www.hrono.ru/dokum/1800dok/1832polon.php.

486

«Нет, я не льстец, когда царю / Хвалу свободную слагаю: / Он бодро, честно правит нами / Россию вдруг он оживил / Войной, надеждами, трудами». (Стихотворение А. С. Пушкина «Друзьям»). Имеются в виду война с Персией (1826–1828), война с Турцией (1828–1829).

487

Собственная Его Величества канцелярия существовала и до императора Николая, но не играла заметной роли в управлении государством, служа личной канцелярией государя по делам, которые он брал в личное ведение. Переход на ручное управление означал, что практически все сколько-нибудь существенные дела попадали в поле зрения Николая Павловича, и маленькая канцелярия разрослась до гигантских размеров.

488

При Александре I офицеры нередко ходили не в военной форме, а во фраках, даже на учениях, надев сверху шинель. В Семёновском полку солдаты занимались ремеслом и торговлей, а вырученные деньги сдавали ротному командиру. Появились частные военные формирования.

489

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Рукописный отдел, № 7812, л. 22.

490

Доклады министра народного просвещения С. С. Уварова императору Николаю I / Публ. М. М. Шевченко // Река времен (Книга истории и культуры). Кн. I. М.: Река времен, Эллис Лак, 1995. С. 70.

491

Просветители считали, что к прогрессу ведут законы, человеческий разум и просвещение. Все народы, независимо от их происхождения, которые воспримут эти идеи, придут в конце концов к процветанию.

492

Немецкие классики утверждали, что у каждой страны своя судьба, которой руководит высший дух, или высший разум. Знание о том, в чем заключается дух народа, его исторические начала, присуще не отдельному народу, а семье народов, связанных единым корнем.

493

В советские времена тот, кто не верил в марксизм-ленинизм и/или отрицал руководящую и направляющую роль КПСС, также не заслуживал принадлежности к советскому народу, но назывался отщепенцем. Подробнее об уваровской триаде см.: Зорин А. Л. Указ. соч. С. 339–374.

494

[Соловьёв С. М.] Записки Сергея Михайловича Соловьёва: мои записки для детей моих, а если можно, и для других. Петроград: «Прометей» Н. Н. Михайлова, 1915. С. 121.

Правда, одновременно было открыто несколько отраслевых институтов (Технологический, Горный, Сельскохозяйственный, Лесной и Технологическое училище в Москве), куда могли поступать выпускники уездных училищ.

496

Все, что нужно знать о Николае I, в десяти пунктах. Рассказывает историк Леонид Ляшенко. Записала Ирина Калитеевская. Электронный ресурс: https://arzamas.academy/materials/1342

См.: Васильева Л. Е. К вопросу об особенностях развития юридического образования в России в XIX веке. Известия Саратовского университета. 2008. Т. 8. Сер. Экономика. Управление. Право. Вып. 1. С. 59–62.

Юзефович М. В. Несколько слов об императоре Николае // Русский архив. Историко-литературный сборник. 1870. № 5. Столб. 1002.

499

Начиная с 1755 г. чиновничество более чем наполовину формировалось из недворян, а выслужить не то что потомственное, но и личное дворянство становилось все труднее. Например, поэт А. А. Фет (1820–1892) страстно добивался дворянского звания. После окончания университета в 1845 г. он поступил на военную службу, чтобы после производства в первый офицерский чин получить потомственное дворянство. Высшее образование давало ему право стать офицером через шесть месяцев. Но последовал указ о повышении ценза на право получения статуса потомственного дворянина: теперь это право давал только чин майора. Фет продолжал службу, к 1856 г. дослужился до капитана, но ценз вновь повысился до полковничьего чина. Только в 1873 г. Фет, уже покинув военную службу, добился дворянства благодаря связям с императорском двором и сочинению од членам императорской фамилии. (Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х томах. СПб: Дм. Буланин, 2003. Т. 1. С. 143–144).

500

Гоголь Н. В. Шинель // Первая публикация: Гоголь Н. В. Сочинения. Т. 3. СПб, 1842.

501

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х томах. СПб: Дм. Буланин, 2003. Т. 2. С. 165.

502

Из дневника и записной книжки П. Х. Граббе // Русский архив. Историко-литературный сборник. 1889. № 2. С. 634.

503

Главные деятели и предшественники судебной реформы / Под ред. К. К. Арсеньева. Вестник и библиотека самообразования, 1904. С. 61 (См. там же: Хрулёв С. С. Николай Васильевич Гоголь. С. 49–53; Арсеньев К. К. Михаил Ефграфович Салтыков. С. 58–61).

Чаадаев П. Я. Философические письма. М.: Эксмо, 2006. Электронный ресурс: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174439

505

Термин «славянофильство» был введен в обиход западниками. Сами славянофилы использовали другие самоназвания: «москвичи», «московское направление», «московская партия», «восточники». Однако придуманный западниками термин в итоге прижился и стал использоваться и в среде славянофилов.

506

На просторах интернета можно найти интересную интерпретацию известных строчек Козьмы Пруткова: «Идут славянофилы и нигилисты / У тех и других ногти нечисты». Потому ногти нечисты, что нигилисты (западники) все время занимаются откапыванием похороненной (славянофилами) Европы, а у славянофилов всегда кусочек родной земли при себе.

Идеологические конструкции славянофилов во многом основывались на идеях мыслителей так ненавидимого ими Запада, в частности на труде Иоганна Готфрида Гердера «Идеи к философии истории человечества» (1784–1791), согласно которому не существует по определению «варварских» и «образованных» народов; каждая нация имеет свой «особый» путь, предопределенный божественным сценарием. Более того, нации развиваются с разной скоростью: молодую нацию ожидает расцвет и зрелость, в то время как народы, находящиеся ныне на высшей стадии, затем будут лишь стареть или «гнить», как любили говорить славянофилы. Гердер прибегал к так называемым органицистским метафорам, представляя народы живыми организмами с особым характером, уникальной традицией и, главное, исторической миссией, которую требуется описать и сделать основой государственной политики. «Национальную жизнь» можно лишь почувствовать, «угадать», воспринять интуитивно.

Среди славянофилов были и правоведы. Например, И. С. Аксаков (1823–1886), юрист, литератор, общественный деятель, лидер пореформенного славянофильства. Окончил Училище правоведения в Петербурге (1838–1842). Служил в министерстве юстиции, товарищем председателя уголовной палаты в Калуге, обер-секретарем в шестом департаменте Сената, наконец, в МВД, откуда и вышел в отставку в 1851 г., предпочтя творческую стезю. Остро критиковал правительство, за что не раз подвергался гонениям и преследованиям со стороны властей. Политико-правовые взгляды эволюционировали вправо от умеренно-либеральной модели к достаточно консервативно-панславистскому варианту славянофильства. Аксаков настаивал на уникальности русского народа, отличии России от стран Западной Европы, бесполезности и вредности западноевропейских конституций, выражал восхищение Земскими соборами допетровских времен и обращался с призывом к обновлению союза царя с народом.

509

По причинам органическим / мы совсем не снабжены / здравым смыслом юридическим / сим исчадьем сатаны. / Широки натуры русские, / нашей правды идеал / не влезает в формы узкие / юридических начал. Б. Н. Алмазов.

Крашенинников П. В. Советское право. Итоги: очерки о государстве и праве 1962–1984. М.: Статут, 2020. С. 18–51.

511

См.: Ястржембский И. Л. Мемуар петрашевца // Первые русские социалисты: воспоминания участников кружка петрашевцев в Петербурге / Сост. Б. Ф. Егоров. Л.: Лениздат, 1984. С. 152–165.

512

«…не трогая других, но и не дозволяя другим трогать себя; в этом вся моя задача», – говорил император. (Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. / По неизд. источникам сост. Ген. штаба ген. – майор кн. Щербатов. Т. 1–7. СПб: тип. лит. Р. Голике, 1888–1904. Т. 6. 1899. С. 204).

513

Кюстин А. Россия в 1839 году. В 2 т. / Пер. с фр. под ред. В. Мильчиной; Коммент. В. Мильчиной и А. Осповата. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.

514

«Правитель опускается до уровня своих дикарей подданных; он так же бессердечен, как они, он смело превращает их в скотов, чтобы привязать к себе: народ и властитель состязаются в обмане, предрассудках и бесчеловечности. Отвратительное сочетание варварства и малодушия, обоюдная жестокость, взаимная ложь – все это составляет жизнь чудовища, гниющего тела, в чьих жилах течет не кровь, а яд – вот истинная сущность деспотизма». (Там же. С. 18).

515

Мильчина В. А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб: Гиперион, 2006. С. 259.

516

Крашенинников П. Страсти по праву: очерки о праве военного коммунизма и советском праве. 1917–1938. М.: Статут, 2008. С. 15–16.

517

См.: Широкорад А. Б. Русско-турецкие войны 1676–1918 гг. Мн.: Харвест, М.: Аст, 2000. С. 417–418.

518

Правительственный вестник. 1893. 16 (28) апреля. № 80. С. 2.

519

Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. V // Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 5 / Под ред. В. Л. Янина; послесл. и коммент. сост. В. А. Александров, В. Г. Зимина. М.: Мысль, 1989. С. 258.

Характеристика государства и права рассматриваемой эпохи будет неполной, если мы не покажем лиц, игравших в это время огромную роль в государственных и правовых отношениях.

521

Ружицкая И. В. Очевидец, или Один год из жизни члена Государственного совета Российской империи // Корф М. А. Дневник. Год 1843-й. М.: Academia, 2004. С. 7–8.

522

См.: Шумихин С. Странная судьба библиотеки Царскосельского лицея. Электронный ресурс: https://web.archive.org/web/20090325022308/; http://www.rusarchives.ru/federal/rgali/p_lyceum.shtml.

523

Грот К. Я. Пушкинский лицей (1811–1817): бумаги 1 курса, собр. акад. Я. К. Гротом: С прил. портр., факс. и рис., а также некоторых бумаг 3 и 6 курсов. СПб: тип. М-ва пут. сообщ. (т-ва И. Н. Кушнерев и К°), 1911. Электронный ресурс: https://www.rulit.me/books/pushkinskij-licej-read-71882–83.html

Корф М. А. Записка о Пушкине // Корф М. А. Записки. М.: Захаров, 2003 (Сер. «Биографии и мемуары»). С. 678–684.

525

Цит. по: Стасов В. В. Граф Модест Андреевич Корф (1800–1876) // Корф М. А. Записки. М.: Захаров, 2003 (Сер. «Биографии и мемуары»). С. 691–692.

526

Корф М. А. Графодромия, или Искусство скорописи. Сочинение г-на Астье, переделанное и примененное к русскому языку бароном Модестом Корфом. СПб: Тип. Н. Греча, 1820. На с. 3 книги имеется посвящение автора: «Императорскому Царскосельскому лицею посвящено признательным воспитанником».

527

Гастфрейнд, Н. А. Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому лицею. Материалы для словаря лицеистов первого курса 1811–1911 г. В 3 т. СПб: Тип. П. П. Сойкина, 1912–1913. Т. 1. 1912. С. 467.

528

Управленческая элита Российской империи: история министерств, 1802–1917 / Авт. – сост. Е. А. Андреева и др. СПб: Лики России, 2007. С. 54.

529

Корф М. А. Записки. М.: Захаров, 2003 (Сер. «Биографии и мемуары»). С. 76.

530

Полное название «Комитет для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений».

531

Подробнее см. отчеты Императорской Публичной библиотеки за 1850–1861 годы и журнал «Русская старина» за 1876 год.

532

Подробнее см.: Грин Ц. И. М. А. Корф – библиограф вольной русской печати // Историко-библиографические исследования: Сб. науч. тр. Вып. 3. СПб: РНБ, 1993. С. 46.

533

Полное название третьего издания «Восшествие на престол императора Николая I. Составлено по Высочайшему повелению статс-секретарем бароном Корфом. Третье издание» (первое для публикации). СПб: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1857.

534

Неволин К. А. Энциклопедия законоведения. История философии законодательства / Вступительная статья Д. И. Луковской, С. С. Гречишкина, Ю. В. Ячменёва. Подготовка текста С. С. Гречишкина. СПб: Издательство С.-Петербургского государственного университета, 1997. С. 4.

535

Шершеневич Г. Ф. Избранное. Т. 1 / Вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. С. 35.

536

Неволин К. А. Энциклопедия законоведения. История философии законодательства / Вступительная статья Д. И. Луковской, С. С. Гречишкина, Ю. В. Ячменёва. Подготовка текста С. С. Гречишкина. СПб: Издательство С.-Петербургского государственного университета, 1997. С. 22.

537

Неволин К. А. История российских гражданских законов. Часть первая: Введение и книга первая о союзах семейственных. М.: Статут, 2005. С. 193. «Для древней истории, – пишет Неволин, – следуя важнейшим в ней событиям, должно принять пять периодов, или отделов, времени: период 1-й – до принятия русскими христианства от греков в 988 г.; период 2-й – до раздробления России на несколько самостоятельных владений и порабощения ее монголами в 1238 г.; период 3-й – до восшествия на престол Московский в 1462 г. Иоанна III, основавшего единодержавие в России и освободившего ее из-под владычества монгольского; период 4-й – до Уложения 1649 г. царя Алексея Михайловича; период 5-й – до начала самостоятельного царствования в 1689 г. Петра Великого. В новой истории необходимо отделить: период 1-й – до восшествия на престол императрицы Екатерины II в 1762 г.; период 2-й – до издания Свода законов Российской империи в 1833 г.; период 3-й должен начаться этим важнейшим происшествием в истории русского законодательства». (Там же. С. 188–189).

538

Третьяков С. К проблеме использования исторической документации в цивилистической догматике // Неволин К. А. История российских гражданских законов. Часть первая: введение и книга первая о союзах семейственных. М.: Статут, 2005. С. 42.

539

Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права // Шершеневич Г. Ф. Избранное. Т. 1 / Вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. С. 41.

См.: Жозе Эрману Сарайва. История Португалии. М.: Весь мир, 2007.

541

РГИА. Ф.13. Оп. 2. Д. 167.

542

См.: Синкевич Г. И. Дмитрий Мейер – сын придворного музыканта // Доклады 71-й научной конференции профессоров, преподавателей, научных работников, инженеров и аспирантов университета. СПб: Изд-во СПбГАСУ, 2015. С. 35–40.

543

См. там же.

См.: Гольмстен А. Х. Дмитрий Иванович Мейер, его жизнь и деятельность // Мейер Д. И. Русское гражданское право: чтения, изданные по записям слушателей / Под ред. А. Вицына. С испр. и доп. А. Х. Гольмстена. 10-е изд. Пг., 1915. С. I–II.

Савиньи Фридрих Карл фон (1779–1861) – выдающийся ученый, государственный деятель, был министром юстиции Пруссии; более всего известен по работам по гражданскому и римскому праву. Главные труды: «Право владения» (1803), «Обязательственное право» (1876), «Система современного римского права» в восьми томах (1840–1852).

545

См.: Гольмстен А. Х. Дмитрий Иванович Мейер, его жизнь и деятельность. С. III.

Пухта Георг Фридрих (1798–1846) – немецкий юрист, последователь Ф. Савиньи, представитель исторической школы права.

Назарьев В. Н. Жизнь и люди былого времени // Исторический вестник. 1890. Т. XLII. С. 719.

547

См.: Ключевский В. Курс русской истории. СПб, 1904. Лекция LXXXV.

См.: Пекарский П. П. Студенческие воспоминания о Д. И. Мейере // Братчина. СПб, 1859. С. 209–211.

549

Гольмстен А. Х. Дмитрий Иванович Мейер, его жизнь и деятельность // Мейер Д. И. Русское гражданское право: чтения, изданные по записям слушателей / Под ред. А. Вицына. С испр. и доп. А. Х. Гольмстена. 10-е изд. Пг., 1915. С. 19.

550

См.: Пекарский П. П. Студенческие воспоминания о Д. И. Мейере // Братчина. СПб, 1859. С. 211.

551

Пекарский Пётр Петрович (1827–1872) – историк, литератор. В 1847 г. окончил юридический факультет Казанского университета. Самые популярные работы: «Наука и литература в России при Петре Великом» в двух томах (1862); «Маркиз де ла Шатарди» (1862); «История Императорской академии наук в Петербурге» в двух томах (1870–1873).

552

Пыпин А. Н. Мои заметки. М.: Изд-во Бухгейм, 1910. С. 31.

553

Пекарский П. П. Студенческие воспоминания о Д. И. Мейере. С. 215.

554

Вицын Александр Иванович (1833–1900) в 1853 г. окончил юридический факультет Казанского университета, преподавал в качестве адъюнкта, доцента и профессора в Московском, Казанском и Петербургском университетах, участвовал в подготовке Устава гражданского судопроизводства, занимался адвокатской деятельностью.

555

Гольмстен Адольф Христианович (1848–1920) – профессор гражданского права и судопроизводства, ректор Императорского Санкт-Петербургского университета, автор целого ряда трудов по гражданскому праву и гражданскому судопроизводству.

556

С 1859 по 1902 г. вышло восемь (!) изданий этого учебника. После 1917 г. по понятным причинам книга не издавалась, однако в 1997 г. и позже (в 2000, 2003, 2019 годах) издательство «Статут» снова выпустило в свет этот учебник. Издание 2019 г. примечательно тем, что представлено в Казанском (Приволжском) федеральном университете 27 сентября 2019 г. в рамках симпозиума «2019 – Цивилистическое право и процесс: история, современное состояние и перспективы развития» (к 200-летию со дня рождения Д. И. Мейера).

557

Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права. Казань, 1893. С. 117.

558

Н. [В. Нечаев] Мейер Дмитрий Иванович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. CVIII[A]. СПб, 1896. С. 951.

559

Шершеневич Г. Ф. Мейер Дмитрий Иванович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета. Ч. 2. Казань, 1904. С. 47.

560

Мейер Д. О значении практики в системе современного юридического образования. Казань, 1855. С. 17.

561

См.: Чернышевский Н. Г. О значении практики в системе современного юридического образования. Д. Мейера // Полн. собр. соч. Т. II. М., 1949. С. 782, 783.

Чернышевский Н. Г. Губернские очерки // Полн. собр. соч. Т. IV. С. 286–288.

563

Цит. по: Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М.: Гослитиздат, 1959. С. 148.

См.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 46. М., 1937. С. 4–28.

565

См.: Загоскин Н. П. Студенческие годы Л. Н. Толстого // Исторический вестник. 1894. Т. LV. С. 120.

Пекарский П. П. Студенческие воспоминания о Д. И. Мейере. С. 217.

См.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 59. М., 1935. С. 15.

Поиски работы в XIX и XX вв. не увенчались успехом. Об этом, в частности, говорили и исследователи творчества Д. И. Мейера. Так, в своей статье, посвященной жизни и творчеству ученого, А. Х. Гольмстен указывал: «Содержание этого сочинения нам неизвестно. В описываемое время печатание диссертаций не было обязательно. Мейер представил и защитил свою работу в рукописи. Говорят лишь, что рукопись эта была, уже по смерти Мейера, у одного из книгопродавцев, вероятно, с целью напечатания, но какая судьба ее постигла – неизвестно». (Гольмстен А. Х. Дмитрий Иванович Мейер. Его жизнь и деятельность // Гражданское право. Чтения Д. И. Мейера, изданные по запискам слушателей под редакцией А. И. Вицына. Издание седьмое, с исправлениями и дополнениями А. Х. Гольмстена. С приложением очерка русского вексельного права, биографии, портрета Д. И. Мейера и трех указателей. СПб:: Типография Д. В. Чичинадзе, 1897. С.V). И только благодаря Д. Х. Валееву и А. М. Лукину диссертация Д. И. Мейера была найдена в рукописном варианте в архиве Казанского (Приволжского) федерального университета. Их усилиями текст на сложенной, спрессованной, рассыпающейся бумаге был восстановлен, и работа, можно сказать, заново появилась на свет в 20-е годы XXI века. (О поисках неизвестных материалов Д. И. Мейера см.: Валеев Д. Х. Неизвестный Мейер // О праве казны и другие ранее не издававшиеся труды и материалы. Отв. ред. Д. Х. Валеев. М.: Статут, 2021. С. 3–7. В этой же книге опубликована найденная магистерская диссертация. (С. 42–112)).

569

См.: Мейер Д. И. Древнее русское право залога // Мейер Д. И. Избранные труды: В 2 т. Т. 2 / Вступ. слово П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2019. С. 138–195.

Соколовский Н. С. Воспоминания // Отечественные записки. 1858. Т. III. № 5. С. 17–18.

571

Мейер Д. Юридические исследования относительно торгового быта Одессы. Казань: Изд. Ивана Дубровина, 1855. С. 2.

Там же. С. 37.

573

Гольмстен А. Х. Дмитрий Иванович Мейер, его жизнь и деятельность // Мейер Д. И. Русское гражданское право: чтения, изданные по записям слушателей / Под ред. А. Вицына. С испр. и доп. А. Х. Гольмстена. 10-е изд. Пг., 1915. С. 13.

См.: Синкевич Г. И. Дмитрий Мейер – сын придворного музыканта // Доклады 71-й научной конференции университета СПбГАСУ. СПб, 2015.

Готье Ю. Граф Павел Дмитриевич Киселёв // Освобождение крестьян. Деятели реформы. М.: Издание «Научного слова», 1911. С. 56.

576

Разговор царя с П. Д. Киселёвым 3 мая 1816 г. // Заболоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселёв и его время. В 4-х томах. СПб: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. Т. 1. С. 28–29.

577

См.: Готье Ю. Граф Павел Дмитриевич Киселёв // Освобождение крестьян. Деятели реформы. М.: Издание «Научного слова», 1911. С. 64.

Александр был в курсе этого обстоятельства. Недаром он придирался к чинам 15-й дивизии Михаила Орлова. «Причиной тому были доносы, говорившие о революционном направлении офицерства, что и подтвердилось позже, когда многие из чинов этой дивизии были замешаны в заговоре 14 декабря 1825 года, и во главе их сам граф М. Ф. Орлов». (Великий князь Николай Михайлович. Указ. соч. С. 309).

579

С 1808 года звание генерал-адъютанта стало применяться как почетное отличие для высших военных чинов, обозначающее близость к монарху, поскольку оно давало право непосредственного доклада императору. Оно могло присваиваться лицам, имеющим чин не ниже III класса по «Табели о рангах».

Великий князь Николай Михайлович. Указ. соч. С. 310. Аракчеева называли Грузинским помещиком или временщиком, поскольку Александр пожаловал ему поместье под названием Грузино в Новгородской губернии.

581

Готье Ю. Граф Павел Дмитриевич Киселёв // Освобождение крестьян. Деятели реформы. М.: Издание «Научного слова», 1911. С. 70.

582

Готье Ю. Граф Павел Дмитриевич Киселёв // Освобождение крестьян. Деятели реформы. М.: Издание «Научного слова», 1911. С. 70–71.

583

Разговор Николая I с Киселёвым 17 февраля 1836 г. // Заболоцкий-Десятовский А. П. Указ. соч. Т. 2. С. 11–13.

584

По восьмой ревизии (1833) государственных крестьян насчитывалось 7 649 000 душ мужского пола, т. е. около $^1/_3$ всего сельского населения империи. Свое название этот разряд крестьян получил при Петре Великом, в отличие от помещичьих крестьян и дворцовых, считавшихся как бы частной собственностью государя. (Князькова С. А. Граф П. Д. Киселёв и реформа государственных крестьян // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. Том II. Издание Т-ва И. Д. Сытина, 1911. С. 209).

585

Князькова С. А. Граф П. Д. Киселёв и реформа государственных крестьян. С. 221–222.

Князькова С. А. Граф П. Д. Киселёв и реформа государственных крестьян. С. 223–224.

587

Вормс А. Паренаго А. Крестьянский суд и судебно-административные учреждения // Судебная реформа. Под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского. Т. II. М.: Книгоиздательство «Объединение», 1915. С. 86.

588

Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. V // Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 5 / Под ред. В. Л. Янина; Послесл. и коммент. сост. В. А. Александров, В. Г. Зимина. М.: Мысль, 1989. С. 252.

589

Было переселено около 170 тысяч душ крестьян, и роздано им было около 2 1/2 миллионов десятин земли по расчету от 8 до 15 десятин на душу. (Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. Том II. Издание Т-ва И. Д. Сытина, 1911. С. 225.)

590

По инициативе П. Д. Киселёва организовалось очень широко оспопрививание, и к концу его управления министерством $^{9}/_{10}$ всего количества рождаемых ежегодно младенцев получали прививку оспы. Организация медицинской помощи выразилась в устройстве особых врачебных пунктов; было устроено обучение крестьянок акушерскому искусству и учреждено особое училище для фельдшеров из крестьян. (Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. Том II. Издание Т-ва И. Д. Сытина. 1911. С. 227).

591

См.: Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. Том II. Издание Т-ва И. Д. Сытина, 1911. С. 141–153, 229–232.

592

Готье Ю. Граф Павел Дмитриевич Киселёв // Освобождение крестьян. Деятели реформы. М.: Издание «Научного слова», 1911. С. 75.

Вейдле В. В. Умирание искусства. Три России. С. 58. Электронный ресурс: http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%92/vejdle-vladimir-vasiljevich/umiranie-iskusstva/6

Аскенази Ш. Царство Польское 1815–1830 гг. С предисл. А. А. Кизеветтера; пер. с польского Владимира Высоцкого. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1915. С. 39.

Председатель Комитета министров с 1832 г., председатель Государственного совета с 1834 г. В 1833 году Новосильцеву пожалован титул графа. Умер 8 (20) апреля 1838 года. Похоронен в Духовской церкви Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге.

А. Чарторыйский поддерживал антироссийскую политику западноевропейских держав, противоправительственные революционные и национально-освободительные движения в Российской империи, рассчитывая при их успехе на восстановление Польши. После заключения мирного договора в 1856 году в силу возраста и отсутствия востребованности ушел на покой. Умер 15 июля 1861 года и похоронен в церкви на кладбище в Монморанси под Парижем.

597

В конце своего правления Александр I решил ликвидировать тайные общества: «1 августа 1822 года последовал рескрипт на имя министра внутренних дел князя Кочубея, гласящий: „Все тайные общества, под какими наименованиями они ни существовали, как то масонских лож или другими, закрыть и учреждения их впредь не дозволять, а всех членов сих обществ обязать подписками, что они впредь, ни под каким видом, ни масонских, ни других тайных обществ, ни внутри России, ни вне ея, составлять не будут“. Эта мера вряд ли была действительна… они продолжали существовать и мало-помалу стали принимать политический характер». (Великий князь Николай Михайлович. Указ. соч. С. 297–298).

Шестопалов А. П. Великая княгиня Елена Павловна // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 73–94.

599

Шевырев А. Во главе константиновцев: великий князь Константин Николаевич и А. В. Головнин // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: сборник статей. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 56.

600

В 1862 г. председательствовал в комиссии по выработке нового закона о печати. Затем проводил реформы в Министерстве финансов. В качестве директора департамента внешней торговли отвечал за пересмотр системы таможенных сборов. В 1867 г. временно исполнял обязанности министра финансов.

601

Обер-прокурор Святейшего правительствующего синода (23 июня 1865 г. – 23 апреля 1880 г.), министр народного просвещения (1866–1880), министр внутренних дел и шеф жандармов (1882–1889). Также член Государственного совета (с 1866 г.), сенатор.

602

Статс-секретарь ЕИВ (1859), активный участник создания «Русской Палестины», сенатор, член Государственного совета Российской империи, управляющий делами Палестинского комитета, Палестинской комиссии, член-учредитель Императорского православного палестинского общества; действительный тайный советник.

603

Сенатор, член Государственного совета, министр юстиции (1878–1885).

604

Министр финансов (1862–1878), затем председатель Комитета министров (1881–1886).

605

Доверенное лицо вел. кн. Константина, координатор клана константиновцев, министр народного просвещения (1861–1866).

606

В день коронации Александр Высочайшим манифестом даровал льготы и послабления ряду категорий подданных, в частности декабристам, петрашевцам, участникам польского восстания 1830–1831 годов, приостановил на три года действие рекрутской повинности, списал недоимки с крестьян. (См.: Манифест, XV // Санкт-Петербургские ведомости. 1856. № 191. 30 авг. С. 1049.)

607

Интересно, что тогдашняя королева Англии Виктория (1818–1901) и Александр II в 1837 г., когда цесаревич путешествовал по Европе, испытывали друг к другу романтическое влечение. Это привело в ужас как родителей Александра, так и членов британского правительства. Викторию удалили в Виндзорский замок, Николай I отозвал наследника из Лондона домой. 27 мая 1839 г. состоялся их прощальный ужин и бал, а Александр подарил Виктории на память овчарку по кличке Казбек, которая долго оставалась любимицей королевы. В 1856 г. они стали заклятыми врагами. В 1874 г. Александр Николаевич так отозвался о своей бывшей возлюбленной: «Еще больший урод, чем на своих портретах». (См.: Ляшенко Л. М. Александр II, или История трех одиночеств. М.: Молодая гвардия, 2003; Сафронова Ю. А. Екатерина Юрьевская. Роман в письмах. СПб: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2017.)

Электронный ресурс: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/paris.htm.

609

Как ни странно, в Великобритании, казалось бы, выигранная Крымская война тоже оставила ощущение позора, разгрома и вызвала существенные изменения в обществе и политической системе. В России Крымская война способствовала осуществлению Великих реформ, а у англосаксов – значительному притоку в политику мещан. The Times писала: «Это злополучная война, и полмиллиона британских, французских и русских солдат, оставшихся в Крыму, выплатили до последней йоты весь долг христианской Европы перед Турцией. Никогда еще столь великие усилия не прикладывали для достижения столь бесполезной цели. С величайшей неохотой мы вынуждены признать, что все гигантские усилия и бесчисленные жертвы оказались напрасными». (Акройд Питер. Расцвет империи. От битвы при Ватерлоо до Бриллиантового юбилея королевы Виктории / Перев. В. В. Степановой. М.: Азбука-Аттикус, 2021. Электронный ресурс: https://www.litres.ru/piter-akroyd/rascvet-imperii-ot-bitvy-pri-vaterloo-do-brilliantovogo-ubile/).

Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М.: Политиздат, 1991. С. 15.

611

«Призыв правительства в государственное ополчение крестьяне расценили как возможность получить волю за „царскую службу“. В 16 губерниях многие крестьяне прекратили работу на помещиков и пошли в города, требуя записать их в ополчение. Особенно бурным движение было на Украине, где еще были живы воспоминания о казацкой вольности. Правительству пришлось силой усмирять крестьян, поднявшихся на защиту родины, и под конвоем отправлять их на место жительства. В 1857 г. в Западной Грузии вспыхнуло крупное крестьянское восстание, с трудом подавленное войсками. И хотя крестьянское движение было стихийным и раздробленным, оно создавало реальную угрозу крестьянской революции». (Подготовка реформы 1861 года // Федосов И. А. История СССР: Учеб. пособие: 8-й класс. М.: Просвещение, 1968. Электронный ресурс: https://hist-world.com/rossijskaya-imperiya-xixv-fedosov/484-podgotovka-reformy-1861-goda.html).

612

А. А. Аракчеев способствовал возвращению Сперанского из ссылки. По просьбе Аракчеева и в знак благодарности Сперанский даже написал научно-популярную брошюру об организации военных поселений. (См.: Сперанский М. М. О военных поселениях. СПб: Типография штаба военных поселений, 1825; Крашенинников П. Семь жизней графа Сперанского. М.: Эксмо, 2021. С. 101–102).

613

Чернуха В. Г. Совет Министров в 1857–1861 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины: [сборник]. Вып. V. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1973. С. 120–137.

614

Там же.

615

Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867 / Отв. ред. Н. П. Чулков. М.: Юрайт, 2019. С. 10–11. Электронный ресурс: https://urait.ru/viewer/peterburgskie-ocherki-pamflety-emigranta-1860–1867–427697#page/10

Соловьёв С. М. Указ. соч. С. 158.

617

Из 45,8 тыс. помещиков 13 центральных губерний только 12,6 тыс. (27,5%) в 1857–1858 гг. подписали согласие на «улучшение быта» своих крестьян. Так первоначально власть осторожно определяла курс на отмену крепостного права. (Хромов П. А. Очерки экономики докапиталистической России. М.: Наука, 1988. С. 12.)

Миронов Б. Н. Историческая социология России. СПб: Изд. дом С.-Петербургского гос. ун-та, 2009. С. 268.

619

Люди осознают свое бедственное положение, для них оказывается значимым, а то и невыносимым противоречие между жизнью, которую они вынуждены вести, и их представлением о том, чего они могли бы достичь. Подробнее см.: Крашенинников П. В. Право и революция. Очерки о государстве и праве. 1985–2000. М.: Статут, 2022. С. 12–15.

620

Великая реформа: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем / Историческая комиссия учебного отдела ОРТЗ; Ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. Т. IV. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1911. С. 139.

621

Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. V // Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 5 / Под ред. В. Л. Янина; послесл. и коммент. сост. В. А. Александров, В. Г. Зимина. М.: Мысль, 1989. С. 119.

622

Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1865. Июль – сентябрь. Книга третья. Раздел V. Радищев. С. 71.

623

Локальные реформы – отмена крепостного права в прибалтийских губерниях (Лифляндия, Курляндия, Эстляндия) в 1816–1819 гг. и введение инвентарей в Юго-Западном крае (Киевская, Подольская, Волынская губернии) в 1847–1848 гг. были обязательны для помещиков и представляли две модели решения крестьянского вопроса, которые были учтены при подготовке отмены крепостного права.

624

Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. V // Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 5 / Под ред. В. Л. Янина; Послесл. и коммент. сост. В. А. Александров, В. Г. Зимина. М.: Мысль, 1989. С. 259–260.

В состав комитета входили: председатель Государственного совета князь А. Ф. Орлов, министр внутренних дел С. С. Ланской, начальник Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и шеф жандармов князь В. А. Долгоруков, главноуправляющий Вторым отделением С. Е. И. В. канцелярии граф Д. Н. Блудов, министр императорского двора и уделов граф В. Ф. Адлерберг, главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями К. В. Чевкин, министр финансов П. Ф. Брок и члены Государственного совета: князь П. П. Гагарин, барон М. А. Корф и генерал-адъютант Я. И. Ростовцев. Позднее в число членов комитета был включен министр государственных имуществ М. Н. Муравьёв.

626

Рескрипт вменял в обязанность губернским комитетам приступить к составлению подробных проектов «об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян» своих губерний. Это устройство и улучшение предлагалось организовывать на трех основных принципах:

«1. Помещикам сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянам оставляется их усадебная оседлость, которую они в течение определенного времени приобретают в свою собственность посредством выкупа; сверх того предоставляется в пользование крестьян надлежащее по местным удобствам, для обеспечения их быта и для выполнения обязанностей пред правительством и помещиком, количество земли, за которое они или платят оброк или отбывают работу помещику.

2. Крестьяне должны быть распределены на сельские общества, помещикам же предоставляется вотчинная власть.

3. При устройстве будущих отношений помещиков и крестьян должна быть надлежащим образом обеспечена исправная уплата государственных и земских податей и денежных сборов».

[Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости. (За 1857, 1858, 1859 и 1860 гг.). Т. 1. Издание третье. СПб, 1869. С. 2.]

627

Н. А. Милютин служил в МВД в качестве директора хозяйственного департамента. С 1859 по 1861 гг. был временно исполняющим обязанности товарища (заместителя) министра. Милютин также владел вопросами местного, городского и земского самоуправления, которые разрабатывались в министерстве с 1856 г. при участии Салтыкова-Щедрина.

628

См.: Кизеветтер А. Император Александр II и реформа 19 февраля 1861 года // Освобождение крестьян. Деятели реформы. М.: Издание «Научного слова», 1911. С. XVI.

629

Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости. (За 1857, 1858, 1859 и 1860 гг.). Т. 1. С. 23.

630

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. М., 1961. С. 187. Электронный ресурс: http://turgenev-lit.ru/turgenev/pisma-1855–1858/letter-297.htm.

631

Основные положения новой программы были следующими: получение крестьянами личной свободы, обеспечение их наделами земли (в постоянное пользование) с правом выкупа (специально для этого правительство выделяет крестьянам специальный кредит), утверждение переходного («срочнообязанного») состояния.

632

Яков Иванович Ростовцев был близким другом Александра Николаевича. Будучи членом Главного комитета и пользуясь безграничным доверием императора, он способствовал утверждению программы и позиции либеральной бюрократии. Отрекшись от варианта безземельного освобождения крестьян, он продвинул идеи реформы, которые еще в 1858 г. запрещались и преследовались правительством. Одна из основных причин такого преображения Ростовцева в «прогрессиста и эмансипатора» – стремление освободиться от обвинения в измене друзьям-декабристам, реабилитировать себя перед теми, кто вернулся из ссылки, своими сыновьями и обществом. Особенно потрясла Якова Ивановича предсмертная просьба младшего сына летом 1858 г. «помочь делу освобождения крестьян» и восстановить честь их фамилии. (Захарова Л. Г. Самодержавие и реформы в России 1861–1874: к вопросу о выборе пути развития // Великие реформы в России / Под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М.: Изд. Моск. ун-та, 1992. С. 32).

633

Первое издание материалов Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Ч. XVIII. СПб: Редакционные комиссии по крестьянскому делу, 1860. С. 3–6.

634

Подробный анализ подготовки крестьянской реформы изложен в работе Томсинова В. А. «Подготовка крестьянской реформы 1861 года в России» (См.: Крестьянская реформа 1861 года в России. / Сост., авт. предисл. и вступ. ст. В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2012. С. XV–XCVIII).

2–ПСЗРИ. Том 36. № 36650. С. 130–134.

2–ПСЗРИ. Том 36. № 36652. С. 135–138.

1) Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости (2–ПСЗРИ. Том 36. № 36657).

2) Положение об устройстве дворовых людей, вышедших из крепостной зависимости (2–ПСЗРИ. Том 36. № 36658).

3) Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости и о содействии Правительства к приобретению сими крестьянами в собственность полевых угодий (2–ПСЗРИ. Том 36. № 36659).

4) Положение о Губернских и Уездных по крестьянским делам Учреждениях (2–ПСЗРИ. Том 36. № 36660).

5) Правила о порядке приведения в действие Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости (2–ПСЗРИ. Том 36. № 36661).

6) Местное Положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях, в губерниях: Великороссийских, Новороссийских и Белорусских (2–ПСЗРИ. Том 36. № 36662).

7) Местное Положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях, в губерниях Малороссийских: Черниговской, Полтавской и части Харьковской (2–ПСЗРИ. Том 36. № 36663).

8) Местное положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях, в губерниях: Киевской, Подольской и Волынской (2–ПСЗРИ. Том 36. № 36664).

9) Местное Положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях, в губерниях: Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской (2–ПСЗРИ. Том 36. № 36665).

10) Дополнительные Правила об устройстве крестьян, водворенных в имениях мелкопоместных владельцев, и о пособии сим владельцам (2–ПСЗРИ. Том 36. № 36666).

11) Дополнительные Правила о приписанных к частным горным заводам людях ведомства Министерства финансов (2–ПСЗРИ. Том 36. № 36667).

12) Дополнительные правила о крестьянах и работниках, отбывающих работы при Пермских частных горных заводах и соляных промыслах (2–ПСЗРИ. Том 36. № 36668).

13) Дополнительные Правила о крестьянах, отбывающих работы на помещичьих фабриках (2–ПСЗРИ. Том 36. № 36669).

14) Дополнительные Правила о крестьянах и дворовых людях, вышедших из крепостной зависимости, в Земле Войска Донского

(2–ПСЗРИ. Том 36. № 36670).

15) Дополнительные Правила о крестьянах и дворовых людях, вышедших из крепостной зависимости, в Ставропольской губернии (2–ПСЗРИ. Том 36. № 3 6671).

16) Дополнительные Правила о крестьянах и дворовых людях, вышедших из крепостной зависимости, в Сибири (2–ПСЗРИ. Том 36. № 36672);

17) Правила о людях, вышедших из крепостной зависимости, в Бессарабской области (2–ПСЗРИ. Том 36. № 36673).

Рязанов В. Т. Реформа 1861 года в России: причины и исторические уроки // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. Сер. 5. Вып. 2. С. 8.

См.: § 2 главы 1 настоящей работы.

640

РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 395. Л. 20. Здесь и далее цит. по: Шутов А. Ю. Роль Н. А. Милютина в подготовке земской реформы 1864 г. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2011. № 3. С. 58–76.

641

РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 395. Л. 104.

Гармиза В. В. Подготовка земской реформы 1864 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. С. 55.

643

Семёнов-Тян-Шанский П. П. Мемуары. Т. IV. Эпоха освобождения крестьян в России (1857–1861 гг.) в воспоминаниях бывшего члена-эксперта и заведовавшего делами Редакционных комиссий. Петроград: тип. Мин-ва путей сообщения, 1916. С. 197.

644

РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 395. Л. 1–3об.

645

Васильчиков А. И. О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских общественных учреждений. В 3 т. СПб: тип. В. В. Пратц, 1872. Т. 3. С. 1, 4–5.

646

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XXXIX. Отделение 1. СПб: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1867. С. 1–21.

В состав местных хозяйственных дел, подлежащих земским учреждениям, согласно Положению, входили:

• заведывание имуществами, капиталами и денежными сборами земства;

• устройство и содержание принадлежащих земству зданий, других сооружений и путей сообщения, содержимых за счет земства;

• меры обеспечения народного продовольствия;

• заведывание земскими благотворительными заведениями и прочие меры призрения;

• способы прекращения нищенства;

• попечение о построении церквей;

• управление делами взаимного земского страхования имуществ;

• попечение о развитии местной торговли и промышленности;

• участие, преимущественно в хозяйственном отношении и в пределах, законом определенных, в попечении о народном образовании, о народном здравии и о тюрьмах;

• содействие к предупреждению падежа скота, а также по охранению хлебных посевов и других растений от истребления саранчой, сусликами и другими вредными насекомыми, и животными;

• исполнение возложенных на земство потребностей воинского и гражданского управлений и участие в делах о почтовой повинности;

• раскладка тех государственных денежных сборов, распределение которых по губернии и уездам возлагается на земские учреждения;

• назначение, раскладка, взимание и расходование, на основании Устава о земских повинностях, местных сборов, для удовлетворения земских потребностей губернии или уезда.

Для обеспечения реализации своих полномочий земства наделялись распорядительными полномочиями (ст. 4), правами юридического лица, могли вступать в гражданские правоотношения и обращаться в суд «именем земства» (ст. 5).

См.: Реформы Александра II / Сост. О. И. Чистяков, Т. Е. Новицкая. М.: Юридическая литература, 1998. С. 221–222.

649

Городовое положение 16 июня 1870 г., дополненное приложением содержания статей Св. Зак., на которые сделаны ссылки, вышедшими по 1 января 1871 года новыми узаконениями и разъяснениями Министерства внутренних дел. СПб, 1871.

650

См.: Реформы Александра II / Сост. О. И. Чистяков, Т. Е. Новицкая. М.: Юридическая литература, 1998. С. 232–233.

651

Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы: К пятидесятилетию судебных уставов. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1914. С. II.

652

Приложение. Опись дела о преобразовании судебной части в России // Джаншиев Г. А. Основы судебной реформы: Сборник статей. М.: Статут; РАП, 2004. С. 217–246.

653

Суть записки сводилась к мысли, что внезапное введение нового судебного устройства легко может привести к столкновениям и запутанности и даже удалить от желаемой цели. Автор предлагал улучшить существующее судопроизводство введением одиннадцати правил, «имеющих целью как ограждение подсудимых от напрасных притеснений, так и доставление им действительных и надежных средств законной защиты».

654

Дмитрий Николаевич Блудов (1785–1864) – литератор и государственный деятель времен Николая I и Александра II. Участвовал в качестве делопроизводителя в Верховном уголовном суде над декабристами. Работал товарищем (заместителем) министра народного просвещения. Впоследствии был министром внутренних дел и министром юстиции. Во время описываемых в этом параграфе событий Дмитрий Николаевич – главноуправляющий Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

655

Набоков В. Работы по составлению Судебных уставов. Общая характеристика судебной реформы // Судебная реформа: в 2 т. / сост. Н. В. Давыдов и Н. Н. Полянский. М: Объединение, 1915. Т. 1., 1915. С. 306–307.

О Сергее Ивановиче Зарудном см. § 9 настоящей главы.

657

Джаншиев Г. А. Основы судебной реформы: Сборник статей. М.: Статут; РАП, 2004. С. 55.

Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. С.-Петербург: Сенатская типография, 1902. С. 108.

659

Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы: К пятидесятилетию судебных уставов. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1914. С. 85.

Кони А. Ф. Там же. С. 86.

661

Именной, данный Сенату Указ от 20 ноября 1864 г. «Об учреждении судебных установлений и о Судебных уставах» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIX. Отделение второе. 1864 (№ 41319–41641). СПб: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1867. № 41473. С. 179–180. С 2008 г. 3 декабря – в день подписания Александром II судебных уставов и судебных установлений – в России отмечается День юриста.

662

Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны: В 4 ч. СПб: Издание Государственной канцелярии, 1867.

663

См.: Реформы Александра II / Сост. О. И. Чистяков, Т. Е. Новицкая. М.: Юридическая литература, 1998. С. 278–279.

664

Согласно примечанию к ст. 102 Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, волостной суд был не вправе приговаривать к телесному наказанию: престарелых крестьян, достигших шестидесятилетнего возраста; должностных лиц и тех, кто беспорочно исполняли подобные должности, равно и крестьян, кончивших курс в уездных училищах, земледельческих и равных с ними или высших учебных заведениях.

665

«Обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом перед Святым Его Евангелием и животворящим Крестом Господним хранить верность Его Императорскому Величеству Государю Императору Самодержцу Всероссийскому, исполнять свято законы Империи, творить суд по чистой совести, без всякого в чью-либо пользу лицеприятия и поступать во всем соответственно званию, мною принимаемому, памятуя, что я во всем этом должен буду дать ответ перед законом и перед Богом на Страшном суде Его. В удостоверении чего целую крест Спасителя моего» (УСУ, ст. 225).

666

Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. Второе дополненное издание. Часть первая. С.-Петербург, 1867. С. XII.

667

См.: Курс уголовного процесса / Под ред. Л. В. Головко. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. С. 145.

668

[Кони А. Ф.] Судебная реформа и суд присяжных // Кони А. Ф. Избранные труды и речи / Сост. И. В. Потапчук. Тула: Автограф, 2000. С. 185.

669

Шегловитов И. Г. Суд присяжных // Адвокатура и суд присяжных в России: сборник статей и документов: в 2 т. Т. I. Введение и развитие суда присяжных. М.: Граница, 2016. С. 95.

670

См.: Исаев И. А. История государства и права России. Учебник. 3-е изд, перераб. и доп. М.: Юрист, 2007. С. 439.

К основным полномочиям судебных палат относились:

– принятие решений о предании суду, в том числе иногда и по делам, рассматривавшимся в окружных судах с участием присяжных;

– разбирательство по первой инстанции дел о государственных преступлениях и «преступлениях по должности» (обычно в эти суды попадали чиновники т. н. среднего уровня);

– проверка в апелляционном порядке обоснованности и законности решений окружных судов по гражданским делам и их приговоров, вынесенных по уголовным делам без участия присяжных заседателей или сословных представителей.

1) по искам о взятых в долг товарах и припасах;

2) по искам об отдаче и приеме на сохранение денег или иного имущества;

3) по просьбам об исполнении договоров и обязательств;

4) по искам о вознаграждении за ущерб;

5) по спорам, вытекающим при исполнении решений;

6) по спорам о привилегиях.

Кассационные департаменты Сената:

– рассматривали дела о наиболее опасных преступлениях по первой инстанции с участием или без участия сословных представителей;

– проверяли в апелляционном порядке обоснованность и законность приговоров, вынесенных без участия сословных представителей судебными палатами или судьями самого Сената (сенаторами);

– проверяли в кассационном порядке законность решений и приговоров всех указанных выше судебных инстанций, в том числе вынесенных с участием присяжных заседателей или сословных представителей (в таком порядке не могли проверяться лишь приговоры сенаторов, постановленные без участия сословных представителей).

В 1877 г. на Сенат была возложена еще функция высшей дисциплинарной инстанции для всех судей и предусмотрено образование дисциплинарного присутствия в составе шести сенаторов. Иногда Сенат выступал и в качестве инстанции, решавшей вопрос о предании суду (по делам о преступлениях судей, прокуроров, их товарищей и присяжных).

675

Васьковский Е. В. Адвокатура (Извлечение из книги «Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. за 50 лет». Т. 2. М., 1915) // Адвокатура и суд присяжных в России: Сборник статей и документов. В 2 т. / Федеральная палата адвокатов РФ; сост. С. А. Насонов, М. В. Петелина. М.: Изд-во «Граница», 2016. С. 121–122.

См.: Приложение № 2. Расписание числа нотариусов в округах судебных палат С.-Петербургской, Московской и Харьковской // Руководство к совершению актов, договоров и обязательств, на основании нового Положения о нотариальной части и правил, распубликованных Указом Правительствующего сената 3 ноября 1867 г. с приложением образцов и форм / Сост. Д. Коковцов. С.-Петербург, 1868. С. 195.

Соловьёв С. М. Указ. соч. С. 164–165.

Местные органы управления, почта и пути сообщения были переданы в ведение польского правительства. Полякам было дозволено занимать административные должности, польский язык был введен в официальное делопроизводство. В ряде губерний было отменено военное положение, амнистирована часть политических ссыльных. Шла речь о восстановлении польской конституции.

679

Салтыков-Щедрин М. Е. Полное собрание сочинений / Под ред. В. Я. Кирпотина, П. И. Лебедева-Полянского, П. Н. Лепешинского. М.: Худ. лит-ра, 1937. Т. 16. С. 478.

680

«Письмо из провинции», адресованное А. И. Герцену за подписью «Русский человек», было опубликовано в 64-м листе «Колокола» 1 марта 1860 года. В литературе до сих пор идут споры об авторе этого письма. Высказывались предположения, что автором его мог быть Н. Г. Чернышевский либо Н. А. Добролюбов.

681

Засулич В. По поводу юбилея Александра II. 1880 г. Женева (Швейцария) // РГАСПИ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 4. Подлинник. Рукописный текст. Электронный ресурс: https://rg.ru/2018/04/18/rodina-zasulich-o-aleksandre-ii.html.

682

Михаил Тариелович Лорис-Меликов (1824–1888) – военачальник эпох Николая I и Александра II, государственный деятель времен Александра II. До описываемых событий служил начальником Терской области, генерал-губернатором Харьковской губернии. После седьмого покушения на императора, результатом которого был взрыв в Зимнем дворце (февраль 1880 г.), Лорис-Меликов был вызван в Санкт-Петербург. После гибели императора ушел в отставку, последние годы проживал преимущественно в Ницце, где скончался в декабре 1888 г. Похоронен в Тифлисе.

2–ПСЗРИ. Том 54. № 60492. С. 450.

Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. М.: Ин-т рос. истории РАН. 2000. С. 631633.

685

См.: Конституция М. Т. Лорис-Меликова. 1881 г. Электронный ресурс: http://музейреформ. рф/node/13671

686

Из воспоминаний С. И. Зарудного // Сборник правоведения и общественных знаний. Труды Юридического общества, состоящего при Императорском Московском университете, и его статистического отделения. Том третий. С.-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1894. С. 3.

687

Семёнов Н. П. Граф Виктор Никитич Панин: характеристический очерк по рассказам, моим запискам и воспоминаниям // Русский архив. 1887. № 12. С. 537–566.

Кони А. Ф. Отцы и дети Судебной реформы: к пятидесятилетию судебных уставов. М.: Статут; РАП, 2003. С. 102. (Судебная реформа в России.)

689

Из воспоминаний С. И. Зарудного. С. 5.

690

См.: Набоков В. Работы по составлению Судебных уставов. Общая характеристика судебной реформы // Судебная реформа: в 2 т. / Сост. Н. В. Давыдов и Н. Н. Полянский. М: Объединение, 1915. Т. 1., 1915. С. 306.

691

Суздалева Т. Р., Фёдоров К. В. Противник судебной реформы 1864 года В. Н. Панин // Гуманитарный вестник. 2015. № 1 (27). С. 6–8.

692

Сергей Иванович Зарудный. Материалы к его биографии // Русская старина. 1888. № 9. С. 613–614.

693

Кони А. Ф. Отцы и дети Судебной реформы: к пятидесятилетию судебных уставов. М.: Статут; РАП, 2003. С. 113. (Судебная реформа в России.)

См., например: Набоков В. Рассказы. Воспоминания. М.: Современник, 1991. С. 475–476.

695

См.: Левин Н. Псковские корни Владимира Набокова // Псковская земля. История в лицах. [В 3 кн.] [Кн. 3:] «Дворяне все родня друг другу». М.: Можайский полиграфкомбинат, 2006. С. 158–166.

696

«Законник в полном смысле слова». Генерал-прокурор Дмитрий Николаевич Набоков // Звягинцев А., Орлов Ю. От первого прокурора России до последнего прокурора Союза. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 89.

697

Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы. М.: Статут, 2003. С 189.

698

См.: «Законник в полном смысле слова». Генерал-прокурор Дмитрий Николаевич Набоков // Звягинцев А., Орлов Ю. От первого прокурора России до последнего прокурора Союза. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 89.

699

См.: Звягинцев А., Орлов Ю. Неизвестная Фемида: документы, события, люди. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 164.

Кони А. Ф. Указ. соч. С. 189.

Кони А. Ф. Указ. соч. С. 193.

Кони А. Ф. Указ. соч. С. 197.

703

Набоков В. В. Другие берега // Внутреннее обозрение. 1885. № 12. С. 8. Электронный ресурс: https://www.rulit.me/books/drugie-berega-read-26069–8.html

Вот только могилу нам найти не удалось, хотя искали тщательно и, можно сказать, комиссионно.

Кони А. Ф. Указ. соч. С. 199.

Соловьёв В. М. Указ. соч. С. 161.

707

Речь в Полтаве перед волостными старшинами временно обязанных крестьян 15 авг. 1861 г. // Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М.: Изд. Чарли, 1996. Т. 1, С. 435.

Согласно легенде, обсуждая этот вопрос, Александр спросил, можем ли мы защитить эту территорию в случае чего? На что ему ответили, что за Уралом Россия вряд ли что-то может защитить.

Терентий Филиппов по этому случаю ездил даже в Москву, чтоб из архивов извлечь подробности о коронации Екатерины I. Добыв в Москве архивные сведения для будущей коронации, он с торжеством возвращался в Петербург, как вдруг на полпути узнал о событии 1 марта. Сведения были спрятаны (Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина / с предисл. В. И. Невского; вступ. ст. и примеч. С. В. Бахрушина. М.: М. и С. Сабашниковы, 1929–1934: Земство и Московская дума. 1934. С. 118).

Журнал Особого совещания, созванного для обсуждения законопроекта М. Т. Лорис-Меликова // Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. С. 649.

711

Перетц Е. А. Дневник (1880–1883) / Сост. и науч. ред. А. А. Белых. М.: Изд. дом. «Дело», РАНХиГС, 2021. С. 145.

712

Перетц Е. А. Дневник (1880–1883) / Сост. и науч. ред. А. А. Белых. М.: Изд. дом. «Дело», РАНХиГС, 2021. С. 147.

713

Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879–1881 / Под ред. Л. Г. Захаровой. М.: Изд-во Моск. унив-та, 2010. С. 283.

714

Доклад М. Т. Лорис-Меликова о предполагаемых реформах государственного устройства. 11 апреля 1880 г. // Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. С. 636.

715

Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879–1881 / Под ред. Л. Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2010. С. 222.

Председатель Комитета министров П. А. Валуев, военный министр Д. А. Милютин, министр финансов А. А. Абаза, председатель департамента законов Государственного совета князь С. Н. Урусов, министр юстиции Д. Н. Набоков, министр народного просвещения А. А. Сабуров, государственный контролер Д. М. Сольский, министр государственных имуществ князь А. А. Ливен, а также великий князь Константин Николаевич.

717

Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного союза. В 5 т. Рига, 1886–1892. Издание книгопродавца Киммеля. Т. 1. С. 15.

718

Корф М. А. Жизнь графа Сперанского // Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I; Жизнь графа Сперанского / Вступ. слово, сост. П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2015. С. 376.

719

«К сожалению, император Николай Второй это перемирие, предложенное нами, он принял за отказ от внутренней борьбы, за доказательство того, что оппозиция признала себя побежденной этим взрывом патриотических чувств русского народа». (Особое мнение Александра Керенского. Расшифровка интервью с последним премьером Временного правительства России – Александром Фёдоровичем Керенским. Электронный ресурс: https://diletant.media/articles/29511628/.)

Например, князь Кропоткин, анархист, революционер до мозга костей, в детстве служил камер-пажом Александра II и был чистокровным барином с изящными манерами и дворянской самоуверенностью. Говорят, он даже пытался побить самого К. Маркса за его русофобские высказывания. Софья Перовская была правнучкой Кирилла Григорьевича Разумовского, последнего гетмана Малороссии, дочерью члена Совета при Министерстве внутренних дел, бывшего петербургского генерал-губернатора, и родственницей главного воспитателя великих князей.

721

См.: *Крашенинников П. В.* Время великих реформ. Золотой век государства и права. М.: Эксмо, 2023. С. 301–306.

722

Перетц Е. А. Дневник (1880–1883) / Сост. и науч. ред. А. А. Белых. М.: Дело, 2021. С. 154–157.

Перетц Егор Абрамович (1833–1899) – государственный деятель эпох Александра II и Александра III. Служил Государственным секретарем Госсовета Российской империи с 1878 по 1882 годы, был в доверительных отношениях с великим князем Константином Николаевичем Романовым, одним из главных идеологов Великих реформ.

723

Перетц Е. А. Дневник (1880–1883) / Сост. и науч. ред. А. А. Белых. М.: Дело, 2021. С. 157.

724

В 1882 году Александр III создал Императорское православное палестинское общество и назначил руководителем своего брата – великого князя Сергея Александровича Романова.

Напомним, что Марией Фёдоровной Романовой звали также супругу Павла I. Несмотря на очевидную разницу эпох, периодически можно встретить путаницу в изложении жизни и деятельности двух императриц.

Государственных денег на строительство магистралей не хватало, и правительство привлекало частный капитал, гарантируя 5% прибыли в любом случае. Крупные компании сразу смекнули, что доступ к бюджету мог дать только прямой доступ к правительству. Они стали приглашать в советы директоров своих компаний родственников императора и высоких правительственных сановников, а также их родственников, которые, будучи вхожи к царю, периодически получали для патронируемых ими обществ не только выгодные подряды, кредиты, но и решения об уплате долгов за счет казны и иные способы «приватизации прибылей и национализации убытков». Акционерами, например, Общества Саратовской железной дороги были наследник-цесаревич Николай Александрович, великие князья Александр, Владимир и Алексей, а также многие придворные лица (см.: *Хусаинов Ф. И.* Как коррупция погубила частные железные дороги // Ведомости. 2017. 17 нояб.).

Епанчин Н. А. На службе трех императоров. М.: Изд-во журнала «Наше наследие», 1996. С. 94–96.

Витте С. Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М.: Мысль, 1991. С. 267.

729

Назаревский В. В. Император Александр III. М.: Университетская типография, 1907. С. 2.

730

Опубликован 30 апреля 1881 года. (Правительственный вестник. 1881. 30 апр. (12 мая) № 93. С. 1). Текст приводится с изменением оригинальной дореформенной орфографии (морфологии) при сохранении оригинального написания прописных букв. Электронный ресурс: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1022608.

731

Катков Михаил Никифорович (1818–1887) – русский публицист, издатель, литературный критик, основоположник русской политической журналистики, тайный советник.

732

Мещерский Владимир Петрович (1839–1914) – русский писатель и публицист крайне правых взглядов, издатель-редактор журнала (с 1 октября 1887 года – газеты) «Гражданин». Действительный статский советник в звании камергера.

733

Правительственный вестник. 1881. 6 (18) мая. № 98. С. 1.

Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970. С. 64–65.

735

Имеется в виду известный анекдот. Заболевший ветеринар приходит к доктору, и тот его спрашивает: «На что жалуетесь, коллега?» На что возмущенный ветеринар отвечает: «Ну так-то каждый может!»

Витте С. Ю. Национальная экономия и Фридрих Лист. Киев: Тип. «Киев. слова». 1889. С. 3.

Письмо Исполнительного комитета «Народной воли» Александру III от 10 марта 1881 года. Электронный ресурс: https://historicaldis.ru/blog/43155999400/Pismo-Ispolnitelnogo-komiteta-%C2%ABNarodnoy-voli%C2%BB-Aleksandru-III. – 10.

См.: *Толмачёв Е. П.* Александр III и его время. М.: Терра-Книжный клуб, 2007. С. 544.

739

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 1. СПб, 1885. № 350. С. 261–266.

740

После убийства Александра II высшие сановники образовали в Петербурге тайную организацию под названием «Священная дружина». Она провозглашала охрану царя и борьбу с «врагами порядка» и просуществовала полтора года. Считается, что именно «Священная дружина» приложила руку к организации «народного протеста против еврейской эксплуатации» (Энгель В. В. Курс лекций по истории евреев в России. Электронный ресурс: http://jewhist.narod.ru/russ/russ001-8.htm).

741

После второго раздела Речи Посполитой (1793) Екатериной II была определена территория (черта) оседлости, где было разрешено жить и работать евреям. Ее граница периодически менялась. Черта оседлости включала в себя 15 губерний: Волынскую, Екатеринославскую, Киевскую, Подольскую, Полтавскую, Таврическую, Херсонскую, Черниговскую, Витебскую, Гродненскую, Минскую, Могилёвскую, Виленскую, Ковенскую и Бессарабскую. До 1868 года запрещено было селиться в пределах черты оседлости евреям из Царства Польского и наоборот. В пределах черты оседлости евреям запрещалось жить в селах, а также в Киеве (с 1827 года), Николаеве (в 1829–1866 годах), Севастополе (с 1829 года) и Ялте (с 1837 года) (см.: Бирюкова Л. Черта оседлости. Электронный ресурс: https://geno.ru/article/5070/).

742

См.: *Поляков Ю. А.* Финляндская автономия в Российской империи // Вопросы истории. 2008. № 8. С. 94–99.

743

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 2. СПб, 1886. № 1072. С. 390–391.

Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства министерства народного просвещения. Изд. 1893 г. и по прод. 1906, 1908, 1909 и 1910 гг. Электронный ресурс: http://letopis.msu.ru/documents/2761.

Ивкина Т. В., Подольская И. А. Система подготовки научно-педагогических кадров российских университетов по университетским уставам 1863 и 1884 гг. // Научный вестник Уральской академии государственной службы. 2009. Март. Вып. 1. Электронный ресурс: https://otherreferats.allbest.ru/pedagogics/01189227_0.html; Пушкарёв С. Г. Россия 1801–1917: власть и общество. М.: Посев, 2001. С. 298.

В оппозиции к проекту были не только Д. А. Милютин, А. А. Абаза, М. Т. Лорис-Меликов, но и бывшие министры просвещения Е. П. Ковалевский, А. В. Головнин, А. П. Николаи, а также такие влиятельные сановники, как Н. Х. Бунге, А. А. Половцев и даже сам К. П. Победоносцев. Все-таки Константин Петрович был крупным ученым, законоведом и устрашился столь полного принесения науки в жертву политическим целям, когда благонадежность фактически ставилась выше научного уровня преподавателя. Однако император уже принял решение: снижение уровня науки и образования представлялось ему не столь уж важной проблемой. Александр III в очередной раз принял сторону меньшинства, поддержав проект нового университетского устава.

Катков М. Н. Письма к Александру II и Александру III // Былое. 1917. № 4 (26). Окт. С. 3–32. Электронный ресурс: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_pisma_k_alexandru2.html.

Петражицкий Л. И. Университет и наука (опыт теории и техники университетского дела и научного самообразования) // Университетский вопрос в России / Сост. и авт. вступ. ст. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2017. С. 25.

Бирюкова Л. Черта оседлости. Электронный ресурс: https://geno.ru/article/5070/.

750

Повесть К. И. Чуковского написана и издана в 1938 году под названием «Гимназия. Воспоминания детства» (М.; Л.: Детиздат, 1938), переработана и вновь издана в 1961 году под названием «Серебряный герб» (М.: Детгиз, 1961).

751

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 9. СПб, 1891. № 6196. С. 510–524.

752

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 10. СПб, 1893. № 6927. С. 495–511.

753

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 12. СПб, 1895. № 8708. С. 430–456.

Пункт 6. Положения: «На должности земских участковых начальников могут быть назначаемы:

1) лица, прослужившие в губернии не менее трех лет в должности предводителя дворянства;

2) местные потомственные дворяне, которые имеют не менее двадцати пяти лет от роду и окончили курс в одном из высших учебных заведений империи, или выдержали соответственное испытание, или же прослужили в губернии не менее трех лет в одной из следующих должностей: мирового посредника, мирового судьи, непременного члена присутствия по крестьянским делам или земского начальника; если притом они сами, жены или родители их владеют в пределах уезда на праве собственности пространством земли не менее половины того, которое определено для непосредственного участия в избрании гласных в уездное земское собрание, или другим недвижимым имуществом, оцененным для взимания земских сборов не ниже семи тысяч пятисот рублей…»

Нарушение прав евреев осуществлялось исключительно по религиозному принципу и касалось тех, кто не желал поступиться своей верой и этнической идентичностью. Крещеные евреи обладали всеми правами коренного населения.

756

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 9. СПб, 1891. № 6196. С. 508–535.

757

См.: *Исаев И. А.* История государства и права России: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2007. С. 457–459.

758

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 1. СПб, 1885. № 575. С. 372.

759

Там же. С. 375.

760

См.: *Шебзухова Ф. Х.* Крестьянский вопрос во внутренней политике царского правительства в 80–90-е гг. XIX в.: урегулирование податной системы // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 1. С. 25–26.

761

Положение о Крестьянском поземельном банке // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 2. СПб, 1886. № 894. С. 218–221. См. также: Правила действий Крестьянского поземельного банка и его отделений // Узаконения и распоряжения о Крестьянском поземельном банке. СПб, 1884. С. 15–19; Инструкция о порядке производства торгов на земли, заложенные в Крестьянском поземельном банке. СПб, 1914; Правила о порядке хозяйственного заведования имениями, принадлежащими Крестьянскому поземельному банку, счетоводства и отчетности по ним. СПб, 1909.

Свод законов Российской империи. СПб, 1912. Т. XI. Ч. II. С. 822–851.

Экономическая политика Александра III. Электронный ресурс: https://istoriarusi.ru/imper/economicheskaya-politika-aleksandra-3.html?ysclid=l91kn7jxcu407661837.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 5. СПб, 1887. № 3016. С. 263–269.

765

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Биографии: В 12 т. / Отв. ред. В. М. Карев, М. Н. Хитров. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 660.

См.: *Иванов В. Ф.* Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней. М.: Фонд ИВ, 2008. С. 20–22.

767

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 2. СПб, 1885. № 931. С. 265–267.

Там же. Т. 5. СПб, 1887. № 3013. С. 261.

Там же. Собр. 3. Т. 6. СПб, 1888. № 3768. С. 262–266.

770

Головина С. Ю. Кодификация трудового законодательства России // Кодификация российского частного права / Под ред. Д. А. Медведева. М.: Статут, 2008. С. 235.

Головина С. Ю. Указ. соч. С. 235–236.

772

Из рескрипта императора Александра III военному министру П. С. Ванновскому 1890 года [см.: Государственный совет. 1801–1901. (Крат. очерк деятельности за сто лет существования). Сост. в Гос. Канцелярии. СПб: Гос. тип., 1901. С. 174].

773

См.: *Шульга В. В.* Преобразования в армии и на флоте России во время правления Александра III // Вестник Военного университета. 2007. № 3 (11). С. 89–95.

Цит. по: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX в.: Военно-экономический потенциал России. М.: Наука, 1973. С. 484.

775

См.: *Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. / Ред., биогр. очерк и коммент. проф. П. А. Зайончковского. М.: Наука, 1966. Т. 1: 1883–1886 гг. С. 302.

776

См.: Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III. 1881–1894. СПб, 1903. С. 21.

777

Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. В 2 т. Т. 1. [Ч. 1: Самодержавное правление (1894–1904)]. Мюнхен: Изд. О-ва распространения рус. нац. и патриот. лит., 1949. С. 20.

Розанов В. В. Эстетическое понимание истории. М.: Республика; СПб.: Росток, 2009. С. 602.

779

Витте С. Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М.: Мысль, 1991. С. 267.

Кони А. Ф. Крушение царского поезда // Кони А. Ф. Собрание сочинений. В 8 т. / Под общ. ред. В. Г. Базанова, Л. Н. Смирнова, К. И. Чуковского. М.: Юридическая литература. 1966–1969. Т. 1. Из записок судебного деятеля. С. 422.

781

Кони А. Ф. Крушение царского поезда // Кони А. Ф. Собрание сочинений. В 8 т. / Под общ. ред. В. Г. Базанова, Л. Н. Смирнова, К. И. Чуковского. М.: Юридическая литература. 1966–1969. Т. 1. Из записок судебного деятеля. С. 457.

Там же. С. 458.

783

Грубе В. Ф. Воспоминания об императоре Александре III. СПб: тип. М. М. Стасюлевича, 1898. С. 12–15.

Диагноз подписали проф. Э. Лейден (терапевт), проф. Г. А. Захарьин (терапевт), лейб-хирург Г. И. Гирш (семейный доктор императорской четы), доктор медицины П. М. Попов (терапевт), доктор медицины Н. А. Вельяминов (хирург), министр Двора граф И. И. Воронцов-Дашков (см.: РГИА. Ф.468. Оп.46. Д.3. Л. 29; Зимин И. В., Лукичёв Б. Г., Клечиков В. З. История болезни и смерти Александра III // Нефрология. 2002. Т. 6. № 1. С. 101–107).

785

Дневники императора Николая II / Сост., коммент., примеч., перечень имен, список сокр. В. П. Козлова и др.; общ. ред. и предисл. К. Ф. Шацилло. М.: Орбита, 1992. С. 39.

Преображенский И. В. Константин Петрович Победоносцев, его личность и деятельность в представлении современников его кончины // Константин Петрович Победоносцев в воспоминаниях современников, речах и письмах / Сост., предисл. и коммент. С. В. Лебедев, К. А. Киятов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2016. С. 26–172.

787

Дворянки по Жалованной грамоте дворянству 1785 года сохраняли свой статус при выходе замуж за недворянина, но не передавали его детям.

Суржик О. С. К. П. Победоносцев и памфлет на графа В. Н. Панина // Новый исторический вестник. 2008. № 1 (17). С. 167–173.

789

Есть достаточно убедительная версия о том, что К. П. Победоносцев родился 18 ноября, а 21 мая – день его тезоименитства, который ошибочно был указан на его надгробном кресте. См.: Шилов Д. Н. Когда родился Константин Петрович Победоносцев? (Заметки о методике биографического исследования) // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 53–63.

790

Кранихфельд Александр Иванович (1812–1884) после окончания Санкт-Петербургского университета был направлен как подающий надежды молодой юрист во Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, где принимал участие в работе над Полным собранием законов и Сводом законов Российской империи под руководством М. М. Сперанского. С 1831 по 1834 годы стажировался в Берлинском университете, после сдачи экзаменов был направлен в Санкт-Петербургский университет, где преподавал и возглавлял кафедру законов о государственных повинностях и финансах, а затем стал деканом юридического факультета. Преподавал в Императорском училище правоведения. Главный его научный труд – «Начертание российского гражданского права в историческом его развитии» (1843).

791

О С. И. Зарудном см.: Крашенинников П. В. Время великих реформ. Золотой век государства и права. М.: Эксмо, 2023. С. 307–314.

792

См.: *Нольде А. Э.* К. П. Победоносцев и судебная реформа. Петроград: тип. т-ва «Обществ. польза», 1915. С. 35–37.

793

К. П. Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания. Мемуары: В 2 т. Т. II. Мн.: Харвест, 2003. С. 46–48.

Томсинов В. А. Константин Петрович Победоносцев, государственный деятель и правовед (1827–1907) // Победоносцев К. П. Курс гражданского права: В 3 т. Том 1 / Под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. С. 9.

795

«Нас тянет это роковое царствование – тянет роковым падением в какую-то бездну, прости Боже этому человеку – он не ведал, что творит, и теперь еще менее ведает… Судьбы Божии послали нам его на беду России. Даже все здоровые инстинкты самосохранения иссякли в нем: остались инстинкты тупого властолюбия и чувственности. Мне больно и стыдно, мне претит смотреть на него, и я чувствую, что он меня не любит и не доверяет мне» (цит. по: *Полунов А. Ю*. К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 175).

Шершеневич Г. Ф. Избранное. Т. 1 / Вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. 2-е изд, испр. М.: Статут, 2017. С. 90–91.

Там же. С. 93.

798

См.: Александр III // Православная богословская энциклопедия, или Богословский энциклопедический словарь, содержащий в себе необходимые для каждого сведения по всем важнейшим предметам богословского знания в алфавитном порядке / Издание под ред. проф. А. П. Лопухина: с иллюстрациями и картами. Петроград: Т-во А. П. Лопухина, 1900–1911. Т. 1: А – Архелая. 1900. С. 497–498.

799

Правила о церковно-приходских школах // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 4. СПб, 1887. № 2318. С. 372–374.

800

Победоносцев К. П. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа: В новом русском переводе. М.: Книга по требованию, 2016.

Сам Константин Петрович настаивал, что это не отлучение, а суждение и констатация фактов, что здесь нет ничего личного: Толстой сам подтолкнул церковь на этот шаг. Между тем таким решением он подставил как императора (тот узнал чуть позже и был крайне недоволен), так и саму церковь: все более активно стала обсуждаться ее роль в государстве, обществе, появилось целое течение «толстовцы». Одним словом, очередной раскол. До сих пор это суждение вызывает много вопросов. См., например, обращение президента Российского книжного союза С. В. Степашина к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу: Лев Толстой и Русская православная церковь: что изменилось за 100 лет // Российская газета. 2010. 18 нояб. № 260 (5339).

802

Автобиография, изложенная в письме Николаю II // Константин Петрович Победоносцев в воспоминаниях современников, речах и письмах / Сост., предисл. и коммент. С. В. Лебедев, К. А. Киятов. Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2016. С. 22.

803

Там же.

804

Кизиветтер А. Победоносцев // На чужой стороне. 1924. № 4. С. 258.

805

Волконский С. В. Мои воспоминания. В 2-х т. М.: Искусство. 1992. Т. 2: Родина. С. 55.

Например, в феврале 1894 года архимандрит Исидор Колоколов при поддержке казачьей сотни захватил старообрядческий Никольский монастырь. Монахи-старообрядцы были изгнаны из своей обители, при этом власти не стали останавливаться перед чудовищным для любого христианина поступком – разрушением монастырского кладбища. Казаки разрушили могилы епископа Иова и священника Григория, выкопали и сожгли их тела, а в могильных ямах сделали уборные. Это нападение, разумеется, не было единственным примером вмешательства государства в сферу религии в годы обер-прокурорства Константина Победоносцева. (*Полонский И.* Серый кардинал Александра III. Константин Победоносцев. Электронный ресурс: https://topwar.ru/117199-seryy-kardinal-aleksandra-iii.html).

807

Автобиография, изложенная в письме Николаю II // Константин Петрович Победоносцев в воспоминаниях современников, речах и письмах / Сост., предисл. и коммент. С. В. Лебедев, К. А. Киятов. Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2016. С. 24.

808

Преображенский И. В. Константин Петрович Победоносцев, его личность и деятельность в представлении современников его кончины // Константин Петрович Победоносцев в воспоминаниях современников, речах и письмах / Сост., предисл. и коммент. С. В. Лебедев, К. А. Киятов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2016. С. 31.

809

Как отмечает автор цитированной заметки М. Ростовцев, «Мы неудержимо шли назад во всем, и шли, не упираясь, как те, которых ведут, а добровольно, поддавшись гипнозу одного человека». (Преображенский И. В. Константин Петрович Победоносцев, его личность и деятельность в представлении современников его кончины // Константин Петрович Победоносцев в воспоминаниях современников, речах и письмах / Сост., предисл. и коммент. С. В. Лебедев, К. А. Киятов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2016. С. 32).

Полонский И. Серый кардинал Александра III. Константин Победоносцев. Электронный ресурс: https://topwar.ru/117199-seryy-kardinal-aleksandra-iii.html.

811

Нольде А. Э. Обзор научной юридической деятельности К. П. Победоносцева. Некролог // Журнал Министерства народного образования. 1907. № 8. Отд. 4. С. 97.

812

В начале XX века известный юрист А. И. Каминка писал: «Это отсутствие творческой мысли в научных работах, эта полная зависимость от постановлений действующего права в связи с боязнью критического к ним отношения лишили Победоносцева возможности оказать благотворное воздействие на науку гражданского права. И он как цивилист потерял значение еще значительно ранее того времени, когда кончилась его политическая роль». (Каминка А. И. К. П. Победоносцев // Право. 1907. № 11. С. 825).

813

См., например: *Розанов В. В.* К. П. Победоносцев. // Розанов В. В. Легенда о великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Лит. очерки. О писательстве и писателях / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1996. С. 529.

814

Подробнее см.: *Полунов А. Ю.* К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 92–103.

815

Народные воззрения, подчеркивал Победоносцев, несут в себе «свежесть непосредственного представления» и отражают «абсолютную истину идеи и чувства», которой не может дать «никакой самый тонкий… критический анализ фактов». «Ученые не хотят понять, что народ чует душой, что эту абсолютную истину нельзя уловить материально, выставить обязательно, определить числом и мерой». Именно народ хранит «земляную силу инерции», «которую близорукие мыслители новой школы безразлично смешивают с невежеством и глупостью». (Победоносцев К. П. Московский сборник // Победоносцев К. П. Сочинения / Вступ. ст. А. И. Пешкова. СПб: Наука, 1996. С. 310, 355).

816

Победоносцев К. П. Напутственное слово К. П. Победоносцева в г. Ярославле 9 июня 1880 года на выпускном акте в училище для дочерей священно – и церковнослужителей, состоявшем под покровительством жены императора Александра II императрицы Марии Александровны // Победоносцев К. П. Сочинения / Вступ. ст. А. И. Пешкова. СПб: Наука, 1996. С. 124.

817

См.: *Победоносцев К. П.* Московский сборник // Победоносцев К. П. Сочинения / Вступ. ст. А. И. Пешкова. СПб: Наука, 1996. С. 264–472.

818

См.: *Пешков А. И.* «Кто разоряет – мал во Царствии Христовом…» // Победоносцев К. П. Сочинения / Вступ. ст. А. И. Пешков. СПб: Наука, 1996. С. 12–13; Полунов А. Ю. К. П. Победоносцев и общественно-политическая жизнь Великобритании (1870-е – начало 1900-х гг.) // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек / Материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения и 100-летию со дня кончины К. П. Победоносцева, Санкт-Петербург, 1–3 июня 2007 г. СПб: Истина. 2007. С. 90–91.

819

«Всякая конституция, на представительстве основанная, есть ложь. Рано или поздно в этом убедятся все европ[ейские] народы, не исключая и британцев. У них держится порядок, можно сказать, вопреки форме правительства, сделками с ней и силой характера народного и исторического смысла. Но и у них он изнашивается» (цит. по: *Полунов А. Ю.* К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 113).

Победоносцев К. П. Московский сборник // Победоносцев К. П. Сочинения / Вступ. ст. А. И. Пешкова. СПб: Наука, 1996. С. 300, 302, 303, 306.

821

Цит. по: *Полунов А. Ю.* К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 123.

822

Письма Победоносцева к Александру III. В 2 т. М.: Новая Москва. 1926. Т. 1. С. 54, 207. Письма от 12 октября 1876 г. и 17 мая 1879 г.

823

Цит. по: *Полунов А. Ю.* К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 122.

Полунов А. Ю. К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 190.

825

«Иной крестьянин, едва умеющий читать и писать, обладает в среде своей достоинством и умением; вся деревня его уважает… Он не проходил начальной школы рационализма и критики, и, может быть, благодаря этому поднялась в нем и развилась творческая природная способность» (цит. по: *Победоносцев К. П.* Московский сборник // Победоносцев К. П. Сочинения / Вступ. ст. А. И. Пешкова. СПб: Наука, 1996. С. 330).

826

Цит. по: *Полунов А. Ю.* Константин Петрович Победоносцев – человек и политик //Отечественная история. 1998. № 1. С. 47.

827

Как хорошо известно сегодня любому начинающему пиарщику, важна не реальность, а ее восприятие публикой.

828

Победоносцев П. В. Новый Пантеон отечественной и иностранной словесности. М.: Университетская типография, 1819. Ч. 4. С. 107–108.

829

«В те годы дальние, глухие, / В сердцах царили сон и мгла: / Победоносцев над Россией / Простер совиные крыла, / И не было ни дня, ни ночи / А только тень огромных крыл; / Он дивным кругом очертил / Россию, заглянув ей в очи / Стеклянным взором колдуна» [Александр Блок. Возмездие (1910–1911)].

830

Автобиография, изложенная в письме Николаю II // Константин Петрович Победоносцев в воспоминаниях современников, речах и письмах / Сост., предисл. и коммент. С. В. Лебедев, К. А. Киятов. Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2016. С. 25.

831

Глинский Б. Б. Константин Петрович Победоносцев (Материалы для биографии) // Константин Петрович Победоносцев в воспоминаниях современников, речах и письмах / Сост., предисл. и коммент. С. В. Лебедев, К. А. Киятов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2016. С. 174–175.

832

Половцов А. А. Дневник государственного секретаря: В 2 т. М.: Центрполиграф, 2005. Т. 1: 1883–1886. С. 502.

833

25 января 1886 года Победоносцев писал Александру III: «Положение наших финансов занимает в последнее время не одних только государственных людей, но, можно сказать, всех русских людей. Все чувствуют и видят, что дело стоит плохо и угрожает опасность; все сознают – одни смутно, другие явственно – ошибки нашей финансовой политики, продолжающиеся вот уже около 30 лет; все стараются искать выхода из нынешних затруднений. В этом ощущении сходятся все сословия – и государственные люди, и дворянство, и коммерческий люд, и крестьянство» (Письма Победоносцева к Александру III. В 2-х т. / С предисл. М. Н. Покровского. М.: Новая Москва, 1926. Т. 2. С. 96–97).

834

Воспоминания Н. Н. Покровского о Комитете министров в 90-е гг. XIX в. // Исторический архив. 2002. № 2. С. 185.

835

Половцов А. А. Дневник государственного секретаря: В 2 т. М.: Центрполиграф, 2005. Т. 1: 1883–1886. С. 131.

836

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 583. Оп. 1. Д. 47. Л. 5 (цит. по: Степанов В. Л. Самодержец на распутье: Николай II между К. П. Победоносцевым и Н. Х. Бунге // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследования, историография, источниковедение. СПб: Нестор-История, 2009. С. 149).

837

Из архива С. Ю. Витте: Воспоминания: В 2 т. СПб: Рос. акад. наук. С.-Петерб. ин-т истории [и др.]; [Редкол.: Б. В. Ананьич и др.]. СПб: ДБ, 2003. Т. 1. Кн. 1: Рассказы в стенографической записи. С. 243–244, 367.

838

Воспоминания Н. Н. Покровского о Комитете министров в 90-е гг. XIX в. // Исторический архив. 2002. № 2. С. 186–187.

839

Подробнее см.: *Степанов В. Л.* Самодержец на распутье: Николай II между К. П. Победоносцевым и Н. Х. Бунге // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследования, историография, источниковедение. СПб: Нестор-История, 2009. С. 145–168.

840

Дневники императора Николая II / Сост., коммент., примеч., перечень имен, список сокр. В. П. Козлова и др.; общ. ред. и предисл. К. Ф. Шацилло. М.: Орбита, 1992. С. 43.

841

Главная причина первоначального неодобрения состояла в предварительных брачных договоренностях, не связанных с королевой Викторией. Кроме того, будущие супруги были дальними родственниками, к тому же в роду Виктории была гемофилия, которая передавалась по мужской линии, что в итоге и произошло с Алексеем Николаевичем Романовым.

842

См.: Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний / Предисл. и коммент. А. Виноградова. М.: Современник, 1991. С. 141.

843

Там же.

844

Из дневника А. А. Половцова // Красный архив. М., 1934. Т. 6 (67). С. 172.

845

Кривенко В. С. В Министерстве двора: воспоминания. СПб: Нестор-История. 2006. С. 226.

846

Варианты речи Николая II 17 января 1895 г. Публ. И. С. Розенталя // Исторический архив. 1999. № 4. С. 219.

847

См.: Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний / Предисл. и коммент. А. Виноградова. М.: Современник, 1991. С. 142–143.

848

Речь идет о памятных кружках, изготовленных ко дню коронации Николая II.

849

Дневники императора Николая II / Сост., коммент., примеч., перечень имен, список сокр. В. П. Козлова и др.; общ. ред. и предисл. К. Ф. Шацилло. М.: Орбита, 1992. С. 145–146.

850

Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний / Предисл. и коммент. А. Виноградова. М.: Современник, 1991. С. 143.

851

См.: Дневники императора Николая II / Сост., коммент., примеч., перечень имен, список сокр. В. П. Козлова и др.; общ. ред. и предисл. К. Ф. Шацилло. М.: Орбита, 1992. С. 147, 156, 686–687.

852

Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний / Предисл. и коммент. А. Виноградова. М.: Современник, 1991.

853

Там же. С. 143–144.

854

См.: Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний / Предисл. и коммент. А. Виноградова. М.: Современник, 1991. С. 151–152.

855

Кони А. Ф. Николай II // Николай Второй: Воспоминания. Дневники / Вступ. ст., сост., примеч. и подгот. текста Б. В. Ананьича, Р. Ш. Ганелина. СПб: Пушкинский фонд, 1994. С. 163–165.

Впоследствии оба были убиты эсерами: Сипягин – 2 (15) апреля 1902 года, а Плеве – 15 (28) июля 1904 года.

857

Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний / Предисл. и коммент. А. Виноградова. М.: Современник, 1991. С. 146–147.

858

Восьмидесятилетний Ванновский, взявший на свои трудовые плечи тяжкое дело народного просвещения в смутные годы, после ласково и любезно встреченного доклада о преобразовании средней школы получил записку о своем увольнении. Обер-прокурор Синода Самарин, приехав на другой день после благосклонно принятого в Совете министров доклада, прочел записку царя к Горемыкину, в которой стояло: «Я вчера забыл сказать Самарину, что он уволен. Потрудитесь ему сказать это» … Вечером того дня, когда утром Кауфман-Туркестанский был удостоен лобзаний и приглашения к завтраку за то, что рассказал об опасностях, грозящих России и династии, он получил увольнение от звания, дававшего ему возможность личных свиданий с государем. (*Кони А. Ф.* Николай II // Николай Второй: Воспоминания. Дневники / Вступ. ст., сост., примеч. и подгот. текста Б. В. Ананьича, Р. Ш. Ганелина. СПб: Пушкинский фонд, 1994. С. 164–165).

859

Витте С. Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М.: Мысль, 1991. С. 558.

860

Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний / Предисл. и коммент. А. Виноградова. М.: Современник, 1991. С. 153.

861

Условия Портсмутского мира были следующими: Россия признала за Японией право господства в Корее и уступала часть территории острова Сахалин (японцы хотели получить весь остров, но Витте был против). Россия передавала Японии Квантунский полуостров вместе с Порт-Артуром. Контрибуции никто никому не выплачивал, но Россия должна была выплатить вознаграждение противнику за содержание русских военнопленных.

862

Ключевский В. О. Краткий курс по русской истории. Электронный ресурс: https://gigabaza.ru/doc/166735-p27.html.

863

См.: *Семанов С. Н.* Кровавое воскресенье как исторический феномен // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 182–188.

864

Министр внутренних дел В. К. Плеве утвердил устав 15 февраля 1904 года. Еще раз следует подчеркнуть, что организация была легальной, создавалась и осуществляла свою деятельность как минимум при одобрении полиции.

865

Петиция рабочих и жителей Петербурга для подачи Николаю II 9 января 1905 г. // Государство российское: власть и общество. С древнейших времен до наших дней. Сборник документов. Под ред. Ю. С. Кукушкина. М.: Изд-во Моск. университета, 1996. С. 251–254. Электронный ресурс: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/jan1905.htm.

866

Решение о недопущении шествия на Дворцовую площадь было принято вечером 8 января на совещании у министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского. По итогам совещания было решено расставить на главных магистралях города заграждения из войск, которые будут останавливать толпы рабочих, а при неповиновении действовать оружием. После совещания П. Д. Святополк-Мирский и директор Департамента полиции А. А. Лопухин прибыли в Царское Село и доложили обо всем царю.

867

Дневники императора Николая II / Сост., коммент., примеч., перечень имен, список сокр. В. П. Козлова и др.; общ. ред. и предисл. К. Ф. Шацилло. М.: Орбита, 1992. С. 246.

868

Струве П. Б. Палач народа // Освобождение. Париж. 1905. № 64. 25 янв. С. 233. Электронный ресурс: https://arctus.livejournal.com/503938.html.

869

Жорес Жан (1859–1914) – деятель французского и международного социалистического движения, историк.

870

См.: *Сухонин С. С.* 9 января 1905 года: (Лич. впечатления) // Всемирный вестник. 1905. № 12. С. 142–147.

871

Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского Внешнеполитического ведомства. 1914–1920. В 2-х кн. М.: Международные отношения, 1993. Кн. 1. Август 1914 г. – октябрь 1917 г. С. 31.

872

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 23. Отд. 1. СПб, 1905. № 22581. С. 113–114.

Там же. Т. 24. Отд. 1. СПб, 1907. № 25495. С. 1196–1198.

Бунге Н. Х. Загробные заметки. 1890–1894 гг. // Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). СПб. науч. о-во историков и архивистов, Рос. гос. ист. арх.; сост. Л. Е. Шепелев. СПб: Лики России, 1999. С. 191–271.

875

«Мучаюсь. В сомнении. Иногда кажется полезным и даже спасительным. Опасным кажется в данное время. Страшно подойти и решить… Мечусь направо и налево. Отложить до более спокойного времени. Можно потерять все» (Заседания Совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. в записях Э. Ю. Нольде // Археографический ежегодник за 1989 г. М.: издание Археографической комиссии РАН. 1990. С. 296–297).

876

Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1894 г. генерал-губернаторов, губернаторов, военных губернаторов и градоначальников. СПб: Гос. тип., 1896. С. I–IV.

877

Воспоминания Н. Н. Покровского о Комитете министров в 90-е гг. XIX в. // Исторический архив. 2002. № 2. С. 188–189.

Степанов В. Л. Н. Х. Бунге. Судьба реформатора. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1998. С. 291.

879

Соловьёв Ю. Б. К истории происхождения манифеста 26 февраля 1903 г. // Вспомогательные исторические дисциплины: [Сб. ст.] / АН СССР, Отд-ние истории, Археогр. комис., Ленингр. отд-ние; [Редкол.: Н. Е. Носов (отв. ред.) и др.]. Т. 11. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1979. С. 202–204.

880

Дневники императора Николая II / Сост., коммент., примеч., перечень имен, список сокр. В. П. Козлова и др.; общ. ред. и предисл. К. Ф. Шацилло. М.: Орбита, 1992. С. 251.

881

Красный архив. М., 1925. Т. 4–5 (11–12). С. 108–115.

882

Манифест об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 25. Отд. 1. СПб, 1908. № 26803. С. 754–755.

883

Из архива С. Ю. Витте: Воспоминания: В 2 т. СПб: Рос. акад. наук. С.-Петерб. ин-т истории [и др.]; [Редкол.: Б. В. Ананьич и др.]. СПб: ДБ, 2003. Т. 2: Рукописные заметки. Рассказы в стенографической записи. С. 215–218. При подготовке манифеста особую активность проявил великий князь Николай Николаевич Романов, на которого, как и на всю семью, большое впечатление произвело убийство великого князя Сергея Александровича. Согласно легенде, Николай Николаевич недвусмысленно заявил, что застрелится на глазах императора, если тот откажется подписать манифест. «Николай II никогда бы не подписал октябрьского манифеста, – пишет Витте в своих мемуарах, – если бы на этом не настоял великий князь Николай Николаевич» (цит. по: Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний / Предисл. и коммент. А. Виноградова. М.: Современник, 1991. С. 121).

884

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 25. Отд. 1. СПб, 1908. № 26656. С. 637–638.

885

Указ «О мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений» от 19 октября 1905 г. // Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. М.: Издательство Государственной публичной исторической библиотеки. 2010. С. 140–144.

886

Указ «О переустройстве учреждения Государственного совета» от 20 февраля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 26. СПб, 1909. № 27425. С. 154–160; «Учреждение Государственного совета» от 24 апреля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 26. СПб, 1909. № 27808. С. 465–475.

887

В Свод основных государственных законов Российской империи входят: Раздел 1 Глава 1 «О существе Верховной Самодержавной Власти»; Глава 2 «О порядке наследия Престола»; Глава 3 «О совершеннолетии Государя Императора, о правительстве и опеке»; Глава 4 «О вступлении на Престол и присяге подданства»; Глава 5 «О Священном короновании и миропомазании»; Глава 6 «О титуле Его Императорского Величества и о Государственном гербе»; Глава 7 «О вере»; Глава 8 «О правах и обязанностях российских подданных»; Глава 9 «О законах»; Глава 10 «О Государственном Совете и Государственной Думе и образе их действий»; Глава 11 «О Совете Министров, Министрах и Главноуправляющими отдельными частями». Раздел 2 «Учреждение о Императорской Фамилии» включает в себя: Глава 1 «О степенях родства в Доме Императорском»; Глава 2 «О рождении и кончине Членов Императорского Дома и о родословной оному книге»; Глава 3 «О титулах, гербах и прочих внешних преимуществах»; Глава 4 «О содержании Членов Императорского Дома»; Глава 5 «О гражданских правах Членов Императорского Дома» (I. О браке; II. О малолетстве и совершеннолетии; III. О разных родах имуществ, о приобретении и передаче оных; IV. О наследстве; V. О судебном ведомстве); Глава 6 «Об обязанностях Членов Императорского Дома к Императору».

888

Высочайше утвержденные Основные государственные законы от 23 апреля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 26. СПб, 1909. № 27805. С. 456–461.

889

Котляревский С. А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных законов / Под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. 212.

890

Елчанинов А. Г. Царствование государя императора Николая Александровича. СПб: Сел. вестн.; М.: т-во И. Д. Сытина, 1913. С. 116.

Coup d'Etat *(фр.)* – государственный переворот.

892

Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. В 2 т. Т. 1. [Ч. 2: Переломные годы (1904–1907)]. Мюнхен: О-во распространения рус. нац. и патриот. лит., 1949. С. 343–344.

893

Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина // Красный архив. М., 1924. Т. 5. С. 121–122.

894

Витте С. Ю. Воспоминания. В 3 т. М.: Соцэкгиз. 1960. Т. 2: (1894 – октябрь 1905). Царствование Николая II / Коммент. канд. ист. наук В. И. Бовыкина и К. Н. Тарновского. С. 259.

895

Нольде Борис Эмануилович (1876–1948) – специалист по русскому государственному и международному публичному праву. Предоставил важную статистику количества заседаний Совета министров: «Справка о числе заседаний совета за 1857–1882 гг. всего лучше свидетельствует об этом. Вот перечень этих заседаний: 1857 – 2, 1858 – 23, 1859 – 19, 1860 – 7, 1861 – 18, 1862 – 21, 1863 – 9, 1864 – 9, 1865 – 2, 1866 – 5, 1867 – 7, 1868 – 4, 1869 – 2, 1870 – 3, 1971 – 4, 1872 – 0, 1873 – 2, 1874 – 1, 1875 – 1, 1876 – 0, 1877 – 1, 1878 – 1, 1879 – 0, 1880 – 0, 1881 – 1, 1882 – 1, с тех пор до 1905 г. заседаний не было. Таким образом, можно смело сказать, что созданный в 1857 и 1861 годах Совет министров оказался учреждением нежизнеспособным. Даже непосредственно после своего образования он функционировал, в сущности, нечасто и, конечно, уже в силу одного этого факта не мог стать нормальным центром координации правительственной деятельности. Начиная с середины 60-х годов он собирался уже совсем редко, а после 1882 г. совсем не собирался» (см.: Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права. СПб: Тип. «Правда», 1911. С. 106).

Председатель Совета министров назначался императором и имел право:

1) участвовать по делам всех ведомств в Государственной думе и Государственном совете и замещать в этих учреждениях любого министра или главноуправляющего;

2) входить к императору с всеподданнейшими докладами по делам, рассмотренным в Совете министров и требующим высочайшего разрешения, а также по прочим делам по собственному усмотрению;

3) запрашивать необходимые сведения и объяснения у начальников отдельных ведомств и частей управления;

4) приглашать на заседания Совета лиц, не имеющих статуса члена Совета министров;

5) вносить дела на рассмотрение Совета министров;

6) контролировать всеподданнейшие доклады министров и главноуправляющих, присутствовать при таких докладах императору.

897

Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права. СПб: Тип. «Правда», 1911. С. 117.

898

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 25. Отд. 1. СПб, 1908. № 26820. С. 759–761.

899

См.: Свод Законов Российской империи, дополненный по Продолжениям 1906, 1908, 1909 и 1910 гг. и позднейшим узаконениям 1911 и 1912 гг. / Под ред. А. А. Добровольского. Сост. Н. Е. Озерецковский, П. С. Цыпкин. Книга первая. Т. I–IV. 2-е изд. СПб: Законоведение, 1913. С. 12.

900

Именной высочайший указ Правительствующему Сенату «Об изменении Положения о выборах в Государственную думу и изданных в дополнение к нему узаконений» от 11 декабря 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т 25. Отд. 1. СПб, 1908. № 26962. С. 877–882.

901

Цитрон А. 72 дня первого Русского Парламента. СПб.: Баум, 1906. С. 142.

902

Цитрон А. 72 дня первого Русского Парламента. СПб.: Баум, 1906. С. 236.

903

Выборгский процесс. СПб: Тип. т-ва «Общественная польза», 1908.

904

См.: *Тесленко Н. В.* На скамье подсудимых // Сергей Андреевич Муромцев: Сб. ст. М.: М. и С. Сабашниковы, 1911. 336.

905

Речь П. Н. Милюкова на заседании Государственной думы 1 ноября 1916 г. // Резанов А. С. Штурмовой сигнал П. Н. Милюкова. Париж, 1924. С. 45–61. Электронный ресурс: https://www.litmir.me/br/?b=80412&p=4.

Первая сессия продолжалась с 15 ноября 1912 года по 25 июня 1913 года, состоялось 81 заседание Общего собрания Думы. Вторая сессия продолжалась с 15 октября 1913 года по 14 июня 1914 года, состоялось 111 заседаний Общего собрания Думы. Третья сессия началась 27 января 1915 года; через два дня, 29 января, сразу же после принятия бюджета, сессия Думы была объявлена императором закрытой. Четвертая сессия продолжалась с 19 июля по 3 сентября 1915 года, после чего Дума досрочно была распущена императором на каникулы, затем сессия продолжалась с 9 февраля по 20 июня 1916 года, состоялось 60 заседаний Общего собрания Думы. Пятая сессия началась 1 ноября 1916 года.

907

Об организации Государственного совета Российской империи см.: Крашенинников П. В. Семь жизней графа Михаила Сперанского. М.: Эксмо, 2021. С. 51–63.

908

См.: Свод Законов Российской империи, дополненный по Продолжениям 1906, 1908, 1909 и 1910 гг. и позднейшим узаконениям 1911 и 1912 гг. / Под ред. А. А. Добровольского. Сост. Н. Е. Озерецковский, П. С. Цыпкин. Книга первая. Т. I–IV. 2-е изд. СПб.: Законоведение, 1913. С. 10.

909

Верещагин А. Н. Кассационный Сенат (1866–1917). Очерки устройства и деятельности верховного суда Российской империи. М.: Изд. группа «Закон», 2022. С. 171.

910

Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 10 июня 1877 г. «О новом штате Кассационных департаментов Правительствующего Сената и о некоторых изменениях и дополнениях в Судебных уставах 20 ноября 1864 г.» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 52. Отд. 1. СПб, 1879. № 57471. С. 722–724.

911

См.: *Верещагин А. Н.* Кассационный Сенат (1866–1917). Очерки устройства и деятельности верховного суда Российской империи. М.: Изд. группа «Закон», 2022. С. 170.

Монарх подписывал законодательные акты, утверждал и освобождал от исполнения обязанностей судей, санкционировал приведение в исполнение смертных приговоров, а существующая в установленных рамках строгого нормативизма судебная система не обладала ни полноценной способностью к нормоконтролю законодательной власти, ни необходимым инструментарием для всесторонней защиты прав человека перед лицом произвола со стороны административно-исполнительных органов. (*Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. М.: Норма, 2001. С. 752–754).

913

Закон от 26 декабря 1916 года «О некоторых изменениях в устройстве и производстве дел департаментов Правительствующего Сената» признал несменяемость судей-сенаторов, ослабил влияние министерств на принятие сенатских решений при рассмотрении последними спорных дел и вводил в сенатское производство состязательное начало. Административные и апелляционный судебные департаменты были преобразованы по образцу кассационных. Таким образом, с принятием этого нормативного акта процесс становления первого департамента как высшего органа административной юстиции завершился; устаревшее делопроизводство приводилось в соответствие со всеми требованиями, предъявляемыми к организации судебного процесса. (*Горин А. Г.* Из истории реформы Сената России в начале XX в. // Советское государство и право. 1986. № 6. С. 111–116).

914

Куликов С. В. Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. 2009. № 4. С. 55–56. Электронный ресурс: http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/20473340.

СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 347.

916

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т 25. Отд. 1. СПб, 1908. № 26962. С. 837–840.

Эти положения дополнялись Указом «Об изменении и дополнении временных правил о периодической печати» от 18 марта 1906 года и Указом «О временных правилах для неповременной печати» от 26 апреля 1906 года. (Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 26. СПб, 1909. № 27574. С. 281–283; № 27815. С. 481–483).

918

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 25. Отд. 1. СПб, 1908. № 26125. С. 257–258.

919

См.: *Куликов С. В.* Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. 2009. № 4. С. 45–60. Электронный ресурс: http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/20473340.

920

См.: *Дякин В. С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л.: Наука, 1988. С. 158.

921

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 26. Отд. 1. СПб, 1909. № 27479. С. 201–207.

922

Закон «О преобразовании местного суда» от 15 июня 1912 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 32. Отд. 1. СПб, 1915. № 37328. С. 662–705. Закон способствовал совершенствованию всей судебной системы Российской империи, максимально приблизив суд к месту совершения правонарушения или спора и дав возможность рассматривать гражданские споры и уголовные дела в кратчайшие сроки. Тем самым было обеспечено верховенство правосудия на местах.

923

Половцов А. А. Дневник государственного секретаря: В 2 т. М.: Центрполиграф, 2005. Т. 2: 1887–1892. С. 263.

924

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 23. Отд. 1. СПб, 1905. № 22703–22704. С. 175–274.

925

Именной высочайший указ «Об утверждении Уголовного уложения» от 22 марта 1903 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 23. Отд. 1. СПб, 1905. № 22703. С. 175.

Глава I «О преступных деяниях и наказаниях вообще», глава II «О нарушении ограждающих веру постановлений», глава III «О бунте против верховной власти и о преступных деяниях против священной особы императора и членов императорского дома», глава IV «О государственной измене», глава V «О смуте», глава VI «О неповиновении власти», глава VII «О противодействии правосудию», глава VIII «О нарушении постановлений о воинской и земских повинностях», глава IX «О нарушении постановлений, ограждающих народное здравие», глава X «О нарушении постановлений, ограждающих общественную и личную безопасность», глава XI «О нарушении постановлений, ограждающих народное благосостояние», глава XII «О нарушении постановлений, ограждающих общественное спокойствие», глава XIII «О нарушении постановлений о надзоре за общественной нравственностью», глава XIV «О нарушении постановлений о надзоре за воспитанием юношества», глава XV «О нарушении постановлений о надзоре за печатью», глава XVI «О нарушении постановлений о надзоре за промыслами и торговлей», глава XVII «О нарушении постановлений о личном найме», глава XVIII «О нарушении постановлений о производстве строительных работ и о пользовании путями сообщения и средствами сношения», глава XIX «О преступных деяниях против прав семейственных», глава XX «О подделке монеты, ценных бумаг и знаков», глава XXI «О подлоге», глава XXII «О лишении жизни», глава XXIII «О телесном повреждении и насилии над личностью», глава XXIV «О поединке», глава XXV «Об оставлении в опасности», глава XXVI «О преступных деяниях против личной свободы», глава XXVII «О непотребстве», глава XXVIII «Об оскорблении», глава XXIX «Об оглашении тайн», глава XXX «О повреждении имущества, путей сообщения, предостерегательных, граничных и тому подобных знаков или иных предметов», глава XXXI «О необъявлении о находке, присвоении чужого имущества и злоупотреблении доверием», глава XXXII «О воровстве, разбое и вымогательстве», глава XXXIII «О мошенничестве», глава XXXIV «О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях наказуемой недобросовестности по имуществу», глава XXXV «Об преступных деяниях против прав авторских и привилегий на изобретения», глава XXXVI «О самовольном пользовании чужим имуществом», глава XXXVII «О преступных деяниях по службе государственной и общественной».

927

Отделение I «Положения общие», отделение II «О пространстве действия Уголовного уложения», отделение III «О наказаниях», отделение IV «Об условиях вменения и преступности деяний», отделение V «О видах виновности», отделение VI «О смягчении и замене наказаний», отделение VII «Об обстоятельствах, усиливающих ответственность», отделение VIII «Об обстоятельствах, устраняющих наказуемость».

928

Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / Ю. В. Грачёва, С. В. Маликов, А. И. Чучаев; под ред. А. И. Чучаева. М.: Проспект, 2015. С. 153.

929

Зубков А. И., Калинин Ю. И., Сысоев В. Д. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России. История и современность / Под ред. и с предисл. министра внутренних дел РФ С. В. Степашина и министра юстиции РФ П. В. Крашенинникова. М.: Норма, 1998. С. 22.

930

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 14. СПб, 1898. № 11035. С. 634–643; Т. 16. Отд. 1. СПб, 1899. № 12936. С. 427–440; Т. 24. Отд. 1. СПб, 1907. № 25014. С. 856–871; Т. 33. Отд. 1. СПб, 1916. № 38849, № 38851. С. 166–181; Т. 25. Отд. 1. СПб, 1908. № 26835. С. 766–767.

931

См.: *Куликов С. В.* Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. 2009. № 4. С. 52. Электронный ресурс: http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/20473340.

932

Детков М. Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России / Под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Вердикт–1М, 1999. С. 33.

933

Гражданское уложение. Проект высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения / Под ред. И. М. Тютрюмова. СПб: Изд. кн. магазина «Законоведение», 1910. В 2 т.

934

Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1. М.: Статут, 2005 (в сер. «Классика российской цивилистики»). С. 73.

935

См.: Государственная дума России, 1906–2006: энциклопедия: в 2-х т. / Науч. ред. Б. Ю. Иванов, А. А. Комзолова, И. С. Ряховская. М.: Рос. полит. энциклопедия, 2006. Т. 1. Государственная дума Российской империи, 1906–1917. С. 286.

936

Кодификация российского гражданского права / Составитель Д. В. Мурзин. Екатеринбург: Изд-во Ин-та частного права, 2003. С. 5.

937

Бунге Н. Х. Загробные заметки. 1890–1894 гг. // Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). СПб. науч. о-во историков и архивистов, Рос. гос. ист. арх.; сост. Л. Е. Шепелев. СПб: Лики России, 1999. С. 254–255.

938

Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности. 2 июня 1903 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 23. Отд. 1. СПб, 1905. № 23060. С. 595–606.

939

Законы «Об учреждении присутствий по делам страхования рабочих», «Об учреждении совета по делам страхования рабочих», «Об обеспечении рабочих на случай болезни», «О страховании рабочих от несчастных случаев» от 23 июня 1912 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 32. Отд. 1. СПб, 1915. № 37444–37447. С. 847–882.

940

Устав о промышленном труде (Св. Зак. т. XI, ч. 2, изд. 1913 г., статьи 1–228 и 541–597): с правилами и распоряжениями, изданными на основании этих статей, с разъяснениями к ним Правительствующего Сената и административных установлений, приложениями и указателями, алфавитным предметным и сравнительным постатейным / Сост. В. В. Громан. Петроград: Изд. Юридич. книжного склада «Право», 1915.; Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. 2. СПб, 1913.

941

Устав о промышленном труде (Св. Зак. т. XI, ч. 2, изд. 1913 г., статьи 1–228 и 541–597): с правилами и распоряжениями, изданными на основании этих статей, с разъяснениями к ним Правительствующего Сената и административных установлений, приложениями и указателями, алфавитным предметным и сравнительным постатейным / Сост. В. В. Громан. Петроград: Изд. Юридич. книжного склада «Право», 1915. С. III.

942

Раздел первый «О надзоре за промышленными предприятиями», раздел второй «Об условиях труда в промышленных предприятиях», раздел третий «О взысканиях за нарушения постановлений о промышленном труде и о порядке производства дел по сим нарушениям», раздел четвертый «Виды обеспечения рабочих и служащих в промышленных предприятиях».

Например, в разделе втором «Об условиях труда в промышленных предприятиях» были главы «О найме рабочих в фабрично-заводских, горных и горнозаводских предприятиях», «О продолжительности и распределении рабочего времени в фабрично-заводских, горных и горнозаводских предприятиях», «Об учреждении старост в промышленных предприятиях».

944

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 13. СПб, 1897. № 9754. С. 425–427.

Там же. С. 653–654.

Степанов В. Л. Н. Х. Бунге. Судьба реформатора. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1998. С. 251.

947

Бунге Н. Х. Загробные заметки. 1890–1894 гг. // Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). СПб. науч. о-во историков и архивистов, Рос. гос. ист. арх.; сост. Л. Е. Шепелев. СПб: Лики России, 1999. С. 253, 254.

948

Полное собрание речей императора Николая II: 1894–1906. Составлено по официальным данным «Правительственного вестника». СПб: Друг народа. 1906. С. 8, 32, 70, 71, 74.

949

Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1903 и 1904 гг. губернаторов, военных губернаторов, градоначальников и наказных атаманов казачьих войск. СПб: Гос. тип., 1907. С. 1.

950

Бунге Н. Х. Загробные заметки. 1890–1894 гг. // Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). СПб. науч. о-во историков и архивистов, Рос. гос. ист. арх.; сост. Л. Е. Шепелев. СПб: Лики России, 1999. С. 253.

951

Бунге Н. Х. Загробные заметки. 1890–1894 гг. // Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). СПб. науч. о-во историков и архивистов, Рос. гос. ист. арх.; сост. Л. Е. Шепелев. СПб: Лики России, 1999. С. 245, 253.

952

Витте С. Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. В 5 т. М.: Наука, 2002–2007. Т. 2. Кн. 2. Налоги, бюджет и государственный долг России. М., 2003. С. 161.

953

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 23. Отд. 1. СПб, 1905. № 22627. С. 133–134.

954

К. П. Победоносцев так рекомендовал Витте царю: «Витте подкуплен революцией, Ваше Величество. Он мечтает сделаться первым президентом российской республики. Он спорщик и крикун, но вместе с тем он достойный ученик школы Вашего отца. Его крупнейшей заслугой является введение у нас золотого денежного обращения, и у него масса друзей в среде финансовых тузов Парижа. Быть может, ему удастся восстановить за границей наш кредит» (Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний / Предисл. и коммент. А. Виноградова. М.: Современник, 1991. С. 147).

955

Указ «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний» от 5 октября 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 26. СПб, 1909. № 28392. С. 891–893.

956

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 26. СПб, 1909. № 28528. С. 970–974.

957

Из речи председателя Совета министров П. А. Столыпина 5 декабря 1908 г. // Дебаты о земле в Государственной думе (1906–1917). Документы и материалы / Под общ. ред. В. И. Черноиванова и В. В. Шелохаева. Сост. сб. и автор примеч. О. Н. Лежнёва. М.: ГОСНИТИ, 1995. С. 318.

958

А. И. Приставкин приводит обобщенные данные, вынесенные военно-полевыми судами, – четыре тысячи [см.: Выступление А. И. Приставкина, председателя Комиссии по вопросам помилования при Президенте Российской Федерации // Всероссийская конференция по проблемам отмены смертной казни (Москва, 3–4 июня 1999 г.). М.: Юрид. лит., 2000. С. 41].

959

Кони А. Ф. Николай II // Николай Второй: Воспоминания. Дневники / Вступ. ст., сост., примеч. и подгот. текста Б. В. Ананьича, Р. Ш. Ганелина. СПб: Пушкинский фонд, 1994. С. 143.

960

Число нерабочих (воскресных и праздничных) дней в году в России составляло 100–110 у рабочих, 140 у крестьян (в западных странах – 65, в Англии – только 55) (Назаров М. В. Россия накануне революции и Февраль 1917 года. Электронный ресурс: http://rys-strategia.ru/publ/1–1–0–1784?
ysclid=laygvh87ge689775469).

961

В 1908 году был принят закон об обязательном начальном образовании. Расходы правительства на просвещение увеличились между 1902 и 1912 годами на 216,2%. В 1915 году 51% всех детей от 8 до 11 лет посещали школу, а 68% новобранцев умели читать и писать (Арсентьев Н. М. Россия накануне Первой мировой войны: итоги экономического развития и социально-политического выбора // Экономическая история. 2015. № 1 (28). С. 23).

962

Назаров М. В. Россия накануне революции и Февраль 1917 года. Электронный ресурс: http://rys-strategia.ru/publ/1–1–0–1784?ysclid=laygvh87ge689775469.

963

Цит. по: *Пайпс Р.* Россия при старом режиме / Пер. с англ. В. Козловского. США, Кембридж, Массачусетс, 1981. Электронный ресурс: https://www.litmir.me/br/?b=122229&p=91#section_17.

964

Менделеев Д. К познанию России / Предисл. А. Салтыкова. Мюнхен: Милавида, 1924. С. 67.

965

Саролеа Ч. Правда о царизме // Знамя России. Нью-Йорк. 1974. № 364. Дек. С. 13.

Winston Churchil. The world crisis. 1916–18. Vol. I. London 1927. С. 223–225 (цит. по: Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. В 2 т. Т. 2. [Ч. 4: Мировая война (1914–1917)]. Мюнхен: Изд. О-ва распространений рус. нац. и патриот. лит., 1949. С. 259.

967

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М: Госполитиздат, 1958–1965. Т. 12. С. 193.

968

Троцкий Л. Д. История русской революции. В 2 т. Берлин: Гранит, 1931–1933. Т. I. Февральская революция. 1931. С. 72.

969

Четвертая Дума обладала ярко выраженными флангами (левыми и правыми) при весьма умеренном центре. Всего было избрано 442 депутата. Они представляли восемь партий: октябристы – 98 депутатов; националисты и умеренно-правые – 88; правые – 65; кадеты – 59; прогрессисты – 48; центристы – 32; социал-демократы – 14 (меньшевики – 8, большевики – 6); трудовики – 10; беспартийные – 7.

Масси Р. Николай и Александра. СПб: Амфора, 2012. С. 311.

971

Дурново П. Н. Записка Дурново со вступительной статьей М. Павловича // Красная новь. 1922. № 6. С. 178–199.

Кочубей В. П. Вооруженная Россия, ее боевые основы. Париж: Imprimerie Polyglotte N. L. Danzig, 1910. С. 8.

См.: Новейшая история России. 1914–2008: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 020700 «История» / [В. А. Кутузов и др.]; под ред. М. В. Ходякова; Санкт-Петербургский гос. ун-т. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. образование, 2008. Электронный ресурс: https://iknigi.net/avtor-kollektiv-avtorov/235351-noveyshaya-istoriya-rossii-19142008-kollektiv-avtorov/read/page-1.html.

Winston Churchil. The world crisis. 1916–18. Vol. I. London 1927. С. 223–225 (цит. по: Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. В 2 т. Т. 2. [Ч. 4: Мировая война (1914–1917)]. Мюнхен: Изд. О-ва распространений рус. нац. и патриот. лит., 1949. С. 259–260.

975

Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний / Предисл. и коммент. А. Виноградова. М.: Современник, 1991. С. 207.

976

Карл Пауль Фридрих Август Либкнехт (1871–1919) – немецкий политик, адвокат, антивоенный активист, теоретик марксизма, деятель германского и международного рабочего и социалистического движения, один из основателей (1918) Коммунистической партии Германии.

977

Особое мнение Александра Керенского. Расшифровка уникального интервью с последним премьером Временного правительства России Александром Фёдоровичем Керенским // Электронный ресурс: https://diletant.media/articles/29511628.

978

Бьюкенен Дж. Моя миссия в России: воспоминания дипломата. Перевод с англ. Д. Я. Блох. В 2 т. Париж, 1924. Т. 1. С. 173.

979

«Сего числа, – гласил его приказ, – я принял на себя предводительство всеми сухопутными и морскими силами, находящимися на театре военных действий. С твердой верой в помощь Божью и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамим земли Русской» (*Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. В 2 т. Т. 2. [Ч. 4: Мировая война (1914–1917)]. Мюнхен: Изд. О-ва распространений рус. нац. и патриот. лит., 1949. С. 178).

980

Переписка Николая и Александры Романовых / С предисл. М. Н. Покровского, Центроархив. М., Петроград: Гос. изд-во, 1923–1927. Т. 3 (1925). С. 252. Письмо от 22 августа 1915 года.

981

Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний / Предисл. и коммент. А. Виноградова. М.: Современник, 1991. С. 222–223.

982

Из письма лидера кадетской партии, бывшего министра первого Временного правительства П. Н. Милюкова бывшему члену Совета монархических съездов И. В. Ревенко (конец декабря 1917 – начало января 1918) // Дело «Каморры народной расправы». Т. 3, конверт с изъятыми у И. В. Ревенко письмами. Архив ФСК. Санкт-Петербург. Электронный ресурс: http://doc20vek.ru/node/1428.

983

Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. В 2 т. Т. 2. [Ч. 4: Мировая война (1914–1917)]. Мюнхен: Изд. О-ва распространений рус. нац. и патриот. лит., 1949. С. 182.

984

Александр Иванович Гучков рассказывает… (Вступительная статья и примечания В. И. Старцева, С. Ляндреса, А. В. Смолина) // Вопросы истории. 1991. № 7–8. С. 205.

985

Государственная дума в России. 1906–1917 / [авт. – сост. И. В. Лукоянов, Е. Ф. Любомирова, А. Р. Соколов]. СПб: Лики России, 2006. С. 268.

По большому счету, это была провокация, основанная на том, что из-за погодных условий произошли сильные снежные заносы на железнодорожных путях и снабжение Петрограда продуктами действительно на время прервалось, хотя запасов на складах было достаточно. В Думе не преминули указать на недееспособность правительства, а среди населения распространились слухи о надвигающемся голоде, активно распространяемые в длинных очередях, или, как тогда говорили, хвостах за хлебом. Это и был реальный триггер, включивший февральскую революцию 1917 года.

987

Утром 27 февраля восставших солдат насчитывалось 10 тысяч, днем – 26 тысяч, вечером – 66 тысяч, на следующий день – 127 тысяч, 1 марта – 170 тысяч, то есть весь гарнизон Петрограда (См.: Нефёдов С. А. Февраль 1917 года: власть, общество, хлеб и революция // Уральский исторический вестник. 2005. № 10–11. С. 121–122).

988

Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. Пг., 1917. С. 4.

989

Рабочая группа при Центральном Военно-промышленном комитете была арестована в ночь на 27 января 1917 года по подозрению полиции в участии в подготовке ко всеобщей забастовке.

990

См.: *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. В 2 т. Т. 2. [Ч. 4: Мировая война (1914–1917)]. Мюнхен: Изд. О-ва распространений рус. нац. и патриот. лит., 1949. С. 249.

991

Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. В 2 т. Т. 2. [Ч. 4. Мировая война (1914–1917)]. Мюнхен: Изд. О-ва распространений рус. нац. и патриот. лит., 1949. С. 252.

992

Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. В 2 т. Т. 2. [Ч. 4: Мировая война (1914–1917)]. Мюнхен: Изд. О-ва распространений рус. нац. и патриот. лит., 1949. С. 253–254.

993

Предлагаем полный текст Манифеста «Об отречении Государя Императора Николая II от престола Государства Российского и о сложении с себя верховной власти»: «Ставка. Начальнику штаба. В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя Верховную власть. Не желая расстаться с любимым Сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше Брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем Его на вступление на престол Государства Российского. Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед Ним, повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России. Г. Псков. 2 марта 15 час… мин. 1917 г. Николай. Министр императорского двора генерал-адъютант граф Фредерикс» (Собрание узаконений и распоряжений Правительства. Петроград. 1917. 6 марта. № 54. Отд. 1. Ст. 344. С. 533).

994

Дневники императора Николая II / Сост., коммент., примеч., перечень имен, список сокр. В. П. Козлова и др.; общ. ред. и предисл. К. Ф. Шацилло. М.: Орбита, 1992. С. 625.

995

Переговоры с Николаем Вторым // Газета «Утро России». 1917. 4 марта. № 61. С. 1.

996

Георгий Евгеньевич Львов (1861–1925) – из дворянской семьи, окончил юридический факультет Московского университета (1885). Работал земским начальником, избирался гласным в уездных и губернских земствах Тульской губернии. С 1900 по 1906 годы возглавлял Тульскую губернскую земскую управу. В 1906 году был избран в Государственную думу от Конституционно-демократической партии. В Государственной думе входил в аграрную, продовольственную комиссии, а также комиссию по росписи доходов и расходов (по бюджету). После роспуска первой Думы Выборгское воззвание не подписал.

Занимался благотворительной деятельностью, в т. ч. участвовал в организации оказания помощи голодающим, переселенцам. В 1913 году баллотировался на пост московского городского головы, однако его кандидатура была отклонена министром внутренних дел Маклаковым (см.: Государственная дума Российской империи, 1906–1917: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. С. 352).

После описываемых в этих очерках событий выехал в Тюмень, где был арестован, после освобождения прибыл в Омск, затем по просьбе Колчака отправился в США на переговоры об оказании военной помощи Белому движению. Впоследствии выехал во Францию. Умер в 1925 году в Париже.

997

См.: *Набоков В. Д.* Временное правительство: Воспоминания. М.: Центрполиграф, 2022. С. 30–32.

Милюков П. Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. С. 52.

999

Нольде Б. Э. В. Д. Набоков в 1917 г. // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. Берлин, 1921–1937. Том 7 (1922). С. 7–8.

1000

Дневники императора Николая II / Сост., коммент., примеч., перечень имен, список сокр. В. П. Козлова и др.; общ. ред. и предисл. К. Ф. Шацилло. М.: Орбита, 1992. С. 625.

1001

См.: *Крашенинников П. В.* Время великих реформ. Золотой век государства и права. М.: Эксмо, 2023. С. 144–150.

1002

Кистяковский Б. А. Социальные науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М.: М. и С. Сабашниковы, 1916. С. 374.

1003

Антонов М. В. Социологические мотивы учения о праве Ганса Кельзена // Юридический позитивизм и конкуренция теорий права: история и современность (к 100-летию со дня смерти Г. Ф. Шершеневича). Материалы VI Международной научно-практической конференции: в 3 ч. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2012. Ч. 1. С. 185.

1004

См.: *Крашенинников П.* Серебряный век права. М.: Статут, 2017.

1005

Избранные выступления депутатов Государственной думы с 1906 года до наших дней / Под общ. ред. С. Е. Нарышкина. М.: Гос. Дума, 2013. С. 13–14.

1006

См.: *Милюков П. Н.* Сергей Андреевич Муромцев: Биографический очерк // Сергей Андреевич Муромцев: Сб. ст. М.: М. и С. Сабашниковы, 1911. С. 4.

1007

Милюков П. Н. Сергей Андреевич Муромцев: Биографический очерк // Сергей Андреевич Муромцев: Сб. ст. М.: М. и С. Сабашниковы, 1911. С. 7.

1008

Рудоквас А. Д. Сергей Андреевич Муромцев и его книга «Гражданское право древнего Рима» // Муромцев С. А. Гражданское право древнего Рима. М.: Статут, 2003. С. 8.

С. А. Муромцев посвятил Н. И. Крылову и Р. Иерингу «за благосклонность, с которою они дозволили мне обращаться к ним за разрешением некоторых, ставших на пути моей работы, недоумений и содействовали их устранению» книгу «О консерватизме римской юриспруденции. Опыт по истории римского права» (М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1875).

1009

Муромцев С. А. Определение и основное разделение права // Муромцев С. А. Избранное / Вступ. слово, сост. П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2015. С. 260–299.

1010

См.: *Зорькин В. Д.* Муромцев. М.: Юрид. лит., 1979. С. 12–14 (Сер. «Из истории политической правовой мысли»); см. также: Зорькин В. Д. У истоков буржуазной социологии права (концепция С. А. Муромцева) // Вестник Московского ун-та. Сер. Право. 1978. № 2. С. 21–29.

1011

Шершеневич Г. Ф. С. А. Муромцев как ученый // Сергей Андреевич Муромцев: Сб. ст. М.: М. и С. Сабашниковы, 1911. С. 84.

1012

Муромцев С. О консерватизме римской юриспруденции. Опыт по истории римского права. М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1875. С. 3–4.

В современной России эта работа была опубликована издательством «Статут» в 2003 году.

1014

Московское юридическое общество было организовано в 1863 году как первое объединение отечественных юристов, в 1875 году при его активном содействии в Москве был проведен первый съезд русских юристов.

1015

Рапорт цитируется по работе: Каблукова Н. А. В Московском юридическом обществе // Сергей Андреевич Муромцев: Сб. ст. М.: М. и С. Сабашниковы, 1911. С. 135.

1016

Муромцев проходил в председатели единогласно, предложенный 426 записками из 436 присутствующих (цит. по: Цитрон А. 72 дня первого русского парламента. 3-е изд. СПб: Баум, 1906. С. 7).

1017

См.: *Кизеветтер А. А.* Сергей Андреевич Муромцев, [1850–1910], председатель Первой Государственной думы: [к 3-лет. годовщине со дня смерти]. М.: тип. П. П. Рябушинского, 1913. С. 14.

1018

Кизеветтер А. А. Политическая деятельность до Государственной думы // Сергей Андреевич Муромцев: Сб. ст. М.: М. и С. Сабашниковы, 1911. С. 108–109.

1019

Винавер М. М. Отрывок из «Истории Выборгского воззвания» // Сергей Андреевич Муромцев: Сб. ст. М.: М. и С. Сабашниковы, 1911. С. 334–335.

1020

Муромцев С. А. Статьи и речи. В 5 вып. Вып. 2. М.: Тип. о-ва распростр. полезн. кн., 1910.

1021

См.: *Цицчук Р. А.* Габриэль Шершеневич: ученый, педагог, политик // Мировое политическое и культурное пространство: история и современность: материалы Международной научной конференции 23–25 мая 2006 г. / Под ред. И. И. Шарифжанова. Казань: Казанский государственный университет, 2007. С. 69.

1022

См.: *Хабибуллина А. Ш., Челышев М. Ю., Эстулин И. В.* Габриэль Феликсович Шершеневич: годы жизни, учебы, творчества в Казани // Научные воззрения профессора Г. Ф. Шершеневича в современных условиях конвергенции частного и публичного права. К 150-летию со дня рождения: Сб. материалов Междунар. науч. – практ. конф. (г. Казань, 1–2 марта 2013 г.). М.: Статут, 2014. С. 20.

1023

Крашенинников П. В. Время великих реформ. Золотой век государства и права. М.: Эксмо, 2023. С. 180–199.

1024

Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права. Казань, 1893. С. 117.

1025

Свои теоретические взгляды Шершеневич изложил во множестве работ среди которых: «История философии права» (1904–1905), «Наука гражданского права в России» (1893), «Курс торгового права» (1899), «Общая теория права» (1910–1912) в четырех выпусках, «Общее учение о праве и государстве» (1911) и др. Ряд работ Шершеневич посвятил конкретным проблемам теории права: «О применении норм права» (1893), «Общее определение понятия о праве» (1896), «О чувстве законности» (1897) и др.

Как ни удивительно, но такая позиция вполне согласовывалась с его политическими воззрениями: ведь конституционное, правовое государство было важнейшей программной целью партии кадетов, членом которой Шершеневич не только являлся, но и был участником разработки этой самой программы.

1027

Шершеневич Г. Ф. Общая теория права // Шершеневич Г. Ф. Избранное. Т. 4 / Вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. 2-е изд, испр. М.: Статут, 2017. С. 275.

1028

Там же. С. 311.

1029

Шершеневич Г. Ф. С. А. Муромцев как ученый // Сергей Андреевич Муромцев: Сб. ст. М.: М. и С. Сабашниковы, 1911. С. 80.

1030

См.: *Хабибуллина А. Ш., Челышев М. Ю., Эстулин И. В.* Габриэль Феликсович Шершеневич: годы жизни, учебы, творчества в Казани // Научные воззрения профессора Г. Ф. Шершеневича в современных условиях конвергенции частного и публичного права. К 150-летию со дня рождения: Сб. материалов Междунар. науч. – практ. конф. (г. Казань, 1–2 марта 2013 г.). М.: Статут, 2014. С. 23–24.

1031

Шершеневич Г. Ф. О желательной постановке высшего юридического образования // Право. 1900. № 4. С. 205–217.

1032

Краснокутский В. Габриэль Феликсович Шершеневич. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского Университета за 1912 г. М.: Право, 1913. Отдел некрологов.

1033

Винавер М. Венок на могилу Шершеневича // Сборник статей по гражданскому и торговому праву: Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича. М.: Статут, 2005. С. 15.

1034

Разница в возрасте Шершеневича и Гойхбарга составляла 20 лет, однако это не помешало им общаться как по правовым, так и по политическим вопросам. Шершеневич, как мы уже увидели, написал огромное количество работ, Гойхбарг – намного меньше. Шершеневич был членом первой Государственной думы, Гойхбарг сотрудничал с этой Думой как эксперт. Во второй Думе Шершеневич помогал коллегам по партии, Гойхбарг занимался в том числе правовыми вопросами, будучи секретарем председателя фракции РСДРП И. Г. Церетели. Пик юридической карьеры, впрочем, как и падение А. Г. Гойхбарга, пришелся на начальный период советской эпохи, когда наряду с публикациями он на первых ролях участвовал почти во всех кодификациях 1918 года – 20-х годов прошлого столетия. Впоследствии, видимо «в знак благодарности», советское правительство отправило Гойхбарга в Казанскую психиатрическую больницу (см.: *Крашенинников П.* Страсти по праву: Очерки о праве военного коммунизма и советском праве. 1917–1938. М.: Статут, 2018. С. 59–60; *Шилохвост О. Ю.* Александр Гойхбарг. Горькая судьба красного Трибониана: биография создателя первого советского Гражданского кодекса. М.: Статут, 2020).

1035

Винавер М. М. Недавнее (Вспоминания и характеристики). Пг., 1917. С. 212.

1036

Винавер М. М. Габриэль Феликсович Шершеневич // Винавер М. М. Из области цивилистики; Недавнее (воспоминания и характеристики) / Сост. и авт. вступ. ст. А. Л. Маковский. М.: Статут, 2015. С. 363.

1037

Об А. М. Винавере (1883–1947) см.: *Крашенинников П. В.* Заповеди советского права: очерки о государстве и праве военного и послевоенного времени. 1939–1961. М.: Статут, 2019. С. 175–188.

1038

Ледницкий А. Р. С. А. Муромцев в тюрьме // Сергей Андреевич Муромцев: Сб. ст. М.: М. и С. Сабашниковы, 1911. С. 353.

1039

От *нем.* gelehrte – ученый.

1040

Винавер М. Венок на могилу Шершеневича // Сборник статей по гражданскому и торговому праву: Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича. М.: Статут, 2005. С. 13.

1041

Габриэль Феликсович помогает Генкину и в издании одной из его первых работ. Более того, он пишет к ней предисловие [*Генкин Д. М.* Справки о торговой кредитоспособности (юридическое исследование) / Предисл. Г. Ф. Шершеневича. М.: Бр. Башмаковы, 1911]. В Казанском университете, опять-таки при содействии Шершеневича, Генкин получает звание магистра, а затем, в 1911 году, приват-доцента по кафедре гражданского права. После смерти Габриэля Феликсовича Д. М. Генкин с коллегами и соратниками А. А. Симолиным, А. В. Завадским, В. Н. Шретером, Н. Я. Башмаковым в 1915 году организовали подготовку «Сборника статей по гражданскому и торговому праву: памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича» и издали его вместе с другими коллегами (Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича: Сб. ст. по гражд. и торговому праву М. М. Агаркова, С. А. Беляцкина, проф. Е. В. Васьковского, А. Э. Вормса, доц. Д. М. Генкина, проф. Д. Д. Гримма, прив. – доц. В. П. Доманжо, прив. – доц. А. В. Завадского, проф. А. И. Каминки, проф. М. Я. Пергамента [и др.]. М.: Бр. Башмаковы, 1915). О Дмитрии Михайловиче Генкине см.: *Крашенинников П. В.* Советское право. Итоги: очерки о государстве и праве. 1962–1984. М.: Статут, 2020. С. 138–147.

1042

Шершеневич В. Ангел катастроф: Избранное / Сост., вступ. ст., примеч. В. Дроздкова. М.: Независимая служба мира, 1994. С. 5.

1043

Государственная дума Российской империи, 1906–1917: энциклопедия / Редкол.: В. В. Шелохаев (отв. ред.) [и др.]. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. С. 696.

1044

О захоронении Г. Ф. Шершеневича и его поисках см.: Крашенинников П. 12 апостолов права. М.: Статут, 2016. С. 125–126.

1045

См.: *Петражицкий А. С.* Очерк истории семьи Льва Иосифовича Петражицкого // Правоведение. 2017. № 2 (331). С. 202–205.

1046

Петражицкий А. С. Очерк истории семьи Льва Иосифовича Петражицкого // Правоведение. 2017. № 2 (331). С. 206.

1047

См.: *Ем В. С., Долгов А. Г., Рогова Е. С.* «Крупнейшая величина в области юридических и вообще гуманитарных наук…» // Петражицкий Л. И. Права добросовестного владельца на доходы с точки зрения догмы и политики гражданского права. М.: Статут, 2002. С. 8–9.

1048

См.: *Зорькин В. Д.* Теория права Н. М. Коркунова // Правоведение. 1978. № 3. С. 81.

1049

См.: *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. СПб: Тип. СПб. акц. общ. «Слово», 1907. С. 242–308.

1050

Тревиньо А. Х. Актуальность классиков для современной социологии права: американский контекст // Правоведение. 2013. № 5. С. 28.

1051

Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. СПб: Тип. СПб. акц. общ. «Слово», 1907. С. 17.

1052

Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. СПб: Тип. СПб. акц. общ. «Слово», 1907. С. 30.

1053

Петражицкий Л. И. Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права. Электронный ресурс: http://civil.consultant.ru/elib/books/12/page_33.html.

1054

См.: *Азаркин Н. М.* История юридической мысли России: Курс лекций. М.: Юрид. лит., 1999. С. 425–433.

1055

См.: *Красовицкая Н.* Социологическая школа права в России: Л. И. Петражицкий (1867–1931) // Рубеж (альманах социальных исследований, Сыктывкар). 1997. № 10–11. С. 27.

1056

См.: *Антонов М. В.* История правовой мысли России: Конспект лекций. М.; СПб: НИУ ВШЭ, 2012. С. 201.

1057

См.: *Красовицкая Н.* Социологическая школа права в России: Л. И. Петражицкий (1867–1931) // Рубеж (альманах социальных исследований) (Сыктывкар). 1997. № 10–11. С. 28.

1058

Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. СПб: Тип. СПб. акц. общ. «Слово», 1907. С. 148.

1059

См.: *Овчинникова А. В.* Проблемы правогенеза и онтологии права в психологической теории Л. И. Петражицкого: Дис… канд. юрид. наук. СПб, 2006.

1060

Петражицкий А. С. Очерк истории семьи Льва Иосифовича Петражицкого // Правоведение. 2017. № 2 (331). С. 208.

1061

См.: *Ем В. С., Долгов А. Г., Рогова Е. С.* «Крупнейшая величина в области юридических и вообще гуманитарных наук…» // Петражицкий Л. И. Права добросовестного владельца на доходы с точки зрения догмы и политики гражданского права. М.: Статут, 2002. С. 31.

1062

О судьбе этой работы см.: *Гаджиев Г. А.* Предисловие // Петражицкий Л. И. О комплементарных культурных течениях и закономерностях развития торговли / Пер. с польск. [: Я. В. Болдинов]; под ред. проф. Г. А. Гаджиева. М.: Статут, 2020. С. 5–7.

1063

Петражицкий Л. И. О комплементарных культурных течениях и закономерностях развития торговли / Пер. с польск. [: Я. В. Болдинов]; под ред. проф. Г. А. Гаджиева. М.: Статут, 2020.

Впервые эта работа была опубликована в Варшаве Ежи Финкелькраутом в 1936 году.

1064

Шершеневич Г. Ф. История философии права. 2-е изд. СПб: Издание Бр. Башмаковых, 1907. С. 5.

1065

Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. М.: Унив. тип., 1901. С. 2.

1066

Новгородцев П. И. Нравственный идеализм в философии права // Исследования по истории русской мысли. Т. 8. Проблемы идеализма: Сб. ст. С. Н. Булгакова, Е. Н. Трубецкого, П. Г. [П. Б. Струве и др.] [М., 1902] / Под ред. П. И. Новгородцева. М.: Модест Королев; Три Квадрата, 2002. С. 507–521.

1067

Цит. по: *Соловьёв К. А.* Жизнь и учение Павла Новгородцева. Единство правового и… вечного? Русская юридическая школа. Электронный ресурс: http://gefter.ru/archive/14709.

1068

Алексеев Н. Н. В бурные годы // Новый журнал. 1958. № 53. С. 177.

1069

Протоколы заграничной группы Конституционно-демократической партии, 1923–1933: В 6 т. М.: Прогресс-академия, 1994–1999. Т. 6. Кн. 2. С. 253.

1070

Цит. по: *Соловьёв К. А.* Жизнь и учение Павла Новгородцева. Единство правового и… вечного? Русская юридическая школа. Электронный ресурс: http://gefter.ru/archive/14709.

1071

Лисица Ю. Т. Иван Александрович Ильин: историко-биографический очерк // Ильин И. А. Сочинения: В 10 т. М.: Русская книга, 1993–1999. Т. 1. С. 6.

1072

Государственная дума России, 1906–2006: энциклопедия: в 2-х т. / Науч. ред. Б. Ю. Иванов, А. А. Комзолова, И. С. Ряховская. М.: Рос. полит. энциклопедия, 2006. Т. 1. Государственная дума Российской империи, 1906–1917. С. 432.

1073

Новгородцев П. И. Законодательная деятельность Государственной думы // Первая Государственная дума. Вып. 2. СПб: Муханов и Набоков, 1907. С. 11.

1074

Новгородцев П. И. Нравственный идеализм в философии права // Исследования по истории русской мысли. Т. 8. Проблемы идеализма: Сб. ст. С. Н. Булгакова, Е. Н. Трубецкого, П. Г. и П. Б. Струве и др. М., 1902 / Под ред. П. И. Новгородцева. М.: Модест Королев; Три Квадрата, 2002. С. 522.

1075

Новгородцев П. И. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 374.

1076

Цит. по: *Соловьёв К. А.* Жизнь и учение Павла Новгородцева. Единство правового и… вечного? Русская юридическая школа. Электронный ресурс: http://gefter.ru/archive/14709.

1077

Новгородцев П. И. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 385.

1078

Там же. С. 398.

1079

Новгородцев П. И. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 234–235.

Там же. С. 58.

1081

Новгородцев П. И. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 138–139.

1082

Там же. С. 73.

1083

Там же. С. 145–146.

1084

Там же. С. 365.

1085

См.: *Новгородцев П. И.* Право на достойное человеческое существование // Новгородцев П. И. Сочинения / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. М. А. Колеров, Н. С. Плотников. М.: Раритет, 1995. С. 322.

1086

Там же. С. 324.

1087

Протоколы заграничной группы Конституционно-демократической партии, 1905 – середина 1930-х гг. В 6 т. М.: Прогресс-академия, 1994–1999. Т. 6. Кн. 2. С. 256–257.

Там же. С. 255; Т. 3. С. 384.

1089

Ильин И. А. Памяти П. И. Новгородцева // Русская мысль. Берлин, 1924. № IX–XII. С. 273.

1090

Новгородцев П. И. Демократия на распутье // Новгородцев П. И. Сочинения / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. М. А. Колеров, Н. С. Плотников. М.: Раритет, 1995. С. 95.

1091

Соловьёв К. А. Жизнь и учение Павла Новгородцева. Единство правового и… вечного? Русская юридическая школа. Электронный ресурс: http://gefter.ru/archive/14709.

1092

Протоколы заграничной группы Конституционно-демократической партии, 1905 – середина 1930-х гг. В 6 т. М.: Прогресс-академия, 1994–1999. Т. 6. Кн. 2. С. 71.

1093

Новгородцев П. И. О своеобразных элементах русской философии права // Новгородцев П. И. Сочинения / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. М. А. Колеров, Н. С. Плотников. М.: Раритет, 1995. С. 374–375.

1094

См.: *Соловьёв К. А.* Жизнь и учение Павла Новгородцева. Единство правового и… вечного? Русская юридическая школа. Электронный ресурс: http://gefter.ru/archive/14709.

1095

Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний / Предисл. и коммент. А. Виноградова. М.: Современник, 1991.С. 162–163.

1096

См.: *Крашенинников П. В.* Право и революция: Очерки о государстве и праве. 1985–2000. В 2 т. М.: Статут, 2022. Т. 1. С. 8–18.

1097

«Важнейшим моментом в системе мер по выживанию были помещичьи ссуды натурою: зерном, скотом или птицею. Это не было со стороны помещика актом некоей благотворительности, так как через год или два ссуда возвращалась, а иногда и с прибылью. Однако данная вовремя ссуда позволяла выжить попавшим в беду крестьянам… Совместными действия барина и крестьянской общины были в случае помощи погорельцам… Весьма существенным направлением борьбы с бедностью являлся запрет вотчинником разделов крестьянских дворов… В великорусской деревне всегда были нищие в силу самых разных превратностей судьбы. Они также были в сфере внимания» (*Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. Электронный ресурс: https://history.wikireading.ru/56347?ysclid=lbvaw5c9l7274230666).

1098

Крестьянское самоуправление в рамках сельской общины существовало задолго до этого. Община регулярно помогала своим членам, попавшим в беду в силу различных обстоятельств. Древнейшую традицию имел в России обычай помочей с его принципом «все у всех», с поочередной отработкой на других помочах.

1099

Витте С. Ю. Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка министра финансов статс-секретаря С. Ю. Витте (1899). 2-е изд. Штутгарт, 1903. С. 197–199. Электронный ресурс: https://vtoraya-literatura.com/pdf/witte_samoderzhavie_i_zemstvo_1903_ocr.pdf.

1100

Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. М., Иерусалим: Мосты. 1994. С. 161.

1101

См.: *Зиновьев К.* Россия накануне революции. London, Overseas Publications Interchange Ltd. 1983. С. 47.

1102

Так, например, миллионер-текстильщик Сергей Щукин (1851–1936) специализировался по непризнанным и забракованным художникам. Его громадная коллекция французских импрессионистов и кубистов создана была им наперекор совету крупнейших экспертов, когда художники вроде Брака и Пикассо были совсем неизвестны. Таким образом и Шагал нашел первого своего покровителя в лице Ивана Морозова (1871–1921) в то время, когда художник настойчиво, но безуспешно старался найти признание своего таланта (*Зиновьев К.* Россия накануне революции. London, Overseas Publications Interchange Ltd. 1983. С. 51).

1103

См.: *Долгий В. М., Левада Ю. А., Левинсон А. Г.* Урбанизация как социокультурный процесс // Урбанизация мира / Отв. ред. Г. М. Лаппо и др. М.: Мысль, 1974. (Вопр. географии. Сб. 96). С. 19–31.

1104

См.: *Толмачёв Е. П.* Александр III и его время. М.: Терра-Книжный клуб, 2007. С. 515–535.

1105

Вообще-то, термин «лишние люди» по большей части литературоведческий и обозначает определенный типаж литературных героев вроде Онегина, Печорина, Бельтова и пр. Их главные черты: отчуждение от официальной России, от родной среды (обычно дворянской), чувство интеллектуального и нравственного превосходства над ней и в то же время – душевная усталость, глубокий скептицизм, разлад слова и дела. В контексте наших очерков речь идет о реальных людях, и если уж сопоставлять с ними литературного героя, это скорее Чацкий из «Горя от ума» Грибоедова.

1106

Толмачёв Е. П. Александр III и его время. М.: Терра-Книжный клуб, 2007. С. 507–511.

1107

Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998 (Раздел V «Система управления». XXXIV «Сочетание бюрократических и общественных сил. Самодержавие и самоуправление»). Электронный ресурс: https://www.litmir.me/br/?b=121064&p=154.

1108

«К прискорбию нашему, значительная часть состава второй Государственной думы не оправдала ожиданий наших. Не с чистым сердцем, не с желанием укрепить Россию и улучшить ее строй приступили многие из присланных от населения лиц к работе, а с явным стремлением увеличить смуту и способствовать разложению государства. Деятельность этих лиц в Государственной думе послужила непреодолимым препятствием к плодотворной работе. В среду самой Думы внесен был дух вражды, помешавший сплотиться достаточному числу членов ее, желавших работать на пользу родной земли… Но веря в любовь к родине и государственный разум народа нашего, мы усматриваем причину двукратного неуспеха деятельности Государственной думы в том, что по новизне дела и несовершенству избирательного закона законодательное учреждение это пополнялось членами, не явившимися настоящими выразителями нужд и желаний народных… Все это побудило нас Указом, данным Правительствующему Сенату 3 сего июня, Государственную думу второго созыва распустить, определив срок созыва новой Думы на 1 ноября сего 1907 г.» (Манифест «О роспуске Государственной думы, времени созыва новой Думы и об изменении порядка выборов в Государственную думу» от 3 июня 1907 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 27. СПб., 1910. № 29240. С. 319–320).

1109

Сорокин П. Социология революции. М.: Территория будущего; РОССПЭН, 2005. С. 399.

1110

Постановление о прекращении уголовного дела № 18/123666–93 «О выяснении обстоятельств гибели членов Российского императорского дома и лиц из их окружения в период 1918–1919 годов», п. 6. Электронный ресурс: http://www.nik2.ru/documents.htm?id = 267.